

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

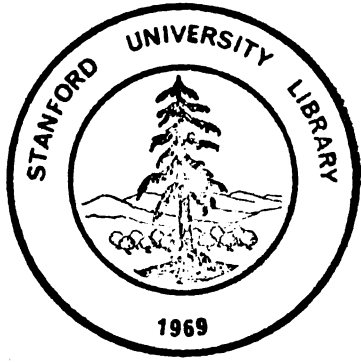
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 6105 128 007 080

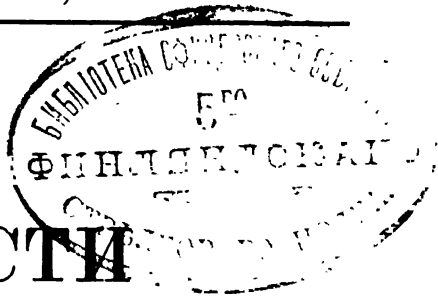

Russ. misc.

Квитка, 7

СОЧИНЕНІЯ
Григорія Федоровича Квитки.

(р. 1778, † 1843).

ПОВѢСТИ

и

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

Грицька Основьяненка.

ТОМЪ V.

Изданіе Харьковскаго Уѣднаго Земства въ пользу народнаго училища, учрежденнаго на Основѣ въ память Григорія Федоровича Квитки (Основьяненка).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Зильберберга, Рыбная ул., № 25-й.

1894.

48

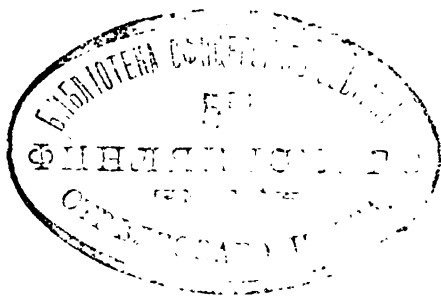
Дозволено цензурою. Київ, 23-го Сентября 1893 года.

PG 3948

т. 87

1887

v. 5

ОГЛАВЛЕНИЕ V-го ТОМА.

ПОВѢСТИ и ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

	Стр.
Панъ Халявскій, романъ въ 2-хъ частяхъ	1
Шельменко волостной писарь, комедія въ 3-хъ дѣйств.	257
Шельменко денщикъ, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ	305
Мертвецъ-шалунъ, шутка въ двухъ дѣйствіяхъ	375

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
4	6 св.	по старикѣ бы	по старинѣ бы
15	4 сн.	рукава съ велетами	рукана съ вылетами
16	9 св.	запасочки	запасочки
„	14 сн.	„ляхавка“	„ляхинка“
17	5 сн.	на лицѣ	на лицѣ
23	4 сн.	волковникѣ	полковникѣ
32	13 св.	маятностями	маетностями
34	17 сн.	образумтеса	образумьтеса
39	11 св.	увидѣвъ	увидѣвъ
„	9 сн.	дитина	дытына
40	11 св.	двойной	отъ двойной
43	6 св.	дарованіе	дарованія
47	10 св.	пвтораля	повторяля
50	9 св.	„вдоваль“	„вдаваль“
„	20 св.	врея	время
64	13 сн.	весма	весьма
69	2 сн.	ткнули	ткнули
88	17 св.	нугуры	натуры
92	8 сн.	въ „кишене“	въ „кишенѣ“
104	11 сн.	чудесія	чудасія
115	18 сн.	гунствать	гунствотѣ
177	7 св.	въ дмѣ	въ домѣ
293	7 св.	знаешъ	знаешъ
306	5 св.	Тимофѣй	Тимофей
364	14 сн.	спражня	справжня
365	19 св.	курсы	куры
368	5 сн.	за тѣмъ	затѣмъ

ПАНЪ ХАЛЯВСКІЙ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ*)

Тыфу ты пропасть, какъ я посмотрю! — Не наудишься, право, какъ свѣтъ измѣняется!... Да во всемъ: и въ просвѣщеніи, и въ обхожденіи, и во вкусѣ, и въ политикѣ, такъ что не успѣешь приглядѣться къ чему-нибудь, смотри: уже опять новое. Вонъ, чтобъ не далеко ходить, у моего сосѣда, у Марка Тихоновича, отъ дѣда и отца домъ былъ обмазанъ желтою глиною; ну вотъ и былъ, вотъ мы всѣ смотрѣли, видѣли и знали, что онъ желтый; какъ вдругъ, поди! — онъ возьми его, да и выбѣли! И сталь теперь бѣлый, вотъ какъ бумага. Кто ихъ знаетъ? А всѣ сосѣдки поговариваютъ, что чуть ли это не молодая невѣстка — что недавно сына женили — такъ не она ли выкинула этакую штуку? И то станется: она въ пансіонѣ воспитывалася, любить все перемѣнять.

Всѣ гоняются за просвѣщеніемъ. Дяденька мой, Оома Лукичъ, и сохрани Богъ подать одну свѣчу въ комнату! — «Тоска, голубчикъ, беретъ — тотчасъ скажетъ — при одной свѣчкѣ сидѣть: и на томъ свѣтѣ насидимся во тьмѣ, подавай побольше». Вотъ и подадутъ четыре свѣчи ему, да по двѣ въ проходную, да въ столовую, да сюда, да туда, анъ сколько въ вечеръ сгорить? А вѣдь что четыре свѣчи, то и фунтъ. А къ чему, а на что? — Мой троюродный братецъ, Василій Дмитріевичъ, затѣялъ домъ о двѣнадцати повояхъ, да о двадцати окнахъ. — «Не люблю тьмы — разсуждаетъ братецъ мой — свѣтло, такъ свѣтло». — Такъ, ни слова. Но зимою каково? Лишнее окно зимнее, стекла, обмазка, да и дровъ больше нужно, нежели въ уютной обѣ одномъ, о-двухъ окнахъ комнатѣ. Сосѣдъ мой, Трофимъ Ивановичъ,

*) Первая часть романа „Панъ Халивскій“ напечатана первый разъ въ 4-мъ томѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1839 годъ.

ни одни именины и рожденія въ семьѣ его не празднуются безъ плошекъ и смоляныхъ бочекъ.—«Пускай—говорить—всѣмъ свѣтло, когда я гуляю».—Такъ, мысль прекрасная! Но, дяденька, братецъ и сосѣдушка, сосчитайте, что у васъ на ваши прихоти лишняго въ годъ изойдетъ, такъ вотъ вамъ и просвѣщеніе! А по стариеѣ бы? Передъ собою огарочекъ, гдѣ ночничокъ, а гдѣ изъ другой и третьей комнаты позаимствоваться свѣтомъ. Въ комнатахъ не окна, а окошечки; да и то въ залѣ—два, три, а у прочихъ и по одному. Къ чему бочки и плошки? Была бы кухня исправна, найдутся усердные поздравители и нажелаютъ столько, что и на два вѣка вдоволь. Такъ куда!

Объ образованіи и говорить нечего. Взгляните на всѣхъ нашихъ паничей, пріѣзжающихъ на вакаціи изъ университета: тотъ ли образъ и подобіе у нихъ, какой былъ у насъ, отцовъ ихъ? Гдѣ—косы, гдѣ—плетешки, гдѣ выстриженный и взъерошенный вержетъ?—Измѣнилось, измѣнилось образованіе!

Вкусъ также потерянь. Гдѣ прежнія водки—красная мастихинная, кардамонная съ золотомъ, ивбирная коричневая, зеленая? Еще только внесутъ этотъ судокъ съ шестью карафинами—и называвшійся прилично: кабачокъ—такъ по комнатамъ пойдетъ аромать, истинно аромать, какъ теперь обоняю. А когда станешь пить, то 'право слово—наслажденіе! Одной выпьешь, уже на другую позываетъ. Да, выпивши, устъ не разведешь, такъ и слипнутся. А теперь? Хотя бы и у нашего предводителя, что это за водка? Совсѣмъ отличнаго колера, не прежняго вкуса. О винахъ говорить нечего. Хороши, канальскія,—да все уже не тотъ, не прежній вкусъ, которымъ мы наслаждались, пивши наши наливки!—Нѣтъ, именно, измѣнился вкусъ!

Политика приняла совсѣмъ другое направленіе—если говорить шотландскимъ языкомъ, а просто—перемѣнилась вовсе. Прежде бывало такъ: святками, вотъ я и поѣду къ сосѣду, у кого, по очереди, всѣ стѣхались. Вхожу, разшаркаюсь, всѣмъ общій поклонъ, да и пошелъ къ ручкамъ всѣхъ дамъ и дѣвицъ подходить, какъ сидятъ въ рядъ, знакомыхъ и незнакомыхъ; да и какая мнѣ нужда, что она незнакома? всѣмъ дѣлаешь честь и бережешься, чтобы не пропустить

ни одной и тѣмъ безъ умысла не обидѣть. Иная, прїѣхавъ недавно, не успѣла теплыхъ перчатокъ снять; по раду подойдешь къ ней: вотъ она хватъ-хватъ за перчатку, рука вспотѣла, пальцы отекли, перчатка не слѣзаетъ; ужъ она и зубами тащить, ужъ она и рветъ ее, а перчатка, хоть ты что, такъ не лѣзетъ!—Видишь, что бѣдная барышня мучится. вся вспотѣла, отъ конфузїи покраснѣла, какъ калина, сжалишься надъ нею, скажешь:—«не безпокойтесь сударыня! Все равно, пожалуйте и такъ». И хотя въ перчатку, да сдѣлаешь честь,—поцѣлуешь. Тутъ же, только тебя усадили за жирные пироги, изъ которыхъ сокъ такъ и течетъ отъ избыточной приправы масла и сметаны, вдругъ входитъ одна изъ дочерей хозяйскихъ, или и чужая барышня, которой не было при моемъ прїѣздѣ, и я съ нею не видался (т. е. не подходилъ къ ея рукѣ), то я бросаю пирогъ, и, какъ салфетки при завтракѣ не бываетъ, обтираю свой замасленный и засметанный ротъ носовымъ платкомъ, а если позабылъ его дома, то ладонью, и подхожу къ ручкѣ новопришедшей барышни. Не дай Богъ кого пропустить! Тотчасъ прозовутъ гордымъ. Оно-таки и вѣжливо, политика того требуетъ; а теперъ и политика измѣнилася!

Опредѣлился въ нашъ земскій судъ секретаремъ, изъ приказныхъ гражданской палаты, молодой человекъ, какъ бы ни было, губернскій секретарь. Вотъ, какъ нужный человекъ, мы давай его приглашать. Въ первый сѣздъ, вотъ у Тимоея Васильевича... нѣтъ, лгу—у Петра Степановича—смотримъ: онъ входитъ... вѣдь то-то и жаль! Роста и фигуры порядочной,—немного прихрамываетъ, но въ бланжевыхъ нанковыхъ широкихъ брюкахъ; жилетъ—изъ красной аладжи. въ бѣлой, хорошо собранной манишкѣ; блестящія перламутровыя на ней пуговики и булавка съ изображеніемъ мухи—простой, но такъ натурально сдѣланной, словно вотъ живая прилетѣла и сѣла; скюртучекъ на немъ голубаго камлота, ловко сшитый, на распашку; по всему-таки видно, что этотъ человекъ бывалъ въ губернскомъ городѣ въ лучшихъ обществахъ. Пожалуйте; къ чему это я его привелъ?... Да! вотъ такой-то человекъ вошелъ въ наше общество, и... кивъ-кивъ головою на всѣ стороны и сѣлъ себѣ на первомъ попавшемся стулѣ, не давъ хозяину и припросить себя, чтобы сѣлъ. Не забудьте же, что тутъ было дамъ и дѣвиць слиш-

комъ около двадцати, и много ему уже знакомыхъ, а онъ ни къ одной не подошелъ... Ну, боюсь же вамъ честию, что ни къ одной не подошелъ. Не вѣрите, спросите у тѣхъ, кто тамъ былъ, всѣ вамъ то же скажутъ. Такъ вотъ—теперешняя политика въ губернскихъ городахъ! Что-жь? Этого мало. На него глядя, и наша вся молодежь по его слѣдамъ идетъ, и хотъ ты разрекомендуй, что это дескать моя жена, а это мои дочери, ничего не бывало! Подойдетъ къ самому носу хозяйки, и видитъ же, что та сняла уже перчатку и, почитай, руку протянула; нѣтъ! онъ кивнетъ головой—и вся такова!—Бѣдныя наши барышни! хотъ цѣлый день просиди въ перчаткахъ, никто не потревожитъ! Вотъ тебѣ и политика!

А обхожденіе?... О! обхожденіе вывелось. Я на все буду вамъ—какъ выражается мой старшій внукъ—буду представлять факты. Обѣдалъ я въ губернскомъ городѣ у живущаго тамъ стариннаго моего пріятели,—а, можетъ, и вы его знаете,—Осипа Дмитріевича. Что-жь? Во весь обѣдъ хотъ бы онъ разъ всталъ да обошелъ гостей, да припросилъ, чтобъ больше кушали и пили; и коли правду сказать, такъ и около себя сидящихъ не просилъ о томъ, самъ же кушалъ все исправно. Прежде же, когда, бывало, у него обѣдаютъ гости, такъ онъ не присядетъ, все обходитъ и все спрашиваетъ: «и это скушай, и того прибавь, и сего выпей». Ну, словомъ, изъ души претъ, а онъ умаливаетъ, а онъ суетъ, а онъ подкладываетъ; закормитъ, бывало, и запойтъ. Я теперь, сидя у него за обѣдомъ, надѣясь на прежнее обхожденіе, съ нѣкоторыми рюмками и блюдами пасовалъ, жду: вотъ хозяинъ встанетъ, подойдетъ, припроситъ... Не тутъ-то было!—А оттого и всталъ съ порядочною проголодью. Впередъ таковъ не буду. Правилomъ поставилъ, что подають—ѣмъ и пью, не ожидая просьбъ хозяйскихъ—и всегда доволенъ. Но какъ необходимо приноравливаться къ обычаямъ свѣта, или—какъ говорятъ внуки мои—идти за вѣкомъ, то я, по совѣту съ женою, отмѣнилъ и у себя всякое обхожденіе. На насъ глядя, и у сосѣдей оно отмѣнено. Пошли новые обычаи.

И съ нашихъ ли дней свѣтъ началъ измѣняться? Куда!... Семьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ и сколько я видѣлъ переменъ! батюшки мои!..

Какъ-то мы съ женою были въ разладѣ. Уединясь въ свой кабинетъ, я впалъ въ меланхолію и предался сравненіямъ, какъ бывало прежде и какъ идетъ нынѣ, какъ обращались мой батенька съ маменькою, какъ онѣ были имъ послушны, и какъ, напротивъ, живу я, сынъ ихъ, съ своею женою; и уже не она мнѣ, а я ей послушенъ. Это завлекло меня въ глубь событій жизни моей; предавшись воспоминаніямъ и сравнивая прошедшее съ давно-прошедшимъ, а настоящее со всѣмъ вообще прошедшимъ, увидѣлъ большую разницу. Удивленіе мое подстрекнуло меня изложить все на бумагѣ, т. е. описать главнѣйшіе періоды жизни моей, и любопытнѣйшія эпохи, или случаи, со мною встрѣчавшіеся. Пусть это будетъ старости въ наслажденіе, а юности въ наставленіе.

Начинаю съ начала, то есть отъ самаго дѣтства моего.

У нашего батеньки и маменьки насъ, дѣтей, всего было: Петруся, Павлуся, Трофимъ, Сидорюшка, Офремушка, Егорушка и Сонька, Вѣрка, Надежда и Любка; шесть сыновъ-младшцевъ и четыре дочери—всего десять штукъ. Мы, сыновья, получали имена, по-тогдашнему, по имени того дня, въ который рождались; а дочерей батенька желали имѣть по числу добродѣтелей и начали съ премудрости; были утѣшены, что уже, хотя въ супружеской ихъ жизни, явилась у нихъ любовь. Не смотря ни на что, маменька все увѣряла, что у нихъ долженъ быть еще сынъ; но когда батенька возражали на это, что уже и такъ довольно, и что не должно противъ природы идти, то маменька, не понимая ничего, потому что російской грамоты не знали, настаивали на своемъ и даже открыли, что онѣ видѣли видѣніе, что у нихъ будетъ-де сынъ и коего должно назвать Дмитрюшкою. Батенька повѣрили было маменькиному видѣнію, но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль; начали возражать, что маменькѣ явилось ложное видѣніе. Маменька плавали (онѣ были очень слезливы: чуть услышать что печальное, страшное или не по ихъ чувствамъ и волѣ, тотчасъ примутся въ слезы; такая была ихъ натура) и увѣряли, что точно должно быть у нихъ сыну, но батенька рѣшительно сказали: «это у тебя, душко, меклюдія!» Такъ батенька называли меланхолію, которой приписывали всѣ несбыточные затѣи. Тѣмъ и за-

включилось умноженіе нашего семейства въ пользѣ благосостоянія нашего.

Правду сказать, не всѣ сынки были молодцы: одинъ изъ насъ, Павлуся, былъ горбать отъ неприсмотра нянекъ, которыхъ за каждымъ изъ насъ было по двѣ, потому что батенька были богатый человекъ. Павлуся какъ-то оступился и упалъ съ крыльца, а крыльцо было высокое; съ него одинъ нашъ Сидоружка—о! да и проворная же былъ штука!—могъ только прыгать; слѣдовательно, можете посудить, какъ оно было высоко? Такъ вотъ съ этого-то крыльца Павлуся скатился внизъ и повредилъ себя. Няньки тогда не сказали маменькѣ, да уже на пятомъ году возраста его увидѣли, что у него горбъ растетъ сзади. Досталось же тогда нянькамъ! Я думаю, что если онѣ живы еще, то и теперь помнятъ благодарность батеньки и маменьки за присмотръ Павлуси.

Братъ Юрочка и сестра Любочка были у насъ послѣдніе. У всѣхъ насъ оспа была натуральная, и мы изъ рукъ ея вышли не вовсе изуродованными. Но у послѣднихъ брата и сестры оспа была прививная, о которой батенька прослышавъ, что она входитъ въ моду, захотѣли привить своимъ дѣтямъ. Для сего они приказали старому нашему Кондрату, который, по наслышкѣ, рвалъ зубы и оттого назывался «цылорныкомъ», такъ этому медику батенька, растолковавши, какъ они объ оспѣ слышали, приказали ему привить. Маменька плакали, убивались и нѣсколько разъ хотѣли сомлѣть (что теперь называется въ обморокъ упасть), однако не сомлѣвали, а ушли въ другую горницу и шопотомъ укоряли батеньку, что они тиранъ, живьемъ зарѣзываютъ дѣтей своихъ.

Батенька этого не слыхали, а если-бы и слышали, то это бы ихъ не удержало. Они были очень благоразумны и почитали, что никто и ничего умнѣе ихъ не выдумаетъ; и маменька въ томъ соглашались, но не во всякомъ случаѣ, какъ увидимъ далѣе.

Пожалуйте. Оспа пристала, да какая! Такъ отхлестала бѣдныхъ малютокъ и такъ изуродовала, что страшно было смотрѣть на нихъ. Маменька, когда увидѣли сихъ дѣтей своихъ, то, вздохнувши тяжело, покачали головою и сказали:

— А что мнѣ въ такихъ дѣтяхъ? хоть брось ихъ! Вотъ уже трехъ моихъ рожденій выкидываю изъ моего сердца, хотя и они кровь моя. Какъ ихъ любить наравнѣ съ прочими дѣтьми! Пропали только мои труды и болѣзни!

И маменька навсегда сдержали слово: Павлусю, Юрочку и Любочку онѣ никогда не любили за ихъ безобразіе.

Насъ воспитывали со все́мъ стараніемъ и заботливостью и, правду сказать, не щадили ничего. Утромъ всегда уже была для насъ молочная каша, или лапша въ молокѣ, или яичница. Мясa по утрамъ не давали для здоровья, и хотя мы съ жадностью выжидали къ оловянному блюду, въ коемъ была наша пища, и скоро уписывали все, но няньки подливали намъ снова и заставляли, часто съ толчками, чтобы мы еще ѣли, потому, — говорили онѣ, — что маменька съ нихъ будетъ взъискывать, когда дѣти мало покушали изъ приготовленнаго. И мы, напужась и собравшись съ силами, еще ѣли до самаго нѣльзя.

Послѣ завтрака насъ вели къ батенькѣ челомъ отдать, а потомъ, за тѣмъ же, къ маменькѣ. Какъ же маменька любили плотно позавтракать и всегда въ одиночку, безъ батеньки, то мы и находили у нея либо блины, либо пироги, а въ постные дни пампушки или горофяники; маменька и удѣляли намъ порядочныя порціи и приказывали, чтобы тутъ же при нихъ съѣдать все, а не носиться съ пищею, какъ собака-де.

Отпустивши прочихъ дѣтей, маменька удерживали меня при себѣ и тутъ доставали изъ шкафика особую, приготовленную отлично, порцію блиновъ или пироговъ съ изобиліемъ масла, сметаны и тому подобныхъ славностей. «Покушай, душко-Трушко (Трофимушка) — приговаривали маменька, глядя меня по головкѣ: — старшіе больше ѣдятъ и тебѣ мало достается». Управившись съ этимъ, я получалъ отъ маменьки либо яблочко, либо какую-нибудь сладость на закуску и всегда съ приказаніемъ: — «съѣшь тутъ, не показывай братьямъ; тѣ, головорѣзы, отнимутъ все у тебя». Такое отличіе вразумило меня, что я маменькинъ «пѣстунчикъ» (любимецъ), что и подтвердилось потомъ. Но за что я попалъ въ такую честь, хоть убейте меня, не знаю? Видно по маменькиной комплекціи.

Отдавши челомъ батенькѣ и маменькѣ, насъ высылали въ садъ пробѣгаться. Дворовые ребятишки насъ ожидали— и начиналась потѣха. Бѣгали въ запуски, лазили по деревьямъ, ломали вѣтви, и, когда были на нихъ плоды, хотя бы еще только зародыши, то мы тутъ же ихъ и объѣдали, разоряли птичьи гнѣзда, а особливо воробынья. Птенцамъ ихъ тутъ же отеручивали головки, да и старымъ, когда излавливали, не было пощады. Насъ такъ и наставляли: маменька не одинъ разъ намъ изъясняли, что воробей между птицами то же, что жидъ между людьми, и потому щадить ихъ не должно. Маменька хотя и неграмотныя были, но имѣли отличную память: и въ старости не забывали исторій, слышанныхъ ими въ дѣтствѣ.

Среди такихъ невинныхъ игръ и забавъ насъ позовутъ объѣдать. Это всегда бывало къ полудню. Борщъ съ кормленною птицею, чудеснѣйшій, саломъ свинымъ заправленный и сметаною забѣленный—прелесть! Такихъ борщей я уже не нахожу нигдѣ. Я, по счастью моему, былъ въ Петербургѣ—не изъ тщеславія хвалюсь этимъ, а къ рѣчи пришлось—объѣдалъ у порядочныхъ людей и даже объѣдывалъ въ Лондонѣ, да не въ томъ Лондонѣ, что есть въ самой Англии городъ, а просто большой домъ, не знаю почему Лондономъ называемый, такъ я и тамъ объѣдывалъ: духа такого борща не видалъ. Гдѣ ты, святая старина!

Къ борщу подавали намъ по большому куску пшенной каши, облитой коровимъ масломъ. Потомъ мясо изъ борща разрѣжетъ тебѣ нянька кусочками на деревянной тарелкѣ, и сверху еще присолить крупною невымытою солью—тогда еще была натура; такъ и уписывай. Потомъ дадутъ ногу большого жирнѣйшаго гуся, или индюка: грызи зубами, обгрызывать кость до послѣдняго, а жиръ—вѣрите ли?—такъ и течетъ по рукамъ; когда не успѣешь обсосать тутъ же руку, то и на платьѣ потечетъ,—особливо, если нянька, обязанная утирать намъ ротъ, зазѣвается. Посмѣй же не съѣсть всего, что положено тебѣ на тарелку, то маменька, кромѣ того, что стануть бранить, а подъ сердитый часъ и ложкою шлепнуть по лбу: «ѣшь, дуракъ, не умничай», и перестанешь умничать—и выскребаешь съ оловянной тарелки, или примешься выѣдать мясо отъ кости до послѣдней плевочки. Спасибо, тогда ни у насъ и нигдѣ не было серебряныхъ ло-

жекъ, а все деревянныя: такъ оно и не больно, только загудитъ въ головѣ, какъ будто въ пустомъ котликѣ.

Послѣ обѣда батенька съ маменькой лягутъ въ спальнѣ опочивать, а дѣти идутъ въ садъ, на улицу, лезутъ по деревьямъ, плетнямъ, крышамъ избъ и тому подобное. Когда же батенька и маменька проснутся, тогда позовутъ дѣтей къ лакомству. Тутъ намъ вынесутъ или орѣховъ, или яблоковъ, пастилы, павидла, или чего-нибудь въ этомъ родѣ, и прикажутъ раздѣлиться дружно, поровну и отнюдь не ссориться. Только лишь Петруса, какъ старшій братъ, не заставляютъ дѣлать и откладывать свою часть, мы, подстаршцы, въ край, что онъ несправедливо дѣлать и для себя беретъ больше. Онъ насъ не уважить, а мы—цапъ-царапъ! и принялись хватать безъ счета и мѣры. Сестры и младшія дѣти, какъ обиженные въ этомъ раздѣлѣ, начали кричать, плакать... Батенька, слышимъ, идутъ, чтобы унять и поправить безобразие, а мы, завладѣвшіе насильно, благимъ матомъ на голубятню; встащимъ за собой и лѣстницу и, сидя тамъ, не боимся ничего, зная, что когда вечеромъ слѣземъ, то уже никто и не вспомнить о сдѣланной нами обидѣ другимъ.

Что бы мы ни дѣлили между собой, раздѣлъ всегда оканчивался ссорой и въ пользу одного изъ насъ, что заставило горбунчика-Павлусю сказать одинъ разъ при подобномъ раздѣлѣ:

— Ахъ, душечки, братцы и сестрицы! лучше бы вы скорѣе всѣ померли, чтобы мнѣ не съ кѣмъ было дѣлиться и ссориться?

Въ полдникъ намъ давали молоко, сметану, творогъ, яичницы разныхъ сортовъ—и всего вдоволь. Потомъ, къ вечеру, мы «подвечерывывали»: обыкновенно тутъ давали намъ холодное жаркое, оставшееся отъ обѣда, вновь зажареннаго поросенка и еще что-нибудь подобное. А при захожденіи солнца ужинать: галушки вздобные на молокѣ, «квасокъ» (особенное мясное кушанье съ лукомъ, и что за превкусное! Въ лучшихъ домахъ, за пышными столами, его не видать уже!), колбаса, шипящая на сковородѣ, и всегда вареники, плавающіе въ маслѣ и облитые сметаной. Приказъ отъ маменьки былъ прежній:—«ѣсть побольше; ночью-моль не дадутъ».

Описавъ домашнее наше время провозженіе, не излишнимъ почитаю изложить и о дѣлаемыхъ батенькою «банкетахъ» въ уроченные дни года. И что это были за банкеты!.. Куда! Въ нынѣшнее время и не приснится никому задать такой банкетъ, и тѣни подобнаго не увидишь; а еще говорить, что всѣ вдалися въ роскошь! Да какая была во всемъ чинность и регула!..

Когда батенька задумывали поднять банкетъ, то заблаговременно объявляли маменькѣ, которыя, бывало, тотчасъ принимаются вздыхать, а иногда и всплакнуть. Конечно, онѣ имѣли къ тому большой предлогъ. Посудите: для одного банкета требовалось курей 50, утокъ 20, гусей столько же, поросятъ 10. Кабана непременно должно было убить, нѣсколько барановъ зарѣзать и убить цѣлую яловицу. Все же — откормленное, упитанное зерномъ отборнымъ. Ахъ, какія маменька были мастерицы выкармливать птицу, или въ особенности кабановъ! Наврядъ ли изъ теперешнихъ молодыхъ барынь-хозяекъ знаютъ всѣ способы къ тому, да и занимаются ли, полно, этою важною частью?—Повѣрьте моему слову, что когда, бывало, убьютъ кабана — такъ у него, канальи, сала на цѣлую ладонь, кромѣ что все мясо поросло саломъ! А птица! пальцемъ можно было раздѣлять, а жиръ съ него во рту не помѣщается, такъ и течетъ.

Надобно сказать, что маменька не вдругъ взялись къ хозяйству, и сначала много было смѣшныхъ съ ними событий. Расскажу одинъ чувствительный анекдотъ. Вскорѣ послѣ замужества ихъ съ батенькою, пріѣхали къ нимъ семья соседей только пообѣдать. Маменька, чтобъ хорошенько ихъ угостить, призвавъ кухаря домашняго, приказали ему зарѣзать барана и изготовить, что слѣдуетъ. Кухарь, усердный человекъ къ пользамъ господъ своихъ, началъ представлять резоны, что-де мы барана зарѣжемъ, да онъ весь не потребится на столъ, половина останется и по лѣтнему времени испортится, надо будетъ выкинуть.

— Такъ ты вотъ что сдѣлай: — сказали маменька недолго думавши: — заднюю часть барана употреби на столъ, а передняя пусть живетъ и пасется въ полѣ, пока до случая.

Кухарь такъ и расхохотался, а маменька принялись додумываться, что ему такъ смѣшно; да какъ додумались и увидѣли, что онѣ сказали нелѣпое и смѣшное, такъ махнули

рукой, покраснѣли какъ вишневка и ушли отъ кухаря. Послѣ этого полно его держать, отпустили на свободу, а опредѣлили кухарку.

Пожалуйте, обратимся къ своему предмету. Вотъ какъ батенька объявлять маменькѣ о банкетѣ, то сами пошлютъ въ городъ за «городскимъ кухаремъ», какъ всѣми назывался человѣкъ, въ рангѣ чиновника, котораго всѣ чтили за его необыкновенное художество и искусство приготавливать обѣденные столы; при томъ же онъ, при исправленіи должности, подвязывалъ бѣлый фартукъ и на голову вздѣвалъ колпакъ, все довольно чистое. Этотъ кухарь явится за пять дней до банкета и, прежде всего, начнетъ гулять. Извѣстно, что три дня ему должно было погулять прежде начатія дѣла! И чего бы онъ, въ эти три дня, ни спросилъ, должно все ему поставить; иначе онъ броситъ все, уйдетъ и ни за что уже не примется. Отгулявъ три дня, приступитъ къ работѣ. Узнавъ отъ батеньки, сколько предполагается перемѣнъ при столѣ, онъ идетъ съ маменькою въ сажу, гдѣ кормится живность, и выбираетъ самъ, какою ему будетъ угодно. Помню и теперь, какъ маменька стоять у дверей сажы и, приложивъ руки къ груди, жалостно смотрять на выборъ кухаря. Когда же онъ замѣтитъ жирнѣйшую изъ птицъ и обречетъ ее на-смерть, тутъ маменька ахнуть, оботрутъ слезку изъ глазъ и не вытерпятъ, чтобъ не шепнуть: «А чтобъ ты самъ лопнулъ! Самую жирнѣйшую взялъ, теперь весь сажъ хоть брось!» Впрочемъ, маменька это дѣлали не отъ скупости и не жалѣя подать гостямъ лучшее, а такъ: любили, чтобъ всего было много въ запасъ и чтобы все было лучшее. Онѣ бывало и гостямъ хвалятся, что благословенны природою какъ изобиліемъ дѣтей, такъ и домашнимъ скотомъ, то есть птицею и проч. На завтрашній день убылое мѣсто въ сажѣ наполнится птицами, которыя по времени также будутъ выкормлены, а о взятыхъ все-таки жалѣютъ. Неизъяснимо сердце, непостижимъ характеръ хозяевъ, подобныхъ маменькѣ!

Кухарь, при помощи десятка бабъ, взятыхъ съ работы, управляется съ птицею, поросятами, кореньями, зеленью; булочница дрожитъ тѣломъ и духомъ, чтобы опара на булки была хороша и чтобы тѣсто выходилось и булки выпеклись бы на-славу; кухарка, въ другой кухнѣ, съ помощницами, также управляется съ птицею, выданною ей, но уже не

кормленную, а изъ числа гуляющихъ на свободѣ, и приготовляетъ въ большихъ горшкахъ обѣдъ особо для конюховъ гостевыхъ, для казаковъ, препровождающихъ пана полковника и прочихъ пановъ; особо и повкуснѣе для мелкой шляхты, которые прѣдутъ за панами: имъ не дозволено находиться за общимъ столомъ съ важными особами. Дворецкій, выдавъ для вычищенія большія оловянные блюда съ гербами знаменитаго рода Халявскихъ и съ вензелями прадеда, дѣда, отца папенькиныхъ и самаго папеньки, самъ остриетъ ножъ и другой про запасъ, для разбираенія при столѣ птицъ и другихъ мясъ. Ключникъ разливаетъ въ кувшины пиво и медъ изъ вновь початыхъ бочекъ, изъ которыхъ пробы носилъ уже къ папенькѣ и, по одобренію ихъ, распредѣляетъ: изъ какихъ бочекъ подавать панамъ, изъ какихъ шляхтѣ, казакамъ, конюхамъ и проч. Изъ боченковъ же, особо стоящихъ и заключающихъ въ себѣ отличные меда, липецъ сахарный и т. п., будетъ онъ выдавать къ концу стола, чтобы «уложить» гостей. Конюха на конюшенномъ дворѣ принимаютъ лучшаго овса и ссыпаютъ его въ свои закрома; заботятся о привозѣ сѣна изъ лучшаго стожка и свидываютъ его на конюшню, чтобы все это задать гостиннымъ лошадямъ по прѣздѣ ихъ, дабы люди послѣ не осуждали господъ: такіе-де хозяева, что о лошадяхъ и не позаботились.

Однимъ словомъ, всѣмъ и каждому пропасть дѣла и заботъ, а батенькѣ и маменькѣ болѣе всѣхъ. Они, каждый, за всѣмъ смотрятъ по своей части, все наблюдаютъ, и бѣда конюху, если онъ принялъ овесъ не чисто вывѣянный, сѣно луговое, а не лучшее изъ степного; бѣда ключнику, если кубки не полно нацѣжены, или для лучшаго стола приготовлены худшаго сорта напитки; бѣда булочницѣ, если булки нехорошо испечены; кухаркѣ, если страва (кушанье) для людей не такъ вкусна и не въ достаткѣ изготовлена. Одинъ «городской кухарь» не подлежитъ осмотру: ему дана полная воля готовить, что знаетъ по своему искусству, и дѣлать, какъ умѣетъ и какъ хочетъ. За то уже, чего требуетъ, все въ точности слѣшать ему выдавать, хотя маменька и не пропускаетъ, чтобы не ворчать: «А чтобы онъ подавился! какую пропасть требуетъ масла! а рыжу? а родзынковъ? видимо-невидимо! Охота же Мирону Осиповичу

поднимать банкетъ! шутка ли: четыре раза въ годъ! Не припасешься ни съ чѣмъ; того и смотри, что разоримся вовсе. Послѣднія слова маменька произносили шопотомъ, чтобъ батенька не слыхали; а то бы досталось имъ! Батенька хотя и были очень политичны, но когда уже имъ чего захачивалось, такъ уже поставятъ на своемъ. Маменька, не знавши еще хорошо ихъ конплекціи, лѣтъ пять назадъ, бывало, принимаютъ спорить противъ нихъ; такъ что же?... Ну, не наше дѣло разсуждать, а знаетъ про то кофейный шелковый платокъ, который не разъ въ такомъ случаѣ слеталъ съ маменькиной головы, не смотря на то, что навязанъ былъ на подбапокъ изъ синей сахарной бумаги.

Пожалуйте, о чемъ-бишь я говорилъ? да, о банкетѣ; такъ...

Вотъ въ этотъ торжественный день, прежде всего, утромъ еще является команда казаковъ для почетнаго караула, поелику въ домѣ будетъ находиться самъ панъ полковникъ своею особою. При этой командѣ всегда находятся сурмы (трубы) и бубны (литавры). Команда и устроить свой караулъ.

По прошествіи утра, днемъ, попозже, такъ, часу въ десятомъ пополудни, съѣзжаются званые гости. А кого только батенька не звали на банкетъ къ себѣ? Верстъ за пятьдесятъ посылали, никого не пропустили, да всѣ же и собирались. Неприлично же было такую персону, какъ былъ въ то время его ясневельможность, панъ полковникъ, угощать при двадцати только человѣкахъ; слѣдовало и звать, чести ради гостя, хоть сотню, слѣдовало же всѣмъ и пріѣхать изъ уваженія къ такому лицу, и сдѣлать честь батенькѣ, немаленькому пану по достатку и знатности древняго рода. Кто не имѣлъ на чемъ пріѣхать, тотъ пѣшкомъ пришелъ съ семействомъ, принесъ въ узелкѣ нарядное платье, потому что тутъ въ простомъ невозможно было бы показаться. Да посмотрѣли бы вы, какъ всѣ гости разряжены, разубраны. Мужской полъ въ славныхъ суконныхъ черкескахъ темныхъ цвѣтовъ, рукава съ велетами, т. е. назадъ отвидными; подъ ними кафтанъ газетовый, блестящій. Много-много когда на комъ моревый; то платье... знаете, что при дамахъ неприлично называть, — краснаго сукна, широкое;

пояса блестятъ точно кованые; за поясомъ на золотой или серебряной цѣпочкѣ ножъ съ богатою оправою; сапоги сафьяна краснаго, желтаго или зеленаго; а кто по щеголеватѣе, такъ и на высокихъ подковахъ; волоса красиво подбриты въ кружокъ, усы приглаженные, опрятные, какъ называли тогда «чепурные». А женскій полъ, въ свою очередь,—это прелесть! Кунтуши богатѣйшей парчи, такой, что и не согнешь; на стану перехвачено, сутою сѣткою выложено; корсеты глазетовые; запясочки заморскихъ пестрыхъ матерій, плотныхъ какъ лубокъ. На головахъ кораблеи или очипки парчи сутой, какъ жаръ горять! Нынѣшнія дамы не смѣли бы надѣть корабликъ или очинокъ. На шеѣ намиста, намиста! дукатовъ, ендусовъ, крестовъ!... Господи, твоя воля! дѣвушки инны для полегкости безъ кунтушей, въ однѣхъ юбкахъ, т. е. корсетахъ, и... какъ бы вамъ по политичнѣе сказать?... не стѣсняя природы или природы,—безъ рукавовъ; но за то, какіе рукава ихъ рубашекъ—это загляднѣе: тонкаго холста, кисейные, какіе можно вообразить. Да все это вышито преискусно разныхъ цвѣтовъ шелками, золотомъ, серебромъ. Головы убраны—на удивленіе, какъ прелесть! Косы заплетены мельчайшими пасмами, свиты вѣнкомъ и уложены на макушкѣ, а по лбу положены, одна на другой, разныхъ цвѣтовъ лѣнты, а поверхъ ихъ золотой газъ сутой.... Ну, однимъ словомъ, это прелесть! Ножки въ суконныхъ чулочкахъ, бѣлыхъ или синихъ; башмачки красныя на колодочкахъ. Изъ-подъ шелковой плахты виднѣтся «ляхавка», т. е. подолъ сорочки, такимъ же узоромъ вышитый, какъ рукава... Такъ этакая ерала невольно обратитъ глаза на себя одна,—а тутъ ихъ собралось десятками! Не подумайте, что это онѣ изубыточились и дѣлали себѣ наряды для нашего банкета! Совсѣмъ нѣтъ! Каждая все это получила отъ матери, а та отъ своей матери, и такъ все выше; теперь носить сама и передастъ будущимъ своимъ дочерямъ и внукамъ. Теперешніе сборы на банкетъ не стоили имъ ничего болѣе, какъ кружки ключевой воды, чтобы умыться; а одѣлись во все готовое. Да какъ же они хороши! какой здоровый цвѣтъ въ лицахъ! какой яркій живой румянецъ въ щекахъ! какая свѣжесть въ прелестныхъ глазахъ! Немудрено: онѣ ложатся спать ввечеру и съ солнцемъ встаютъ; онѣ...

(Тутъ все, написанное мною, моя невѣстка, второго сына жена, женщина модная, воспитанная въ пансіонѣ мадамъ Грос-вашъ, зачернила такъ, что я не могъ и разобрать, а повторить—не вспомнилъ, что написалъ было. Ну, да и нужды нѣтъ. Мы и безъ того всё знаемъ все. Гмъ!..)

Вотъ такіе-то гости собрались и сидятъ чинно. Такъ уже къ полудню, часовъ въ одиннадцать, сурмы засурмили, бубны забили—ѣдетъ самъ, ѣдетъ вельможный панъ полковникъ въ своемъ берлинѣ; машталеръ то-и-дѣло хлопаетъ бичемъ на четверню вороныхъ коней, въ шорахъ посеребряныхъ, а они безъ фореца, по теперешнему форейтора, идутъ на однихъ возжахъ машталера, сидящаго на правой коренной. Уборъ на машталерѣ и кожа на шорахъ зеленая, потому что и берлинъ былъ зеленый.

Батенька съ маменькою вышли встрѣтить его ясновельможность на рундукъ, т. е. на крыльцо. Батенька бросились къ берлину, отворили дверцы и принимали пана полковника, который выѣзжалъ, опираясь на батеньку. Тутъ батенька поцѣловали ему руку, а онъ—это, право, я самъ видѣлъ и никому не лгу,—онъ, выѣзвши, обнялъ батеньку. Маменька на рундукѣ очень низко поклонились пану полковнику, и когда онъ взошелъ на нашъ высокій рундукъ, бросились также, чтобъ поцѣловать его руку, но онъ отхватилъ и допустилъ маменьку поцѣловать себя въ уста. Этимъ началъ онъ давать знать, что недавно былъ въ Петербургѣ и видѣлъ тамошнюю политику. За такую отличную честь маменька опять ему пренизко поклонились и униженно просили его ясновельможность осчастливить ихъ убогую хижину своимъ присутвіемъ. Полковникъ просилъ ихъ идти впередъ: но маменьку—нужды нѣтъ, что онѣ были такъ нѣсколько простоваты—гдѣ надобно, трудно было ихъ провести: хотя онѣ и слышали, что панъ полковникъ проситъ ихъ идти впередъ, хотя и знали, что онъ вывезъ много петербургской политики, никакъ же не пошли впереди пана полковника и, идучи сзади его, взглянулись съ батенькою, на лицѣ котораго сіяла радостная улыбка отъ ловкости маменькиной.

Въ сѣняхъ пана полковника встрѣтилъ весь мужской полъ, стоя по чинамъ и отдавая честь поклонами, при входѣ же въ комнату весь женскій полъ встрѣтилъ его у две-

рей, низко и почтительно кланаясь. Панъ полковникъ вопреки понятій своихъ о политикѣ, заимствованной имъ въ Петербургѣ, по причинѣ тучности своей, тотчасъ усѣлся на особливо приготовленное для него съ мягкими подушками высокое кресло и началъ предлагать дамскому полу также сѣсть, но онѣ никакъ не поступали на это, а только молча откланивались. Наконецъ, когда онъ объявилъ, что, бывши въ Петербургѣ, ко всему присматривался и очень ясно видѣлъ, что женщины тамъ сидятъ даже при особахъ въ генеральскихъ рангахъ, тогда онѣ только вынуждены были сѣсть, но и сидѣли — себѣ на умѣ: когда панъ полковникъ изволилъ которую о чемъ спрашивать, тогда она спѣшила встать и, поклонясь низко его ясневельможности, опять садилась, не сказавъ въ отвѣтъ ничего. Къ чему же было и отвѣчать? Если отвѣтъ долженъ быть утвердительный, то это и безъ рѣчей показывалъ поклонъ; если же слѣдовало возразить что пану полковнику, то, не осмѣливаясь на такую дерзость, изъясняли это поклономъ. Гдѣ увидишь теперь эту утонченную вѣжливость? У нашихъ молодыхъ людей? Ой, ой, ой! Не говорите мнѣ про нихъ!

Замѣтно батенька были окуражены, что панъ полковникъ извоилъ быть весель. Услышавъ громко и пріятно поющаго чижа въ клѣткѣ, онъ похвалилъ его; какъ тутъ же батенька, низко поклонясь, сняли клѣтку и, вынесши, отдали людямъ пана полковника, чтобъ приняли и бережно довели до дома «какъ вещь, понравившуюся его ясневельможности».

Панъ полковникъ, разговаривая со старшими, которые стояли у стѣны и отнюдь не смѣли садиться, извоилъ закашляться и плюнуть впередъ себя. Стремительно одинъ изъ бунчуковыхъ товарищей, старикъ почтенный, бросился и почтительно затеръ ногою плеванье его ясневельможности: такъ въ тотъ вѣкъ политика была утонченна!

Немного съ-годомъ (спустя нѣсколько), дворецкій внесъ большой подносъ, кругомъ установленный серебряными позлащенными чарками; а на другомъ подносѣ несли хрустальные — помню, купленные батенькою у приходившаго къ намъ съ товарами цесарца — карафины, наполненные разныхъ сортовъ, вкусовъ и цвѣтовъ водками, нарочно для сего маменькою приготовленными. Водки не подносили никому, пока

батенька и маменька изъ своихъ рукъ не просили пана полковника. Когда онъ изволилъ принять въ руки чарку, тогда только начали подносить гостямъ, и каждый наливалъ себѣ желаемой водки, а батенька не переставали упрашивать каждаго, чтобы пополнѣе наливали.

Панъ полковникъ былъ политиченъ. Онъ не пивши держалъ чарку, пока всѣ не налили себѣ, и тогда принялся пить. Всѣ гости смотрѣли на него: и еслибы онъ выкушалъ всю чарку разомъ, то и они выпили бы такъ же; но какъ полковникъ кушалъ прихлебывая, то и они не смѣли выпивать прежде его. Когда онъ изволилъ морщиться, показывая крѣпость выкушанной водки, или цмокать губами, любуясь вкусомъ водки, то и они всѣ дѣлали то же изъ угожденія его ясневельможности.

Панъ полковникъ, выкушавши водку, изволилъ долго разсматривать чарку и похвалилъ ее. Въ самомъ дѣлѣ чарка была отличная: большемѣрная, тяжеловѣсная, жарко вызолоченная и съ гербомъ Халявскихъ. Политика требовала и чарку отдать пану полковнику, что батенька съ удовольствіемъ и исполнили.

Вслѣдъ затѣмъ панъ полковникъ прошенъ былъ выпить по другой чаркѣ. Причемъ батенька съ униженнымъ поклономъ докладывали: „Осмѣливаюсь низайше доложить вашей ясневельможности, что по первой не закусываютъ“—и на сей разъ пану полковнику поставили другую чарку такую же, и онъ выкушать выкушалъ полную, но уже не хвалилъ чарки. Ему послѣдовали и прочіе гости, разумѣя одинъ мужескій полъ, поелику женщинамъ и подносить не смѣли; онѣ очень чинно и тихо сидѣли, только повертывая пальчиками одинъ около другого; мода эта вошла съ незапамятныхъ временъ, долго держалась, но и это уже истребилось и пальчики женскаго пола покойны, не вертятся!—или кончикомъ вышитаго платочка махали на себя, потому что въ комнатѣ было душно отъ народа.

Еще немного съ-годомъ батенька подступили къ пану полковнику съ докладомъ, что „поставивши-де тарелки, не соблаговолите ли, ваша ясневельможность, по чаркѣ горѣлки?“ Тутъ панъ полковникъ, привставши, сказалъ: „погодите“ и пошли. Имъ пожелалось прогуляться. Такова была ихъ на-

*

тура. Лишь только панъ полковникъ всталъ, то и весь женскій полъ поднялся съ своихъ мѣстъ; а панъ полковникъ, въ сопровожденіи батеньки, вышелъ въ сѣни, закричалъ караульнымъ: „а нуте же—сурмите, сурмите: вотъ—я иду!“ и разомъ на сурмахъ и бубнахъ отдавали ему честь до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратился въ покои. Что значитъ высокій рангъ!

Пожалуйте. Препрежнимъ порядкомъ выпито было и по третьей чаркѣ—и вдругъ засурмили и забубнили уже въ сѣняхъ въ знакъ того, что пора къ обѣду, и первая перемѣна стола уставлена.

Столъ былъ приготовленъ въ противной комнатѣ, т. е. расположенной черезъ сѣни, насупротивъ той, гдѣ находились до обѣда. По стѣнамъ были лавки и передъ ними столъ длинный, покрытый ковромъ и сверхъ скатертью длинною, вышитою по краямъ въ длину и на углахъ красною бумагою разными произвольными отличными узорами. На столъ уставлены были часто большія, оловянные блюда, или мисы, отлично, какъ зеркало блестяще, вычищенные, и всѣ съ гербами Халывскихъ, наполненныя борщами разныхъ сортовъ. Для сидящихъ не было болѣе приборовъ, какъ оловянная тарелка, близъ нея большіе ломти хлѣба бѣлаго и чернаго, ложка деревянная, лакомъ покрытая—и все это, черезъ всю длину, на обоихъ концахъ покрывало длинное полотенце, такъ же вышитое, какъ и скатерть. Оно служило для вытиранія рукъ вмѣсто теперешнихъ салфетокъ. Столъ, кромѣ мисокъ, уставленъ былъ большими кувшинами, а иногда и бутылками, наполненными пивами и медами различныхъ сортовъ и вкусовъ, — и какіе это были напитки! Ей, истинно, не лгу: теперь никому и не приснится вкусъ такихъ напитковъ; а чтобъ сварить или приготовить, такъ и не говорите: никто и понятія не имѣетъ. Вообразите себѣ пиво тонко, жидкое, едва имѣющее цвѣтъ желтоватый; поднесите же къ устамъ, то уже одинъ запахъ манитъ васъ отвѣдать его, а отвѣдавши вы уже не хотите оставить и пьете его, сколько душѣ вашей угодно. Сладко, вкусно, пріятно, усладительно и въ головѣ не оставляетъ никакихъ послѣдствій!.. А медъ? Это на удивленіе! Вы налили его, а онъ чистый, прозрачный, какъ хрусталь, какъ ключевая вода, «Что это

за медъ?» сказали бы вы съ хладнокровіемъ, а можетъ еще и съ презрѣніемъ. Да подите же съ нимъ! начните его кушать, т. е. пить, такъ отъ третьяго глотка вы именно не раздвинете губъ своихъ: онѣ такъ и слипнутся. Сколько сладости! А ароматъ какой! теперь ни отъ одной барыни нѣтъ такого благоуханія,—а откровенно сказать: когда онѣ выѣзжаютъ въ люди, такъ это онѣ точно имѣютъ. Нѣтъ, нието мнѣ не говори, гдѣ именно Россія; спору и утверждаю, что ова у насъ въ Малороссіи. Доказательство: когда россияне еще были славянами (это я, не помню, гдѣ-то читалъ), то имѣли отличные меды, и только ихъ и пили. Когда какому народу хотѣлось попить меду, то они ѣхали къ славянамъ. Въ Великой Россіи такихъ медовъ, какъ у насъ въ Малороссіи, варить не умѣютъ: слѣдовательно, мы—настоящіе славяне, переименованные потомъ въ россиянь... Но оставимъ ученныя разсужденія и возвратимся къ батенькиному банкету. Такъ извольте же припомнить, что этакіе меды и пива стоятъ по всему столу. Увидите же, что изъ этого послѣ выйдетъ.

Промежду кувшинами или бутылками стоятъ кружки, стопы и все серебряное, тяжеловѣсное, вычеканенное различными фигурами и миеологическими, т. е. ложными божествами—и всѣ заклеянные пышнымъ гербомъ Халявскихъ, преискусно отработаннымъ.

Его ясневельможность, панъ полковникъ, изволилъ садиться, по обычаю, на самомъ первомъ мѣстѣ, въ головѣ стола; подлѣ него не было приготовлено другого мѣста, потому что никому же не слѣдуетъ сидѣть наравнѣ съ такою важнаго ранга особою. Женскій полъ сажались, по чинамъ своихъ мужей, на лавкахъ у стѣны. „Хозяинъ долженъ былъ крѣпко наблюдать, чтобы пани есаулова не сѣла какъ-нибудь выше пани бунчуковой товарищкы; если онъ замѣтитъ такое нарушеніе порядка, то долженъ просить пани есаулову пересѣсть пониже; въ противномъ случаѣ ссора вѣчная у мужа униженной жены съ хозяиномъ банкета и съ есауломъ, мужемъ зазнавшейся; а если онъ ему подчиненъ, то мщеніе и высканіе по службѣ“. Послѣ усѣвшихся женщинъ сажались дѣвушки также по чинамъ отцовъ своихъ. Мужчины, и все же по чинамъ, сажались на скамьяхъ или „ослонахъ“ про-

тивъ женскаго пола. Хозяинъ банкета сѣдился на самомъ концѣ стола, чтобы удобнѣе вставать по разнымъ надобностямъ. Хозяйка же не сѣдлась вовсе; она распоряжалась отпускомъ блюдъ и наблюдала за всѣмъ ходомъ банкета. Нѣсколько дѣвокъ дворовыхъ, прилично случаю убранныхъ, въ своемъ національномъ, свободномъ вездѣ нарядѣ — тогда не умѣли еще стѣснять и снуровать — какъ бы это сказать?... ну, натуры или природы — такъ стояли онѣ въ углу, близъ большой печи, въ готовности исполнять требованія гостей. Хозяйкинъ глазъ наблюдалъ и за ними — и бѣда дѣвкѣ, зазѣвавшейся до того, что гость самъ скажетъ: „Дѣвчино! подними мнѣ хлѣбъ или ложку“, или что-нибудь потребуетъ. Маменька бывало изъ другой комнаты кивнуть пальцемъ на виновную — а иногда имъ и покажется, что она будто виновата — такъ, вызвавши, схватятъ ее за косы и тутъ же ну-ну-ну! да такъ ее оттреплютъ, что дѣвка не скоро и въ разумъ придетъ. По щекамъ же, въ такомъ случаѣ, никогда не били, чтобъ предосудительные звуки не дошли до слуха гостей. Проученная, поправивъ косы и все разстроенное, опять является на свое мѣсто и стоитъ какъ свѣча.

Вотъ, какъ усѣлись — и всѣ смотрятъ на пана полковника. Онъ снялъ съ тарелки ручникъ, или полотенце, положилъ къ себѣ на колѣни — и всѣ гости, обоихъ половъ, сдѣлали то же. Онъ своимъ ножомъ, бывшимъ у него на цѣпочкѣ, отрѣзалъ кусокъ хлѣба, посолилъ, съѣлъ и, взявъ ложку, хлебнулъ изъ миски борщу, перекрестился — и всѣ гости за нимъ повторили то же, но только одинъ мужской полъ. Женщины же и дѣвушки не должны были отнюдь ѣсть чего-либо, но сидѣть неподвижно, потупивъ глаза внизъ, никуда не смотрѣть, не разговаривать съ сосѣдками; а могли только, по-утреннему, или пальчиками мотать, или кончикомъ платка махаться; иначе противъ нихъ сидящія паничи осмѣютъ ихъ и разславятъ, такъ что имъ и просвѣта не будетъ, стыдно будетъ и глаза на свѣтъ показать.

Послѣ первой ложки пошли гости кушать, какъ и сколько кому угодно. Противъ четырехъ особъ ставилась миска, и изъ нея прямо кушали, выкидывая въ тарелку, передъ каждымъ стоящую, восточку, муху или другое, что неприличное попадется. По окончаніи одного борща подавали другого сорта.

И сколько сортовъ было борщей, такъ на удивленіе! Борщъ съ говядиною — или, по-тогдашнему, съ яловичиною; борщъ съ гусемъ, прежирно выкормленнымъ; борщъ со свиною; борщъ Собіевскаго (бывшаго въ Польшѣ королемъ); борщъ Скоропадскаго (гетмана малороссійскаго). Опять долженъ сдѣлать ученое замѣчаніе: по исторіи нашей извѣстно, что эти особы сами составили особаго рода борщи, и благодарное потомство придало этимъ блюдамъ имена изобрѣтателей. Рыбный борщъ печерскій, бикусъ, борщъ съ кормленною угкою... да уже и не вспомню всѣхъ названій борщей, какіе, бывало, подаютъ!

Когда оканчивались борщи, то сурмы и бубны въ сѣняхъ возвѣщали окончаніе первой перемѣны. При звукѣ ихъ должно было оставить вѣшать и положить ложки. Гости мужскаго пола вставали съ своихъ мѣстъ и становились къ сторонкѣ, чтобы дать кухарю свободно дѣйствовать. Онъ забиралъ опорожненныя миски, а дѣвки, по знаку маменьки, изъ другой комнаты поданному и съ прикрикомъ: „дѣвчата, а ну-те! заснули?“ — опрометью кидались къ столу, собирали тарелки, сметали руками со стола хлѣбныя крошки, кости и проч., устраивали новые приборы и, окончивъ все, отходили въ сторону. Тутъ, при новомъ звукѣ сурмы и бубенъ, являлся кухаръ съ блюдами второй перемѣны и уставлялъ ими столъ, и тогда вставшій мужской полъ садился попрежнему.

За симъ подносилась водка; панъ полковникъ и гости прошены были выпить передъ второю перемѣною.

Вторую перемѣну составляли супы, также разныхъ сортовъ и вкусовъ: супъ съ лапшею, супъ съ рыжемъ и родзынками (сарачинское пшено и изюмъ) и многіе другіе, въ числѣ коихъ былъ и супъ историческій, подобно борщу, носившій названіе: „Леопольдовъ супъ“, изобрѣтеніе какого-то маркграфа Римской имперіи, но какого — не знаю. Любопытные могутъ узвать навѣрное изъ историческихъ разсмотрѣній критикъ и споровъ ученыхъ мужей.

При началѣ второй перемѣны панъ волковникъ, а за нимъ и всѣ гости, все же мужскаго пола, облегчали свои пояса. При первой и второй перемѣнахъ пили пиво или медъ, по произволенію каждаго.

Не смотря на то, что у гостей мужского пола нагрѣвались чубы и рдѣлись щеки еще при первой перемѣнѣ, батенька, съ самаго начала стола, ходили и, начиная съ пана полковника до послѣдняго гостя, упрасивали побольше кушать, выбирая изъ мисокъ куски мяса, и клали ихъ на тарелки каждому и упрасивали скушать все; даже вспотѣють, ходя и кланаясь, а все просятъ, приговаривая печальнымъ голосомъ, что конечно-де я чѣмъ прогнѣвалъ пана Чупринскаго, что онъ обижаетъ меня и въ ротъ ничего не беретъ? Панъ Чупринскій, вряхтя, пыхтя и тяжело дыша, силится стѣсть положенное ему на тарелку, противъ силы, чтобы не обидѣть хозяина.

Мясо разрѣзывалось на тарелкѣ имѣвшимся у каждого гостя ножомъ, а ѣли—за невведеніемъ еще вилокъ, или виделокъ—руками.

Третья перемѣна происходила прежнимъ порядкомъ.

За третьею перемѣною поставлялись блюда съ кушаньями „сладкими“. То были: утка съ родзынками и черносливомъ на красномъ соусѣ, ножки говяжьи съ такимъ же соусомъ и съ прибавкою „миндалю“; мозги, разныя сладкія коренья, рѣпа, морковь и проч. и проч., все преискусно приготовленное. При сей перемѣнѣ панъ полковникъ снималъ съ себя поясъ вовсе, и батенька, поспѣшивъ принять его, бережно и почтительно несли и чинно клали на постель, гдѣ они (т. е. батенька съ маменькою) обыкновеннымъ образомъ опочивали. Гости мужского пола, снявъ свои пояса, прятали ихъ въ свои карманы, или передавали черезъ столъ своимъ женамъ, а тѣ уже прятали ихъ у себя за корсетъ или куда удобнѣе было. При третьей перемѣнѣ поставлялись на столъ наливки: вишневка, терновка, сливянка, яблонька и проч. и проч. Рюмокъ тогда не было и ихъ не знали, и ихъ бы осмѣяли, еслибъ увидѣли, а пили наливки тѣми же кубками и стопами, что пиво и медъ. Всякому предоставлялось выпить по волѣ и комплекціи.

Съ прежнимъ порядкомъ поставлена и четвертая перемѣна, состоящая изъ жареныхъ разныхъ птицъ, поросятъ, зайцевъ и т. п.; соленые огурцы, огурчики укусомъ прилитые, также съ чеснокомъ, вишни, груши, сливы опощьянскія и другихъ родовъ—горами навалены были на блюда и

поставлены на столъ. Чѣмъ столъ болѣе близился къ концу, тѣмъ усерднѣе батенька упрашивали гостей побольше кушать и пить, чтобъ ихъ послѣ не осуждали, что они не умѣли угостить. Уже на блюдахъ мало чего оставалось, но батенька и остатки подлаживали почетнѣйшимъ гостямъ, упрашивая „добирать все и оставить посуду въ чистотѣ“. Наконецъ, чтобъ заставить гостей долго вспоминать свой банкетъ, батенька упрашивали пана полковника и гостей уже обоихъ половъ выпить „на потуху“ по стаканчику медку. Тутъ же, пожалуйста, какая штука выйдетъ: въ продолженіе питья наливовъ, какъ уже въ пиву и меду не касались, искусно былъ подмѣненъ медъ медомъ же, но другого свойства.

Прощенные гости, чтобы сдѣлать хозяину честь и доставить удовольствіе за его усердіе, помня, что медъ былъ отлично вкусенъ, охотно соглашались пріятнымъ напиткомъ усладить свои чувства. Медъ на видъ былъ тотъ же—чистый, какъ ключевая вода, и свѣтлый, какъ хрусталь. Вотъ они, наливши въ кубки, выпивали по полному. Батенька, поглотивъ свой смѣхъ и, уклонясь пану полковнику и всѣмъ гостямъ, вѣжливымъ образомъ просили извиненія, что не угостили какъ должно, его ясневельможность и дорогихъ гостей, а только обезпокоили ихъ и заставили голодовать.

Панъ полковникъ, былъ до того времени многорѣчивъ и неумолкаемъ въ разговорахъ со старшинами, близъ его сидящими, послѣ выпитія послѣдняго кубка меда онѣмѣлъ какъ рыба; выпуча глаза, надувался, чтобы промолвить хотя слово, но не могъ никакъ; замахалъ рукою и поднялся съ мѣста, а за нимъ и всѣ встали... Но вотъ комедія! встать встали, да съ мѣста не могли двинуться и выговорить слова не могли. Это—надобно сказать—батенькинъ медъ производилъ такое дѣйствіе: онъ былъ необыкновенно сладокъ и незамѣтно крѣпокъ до того, что у выпившаго только стаканъ отнимался языкъ и подкашивались ноги.

Проказники батенька были! И эту шутку дѣлали всегда при концѣ стола и хохотали безъ памяти, какъ гости были отводимы своими женами или дочерьми; а въ случаѣ, если и жены испивали рокового напитка, то и ихъ вмѣстѣ проводили люди.

Пана полковника, крѣпко опьянѣвшаго, батенька удостоились сами отвести въ свою спальню для опочиванія. Прочіе же гости расположились, гдѣ кто попалъ. Маменькѣ были заботы снабдить каждаго подушкою. Если же случались барыни, испившія медку, то ихъ проводили въ дѣтскую, гдѣ взаперти сидѣли четыре мои сестры.

„Молодые отрасли женскаго пола“, какъ ихъ батенька называли на штатскомъ языкѣ, а просто „панночки“, или, какъ теперь ихъ зовутъ, „барышни“, выходили изъ дому и располагались на призвахъ играть въ разныя игры. Которая изъ нихъ была подгадливѣе, та привозила съ собою „креймашки“, и всѣ, посадясь въ кружокъ, играли. Это превеселая и презанимательная игра! Креймашекъ есть ничто иное, какъ обдѣланный кружокъ изъ разбитыхъ тарелокъ или кафлей, величиною въ мѣдную копѣйку. Каждая панночка положитъ передъ собою одинъ креймашекъ, а другой кидаетъ вверхъ, и пока тотъ летитъ обратно внизъ, она должна схватить лежащій и уловить летящій. Въ эту презанимательную игру тогдашнія панночки играли хоть цѣлый день. А теперь гдѣ вы увидите, чтобы наши барышни занимались въ креймашки? Легко станется, что онѣ и понятія о нихъ не имѣютъ!.. Ужасъ какъ свѣтъ измѣнился.

Пожалуйте! Пока такъ занималась молодость женскаго пола, въ то время паничи, тутъ же на дворѣ, между собою боролись, бѣгали „на выпередки“ (въ запуски), играли въ мячъ „въ скрагли“... Тоже не думаю, чтобы кто изъ теперешнихъ молодыхъ, даже благовоспитанныхъ юношей имѣлъ понятіе объ этой игрѣ! Выбиваешь изъ города (т. е. за черту) противной партіи палки; побѣдишь — и въ награду на побѣжденномъ ѣдешь верхомъ въ триумфѣ въ завоеванный городъ. Сколько тутъ мыслей! поощренія къ подвигу! возмездія за ловкость! Это должно быть нѣчто изъ обычаевъ древнихъ римлянъ.

А деркачъ? Вотъ игра: это умереть надобно со смѣху. Волачиваютъ колышекъ въ землю, и къ нему на длинныхъ веревкахъ привязываютъ двухъ паничей и обнимъ имъ, завязавъ глаза, дадутъ въ руки одному крѣпко свитый жгутъ, а другому зарубленные двѣ палочки, чтобы терчалъ ими. Вотъ одинъ терчитъ и бережется товарища; а тотъ также,

не видя ничего, подкрадывается и хочет его ударить жгутъ... и... пафъ!.. бьетъ по воздуху; а тотъ, изворотясь, терчить уже съ другой стороны... Тотъ бросается туда, а этотъ уходитъ сюда... Ну, ложатся, бывало, отъ смѣху! И попадетъ жгутъ дергача, такъ уже дубасить, сколько душѣ угодно!.. Умора уморою!..

Ахъ, сколько было подобныхъ веселыхъ, острыхъ, замысловатыхъ игръ! И гдѣ это все теперь? Посмотрите на теперешнее юношество, такъ ли оно воспитано? Кожа да кости! Какъ образованы! Не распознаешь отъ взрослыхъ мужей. Въ чемъ упражняются? Наука да ученіе. Какъ ведутъ себя? Совсѣмъ противно своему возрасту... Объ этомъ предметѣ поговорю послѣ...

Вотъ панночки, соскучась, что паничи не пристають къ нимъ и даже не обращаютъ на нихъ вниманія, приступаютъ къ хитростямъ: начинается между ними игра въ короли. „Король, король! что прикажете дѣлать?“ спрашиваетъ каждая у избраннаго изъ нихъ короля.

— У короля жены нѣтъ, — отвѣчаетъ король.

Спрашивавшая должна бы цѣловать короля; но она кричать громко, чтобы паничи слышали: „Вотъ еще выдумали что! Что намъ цѣловаться между собою? Это будетъ горшокъ о горшокъ, а масла не будетъ“. При чемъ нѣкоторыя глядятъ на паничей, подходятъ ли они къ нимъ: и если еще нѣтъ, то продолжаютъ маневры, пока успѣютъ привлечь ихъ къ себѣ.

Паничи съ разными обходами, наконецъ, подошли къ кругу панночекъ и просятъ „скуки ради“ принять ихъ до компаніи. Кружокъ раздвигается, паничи успѣлись между панночками, и начинается игра. Разными хитростями и явными неправдами король избранъ всегда изъ красивыхъ.

— Король, король! что прикажете дѣлать? — спрашиваетъ первая, краснѣя, зная напередъ содержаніе приказанія.

Король отвѣчаетъ важно:

— Короля должно шановать (почитать) и всѣмъ панночкамъ по семи разъ цѣловать.

— Вотъ выдумали! вотъ выдумали! Довольно бы и по два раза, а то по семи, — кричатъ бунтовщицы, но нечего дѣ-

лать: каждая, обтирая губки, подходит къ королю и ровно, ни больше ни меньше семи разъ, цѣлуетъ вѣрно, безъ фальши, счастливца — и спокойно возвращается на свое мѣсто.

— Въ стыдное мѣсто поцѣловать короля, — приказываетъ король другой.

Всеобщій хохоть, и всѣ смотрять на смутившуюся.

— Что же? чего ты стала? ты думаешь что?... развѣ не знаешь? — такъ кричать ей подруги, и одна изъ нихъ предлагаетъ:

— Дай я за тебя исполню.

Получивъ довѣренность, она подходит къ королю и свободно цѣлуетъ его въ обѣ щеки, мѣсто, гдѣ обнаруживается стыдъ.

— Королю отпустить лентъ пять аршинъ, приказывается третьей, — и получившая такое приказаніе панночка подходит къ королю, беретъ его за руки и протягиваетъ ихъ, какъ будто мѣряя на аршинъ и цѣлуя при каждомъ отмѣриваніи.

— Собрать подать для короля, и король съ спрашивавшею идетъ разыскивать съ каждой подать. Получаетъ поцѣлуй отъ каждой панночки и цѣлуетъ свою подругу, якобы складывая въ сумку подать.

— Да не щипайтесь же, паньчу! — вдругъ вскрикиваетъ изъ круга одна панночка, отодвигаясь отъ своего сосѣда.

— Я совсѣмъ не щипаю, а только щечочу, — отвѣчаетъ проказникъ.

— И щекотить не прошу: я щекотки боюсь.

И много происходитъ тутъ веселыхъ шутокъ. Смѣхъ, забавныя рѣчи, острия и умныя слова занимаютъ молодыхъ людей, которые и не замѣтятъ, какъ день пройдетъ.

А нынѣ въ какомъ обществѣ молодыхъ людей найдете подобное препровожденіе времени, подобныя замысловатыя игры, веселость, свободу, умъ, удовольствіе?.. Все, все измѣнилось!

Но вотъ, часу въ четвертомъ съ полудня, панъ полковникъ и прочіе гости, выспавшись, сходятся въ большую ком-

нату. Маменька, по заботливости своей, приготовили имъ изобильный полдникъ. Блины, вареники, яичницы, разныя мяса холодныя безпрестанно слѣдуютъ одно за другимъ. Теперь уже маменька хлопочутъ упрашивать гостей, чтобы поболѣе ешались, и каждому, впрочемъ по рангу гостя, подкладываютъ отличныя кусочки, и поливаютъ масломъ и сметаною болѣе или менѣе, смотря на важность особы. Батенька же то-и-дѣло, что обходятъ гостей, прося о наливкахъ, которыя разныхъ цвѣтовъ, вкусовъ, сортовъ и родовъ разносятся въ изобиліи. По очищеніи блюдъ, подносится „на потуху“ „вареная“... Вотъ опять не вытерплю, чтобы не сказать: гдѣ найдете у насъ этотъ напитокъ? Никто и составить его не умѣетъ. А что за напитокъ! Такъ я вамъ скажу: „Вещь!“ что въ ротъ, то спасибо! Сладко, что губъ не разведешь, такъ и слипаются; вкусно такъ, что самый нектаръ не стоитъ противъ него ничего: благоуханно такъ, что я, въ бытность мою въ Петербургѣ, ни въ одномъ „космагическомъ“ магазинѣ не находилъ подобныхъ духовъ. Дешево и ничего не стоитъ, потому что весь матеріалъ домашній: водка, ягоды разныя и нѣсколько ароматныхъ произведеній: перецъ, корица, лавровый листъ. Подите же вы! И этотъ драгоценный по благоуханію, здоровью, вкусу и дешевый по матеріаламъ напитокъ откинули и погрязли въ винахъ, якобы заморскихъ, когда, честью увѣряю, что всѣ эти вина съ мудреными названіями составляютъ тутъ же, на мѣстѣ, у насъ, и продаются по дорогой цѣнѣ на вредъ карманамъ и здоровью православныхъ. Сердце болитъ и душа стѣсняется!.. Гдѣ ты, блаженная старина!..

Пожалуйте. Вотъ, какъ выкупаютъ по нѣсколько чашекъ вареной, какъ полковникъ пожелаетъ проходиться по двору, осмотрѣть батенькину конюшню, скотный дворъ и другія заведенія. Пошелъ—и всѣ чиновники за нимъ; батенька предшествуетъ, а сурмы сурмятъ и бубны гремятъ въ честь полковника, но уже съ замѣтнымъ разладомъ, потому что изобильное угощеніе было и трубящимъ—какъ казакамъ, конюхамъ и всѣмъ съ гостями прибывшимъ людямъ.

На конюшнѣ и вездѣ панъ полковникъ, осматривая, что похвалить, то немедленно выводится прочь и сдается на руки полковничьимъ людямъ, нарочно для сего прибывшимъ. Ба-

тенька отъ удовольствія даже облизываются, что ихъ хозяйство одобряется паномъ полковникомъ.

Осмотрѣвъ все, возвращаются въ домъ, гдѣ маменька между тѣмъ угощали женскій полъ... чѣмъ вздумали; и какъ при этомъ не присутствовалъ никто изъ мужскаго пола, то, по натуральности, дѣло было на порядкахъ... И странно: передъ ними стоятъ орѣхи каленые и мышеловки, яблоки, павидлы (медовыя варенья) разныхъ сортовъ и всякая такая мебель, а нашъ женскій полъ, раскраснѣвшися препорядочно, щекочать, балагурять, рассказываютъ одна другой разныя разности, и каждая, одна другой не слушая, продолжаетъ свое. Самый приходъ пана полковника имъ незамѣтенъ, и маменька, бѣгая отъ одной къ другой, удерживаютъ ихъ отъ разговоровъ.

— Да замолчите же, пани обозная! да перестаньте же, пани бунчужева товарищка! Вотъ панъ полковникъ пришелъ.

И въ-силу-въ-силу ихъ ускромить.

Понявши, что панъ полковникъ здѣсь, они утихнутъ и, какъ должно, вставши съ своихъ мѣсть, начнутъ манериться: и улыбаться къ нему, платочками утираются, и хотя не къ чему, но все кланяются, пока его ясневельможность не соизволить сѣсть и, почти приказомъ, не усадить ихъ. Все лакомство со стола снято и поданы блюда „подвечерковать“. Ветчина, солонина, буженина, полотки, соленыя перепелки и другія жареныя птицы украшаютъ столъ. Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки принимаются гости „подвечерковать“ и очищаютъ все при безпрестанномъ подчиваньи разными сортами пива и меду.

Между тѣмъ въ продолженіи этого времени, панночки, наигравшися въ короли, не имѣя чѣмъ заняться, „скуки ради“ идутъ къ рѣкѣ, за садомъ протекающей, и тамъ купаются. А паничи „для забавки“ идутъ въ проходку въ кустарники, за рѣкой противъ самаго купанья находящіяся, и тамъ любуются разсматриваніемъ натуры или природы. Теперь, какъ уже старики, извѣстно, послѣ подвечеркованья должны уѣхать; то вотъ вся молодежь, освѣжившися купаньемъ и налюбовавшися натурою и природою, приходитъ къ общему собранію и снова не глядятъ другъ на друга, потому что не благопристойно при почтенныхъ особахъ показывать, что они знакомы между собою.

Окончивъ послѣднюю трапезу, панъ полковникъ встаетъ, чтобы уѣзжать. Берлинъ его поданъ. Машталеръ то и дѣло хлопаеть бичемъ. Батенька подносятъ кубокъ, прося о полномъ, „чтобы въ оставляемомъ его ясневельможностью домѣ все было полно“. При выходѣ въ сѣни, на порогѣ, подносится кубокъ, „чтобы хозяйскіе „вороги“ (враги) не переступали черезъ пороги“. На рундуѣ еще выпивается полный кубокъ, „чтобы изливалось изобиліе на все видимое хозяйство“. Дойдя до берлива, панъ полковникъ прошенъ снова выпить „гладко“, чтобы гладилася дорога его ясневельможности. Выкушавъ также до дна и сей кубокъ, панъ полковникъ обвиняетъ батеньку, а они, поймавъ руку его, цѣлуютъ нѣсколько разъ и благодарятъ въ отборныхъ, униженныхъ выраженіяхъ за сдѣланную отличную честь своимъ посѣщеніемъ и проч.; а маменька, также ухитряся, схватили другую ручку пана полковника и, цѣлуя, извиняются, что не могли прилично угостить нашего гостя, проморили его цѣлый день голодомъ, потому что все недостойно было такой особы и проч. Панъ полковникъ, преисполненный.. чувствами, не можетъ ничего выговорить, а только машетъ рукою и силится поднять ногу, знаками показывая, что онъ хочетъ сѣсть въ берлинъ. Предстоящіе бросаются, поднимаютъ его и усаживаютъ. Тутъ батенька еще съ кубкомъ для пожеланія пану полковнику благополучнаго пути; панъ полковникъ, почесавъ чубъ, запинаясь, съ трудомъ произноситъ:

— Вѣрно панъ подпрапорный (батенька имѣли чинъ подпрапорнаго; я расскажу, какъ они его дослужились), вѣрно подносить того меду, что за обѣдомъ...

Батенька предузнали вопросъ его и подносили точно тотъ медъ. Панъ полковникъ, опорожнивъ кубокъ, тутъ же свалился на подушку, не сказавъ уже ни слова. Берлинъ тронулся, сурмы засурмили, бубны забубнили въ честь полковника, чего онъ, однако же, слышать не могъ. За берлиномъ вели лошадей, бугаевъ, коровъ, везли кабановъ и все то, что понравилось у батеньки пану полковнику.

Проводивъ такого почетнаго гостя, батенька должны были уюконтентовать прочихъ, еще оставшихся и желающихъ показать свое усердіе хлѣбосольному хозяину. Началось съ того, чтобы «погладить дорогу его ясневельможности». По-

томъ благодарность за хлѣбъ-соль и за угощеніе. Маменька поднесли еще «ручковой», т. е. изъ своихъ рукъ. Потомъ пошло провожаніе тѣмъ-же порядкомъ, какъ и пана полковника, до колясокъ, повозокъ, телѣжекъ, верховыхъ лошадей и проч. и проч., и, наконецъ, всѣ гости до единого разъѣхались.

А что? Просимъ покорно сказать мнѣ: есть ли теперь хоть тѣнь подобнаго пиროванья, искренняго, веселаго, чиннаго, изобильнаго? То-то и есть.

А вотъ, изволите видѣть, какъ батенька попали въ подпрапорные. Его ясневельможность, нашъ панъ полковникъ, послѣ трехъ-четыреухъ банкетовъ у батеньки описаннымъ порядкомъ, началъ уважать батеньку, хотѣлъ вывести его въ сотники, потому что батенька были очень богаты какъ маятностями, такъ вещами и монетою; такъ-де такой сотникъ скомплетуетъ сотню на славу и весь полкъ закрасить. Вотъ и прислалъ къ батенькѣ универсалъ, что онъ батеньку, за усердную службу, возводитъ на степень подпрапорнаго, съ обнадеживаніемъ и впредь дальней милости. Какъ же получили батенька этотъ универсалъ: Господи! что тутъ было? И рассказывать страшно!... Ногами затопали, начали кричать гнѣвно, какъ будто въ глаза полковнику, и даже запѣнились... Послѣ, одумавшись, поѣхали къ пану полковнику и объяснили, что они служить не желаютъ, избѣгая отъ непріятеля наглой смерти, и что они нужны для семейства, и что они долго верхомъ ѣхать не могутъ, тотчасъ уставутъ, и тому подобныхъ уважительныхъ причинъ много представили. Но когда панъ полковникъ, даже побожая, увѣрилъ батеньку, что они въ походъ никогда не пойдутъ, то батенька и согласились остаться въ военной службѣ; но сотничества, за другими охотниками, умѣвшими особымъ манеромъ снискивать милости полковника, батенька никогда не получили и, стыда ради, всегда говорили, что они выше чина ни за что не желаютъ, какъ подпрапорный, и любили слышать, когда ихъ этимъ рангомъ величали, да еще и вельможнымъ, хотя, правду сказать, подпрапорный и въ сотнѣ „не много могъ“, а для постороннихъ и того менѣе.

Обращаюсь теперь къ продолженію описанія нашего воспитанія. Правду сказать, можно было бы поблагодарить батенькѣ, а еще болѣе маменькѣ: ихъ труды не втунѣ оста-

лись. Мы были воспитаны прекрасно: были такіе брюханчики, что любо-весело на насъ глядѣть: настоящіе боченочки.

Когда уже съ нами достигнуто до главнѣйшаго, т. е. когда обезпечено было наше здоровье, тогда начали подумывать о послѣдующемъ. Въ одинъ день, когда у батеньки разболѣлась голова отъ нашего шума, и они досадовали, что нами переломаны были лучшія изъ прицепъ въ саду, такъ они, вздохнувши, сказали маменькѣ:

— А что, душко, пора бы нашихъ хлопцевъ отдать учиться письму?

Не могу и до сихъ поръ наудивляться рѣшимости маменькиной. Онѣ были отъ природы сложенія горячаго, кривляваго, спорнаго, бранчиваго, такъ что и Господи! Но это бывало съ булочницами, птичницами, ключницами и прочими должностными, ей подчиненными лицами. Противъ батеньки же онѣ не смѣли никогда пикнуть. Даже до чего! кормленіе птицъ и кабановъ было подъ неограниченнымъ распоряженіемъ маменьки, и онѣ были къ этому дѣлу весьма склонны и искусны въ немъ, знали всѣ части по этой отрасли и не позволяли ничего перемѣнять. Но когда батенька вмѣшивались и приказывали что невпопадъ, какъ и часто и случалось, то маменька не противорѣчили и исполняли по волѣ батенькиной, хотя бы ко вреду самаго откормленнаго кабана, конечно, не безъ того, что забившись къ себѣ въ опочивальню, перецыганятъ батенькино приказаніе, пересмѣютъ всякое слово его, но все это шопотомъ, чтобъ никто и не услышалъ. Кромѣ этого предмета, чего бы только батенька ни пожелали, ни потребовали, ни приказали, маменька какъ законная жена, повиновались, спѣшили исполнить во всей точности требуемое и приказываемое, даже и въ мысляхъ не ворча на батеньку. Такъ и я къ тому говорю: онѣ и въ любимой своей страсти не противорѣчили явно; но въ этомъ обстоятельствѣ, когда батенька напоминали о приступѣ къ ученію нашему, маменька вышли изъ своей комплекціи противъ батеньки. Конечно и то надобно правду связать, природа во всѣхъ тваряхъ одинакова: посмотрите на матерей изъ всѣхъ животныхъ, когда ихъ дѣтищамъ умышляютъ сдѣлать какое зло, тутъ онѣ забываютъ свое сложеніе, не помнятъ о своемъ безсиліи и съ остервенѣніемъ кидаются на

нападающихъ. Такъ поступали и маменька, когда увидѣли, что ихъ рожденію предстоитъ ужасное положеніе: отлучка изъ дома, невременная пища, принужденное сидѣніе, забота объ урокахъ и, всего болѣе, наказанія, необходимыя при ученіи. Онѣ, видя, что это касается уже не къ какому нибудь гусаку, кабану или индѣйскому пѣтуху, а къ ихъ исчадію, вышли изъ себя, и видя, что матерія серьезная, начали кричать громко. и слова у нихъ сыпались скоро, примѣромъ сказать, какъ будто бы кто сыпалъ изъ мѣшка на желѣзную доску. Такъ рѣзко и звонко онѣ въ отвѣтъ на батенькины слова закричали:

— Помилуйте вы меня, Миронъ Осиповичъ! Человѣкъ вы умный и умѣе васъ я въ свой вѣкъ никого не знавала и не видала, а что ни скажете, что ни сдѣлаете, что ни выдумаете, то все это такъ глупо, что совершенно надобно удивляться, плюнуть (тутъ маменька въ самомъ дѣлѣ плюнула) и замолчать.

Но онѣ плюнуть-плюнули, а замолчать не замолчали и продолжали въ томъ-же духѣ.

— Съ чего вошло вамъ въ голову морить бѣдныхъ дѣтей грамотою глупою и безтолковою? Развѣ я на то ихъ породила и дала имъ такое отличное воспитаніе, чтобы они надъ книгами исчахли? Образумтесь, побойтесь Бога, не будьте дѣтоубійцею, не терзайте безвинно моей утробы!.. Тутъ маменька горько заплакали.

Я-таки не наудивляюсь перемѣнѣ и батенькинаго обхожденія. Бывало, при малѣйшемъ противорѣчномъ словѣ, маменька не могли уже другого произнести, ибо очутивались въ другой комнатѣ, разумѣется, противъ воли... но это дѣло семейное: а тутъ папенька смотрѣли на маменьку удивленными глазами; пыхтѣли, надувались, и какъ увидѣли слезы ея, то, конечно, войдя въ материнскія чувства, сказали безъ гнѣва и размышленія, а такъ, просто, дружелюбно:

— А какъ же бы вы, Оекла Зиновьевна, думали: чтобы мои дѣти росли дураками и ничего не знали?

Тутъ маменька, хотя и видно было, что онѣ рѣшились на большія крайности, нежели очутиться даже въ сѣняхъ—материнское сердце! увидя, что батенька сохраняютъ противъ нея мягкость, пріободрились и усилили свой крикъ:

— Поэтому и я дура, — кричали онъ: — и я ничего не знаю оттого, что не училась вашей глупой грамотѣ? Такъ и я дура? Дожилась у васъ чести за восемь лѣтъ супружеской жизни!..

— То вы, душко, а то они...

— И не говорите мнѣ: все равно! Вы, конечно, глава: но я же не раба ваша, а подружіе. Въ чемъ другомъ я вамъ повинуюся, но въ дѣтяхъ — засѣ! знайте: дѣти не ваши, а наши. Петрусь по осьмому году, Павлусѣ не вступно семь лѣтъ, а Трушку (это я) что еще? только стукнуло шесть лѣтъ. Какое ему ученье? Онъ безъ няньки и пробыть не можетъ. А сколько грамотовъ истратится, покуда они ваши дурацкія буки да вѣди затвердятъ! Да хотя и выучатъ что, такъ, выросши, все забудутъ.

Батенька призадумался и начали считать по пальцамъ наши годы отъ рожденія, коихъ никогда въ точности не знали, а прибѣгали къ этому вѣрному средству. И видно, что маменькинъ счетъ былъ вѣренъ, потому что они, подумавъ, почмакавъ — чѣмъ изъяслялась у нихъ досада — и походивъ по комнатѣ, сказали, что мы еще годикъ погуляемъ.

Маменька примѣтно обрадовалась и, чтобы поддобриться къ батенькѣ, сказали:

— Какъ знаете, такъ и дѣлайте. Вы мужскій полъ, вы разумнѣе насъ.

Хитрыя же и маменька были! Видите, какъ онѣ поступили: крикомъ и слезами заставили батеньку отстать отъ своей мысли, да потомъ и говорятъ: „дѣлайте по своей волѣ... вы-де умнѣ“... Батенька и повѣрили на чистоту и замѣтно весь тотъ день къ маменькѣ были мягбосердечны.

Да и шалили же мы и проказничали во весь льготный годъ! Сколько оконъ въ людскихъ перебили! сколько у кухарокъ горшковъ переколотили! сколько жалобъ собиралось на насъ за разныя пакости! Но маменька запрещала людямъ доносить батенькѣ на насъ.

— Недолго имъ уже гулять! — говорили онѣ: — пойдутъ въ школу, перестанутъ. Пусть будетъ имъ чѣмъ вспомнить жизнь въ родительскомъ домѣ.

*

Наконецъ пришло наше къ намъ. Не увидѣли, какъ и годъ прошелъ. Передъ Покровымъ-днемъ призванъ былъ нашъ стихарный дьячокъ, панъ Тимоетей Кнышевскій, и спрошенъ о времени, когда пристойнѣе начинать ученіе дѣтей.

Панъ Кнышевскій, кашлянувши нѣсколько разъ по обычаю дьячковъ, сказалъ:

— Вельможные паны и благодѣтели! Премудрость чтенія и писанія не ежедневно дается. Подобаеть начать оную со дня пророка Наума, перваго числа декемврія мѣсяца. Извѣстно, что отъ дней Адама, праотца нашего, какъ его сынъ, такъ и всѣ происшедшіе отъ нихъ народы и языки не иначе начинали посылать дѣтей въ школу, какъ на пророка Наума, еже есть перваго декемврія; въ иной же день начало не умудритъ ничьихъ дѣтей. Сіе творится во всей вселенной.

Маменька и тому обрадовались, что хотя два мѣсяца еще погуляютъ, и скорѣе сказали:

— Когда-жъ во всей вселенной съ того числа начинаютъ, такъ и намъ надобно дѣлать по ней. Маменька были неграмотныя и потому не знали, что и онѣ во вселенной живутъ и заелючаются; оттого и сказали такъ... немножко... простовато... Но тутъ же выпросили у батеньки позволеніе торговаться съ паномъ Кнышевскимъ за наше обученіе—и послѣ долгаго торга положили: вмѣсто сорока алтынъ (120 коп.) отъ ученика платить по четыре золотыхъ (80 коп.) и по мѣшку пшеничной муки за выучку кievской грамотки съ заповѣдями; грамотки должны быть наши. За меня же, какъ меньшаго, мука выговорена не пшеничная, а гречишная, для галушекъ собственно пану Кнышевскому, и букварь его, а не нашъ.

Я былъ у маменьки „пѣстунчикъ“, т. е. любимчикъ, за то, что во всякое время дня могъ все ѣсть, что ни дадутъ, и сѣдять безъ остатковъ. Только лишь сталъ разумѣть, то маменька открыли во мнѣ это достоинство и безмѣрно меня за то жаловали и хвалили предъ всѣми, что во мнѣ нѣтъ никакого упрямства. Еслибы маменькина воля была, онѣ меня не отдали бы ни въ школу къ пану Кнышевскому и никуда не отпустили бы меня отъ себя, потому что имъ со мною большая утѣха была: какъ посадятъ меня подлѣ

себя, такъ я готовъ цѣлый день просидѣть, не вставая съ мѣста, и не проговорить ни слова; сколько-бъ ни пожаловали мнѣ чего покушать, я все, безъ упрямства, молча, уберу и опять молчу. Маменька не нарадовались мною. Видя же необходимость пустить меня въ ученіе, онѣ, по окончаніи торга, позвавъ пана Книшевскаго въ кладовеньку поподчивать изъ своихъ рукъ водкою на магорычъ, начали всеусерднѣйше просить его, чтобы бѣднаго Трушку, т. е. меня, отнюдь не наказывалъ, хотя бы и слѣдовало; если же уже будетъ необходимо наказать, такъ сѣкъ бы вмѣсто меня другого кого изъ простыхъ учениковъ. За это маменька тутъ же и отрѣзали ему пять локтей (аршинъ около осьми) домашняго холста, немного согниваго отъ неудачнаго бѣленья.

Маменька были такія добрыя, что тутъ же мнѣ и сказали:

— Не бойся, Трушко, тебя этотъ цапъ (козелъ) не будетъ бить, чтѣ бы ты ни дѣлалъ. Хотя бы въ десять лѣтъ этой поганой грамотки не выучилъ, такъ не посмѣетъ и пальцемъ тронуть. Ты же, какъ ни придеши изъ школы, то безжалостному твоему отцу и мнѣ жалуйся, что тебя крѣпко въ школѣ били. Отецъ спроста будетъ вѣрить и будетъ утѣшаться твоими мѣками, а я притворно буду жалѣть о тебѣ.

Такъ мы и положили условіе съ маменькою.

И вотъ наступилъ роковой день! Перваго декабря насъ накормили выше всякой мѣры. Батенька, благословляя насъ, всплакнули порядочно. Они были чадолюбивы, да скрывали свою нѣжность къ намъ до сего часа; тутъ не могли никакъ удержаться!.. Привказывали намъ отнынѣ почитать и уважать пана Книшевскаго, какъ его самого, родителя, а притомъ... Тутъ голосъ батенькинъ измѣнился—и они, махнувъ рукою, сказали: „послѣ“, перецѣловали насъ, обливая слезами своими, и ушли въ спальню.

Но маменька!.. вотъ уже истинная мать! Что можетъ сравниться съ нѣжностію материнскаго сердца!.. Онѣ плакали навзрыдъ, выцѣловывали насъ, а потомъ принялись голосить и приговаривать точно какъ надъ умершими:

— Ахъ, мои дѣточки-голубяточки! куда же вы отправляетесь, мои соколики! Въ дальнюю сторону, въ дьячкову школу... за этою проклятою наукою!.. Никто васъ тамъ ни

приглубить, ни приласкаетъ... Замучать васъ глупымъ ученіемъ дурацкихъ книгъ... Кого я буду привармливать вкусными варениками?.. Для кого изготовлю молочную кашу?.. и много подобныхъ тому нѣжностей приговаривали весьма жалко, такъ что и теперь, когда вспомню, меня жалость беретъ.

А какія же маменька были хитрыя, такъ это на удивленіе! Тутъ плачуть, воютъ, обнимають старшихъ сыновей и ничего; меня же примутся оплакивать, то тутъ одною рукою обнимають, а другою—изъ-за пазухи у себя, то бубличекъ, то пирожокъ, то яблочко... я обремененъ былъ маменькиными ласками...

Петрусь братъ шель охотою; Павлуса бывъ всегда весель, тутъ что-то повѣсилъ носъ; я шель весьма равнодушно и старался идти за братьями, чтобы они не примѣтили, какъ я пожираю лакомства, маменькою мнѣ въ путь данныя. „Пропала батенькина мука и четыре золотыхъ за мое ученье!“ такъ разсуждалъ я, пожирая яблоко, скрываемое мною въ рукавъ, куда я, запрятавъ ротъ съ зубами, тамъ ѣлъ секретно, чтобы не примѣтили братья. Я имѣлъ какой-то благородный характеръ и не терпѣлъ принужденія къ тому, что мнѣ не нравилось. Бывъ одинаковой природы съ маменькою, я терпѣть не могъ наукъ, и потому тутъ же давалъ себѣ обѣщаніе, какъ можно хуже учиться, а что наказывать меня не будутъ, я это твердо помнилъ.

Со стороны маменькиной подобныя проводы были намъ сначала ежедневно, потомъ все слабѣе-слабѣе: конечно, онѣ уже попривыкли разлучаться съ нами; а наконецъ и до того доходило, что когда старшіе братья надоѣдали имъ своими шалостями, такъ онѣ, бывало, прикрикнуть: „когда-бъ васъ чортъ увесъ въ эту анаемскую школу!“ Батенька же были къ намъ ни се, ни то. Я же, бывши дома, отъ маменьки не отходилъ.

Пожалуйте, какъ же мы начали свое ученье. Большое строеніе, раздѣленное на двѣ половины длинными сѣнями; вотъ мы и вошли. Налѣво была хата и „комната“, гдѣ жилъ панъ-дьякъ Тимоотей Кнышевскій съ своимъ семействомъ, а направо большая изба съ лавками кругомъ и съ большимъ столомъ.

Пань Тимоотей, встрѣтивъ насъ, ввелъ въ школу, гдѣ нѣсколько учениковъ, изъ тутошнихъ казацкихъ семействъ, твердили свои „стихи“ (уроки). Кромѣ насъ, паничей, въ тотъ же день, на Наума, вступило также нѣсколько учениковъ. Пань Кнышевскій, сдѣлавъ намъ какое-то наставленіе, чего мы, какъ еще неученые, не могли понять, потому что онъ говорилъ свысока, усадилъ насъ и преподавалъ намъ корень, основаніе и фундаментъ человѣческой мудрости. Азъ, буки, вѣди—приказано было намъ выучить до обѣда.

„А что ты мнѣ сдѣлаешь, если я не выучу?“ подумалъ я, увидѣвъ, что мнѣ никакъ не шли въ голову и странныя эти названія, и непонятна была фигура этихъ каракулекъ. Я зналъ, что пану Кнышевскому отпущено было пять локтей холста за то, чтобы онъ слѣдующее наказаніе мнѣ передавалъ другому, и потому, вовсе не занимаясь урокомъ, рассуждалъ съ сидѣвшимъ со мною казацкимъ сыномъ, осуждая все.

— Къ чему эта грамота?—рассуждали мы.—Чему научать эти врючки? Хорошо маменька дѣлаютъ, что не любятъ грамоты! Проклиная все ученіе и ученыхъ, выдумавшихъ его, мы, на зло азбуки, дали свои наименованія: азъ сталъ у насъ раскаряка, буки горбунъ съ рогомъ, вѣди—пузанъ. Эти названія мы затвердили скоро, а подлинныя забыли и не старались вспомнить.

Время подошло къ обѣду, и панъ Кнышевскій спросилъ насъ съ уроками. Изъ насъ Петрусь проговорилъ бойко: зналъ назвать буквы и въ рядъ, и въ разбивку; и бокомъ ему поставятъ и вверхъ ногами, а онъ такъ и дуется, и не ошибется, до того, что панъ Кнышевскій возвелъ очи горѣ и, положивъ руку на Петрусину голову, сказалъ: „Вотъ дитина!“ Павлусъ не достигъ до него. Онъ зналъ разницу между буквами, но ошибочно называлъ и относился къ любимымъ имъ предметамъ; напримѣръ, вмѣсто буки, все говорилъ „булки“ и не могъ иначе сказать.

Панъ Кнышевскій только вздохнулъ: потомъ призвалъ меня.

— Что это за слово?—спросилъ онъ, указывая на азъ.

— А кто его знаетъ! — отвѣчалъ я съ духомъ, помня тайныя условія маменьки съ паномъ Кнышевскимъ.—Трудно какъ-то зовутъ этого раскаряку.

Гнѣвныя слова посыпались на меня изъ устъ пана Книшевскаго. Насмѣшка, брань, упрекъ за дерзость мою, что я, вмѣсто православнаго наименованія, приложилъ ругательныя; наконецъ изрекъ онъ запрещеніе, чтобы я не ходилъ обѣдать, а все бы твердилъ свой урокъ.

Мнѣ обѣдъ не важенъ былъ, я накормленъ былъ порядочно; при томъ же изъ запасовъ, данныхъ мнѣ маменькою въ часть горестной разлуки, оставалась еще значительная часть. Какъ же школа отстояла отъ нашего дома не близко, а я лѣнивъ былъ ходить, то я еще и радъ былъ избавиться двойной походки. Для приличія я затужилъ и остался въ школѣ заниматься надъ своимъ бувваремъ, въ половину оборваннымъ.

Немного времени прошло, какъ гляжу, двѣ служанки отъ матушки принесли мнѣ всего вдоволь. Кромѣ обыкновеннаго обѣда въ изобильныхъ порціяхъ, маменька разсудила „чтобы дитя не затосковалось“ утѣшить его разными лакомствами. Чего только не нанесли мнѣ! Панъ Книшевскій по обѣдѣ отдыхалъ и не приходилъ въ школу до начала ученія; слѣдовательно, я имѣлъ время кончить свое дѣло отличнымъ образомъ.

По ѣдѣ, мысли мои сдѣлались чище и разсудокъ изобрѣтательнѣе. Когда поворачивалъ я въ рукахъ букварь, мнѣ пришла счастливая мысль: „еслибы не было буквъ, что бы я училъ? Слѣдовательно, если ихъ не будетъ, мнѣ нечего учить“. Подумалъ, рѣшился и исполнилъ. Несносныя азъ, буки, вѣди—одно за другимъ, были мною вырваны, истерты пальцами и, чтобы не отыскались вскорѣ, зарыты мною въ уголъ школы. Я не только былъ доволенъ, но даже весель, не имѣя что учить.

Пришли братья и вся школа собралась. Началось послѣобѣденное ученіе. Кончилось. Подали уроки... братья—куда! Къ „вако“ дошли. Ихъ расхвалили. Позвали меня...

— Гдѣ твои слова?—возопилъ грозно панъ Тимоетей, взглянувъ въ букварь.

— Не знаю,—отвѣчалъ я почти смѣло, приготовясь къ отвѣту.

— Какъ не знаешь? Ихъ здѣсь не обрѣтается!

Вѣрно выпали изъ граматеи, — сказали я и началъ шарить по полу.

— Выучилъ ли ты ихъ?

— Выучилъ очень твердо, такъ вотъ же выскочили куда-то.

— Смотри сюда, возгласилъ панъ Кнышевскій и представилъ предъ глаза мои другой букварь, въ коемъ ясно торчали и азъ, и буки, и вѣди, тѣ самыя, которыя я уничтожилъ. Я полагалъ, что уже и во всей вселенной не можно отыскать ихъ, а они, какъ волшебники, возродились снова и явились цѣлыми даже не изматыми!

Не смотря на прежнее мое увѣреніе, что я знаю урокъ, я не могъ поименовать ихъ. Отговорка, что какъ это не моя книжка и потому я этихъ словъ не училъ, не помогла. И панъ Кнышевскій повелѣлъ виновной руки пальцы сложить вмѣстѣ — и торжественно, съ какимъ-то припѣвомъ, ударилъ линейкою по пальцамъ три раза... О! вы не можете ни съ чѣмъ сравнить этой боли!!! Хорошо ли вы помните чувство, которое вы ощущали, когда сѣкли васъ? А уже вѣрно васъ сѣкли въ дѣтствѣ. Такъ, повѣрьте, тридцать ударовъ розгой все не то, что эти три удара линейкой по пальцамъ. У-у-у какъ больно!

Возвратясь домой, отдали мы въ своемъ ученѣ отчетъ батенькѣ; братьевъ похвалили, а меня порвали за чубъ порядочно. За это маменька пожаловали мнѣ два маковника: одинъ за батенькину „субку“, а другой — за дьячкову „палію“. Причемъ маменька сказали:

— Пусть толчетъ, собачій сынъ, какъ хочетъ, когда безъ того не можно, но лишь бы сѣченьемъ не ругался надъ ребенкомъ.

Не порадовало меня такое маменькино разсужденіе!

Начало ученья меня не потѣшило и еще болѣе усилило отвращеніе къ наукамъ. Иногда, не хвастаясь скажу, приходило какъ будто и желаніе что —нибудь выучить; но что же? бьюсь-бьюсь, твержу-твержу, нейдетъ въ голову. Такъ и брошу. Братья уже бойко читали шестопсалміе, а особливо Петруся — что это за разумъ былъ! цѣлый псаломъ прочтеть безъ запинки, и ни въ одномъ словѣ не поймешь его; какъ

трещотка—трррръ!—я же тогда сидѣлъ за складами. Братья оканчивали часословець, а я повторялъ: „здо, тло, мну“ и то не чисто, а съ прибавкою такихъ словъ, какихъ невозможно было не только въ кіевскомъ букварѣ, но и ни въ какой тогдашней книгѣ отыскать... Я про теперешнія ничего не говорю: свѣтъ измѣняется, и книги на что теперъ похожи?

Ну-те пожалуйста. Вотъ я учусь плохо, а братья лѣзутъ впередъ; панъ же Кнышевскій беретъ плату и за меня, какъ будто за порядочно учащагося. На мою бѣду, онъ былъ совѣстливъ и получая плату, хотѣлъ непременно научить меня всему, что самъ зналъ. „Не вотще же мнѣ получать деньги; „добьюсь“ у пана Трофима премудрости“. И точно, началъ ее „добиваться“. При первомъ разѣ, когда онъ нарушилъ свое условіе съ маменькою, т. е. когда положилъ меня на ослонъ (скамейку)... охъ! и теперъ помню, какъ это больно!... я, пришедши домой, пожаловался маменькѣ, что панъ Кнышевскій не только бьетъ меня каждый день, но сегодня уже и высѣлъ. Что же маменька? Вообразили себѣ, что я нарочно такъ говорю при батенькѣ, слыша отъ нихъ, какъ они попрекали маменьку, что онѣ упростили пана Кнышевскаго, чтобы онъ спускалъ ихъ пѣстунчику. Такъ маменька, выслушавши мою жалобу, сказали: „И хорошо, Трушко, за битаго двухъ небитыхъ дають“. Причемъ и подморгнули мнѣ, давая знать, что онѣ поняли мою хитрость. Каково же сыграли со мною?

Панъ Кнышевскій, узнавъ, что я жаловался на него, началъ учащать наказанія. Что мнѣ оставалось дѣлать, какъ молчать предъ маменькою, и всякій разъ, когда меня полагали, я приговаривалъ мысленно:

— Пропали, маменька, ваши пять локтей холста; меня бьютъ такъ, какъ будто и ничего отъ васъ не платится.

Но что же успѣлъ панъ Кнышевскій съ своими наказаніями? Таки-совершенно ничего. Я съ наукою никакъ не подвигался впередъ. Наконецъ, пану Тимоотеку пришло на мысль, что человѣку даются различные таланты: иной грамоту плохо знаетъ, но хватается писать (въ этомъ пунктѣ свѣтъ, видно, мало измѣнился). Основавшись на этомъ, онъ изрекъ:

— А ну, пане Трофиме! не угобзишься ли ты въ писаніи? Нѣсть челоувѣка безъ дарованія; иный славенъ въ одномъ, другій въ другомъ; овъ мудро чтеть, овъ красно пишеть; иный умудрается звонить, а иный отличается въ шалостяхъ—и то талантъ. И самое питіе горѣлки требуетъ дарованіе: овъ отъ чарки упивается и творится безгласенъ, а овъ и осмухою неодолимъ пребываетъ. И такъ, пане Трофиме! воспріимемъ испытывать твои таланты.

Послѣ чего панъ Кнышевскій зѣло засуетился, собирая что-то, и я ожидалъ, что онъ поставитъ предо мною штофъ водки, дабы испытать, имѣю ли талантъ къ питію ея; но все это влонилось къ приготовленію для письма.

Предложили мнѣ черную доску, разведенный въ водѣ мѣлъ и перо. Панъ Кнышевскій объяснилъ со всѣмъ жаромъ пользу писанія, что безъ него како бы возможно было словесно помянуть всѣхъ усопшихъ?

— А понеже придумано писаніе, то и всѣ покойники отъ Адама до сего дне, всѣ до единого переписаны и записаны въ поминальныя грамотки, и никто безъ поминанія не остается. А каковый доходъ даетъ пишущимъ грамотки упокойныя! потщися, паничу, почерпнуть сію премудрость и будещи имѣти мзду велию. При благопріятномъ случаѣ, егда отъ свирѣпѣющихъ болѣзней многіе умирають, угобзится тебѣ не мало толико! Писаніе таковыхъ грамотокъ одна полезная вещь, а прочее все суета; не подобаетъ унижать сего великаго художества на таковое мизерное тщеславіе.

Тутъ слѣдовало изъясненіе, какъ держать перо, какъ писать и т. п.—и моя десница пошла писать... Но что это были за фигуры вмѣсто буквъ, я вамъ и рассказать не умѣю; однимъ словомъ, пробоваль онъ учить меня писать уставомъ, полу-уставомъ и скорописью—и все никуда не годилось.

Панъ Кнышевскій справедливо заключилъ, что мнѣ „не дается мудрость и въ писаніи“ и потому отложилъ свои труды, но желая открыть во мнѣ какой ни есть талантъ, при первомъ случаѣ послать меня на звоницу отзвонить „на вѣру“ по покойнику.

На колокольнѣ нашей было колоколовъ всего пять, и я могъ уже и одинъ съ ними управиться. Подобравъ веревки и видя, что никто не оспариваетъ у меня удовольствія зво-

нить, я съ восторгомъ принялся трезвонить во всѣ руки, а между тѣмъ читать, весь символъ какъ наставленъ былъ паномъ Кнышевскимъ, читать не спѣшно, сладко и не борзяся по стихамъ, а съ аминемъ перестать забылъ.

-- Разбестія Артемій!—прибавилъ къ наставленію панъ дьякъ:—могъ бы, по случаю скончанія родителя, расщедриться и угобиться на цѣлый пятидесятый псаломъ, но заплатилъ только на символъ.

Испытали ли вы, господа, наслажденіе звонить, а еще того болѣе трезвонить? Не въ переносномъ смыслѣ, а въ прямомъ, буквальномъ! Нѣтъ? Жалѣю о васъ. Это особаго рода удовольствіе! Вы взлѣзете на колокольню, вы выше всѣхъ, всѣ ниже васъ. Еще взбираетесь на нее: сколько мальчиковъ, по сродной имъ склонности, обгоняли васъ, не пускали, сталкивали: но вы сякъ-такъ превозмогли всѣ препятства, побѣдили все, удержали мѣсто за собою. Не встрѣчая препятствій, подобрали всѣ веревки въ руки, уладили ихъ—и давай гремѣть, трезвонить во всѣ руки. Какой восторгъ! По всей деревнѣ раздается <динь-динь-динь-динь-бомъ-бомъ-бомъ>. Всѣхъ оглушаетъ звонъ, и все это производите вы, стоя на возвышеніи, а чернь, т. е. ваша чернь, стоящая и ходящая ниже васъ, слыша вашъ трезвонъ, поглядываетъ на васъ, поднявъ головы, какъ на нѣчто возвышенное. Тутъ удовлетворено ваше славолубіе, самолюбіе и даже честолюбіе! Вы плаваете въ восторгѣ! Весь этотъ шумъ производите вы, нарушаете всеобщую тишину... Не хотите перестать, повинуетесь одной необходимости, отрезвонили и съ колокольни прочь, смѣшались со всѣми, никто и не глядитъ на васъ, не отдаетъ вамъ цѣны и не замѣчаетъ васъ въ толпѣ... Не скорбите: вы были выше всѣхъ; шумъ и звошъ вашъ слышали всѣ. Послѣ него не осталось ничего? Нужды нѣтъ; вы наслаждались, вы шумѣли, вы трезвонили?.. Испытайте, прошу васъ, это особаго рода наслажденіе! Спросите у бывшихъ на колокольнѣ и трезвонившихъ въ свой чередъ; они готовы вамъ цѣлый день рассказывать, какъ они подбирали веревки, какъ улаживали все, какъ старались громче звонить!.. Никто вамъ этого, кромѣ дѣйствовавшего, не расскажетъ, потому что всѣ прочіе слышали только звонъ, а звонившимъ не занимались, да и звонъ, съ послѣднимъ

ударомъ колокола забыли—и почитаютъ, что человекъ, или глупый мальчикъ, только затѣмъ взбирался на возвышеніе, чтобы пустымъ звономъ набить уши другимъ.

Въ такихъ философическихъ разсужденіяхъ я трезвоню себѣ во всѣ руки больше полчася, забывъ всѣ наставленія пана Кнышевскаго, и продолжалъ бы до вечера, какъ онъ явился ко мнѣ на звоницу и съ грознымъ взоромъ вырвалъ у меня веревки, схватилъ за чубъ и безжалостно потащилъ меня по лѣстницѣ внизъ; дома же порядочно высѣкъ за то, что я отрезвонилъ болѣе данныхъ ему денегъ.

— Не имѣть и въ звонѣ таланта,—сказалъ панъ Кнышевскій, ударяя себя руками по бедрамъ.

Въ то время былъ благочестивый въ школахъ обычай—и какъ тамъ, что въ теперешнее время онъ не существуетъ ни въ высшихъ, ни въ нижнихъ училищахъ!—въ субботу школяры не имѣли уроковъ, но, протвердивъ зады и собравшись въ кучу, приходили къ пану Кнышевскому. Ученикъ, первый по ученію (и это всегда былъ братъ Петруся) возглашалъ за всѣхъ:

— Миръ ти, благій учителю нашъ.

— Треба бити васъ,—отвѣчалъ важно панъ Тимоотей, а мы должны были поклониться низко.

Послѣ того всѣ ученики, безъ различія состояній, становились въ двѣ линіи, посрединѣ поставлялся ослонъ (скамейка), и у нея возстоялъ панъ Кнышевскій, имѣя рукава засученные и въ грозной десницѣ держа толстый пукъ розогъ. Въ линіяхъ стояли отдѣльно псалтырщики, часословщики и граматники; школа дѣлилась на три класса; писатели не отличались особо, потому что учащій псалтырь учился и писать.

Когда все было устроено, панъ Кнышевскій возглашалъ: «пане Петре!» и братъ мой подходилъ свободно, что нужно расслабивая, дабы не задерживать другихъ... Панъ Кнышевскій относился къ одному изъ учениковъ:

— Пане Закрутинскій, кая есть четвертая заповѣдь? Прочти намъ ее повагомъ и не борзяся.

И ученіеъ провозглашалъ: помни день субботній и прочее слово за словомъ, медленно; а панъ Кнышевскій полагалъ шуйцею брата Петра на ослонъ, а десницею ударялъ

розгою, и не по платю, а въ чистоту... ударялъ же по расположенію своему къ ученику, или во всю руку или слегка; а также или сыпалъ удары часто, или отпускалъ ихъ медленно. Я сдѣлалъ расчисленіе, что иному доставалось ударовъ пятнадцать, смотря по скорости движенія руки дьяка въ продолженіе чтенія; а иному только три. Получившій напоминаніе заповѣди вскакивалъ, вланялся пану Кнышевскому и, цѣлуя руки его, долженъ былъ сказать: благодарствую, пане Тимоетее за наученіе. И панъ Тимоетей со всею важною, запечатлѣвалъ обрядъ, приговаривая:

— Сіе тебѣ за прошедшія и будущія прегрѣшенія. Помни день субботній до градуція субботы; иди съ миромъ.

Ученикъ тутъ же выбѣгалъ изъ школы и былъ свободенъ до понедѣльника.

Потомъ производилось то же дѣйствіе съ каждымъ ученикомъ поодиночкѣ до послѣдняго. И какъ въ иной годъ учениковъ бывало до пятнадцати благородныхъ и низкородныхъ (кромѣ насъ, паничей, были и еще дѣти помѣщиковъ, нашего же прихода), то мы, грамотники, какъ послѣдніе, нетерпѣливо ожидали очереди, чтобы отбыть неминуемое и скорѣе бѣжать къ играмъ, шалостямъ и ласкамъ матерей. Ожидая очереди, мы, все должное расслабивъ, поддерживали руками, чтобы не затрудняться при наступленіи дѣйствія.

Отъ дѣйствія субботки не освобождался никто изъ школярей; и самыя сыновья пана Кнышевскаго получали одинаковое съ нами напоминаніе.

За то, какая свобода въ духѣ, какая радость на душѣ чувствуема была нами до понедѣльника! Въ субботу и воскресенье, что бы ученикъ ни сдѣлалъ, его не только родители, но и самъ панъ Кнышевскій не имѣлъ права наказать и оставлялъ до понедѣльника, и тогда — «воздавалъ съ лихвою», какъ онъ самъ говорилъ.

Дѣйствіе субботки мнѣ не понравилось съ первыхъ поръ. Я видѣлъ тутъ явное нарушеніе условія маменькинаго съ паномъ Кнышевскимъ, и потому я не преминулъ пожаловаться маменькѣ. Какъ же онѣ чудно разсудили, такъ послушайте.

— А что-жъ, Трушко!—сказали онѣ, глядя меня по головѣ:—я не могу закона перемѣнить. Жалуйся на своего отца, что завербовалъ тебя въ эту дурацкую школу. Тамъ не только я, но и панъ Кнышевскій не властенъ ничего отмѣнить. Не отъ насъ это установлено.

Узнавъ о моей жалобѣ, панъ Кнышевскій взялъ свои мѣры. Всякій разъ, когда надо мною производилось дѣйствіе, онъ заставлялъ читающаго повторять нѣсколько разъ, крича: „Какъ, какъ? я не слышалъ. Повтори, чадо! Еще прочти“. И во все это время, когда заповѣдь певторяли, а иногда „пятерили“, онъ учащаль удары мелкою дробью, какъ барабанщикъ по барабану.. Ему шутки; онъ называлъ это „глумленіемъ“, но каково было мнѣ? Ясно, что маменькинъ холстъ пошелъ задаромъ!

Въ одну изъ субботъ, когда панъ Кнышевскій болѣе обыкновеннаго поглумился надо мною до того, что мнѣ невозможно было идти съ братьями домой, я остался въ школѣ ожидать, пока маменька пришлеть мнѣ обѣдъ, который всегда бывалъ роскошнѣ домашняго, и прилежъ на лавкѣ, додумываясь, по какой причинѣ мнѣ болѣе всѣхъ задаютъ память о субботѣ? Въ это время панъ Кнышевскій, распустивъ школу, усѣлся въ своей свѣтлицѣ и принялся за ирмолу протвердить ирмосы, догматики и другіе напѣвы, требуемые въ наступающую вечерню и воскресное служеніе. Голосъ у него былъ отличный; когда бралъ низомъ, то еще все ничего; но когда поднималъ горою, такъ тутъ прелесть была! Конечно, на третьей улицѣ слышно было это рѣзкое, звонкое, поразительное пѣніе. До того голосъ его былъ разителенъ, что всѣ слушающіе его сознавались, что при его пѣніи у нихъ вожу на спинѣ подирало, точно такъ, какъ при пиленіи желѣза.

Вотъ онъ какъ протверживалъ свое пѣніе, я слушалъ его съ наслажденіемъ. Когда же дьячиха покликала его обѣдать, то я, скуки ради, началъ себѣ лежа попѣвать: и далѣе, далѣе, придя въ пассію, выработывалъ своимъ голосомъ сама трудныя штуки.

Пропѣвъ одну псалму, другую, я оглянулся... о, ужасъ! панъ Кнышевскій стоитъ съ поднятыми руками и разинутымъ

ртомъ. Я не смѣлъ пошевелиться; но онъ поднѣлъ меня съ лавки, ободрилъ обласкалъ и заставилъ меня повторять пѣтую мною псалму: „пробудись отъ сна, невѣста“. Я пѣлъ, какъ слышался отъ него, и старался подражать ему во всемъ: когда доходило до высшихъ тоновъ, я такъ же морщился, какъ и онъ, глаза сжималъ, ротъ расширялъ и кричалъ съ тою же пріятностію, какъ и онъ.

Съ восторгомъ погладилъ меня по головѣ панъ Кышевскій и повелъ меня въ свѣтлицу. Тамъ досталъ онъ пряникъ и въ продолженіе того, какъ я ѣлъ его, онъ уговаривалъ меня учиться ирмолойному пѣнію. Струсилъ я крѣпко, услышавъ, что еще есть предметъ ученія. Я полагалъ, что далѣе псалтыря нѣтъ болѣе чему учиться человѣку, какъ тутъ является ирмолой; но дабы угодить наставнику и отблагодарить за засохшій пряникъ я согласился.

Панъ Кышевскій развернулъ предо мною ирмолой и, пробы ради, началъ толковать мнѣ назначеніе ирмолойныхъ крючковъ. Самъ не знаю, какъ это сдѣлалось, только я понималъ всю эту премудрость и быстро слѣдовалъ, за рѣзкимъ голосомъ пана Тимоетея, до того, что могъ пропѣть съ нимъ легонькій догматикъ. Правду сказать, что и метода его была самая благоуспѣшная. Пользы ради другихъ учениковъ и въ наставленіе другихъ учащихъ вообще пѣнію, я долженъ открыть ее. Онъ держалъ меня за ухо: когда тоны спускались внизъ, онъ тянулъ меня къ низу; возвышающіе тоны заставляли его тянуть ухо мое кверху. При самыхъ высокихъ тонахъ онъ тянулъ ухо кверху, сколько было у него силы, а я пѣлъ, или правильнѣе, кричалъ, что было во мнѣ мочи. При переливахъ голоса, онъ дергалъ меня изъ стороны въ сторону, и я выдѣлывалъ всѣ га-га-га-га—чудо. Вотъ и весь секретъ, я не утаиваю ничего и говорю во всеуслышаніе. Совѣтую первому учителю пѣнія испытать эту методу надъ ученикомъ или ученицею, и честью увѣряю, что въ нѣсколько часовъ научить громкому пѣнію. Я тому живой примѣръ. Вѣкъ открытій! Изобрѣтены способы въ нѣсколько уроковъ читать, писать, рисовать, обучиться всѣмъ наукамъ; вотъ новый способъ въ два, три часа выучиться пѣть такъ, чтобы далеко слышно было. Способъ легкой, незатѣйливый и удачливый.

Дѣло у насъ шло удивительно успѣшно. Но ученіе мое происходило келейно, тайно отъ всѣхъ. Панъ Кнышевскій хотѣлъ батеньку и маменьку привести въ восторгъ нечаянно, какъ успѣхами и другихъ братьевъ, а именно:

Петруся, какъ я и сказалъ, удивительно преуспѣвалъ въ чтеніи; послѣ трехъ лѣтъ ученья, не было той книги церковной печати, которой бы онъ не могъ разобрать и читать бойко. Въ одно воскресенье, когда батенька и маменька были въ церкви, вдругъ выходитъ читать апостолъ... кто же? Петруся!... Посудите, пожалуйста: мальчикъ по двѣнадцатому году, недоучивши и девятой каѳизмы, и читаетъ апостолъ! Да какъ читаетъ! Безъ лести сказать, дѣло давно—прошедшее, и мы же съ нимъ всю жизнь провели въ ссорахъ и тяжбахъ, но именно, какъ бы самъ панъ Кнышевскій читалъ: такъ же выводитъ, такъ же понижаетъ, такъ же окси... Нѣтъ! братъ имѣлъ необыкновенный умъ! Конечно гортанъ дѣтская, не противъ звонкой, рѣзкой гортани пана Кнышевскаго—это также чудно въ своемъ родѣ—но все-таки гортанъ, по возрасту, рѣдкая!

Безъ умиленія нельзя было и глядѣть на батеньку и маменьку. Они, батенька, утирали слезы радости; а онѣ, маменька, клали земные поклоны и тутъ же поставили большую свѣчу. Панъ Тимоѳей получилъ не въ счетъ мѣрку лучшей пшеничной муки и мѣшокъ гороху, а Петруся, послѣ обѣда, полакомился бузинымъ цвѣтомъ въ меду варенымъ.

Горбунъ Павлуся также въ грамотѣ силу зналъ; но какъ его натура была вѣтряная, то онъ все дѣлалъ, какъ теперь говорятъ, „неглиже“. Онъ склоненъ былъ болѣе къ художествамъ: достать ли чего нужно изъ маменькиной кладовой безъ пособія ключа; напроказивъ что самому и сложить вину на невиннаго, изъ явной бѣды вывернуться—на все это онъ былъ великій мастеръ; но колокольня была его любимое занятіе. И, сказать по справедливости, какъ онъ звонилъ, такъ на удивленіе! Не подумайте, однакожъ, чтобы его кто училъ или показалъ методъ—панъ Кнышевскій или Дрыгало, нашъ плѣшивый пономарь—честью моею увѣряю, что никто его не наставлялъ, а такъ, самъ отъ себя, натура, или лучше сказать, природа. Не изъ хвастовства сказать, а какъ опять къ рѣчи пришлось, что я удостоился на своемъ

вѣку быть въ Петербургѣ и прислушивался какъ звонятъ... бывалъ и въ Москвѣ, слышалъ различные звоны... хорошо, но все не то, что Павлусино звоненіе; пусть себѣ столичные жители хотя обижаются, но я правды не потаю.

Дѣло прошлое, онъ хотя и братъ мой и уже умеръ, но скажу, что онъ вызванивалъ разныя штучки: умѣлъ на колоколахъ выражать, какъ утки квакають, какъ гуси игекгекають, пѣтухи кукарекають... Да чего не выражалъ онъ! Даже до того дошелъ, что „вдоваль“, какъ дьячиха на пана Тимоетея ворчала и грызла его: это онъ выражалъ маленькими колокольчиками... да какъ затрещить, запорошнить, вотъ точно слышишь: „изгинь, пропади твоя голова, та-ра-та-та-ра-та...“ какъ обыкновенно жены грызутъ мужей. А большой колокольъ выражалъ гнѣвнаго пана Кнышевскаго, яко бы ворчащаго: „баба, полно, будетъ“ Великій художникъ былъ братъ Павлусы!

Однажды панъ Кнышевскій послалъ Павлуса отзвонить по представившемся обывателѣ богатомъ и оставившемъ большое семейство. Павлуса отличался, а дьякъ у колоколни читалъ 17-ю каѳизму, какъ мѣру, пока должно звонить, потому что заплачено за позвонъ щедро. Въ то время батенька съ маменькою были въ проходкѣ и подошли къ звоницѣ послушать необыкновеннаго звона.

— Кто это такъ умилительно звонить?—спросили маменька у пана Кнышевскаго.

— Одинъ изъ школяровъ моихъ,—сказалъ съ лукавствомъ панъ Кнышевскій, прервавъ стихъ псалма.

— Мастерски!—сказали батенька.

— Явственно изражаетъ,—продолжалъ дьякъ:—и скорбь супруги, и плачь чадъ, и звонъ оставшихся денегъ, ихъ же не мало остася.

— Прикажете ему, пане Тимоетее,—сказали маменька, когда перезвонить, чтобъ пришолъ ко мнѣ, я ему дамъ моченое яблоко въ услажденіе, какъ онъ усладилъ меня своимъ звономъ.

— Сіе можно учинить и въ сіе мгновеніе,—сказалъ панъ Кнышевскій, махнувъ рукою, чтобъ Павлусъ пересталъ звонить и сошелъ.

Слѣзши съ звоницы, братъ Павлусъ явился взору родителей моихъ—и радостный крикъ ихъ остановилъ глаголаніе дьяка. Невозможно описать восторга батеньки, увидѣвшихъ и удостовѣрившихся, что и у втораго сына ихъ, обиженнаго натурою, произведшею на спинѣ его значительный горбъ, открылся талантъ и еще отличный. Полные радости душевной, какъ нѣжные родители, они попеременно ласкали Павлуса и повели съ собою, чтобы покормить молочною кашею, приготовленною для нихъ послѣ проходки. А пану Кнышевскому, ни за что, ни про что—потому что вовсе не училъ Павлуси этому художеству—батенька подарили копну сѣна, а маменька—влубокъ валу (пряжи) на свѣтильни для каганца.

Наступало время батенькѣ и маменькѣ узнать и отъ третьаго сына своего, о которомъ даже и самъ панъ Кнышевскій рѣшительно сказалъ, что онъ не имѣетъ ни въ чемъ таланта. И такъ панъ Кнышевскій преостроумно все распорядилъ: избралъ самыя трудныя псалмы и, заведя меня и своего дьяченка, скрытно отъ всѣхъ, на токъ (гумно) въ влунѣ (ригѣ) училъ насъ выработывать всѣ га-гаканья... О, да и досталось жѣ моимъ ушамъ!

Панъ Кнышевскій, трудясь до пота лица, успѣлъ наконецъ въ желаніи своемъ и мы въ три голоса могли пропѣть нѣсколько псалмъ умилительныхъ и кантиковъ восхитительно. Для пораженія родителей моихъ внезапною радостію, избралъ онъ день тезоименитства маменьки, зная, что по случаю сей радости, у насъ въ домѣ будетъ банкетъ.

Въ радостный тотъ день, когда панъ полковникъ и гости сѣли за обѣденный столъ, какъ мы, дѣти, не могли находиться вмѣстѣ съ высокопочтенными особами за однимъ столомъ, то и я, поѣвъ прежде порядочно, скрывался съ дьяченкомъ подъ нашимъ высокимъ крыльцомъ, а панъ Кнышевскій присѣлъ въ кустахъ бузины въ саду, ожидая благоприятнаго случая. Первую переимѣну блюду мы пропустили, чтобы дать волю гостямъ свободно накушаться. Но когда сурмы и бубны возвѣстили о другой переимѣнѣ, тутъ мы вошли въ сѣни, прокашлялись, развернули ирмолой, панъ Кнышевскій взялъ меня и дьяченка за уши—и мы начали... Внезапное изумленіе поразило всѣхъ трапезующихъ.

*

Батенька какъ были оченьъ благообразны, то имъ первымъ на мысль пришло: не слѣпцы ли это поютъ? Но, разслушавъ ирмоложное искусство и разительный, окселентующій голосъ пана Тимоотея, какъ сидѣли въ концѣ стола, встали, чтобы посмотрѣть, кто это съ нимъ такъ сладко поетъ? Подошли къ дверямъ, увидѣли — остолбенѣли.. Наконецъ, чтобъ раздѣлить радость свою съ маменькою, тутъ же у стола стоявшею, отозвались къ ней.

— Оекла Зиновьевна!.. посмотри!.. Больше ничего не могли сказать: слезы ихъ проняли...

Маменька оченьъ любила пѣніе; и кто бы имъ ни запѣлъ, онѣ тотчасъ задумываются, тутъ же онѣ подносили пану полковнику тотъ кусочекъ отъ курицы, что всякій желаетъ взять, и какъ услышали наше сладкопѣніе, забыли и кусочекъ, и пана полковника, и все, стали какъ вкопанья, оченьъ задумались и голову опустили! Услышавъ же батенькинъ отзывъ, подумали и спросили:

— Чего тамъ смотрѣть?

— Посмотрите, душко, кто это поетъ? — сказали батенька.

— А нуте, нуте, кто это тамъ поетъ? — сказали маменька.

Тутъ батенька, взявъ пана Кышевскаго за поясъ, втащили его въ горницу, а за нимъ и мы втянуты были дьякомъ, не оставявшимъ ушей нашихъ, дабы не разстроилась псальма.

Маменька, какъ увидѣли и разслушали мой голосъ, который взобрался на самые высочайшіе тоны — потому что панъ Кышевскій, дабы пощеголять дарованіемъ ученика своего, тянулъ меня за ухо что есть мочи, отъ чего я и кричалъ необыкновенно — такъ вотъ, говорю, маменька, какъ разслушали, что это мой голосъ, отъ радости хотѣли-было сомлѣть, отъ чего должно бы имъ и упасть, то и побоялись, чтобы не упасть на пана полковника, или чтобъ не сдѣлать непристойнаго чего при паденіи, то и удержались гостей ради, а только начали плакать слезами радости. Конечно, имъ бы слѣдовало сильнѣе выразить свою чувствительность, затѣмъ, что когда батенька, и не любивши меня, прослезались, увидя мое дарованіе; а имъ, маменькѣ, какъ о пѣстунчикѣ своемъ, однѣхъ слезъ недостаточно было, но я ихъ не

вино: банкетъ, панъ полковникъ и всѣ гости помѣшали большому „пассажу“.

Батенька, съ дозволенія пана полковника, поднесли пану Кнышевскому большую чарку вишневки и просили еще услаждать пѣніемъ. Панъ полковникъ приказалъ стать поближе къ себѣ, и мы, ободренные, пошли вдаль, все вдаль. Панъ полковникъ, хотя кушалъ индейку, начиненную сарацинскимъ пшеномъ съ изюмомъ, до того прельстился нашимъ пѣніемъ, что, забывъ, что онъ за столомъ, началъ намъ подтягивать басомъ, довольно пріятно, хотя за жеваніемъ не разводилъ губъ, причемъ былъ погруженъ въ глубокія мысли, чаятельно вспомнилъ свои молодыя лѣта, ученіе въ школѣ и таковое же пѣніе. Гости были въ восторгѣ отъ нашего пѣнія, маменька все плакала отъ умиленія, потому что мы пѣли псалмы все чувствительныя. Батенька не могли усидѣть на мѣстѣ, забывали угощать гостей, и когда я выработывалъ, при помощи дранья меня за ухо, выспія ноты—они подходили ко мнѣ и цѣловали меня въ голову.

Послѣ обѣда батенька приказали уконтентовать пана Кнышевскаго елико можяху, а меня закормили всѣ, кто чѣмъ успѣвалъ, и всѣ любовались и завидовали моему громкому и звонкому голосу.

Торжество мое было совершенное. Послѣ этого достопримѣчательнаго дня, мнѣ стало легче. Въ школѣ, зная ли я, не зная урока, панъ Кнышевскій не взыскивалъ, а по окончаніи ученія бралъ меня съ собою и водилъ въ домъ богатѣйшихъ казаковъ, гдѣ мы пѣли разныя псалмы и канты. Ему давали деньги, а меня кормили сотами, огурцами, молочною кашею, или чѣмъ другимъ, по усердію.

Маменька очень рады были, что у любимаго ихъ сына открылся любимый ими талантъ; и когда, бывало, батенька покричатъ на нихъ порядочно, то маменька, отъ страха и грусти ради, примутся плакать и тутъ же шлютъ за мною и прикажутъ мнѣ пѣть, а сами еще горше плачутъ—такъ было усладительно мое пѣніе!

Такимъ побытомъ продолжалось наше ученіе, и уже прочіе братья: Сидоружка, Ефремужка и Егоружка поступили въ школу; а старшій братъ Петрусь, выучивъ весь псалтырь, не имѣлъ чему учиться. Нанятъ же „инспектора“

(учителя) батенька находили неудобнымъ тратиться для одного, а располагали приговорить ко всѣмъ тремъ старшимъ, но я ихъ задерживалъ: какъ сталъ на первомъ часѣ, да ни назадъ, ни впередъ.

Брату Петрусь было уже пятнадцать лѣтъ. Онъ пана Кнышевскаго и въ грошъ не ставилъ; и какъ былъ одаренъ отличнымъ умомъ, и потому склоненъ къ шалостямъ, то началъ изобрѣтать разныя потѣхи.

Дьячиха, жена пана Кнышевскаго, преобладала мужемъ своимъ, не смотря на всѣ его увѣренія и доказательства, что онъ есть ея глава.

— Какъ бы ты былъ въ супружествѣ рука,—возражала на это дьячиха:—тогда бы ты что хотѣлъ, то и дѣлалъ; но какъ ты голова, да еще дурная, глупая, то я, какъ рука, могу тебя бить.

И съ этими словами она колотила порядочно его голову и рвала за волосы.

— Воздержись, окаянная!—вопилъ Кнышевскій:—измождай тѣло мое, но не глумись надъ власами, на нихъ же не подобаетъ желѣзу выти...

— Я не желѣзомъ, а грѣшными руками рву твои патлы... приговаривала дьячиха, таская его за длинную косу, коею онъ всегда отличался.

Онъ былъ въ совершенной ея зависимости по самый день смерти ея. Когда она умерла, положивши ее какъ должно, назначилъ псалтырщикъ своихъ читать надъ нею, умилился сердцемъ и возопилъ при всѣхъ насъ: „Брате Тимоетее! лукавствуй! твой воля, твори, еже хоцещи, нѣсть припинающій тя“. И потомъ, выпивъ на калганъ гнатою горѣлки, пошелъ въ школу отдыхать на лаврахъ, избавясь отъ гонительницы своей.

Это дѣлалось вечеромъ, Лишь только панъ Кнышевскій восхрапѣлъ, братъ Петрусь приступилъ къ дѣйствию. Меня поставили къ псалтырю, приказавъ мурлыкать, будто кто читаетъ. Братъ Павлусъ, какъ великій художникъ, пробилъ въ горшкѣ глаза, носъ и ротъ, заклеилъ бумагою и отѣбилъ углемъ. Братъ Петрусь досталъ дьячихино платье, приварядился кое-какъ и приготовленный горшокъ поставилъ вверхъ

дномъ на голову, а въ середину его утвердилъ свѣчу. Фигура была ужасная, отъ которой нѣтъ такого храбраго въ мірѣ воина, чтобъ на-смерть не испугался. Въ этомъ нарядѣ Петрусь пошелъ къ спящему зѣло крѣпко въ школѣ пану Кнышевскому. Петрусь былъ окруженъ школьниками, державшими кошекъ, коихъ при входѣ въ школу начали они тянуть за уши и хвосты; кошки подняли страшный крикъ, мяуканье, визгъ... Панъ Кнышевскій неволью воспрянулъ отъ сна и, увидѣвъ необычайное явленіе, началъ творить заклинанія. Но Петрусь не боялся ихъ, и тонкимъ, визгливымъ, рѣзкимъ голосомъ, какъ покрикивала умершая, началъ грозить пану Кнышевскому, чтобы онъ не полагалъ ее въ отсутствіи отъ себя, что душа всегда будетъ находиться въ зеленомъ поставчикѣ и, смотря на его дѣянія, по ночамъ будетъ мучить его, если онъ неподобное сотворить. Повелѣвала не наказывать вовсе ни за что школярей и не принуждать ихъ къ ученію, а особливо панычей (коихъ съ поступившими отъ другихъ помѣщиковъ было всего одиннадцать), которыми приказывала давать полную волю... и много тому подобнаго наговоривъ, Петрусь скрылся съ глазъ дьяка.

Трепещущій, какъ осиновый листъ, вошелъ въ хату панъ Кнышевскій, гдѣ уже Петрусь, какъ ни въ чемъ не бывало, читалъ псалтырь бѣгло и не борзая, а прочіе школяры предстояли. Первое его дѣло было послѣшно выхватить изъ зеленого поставца калгановую и другія водки и потомъ толстымъ рядомъ покрыть его, чтобы душа дьячихи, по общанію своему тамъ присутствующая, не могла видѣть дѣяній его.

Съ сихъ поръ Петрусь чтò хотѣлъ, то и дѣлалъ. Школа наша превратилась въ собраніе шалуновъ самыхъ дерзкихъ. Главнымъ занятіемъ было, подъ предводительствомъ Петруся, пріобрѣтеніе дынь, арбузовъ, огурцовъ, яблокъ, грушъ и проч. и проч. Никакіе плетни не удерживали школярей; гдѣ же встрѣчались запоры или замки, тутъ дѣйствовало художество брата Павлуса, и онъ препобѣждалъ все. Дерзкимъ шалостямъ не было конца. Неуважаемый нами, панъ Кнышевскій возставалъ на насъ съ грозой и требовалъ, чтобы мы сидѣли смирно и твердили стихи; но Петрусь при томъ вскрикивалъ: „пане Кнышевскій! не слышите ли, что это въ зеленомъ поставцѣ шевелится?“

— Гм! гм!—покашливая, взглядывалъ панъ Кнышевскій на поставецъ и медленно уходилъ въ свою свѣтлицу, а мы, школяры, продолжали свои занятія неудержанно никѣмъ.

Дому своего мы вовсе не знали. Батенька хвалили насъ за такую прилежность къ ученію; но маменька догадывались, что мы вольничаемъ, но молчали для того, что могли меня всегда, не пуская въ школу, удерживать при себѣ. Тихонько, чтобы батенька не услышали, я пѣлъ маменькѣ псалмы, а онѣ закармливали меня разными сладостями.

Братья же мои, пребывая всегда въ школѣ съ благородными и подлыми товарищами, „преуспѣвали на горшее“, какъ говорилъ панъ Кнышевскій вздыхая, не имѣя возможности обуздать своихъ учениковъ.

Братъ Петрусь, какъ всѣ великаго ума люди, былъ любовной комплекціи, но въ занятія такого рода, по тогдашнему правилу, не могъ пускаться, потому что еще не брилъ бороды, ибо еще не исполнилось ему шестнадцати лѣтъ отъ роду.

Когда же насталъ этотъ вождедѣнный для него день, день рожденія его, коимъ начиналось семнадцатое лѣто жизни его, то призванъ былъ священникъ: прочтена была молитва; Петрусь сдѣлалъ три покловенія къ ногамъ батеньки и маменьки, принялъ отъ нихъ благословеніе на брיתіе бороды и получилъ отъ батеньки бритву: „которую“, какъ увѣряли батенька, „голилса еще пра-пращуръ нашъ, войсковою обозный, панъ Талемонъ Халявскій“ и бритва эта, переходя изъ рода въ родъ, по прямой линіи, вручена была Петруси съ тѣмъ же, чтобы въ потомствѣ его, страшій въ родѣ, выбривъ первовыросшую бороду, хранилъ какъ зѣницу ока и передавалъ бы также изъ рода въ родъ.

Маменька же благословили Петруся кускомъ грецкаго мыла и полотенцемъ, вышитымъ разными шелками, руками также прабабушки нашей, въ подарокъ прадѣдушкѣ нашему, для такого же употребленія. Вотъ и доказательство, что родъ Халявскихъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ.

Церемонія была трогательная. Сами батенька даже всплакнули; а что маменька, такъ тѣ навзрыдъ рыдали. Конечно, очень чувствительно для родителей видѣть первенца

брава своего, достигшаго совершенныхъ лѣтъ, когда уже по закону или обычаю онъ долженъ былъ исполнять дѣйствіе взрослыхъ людей. Въ теперешнее время гдѣ найдемъ сей похвальный обычай? Кто изъ юношей достигаетъ шестнадцатилѣтняго возраста съ небритою бородою и съ удаленіемъ себя отъ нѣкоторыхъ дѣйствій, свойственныхъ совершеннымъ людямъ? Наши, т. е. теперешніе юноши, въ шестнадцать лѣтъ, смотря стариками, твердятъ, что они знаютъ свѣтъ, испытали людей, видѣли все, настоящее ихъ тяготитъ, прошедшее (у шестнадцатилѣтняго!!!) раздираетъ душу, будущее ужасаетъ своею безбрежною мрачною и проч. и проч... И всѣ такія черныя мысли у нихъ оттого, что они не имѣли учителей, подобныхъ пану Кнышевскому съ его субботками, правилами ученія, методою въ преподаваніи пѣнія и всѣмъ и всѣмъ. Святая старина!

Пожалуйте же что тамъ на церемоніи,—происходить. По окончаніи поклоненій и подарковъ, Петрусь тутъ же былъ посаженъ, и рука брадобрѣя, брившаго еще дѣдушку нашего, оголила бороду Петруся, довольно по чернотѣ волосъ замѣтную; батенька съ большимъ чувствомъ смотрѣли на это важное и торжественное дѣйствіе; а маменька пугались всякаго движенія бритвы, боясь, чтобы брадобрѣй, по неосторожности, не перерѣзалъ горла Петрусю, и только все ахали.

Когда окончилось дѣйствіе (долженъ объявить, что усы у Петруся, по тогдашнему обыченію, не были выбриты), тогда батенька полодчивали изъ своихъ рукъ брадобрѣя и Петруся, которому приказали выпить свою рюмку, сказавъ: „ты теперь совершенный мужъ, и тебѣ разрѣшается на вся“. Потомъ былъ обѣдъ праздничный и послѣ него лакомства разныхъ сортовъ.

Панъ Кнышевскій, въ числѣ прочихъ дѣтей имѣлъ дочь, достигшую пятнадцатилѣтняго возраста. Увидѣвъ, что Петрусь, оголивъ свою бороду, началъ обращеніе свое съ нею, какъ совершенный мужъ, коему—по словамъ батеньки—разрѣшается на вся, онъ началъ ее держать почти взаперти во все то время, пока панычи были въ школѣ, слѣдовательно, весь день; а на ночь онъ запиралъ ее въ комнатѣ и бдѣлъ, чтобы никто не обезпокоилъ ее вочною порою. Затворница

крѣпко тосковала и при случаѣ успѣла шепнуть, что она рада бы избѣгать отъ такого стѣсненія. Немедленно приступлено къ дѣлу.

Вечеромъ нѣсколько школярей по одному названію, а вовсе не хотѣвшихъ учиться, не слушая и не уважая пана Кнышевскаго, тутъ собрались къ нему и со всею скромностью просили усладить ихъ своимъ чтеніемъ. Восхищенный возможностью блеснуть своимъ талантомъ въ сладкозвучномъ чтеніи и краснорѣчивомъ изъясненіи неудобопонимаемаго, панъ Кнышевскій усѣлся въ почетномъ углу и разложилъ книгу; вмѣсто каганца, даже самую свѣчу засвѣтилъ и, усадивъ насъ кругомъ себя, подтвердивъ слушать внимательно, началъ чтеніе.

На третьей страницѣ я отпросился выйти. Не успѣвъ выйти изъ сѣней, я началъ кричать необыкновеннымъ голосомъ: „собака, собака! ратуйте... собака!...“

Панъ Кнышевскій первый бросился ко мнѣ на помощь; но лишь только онъ выскочилъ изъ сѣней, какъ собака бросилась на него, начала рвать его за платье, свалила на землю,хватила за пальцы и лизала его по лицу.

Панъ Кнышевскій кричалъ не своимъ голосомъ. Всѣ школяры высыпали изъ хаты, закричали на собаку, которая, отбѣжавъ и никого не трогая, смотрѣла съ угла на происходящее. Не пораненнаго нигдѣ, но болѣе перепуганнаго, пана Кнышевскаго втащили мы въ хату и, осмотрѣвъ, единогласно закричали, что это бѣшеная собака, которая, если не покусала его, то уже навѣрное заразила его. Панъ Кнышевскій задрожалъ всѣмъ тѣломъ, а школяры начали кричать: „бѣсится, панъ Тимоетей бѣсится, давайте воды, попробуйте“. Мы не выпуская его изъ рукъ, приготовлялись обдать водою, а онъ кричалъ ужасно, даже ревелъ. Тутъ мы больше принялись утверждать, что „панъ Тимоетей бѣсится“.

— Чада моя! спасите меня,—началъ онъ просить насъ умоляющимъ голосомъ, и мы признали за необходимое связать ему руки и ноги и, такъ отнеся его въ пустую школу, тамъ запереть его. Трепеща всѣмъ тѣломъ и со слезами, онъ согласился и былъ заключенъ въ школъ, коей дверь снаружи заперли крѣпко.

— Θεодосію!.. Θεодосію!.. началъ кричать панъ Кнышевскій изъ своего заключенія, вспомнивъ про дочь свою. Θεодосію спасите! да идетъ она на пребываніе къ понамаркѣ Дрыгалыхъ, дондеже перебѣшуся.

Но мы, увѣривъ бѣснующагося, что дочь его при первой суматохѣ побѣжала звать знахарку, тѣмъ успокоили его.

Братъ Петрусь, какъ расположившій всѣмъ этимъ происшествіемъ, торжествовалъ побѣду... А Павлусь, какъ отличный художникъ, бывъ наряженъ и дѣйствуя собакою и такъ сильно пугавши пана Кнышевскаго, теперь переряживался въ знахарку..

Когда все кончилось и Павлусь также былъ готовъ, то Петрусь пошелъ съ нами къ заключенному. Θεодосія, смущенная, разстроенная, дрожащими руками несла передъ нами свѣчу.

Знахарка вошла, шептала надъ страждущимъ, плевала, лизала его, умывала и, намѣшавъ толченаго угля съ водою, дала ему выпить эту воду, все продолжая шептать. Всѣ мы увѣряли, что съ больнаго какъ рукою снято бѣшенство, и мы выпустили его.

Горбунчикъ Павлусь прекрасно сыгралъ свои роли; былъ настоящею собакою, ворчалъ, лаялъ, вылъ и тормозилъ пана Кнышевскаго, вотъ-таки какъ истинная собака. Знахарку онъ также представилъ весьма натурально: поговорки, приговорки, хрипливый голосъ, удушливый кашель все — было очень хорошо. Недурно и Петрусь сыгралъ свою ролю, даже весьма успѣшно; и это ему такъ понравилось, что онъ затѣялъ повторить эту комедію и на слѣдующій вечеръ.

Вечеромъ, когда мы усѣлись опять слушать чтеніе пана Кнышевскаго и когда онъ со всѣмъ усиліемъ выражалъ читаемое, Θεодосія изъ комнаты, гдѣ она запираема была отцомъ своимъ, закричала:

— Ахъ, мнѣ лихо! Посмотрите, панычи, чуть ли не бѣсится мой панъ отецъ?

— Ахъ, такъ и есть, такъ и есть! — началъ кричать Петрусь, а за нимъ и всѣ мы кричали: „бѣсится панъ Кнышевскій, бѣсится!“

— Берите же меня паки,—простоналъ несчастный,— свяжите вервиемъ и предайте заключенію во тьму кромѣшную...

Мы его честно связали и поволокли въ школу. Онъ оттуда кричалъ дочери:

— Отеодосіе! по-вчерашнему...

— И безъ васъ знаю,—отвѣчала она, поспѣшая въ комнату.

— Пригласите волшебницу слѣшнѣе?—вопилъ дьячокъ.

Въ свое время знахарка явилась и освободила пана Кнышевскаго отъ бѣшенста. Онъ самъ сознавался, что въ сей разъ бѣшенство овладѣло имъ менѣе, нежели вчерашній день.

Панъ Кнышевскій охотно давалъ себя связывать, и мы увѣрены были, что онъ безъ ворожбы съ мѣста не подвинется, а потому день ото дня безпечнѣе были насчетъ его: слабо связывали ему руки и почти не запирали школы, вводя его туда.

Эти комическія интермедіи съ паномъ Кнышевскимъ повторялись довольно часто. Въ одинъ такой вечеръ нашъ художникъ Павлусъ, отъ небрежности, какъ-то лѣнливо убрался знахаркою и высочилъ съ нами на улицу ради какой-то новой проказы. Пану Кнышевскому показалось скучно лежать; онъ привсталъ и, не чувствуя въ себѣ никакихъ признаковъ бѣшенства, освободилъ свои руки, свободно разрушилъ заклепы школы и тихо, чрезъ хату, вошелъ въ комнату.

Тутъ онъ въ самомъ дѣлѣ взбѣсился и „возрыкалъ аки вепрь дикій“, какъ самъ послѣ рассказывалъ. Виновный пробѣжалъ мимо его, за ворота, на улицу... Не понимая, въ чемъ дѣло, мы также пустились „во всѣ лопатки“ за Петрусемъ домой!

На другой день очень рано панъ Кнышевскій явился къ батюшкѣ съ жалобой на всѣхъ насъ.

— Помилуйте, вельможный пане подпрапорный!—вопилъ панъ Кнышевскій, и просилъ, и требовалъ удовлетворенія; причеиъ рассказалъ весь ходъ интриги нашей и всѣ дѣйствія изъяснилъ со всею подробностью.

Батенька такъ и покатились отъ смѣху и съ удивленіемъ восклицали:

— Что за умная голова у этого Петруся! Что за смѣлая бестія этотъ Петрусь! Мнѣ бы и во сто годовъ такъ не выдумать. Это удивленіе, а не хлопецъ!

Когда же панъ Кнышевскій умолялъ и требовалъ возмездія за поруганіе, то батенька сказали ему:

— Да чего ты, пане Кнышевскій, такъ турбуешься (хлопочешь)? Что дитя такъ пошало, а ты уже и за дѣло считаешь.

— Истина глаголетъ устами вашими, вельможный пане подпрапорный!—сказалъ панъ Кнышевскій, прижавъ руки къ груди и возведя очеса свои горѣ. Но иначе... послѣдствіе....

— Будетъ еще время толковать объ этомъ, пане Кнышевскій, а теперь иди съ миромъ. Станешь жаловаться, то, кромѣ сраму и вѣчнаго себѣ безчестья, ничего не получишь; а я за порицаніе чести рода моего уничтожу тебя и сотру съ лица земли. Иди же, возьми, когда хочешь, мѣшокъ гречишной муки на галушки и не рассказывай никому о панычевой шалости. Себя только осрамишь.

Панъ Кнышевскій, поклонясь, пошелъ и, не отказавшись отъ муки, принесъ ее домой, а происшествіе передалъ вѣчному молчалию, а Отеодосія и подавно никому не открывала.

И хорошо сдѣлалъ панъ Кнышевскій, что замолчалъ. Онъ ничего бы не выигралъ противъ батеньки, а только раздражилъ бы ихъ. Хотя они были не больше какъ подпрапорные, но, оставляя титулъ, по своему богатству, были очень сильны и важны. Но какъ были нравны, такъ это ужасъ! Всѣ ихъ трепетали, а они ни о комъ и не думали. Не приведи Господи взойти на нашу землю хотя курицѣ господской—въ прахъ разорять владѣльца ея; а если вздумаетъ поспорить или упрекать, такъ и тѣлесно надъ нимъ наругаются, а сами и въ усъ себѣ не дуютъ. И панъ полковникъ—таки всегда за батеньку руку тавуль, помня отличные его банкеты и другого рода уваженія.

Такъ куда же было пану Кнышевскому подумать тягаться съ батенькою, такъ уважаемымъ и чтимымъ не только всею полковою старшиною, но и самымъ ясновельможнымъ

паномъ полковникомъ.—Гдѣ бы и какъ онъ ни повелъ дѣло, все бы дошло до разсудительности пана полковника, который одинъ рѣшалъ всѣ и всякаго рода дѣла. Могъ ли выиграть ничтожный дьячокъ противъ батеньки который былъ „панъ на всю губу?“ И потому онъ бросилъ все дѣло, униженно прося батеньку, чтобы уже ни одинъ панычъ не ходилъ къ нему въ школу.

Батенька топнувъ ногою, прикрикнули на него:

— Вотъ глупый дьякъ, умствуешь изъ-за своей дрянной дочки! Самъ не знаетъ уже чему учить, да и находить пустую причину къ отзыву. Вздоръ! Меньшіе хлопцы: Сидорushка, Офремushка и Егорushка должны у тебя учиться по договору, а старшихъ трехъ ты не умѣешь чему учить.

Въ таковыхъ батенькиныхъ словахъ заключалась хитрость. Имъ самимъ не хотѣлось, чтобы мы, послѣ давишняго, ходили въ школу; но желая предъ паномъ Квышевскимъ удержать свой „говоръ“, что якобы они объ этой исторіи много думаютъ—это бы унизило ихъ—и потому сказали, что намъ нечему у него учиться. Дабы же мы не были въ праздности и не оставались безъ ученья, то они поѣхали въ городъ и въ училищѣ испросили себѣ „на кондиціи“ нѣкого Игнатія Галушкинскаго, славимаго за свою ученость и за способность передавать ее другимъ.

Маменька вѣрjко поморщилась, увидѣвъ привезеннаго „нахлѣбника, дѣтскаго мучителя и приводчица къ шалостямъ“.

— Хотя у него и нѣтъ дочки,—такъ говорили онѣ съ духомъ какого-то предвѣднiя,—но онъ найдетъ, чѣмъ развратить дѣтей еще горше, нежели тотъ цапъ (такъ маменька всегда называли дьячка за козлиный голосъ). А за сколько вы, Миронъ Осиповичъ, договорили его? спрашивали онѣ у батеньки, смотря изъ-подлобья.

— Столъ вмѣстѣ съ нами всегда,—разсказывали батенька, однакожъ вполголоса, потому что сами видѣли, что проторговались, дороговько назначили;—столъ съ нами, кромѣ баякетовъ: тогда онъ обѣдаетъ съ шляхтою; жить въ панычевской; для постели войлокъ и подушка. Въ зимніе вечера одна свѣча на три дня. Въ мѣсяцъ разъ позволеніе проѣздить на таратайкѣ къ знакомымъ священникамъ, не далѣе

семи верстѣ. Съ моихъ плечъ черкеска, какая бы ни была, и по пяти рублей отъ хлопца, т. е. пятнадцать рублей въ годъ.

— Такъ онъ уже за эту цѣну выучить дѣтей всѣмъ на свѣтѣ наукамъ?—спросили маменька хитростно и укори-тельно противъ оплошности батенькиной въ высокой цѣнѣ.

— Какимъ же всѣмъ наукамъ?—говорили батенька, смотря въ окно, чтобъ скрыть свой маленький стыдъ.—Рос-сійскому чтенію церковной и гражданской печати, писанію и разумѣнію по-латыни...

— И по-латыни!—вскрикнули маменька удивленно-жалкимъ голосомъ.—То были простыя, а теперь будутъ латынскіе дурни!..

— Нуте же полно,—сказали батенька, возвышая го-лосъ:—не давайте воли язычку. Вы знаете меня. Идите себѣ къ своему дѣлу.

И точно, маменька очень хорошо знали батенькину комплекцію, и потому поспѣшили убраться въ свою опочи-вальню, гдѣ наговорились вволю, осуждая батенькины рас-поряженія о насъ, но все, по обычаю, тихо, чтобъ никто не слышалъ. Потомъ волею или неволею, а помѣстили пана Галушкинскаго въ панычевской.

Новое ученье наше началось 1-го сентября. Мы при-нялись прямо читать по-латыни. Инспекторъ нашъ, Галуш-кинскій, объявилъ, что онъ, не имѣя букварей латынскихъ, которыхъ батенька, поспѣшая выѣздомъ изъ города, позабыли купить, не имѣетъ по чемъ научить насъ азбукѣ и складамъ латынскимъ, то и началъ насъ учить прямо читать за нимъ по верхамъ. Не понимая отчего и почему, указывая на сло-во, мы должны были непремѣнно говорить *manus, pater* и проч. На вопросъ объ этомъ Петруся какъ весьма любо-знательнаго, инспекторъ всегда отвѣчалъ:

— Того требуетъ наука. Не ваше дѣло разсуждать.

Петруся, по своему необыкновенному уму, въ чемъ не только прежде панъ Кышевскій, но уже и панъ Галушкин-скій, прошедшій реторическій классъ, сознавался, равно и Павлуся, по дару къ художествамъ, мигомъ выучивали свои уроки; а я, за слабую памятью, не шелъ никакъ вдаль. Да

и самъ горбунчикъ Павлуся, выговаривая слова бойко, указывалъ пальцемъ совѣмъ на другое слово.

Къ удивленію и обрадованію батенькиному—маменька же всегда, когда доходило до нашего ученья, замахивали руками и уходили прочь—въ первое воскресенье инспекторъ привелъ насъ къ батенькѣ и заставилъ читать „что мы выучили за недѣлю“. Молодцы принялись отлепетывать бойко, громко, звонко, съ разстановкою, руки вытянувъ впередъ себя, глаза уставивъ въ потолокъ (домине Галушкинскій, кромѣ наукъ, взялся преподавать намъ свѣтскую ловкость или „политичное обращеніе“) и съ акцентами по своему произволенію: „патеръ ностеръ кви эсть инъ цѣлись“—и проч. до половины.

Горбунчикъ Павлуся, какъ отрокъ изобрѣтательнаго ума, самыя слова выговаривалъ по своему произволенію, напримѣръ, *est in Coelis*, онъ произносилъ: „ѣсть нацѣлился“ и проч.

Батенька, слушая ихъ, были въ восторгѣ и немного всплакнули; когда же спросили меня, что я знаю, то я все называлъ на изворотъ: *manus* хлѣбъ, *pater* зубы, за что и получилъ отъ батеньки въ голову щелчокъ, а старшихъ братьевъ они погладили по головкѣ, учителю же изъ своихъ рукъ подвесили „ганусковой“ водки.

Маменька же, увидѣвши, что я не отличился въ знаніи иностраннаго языка и еще оштрафованъ родительскимъ щелчкомъ, впрочемъ весьма чувствительнымъ, отъ котораго у меня въ три ручья поватились слезы, маменька завели меня тихонько въ кладовую и—то-то материнское сердце! накормили меня разными сладостями и, приголубливая меня говорили:

— Хорошо дѣлаешь, Трушко, не учись ихъ наукамъ. Дай Богъ и съ одною наукою ужиться, а они еще и другую вбиваютъ дитяти въ голову.

Такимъ побытомъ, инспекторъ нашъ, домине Галушкинскій, ободренный милостивымъ вниманіемъ батенькинымъ, пустился преподавать намъ свои глубокія познанія вдаль—и своимъ особымъ методомъ. Ни я, ни Петруся, ни Павлуся не обязаны были, что называется, учиться чему, или выучивать что, а должны были перенимать все изъ словъ много-

знающаго наставника нашего и сохранять это все, по его выраженію, „какъ бублики въ узелъ навязанные, чтобы, ни одинъ не выпавъ, былъ годенъ къ употребленію“.

Хорошо было братьямъ: имъ все удавалось. Петруся, какъ необыкновенно остраго ума человѣкъ, все преподаваемое ему поглощаль и даже закидываль впередъ учительскихъ изъясненій. Домине Галушкинскій изъясняль, что, вытвердивъ грамматику, должно будетъ твердить піитику. Любознательный Петруся даже не усидѣль на мѣстѣ и съ большимъ любопытствомъ спросиль:

— А чему учить піитика?

Домине Галушкинскій погрузилься въ размышленія и, надумавшись и кашлянувши нѣсколько разъ, сказалъ рѣшительно:

— Видите ли, грамматика сама по себѣ, и она есть грамматика; а піитика сама по себѣ, и она уже есть піитика, а отнюдь не грамматика. Поняли ли?—спросиль онъ, возвыся голосъ и поглядѣвъ на насъ съ самодовольствомъ.

— Поняли, вскрикнуль я за всѣхъ и прежде всѣхъ, потому что и тогда не любиль и теперь насмерть не люблю разсужденій объ ученыхъ предметахъ и всегда стараюсь рѣшительнымъ словомъ пресѣчь глубокомысленную матерію. Вотъ почему я и поспѣшилъ крикнуть „поняли“, хотя, ей-Богу, ничего не поняль тогда и теперь не понимаю. Видно такая моя комплекція.

Въ другой разъ Петруся, принявшись умствовать, находиль въ грамматикѣ неполноту и полагаль, что нужно добавить еще одну часть рѣчи.

— Брань—такъ онъ витійствовалъ и принялся въ примѣрахъ высчитывать всевозможныя брани и ругательства, нарицательныя и пожелательныя, знаемыя имъ во всѣхъ родахъ, свойствахъ и оборотахъ, и спрашиваль: къ какой части рѣчи это принадлежить? Оно-де ни имя, ни мѣстоименіе, ни предлогъ и даже не междометіе, слѣдовательно, особая часть рѣчи должна быть прибавлена.

Я желаль, чтобы вы взглянули тогда на нашего инспектора. Недоумѣніе, удивленіе, восторгъ—что его ученикъ такъ глубоко разсуждаеть, все это ясно, какъ на вывѣскѣ у порт-

ного въ Пиративѣ всѣ его предметы, къ мастерству относящіяся, было изображено. Когда первое изумленіе его прошло, тутъ онъ чмокнулъ губами и произнесъ, вскинувъ голову немного вверху: „Ну!...“ Это ничтожное „ну“ означало: „ну ростеть голова!“ И справедливо было заключеніе домина! во всемъ Петруся преуспѣлъ; жаль только, что не сочинилъ своей грамматики!

Павлуся какъ малый художественный, изобрѣтательнаго ума, отдѣлывался прежде всѣхъ. Какую бы ни дали ему задачу, изъ грамматики ли или изъ ариметики, онъ мигомъ, не думавши, подпишетъ такъ, ни се ни то, а чортъ знаетъ что, вздоръ, какой только въ голову придетъ. Подмахнулъ, скорѣе со скамейки, съ панычевской, уже на улицѣ у ожидающихъ его мальчишекъ.... и дуетъ себѣ въ скрагли, въ свайку и ѣздитъ торжественно на побѣжденныхъ. Задачу же, ему данную, доmine Галушкинскій самъ потѣветъ и рѣшаетъ. Сначала пробовалъ его возратить и заставить исправить упущеніе; куда! и не говори ему о томъ.

Со мною домину Галушкинскому было тяжелѣе, потому что я не выучивалъ своихъ уроковъ и не требовалъ у него объясненій ни на что. Я находилъ, что во мнѣ есть какаят-то благородная амбиція, внушающая мнѣ ничего ни у кого не искать, чтобы не быть никому обязану. И такъ, всѣ мои сомнѣнія въ наукахъ и ученыхъ предметахъ я, по комплекціи моей, разрѣшалъ и доходилъ самъ. Напримѣръ, для меня казалось странно, къ чему такъ говорить, чтобы понимали мною говоримое? Писать, не какъ мысль идетъ, а подделывать слово къ слову, какъ куски жареннаго гуся на блюдо, чтобы все было у мѣста, дѣлало видъ и понятно было для другого? По-моему: говорю ли я, пишу ли—все для себя. Отзвонилъ, да и съ колокольни прочь; пусть другіе разбирають, о чемъ звонъ былъ, за здравіе или за упокой? Такъ и тутъ: выговорилъ все, что на душѣ, выписалъ все, что на умѣ, и баста! Разбирай другой, что къ чему, а я вдвойнѣ не обязанъ трудиться, чтобъ писать или говорить и притомъ еще думать. Эту задачу, повѣрьте мнѣ, я рѣшилъ безъ помощи домина Галушкинскаго самъ и не учась многому. Въ-стѣ съ прочими науками одна честь была у меня и пресловутой ариметикѣ, которую, доmine Галушкинскій увѣрялъ,

что сочинилъ какой-то вѣтаецъ Пиеагоръ, фамиліи не припомню. Еслибы, говорить, онъ не изобрѣлъ таблицы умноженія, то люди и до сихъ поръ не знали бы, что $2 \times 2 = 4$. Конечно, домине Галушкинскій говорилъ по-ученому, какъ учившійся въ высшихъ школахъ; а я молчалъ, да думалъ: къ чему трудился этотъ панъ Пиеагоръ? Къ чему сочинялъ эти таблицы, надъ которыми мучились, мучатся и будутъ мучиться до вѣку всѣ дѣти человѣческаго племени, когда можно вѣрнѣе расчитать деньги въ натурѣ, раскладывая кучками на столѣ? Давайте мнѣ и всякую науку, я докажу, что можно жить безъ нихъ, быть покойну, а потому и счастливу.

Домине Галушкинскій, видно, былъ противнаго со мною мнѣнія: онъ, противъ воли нашей, хотѣлъ сдѣлать насъ умными, да ба! маменька прекрасно ему доказывали, что онъ напрасно трудится. Онъ ему всегда говорили: „лиха матери дождешься, чтобъ изъ моихъ сыновей былъ хотя одинъ ученый“ и при этомъ, бывало, сложать шишъ, вертять его, вертять и тычуть ему къ носу, придмовивая... О! маменька ему ни въ чемъ не спускали, разумѣется, безъ бытности батеньки: а то бы...

Домине Галушкинскій, злясь въ душѣ, и примется за свои предметы; всѣ мѣры употребляетъ, чтобы вбить намъ науки, такъ куда же! братья отъ нападокъ домина инспектора отдѣлывались собственными силами и сами тузили людей, призванныхъ „для сдѣланія положенія“. А домине Галушкинскій побѣситя-побѣситя, да и отстанеть и батенькъ не скажетъ, потому что онъ замѣтилъ, когда жалуются на братьевъ, то батенька и на него сердятся; а когда хвалятъ за успѣхи, такъ батенька поднесутъ „ганусковой“ водки. Такъ онъ и давай все хвалить. Мнѣ же этого рода методъ не былъ полезенъ. Первоначально еще, маменька съ Галушкинскимъ заключили тайный „аліансъ“, чтобы на меня за лѣнность и тупость кричать и жаловаться, но отнюдь не называть, и за всякое снисхожденіе общано отъ маменьки Галушкинскому какое-то награжденіе изъ събдомаго. Такъ домине инспекторъ для приобрѣтенія себя званія гануски всегда братьевъ хвалилъ, а меня порицалъ. Киррай-киррай человекъ, а и въ Петербургъ не былъ. Игити охотѣлъ онъ жалуются, и его увонтентуютъ, а батенька дождутъ тутъ

*

же щипки, и я плачу, но тутъ же прислушиваюсь, не звенятъ ли маменькины ключи у кладовой? Я хорошо зналъ ихъ натуру: когда батенька меня бранятъ или пощелкаютъ, тутъ онъ съ лакомствами, и примутся утѣшать меня, приговаривая:

— Пускай батенька твой сердится. Ты, Трушко, не унывай, не вдавайся въ ихъ слова. И батенька твой ничему не учился, а, право, въ десять разъ умнѣе всѣхъ инспекторовъ.

И правда ихъ была.

Но... оставимъ ученые предметы. Домине Галушкинскій, и внѣ ученія, былъ противъ насъ важенъ съ строгостью. По вечерамъ, ни съ собою не бралъ „въ проходку“, ни самимъ не позволялъ отлучаться и приказывалъ сидѣть въ панычевской смирно до его прихода. Куда же онъ ходилъ,—мы не знали.

Мнѣ это нравилось. Моя комплекція вела меня къ уединенію и я, тотчасъ послѣ ученія, добирался къ своимъ, днемъ отъ маменьки полученнымъ и старательно спрятаннымъ, лакомствамъ, съѣдалъ ихъ поспѣшно и, управившись дочиста, тутъ же засыпалъ въ ожиданіи желаемого ужина. Братьямъ же моимъ такое принужденіе было несносно. На бѣду ихъ, батенька очень не любила, чтобы дѣти, безъ призыва, приходили въ домъ, а потому и прогоняли насъ отсюда. Маменька же рады были всякому принужденію, братьямъ дѣлаемому, и все ожидали, что батенька потеряютъ терпѣніе и отпустятъ инспектора, который, по ихъ разсчету, не дешево приходился. Въ самомъ дѣлѣ, какъ посудить: корми его за господскимъ столомъ, тутъ лишній кусокъ хлѣба, лишняя ложка борщу, каши и всего болѣе обыкновеннаго; а все это, маменька говаривали, въ хозяйствѣ дѣлаетъ счетъ, какъ и лишняя кружка грушеваго квасу, лишняя свѣча, лишнее.... да таки и все лишнее, кромѣ уже денегъ—а за что?.. тѣфу! при этомъ маменька всегда плевали въ ту сторону, гдѣ въ то время могъ находиться домине Галушкинскій.

Притомъ же онъ, какъ ученый, не зналъ вовсе политики. Бывало, когда съѣстъ порцію борщу,—а маменька бывало накладываютъ ему полнехонькую тарелку,—то онъ, дочиста убравъ, еще подноситъ къ маменькѣ тарелку и про-

силь „усугубити милости“. Спору нѣтъ, что маменька любила, чтобы за обѣдомъ всѣ ѣли побольше и, бывало, приговариваютъ:

— Уже наварено, такъ ѣшьте; не собакамъ же выкидывать.—Но все же доминѣ Галушкинскій поступалъ противъ политики.

И въ какіе же дураки онъ попался въ одинъ день! Надобно знать, что у насъ къ обѣду готовился одинъ день борщъ, и въ другой день супъ, чтобы не прискучило. Въ суповой день принесли къ столу свѣжей рыбы и раковъ. Маменька пожелала рыбнаго борщу и приказали изготовить. Кухарка, зная порядокъ, изготовила, какъ требовала очередь, и супъ съ лапшею и гусемъ. Изъ раковъ же, какъ ихъ было немного, сами приготовили ботвинье, называвшееся у насъ „холодецъ“, котораго, по малому числу раковъ, едва достаточно было на двѣ порціи, батенькѣ и маменькѣ. Маменька имѣли привычку раздать всѣмъ горячее, а потомъ уже принимались кушать сами, чтобы ничто ихъ не развлекало. Какъ же онѣ иностранныхъ языковъ не знали, то и не могли выговаривать „доминѣ“, равно, не любя распространяться вдаль, Галушкинскаго сокращали просто въ „Галушку“ и потому безъ „доминѣ“ звали его просто: Галушка, да и Галушка, и больше ничего. Хорошо. Вотъ мы сѣли за столъ; маменька, оставивъ въ сторону для себя и батеньки „холодецъ“, начали раздавать горячее, спрашивая, кто чего хочетъ, супу или борщу? Вопросъ очень натуральный, когда есть супъ и борщъ, потому всякій изъ насъ отвѣчалъ по желанію. Дошла очередь до инспектора. Маменька спросили его:

— А ты, Галушка, чего хочешь: борщу или супу?

Доминѣ, съ ослабленнымъ лицомъ, произнесъ не обинуясь:

— И борщика, и супцу, а воль можно, то и холодцю пожалуйте мнѣ, вельможна пани!

Боже мой! тутъ надобно было видѣть маменьку! Онѣ всѣ побагровѣли, и тутъ же, отложивъ тарелки, какъ сложили двойные шиши на обѣихъ рукахъ, да какъ завертять, минутъ пять вертѣли, а потомъ цмокнули и ткунули ему шиши къ носу, промолвивъ:

— А засыи не хочешь! Видишь, какой ласный до холодцу? Нѣтъ же тебѣ ничего!

Напекъ же раковъ доине Галушкинскій, т. е., просто говоря, покраснѣлъ какъ сукно и, не имѣя духу, стыда ради, на кого либо взглянуть, прѣсидѣлъ весь столъ опустивши голову и не ѣлъ ничего. Вотъ тебѣ и полакомился „холодцемъ“!

Но это все посторонняя матерія и сказано только встати; обратимся къ настоящему предмету.

Художественный Павлуся, а потомъ и Петруся, чрезъ отличный свой разумъ, замѣтили, что реверендиссима доине Галушкинскій каждую ночь, въ полномъ одѣяніи, а иногда даже выбрившись, выходитъ тайнымъ образомъ изъ дома и возвращается уже на разсвѣтъ. Въ одну ночь братъ, художникъ, тихонько пустился по слѣдамъ его и открылъ, что нашъ велемудрый философъ „открылъ путь ко храму радостей и тамъ приносить жертвы различнымъ божествамъ“, это такъ говорится ученымъ языкомъ, а просто сказать, что онъ еженочно ходилъ на вечерницы и веселился тамъ до свѣта, не дѣлая участниками въ радостяхъ учениковъ своихъ, изъ коихъ Петруся, какъ необыкновеннаго ума, во многомъ могъ бы войти съ нимъ въ соперничество. Отъ такого поступка самолюбіе братьевъ моихъ вѣрно было пощечено. Какъ? послѣ того, когда Петруся, по внушенію домашнихъ лакеевъ, располагалъ было „любопытства ради“ проходиться на вечерницы и доине Галушкинскій удержалъ, не пустилъ и изрекъ предлинное увѣщаніе, что таковая забава особамъ изъ шляхетства неудобно приличная, а кольми паче людямъ, вдавшимся въ науки, и что таковая забава тупитъ умъ и истребляетъ память... послѣ всего этого, „самъ онъ изволитъ шванѣдять (такъ выражался братъ), а мы сидимъ дома, какъ мальчики, какъ дѣти, не понимающія ничего? Такъ доважемъ же, что мы знаемъ и понимаемъ все и даже можемъ оставлять другихъ съ дѣтми, а сами гулять по своей волѣ. Идемъ за нимъ на вечерницы“!... Они собрались, пошли, взявъ и меня съ собою для того, чтобы всему нашему ученому обществу равно пить изъ одной чаши радостей или, въ противномъ случаѣ, отвѣчать.

Войдя въ хату одной изъ вдовыхъ казачекъ, у коихъ обыкновенно собираются вечерницы, мы увидѣли множество дѣвочекъ, сидящихъ за столомъ; гребни съ пряжею подлѣ нихъ, но веретена валялись по землѣ, какъ и прочія работы, принесенныя ими изъ домовъ, преспокойно лежали по угламъ; никто и не думалъ о нихъ, а дѣвки или играли въ дурачки или балагурили съ парубками, которые тутъ же собирались также во множествѣ; нѣкоторые изъ нихъ курили трубки, болтали, рассказывали, и тому подобно пріятнымъ образомъ проводили время.

Надъ всѣми ими законодательствовалъ нашъ реверендissime Галушкинскій, котораго и величали „скубентъ“ (испорченное студентъ), потому что онъ былъ въ бекешѣ и курилъ табакъ изъ коренковой трубки.

О! какъ изумился онъ, увидя воспитываемое имъ юношество, пришедшее насладиться удовольствіями, о которыхъ онъ запрещалъ имъ и мыслить!.. Тайные подвиги его открыты!.. Когда мы вошли, онъ, съ одною дѣвкою, пѣлъ пѣсню: „Зелененькій барвиночку“... и остановился на полусловѣ... Пришедъ въ себя, началъ кричать и прогонять насъ домой. Но братъ Петрусь, имѣвшій отважный духъ и геройскую смѣлость, неустрашимо сталъ противъ него и объявилъ, что если онъ и пойдетъ, то пойдетъ прямо къ батенькѣ и сей же часъ расскажетъ, гдѣ находится и въ чемъ упражняется наставникъ нашъ.

Домине Галушкинскій опѣшилъ и не зналъ, чѣмъ рѣшить такую многосложную задачу, какъ сидѣвшая подлѣ него дѣвка, внимательно осмотрѣвъ Петрусю, первая подала голосъ, что паньчи могутъ остаться, и что если ему, инспектору, хочется гулять, то и паньчамъ также, „потому что и у нихъ такая же душа“. Прочія дѣвки подтвердили тоже, а за ними и парубки, изъ коихъ нѣкоторые были изъ крестьянъ батенькиныхъ, такъ и были къ намъ почтительны; а были и изъ казаковъ, живущихъ въ томъ же селѣ, какъ это у насъ вездѣ водится.

— Вашицы должны благодарить Малашѣ, — сказалъ наставникъ нашъ, указывая на свою пару: — ея логика убѣдила меня. Но не смѣйте сообщать родителямъ вашимъ.

Братья побожились въ томъ и присоединились въ обществу...

— Что же входнаго отъ васъ?—вскрикнулъ одинъ парень и выступилъ противъ насъ. Я здѣсь есть атаманъ и смотрю за порядкомъ. Вновь вступающій парубокъ,—хоть вы же и паньчи, а все же парубки,—долженъ ввезти входное.

Братъ горбувъ, раскинувъ все въ широкомъ умѣ своемъ, тотчасъ вызвался требуемое поставить—и вышелъ. Вскорѣ возвратился онъ и, къ удивленію инспектора и Петруса, принесъ три курицы, полхлѣба и полонъ сапогъ пшеничной муки. Все это онъ, по художеству своему, секретно набралъ у ближнихъ, спавшихъ сосѣдей: какъ же не во что было ему взять муки, такъ онъ—изобрѣтательный умъ!—разулся и полонъ сапогъ набралъ ее. Всѣ эти припасы отданы были стряпухѣ, готовившей ужинъ на все общество.

Павлуся исполнилъ требуемое правилами. Теперь Петрусь долженъ былъ поставить горѣлки. Денегъ у него не было. Изобрѣтательный умъ Павлуся отказался удовлетворить въ семъ по той причинѣ, что къ шинкарю трудно войти секретно, а явно не съ чѣмъ было. Все пришло въ смятеніе; но великодушный наставникъ нашъ ее исправилъ, предложивъ для такой необходимости собственныя свои деньги, сказавъ Петрусю:

— Постарайтесь, вашицъ, поскорѣ мнѣ ихъ возвратить, прибѣгая къ хитростямъ и выпрашивая у пани подпрапорной, маменьки вашей, но не открывая какъ, что, гдѣ и для чего, но употребляя одинъ лаконизмъ; если же не удастся выманить, то подстерегите, когда ихъ сундучекъ будетъ не запертъ, да и... что же? это ничего. Нужда измѣняетъ законъ.

За такое мудрое наставленіе, послужившее много Петрусю и намъ въ пользу при разныхъ случаяхъ, братъ благодарилъ реверендиссима.

Получивъ деньги, Павлуся, по усердію своему, побѣжалъ въ шинокъ и скоро возвратился съ горѣлкою. Пошла гульня. Чтобы доставить и мнѣ, среди общества, занятіе, пріятное другимъ, наставникъ принялся пѣть со мною псалмы, чѣмъ мы усладили бесѣду до того, что и дѣвки затянули свои пѣсни, парубки къ нимъ пристали—и пошла потѣха! Ужинъ нашъ былъ изобильный во всемъ; простота въ обращеніи съ парубками и любезничанье съ дѣвками брата Пет-

руса такъ всѣхъ расположило къ нему, что тутъ же единогласно онъ былъ избранъ атаманомъ нашихъ вечерницъ, и всѣ, даже самъ почтенный студентъ философіи, доміне Галушкинскій, далъ торжественную клятву повиноваться всѣмъ распоряженіямъ атамана.

Если сіи строки дойдутъ до могущихъ еще быть въ живыхъ современниковъ моихъ, то, во-первыхъ, они не дадутъ мнѣ солгать, что въ вѣкъ нашей златой старовины все такъ бывало и съ ними, и съ нами, и со всѣми, начиная отъ „воспитанія“, т. е. вскормленія (теперь подъ словомъ „воспитаніе“ разумѣется другое, совсѣмъ противное), чрезъ все ученіе у пановъ Кнышевскихъ, приключенія въ школь, субботки, Θεодосія, такъ и у доминовъ Галушкинскихъ, даже до хожденія на вечерницы; вездѣ, взявши отъ семейства самаго найясневельможнаго пана гетьмана, до послѣдняго подпрапорнаго (не въ батенькѣ рѣчь), вездѣ все такъ было, конечно, съ измѣненіями, но не съ разительными. А потому они, современники мои, признаютъ, что лестно, точно лестно было для брата Петруса, безъ большихъ подвиговъ, обратить на себя вниманіе такого общества и отъ всѣхъ приобрѣсти довѣренность. А Петрусъ было не болѣе какъ семнадцать лѣтъ! Вотъ что значитъ дарованіе и способности.

Братъ Павлусъ, за его способность въ изобрѣтеніи средствъ, ловкость и проворство въ произведеніи ихъ, и все къ общей пользѣ и удовольствію, не оставленъ безъ вниманія, а избранъ ключникомъ нашихъ вечерницъ. Его дѣло было заботиться, какъ онъ знаетъ, чтобы въ ужинѣ у насъ было всего въ изобиліи. Стряпухи были въ завѣдываніи его. Ему открыто было пространное поле высказывать свои дарованія и искусство. Ужины наши были роскошныя: кормленныя куры маменькины, яйца, молоко, масло, дрова и проч., все это было брато у сосѣдей секретно; а изобрѣтательнымъ умомъ брата горбунчика всѣ слѣды закрыты искусно и ни отъ кого ни одной жалобы не бывало.

Вхожу въ подробности, конечно, излишнія для теперешнихъ молодыхъ людей: они улыбаются и не вѣрятъ моему разсказу, но мои современники ощущаютъ навѣрно одинаковое со мною удовольствіе и извиняютъ мелочи воспоминаній о такой веселой, завидной жизни. Часто гляжу на теперешнихъ

молодыхъ людей и съ грустнымъ сердцемъ обращаюсь ко всегдашней мысли моей: „какъ свѣтъ перемѣняется!“ Такъ ли они проводятъ свои лучшіе, золотые, молодые годы, какъ мы? Куда! Они рабы собственнхъ, ими изобрѣтенныхъ правилъ; они, не живя, отжили; не испытавъ жизни, тяготеютъ ею; не видавъ еще въ свой вѣкъ людей, уже удаляются отъ нихъ; не наслаждаясь ничѣмъ, тоскуютъ о быломъ, скучаютъ настоящимъ, съ грустью устремляютъ взоръ въ будущность... Имъ кажется, что вдали, во мракѣ мерцаетъ имъ завѣтная звѣзда, сулитъ что-то неземное... а до того, они, какъ засохшіе листья, упавшіе съ деревъ, носятся вѣтромъ сюда и туда, противъ ихъ цѣли и желаній!.. Такъ ли мы жили? Мы жили и наслаждались, а они не живутъ и грустятъ!.. Ну, да въ сторону ихъ: займемся собою.

Домине Галушкинскій, вмѣсто наставника нашего, сталъ совершенно подчиненъ намъ. Лишь вздумаетъ только заговорить нѣсколько повелительнымъ голосомъ, то мы и начнемъ угрожать, что скажемъ батенькѣ о посѣщеніи вечерницъ, и тогда онъ лишится мѣста, дающаго ему, кромѣ содержанія, пятнадцать рублей въ годъ, и черексу съ плеча самого батеньки нашего, да еще отпишутъ къ начальству его и онъ лишится „кондиціи“ навсегда. Это его останавливало, и онъ далъ намъ совершенную волю во всемъ. Днемъ мы были неотлучно въ панычевской, куда намъ приносили сытные и изобильные завтраки. Мы ихъ уничтожали, курили трубки, слушали разныя повѣсти, рассказываемыя наставникомъ нашимъ о подвигахъ бурсаковъ на вечерницахъ и улицахъ въ городѣ, ночныхъ нападеніяхъ на бакчи и шинки за городомъ; извороты при открытіи и защитѣ товарищей, и многое тому подобное. Многое изъ того мы прятали въ память нашу, чтобы воспользоваться при случаѣ. Въ домъ приходили только къ обѣду, челомкались съ батенькою и маменькою, обѣдали, наблюдая скромность и учтивство, преподанное намъ великимъ по сему мужемъ, студентомъ философіи, Игнатіемъ Галушкинскимъ. Послѣ обѣда, возвратясь въ панычевскую, мы ложились спать, чтобы быть бодрымъ въ ночь и потомъ принимались за приготовленія къ наступающимъ вечерницамъ. Отъ движенія, неумѣренной веселости, если мы тогда не могли уснуть, тогда менторъ нашъ давалъ намъ выпить по доброй чаркѣ водки, изъясняя, что она даетъ сонъ, а сонъ укрѣп-

ляетъ человѣка и даетъ ему силу! сила же человѣку во всякое время и при всякомъ обстоятельствѣ весьма необходима; „ergo—приговаривалъ реверендиссимае — водка преполезная вещь, и потому не должно уклоняться отъ нея“. Намъ это средство нравилось, и мы находили въ немъ удовольствіе. Правда, я не долженъ былъ бы пить водки, потому что за молодостью лѣтъ не получилъ еще благословенія брить бороду и разрѣшенія на вся, какъ старшіе братья, но доmine принуждалъ меня и приводилъ какой-то латинскій стихъ— не помню уже—въ силу коего всякій, желающій себѣ блага, долженъ непремѣнно пить. Повинуясь латинскимъ мудрецамъ, я пилъ, но немного—голова не могла выносить; братья же, напротивъ, могли пить много и не были хмѣльны. Такая была счастливая ихъ натура!

И за обѣдомъ, при батенькѣ и маменькѣ, и на вечерницахъ, при стороннихъ людяхъ, въ нашемъ разумномъ обществѣ нужно было намъ иногда передать мысли свои, чтобы другіе не поняли. Какъ тутъ быть? Опытный наставникъ нашъ открылъ намъ таинственный бурсацкій языкъ. Въ одинъ классъ мы поняли его и свободно могли изъясняться на немъ. По моему мнѣнію, это языкъ-отростокъ латинскаго, труднаго, неудобопонимаемаго, несноснаго языка. И для чего бы не оставить вовсе всѣхъ этихъ иностранныхъ языковъ, за коими какъ хвостъ слѣдуетъ грамматика со своими глупостями? Тутъ же какая легкость и удобство! Вотъ вамъ примѣръ. Въ молодости я твердо зналъ словъ десять латинскихъ, понималъ и значеніе ихъ; но теперь—хоть сейчасъ убейте меня—не помню ничего; на томъ же бурсацкомъ языкѣ я могу и теперь свободно обо всемъ говорить. Прелегкій и презвучный языкъ, достойнѣйшій быть во всеобщемъ употребленіи болѣе, нежели теперь французскій, за выученіе коего французскіе мусы—въ родѣ Галушкннскихъ—берутъ тысячами и морятъ ребенка года три; а этотъ языкъ можно безъ книги понять въ полчаса и безъ копѣйки. Какая экономія даже и во времени!... Даже прекрасный полъ съ восторгомъ принялъ бы этотъ языкъ, потому что на немъ можно выражать всѣ тончайшія нѣжности усладительнѣе, нежели на французскомъ; не нужно гнусить, а говорить ярко; притомъ же, какъ пожелается, можно объяснить чувства свои открыто и прикрыто... Но, видно, не намъ переучивать людей!...

Въ одинъ обѣдъ, когда домине Галушкинскій управился со второю тарелкою жирнаго съ индейкою борщу и прилежно салфеткою, по обычаю, вытиралъ потъ, оросившій его лицо и шею, батенька спросила его:

— А что? каково хлопцы учатся и нѣтъ ли за ними какихъ шалостей?

Тутъ домине, изъ решпехта, всталъ, какъ и всегда дѣлывалъ въ подобныхъ случаяхъ, и въ отборныхъ выраженіяхъ объяснялъ всѣ успѣхи ваши (о которыхъ мы и во снѣ не видали) и въ конклюденцію (въ заключеніе) сказалъ, что мы „золотые павычи“.

Примѣтно было на батенькиномъ лицѣ сердечное удовольствіе, и они нацѣдили крохотную рюмочку вишневки и подвинули къ инспектору, сказавъ съ принужденнымъ равнодушіемъ: „пей, домине!“ Домине Галушкинскій всталъ, почтительно выпилъ и, отблагодаривъ за честь, утерся съ наслажденіемъ и, сѣвъ попрежнему, сказалъ Павлусю:

— Домине Павлуса! Немогентусъ украдентусъ сіеуся вишнеVENTUSъ для вечерницентусъ?

А братъ безъ запинки и отвѣчалъ:

— Какъ разентусъ, я украдентусъ у маментусъ кючентусъ и нацѣдентусъ изъ погребентусъ бутылентусъ.

Надобно было видѣть, какое дѣйствіе произвелъ этотъ разговоръ на батеньку! Они были умный человѣкъ и откровенно любили ученость. Каково же было ихъ родительскому, нѣжности къ намъ исполненному сердцу слышать, что дѣти его такъ усовершенствованы въ ученіи, что хотя и при немъ говорятъ, но они не понимаютъ ничего! Чувства его могутъ постигнуть и теперешніе родители, слыша дѣтей, ведущихъ подобнаго содержанія разговоръ на французскомъ языкѣ и также не понимая его ни въ одномъ словѣ.

Глаза у батеньки засіяли радостью, щеки воспламенились; они взглянули на маменьку такимъ взоромъ, въ коемъ ясно выражался вопросъ: „а что? каково?“ въ первую минуту восторга уже не нацѣдили, а со всѣмъ усердіемъ налили изъ своей вѣржки большую рюмку вишневки и, потрепавъ инспектора по плечу, сказали милостиво:

— Пейте, панъ инспекторъ! вы заслужили своими трудами, возясь съ моими хлопцами.

Домине Галушкинскій, какъ слѣдуетъ при полученіи отъ благотворителя какой милости, всталъ, поклонился батенькѣ низко, благодарилъ за лестное ободреніе посильныхъ трудовъ его, сѣлъ съ повтореніемъ поклоновъ и усладился выпитіемъ рюмки до дна и заключилъ похвалу сему напитку риторическою фигурою:

— Таковой напитокъ едва ли и боги на Олимпѣ пьютъ въ праздничные дни.

Съ маменькою же было совсѣмъ противное. Ахъ, какъ онѣ покосились на инспектора, когда онъ заговорилъ на неизвѣстномъ имъ языкѣ; а еще болѣе, когда отвѣчалъ Павлусъ. Но когда батенька изъ своей рюмки удѣлили инспектору вишневки, да еще въ большую рюмку, тутъ маменька уже не вытерпѣли, а сказали батенькѣ просто:

— Помилуйте вы меня, Миронъ Осиповичъ! Съ чего вы это взяли такъ разливаться вишневною? Вѣдь у насъ ея не море, а только три бочки. И за что ему такая благодать сверхъ условленнаго.

— Оекла Зиновьевна! — отвѣчали батенька съ важностью, — не смущайте въ сію минуту моего родительскаго сердца, преисполненнаго радостью. Я въ сей моментъ не только рюмку вишневки, но и цѣлую вселенную отдалъ бы пану инспектору.

НВ. Батенька, при какой либо радости, всегда говорили такимъ возвышеннымъ штилемъ и голосомъ громче обыкновеннаго.

— Вселенную какъ хотите, мнѣ до нея нужды мало, — отвѣчали маменька: — кому хотите, тому ее и отдайте: не мною нажитое добро; но вишневною не согласна разливаться. Это дѣло другое.

НВ. Маменька, по тогдашнему времени, были неграмотныя, и потому не могли знать, что никакъ невозможно отдѣлить вишневку отъ вселенной. Да, конечно: куда вы вселенную ни перенесете, а вишневку гдѣ оставите? на чемъ ее утвердите, поставите? Никакъ невозможно.

— Я же только рюмку и налилъ, — сказали батенька: — кажется, рюмка вишневки стоитъ радости, какую мы имѣемъ, слыша дѣтей нашихъ, говорящихъ на иностранномъ діалектѣ?

— Подлинно, что иностранный! никто и не пойметъ его, — сказали съ явнымъ неудовольствіемъ маменька. — И какъ-то сбиваетъ на вечерницы, да на украдку. Ужасно слушать!

НВ. Я долго не могъ сообразить, отчего маменька, неграмотная, а скорѣе, нежели батенька, которые были, напротивъ, умный человѣкъ и любили ученость, поняли, о чемъ говорить доmine инспекторъ? Онѣ какъ разъ разслушали вечерницы и „украду“, а батенька и съ ученостью да прозѣвали всю силу. Теперь уже мусье гувернеръ одного изъ внуковъ моихъ объяснилъ мнѣ, что иногда человѣкъ и безъ ума, а скажетъ слово или сдѣлаетъ дѣйствіе такое, чего умному и на мысль не придетъ, „и что, прибавилъ онъ, мать ваша, какъ женщина, одарена была... статестическимъ... чувствомъ“. Что маменька была женщина, это такъ; но чтобъ имѣла такое чувство, я въ ней не замѣтилъ, и она не сознавалась. Мнѣ кажется, это произошло такъ, безъ всякаго чувства.

На ея замѣчаніе батенька возразили:

— Это, маточка, оттого, что вы вовсе не знаете въ языкахъ силы.

— Видите, какіе вы стали неблагодарные, Миронъ Осиповичъ! А вспомните, какъ вы посватались за меня и даже въ первые годы супружеской жизни нашей, вы всегда хвалили, что я большая мастерица готовить, солить и коптить языки; а теперь уже, чрезъ восемнадцать лѣтъ, упрекаете меня явно, что я въ языкахъ силы не знаю. Грѣхъ вамъ, Миронъ Осиповичъ, за такую фальшь! И маменька чуть не заплакали: такъ имъ было обидно!

— Умилосердитесь надо мною, Оекла Зиновьевна! почти вскрикнули батенька и бросили назадъ поднесенную уже ко рту косточку жаренаго поросенка, которую предпринимали обсосать. — Вы всегда превратно толкуете. У васъ и столько толку нѣтъ, чтобъ понять, что я не о говяжьихъ языкахъ говорю, а о человѣчьихъ. Вы ихъ не знаете, такъ и молчите.

— По крайней мѣрѣ я имѣю свой языкъ и знаю его короче, нежели вашъ, и потому говорю имъ, что думаю. Говорю и всегда скажу, что дѣтскій языкъ не тотъ, что у

нихъ во рту, а тотъ, которымъ они говорятъ не по-нашему: языкъ глухой, воровской, непристойный.

НВ. Маменька имѣли много природной хитрости. Бывало, какъ замѣтятъ, что онѣ скажутъ какую неблагоразумную рѣчь, тотчасъ извернутся и заговорятъ о другомъ. Такъ и тутъ поступили: увидѣвъ, что невпопадъ начали толковать о скотскихъ языкахъ, такъ и отошли отъ предмета.

Батенька, чтобъ больше маменькѣ досадить, начали подтрунивать надъ ними и просили домине инспектора проэкзаменовать и насъ въ иностранной словесности.

Петрусь на заданный вопросъ отвѣчалъ бойко и отчетисто (слова, мною недавно схваченныя въ одной газетѣ, а смысла ихъ совсѣмъ не понимаю); батенька улыбнулись отъ восхищенія. Дошла очередь ко мнѣ, и домине спросилъ:

— У когентусъ лучшентусъ голосентусъ, у Гапентусъ или у Веклентусъ?

Вопросъ былъ удобенъ къ рѣшенію и совершенно по моей части. Для незнающихъ бурсацкой словесности я переведу на російскій языкъ: „у кого, дескать, лучше голосъ, у Гапки или Веклы?“ Это были двѣ дѣвушки, которыхъ домине Галушкинскій училъ пѣть со мною разные кантати. Я могъ бы однимъ словомъ рѣшить задачу, сказавъ, что „у Гапки де“, потому что у нея, въ самомъ дѣлѣ, былъ необыкновенный звонкій голосъ, отъ котораго меня какъ морозомъ драдо по спинѣ. Но я былъ маменькиной комплекціи: чего мнѣ не хотѣлось, ни за что не скажу и не сдѣлаю ни за какіе милліоны, и хоть самая чистѣйшая правда, но мнѣ не нравится, то я не соглашаюсь ни съ кѣмъ, чтобъ то была правда. И какъ вижу, что маменькѣ, имѣвшей отвращеніе отъ всякой учености, не нравится наша иностранная словесность, рѣшился притвориться непонимающимъ ничего и молчалъ.... молчалъ, не внимая никакимъ убѣжденіямъ, намекамъ и понужденіямъ домине Галушкинскаго.

Батенька, озляся, вставши отъ стола и проходя мимо меня, дали мнѣ такой щипки въ голову, что у меня слезы поватились въ три ручья, и пошли опочивать. НВ. У батеньки рука была очень тяжела. Маменька же, напротивъ, погладивъ меня по головѣ и обтерши горькія мои слезы, взяли за руку, повели въ свою кладовеньку и надавали мнѣ раз-

ныхъ лакомствъ и, усадивъ меня со всѣмъ моимъ пріобрѣтеніемъ у себя въ спальнѣ на лежанкѣ, сказали: „сдѣлай милость, Трушко, не перенимай ничего нѣмецкаго!“ (NB. Известно уже, что маменька были неграмотныя и до того не свѣдущія въ свѣтскомъ положеніи, что не знали разницы между нѣмецкимъ и латинскимъ государствами. Имъ и на мысль не входило, что эти различные между собою народы говорятъ различными языками. По ихъ разумѣнію всѣ нѣмцы, да и нѣмцы). „Ты и такъ отъ природы глупенецъ, а какъ научишься всякой премудрости, то и совсѣмъ одурѣешь“.

„Достопамятное изреченіе! Его слѣдовало бы изобразить золотыми буквами на публичномъ столбѣ каждаго города. Слѣдуя ему, сколько молодыхъ людей отъ дверей училища возвратились бы прилично мыслящими и были бы пристойно живущими людьми; а то, не имѣя собственнаго разсудка и вникнувъ въ бездну премудрости, но понявъ ее превратно, губятъ потомъ себя и развращаютъ другихъ“.

Это разсужденіе помѣстилъ въ моихъ запискахъ одинъ изъ многаго числа племянниковъ моихъ, который хотя и былъ записанъ въ студенты, но, слѣдуя предостереженію маменьки моей, далѣе сѣней университетскихъ не доходилъ, даже въ карцерѣ не бывалъ. Впрочемъ, былъ умная голова!

Маменька на этомъ увѣщаніи не остановились. Онѣ были однѣ изъ нѣжнѣйшихъ маменекъ нашего вѣка, коихъ, правда, и теперь въ новомъ поколѣніи можно бы найти тысячи, подъ другою только формою, но съ тѣми же понятіями о пользахъ и выгодахъ любимчиковъ сынковъ своихъ. И такъ маменька, продолжая мотать нитки, продолжали наставлять меня:

— Я съ утѣшеніемъ замѣчаю, что ты имѣешь столько ума на то, чтобъ не выучиваться всѣмъ этимъ глупостямъ, которыя вбиваетъ въ голову вамъ тотъ проклятый бурсакъ. Ты, душка, выслушивай всегда, да ничего не затвержай и не перенимай. Плюй на науки, и останешься разумнымъ и съ здоровымъ желудкомъ на весь вѣкъ. Въмѣсто этой дурацкой грамоты, которая только и научитъ тебя что читать, я бы желала, чтобы ты взялся за иконопиство или, по крайней мѣрѣ, за малярство. Что за веселая работа! Что мазнулъ кистью, то либо красная, либо блакитная полоса!.. И мнѣ бы

когда обмалевалъ сундучокъ или дзигликъ (такъ тогда называлася стулка, т. е. стулъ). Я бы умерла спокойно, еслибы увидѣла что-нибудь окрашенное твоимъ искусствомъ....

Въ ту пору я добѣдалъ моченое яблоко изъ пожалованныхъ мнѣ маменькою лакомствъ и поспѣшилъ обрадовать маменьку, что я уже умѣю раскрашивать „кунштики“.

— О!... вскричали восхищенные маменька и, отъ восторга забывши, что онѣ мотають нитки, всплеснули руками и уронили клубокъ свой. — Кто же тебя этому художеству научилъ? спросили онѣ, даже облизываясь отъ радости.

— Никто не училъ, а самъ перенялъ, — отвѣчалъ я. И не солгалъ. Почувствовавъ въ себѣ влеченіе къ живописи и увидя у домине Галушкинскаго нѣсколько красокъ и пензеликъ, я выпросилъ ихъ и принялся работать. Нарисовавъ нѣсколько изъ своей головы лошадей, собакъ и людей и бывъ этимъ доволенъ, я рѣшился идти вдаль и раскрашивать все, попадавшееся въ книжкахъ. Въ Баумейстеровой логикѣ и въ Ломоносовой риторикѣ, какіе были цвѣточки или простыя фигурки, я такъ искусно закрашивалъ, что подлиннаго невозможно было и доискаться; и даже превращалъ весьма удачно цвѣточки въ лошадку, а скотинку въ женщину.

Маменька не совсѣмъ повѣрили мнѣ; но когда я принесъ свое художество, то онѣ ахнули, а потомъ прослезились отъ восторга. Долго разсматривали мною раскрашенные кунштики; но какъ были не грамотны, то и не могли ничего понять и каждый кунштикъ держали къ себѣ или вверхъ ногами или бокомъ. Я имъ не толковалъ; а онѣ не переставали хвалить, что какъ это все живо сдѣлано? То-то материнское сердце: всегда радуется дарованію дѣтей своихъ! При разспросахъ о значеніи каждаго кунштিকা, имъ вдругъ пришла въ голову слѣдующая счастливая мысль:

— Послушай, Трушко, что я вздумала. У твоего панъ-отца (маменька о батенькѣ и за глаза отзывались политично) есть книга вся въ кунштахъ. Меня совѣсть мучить, и нѣтъ ли еще грѣха, что всѣ эти знаменитыя лица лежатъ у насъ въ домѣ безъ всякаго уваженія, какъ будто онѣ какой арабской породы, всѣ черныя, безъ всякаго человѣческаго вида. Книга, говорятъ, по кунштамъ своимъ рѣдкая, но я думаю,

что ей цѣны вдвое прибавится, какъ ты ихъ покрасишь и дашь каждому живой видъ.

Я задрожалъ отъ восхищенія, что мнѣ предстоитъ такая знаменитая работа, и тутъ же обѣщаль маменькѣ отдѣлать всѣ куншты такъ, что ихъ и узнать не можно будетъ.

Маменька скоро нашли случай вытащить эту книгу у батеньки и передали ее мнѣ для приведенія въ лучшій видъ. Съ трепещущимъ отъ радости сердцемъ приступилъ я къ работѣ. Всѣхъ кунштиговъ было сто. Первый кунштъ представлялъ какого-то нагого человѣка въ саду, окруженнаго звѣрами. Не было у меня красокъ всѣхъ цвѣтовъ, но это меня не остановило. Я пособилъ своему горю и раскрасилъ человѣка, какъ первую фигуру, лучшею краскою, красною; льва желтою, медвѣдя зеленою и такъ далѣе по очереди, наблюдая правила, о коемъ тогда и не слыхалъ, а самъ по себѣ дошелъ, чтобы на двухъ, вмѣстѣ стоящихъ, звѣрахъ не было одинаковаго цвѣта.

Работа моя шла быстро и очень удачно. Маменька не находили словъ хвалить меня и закармливали ласоцами. Только и потребовали, чтобы нагихъ людей покрыть краскою, сколько можно толще и такъ, чтобы ничего невозможно было различить.

— Покрой ихъ, Трушко, потолще; защити ихъ отъ стыда.

И я со всѣмъ усердіемъ наглядывалъ на нихъ всѣхъ цвѣтовъ краски не жалѣя, и имѣлъ удовольствіе слышать отъ маменьки:

— Вотъ теперь живо; невозможно различить человѣкъ ли это или столбъ?

Лица, нравившіяся мнѣ, я красилъ любимыми цвѣтами, на примѣръ: лицо зеленое, волосы и борода желтые, глаза красные; но какъ „пензель“ у меня былъ довольно толстъ, то и крашеніе мое переходило черезъ границы, но это вовсе не портило ничего. Тѣхъ же, которые мнѣ не нравились — ухъ! какими уродами я сдѣлалъ! Чтобы имѣть выгоду представить ихъ по своему желанію, я, вмѣсто лица, намазывалъ большое пятно, и на немъ уже располагалъ уродливо глаза (у злѣйшихъ моихъ враговъ выковыривалъ ихъ вовсе), носъ и ротъ

и все въ самомъ отвратительномъ видѣ. И подѣломъ имъ! Какъ имъ равняться съ порядочными людьми....

Домине Галушкинскій и братья мои озабочены были своими дѣлами и не имѣли времени подмѣтить мои занятія и полюбоваться моимъ художествомъ.

Наконецъ работа моя кончилась, и маменька собирались обрадовать батеньку нечаянно. У нихъ обоихъ было общее правило: о чемъ нибудь хорошемъ, восхитительномъ, не предварять, а вдругъ поразить нечаянностью. Маменька такъ и расположились до случая, который скоро открылся.

Домине Галушкинскому истекалъ срокъ быть „на кондичіяхъ“, и онъ долженъ былъ возвратиться въ школу, чтобы продолжать свое ученіе. За руководство насъ въ наукахъ онъ получалъ изрядную плату и не желалъ лишиться ея, для чего онъ предложилъ батенькѣ, чтобы насъ, паньчей, опредѣлить въ школу для большаго усовершенствованія въ наукахъ, въ коихъ мы, подъ руководствомъ его, такъ успѣли. Батенька нашли это выгоднымъ и договорились съ нимъ вновь: вмѣсто платы съ плеча батенькинаго должно было ему „набрать“ сукна цвѣтомъ, какого онъ самъ изберетъ, и къ этому снабдить его снурками и кистями, какъ слѣдуетъ для киреи. Деньги прежнія сами по себѣ. Жить ему съ нами на квартирѣ и на нашихъ харчахъ. Въ городѣ приискана была уже квартира, и сукно для киреи пана Галушкинскаго было куплено цвѣтомъ, какого онъ желалъ. Избранный имъ цвѣтъ сукна былъ чудесный. Это былъ вишневый, смѣшанный съ краснымъ, чернымъ и голубымъ. Чудесный отливъ былъ! Пожалуйте же, что съ этимъ прелестнаго цвѣта сукномъ случится, такъ это умора! расскажу послѣ. Теперь же батенька, что отъ нихъ зависѣло, до послѣдняго все распорядили; оставалось маменькѣ устроить насъ провизією, посудюю и прислугою. Батенька искали удобнаго времени объявить объ этомъ маменькѣ, не потому, чтобы ихъ не огорчить внезапнымъ извѣстіемъ о разлукѣ съ дѣтьми, но чтобы самимъ приготовиться и, выслушивая возраженія и противорѣчія маменькины, которыхъ ожидали уже, не выйти изъ себя и гнѣвомъ и запальчивостью не разстроить своего здоровья, что за ними иногда бывало.

*

На таковъ конецъ батенька начали довольно меланхолично:

— Прикажете, Оекла Зиновьевна, завтра поутру рано отпустить муви, крупъ, масла и что нужно...

— Не опять ли комиссару?—спросили маменька твердымъ голосомъ, не ожидая ничего неприятнаго.

— Какому комиссару? Подите съ нимъ въ болото, а слушайте меня. Всего этого отпустите сколько надобно для дѣтей. Онѣ завтра переѣдутъ въ городъ учиться въ школахъ.

Маменька такъ и помертвѣли!.. Черезъ превеликую силу могли вступить въ рѣчь и принялись было доказывать, что ученіе вздоръ, гибель-де нашимъ деньгамъ и здоровью. Можно быть умнымъ ничего не зная, и всему научась, быть глузу.

— Многому ли научились наши дѣти—продолжали онѣ:—не смотря что сколько мы на нихъ положили кошту пану Тимоетею и вотъ этому дурню, что по-дурацки научилъ говорить нашихъ дѣтей и невинныя ихъ уста заставилъ произносить непонятныя слова...

— Чудны вы мнѣ, Оекла Зиновьевна, съ вашею глупостію! Каково было бы вамъ слушать, еслибы я началъ толковать о вашихъ ниткахъ или кормленыхъ птицахъ? Такъ и тутъ. Наукъ совсѣмъ не знаете, а толкуете о нихъ.

— Первые годы послѣ вашего супружества, сказали маменька очень печальнымъ голосомъ и трогательно подгрюнились рукою,—я была хороша и разумна. А вотъ пятнадцать лѣтъ, счетомъ считаю, какъ не знаю, не вѣдаю, отчего я у васъ изъ дурь не выхожу. Зачѣмъ же вы меня, дуру, брали? А что правда, я то говорю, что ваши всѣ науки дурацкія. Вотъ вамъ примѣръ: Трушко, также ваша кровь, а мое рожденіе; но какъ онъ еще непороченъ и тѣломъ, и духомъ, и мыслію, такъ онъ и имѣетъ къ нимъ сильное отвращеніе.

— Вы мнѣ, Оекла Зиновьевна, не колите глазъ своимъ пѣстунчикомъ, Трушкомъ; онъ хотя и непороченъ, но изъ дураковъ дуракъ, и изъ него будетъ не болѣе какъ свинопасъ. Батенька отъ противорѣчій начинали уже приходиться въ азартъ.

Тутъ маменька нашла удобную минуту опѣшить батеньку и, подойдя къ столу, достали нѣмецкую книгу и начали переворачивать листы, изукрашенные моимъ художествомъ.

— Кто... кто это сдѣлалъ?—вскричали батенька, вскипѣвъ отъ гнѣва.

Маменька, не замѣтивъ въ тонкости состоянія духа ихъ, а относя крикъ ихъ къ удивленію, отвѣчали такимъ же меланхоличнымъ тономъ, какъ и батенька при началѣ разговора:

— Это дуракъ изъ дураковъ такъ украсилъ; онъ не болѣе, какъ свинопастъ!

Маменька такую аллегорію хотѣли кольнуть батеньку.

— Какъ онъ смѣлъ это сдѣлать?—не кричали, а ревѣли батенька до того, что окна и двери въ домѣ тряслися. Въ запальчивости бросились они къ маменькѣ, желая, по обычаю, потузить ихъ хорошенько... И тогда мнѣ лучше было бы. У батеньки такая была натура, что когда разлюютуются, такъ и колотятъ перваго, кто попадетса; когда же выбьютъ свое сердце, то виноватому уже ни слова не скажутъ. Тутъ же, къ моему несчастью, маменька ушли отъ ударовъ батенькиныхъ, оставивъ въ дверяхъ и епаничку свою; а я, спрятавшійся—было въ цуховики маменькины, вытащентъ и наказанъ чувствительно и больно.

Батенька цѣлый день не могли успокоиться и зная твердили, что книга ихъ по кунштамъ была неоцѣненна; что иконописецъ, расписывающій въ ближнемъ селеніи иконостасъ, самъ предлагалъ за нее десять рублей.

Маменька же хотя не смѣли и на глаза показаться батенькѣ, но, сидя въ другой комнатѣ, переговаривали ихъ слова тихонько:

— Десять рублей! великое дѣло! Кажется, своя утроба дороже стоитъ.

Однако же это происшествіе не удержало бы насъ отъ поѣздки въ городъ; но случилось нѣчто еще страннѣе. На концѣ отъѣзда, когда доmine Галушкинскій, по обычаю, управлялся съ другою тарелкою борщу, вдругъ... какъ обваренный, кидаетъ ложку, схватывается за животъ, вскакиваетъ со стула и бѣжитъ... формально бѣжитъ изъ комнаты... Маменька насупилась за такую его неучтивость, а батенька, то же

подумавъ, что и маменька, улыбулись, а за ними и мы, дѣти, и особливо меньшія, расхохотались во все горло. Ну, и вужды вѣтъ, пересмѣялись, подумали и принялись за слѣдующее блюдо... какъ бѣжитъ вашъ доминѣ, блѣдный какъ мертвецъ, волосы, какъ ни были связаны крѣпко въ косѣ, однакожь, всѣ напужились отъ внутренняго его волненія; въ рукахъ онъ несетъ какую-то дерюгу, рыже-желто-краснаго цвѣта съ разными безобразнаго колера пятнами, а самъ горько плачетъ и, обращаясь къ батенькѣ, жалостнымъ голосомъ говоритъ:

— Вотъ, ваше вельможество, мой милостивый патронъ и благодѣтель! вотъ что учинилось съ вашимъ даромъ!...

Батенька изумились такимъ его рѣчамъ, взяли эту дерюгу, развернули ее и насилу узнали, что это было то сукно, которое они пожаловали по уговору на кирею доминѣ Галушкинскому и которое было необыкновенно прелестнаго цвѣта, какъ я сказалъ выше, а теперь стало мерзкаго цвѣта съ отвратительными пятнами.

По мивованіи батенькинаго удивленія, они принялись разспрашивать доминѣ, отчего сукно измѣнило свой цвѣтъ? И тотъ, т. е. доминѣ Галушкинскій, среди вздохомъ и всхлипываній, рассказывалъ слѣдующій пассажъ: получивъ отъ милостей батенькиныхъ сказанное сукно, понесъ, дабы похвалиться имъ Ульянѣ, нашей ключницѣ, молодой женщинѣ и дружно жившей съ доминѣ инспекторомъ до того, что она каждое утро присылала ему „горяченькую булочку“ съ масломъ и сметаномъ ради фриштыка. Но это другая матерія; отложимъ въ сторону. Въ ту самую пору, когда онъ принесъ сукно, Ульяна разливала уксусъ, и какъ доминѣ Галушкинскій необыкновенно близко подошелъ къ Ульянѣ, то одна мельчайшая капелька брызнула на сукно и сдѣлала на немъ пятнышко ярко-оранжеваго, необыкновенно-прелестнаго цвѣта. По возвращеніи отъ Ульяны, доминѣ Галушкинскому пришла счастливая мысль—все сукно превратить въ такой чудесно-прекрасный цвѣтъ. На сей конецъ, получивъ отъ Ульяны достаточное число уксусу, намочилъ въ немъ несчастное сукно... Какъ намочилъ, а самъ пошелъ въ проходѣ; возвратился, поуживалъ, легъ спать, а сукно все мокнетъ. Уже и утро; доминѣ Галушкинскій исполнилъ все долж-

ное, сѣлъ обѣдать, а сукно все мокнетъ!... Онъ всегда говорилъ о себѣ, что чѣмъ бы онъ ни занимался, что бы ни дѣлалъ, всегда имѣлъ философическія мысли въ головѣ. Такъ и теперь: ѣвши борщъ, онъ разсуждалъ, что малое количество пищи не можетъ утолить сильнаго голода. Отъ сего силлогизма, восходя все выше и выше, съ приспособленіями и примѣненіями, онъ мысленно сошелъ и до сукна—какъ вдругъ озарила его свѣжая мысль: когда капнула капля уксусу на сукно, то онъ его въ тотъ же мигъ стеръ и оттого вышелъ цвѣтъ неизъяснимо прелестный; но когда сукно мокнетъ невступно цѣлые сутки, то не испортилось бы оно... Эта догадка, какъ молнія, поразила его, и онъ, какъ кипяткомъ облитый, выскочилъ и побѣжалъ „оставя по себѣ сомнѣніе—такъ заключилъ онъ свое повѣтствованіе—насчетъ своей благопристойности...“

Батенька и мы всѣ много смѣялись несчастью доминне инспектора, однѣ маменька ужасно сердито смотрѣли, не изъ сожалѣнія къ убытку „Галушки“, а опасаясь, что батенька изъ жалости „къ этому дурню“—такъ онѣ его часто называли—наберутъ ему вновь столько же сукна. Такъ и вышло. Единственно въ пику маменькѣ батенька послали въ городъ за сукномъ, и пока его привезли, мы это время наслаждались домашнею жизнью.

Ну-те. Чтобъ недолго разсказывать: насъ, собравши, отправили въ повозкѣ въ городъ. Кромѣ избыточной во всемъ провизіи для пропитанія нашего, намъ данъ хлопецъ Юрко; онъ долженъ былъ прислуживать намъ троицъ и домину инспектору нашему. Для наблюденія за насыщеніемъ нашимъ откамандирована была „бабуся“, мастерица производить блины, пироги, пирожки, пирожечки, пирожентики и тому подобныя разныя вкусныя блюда и лакомства. Ей дано было подробное наставленіе—и все это отъ вѣжливѣйшей маменьки нашей—чѣмъ и по сколько разъ въ день кормить насъ. Въ помощь ей дана была дѣвка, страпуха; на ней лежала обязанность мыть намъ головы еженедѣльно, чесать и заплетать длинныя косы наши еженедневно, распорядить бѣльемъ и т. п.

Еще съ вечера отъѣзда нашего маменька начали плакать, а съ утра печальнаго дня „голосить“ и оплакивать насъ съ невыразимо трогательными приговорами. Само по

себѣ разумѣется, что я, какъ объявленный „пѣстунчикъ“ ихъ, получилъ болѣе ласкъ, нежели старшіе братья мои. Такимъ образомъ, приговаривая и лаская меня, вдругъ онѣ въ самомъ дѣлѣ сомлѣли и валятся-валятся—и упали на полъ. Я испугался и закричалъ:

— Батенька, пожалуйста сюда: маменька померли!

Батенька, пришли и, увидѣвъ, что онѣ не совсѣмъ умерли, а только сомлѣли, дали мнѣ препорядочнаго туза, чтобы я не лгалъ, а сами принялись освобождать отъ обморока маменьку, шевеля ей въ носу бумажкою. Это скоро помогло: маменька чихнули раза три и встали сами по себѣ какъ ни въ чемъ не бывало, и принялись опять за свое—голосить.

Ну, какъ же не хвалить старины? Чудное дѣло какъ было все совершеннѣе! Какъ бы крѣпко маменька ни сомлѣли, батенька, пощекотавши ихъ въ носу бумажкою, въ ту же минуту приводили ихъ въ себя. Теперь же прошу покорно! Жена моя, то-и-дѣло, по слабости нутуры, сомлѣваетъ, но щекотать ей въ носу даже и я не смѣю, строжайше запретила, не объяснивъ причины. А тутъ взбѣгаемся всѣ: я, дѣти, прислуга; кто спиртъ къ носу тычетъ, кто „оподель-докомъ“ виски ей треть; кто, разведя ложку „магнезіи“ въ красномъ винѣ, дастъ ей выпить, и тѣма хлопоть! А не успѣемъ привести въ чувство, какъ она вновь сомлѣла, и бацъ на полъ. Пощекотать бы ей въ носу, такъ и не было бы такихъ бѣдъ!

И то сказать: и различные обмороки и отъ различныхъ причинъ бываютъ. Въ старину маменька сомлѣвали отъ всякаго сильнаго чувства; въ среднее время, моя любезнѣйшая супруга упадаетъ въ обморокъ такъ, ни отъ чего, ни съ радости, ни съ печали, когда вздумаетъ—бацъ! и возися съ нею. Въ новѣйшее же, усовершенствованное—какъ нынѣшніе люди думаютъ—время, вторая моя невѣстка, хотя ей ужасная радость или печаль, ни за что не упадетъ въ обморокъ, когда не случится тутъ „гувернеръ“ сына ея. Онъ, изволите видѣть, какой-то природный маркизъ, но имѣетъ особую страсть воспитывать юношество, и потому, сложивъ свою знатность, договорился у моей невѣстки, когда она была на чужестранныхъ водахъ, образовать сына ея... О! да и взялъ же съ нея—гувернерствовать! между нами сказавши—очень дорого.

Правда, кромѣ образованія мальчика, онъ ей полезенъ въ обморокахъ: никто-де такъ ловко не поддержитъ, какъ этотъ мусье-гувернеръ. А по той причинѣ, когда онъ при ней, что часто бываетъ, то она уже смѣло падаетъ, чтобы наслаждаться удовольствіемъ быть поддержанной мусье-маркизомъ. Вотъ и выходитъ, что и обмороки и причины къ нимъ теперь совсѣмъ отличны отъ прежнихъ.

Пожалуйте, о чемъ-бишь я рассказывалъ?.. Да, вотъ насъ привялиса провожать... Но я не въ состояніи пересказать вамъ этого чувствительнаго пассажи. Меня и при воспоминаніи слеза пронимаетъ! Довольно скажу, что маменька за горькими слезами не могли ничего говорить, а только насъ благословляли; что же принадлежитъ до ея сердца, то вѣрно оно разбилось тогда на мелкіе куски, и вся внутренность ихъ разорвалася въ лохмотья... вѣдь материнское сердце!

Что же относится до батеньки, то они показали крѣпкій свой духъ. Немудрено: они имѣли крѣпкую комплекцію. Они не плакали, но не могли и слова болѣе сказать намъ, какъ только:

— Слушайте во всемъ пана Галушкинскаго; онъ вашъ наставникъ... чтобы не пропали даромъ деньги... и, махнувъ рукою, закрыли глаза, маменька ахнула и упали, а мы себѣ поѣхали...

Еще мы не выѣхали изъ селенія, какъ меня одолѣла сильная грусть по той причинѣ, что я забылъ свои маковники въ бумажѣ, для дороги завернутые и оставленные мною въ маменькиной спальнѣ на лежанкѣ. Заторопился и забылъ. Тоска смертельная! Ну, воротился бы, еслибы лзя было! Но тутъ уже неограниченно властвовалъ доминѣ Галушкинскій надъ нами, лошадьми и малѣйшею частицею, обозъ нашъ составляющею.

Въ силу чего онъ занялъ въ повозкѣ первое мѣсто, разлегся и приехалъ намъ размышлять о пути, о цѣли поѣздки нашей, о намѣреніяхъ нашихъ, какъ намъ употребить время, и что встрѣтится намъ въ размышленіяхъ нашихъ умненькое или сомнительное, объявлять ему, а онъ будетъ разрѣшать.

Долго царствовало между нами молчаніе. Кто о чемъ думалъ, — не знаю; но я все молчалъ, думая о забытыхъ ма-

ковнивахъ. Горестъ маменькина не занимала меня. Я полагаю, что такъ и должно было быть. Она съ нами разсталася, а не мы съ нею; она должна грустить... Какъ вдругъ братъ Петруся, коего быстрый умъ не могъ оставаться покоенъ и требовалъ себѣ пищи, вдругъ спросилъ наставника нашего:

— Скажите, пожалуйста, реверендиссимае домине Галушкинскій, гдѣ же городъ и наше училище? Вы говорили намъ, что гдѣ небо соединено съ землею, тамъ и конецъ вселенной. Вонъ, далеко очень видно, что небо сошлось съ землею, ergo, тамъ конецъ міру; но на этомъ разстояніи я не вижу города. Гдѣ же онъ? Туда ли мы ѣдемъ.

— Бене, домине Халывскій! Ваше предположеніе глубокомысленно и вы мнѣ показали, что голова ваша занята важными размышленіями, но я долженъ разсвѣять ваши сомнѣнія. Такъ сказалъ великій нашъ наставникъ и, поправивъ подъ собою подушку, продолжалъ ораторствовать: видимое вами соединеніе неба съ землею не есть въ существѣ, а это... просто... какъ бишь?... „фле... флегматическій“ обманъ. Напротивъ, намъ надобно ѣхать долго, пока мы доѣдемъ до моря, и все намъ будетъ казаться, что впереди насъ земля соединилася съ небомъ, но это ложь, обманъ, призракъ. Потомъ и моремъ мы должны ѣхать еще долѣе, нежели по сушѣ, но уже не въ кибиткѣ, а въ кораблѣ или другомъ сосудѣ (иначе назвать домине Галушкинскій почиталъ непристойно и осуждалъ за то другихъ) и тогда достигнуть до края вселенной, т. е. гдѣ небо сошлось съ землею. Но никто изъ смертныхъ еще не достигалъ сего. И такъ, на этомъ-то странствѣ, которое мы переѣзжаемъ до края вселенной, встрѣтится намъ городъ, въ коемъ наше училище...

— Такъ мы и моремъ поѣдемъ?—спросилъ Петруся живо; а я, боясь воды, уже принимался плавать.

— О, нѣтъ!—воскликнулъ нашъ реверендиссимае:—это въ описаніи я употребилъ только риторическую фигуру, т. е. исказилъ истину, придавъ ей ложный видъ. Но мы моремъ не поѣдемъ, потому что не имѣемъ приличнаго для того сосуда, а во-вторыхъ и потому, что училище наше расположено на сушѣ, ergo, мы сушею и поѣдемъ.

Засимъ домине инспекторъ обратился съ испытательными вопросами въ Павлусѣ, углубившемуся размышленіемъ своимъ въ лошадей. Повторенный вопросъ наставника: о чемъ онъ такъ глубоко размышляетъ? едва извлекъ его изъ задумчивости.

— А вотъ,—сказалъ Павлуса, зѣвая при выходѣ изъ своихъ размышленій:—я нахожу, что въ лошадиной упряжи много лишняго: и кожи, и ремней, и колець; такъ я дохожу, какъ бы этотъ безпорядокъ исправить.

— Во всемъ виденъ изобрѣтательный умъ!—проговорилъ вполголоса домине и продолжалъ свои вопросы.

Какъ ни вслушивался я въ ученые разговоры нашего наставника, но меня одолѣлъ сонъ, и я не слышалъ ни окончанія на семъ переѣздѣ начатаго, ни въ послѣдующіе затѣмъ дни въ дорогѣ нашей разговоръ, потому что лишь только влѣзалъ въ повозку, то и засыпалъ. Ergo, скажу по-ученому, я путь свой совершилъ спокойно для тѣла и разсудка, не обременяя его никакими разсужденіями.

Близко ли, далеко ли отстоялъ городъ; скоро ли, не скоро—но насъ довели и расположили на квартирѣ у какого-то обывателя. Квартира была со всѣми удобствами и весьма близко отъ училища. Бабуся, прибывъ прежде насъ, расположилась со своимъ хозяйствомъ и употчивала насъ ужиномъ вкуснымъ, жирнымъ, изобильнымъ. Спасибо ей! Она была мастерица своего дѣла.

Хорошо. На другой день домине Галушкинскій долженъ былъ вести насъ къ начальнику, помощнику и главнымъ учителямъ школъ; для чего одѣли насъ въ новыя, долгополыя суконныя киреи. Новость эта восхищала насъ. Въ самомъ дѣлѣ, пріятно перерядиться изъ вѣчнаго халата, хотя бы изъ китайки сдѣланнаго, въ суконную, въ важно облегающую васъ кирею, изукрашенную тесьмами, снурками и кистями.

Домине Галушкинскій, осмотрѣвъ насъ и повторивъ уроки, какъ мы должны были отвѣшивать впередъ руки при поклонѣ помощнику, и какъ еще болѣе оттопыривать ихъ при нижайшемъ поклонѣ начальнику, сказалъ намъ слѣдующее наставленіе:

— Вашици, не забывайте, что начальникъ есть все, а вы — ничто. Стоять вы должны передъ нимъ съ благоговѣніемъ; однимъ словомъ изобразить собою—? — вопросительный знакъ, и премудрыя его наставленія слушать со вниманіемъ. Избавь Богъ противорѣчить! Речеть:— „ложися!“ — исполняй немедленно, хотя бы ты былъ раз-пере-правъ и раз-перевиненъ. Вытерпливай наказаніе въ мѣрѣ, числѣ и видѣ, какое соблаговолитъ назначить премудрое правосудіе его, и не смѣй нималѣйше и никогда возрептать и попрекословить. Угодно будетъ ему полунощъ признать полуднемъ? Сознавайся и утверждай, что солнце свѣтитъ и даже печетъ. Благоволитъ глаголь обратитъ въ имя? Вепе: признавай и утверждай. Его власть и сила. Къ помощнику сохраните все то же. Часто помощникъ бываетъ глаголь дѣйствительный, а начальникъ.... точка, знакъ сильный, но безгласный. Въ школѣ, въ каковую по мѣрѣ званій вашихъ поступите, учителя уважайте и относитесь какъ бы къ своему начальнику; но— при глазахъ самого реверендиссима— учителя уже ставьте ни во что. Предъ товарищами держите себя пошлякетски, какъ — ! — знакъ удивительный, бодро, гордо, важно, и всѣ васъ почтутъ. Въ ссорахъ спѣшите отгрызаться и заганивайте своихъ противниковъ; иначе они унизятъ васъ хуже запятой. Въ драку сами не вступайте, но попавшаго колотите вволю, остерегаясь дѣлать явные боевые знаки: для этого есть волосы, ребра, спина и др. Ходя по рынку, не рѣшайтесь ничего своровать; а наипаче вы, доmine Павлуся, имѣющіе къ тому великую наклонность: здѣсь не село, а городъ; треклятая полиція тотчасъ вмѣшается. Одни не напивайтесь, но пригласивъ кого или бывъ приглашены отъ кого. Вы, доmine Петруса, одарены особымъ, счастливымъ талантомъ: можете выпить бездну и пробыть на ногахъ тверды, съ непомраченною головой, но запахъ вина можетъ вамъ измѣнить. Для сего имѣйте всегда въ „кишене“ пшено или чеснокъ. Когда васъ, находящагося въ такомъ положеніи, призовутъ къ начальнику, поспѣшите пожевать пшена или чесноку и смѣло представляйте къ реверендиссиму: носъ его не услышитъ; на опытѣ извѣстно. Далѣ, о прочихъ подробностяхъ, какъ вамъ вести себя и какъ поступать, скажу во оное время.

Мы такъ глубоко тронуты были назидательнымъ для насъ наставленіемъ нашего наставника, что невольно, по сердеч-

ному влеченію, отдали ему поклонъ, довлѣющей одному начальнику, и при изъявленіи вѣчной благодарности всѣ его мудрыя правила обѣщали навѣкъ запечатлѣть въ юныхъ сердцахъ нашихъ и слѣдовать имъ. Само собою разумѣется, что я не говорилъ такихъ словъ, потому что не зналъ о существованіи и значеніи ихъ, но говорили это братья мои; а я только кланялся, отвѣшивая руки впередъ, и, касаясь длинными рукавами нарядной моей киреи до полу, восхищался.

Убравъ отличный завтракъ, попеченіемъ бабуся приготовленный, мы пошли къ начальнику, а гостинцы, привезенные для него, несли за нами люди, привезшіе ихъ изъ дому. Мы шли по улицѣ.... Незабвенныя минуты! Что могло равняться съ восторгомъ моимъ, когда я шелъ въ киреѣ синяго сукна, коей кисти на длинныхъ шнурахъ болтались туда и сюда! Не знаю, смотрѣли ли на меня проходящіе, я не заботился; я смотрѣлъ самъ на себя, шевелилъ плечами, болталъ руками, все для того, чтобы мотались мои кисти. Истинно скажу: при женитьбѣ моей я былъ разодѣтъ хватски, идя въ парѣ съ своею, тогда прелестною, новобрачною; но я не былъ такъ восхищенъ, какъ болтающимися кистями у моей киреи... Ахъ, кирея!... ахъ, кисти!... Но все прошло!... Обратимся къ предмету.

Мы пришли къ начальнику.

Когда мы еще жили дома, то батенька говаривали намъ, чтобы мы сами себя готовили къ тому званію, какое кому нравится, исключая Павлуса, котораго предназначилъ онъ по бумажной части, говоря: „горбъ не помѣшаетъ тебѣ быть хорошимъ юристою“.

И вотъ, когда я вошелъ только въ прихожую начальника, то уже и рѣшился не быть ничѣмъ болѣе, какъ начальникомъ училища. Это было окончаніе вакаціи, и родители возвращали сыновей своихъ изъ домовъ въ училище. Нужно было вписать явку ихъ, переписать въ высшій классъ: ерго съ чѣмъ родители являлися? То-то же. Я очень благо-разумно избралъ. И такъ рѣшено: желаю быть начальникомъ училища!

Наконецъ, послѣ многихъ, допустили и насъ къ самому. Отвѣсивъ должные высокому его сану поклоны, доmine Га-

лушкинскій началъ объясняться, что онъ недаромъ провелъ время на кондиціяхъ: приготовилъ трехъ юношей, имѣющихъ сдѣлать честь училищу и даже вѣку. Начальникъ удостоилъ насъ обзорѣть, но нѣсколько меланхолично. Домине-инспекторъ поспѣшилъ подать письмо, писанное самими батенькою.

Начальникъ прочелъ и взглянулъ на насъ внимательнѣе. Потомъ сказалъ руководителю нашему:

— Ну, что-жь?

— Сейчасъ, сказалъ Галушкинскій и началъ „дѣйствовать“.

Первоначально внесъ онъ три головы сахару и три куска выбѣленнаго тончайшаго домашняго холста.

Начальникъ сказалъ меланхолично:

— Написать ихъ въ синтаксисъ.

Домине Галушкинскій не унывалъ. Поклонясь, вышелъ и вошелъ, неся три сосуда съ коровьимъ масломъ и три мѣшечка отличныхъ разныхъ крупъ.

Реверендиссима, приподнявъ голову, сказалъ:

— Они могутъ быть и въ питивкѣ.

Наставникъ нашъ не остановился и втащилъ три боченочка: съ вишневою, терновкою и сливянкою.

Начальникъ даже улыбнулся и сказалъ:

— Впрочемъ, зачѣмъ глушить талантъ ихъ? Когда дома такъ хорошо все приготовлено (причемъ взглянулъ на все принесенное отъ насъ домашнее), то вписать ихъ въ риторику.

Домине Галушкинскій остановился, поклонился низко и началъ говорить съ нимъ на иностранномъ діалектѣ...

„О, батенька и маменька! — думалъ я въ то время: — зачѣмъ поспешили вы прислать своей отмѣнной грушовки, славящейся во всемъ околдѣѣ? Насъ бы признали прямо философами, а чрезъ то сократился бы курсъ ученія нашего, и вы, хотя и вдругъ, но, быть можетъ, меньше заплатили бы, нежели теперь, уплачивая за каждый предметъ!“

Тутъ я началъ прислушиваться къ разговору реверендиссима начальника съ домине Галушкинскимъ. Перваго я не

понималъ вовсе: конечно, онъ говорилъ настоящимъ латинскимъ, доmine же нашъ хромалъ на обѣ ноги. Тутъ была смѣсь словъ: латинскаго, бурсацкаго и чистаго россійскаго языка. Благодаря такого рода изъясненію, я легко понялъ, что онъ просилъ за старшихъ братьевъ помѣстить ихъ въ риторіеу, а меня, вмѣсто инфимы, „по слабоумію“ написать въ синтаксисъ, обѣщая заняться мною особенно и такъ, чтобы я догналъ братьевъ.

Реверендиссиме кивнулъ головою и сказалъ:

— Вепе, согласенъ. Ты знаешь, что должно дѣлать, исполни. — И, проговоривъ еще чистыхъ латинскихъ словъ нѣскольکو, коихъ я не понялъ, отпустилъ насъ.

Доmine Галушкинскій обходилъ съ нами помощника и другихъ учителей. Мы кланялися имъ, подносили гостинцы, соотвѣтственно званію и вѣсу ихъ въ училищѣ, и возвратились въ квартиру—братья „риторами“, а я, мизерный, синтакшикомъ: чтѣ дѣлать!

О благословенная старина! Не могу не похвалить тебя! Какъ было покойно и справедливо. Напримѣръ, дѣти богатыхъ родителей—зачѣмъ имъ беспокоиться изнурять здоровье свое, главнѣйшее—истощать желудокъ свой, мучиться вытверживаніемъ тѣхъ наукъ, которыя не потребуются отъ нихъ чрезъ весь ихъ вѣкъ? Подарено—а подарить есть изъ чего—и дѣтямъ приписаны всѣ знанія и приданы имъ ученія знанія безъ потери времени и ущерба здоровья... Теперь же?... Морозъ подираетъ по кожѣ! Головы сахару, штофы, боченки, хотя удвойте ихъ—ничто не доставитъ вовсе ничего. Бѣдные молодые люди теперешняго вѣка! хоть тресните, а должны всѣ науки выучить, какъ буки азъ—ба. А сколько умножилось наукъ! Сколько выраженій, словъ, надъ изобрѣтеніемъ которыхъ иной просиживалъ цѣлыя ночи—и въ награду, значенія ихъ никто и даже самъ онъ, выдумщикъ, никакъ не понимаетъ и изъяснить не можетъ! О tempoга о mores. Невольно восклицаю я ученую фразу, невольно уцѣлѣвшую въ памяти моей!.. Обычаи начальства измѣнились въ пріемѣ ищущихъ свѣта ученія... Гдѣ ты, блаженная старина?... Возвратишься ли?.. Грустно!..

Но будемъ продолжать. Тутъ увидите, какая разница послѣдовала втеченіе двадцати пяти лѣтъ, и что я дол-

женъ былъ вытерпѣть, опредѣляя въ ученіе Миронушку, Егорушку, Савушку, Оумушку и Трофимушку, любезнѣйшихъ сыновей моихъ.

Наступилъ день открытія ученья. Ни ѣвши, ни пивши, мы поведены въ школы. Братья, какъ риторы, пошли особо, а я въ препровожденіи вышесказаннаго хлопца Юрка попался въ свой синтаксисъ, который и называть съ трудомъ могъ. Въ школу вступилъ я очень равнодушно, предоставляя все случаю, а самъ рѣшился, по наставленію нѣжняѣйшей маменьки, не перенимать ни одной изъ всѣхъ наукъ, вообще глухихъ и глухими людьми отъ праздности выдуманныхъ. И такъ, я принялъ твердое и непоколебимое намѣреніе „не учиться съ жаромъ“, а жить свободно, какъ хочу, по вольности моей шляхетской породы. Будутъ наказывать? Правда, больно и даже, утвердительно скажу, очень больно, но и панъ Квышевскій и доминe Галушкинскій говаривали, что „все начинающееся оканчивается“, а потому хотя и начнутъ сѣчь, но по естественному порядку, какъ и по опыту знаю, перестанутъ. Притомъ же, послѣ сѣченія, какъ бываетъ человѣкъ или мальчикъ живъ, одушевленъ, развязанъ—ссылаюсь на всѣхъ, кто испыталъ на себѣ сѣченіе. До сихъ поръ не знаю настоящей тому вины: физическое ли это слѣдствіе, что отъ эксперимента кровь придетъ въ быстрое кругообращеніе, и оттого человѣкъ дѣлается веселѣе, быстрѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, или тому причиною душевное состояніе человѣка, когда онъ знаетъ, что его наказали и больше сѣчь не будутъ. Но что бы ни было, только послѣ сѣченія положеніе восхитительное! Но оставимъ одну половину этого ученаго разсужденія: выгодно ли неучиться? И обратимся къ другой: вакую пользу приносить ученіе?

Положимъ, что я въ молодыхъ лѣтахъ поглотилъ всю премудрость, изученъ всему отличнѣйшимъ образомъ, достоинъ во всѣхъ ученыхъ степени. Но, вступивъ въ свѣтъ, скажите, пожалуйста, когда и на что пригодятся науки? Жить своимъ домомъ, въ хозяйствѣ, на охотѣ—скажете? Тутъ ихъ совсѣмъ не спросятъ. При женитьбѣ и того болѣе. Хотя проглотить всю халдейскую премудрость, а египетскую закусить, такъ все не распознаешь права въ невѣстѣ до брака, а потомъ не примѣнишься къ капризамъ, когда станетъ женою

твою. Есть на свѣтѣ и неученые, и живутъ себѣ изрядне-хонько. И я туда же пойду, куда и выслушавшіе всю премудрость. Когда батенька и маменька помрутъ, и мы съ братьями раздѣлимся имѣніемъ, такъ на мою долю придется порядочная часть, и тогда къ чему мнѣ науки? Меня почтутъ люди, навѣщающіе меня, такъ же какъ и ученаго.

Скажете, нужно учиться для того, чтобы читать книги. Вотъ еще что выдумали? Что изъ того, если онѣ достигнуть цѣли, для какой пишутся, т. е. чтобы насъ усыплять. И правду сказать, какъ усыпляютъ! а особливо—канальскія!—съ пышными заглавіями, съ цвѣтистыми обертками, съ значительными точками, съ умышленными пробѣлами.... Это чудо что за книжки! Полагаю, что не родился человекъ, чтобы ихъ до конца дочитать; уснетъ—будь я каналья, когда не уснетъ, по опыту говорю, знатно уснетъ. Такъ неужели для того, чтобы самому уснуть или усыплять другихъ, губить въ принужденіи золотую молодость; тратить время, нужное на игры и веселья; разстраивать здоровье принужденнымъ сидѣніемъ и удаленіемъ отъ пищи? На что это похоже? Меня и простой сказочникъ такъ же усыпить, какъ и лучшая повѣсть или романъ въ 4-хъ (уфъ!) частяхъ.

При томъ же, маменька моя правду говаривали: ничто такъ человекъ не нужно, какъ здоровье; съ нимъ можно все и много кушать; а кушая все, поддерживаешь свое здоровье. Пирогъ сдѣланъ для вмѣщенія начинки, а начинка сдобриваетъ пирогъ; такъ и человекъ съ своимъ желудкомъ. Науки же—настоящія „глисты“: изнуруютъ и истощаютъ человекъ, хоть брось.

Основавшись на такомъ ясномъ и справедливомъ заключеніи моей маменьки, женщины хотя и неученой, но съ большимъ количествомъ здраваго разсудка, и потому выдающей всѣ вещи въ настоящемъ видѣ, цвѣтѣ и мѣрѣ, и сходно съ моими понятіями, я всѣмъ моимъ разсужденіямъ произнесъ слѣдующій результатъ: „тьфу!“ и произнесъ это маменькино любимое выраженіе, и, по примѣру ихъ, плюнувъ въ самомъ дѣлѣ, вступилъ „въ синтаксисъ“ съ видомъ самодовольства.

Насъ, синтаксистовъ, было большое число, и все однолѣтки. До прихода учителя, я подружился со всѣми до того, что нѣкоторыхъ приколотилъ и отъ другихъ былъ взаимно

поколоченъ. Для перваго знакомства, дѣла шли хорошо. Звонъ колокольчика возвѣстилъ приходъ учителя, и мы поспѣшили кое-какъ усѣсться. Имѣя отъ природы характеръ меланхолическій, т. е. комплекцію кроткую, застѣнчивую, я не любилъ выставляться, а потому и сѣлъ далѣе всѣхъ: правда, съ намѣреніемъ, что авось-либо меня не замѣтятъ, а потому и не спросятъ.

Учитель открылъ классъ рѣчью, прекрасно сложенною, и говорилъ очень чувствительно. О чемъ онъ говорилъ, я не понималъ, потому что и не старался понимать. Къ чему рѣчь, написанную по правиламъ риторики, говорить передъ готовящимися еще слушать только синтаксисъ? Пустыя затѣи! При всякой его остановкѣ для перевода духу, я, кивая головою, приговаривалъ тихо: „говори!“

Рѣчь кончилась и учитель каждому изъ насъ замѣтилъ, что мы должны были назавтра выучить. Съ тѣмъ насъ и распустили.

Напрасно беспокоитесь, доминне учитель!—разсуждалъ я, поспѣшая къ трудолюбивой бабусѣ, съ разсвѣта заботившейся о пирожкахъ къ завтраку нашему. Учить вашего урока не буду и не буду.

О! да и позавтракалъ же я въ тотъ день знатно!...

Доминне Галушкинскій цѣлый день не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, твержу ли я свой урокъ и чѣмъ занимаюсь. А въ силу того, я въ книжку и не заглядывалъ, и цѣлый день проигралъ съ сосѣдними ребятами въ бабки, свайку и мячъ.

Утромъ доминне приступилъ прослушивать уроки павычей до выхода въ школы. Какъ братья учились и какъ вели себя, я рассказывать въ особенности не буду: я знаю себя только. Дошла очередь до моего урока. Я ни въ зубъ не зналъ ничего. И могъ ли я что-нибудь выучить изъ урока, когда онъ былъ по-латыни? Доминне же Галушкинскій насъ не училъ буквамъ и складамъ латинскимъ, а шагнулъ впередъ по верхамъ, заставляя затверживать по-слуху. Моего же урока даже никто и не прочелъ для меня; и потому изъ него я не зналъ ни словечка.

Доминне инспекторъ принялся меня ужасно стыдить; напоминая мнѣ шляхетское мое происхожденіе, знатность ро-

да Халявскихъ и въ conclusio—такъ называлъ онъ—запретилъ мнѣ въ тотъ день ходить въ школу.

— Стыдно-де и мнѣ, мой ученикъ на первый классъ неисправенъ съ урокомъ.

Я для приличія потушилъ голову, яко бы устыдился; а ей-Богу! по совѣсти и чести говоря, внутренно радовался, что не обязанъ идти въ школу. Вотъ еще нужда мнѣ до знаменитыхъ Халявскихъ, предковъ моихъ! Мнѣ къ нимъ дѣла нѣтъ, и они меня не звай. Съ чего я буду мучиться надъ проклятыми именительными и родительными? Что тутъ общаго съ заслуженною славою предковъ моихъ? Предеи мои не знали этихъ пустяковъ, то и не взыщутъ, хоть домине инспекторъ тресни себѣ съ досады, что потомокъ ихъ презираетъ всю учебную галиматью. Такъ я размышлялъ, а бабуса, между тѣмъ, украшала столъ пирожками, блинами, варениками... Ну, прелестъ, заглядѣнье!... Какъ вдругъ, жестокосердвый домине изрекъ приговоръ:

— Домине Трушко не вытвердилъ урока, за то въ классъ не пойдетъ; а когда въ классъ не пойдетъ, ergo—не долженъ участвовать въ завтракъ.

Вообразите мое положеніе! Я былъ какъ громомъ пораженъ, и я, бывъ маменькиной комплекціи, хотѣлъ сомлѣть, но меня прорвало слезами.... да какими?.. изобильными, горькими... Я ревѣлъ, кричалъ, вопилъ, но домине Галушкинскій оставался непреклоненъ и, съ братьями моими, сокрушилъ все предложенное имъ. Чѣмъ меньше оставалось прелестей на столѣ, тѣмъ сильнѣе я ревѣлъ, теряя всякую надежду позавтракать вкусно.

Наконецъ, жестокій Галушкинскій усилилъ скорбь мою, давъ слезамъ моимъ превратный, обидный для меня толкъ. Онъ, уходя, сказалъ:

— Утѣшительно видѣть въ вашицѣ благородный гоноръ, заставляющій васъ такъ страдать отъ стыда; но говорю вамъ, домине Трушко, что если и завтра не будете знать урока, то и завтра не возьму васъ въ классъ.

Съ сими словами онъ вышелъ съ братьями моими.

— Слѣдовательно (должно бы сказать мнѣ, какъ учащемуся латинской премудрости, ergo; но какъ я ужасно сердился на все латинское, то сказалъ по російски)... слѣдо-

*

вательно, я и завтра безъ завтрака? Я хотѣлъ показать моему мучителю, что меня не лишеніе класса терзаетъ, я хотѣлъ бы и на вѣкъ отъ него избавиться, но существенная причина... но онъ уже ушелъ, не слыхавши словъ моихъ, что и вышло къ лучшему.

Пожалуйте. По уходѣ ихъ, я въ сильной горести упалъ на постель и разливался въ слезахъ. Въ самомъ же дѣлѣ, если безпристрастно посудить, то мое положеніе было ужаснѣйшее! Лишиться въ жизни одного завтрака!... Положимъ, я сегодня буду обѣдать, завтра тоже будетъ изобильный завтракъ; но гдѣ я возьму сегодняшній? Увы! онъ перешелъ въ желудки братьевъ и наставника, слѣдовательно—а все-таки не ergo—поступивъ въ вѣчность, погибъ для меня безвозвратно... Горестъ убивала меня!...

Но геній утѣшитель бодрствовалъ близъ меня...

— Паныченько! не хотите ли вы чего нибудь закусить? услышалъ я сладкій, въ то мгновеніе, голосъ бабуся, дергающей меня за руку, которою я закрылъ слезащія очи мои.

— Чего тамъ... у... уже... когда... все... по... по... покушали!—отвѣчала я всхлипывая.

— Какое покушали? Я вамъ всего оставила, да еще и больше и лучшенькое.

Никакая гармонія такъ не улаждала человѣка, какъ уладили меня эти, повидимому, простые слова; но какая была въ нихъ сила, звучность, жирность!...

Я поспѣшилъ приподнять голову... о восторгъ!... На столѣ пироги, вареники, яичница, словомъ, все то, лишеніе чего повергло меня въ отчаяніе.

Я перескочилъ разстояніе отъ кровати къ столу и принялся... Ахъ, какъ я ѣлъ!... вкусно, жирно, изобильно, живописно и, вдобавокъ, полновластно, не обязанный спѣшить изъ опасенія, чтобы товарищъ не захватилъ лучшихъ кусочковъ... Иному все это покажется мелочью, не стоящею вниманія, не только разказа; но я пишу о томъ вѣвѣ, когда люди „жили“, т. е. одна забота, одно попеченіе, одна мысль, одни разказы и сужденія были все о ѣдѣ: когда ѣсть, что ѣсть, какъ ѣсть, сколько ѣсть. И все ѣсть, ѣсть и ѣсть. И жили для того, чтобы ѣсть.

Восхитительная музыка при моемъ завтракѣ такъ бы не усладила меня, какъ слѣдующій разговоръ бабуся:

— Кушай, паныченько, кушай; не жалѣй матушкинаго добра. Покушаешь это, я еще подамъ. Какъ увидѣла я, что тебя хотятъ обидѣть, такъ я и припрятала для тебя все лучшенькое. Такъ мнѣ пани приказала, чтобъ ты не голодовалъ. Не тужи, если тебя не будутъ брать въ школу; я буду тебя подкармливать еще лучше, нежели ихъ.

Баста! Бабунины слова еще болѣе усилили во мнѣ отвращеніе къ ученію. И я далъ себѣ и бабуся торжественное обѣщаніе, сколько можно рѣже быть достойнымъ входа въ училище, имѣя въ виду наслаждаться жизнью. Далъ и сдержалъ свое благородное, шляхетское, какъ прилично потомку знаменитыхъ Халявскихъ, слово: весьма рѣдко выучивалъ задаваемые уроки и выучиваемаго не старался помнить. То, по наученію бабуся, прикидывался больнымъ, лежа въ теплой комнатѣ подъ двумя тулупами, то будто терялъ голосъ и хрипѣлъ такъ, что нельзя было разслушать, что я говорю — что дѣлалъ я мастерски! И много, подобныхъ тому, средствъ, кои въ подробности передалъ уже моимъ любезнѣйшимъ сыночкамъ при опредѣленіи ихъ въ училище, какъ полезное имъ для сбереженія здоровья ихъ... но не на таковскихъ напалъ! Это ужасъ, какъ различно отъ меня мыслятъ дѣти мои; послушайте только ихъ. Говорю и утверждаю: свѣтъ вывороченъ на изнанку.

Сказано мною выше, что братья мои признаны были риториками; но какъ вовсе не знали предыдущихъ риторикъ наукъ, то доmine Галушкинскій преподавалъ ихъ дома. Къ рѣчи скажу: что это за голова была у нашего инспектора! Онъ только того не звалъ, чего не было на свѣтѣ или въ природѣ. Примется ли за грамматику? такъ и пожинаетъ ея! Именительныхъ, родительныхъ, къ чему хотите, кучами навалитъ. Прошедшее, будущее, это какъ искры сыплется, и не заивнется ни на одномъ словѣ. Когда доходило до лицъ, то онъ представлялъ въ лицахъ: онъ былъ я, Петруся былъ ты, Павлуся онъ, я же по тупоумію всегда былъ оно, среднее лицо. И тутъ какъ примется, такъ на всякое слово всѣ и дѣйствуютъ: и я, и ты, и онъ; также и во множественномъ. Куда! всего и пересказать не можно, а онъ все это какъ изъ книжки, такъ и дѣйствуетъ, не запинаясь.

Въ стихотворствѣ опять: это на удивленіе! Не только зналъ, что есть хорей, ямбы—чортъ знаетъ что тамъ еще! Не только училъ, какъ по нимъ сочинять, но и самъ сочинялъ преотличныя стихи, какіе хотите, длинныя, короткія, мужскія, женскія... да какъ напишетъ такихъ стиховъ листахъ на двухъ, станетъ читать, такъ это прелесть!... Всѣ такъ и уснемъ на первой страницѣ.

Отъ своего дарованія, возбудилъ онъ и въ насъ страсть къ стихотворству. Братья хотѣли попробовать себя въ сочиненіи и попросили у доmine инспектора мѣры на стихи. Онъ далъ мѣрку не длинную, такъ вершка три не больше длины (теперешнимъ стихотворцамъ эта мѣра покажется короткою, но увѣряю васъ, что въ наше время длиннѣе стиховъ не писали, разумѣется, стихотворцы, а не стихоплеты; имъ законъ и въ наше время не былъ писанъ); притомъ преподавалъ правила, чтобы мужской и женскій стихъ слѣдовали постоянно одинъ за другимъ и чтобы рѣимы были богатыя.

Принялись наши молодцы за стихотворство, и, написавъ подали доmine Галушкинскому, сѣвшему за столъ, съ мѣркою въ рукахъ. И что же? Петруся, какъ выше обыкновеннаго ума, полетѣлъ и полетѣлъ! Ни одинъ стишокъ не пришелся въ мѣру: то уже длинень черезчуръ, то коротокъ; рѣимы набраны были словно поднятыя изъ валяющихся на улицѣ—такъ изъяснилъ наставникъ. У Павлуса же стихи вышли на удивленіе! Во-первыхъ, всѣ въ одну мѣрку; уже какъ ее ни прикладывалъ доmine, все точъ-въ-точъ, ни длиннѣ, ни короче. Стихи мужской и женскій, съ богатыми рѣимами, шли безпрестанно. Напримѣръ, впереди Агаеонъ, рѣима ему самая богатая—милліонъ. За Агаеономъ Марина, рѣима—гривна, конечно, не такъ богата, но и доmine Галушкинскій сознался, что женскихъ богатыхъ рѣимъ мало. Пожалуйте же. За Мариною—Омельянъ, рѣима—имперіаль, тутъ вслѣдъ по правиламъ: Агрипина, рѣима—полтина. И такъ далѣе, и такъ далѣе, все въ томъ же порядкѣ. Въ рѣимахъ даже грошъ не былъ включенъ, не только копѣйка. Я вамъ говорю, что все были богатыя. Это же я сказалъ объ окончательныхъ словахъ, а въ строчкахъ что было, такъ прелесть! Изобильная бакча на Парнасѣ... богини на вечерницахъ... всѣ боги пьяны... да это чудо, что тамъ

было въ стихахъ! Домине Галушкинскій даже облизывался читая. У Петруся все не такъ: у него все страшные, военные, съ пушечною пальбою; и какъ выстрѣлить пушка и начнутъ герои падать, такъ такое ихъ множество поразить, что изъ мѣрки вонъ; а чрезъ то и не получилъ одобренія отъ наставника.

Стихотворство увлекательно. Какъ ни ненавидѣлъ я, вообще, ученія занятія, но стихи меня соблазнили, и я захотѣлъ написать маменькѣ поздравительныя съ наступающимъ новымъ годомъ. Для чего притворясь больнымъ, не пошелъ по обыкновенію въ школу, а, позавтракавъ, сдѣлавъ самъ себѣ мѣрку, принялся и къ обѣду написалъ:

Когда я проходилъ,
То лѣзъ мимо крокодилъ,
Превеликой величины,
И несъ въ зубахъ кусокъ ветчины...

Все шло хорошо. Мужская и женская, крокодилъ и ветчина—правильно, слова нѣтъ... но не пріискалъ богатства для риѣмы, а пуще всего бился я съ мѣркою стиховъ. Никакъ не слажу! Въ короткій стихъ не найду словъ, чтобъ вытянуть его; изъ длиннаго—не придумаю какое слово выкинуть, чтобъ укоротить стихъ... возился-возился, ужъ я и палець приставлялъ ко лбу, какъ дѣлывалъ домине Галушкинскій, все ничего. И я среди такихъ размышленій крѣпко заснулъ. Ни одному нашему брату стихотворцу не стоили такъ дорого оды его, какъ мнѣ эти два стишка; но, къ несчастію для потомства, этотъ пушистый, махровый цвѣтокъ російской словесности, не распустившись, увялъ навсегда!!!

Къ Рождественскимъ святкамъ мы должны были возвратиться домой. Батенька приказывали намъ привезти свидѣтельства о ученіи и поведеніи нашемъ. Не знаю, какіе аттестаты получили братья; полагаю, что не дурные, потому что Петруся боялись не только риторы, но и самыя философы: онъ безъ вниманія оставлялъ ученость ихъ, а въ случаѣ неповиновенія и противорѣчія, тузилъ ихъ храбро; никто не смѣлъ ему противоборствовать. Да и на кулачныхъ бояхъ, куда мы ходили подъ предводительствомъ нѣкоторыхъ учителей, подъ простою одеждою скрывавшихъ свою знаменитость, и тамъ Петруся былъ законодателемъ; въ какой стѣнѣ стоялъ онъ, тамъ была и побѣда. Высокъ ростомъ, ши-

рокоплектъ, мужественъ, неустрашимъ, храбръ, горячъ, вспылчивъ, за бездѣлицу, кого бы ни было, тотчасъ по мордасу— и выходить на вулаки; все трепетало его. Онъ отъ фортуны одаренъ былъ всѣми геройскими достоинствами! Какъ же тому не получить, по всей справедливости, лучшаго аттестата? Одинъ изъ начальствующихъ въ училищѣ говаривалъ про него: „завидный молодецъ! сильный по роду, сильный по богатству, сильный по силѣ своей“.

Братъ Павлусъ другими достоинствами прибрѣлъ всеобщую любовь и уваженіе. Природою обиженный въ своей „натуральности“, какъ выражались о немъ учителя, — онъ богатъ былъ хитрымъ, тонкимъ, изобрѣтательнымъ умомъ. Чтобы имѣть большій кругъ для дѣйствій своихъ, онъ присталъ къ бурсакамъ, и, чистосердечно сказать, его способами они роскошествовали въ пищѣ и прочемъ. Изъ всѣхъ подвиговъ его вратцѣ скажу: онъ выходилъ всегда на рынокъ, припасши на бѣломъ конскомъ волосѣ, связанномъ длиною сажени въ пять, удочку, закрытую какимъ нибудь лакомствомъ для птицы. На каждомъ рынкѣ обыкновенно ходятъ домашнія птицы: куры, гуси, индейки, и живутся крохами. Въ кучу ихъ Павлусъ броситъ удочку и, съ волоскомъ, отойдетъ далѣе, поджидая, пока удочку его схватитъ индейскій пѣтухъ. Тутъ Павлусъ побѣжитъ изо всей силы, а бѣдный пѣтухъ, чувствуя боль въ горлѣ, не можетъ сопротивляться тянущей его удочкѣ, бѣжитъ какъ взбѣсившійся, голову протанувъ, глаза выпучивъ и растопыривъ крылья. Народъ, не примѣчая бѣгущаго впереди школяра и также волоска, коимъ тащится пѣтухъ, смотритъ на необыкновенное положеніе птицы, удивляется, кричитъ: „гляди, гляди! вотъ чудесія! свазился индюкъ!“ Въ воротахъ бурсы встрѣчаютъ побѣдителя съ триумфомъ, а добычу, схвативши, немедленно зарѣзываютъ и, на-бѣгу, ощипываютъ перья, и чуть только вбѣгутъ на кухню, выдаютъ въ котель.

Снабдивъ такимъ и подобнымъ образомъ бурсаковъ пищею, братъ Павлусъ позаботится о снабженіи ихъ и питейной частью. Для сего онъ прищеть широкую шинель, уберетъ ее какъ-то хитро и мудро, спрятавъ подъ нее два штофа, на особыхъ снуркахъ, — и, наполнивъ одинъ водою, а другой оставивъ пустымъ, идетъ въ шинюкъ. Тамъ онъ рѣшительно требуетъ наполнить пустой штофъ водкою и спро-

силь смѣло, сколько слѣдуетъ за водку денегъ? Штофъ же, съ полученною водкой, спрячетъ за горбъ свой. Услышавъ же, что должно за штофъ водки заплатить двадцать копѣекъ, онъ разсердится, перебранитъ шинкаря и будто въ досадѣ вытащитъ опять назадъ штофъ, но искусно подмѣнитъ его на тотъ, что съ водою и выливаетъ ее въ кадку, крича, что ему такой дорогой водки не надо. Шинкарь, не имѣя времени съ нимъ торговаться и спорить, почитая, что онъ свою водку получилъ обратно, отгоняетъ его отъ кадки. Павлуся въ торжествѣ спѣшитъ въ бурсу, гдѣ и получаетъ должную признательность.

То ли онъ дѣлывалъ, ходя по рынку и собирая секретно бублики, палачицы, яйца, макъ и проч., и проч.! И надобно отдать честь его проворству производить, и необыкновенной способности изворачиваться, когда бывалъ замѣченъ и изобличаемъ въ дѣйствіяхъ своихъ: о! онъ всегда былъ правъ... Нѣтъ, еслибы не уродливость его, онъ пошелъ бы далеко къ чести фамиліи Халявскихъ.

И такому таланту не дать аттестата? Слѣдовало бы описать всѣ его дѣянія до тонкости, напечатать большою книгою и приложить картинки. Пусть бы теперешніе молодые люди читали и, подражая, изощряли бы свой умъ. Но куда имъ!

Домине инспекторъ, пользы ради своей и выгодъ, исходатайствовалъ и мнѣ свидѣтельство, въ коемъ сказано было, что я „былъ въ синтаксическомъ классѣ и какъ за ученіе, такъ и за поведеніе никогда наказываемъ не былъ“. Все правда. Я бывалъ въ классѣ, но выучивалъ ли что, или вовсе ничего, никто не наблюдалъ; а какъ я очень, очень рѣдко приходилъ, то и поведеніе мое не было никому извѣстно. Когда другіе мучились, слушая всякаго рода глупости на російскомъ и латинскомъ языкахъ, я преспокойно выслушивалъ замысловатыя сказки, которыя мнѣ поочередно рассказывали бабуся и Юрко, или игралъ съ ними въ свайку, въ карты и тому подобное. Наказывать меня, кромѣ домине Галушкинскаго, никто не могъ; а я очень хорошо зналъ, что онъ боялся немилости маменькиной, и потому не трогалъ меня и пальцемъ.

Батенька, не добравшись хорошенъко до настоящаго смысла, очень довольны были таковымъ засвидѣтельствова-

ніемъ и наравнѣ съ братьями, по прїѣздѣ нашемъ домой, пожаловали и мнѣ въ гостинецъ свѣжее зимнее яблоко.

Радость же маменьки при видѣ дѣтей ея — и кажется болѣе всѣхъ меня—возвратившихся здоровыми и не похудѣвшими, была неописанна. Я даже заболѣлъ: такъ меня закормили и жаренымъ, и сладкимъ.

Когда же маменька узнали, что доmine Галушвинскій, по условію съ ними, секретно отъ батеньки сдѣланному, не изнурялъ меня ученьемъ, то пожаловали ему съ батенькиной шеи черныи платокъ, а другой новый бумажный для кармана, чѣмъ онъ былъ весьма доволенъ и благодаренъ. Да кромѣ того вотъ еще что:

По прїѣздѣ я нашелъ въ домѣ нѣкоторыя переимѣны. Въ маменькиной спальнѣ, на лежанкѣ, стоялъ мѣдный сосудъ, коего употребленія я еще не зналъ. По врожденному во мнѣ любопытству, я разспрашивалъ объ этомъ сосудѣ и къ чему онъ пригоденъ? Маменька сказали мнѣ, что это „самоваръ“; въ немъ-де грѣется вода, а изъ воды приготовляется напитокъ, называемый чай, который „хотя и дорогъ, бестія!“ (такъ маменька выразили), но какъ вездѣ входитъ въ употребленіе, то и онѣ, чести ради рода нашего, завели его у себя и Хиврю отдали въ науку готовить чай, и она его мастерски готовить. При чемъ обѣщали полакомить насъ завтра этимъ напиткомъ.

— Оно, правда, и вкусное (такъ говорили маменька), но какъ-то противно не ѣвши, не пивши употреблять его. Ты, Трушко, завтра сдѣлай такъ, какъ я дѣлаю въ то утро, когда готуютъ чай: сбѣгай въ булочную, тамъ будутъ къ завтраку готовить пирожки, блины и булочки; такъ ты похватай тамъ чего побольше, да и употребляй тогда смѣло чай; онъ тебѣ покажется пріятенъ. Вотъ кофе такъ не могу пить, съ души воротить, хотя его и послѣ обѣда должно принимать. Я его и не завожу и не посылаю Хиври учиться готовить его. Разъ только я пила его у своей кумы Алены Васильевны—да тѣфу!

При семъ маменька, поверотаясь въ ту сторону, гдѣ живетъ Алена Васильевна, плюнули отъ негодованія на ея кофе.

Пожалуйте же, что тутъ за комедія вышла на другой день. Вотъ мы собрались всѣ около стола, на которомъ уже

шумѣлъ самоваръ, а Хивря хлопотала около него и только знай закидывала свои длинныя волосы на затылокъ, чтобъ не падали въ чашки, что насъ очень веселило. Маменька, по заботливости своей, растолковали намъ, какъ выливать чай изъ чашки въ блюдо, какъ дуть, чтобы остудить, и какъ потомъ закрыть чашку. Все готово, и намъ подали по чашкѣ чаю. Я исполнилъ по маменькиному предварительному совѣту и нахватался въ булочной разной страпни до жажды, и оттого чай показался мнѣ удивительнымъ напиткомъ, равно какъ и братьямъ моимъ. Правда, запахъ и вкусъ былъ настоящаго мыла, потому что маменька намъ такъ говорили:

— Этой проклятой травы нельзя ни съ чѣмъ держать, такъ и принимаетъ чужой запахъ. Это благоразумная Хивря держитъ чай въ одномъ сундукѣ съ мыломъ.

Вдругъ, при этомъ словѣ, маменька крѣпко разгнѣвались, покраснѣли, какъ кровь, и напустились на Хиврю, чайную страпуху, зачѣмъ она такъ много воды навела въ чайникъ: больше чашки оставалось, куда съ нею дѣваться? Жирно будетъ, какъ этакой дорогой напитокъ да выливать! Вотъ что развѣ сдѣлать, сказали маменька и повеселѣли, что не пропадетъ чайная вода.

— Позовите-ка Галушку сюда!

Такъ маменька, какъ уже извѣстно, называли его, не гнѣваясь и не въ укоръ. Домине, какъ мы по-иностранному называли, онѣ не могли выговорить, потому что не учились иностраннымъ языкамъ; паномъ, какъ его звали батенька, не хотѣли отъ благородной амбиціи и говорили: „какъ же васъ (т. е. батеньку) величать, когда школяръ будетъ панъ“? Всей же фамиліи „Галушкинскій“ не могли выговорить, потому что, не зная россійской грамоты, не могли понять, отъ чего оно четырехсложное; а чтобъ разобрать, что „Галушкинскій“ есть часть рѣчи и именно имя, и отличить: существительное ли оно, прилагательное, нарицательное, собирательное? куда! имъ бы и въ десять лѣтъ не втолковать въ понятіе! Такъ оттого и называли онѣ его просто, кратко и ясно: „Галушка“.

Пожалуйте. Вотъ и пришелъ домине „Галушка“. Маменька изъ своихъ рукъ поднесли ему чашку чаю. Домине

началъ отказываться, что онъ ничего хмельного во всю Филипповку въ ротъ не беретъ.

Маменька, боясь, чтобъ онъ вовсе не отказался, тогда куда бы дѣвать этотъ чай? даже побожились, увѣряя, что этотъ напитокъ вовсе не хмельной.

Реверендissime взялъ чашку, поклонился батенькѣ и маменькѣ и, на штатскомъ языкѣ, произнесъ желанія здравія, во всемъ преуспѣяніи, изобилія въ достаткѣ, веселіи въ чувствахъ, отриновенія въ горестяхъ и т. п.; и при послѣднемъ словѣ хлебнулъ, не наливая, какъ бы должно, въ блюдце, а прямо изъ чашки... обжегся сильно, дѣлалъ разныя гримасы и признавался послѣ, что только ради стыда не швырнулъ чашку о полъ.

Мы, глядя на его дѣйствія и замѣшательство, катались отъ смѣха... Кое-какъ выпилъ домине свою чашку и—опять замѣшательство! Не накрывши чашки, поднесъ ее къ маменькѣ.

— А засѣки не хочешь?—крикнули на него маменька. НВ. Онѣ обращались съ нимъ безъ политики. Это другой холодецъ (см. выше)! Разжирѣешь по двѣ чашки пивши. Благодари и за одну.

Домине инспекторъ былъ какъ во тьмѣ, не понимая причины гнѣва маменькинаго; но батенька, объяснилъ ему, въ чемъ онъ неполитично поступилъ, тутъ же открыли ему правила, необходимыя при употребленіи чаю. Домине, въ пристойно учтивыхъ выраженіяхъ, просилъ извиненія, оправдываясь, что для него это была первина, и все устроилось хорошо; другой чашки ему не подали теперь, да и впредь болѣе не дѣлали ему подобнаго отличія.

Кстати еще одно замѣчаніе объ этомъ восхитительномъ напиткѣ, чаѣ. Вѣдь надобно же родиться такому уму, какой гнѣздился въ необыкновенно большой головѣ брата Павлуся! Всѣ мы пили чай: и батенька, и маменька, и мы, и сестры, и домине Галушкинскій; но никому не пришло таковой счастливой догадки и богатой мысли. Онъ, выпивши свою чашку и подумавши немного, сказалъ:

— Напитокъ хорошъ; но самъ по себѣ прѣсенъ очень; рюмку водки сюда, и все бы исправило.

Мы всё и батенька засмѣялись; но на повѣрку вышло, что онъ правду говорилъ. Братья нашли способъ вынуть у маменьки секретно всего нужнаго къ опыту и начали свои опыты и не нахвалялись открытіемъ. Домине Галушквинскій всегда говорилъ:

— Это вещь сидевая; лучше олимпійскаго нектара.

И такова благодарность потомства къ первымъ изобрѣтателямъ! Чтобъ недалеко уходить, я вамъ укажу на два разительные примѣра. Кто открылъ четвертую часть свѣта? — Христофоръ Колумбъ. Назвали ли ее въ честь его? То-то же! Я думаю ни у одного американца нѣтъ и портрета его. Это первый примѣръ. Второй: кто первый изобрѣлъ прѣсность чая сдабривать и дѣлать напитокъ вкуснымъ и полезнымъ? Исторически доказываю, что тайну сію постигъ первый и не скрылъ отъ потомства „Малороссійскаго Лубенскаго казачьяго полка подпрапоренко, Павелъ Мироновичъ Халявченко (онъ умеръ холостымъ, и потому не могъ именоваться полнымъ „Халявскимъ“, но какъ юноша — Халявченко); но отдастъ ли ему потомство признательность?... сомнѣваемся по первому примѣру. Сколько ни пьютъ, по-иностранному называемый, пуншъ (въ относительномъ смыслѣ „Америка“), но никто не вспомнитъ о первомъ изобрѣтателѣ. Хотя бы изъ національной гордости включили имя Павлуся въ списокъ людей, своими озобрѣтеніями бывшихъ полезными „людимству“. НВ. Предлагаю новое слово, замѣняющее и имѣющее другой смыслъ и понятіе, нежели „человѣчество“. И я увлекся духомъ времени!

Оставляю ученыхъ разсужденія и обращаюсь къ своей матеріи. Батенька не хотѣли наслаждаться одни удовольствіемъ, доставляемымъ ученостью сыновей своихъ, и пожелали раздѣлить оное съ искренними пріятелями своими. На таково конецъ затѣяли позвать гостей обѣдать на святкахъ. И перebrанили же маменька и званыхъ гостей, и учившихъ насъ, и кто выдумалъ эти глупыя науки! И все однакожь тихо-молкомъ, чтобъ батенька не слыхали; всѣ эти провлятія шли въ уши поварки, когда приходила требовать масла, соли, окцета, родзынковъ и проч.

Вотъ и пріѣхали: Алексѣй Пантелеймоновичъ Брыкайловскій, бунчуковый товарищъ. Онъ, въ молодости, учился въ

томъ же училищѣ, гдѣ и мы чрезъ тридцать лѣтъ послѣ него учились. О, да и умная же голова! Онъ не только слушалъ философію, но на публичныхъ диспутахъ былъ первый спорщикъ и до зарѣза поддерживалъ свое предложеніе. Что ему ни говорили—онъ, не ввимаая никакимъ силлогизмамъ, остается при своемъ. Сверхъ того, имѣлъ собственныя книги на латинскомъ діалектѣ съ собственноручною о принадлежности подписью на томъ же языкѣ и съ означеніемъ цѣны римскими цифрами. Божился доmine Галушкѣинскій, что самъ своими глазами все это видѣлъ.

Другой былъ Потапъ Корнеевичъ, не больше. Человѣкъ, не то что съ умомъ, но боекъ на словахъ; закидывалъ другихъ рѣчью, и для себя и для нихъ безтолковою, правда; но уже за то въ карманъ за словами не лазилъ, не оставливаясь, сыпалъ словами, какъ изъ мѣшка горохомъ.

Третій Кондратъ Демьяновичъ... нѣтъ, лгу; Давиловичъ—и точно Даниловичъ, помню вотъ почему: маменька называли его Кондратъ Демьяновичъ; а батенька, какъ это было не подь часть, не вытерпѣли, да тутъ же при всѣхъ и прикрывули на нихъ:

— Что вы это, маточка, вздумали людей перекрещивать? Скоро и меня изъ Осиповичей передѣлаете во что другое. Такъ я вамъ не позволю такъ глумиться надъ собой. Родился законно Осиповичемъ, Осиповичемъ и умереть хочу. Такъ и ихъ: не перемѣняйте и имъ отчества въ обиду или въ насмѣшку. Давиловичъ—кажется не трудно выговорить!

Да и покраснѣли же маменька послѣ такого реприманта! Словно ракъ, такъ стали красны до самыхъ ушей! Покраснѣли, да стыда ради вышли скорѣй.

Уже такіе батенька были, что это страхъ: какъ на нихъ найдеть. За бездѣлицу подчасъ такъ разлютуются, что только держись! Никому спуска нѣтъ. А въ другой разъ, такъ и ничего. Это было по комплекціи ихъ: хоть и за дѣло, такъ тише мокрой курицы: сидятъ себѣ, да только глазами хлопаютъ. Тогда-то маменька могли имъ всю правду высказывать, а они въ отвѣтъ только рукою машутъ.

Вотъ же я, заговорившись о почтенныхъ моихъ родителяхъ, забылъ, на чемъ остановился... Да, о Кондратѣ Да-

ниловичъ, что вмѣстѣ съ прочими званъ былъ на обѣдъ и послушать нашей учености.

Кондрать Даниловичъ имѣлъ счастливый темпераментъ: у кого обѣдалъ, все хозяйство хвалилъ. Когда подавали ему жаренаго гуся, то онъ говорилъ, что гусь лучше всѣхъ мясъ на свѣтѣ, и жирнѣе, и вкуснѣе, и сытнѣе. Подайте же ему на завтра индейку; то уже и гусь, и все никуда не годится—одна индейка цаца. Я нахожу, что онъ съ этой стороны счастливо надѣленъ былъ мудрою фортуною. Батенька поступили хитростно, пригласивъ и его къ обѣду. Когда бы мы не отличились своими званіями, то если два первые гостя не похвалятъ, такъ третій будетъ хвалить—вотъ и раздѣлились бы мѣбнія... О! подчасъ батенька были тонкаго и проицательнаго ума человѣкъ!

Насталъ день обѣда. Гости съѣхались. Насъ позвали; и мы, въ праздничныхъ киреяхъ, отдавъ должный, почтительный респектъ, стали у дверей чинно. Гости осмотрѣли насъ внимательно и, казалось, довольны были нашею „внѣшностью“ (слово заимствованное) и приѣмами. Особливо же Алексѣй Пантелеймоновичъ: онъ-таки даже улыбнулся и принялся испытывать Петруса. Подумавши, поморщась, потерши лобъ, наконецъ спросилъ: „сколько російская грамматика имѣетъ частей рѣчи“?

Этотъ вопросъ, для такого ума, какъ Петрусъ, былъ тѣфу! Онъ (т. е. Петрусъ) немножко обидѣлся такимъ легкимъ, да еще и изъ грамматики, вопросомъ. А слышавъ, что Алексѣй Пантелеймоновичъ и ученъ, и много самъ знаетъ, рѣшился поворотить его въ другую сторону, и потому вдругъ ему отрѣзалъ: прежде, нежели я отвѣчаю на ваше предложеніе, позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ краткимъ вопросомъ, имѣющимъ связь съ предыдущимъ: знаніе отъ науки или наука отъ знанія?

— Принимаю, доминe, ваше предложеніе... но нѣчто не совсѣмъ ясно понимаю его, сказалъ смутясь къ хитрости прибѣгшій экзаминаторъ, желавшій, во время повторенія вопроса, приготовить отвѣтъ. Мы тотчасъ смекнули, что стара штука.

— Объясню—рѣзалъ Петрусъ. Знаніе ли предмета составило науку, или наука открыла въ человѣкѣ знаніе? По-

ясню слѣдующимъ предложеніемъ: человекъ постигъ грамматику и составилъ ее: ergo, до того не было ея. Какимъ же образомъ онъ постигалъ ту науку, которой еще не было? Обращаюсь къ первому предложенію: знаніе ли отъ науки или наука отъ знанія?

Я говорю, что Петрусь былъ необыкновеннаго ума. Онъ имѣлъ талантъ всегда забѣгать впередъ. За обѣдомъ ли, то еще борщъ не съѣденъ, а онъ уже успѣетъ жаркого отвѣдать; въ борьбѣ ли, еще не сцѣпился хорошенько, а ужъ ногою и подбиваетъ противника. Такъ и въ наукахъ: ему предлагаютъ начало, а онъ уже за конецъ хватается. Вотъ и теперь, шагнувши такъ быстро, смѣшалъ совсѣмъ Алексѣя Пантелеймоновича до того, что тотъ, приглаживая свой чубъ, отошелъ въ сторону и говоритъ:

— Какъ въ томъ училищѣ, гдѣ я учился, науки чрезъ тридцать лѣтъ усовершенствовались? При мнѣ—а я слушалъ философію—непремѣнно слѣдовало на заданный вопросъ отвѣчать логически; теперь же вижу, что вмѣсто отвѣта должно предложить новый, посторонній вопросъ, затемняющій тему. Умудряется народъ! и—будь я бестія,—если дѣти вашихъ сынковъ, съ своей стороны, не изобрѣтутъ чего еще въ усовершенствованію наукъ!

Тутъ онъ вдругъ ударилъ себя по лбу и сказалъ съ самодовольствомъ: счастливая мысль! Я вамъ предложу письменный вопросъ; прошу отвѣчать на бумагѣ.

Тутъ онъ, схвативъ листъ бумаги, написалъ: „въ чемъ заключается изящество краснорѣчія въ рѣчахъ и ученіяхъ Цицерона, Платона и Сократа?“ И, торжествуя, сказалъ: „вы риторъ: вамъ легко рѣшить“. И подалъ Петрусю перо.

Не на таковского напалъ. Братъ Петрусь только глазомъ кинулъ на писаніе, какъ тутъ же и сказалъ:

— Не могу отвѣчать, видя неправильность вопроса. Позвольте исправить. И тутъ же, не дожидая согласія противника, замаралъ имена философовъ и написалъ по высшему ученію:

„Platon'a Ciceron'a и Socrat'a“.

Батюшки мои! Какъ оконфузился Алексѣй Пантелеймоновичъ, увидѣвъ премудрость, каковой въ вѣкъ его нико-

му и во снѣ не снилось! Покраснѣлъ, именно, какъ хорошо уваренный ракъ. NB. Правду сказать, и было отчего! И, схвативъ свою бумагу, онъ смялъ ее при всѣхъ и, утирая потъ съ лица, сказалъ задушающимъ голосомъ:

— Послѣ такой глубины премудрости, всѣ наши знанія ничто. Счастливое потомство, пресчастливое потомство! Голова! заключилъ Алексѣй Пантелеймоновичъ, обратясь къ батенькѣ, и на словѣ голова подмигивая на Петруся.

Батенька просили его приняться за Павлуса; и Алексѣй Пантелеймоновичъ спросилъ:

— Что есть російская грамматика?

На лицѣ Павлуса не замѣтно было никакого замѣпательства. Извѣстно намъ было, что онъ ничего не изучилъ; но я, зная его изобрѣтательный умъ, не боялся ничего. Онъ съ самоувѣренностью выступилъ два шага впередъ, поднял голову, глаза установилъ въ потолокъ, какъ въ книгу, руки косвенно отвѣсилъ впередъ и началъ, не переводя духу:

— Російская грамматика. Сочиненіе Михаила Ломоносова. Санктъ-Петербургъ, иждивеніемъ Императорской Академіи наукъ. Тысяча семьсотъ шестьдесятъ пятого года. Наставленіе второе. О чтеніи разнородныхъ чиселъ. Російская грамматика есть философское понятіе; въ сему насъ ведетъ самое естество: ибо когда я разсуждаю, что, помноживъ дѣлителя на семью семь—тридцать семь; пятью восемь—двадцать восемь; тогда именительный кому, дательный кого, звательный о комъ, седьмое предлогъ, осьмое мѣстоименіе, девятое не укради...

И такъ далѣе, да какъ пошелъ! словно подъ гору, не останавливаясь и не мигая глазами, но голосомъ рѣшительнымъ и съ совершенною увѣренностью, что говорить дѣло.

Алексѣй Пантелеймоновичъ отъ удивленія сперва разинулъ ротъ, потомъ поднялъ вверхъ руки, наконецъ бросился къ Павлусю, давай его обнимать и кричать:

— Довольно, довольно! я въ изумленіи!... остановись.... отдохни!....

Буда! нашъ молодець, какъ будто осѣдлавъ ученость, погоняетъ по ней во всю руку и несется, что есть духу, ломаая и уничтожая все, что попадется навстрѣчу. Трещитъ

грамматика, лопается ариметика, свиститъ пѣтушка, вдребезги летитъ логика.... Наконецъ, кое-какъ уняли его, и онъ остановился залыхавшись. Удивительный умъ, бѣглость мыслей, проворство языка, находчивость необыкновенная!.... Да, это былъ человѣкъ!....

Потапъ Корнеевичъ и отъ Петруса былъ внѣ себя и выхвалялъ его отборными словами; когда же проораторствовалъ Павлусъ, тутъ онъ не своимъ голосомъ вскричалъ:

-- Это геній, — ему въ академіи нечему учиться. Поздравляю, Миронъ Осиповичъ, поздравляю! И должно безпристрастно сказать, что старшій сынъ вашъ имѣетъ много ума, а другой много разума. По моему это различные темпераменты. Разница умѣтъ, и разница разумѣтъ; а все велико. Подлинно, вы счастливый отецъ, Миронъ Осиповичъ, счастливый! Давайте намъ поболѣе такихъ фаворитовъ.... Нѣтъ, не такъ: патер.... патри.... патриотовъ. Посмотримъ, что скажетъ третій?

У меня душа такъ и поватилась! Я не имѣлъ ни Петрусинаго ума, ни Павлусинаго разума; да таки-просто не зналъ ничего и не могъ придумать, какъ изворотиться. Къ счастью, успокоили меня, предложивъ по мѣрѣ знаній моихъ вопросъ:

— По наружности вашей фізіогноміи — такъ, обращаясь ко мнѣ, свысока началъ Алексѣй Пантелеймоновичъ -- я посредствомъ моей прононціаціи вижу, что изъ васъ будетъ отличный метематистъ, и потому спрашиваю: восемь и семь сколько будетъ?

Сначала я принялъ умное положеніе Павлуса: глаза уставилъ въ потолокъ и руки отвѣсилъ; но, услыша вопросъ, долженъ былъ поскорѣе руки запрятать въ карманы, потому что я, слѣдуя методу доміне Галушкѣнскаго, весь ариметическій счетъ производилъ по пальцамъ и суставамъ. Зная твердо, что у меня на каждой рукѣ по пяти пальцевъ и на нихъ четырнадцать суставовъ, я скоро сосчиталъ 8 и 7, и не сводя глазъ съ потолка, отвѣчалъ удовлетворительно.

— А пятнадцать и восемнадцать?

Вопросъ затруднительный, потому что недоставало у меня суставовъ, и я было призадумался и полагалъ, что дол-

женъ буду обратиться къ ножнымъ пальцамъ; однако же, при мысленной повѣркѣ оказалось это средство ненужнымъ; и хотя я отвѣчалъ болѣе, нежели черезъ четверть часа, но отвѣчалъ вѣрно.

Такимъ порядкомъ я откатывалъ на всѣ задачи вѣрно, не смотря на то, что меня путалъ одинъ суставъ на указательномъ пальцѣ, перевязанный по случаю порѣза; но я управлялся съ нимъ ловко и вгдѣ не ошибся.

Къ моему счастью экзаминаторъ, какъ самъ говорилъ, не могъ болѣе спрашивать, забывъ примѣры, напечатанные въ книгѣ ариметики, въ которую не заглядывалъ со времени выхода изъ школы.

Похвалы сыпались и на меня. По мнѣнію Алексѣя Пантелеймоновича, хоть во мнѣ и не видно такого ума и разума, какъ въ старшихъ братьяхъ, но замѣтно необыкновенное глубокомысліе.

— Посмотрите, — продолжалъ онъ: какъ онъ не вдругъ отвѣчалъ, но обдумывалъ сдѣланное ему предложеніе, обсуживалъ его мысленно, соображалъ — и потомъ уже произносилъ рѣшеніе.

А я, будь я гунствовать, если что-либо обсуживалъ или соображалъ; я не зналъ, какъ люди обсуживаютъ и соображаютъ; я просто считалъ по пальцамъ и, кончивши счетъ, объявлялъ рѣшеніе.

Истоцивъ всѣ похвалы, Алексѣй Пантелеймоновичъ обратился съ вопросомъ къ Кондрату Даниловичу, кого изъ насъ онъ находитъ ученѣе?

Тотъ, давно скучавшій на медленность испытанія и съ нетерпѣніемъ ожидавшій обѣда, отвѣчалъ прилично занимавшимъ его мыслямъ:

— Извольте видѣть: отъ человѣка до скота; а я сихъ панычей уподоблю птицамъ. Примѣромъ сказать: возьмите гусака, индюка и селезня. Ихъ три, и панычей, стало быть, три. За симъ: птицы выкормлены, панычи воспитаны; птицы зажарены, панычи выучены; вотъ и выходитъ, что все суть едино. Теперь поставьте передо мной всѣхъ ихъ зажаренныхъ, разумѣтся птицъ, а не панычей. Избави Богъ, я никому не желаю смерти несправедливой; за что ихъ жарить?

*

Вотъ, какъ подадите мнѣ ихъ, я, допускаю, всѣхъ ихъ съѣмъ, но не беруся рѣшить, которая птица вкуснѣе которой. Разные вкусы, разные прелести. Такъ и съ панычами. Разные умы, разные знанія, а все порознь хорошо, какъ смачность въ гусакѣ, индюкѣ и селезнѣ.

Алексѣй Пантелеймоновичъ остолбенѣлъ отъ такого умнаго уподобленія, и смотря на него долго и размышляя глубоко, спросилъ съ важностью:

— До какой школы вы достигали?

— Записанъ былъ въ инфимъ — меланхолично отвѣчалъ Кондратъ Даниловичъ — но при первоначальномъ входѣ въ классъ сдѣлалъ важную вину и тутъ же отведенъ подъ звонокъ, гдѣ, получивъ должное, немедленно и стремительно бѣжалъ, и въ послѣдующее время не только въ школу не входилъ, но далеко обходилъ и все зданіе.

— Чудно! — сказалъ Алексѣй Пантелеймоновичъ, вздвигая плечами: а вы свою диссертацию произнесли логически и вонклювію сдѣлали по всѣмъ правиламъ риторикѣ.

Въ отвѣтъ на это, Кондратъ Даниловичъ почтительно поклонился Алексѣю Пантелеймоновичу.

Батенька, слушая наше испытаніе, вспотѣли крѣпко, конечно отъ внутренняго волненія. И не мудро: пусть всякій отецъ поставитъ себя на ихъ мѣстѣ. Принявъ поздравленіе со счастьемъ, что имѣютъ такихъ необыкновенныхъ дѣтей, погладили насъ — даже и меня — по головкѣ и приказали идти въ панычевскую.

Во время нашего испытанія доминѣ Галушкинскій былъ въ отлучкѣ: ѣздилъ къ знакомымъ. И безъ него братья мои въ восторгѣ отъ удавшихся имъ пассажей были.

— Вотъ, какъ мы этихъ ученыхъ надули (провели, въ дураки ввели. Это слово самое коренное бурсацкое, но, какъ слышу, вышло изъ своего круга и пошло далѣе) — почти кричалъ въ радости братъ Петрусь; прекрасное правило доминѣ Галушкинскаго: когда люди, умнѣ тебя, уже близки изобличить твое незнаніе, такъ пусти имъ пыль въ глаза; и ты самымъ ничтожнымъ предложеніемъ остановишь ихъ, отвлечешь отъ предмета и заставишь предполагать въ себѣ болѣе знаній, нежели оныхъ будетъ у тебя въ наличности. Благо-

дарю Platon'a, Ciceron'a, Socrat'a! Они прикрыли мое невѣжество и—будь я гунствать—если по времени не будутъ мнѣ въ подобныхъ случаяхъ подражать, чтобъ за глупостью укрыть свое невѣжество.

Что же дѣлали маменька во время нашего испытанія? О! онѣ, по своей материнской горячности, не вытерпѣли, чтобъ не подслушать за дверью; и бывъ болѣе всѣхъ довольны мною за то, что я одинъ отвѣчалъ дѣльно и такъ, что онѣ могли меня понимать, а не такъ—говорили онѣ—какъ тѣ болваны (т. е. братья мои), которые чортъ знаетъ что молели изъ этихъ дурацкихъ наукъ; и пожаловали мнѣ большой пряникъ и приказали проиграть на гусяхъ прищѣвающе.

Я пропустилъ сказать о важномъ пассажѣ въ жизни моей, коимъ доставилъ маменькѣ особенную радость, когда возвратился изъ училища домой.

Въ городѣ, въ меланхоличныя часы, доmine Галушкинскій поигрывалъ на гусяхъ, какъ-то имъ прибрѣтенныхъ и на которыхъ онъ мастерски разыгрывалъ восемнадцать штукъ. Пробуя меня, по части ученія, въ томъ и въ другомъ, онъ задумалъ: не возьмусь ли я хоть на гусяхъ играть? И принялся испытывать мое дарованіе. И что-жъ? Я взялся, понялъ и выигрывалъ цѣлыхъ пять штукъ и половину шестой, и все очень исправно и безъ запинки, а особливо отлично гудели у меня басы, минутъ пять неумолкая.

Съ этимъ новымъ, открывшимся во мнѣ талантомъ, прибылъ я въ домъ, привезя съ собою и гусли, ставшіе моею собственностью чрезъ мѣну на одну вещь изъ одѣянія. Хорошо. Вотъ я, не говоря ничего, и внесъ ихъ въ маменькину опочивальню. Онѣ подумали, что это сундучекъ, такъ ничего—и ничего себѣ... Но надобно было видѣть ихъ изумленіе и наконецъ радость, восторгъ, изступленіе, когда я, открывъ гусли, началъ дѣлать по струнамъ переборы, дабы показать, что я нѣчто на гусяхъ играю.

Отерши радостныя слезы и расцѣловавши меня, онѣ заставили меня играть. Я поразилъ ихъ! Я заигралъ и запѣлъ. Голосъ мой противъ прежняго еще усовершенствовался, и перейдя изъ дисканта въ теноръ, сталъ звонче и рѣзче. Я игралъ и пѣлъ извѣстный кантатъ: „Ужъ я муче-

ніе злое терплю для - ради того, кого вѣрно люблю“. Маменька плакала навзрыдъ и потомъ объясняли мнѣ, что эта-де пѣсня какъ нарочно сложена по ихъ комплекціи; что-де я терплю отъ твоего отца, такъ и не приведи Господи никому! и все ради того, заключили онѣ съ стихотворцемъ, что вѣрно его люблю! Повтори, душко, еще этотъ усладительный кантывъ. И я пѣлъ, а онѣ рыдали.

Потомъ я запѣлъ другой кантывъ: „Разсуждалъ я предовольно, кто въ свѣтѣ всѣхъ счастливей?“ Онъ имъ понравился по музыкѣ, но не по словамъ: „цуръ ей, душко! Это мужеская, не играй при женщинахъ. Я, да я думаю, и весь женскій полъ не только сами, чтобы разсуждать, да и тѣхъ не любятъ, кои разсуждаютъ. Не знаешь ли другой какой?“

Я заигралъ: „Гдѣ, гдѣ, ахъ, гдѣ укрыться? О грозный день! лютѣйшій часъ!“—Слушали онѣ, слушали и вдругъ меня остановили.

— Не играй и этой,—сказали онѣ; это, видишь, сложено на страшный судъ. Тутъ понимается и грозный день, и лютый часъ, и гдѣ укрыться!.. Охъ, Боже мой! Я и помыслить боюсь о страшномъ судѣ! Я, благодаря Бога, христіанка: такъ я эту ужасную мысль удаляю отъ себя. Нѣтъ ли другаго кантика?

Я умѣлъ живо разыгрывать „комарицкую“, подъ которую, какъ мнѣ говорили, и мертвый бы не улежалъ, а поплясалъ бы; но не игралъ при маменькѣ изъ опасенія, чтобы подчасъ неразобрала ихъ музыка и чтобы онѣ не пошли плясать, что весьма неприлично было бы въ тогдашнемъ ихъ меланхолическомъ восторгѣ. И такъ я заигралъ и запѣлъ:

„Владычица души моей, познай, колько страстенъ мой духъ несчастенъ“. Какъ вижу, встали отъ меня, начали ходить по комнатѣ, что-то шептать съ большимъ чувствомъ и, ударяя себя въ грудь, утирали слезы. Онѣ какъ были неграмотныя, то и не разобрали, что это слова любовныя, а понимали ихъ въ противномъ смыслѣ. Особливо же, когда при кончикѣ этого кантика я долженъ былъ, почти вскрикивая, пѣть: „неисцѣлима страсть моя!“ то и онѣ тутъ, крѣпче ударивъ себя въ грудь, возглашали: „охъ, точно неисцѣлима страсть моя. Вотъ уже близъ шестидесяти лѣтъ, а страсть пылаеть“.

Полезы ради своей, я молчалъ и не растолковалъ имъ прямого смысла пѣсни. Зачѣмъ?.. Меня, за мою усладительную музыку, всегда окармливали всякими лакомствами, и всегда, чуть только батенька прогнѣваются на маменьку и имъ порядочно достанется отъ нихъ, онѣ и шлютъ за мною и прикажутъ пропѣть: „Ужъ я мученіе злое терплю“, а сами плачутъ-плачутъ, что и мѣры нѣтъ! Вечеромъ же, на сонъ грядуще, прикажутъ пѣть: „Владычица души моей“, а сами все шепчутъ и плачутъ.

Не только маменькѣ нравилась моя игра и пѣніе, но и старшая изъ сестеръ, Софійка, ужъ года два назадъ, т. е. когда ей исполнилось четырнадцать лѣтъ, надѣвшая корсетъ и юпочку, а до того бѣгавшая въ одной лелечкѣ (рубашкѣ), только кушачкомъ подпоясанная, такъ и Софійка очень полюбила это упражненіе и чистосердечно мнѣ говорила:

— Хорошо братъ Павлусъ звонитъ, очень хорошо, я всегда заслушиваюсь его; но ты, Трушко, на гусяхъ лучше играешь.

Изъ благодарности я принялся ее учить; но или я не могъ научить, или она не могла перенять, она не взялась на гусяхъ, а только пѣла со мною и, вмѣстѣ со мною, услаждая горести маменькины, услаждалась и лакомствами. Ахъ, какъ мы громко и выразительно пѣли Владычицу! Да что? Теперь такихъ нотъ и подобнаго стихотворства не услышишь.... Все миновалось.

Послѣ сдѣланнаго намъ испытанія, слава о нашей учености пронеслась далеко, и сосѣди, прїѣзжая къ батенькѣ, поздравляли ихъ съ такимъ счастіемъ, за что батенька были къ намъ очень милостивы. Они дали намъ во всемъ полную волю и, надѣясь на степенность доmine Галушкинскаго, ни малѣйше не заботились, гдѣ мы находимся и въ чемъ упражняемся. Удальцамъ Петрусь и Павлусъ то было на-руку. Святки—веселье, гульба. Братъ Петрусь далъ волю геройскому своему духу: завелъ кулачные бои, для примѣра самъ участвовалъ, показывалъ правила, занятія имъ на кулачныхъ бояхъ въ городѣ, во время ученія въ школахъ, ободрялъ храбрѣйшихъ. Противною стѣною командовалъ нашъ реверендissime наставникъ, отпущенный для повторенія съ нами уроковъ. Но онъ не исполнялъ сей обязанности по причинѣ

другихъ занятій: днемъ на кулачномъ бою, а по ночамъ подвигами на вечерницахъ, которыя имъ и братьями были по-сѣщаемы съ новымъ жаромъ; причеиъ введены были ими и новыя права, также городскія и также служившія только къ ихъ пользамъ.

Такіе ново-вводимые обычаи на вечерницахъ и право сильнаго, помѣщичьяго сына, паньча, законодательство на кулачномъ бою Петруся, притомъ поддаиваніе и ободреніе къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ доине Галушкинскаго, а равно и все содѣянное художественными способами Павлуса, весьма не нравилось большей части парубковъ. Ропотъ усилился, и они приступили къ мщенію, въ чемъ и успѣли.

Въ одинъ вечеръ, злополучный вечеръ, реверендиссима Галушкинскій, пригласивъ наставляемыхъ имъ юношей, Петруся и Павлуса (я не участвовалъ съ ними по особенной, пріятной сердцу моему причинѣ, о которой не умолчу въ своемъ мѣстѣ), пошли на вечерницы, и какъ ничего худого не ожидали и даже не предчувствовали, то и не взяли съ собою другихъ орудій, кромѣ палокъ для-ради собакъ.

Ничего не подозрѣвая, подходили къ хатѣ, гдѣ обыкновенно бывало сходбище, какъ вдругъ изъ-за угловъ и плетней раздалось: „сюда наши, бей, валай, кого попало!“ и вмѣстѣ съ крикомъ выбѣжало парубковъ двадцать съ большими дубинами и съ азартомъ бросились къ Петрусю и реверендиссиму, а другіе, схвативъ брата горбунчика, по предприимчивому духу своему ушедшаго впередъ, начали по горбу Павлуса барабанить въ двѣ палки, съ насмѣшками и ругательствами крича: „славный барабанъ: Ониська! бей на немъ зорю!“

Петрусь, при первомъ раздавшемся крикѣ парубковъ, слѣдуя внушенію геройскаго духа своего, хотѣлъ было бѣжать, но, какъ нѣжный братъ, вида бѣдствующаго Павлуса, бросился съ отчаяніемъ въ вучу злодѣевъ, исхитилъ его изъ ихъ рукъ, принимая и на себя значительное число ударовъ, одушевляемый храбростью и неустрашимостью, пустился бѣжать, что есть духу. Почтенный наставникъ, разжигаемый тѣмъ же духомъ мужества, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ. Павлусъ тоже пустился было по слѣдамъ храбрыхъ, но какъ былъ слабосиленъ, а тутъ еще отбарабаненъ порядочно, не могъ никакъ бѣжать за героями. Но что значить умъ, та-

лантъ, изобрѣтательность, творчество! Сии дары и въ самомъ опасномъ, отчаянномъ положеніи избавляютъ отъ бѣдъ чело-вѣка, одареннаго ими. Съ таковыми талантами Павлусъ въ критическую минуту нашелся и произвелъ, къ своему спасенію, слѣдующую хитрость, едва ли не знаменитѣе всѣхъ прежнихъ своихъ, но... увы!... и послѣднюю! Собравъ остатокъ силъ, онъ догналъ бѣгущаго реверендиссима, подскочилъ и ухватился ему за шею, а ногами обвилъ его и такимъ образомъ расположился на хребтѣ наставника своего, какъ на вонѣ или на верблюдѣ, очень покойно. Домине Галушквинскій какъ ни старался освободиться отъ сѣдока, но никакъ не могъ, находясь въ необходимости улепетывать отъ разъяренныхъ парубковъ, которые не переставали преслѣдовать бѣгущихъ и щедро осыпать ударами Петруся и самого реверендиссима съ ношею его.

Избитые, испуганные, измерзшіе герои мои едва могли дотащиться домой: бѣднаго же Павлуса, жестоко избитаго по чувствительному мѣсту, едва могли снять съ хребта наставника и тутъ же уложили въ постель.

Батенька узнавъ о ночномъ приключеніи, поступили весьма благоразумно. Во-первыхъ, пострадавшимъ дали по большой рюмѣ водки съ перцемъ, для согрѣтія тѣла и исправленія желудка, по причинѣ всего претерпѣваемаго, приказали лечь въ постели и закутаться, чтобы вспотѣть. Средство это очень помогло: герои мои къ полудню чувствовали себя совершенно справившимися и могущими еще снова перенести подобное дѣйствіе. Во-вторыхъ, принялись отыскивать дерзкихъ, осмѣлившихся поднять руку на кровь ихъ въ лицѣ Петруся и Павлуса. И какъ, перебирая, не находили виновнаго, то и приказали всѣхъ парубковъ до одинаго, — былъ ли кто изъ нихъ или не былъ въ экспедиціи, участвовалъ ли въ чемъ или нѣтъ, — собрать во дворъ и подъ наблюденіемъ Петруся и подъ руководствомъ почтеннаго наставника нашего, управиться съ ними по своему усмотрѣнію. Будутъ же они помнить мщевіе оскорбленныхъ ими!...

Батенька имѣли такой нравъ, а можетъ и комплекцію, что, сдѣлавъ дѣло, потомъ обсуживаютъ, хорошо ли они это сдѣлали. Такъ и тутъ. Они принялись разсуждать—и, не зная отчего, пришла имъ вдругъ мысль, что не парубки, уже

наказанные, а братья и инспекторъ виноваты, зачѣмъ не училися, для чего изъ училища отпущены, а пошли на вечерницы, чего никто не поручалъ. А того батенька и не разсудили, что это были святки, праздники—какое тутъ ученіе? можно ли заниматься дѣломъ? надобно гулять, должно веселиться: святки разъ въ годъ: не промориться же въ такіе дни надъ книгами! чудные эти старики! Имъ какъ придетъ какая мысль, такъ они и держатся ея—такъ и батенька поступили теперь: укрѣпясь въ этой мысли, начали раздражаться гнѣвомъ все болѣе и болѣе, и придумывали, какъ наказывать дѣтей?

Вотъ какъ они о томъ обдумывали, маменька между тѣмъ, по сродной чувствамъ и сердцу ихъ нѣжности, хотя и о нелюбимомъ за его уродливость сынѣ, но видя его потерпѣвшаго такъ много, плакали все равно, какъ-бы и обо мнѣ, пѣстунчикѣ своемъ, если бы это случилось со мною. Сердце матери неизъяснимая вещь!

Оплакавъ страдающаго Павлуса и видя, что слезами ничего нельзя помочь, онѣ принялись лѣчить его и на таковъ конецъ призвали сельскую знахарку. Женщина въ своемъ мастерствѣ преискусная была! Могла въ рядъ стать съ лучшимъ нѣмцемъ-лѣваремъ. Она, когда бывало скажетъ, что больной не выздоровѣетъ, а умереть, то какъ разъ такъ и случится. Впрочемъ, и сама говорила, что она къ выздоровленію не имѣла дара лѣчить, развѣ больной самъ по себѣ догадается и выздоровѣетъ. Пожалуйте же. Эта умная и опытная женщина принялась укрѣплять ослабѣвшаго сильно Павлуса. И, признаюся, средство ея было самое близкое къ натурѣ. Она, выеупавши его въ разныхъ травахъ, распареннаго, приказывала немедленно выносить на морозъ, пока хорошенько продрогнетъ. Знавъ свое дѣло, она доказывала, что и желѣзо такимъ же образомъ заваливается и оттого дѣлается крѣпче; то же желѣзо бездушное, а то человѣкъ, созданіе другого рода, лучшее, слѣдовательно ему скорѣе помочь. Но не смотря на это и другія подобныя средства, Павлусъ не получалъ облегченія, а изнемогалъ все болѣе и болѣе. Такая уже, видно, была слабая его натура!

Послѣ перваго опыта надъ Павлусемъ, маменька принялись обсуживать, отчего это ихъ сынки, почти дѣти еще—

что тамъ: Петрусь 18, Павлусь 17, а мясь 16 лѣтъ — возымѣли такую охоту ходить на вечерницы и рѣшили:

— Это ни кто, какъ Галушка! Это онъ ихъ всему научилъ, чего дѣтямъ на ихъ невинный умъ и никогда бы не вошло.

Съ подобными жалобами на инспектора, онѣ хотѣли идти къ батенькѣ и, какъ всегда это дѣлали, прежде посмотрѣли въ дверную щелочку, чѣмъ они занимаются и въ какой пассіи. Тѣ же, какъ я сказалъ выше, приходя все въ большее сердце, наконецъ взбѣшены были до чрезвычайности, а отчего? маменька не знала. Извѣстна же имъ очень хорошо была батенькина комплекція, что въ такой часъ не подходитъ къ нимъ никто, ни правый, ни виноватый — всѣмъ будетъ одна честь: кулакъ и оплеухи. Такъ потому онѣ и не пошли, а разсудили залучить къ себѣ батеньку и для того поднялись на обыкновенныя свои хитрости. Громкаго плача батенька терпѣть не могли и болѣе еще сердились; но когда маменька плакала тихомолкомъ и горестно, тогда батенька, лишь бы увидѣли, тотчасъ расчувствуются и ухаживаютъ уже сами около маменьки. Видно въ тѣ поры въ батенькѣ пробуждалась любовь, а оттого и сожалѣніе. Конечно, проживъ около двадцати лѣтъ въ безпорочномъ супружествѣ, они обою уже налюбилися и излюбилися; но все-таки, при видѣ скорби близкаго лица, пробуждается какое-то особенное чувство, вродѣ любовнаго воспоминанія, и рождаетъ уже одно сожалѣніе. Я это нынѣ испытываю на себѣ.

Такъ вотъ маменька, по обычаю, и принялись въ соседней отъ батенькиной комнатѣ хныкать, будто удерживая себя отъ плача. Когда батенька это замѣтили, то и пришли въ чувство, описанное мною. Гдѣ и гнѣвъ дѣвался! Они, по своему обычаю, стали ходить на цыпочкахъ около маменькиной опочивальни и все заглядывали въ непритворенную съ умысломъ дверь, покашливали, чтобы обратить ихъ вниманіе.

Но маменька были себѣ на умѣ: не вдругъ поддавались батенькѣ, а разъ десять, замѣтивъ выказывающійся изъ-за дверей батенькинъ носъ — у батеньки былъ очень большой носъ — онѣ, бывало, только спросятъ:

— А чего вы, Миронъ Осиповичъ? не желаете ли чего?

Тутъ батенька войдутъ смѣло и объясняютъ, о чемъ имъ надо.

Такъ случилось и теперь: но батенька не изъявили желанія ни на что, а начали говорить такъ:

— Я пришелъ съ вами, Фекла Зиновьевна, посоветоваться. Какъ бы ни было, вы мнѣ жена, другъ, сожителница и совѣтница, закономъ мнѣ данная, а при томъ мать своихъ и моихъ дѣтей. Что мнѣ съ ними дѣлать? присоветуйте, пожалуйста. Законъ насъ соединилъ; такъ когда меня рѣжутъ, то у васъ должно болѣть. Дайте мнѣ совѣтъ, а у меня голова кругомъ ходить, какъ будто послѣ пріятельской гульни.

— Когда-бъ я знала, Миронъ Осиповичъ—сказали маменька хитростно—что вы на меня не разсердитесь на мой глупый женскій умъ, то я дала бы вамъ преблагоразумный совѣтъ.

— А ну-те, ну-те, что вы тамъ скажете?

— Знаете что? Сыны наши уже взрослые, достигли совершенныхъ лѣтъ, бороды брѣютъ: жените ихъ, Миронъ Осиповичъ!

— Чортъ знаетъ-таки, что вы, маточка, говорите! Кого женить?

— Петруся и Павлуса; да и Грушка бы я оженила, чтобы отвратить отъ разврата.

— Съ чего такое дурачество въ голову вошло вамъ, душечка?

— Это не дурачество и совсѣмъ не глупая мысль. Женится человекъ—и всѣ свои шалости, даже глупости оставляетъ. Недалеко ходить: вамъ живой примѣръ вы. Помните, какія проказы въ здѣшнихъ мѣстахъ строили? Уши горять и вспомнивши про нихъ. Васъ вездѣ считали за распутнаго, и ни одна панночка не шла за васъ. Прошлое дѣло, и я бы не пошла, какъ бы меня, почитай, связанную не обвѣнчали. Вотъ же, сякая-такая, лыками спитая жена, а жениясь, вы исподоволь перемѣнили свое скаредное поведеніе и подъ старость стали порядочные. Вотъ то же будетъ и съ нашими сынками. Какъ мы ихъ оженимъ, да возьмемъ имъ женъ гораздо постарше ихъ, да зубатыхъ, чтобы имъ волю

прекратили, такъ, во-первыхъ, скорѣе дождемся сыновъ отъ сыновъ своихъ и увидимъ чада чадъ своихъ; а во-вторыхъ, не бойтеса, не пойдутъ больше по вечерницамъ и насъ порадуютъ счастьемъ своимъ.

— Удивляюсь вамъ, Оекла Зиновьевна, какъ вы даже и въ эти лѣта подвержены меклюдіи, и у васъ все любовное на умѣ (при семъ маменька плюнули и такъ поморщились, какъ будто крѣпкого уксусу отвѣдали). Какъ вы располагаете женить дѣтей? что изъ нихъ будетъ?

— Теперь покуда дѣти, а послѣ будутъ люди.

Батенька остановились противъ маменьки и смотрѣли на нихъ долго, долго; потомъ покачали головою, присвистывая: „фю-фи-фи!.. фю-фи-фи!..“ и начали говорить съ возрастающимъ жаромъ:

— Какъ я вижу: такъ вашъ совѣтъ женскій, бабій, не разсудительный, дурацкій!—и при послѣднемъ словѣ, выходя изъ комнаты, стукнули дверью крѣпко и, уходя, продолжали кричать:—не послушаю васъ, никогда не послушаю!.. Женить! Имъ того и хочется.

А маменька, оставшись себѣ однѣ начали разсуждать критически, но все вполголоса, все еще потрушивая батеньки, чтобъ не воротился:

— Какъ же себѣ хотите, такъ и дѣлайте, а я вамъ другого совѣта не дамъ. Хотя они и моя утроба и вскармлены моимъ сердцемъ, а не вашимъ, но вы моя глава и я—о, охъ! должна повиноваться. Хотя по-вашему, я и глупо разсуждаю, но чувствую, что лучше имѣть одну невѣстку, которая бы и намъ помогала держать ихъ въ рукахъ, нежели сотню, чортъ знаетъ какихъ—тьфу... При семъ восклицаніи маменька плюнули, оборотаясь въ ту сторону, гдѣ было село.

Весь описанный мною разговоръ батеньки съ маменькою я слышалъ одинъ—и, признаюсь, мысль маменькина, мысль остроумная и благоразумная, восхитила меня. Женить насъ! Что могло быть лучше этого?.. Маменька же такъ справедливо, живо, искусно доказали необходимость того... Съ горестью услышалъ я несогласіе батеньки и рѣшительный отказъ. А я уже чувствовалъ такое стремительное, не-

преодолимое желаніе жениться, потому что со мною послѣдовала перемѣна, которую изъясню словами нашего реверендссиме наставника, домине Галушкинскаго.

Божокъ, малъ тѣломъ, но великъ дѣлами, нашелъ средство опутать меня своими сѣтями. Для чего досталъ онъ изъ колчана своего острѣйшую изъ стрѣлъ, намазалъ ее ядомъ, имъ же составленнымъ, ядомъ сладкимъ, горькимъ, восхищающимъ, умерщвляющимъ, возвышающимъ и унижающимъ; таковую стрѣлу сей плутишка положилъ на свой лукъ и, помѣстясь въ несравненные, сѣренкые, плутовскіе глазки, пустилъ изъ нихъ свою стрѣлу, которая, полетѣвъ, попала мнѣ прямо въ сердце и пронзила его насквозь. Тоненькіе же, длиненькіе, бѣленькіе пальчики, принадлежащіе той, кому и тѣ глазки, теплотою своею распалили всю мою внутренность... Увы! я позналъ любовную страсть къ моему восхищенію и вмѣстѣ къ лютому мученію!.. Начало или рожденіе ея, возрастаніе и дѣйствія я разскажу въ слѣдующей части. Теперь же кончу періодъ юной жизни моей тѣмъ, что случилось.

Батенька рѣшился отправить насъ пока въ училище. Домине Галушкинскій, за произведенное развращеніе (такъ думали батенька) нравовъ нашихъ, долженъ былъ заниматься съ нами цѣлый годъ безъ жалованья, на однихъ харчахъ нашихъ, и какъ ему обѣщали, что не объявятъ начальству его о происшедшемъ, то онъ былъ радъ и обѣщевалъ уже наблюдать за нами, какъ за зеницею ока своего.

Насъ снаряжали къ отправленію. Бѣдный Павлусъ, не только ѣхать съ нами, но еслибы сказали жениться, то онъ не могъ бы, ибо изнемогалъ все болѣе и болѣе. Наконецъ и знахарка объявила, что онъ не такъ боленъ, чтобъ ему выздороветь, а оттого и перестала лѣчить его. Я долженъ былъ отправляться въ городъ для продолженія такъ удачно начатаго ученія. Но свѣдающая меня любовная страсть и возрѣніе на слезы страждущаго предмета души моей заставили меня прибѣгнуть къ хитрости, въ моемъ состояніи извинительной. Заблаговременно я притворился больнымъ; маменька поддерживали обманъ мой. Я лежалъ въ теплой комнатѣ подъ шубами, ничего не ѣлъ явно, а всѣми возможными явствами, при секретномъ содѣйствіи бабуся, ма-

менька меня упитывали. Батенька сильно сердилась на мою болѣзнь, но не подозрѣвали обмана, и мы его препорядочно надули до того, что когда пришло время, то братъ Петрусь одинъ съ доминѣ наставникомъ уѣхалъ. Я же оставшись, пронемогши для приличія нѣсколько дней, выздоровѣлъ и всталъ для любовныхъ, пріятно невинныхъ наслажденій...

Братъ Павлусъ, послѣ отъѣзда Петруса, недолго страдалъ. Онъ умеръ, къ огорченію батеньки и маменьки. Какъ бы ни было, а все же ихъ рожденіе. Батенька рѣшительно полагали, что смерти его причиною доминѣ Галушкѣнскій, рано и преждевременно поведши насъ на вечерницы; а маменька, какъ и всегда справедливѣе батеньки, заключали, что доминѣ Галушка тѣмъ виноватъ, что часто водилъ братьевъ въ это веселое сборище, я же полагаю, что никто смерти его не виною: она случилась сама по себѣ. Такая, видно, Павлусина была натура!

По приказанію родителей я, разлинеавъ бумагу, написалъ Петрусь самъ: „знаешь ли, братъ, что? Братъ Павлусъ приказалъ тебѣ долго жить“. Маменька прослушали, и сказавъ, что очень жалко написано, прослезились порядочно. Въ отвѣтъ мнѣ, Петрусь пространно описывалъ—и все съ высокимъ штилемъ—всѣ отличныя качества покойнаго и въ заключеніе, утѣшая себя и меня, прибавилъ: „Теперь намъ, когда батенька и маменька помрутъ, не между шестью, а только между пятью братьями—если еще который не умретъ—должно будетъ раздѣляться имѣніемъ“.

Я говорю, что это былъ необыкновеннаго ума человѣкъ! Онъ вездѣ и во всемъ хваталъ впередъ.

Похоронивши Павлуса, батенька и маменька привалясь совѣтоваться, какъ устроить насъ. И видно батенька въ ту пору были склонны къ жалости, потому что скоро согласились съ маменькою, чтобы уже прекратить мое ученіе. Они приняли въ резонъ, зачѣмъ убыточиться, доминѣ Галушкѣнскому платить лишніе пять рублей каждый годъ, а пользы де не будетъ никакой: видимое уже дѣло было, что хотя бы я всѣ возможныя училища прошелъ, и какія есть въ свѣтѣ науки прослушалъ, толку бы не было ничего. Отверовенно скажу, не пришлось науки по моей комплекціи. Батенька въ заключеніе совѣщанія связали:

— Пусть и не учится; а будетъ дуракомъ, пусть на себя жалуется; увидить, какое зло ему принесетъ его незнаніе.

Хорошо. Какое зло принесло мнѣ нежеланіе мое учиться? Совершенно ничего. Я такъ же выросъ, какъ бы и ученый; аппетитъ у меня, какъ у всякаго ученаго. Влюблялся въ дѣвушекъ и былъ ими любимъ такъ, что ученому и не удастся; причеъ онѣ не спрашивали меня о наукахъ—и у насъ творительное, родительное и всякое производилось безъ знанія грамматики. Въ службѣ военной, незнаніе наукъ послужило мнѣ къ пользѣ: меня, не удерживая, отпустили въ отставку; иначе лежалъ бы до сихъ поръ на полѣ чести. За то теперь живъ, здоровъ и всегда веселъ. Не требовали науки и при вступленіи моемъ въ законный бракъ съ нѣжно-любящею меня супругою, Анисьею Ивановною, съ которою,—также безъ наукъ—прижито у насъ пять сыновей и четыре дочери живьемъ, да трое помершихъ. И имѣніе у брата отстояно, и новое приобрѣтено—все безъ наукъ, просто.

Посмотрите же вы, что дѣлается съ учеными, хотя бы и съ сыновьями моими? Знаютъ, каналы, все; не токмо сотни, да и тысячи—куда! я думаю и сотни тысячъ рублей раскинуть на гривны, кофѣйки и скажутъ, сколько денежекъ даже въ миллионѣ рублей. Удивительныя познанія! Волосъ сталь-бы дыбомъ, если бы я прежде того не оплѣшивѣлъ! Мало того, какъ знаютъ все прошедшее! какія есть въ свѣтѣ государства, какой король царствовалъ, какъ звали его, жену и дѣтей; а сами и ногой въ томъ государствѣ не бывали, да знаютъ. Все, все знаютъ отъ сотворенія міра по сей день. Неимоверно! А не больше какъ мои дѣти, и въ томъ же городѣ училися; только и разницы, что не въ томъ училищѣ, гдѣ я. Вотъ и поглотили кажется, всю премудрость; но за то какъ испитые, голубчики мои! Ни маленькаго брюшка, ни у одного аппетита порядочнаго, и вдобавокъ, никогда не ужинаютъ. Словно не мои дѣти! Дослужились въ полкахъ до чиновъ, и орденовъ набрали, правда; но нахватали же ранъ и увѣчья. Побрачили все на бѣдныхъ; только и смотрѣли, чтобъ были обученныя.... Тыфу, ты пропасть! Требуютъ, чтобъ и женщины имѣли умъ! Вотъ вѣкъ! Маменька, маменька! что, еслибы вы до сихъ поръ не умерли, что бы вы сказали о письменныхъ женахъ?...

Это же сыновья мои единоутробные; а что со внуками дѣлается, такъ и ума не достанетъ понять ихъ! Вѣдь всѣ бѣги небесныя знаютъ, звѣзды у нихъ наперечетъ и куда какая идетъ; не заглядывая въ календарь, скажутъ прямо, когда какая квадра луны настанетъ. Не только мужской полъ поглощаетъ премудрость, самыя женщины. Ну что овѣ такое? Ничего больше, какъ женщины, а поди ты съ ними! Что уже противъ своихъ матушекъ! прямо въ превыспренности вдаются. Ужъ не только на гусяхъ, но и на клавирахъ рѣжутъ, да какъ? что даже на вариациі поднимаются, поютъ кантики, совсѣмъ отлично отъ прежнихъ сложенные, — и я вамъ скажу, соблазнительно сложенные. Моя Анисья Ивановна заставила однажды нашу Пазиньку спѣть что-нибудь хорошенькое и слушала ее, раскладывая гарпасію, слушала-слушала — что-жъ? не выдержала и, подошедъ ко мнѣ, страстно поцѣловала; а ужъ бабѣ 52 года! Что же молодыя должны чувствовать отъ ихъ кантиковъ? А рѣчи и разговоры ихъ? Вѣдь и говорятъ и пишутъ все университетскимъ штилемъ; понимай ихъ! А та же Пазинька да Настинька, обученныя — по прихотямъ жены моей — иностраннымъ діалектамъ, при насъ, битыхъ два часа разговаривали съ офицерами на проклятомъ французскомъ языкѣ. Какъ усердно ни прислушивался, а не поймалъ ни одного слова; нѣтъ и похожаго, какъ насъ училъ доминѣ Галушкинскій, покой душѣ его! Какой же изъ того ихъ разговора послѣдовалъ „результатъ“, какъ говорилъ сказанный гувернеръ, служащій невѣсткѣ моей? Пазинька въ ту же ночь, съ тѣмъ же офицеромъ, безъ вѣдома нашего, ушла и, за непощеніемъ нашимъ родительскимъ, ѣздитъ гдѣ-то съ нимъ по полкамъ. Настинька въ частыхъ перепискахъ съ молодыми людьми ловится, бранима бываетъ, да не унимается. А какъ бы постаринному?... Да чего? малолѣтки внучки мои то-и-дѣло у овна: тотъ-де хорошъ; вотъ прошелъ пригожъ; вонъ у того усики прелестныя и т. п., а еще цыплята 11 и 12 лѣтъ. Тьфу, ты пропасть! скажу я, какъ маменька говорили, и плюнулъ бы при этомъ словѣ, да не знаю, куда плюнуть особенно: вездѣ одно и то же!

Вотъ эти-то обученія, эти наученія перемѣнили весь свѣтъ и всѣ обычаи. Просвѣщеніе, вкусъ, образованность,

политива, обхожденіе, все не такъ, какъ бывало въ нашъ вѣкъ. Все не то, все не то!... вздохнешь — и замолчишь. Замолкну и я объ нихъ и стану продолжать свои сравненія нашего вѣка съ теперешнимъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *)

Хорошо. И такъ, пока еще до чего, приступлю къ сравненію, какъ влюблялись въ нашъ вѣкъ и какъ теперь.

Домине Галушкинскій, рѣдкій наставникъ нашъ, говаривалъ, что „любовь есть неизъяснимое чувство, пріятнѣе, полезнѣе и восхитительнѣе паче прочихъ горячихъ напитковъ, также одуряющее самую умнѣйшую голову, вводящее, правда, часто въ дураки: но состояніе глупости сей такъ пріятно, такъ восхитительно, такъ...“ Тутъ у нашего реверендиссима кровь вступала въ лицо, глаза блистали какъ метеоры, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, задыхался... и падалъ въ постель, точно какъ опьянѣлый.

Сыновья мои — ужъ это другое поколѣніе — конечно, также наслышавшіеся отъ своихъ наставниковъ, говорили, что любовь есть душа жизни, жизнь природы, изящность восторговъ, полный свѣтъ счастья, эссенція изъ всѣхъ радостей; если и причинить неимоверныя горести, то однимъ дуновеніемъ благосклонности истребить все и восхитить на цѣлую вѣчность. Это роза изъ цвѣтовъ, амбра изъ благоуханій, утро природы... и проч. все такое.

Нынѣшнее—или теперешнее, не знаю какъ правильнѣе сказать—поколѣніе, уже внуки мои, имѣя своихъ Галушкинскихъ въ другомъ форматѣ, т. е. костюмѣ, съ другими выраженіями о тѣхъ же понятіяхъ, съ другими поступками по прежнимъ правиламъ, отъ нихъ-то, новыхъ реверендиссимовъ наслушавшись, говорятъ уже, что любовь есть пріятное занятіе, что для него можно пожертвовать свободнымъ полчасакомъ; часто необходимость при заботахъ тяжелыхъ для головы; стаканъ лимонаду жаждущему, а не въ спокойномъ состояніи находящемуся; недостойная малѣйшаго размышленія,

*) Вторая часть романа „Панъ Халивскій“ была напечатана первый разъ въ 1840 году, и вмѣстѣ съ первой частью вышла отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: Сочиненіе Основьяненна: Панъ Халивскій.

не только позволенія владѣть душою; недостойная и немогущая причинить человѣку малѣйшей досады и тѣмъ менѣе горести. «Отцы и предки наши, какъ во всемъ, такъ и въ любви, были дураки и занимались ею какъ чѣмъ-то серьезнымъ, вздыхали, даже плакали и—верхъ дурачества!—умирали волею и противъ воли, когда слѣдовало бы на любовь смотрѣть, какъ на ничто». Такъ говорятъ внуки мои.

Не знаю, кто изъ всѣхъ, такъ различно умствующихъ, былъ правъ, и что еще о любви скажутъ впередъ; но я, жившій въ вѣкъ доmine Галушкинскаго и имъ руководимый, я любилъ сходно правиламъ и чувствамъ сего великаго педагога.

Пріятельница моей маменьки, вдова, имѣла одну дочь, наслѣдницу ста душъ отцовскихъ съ прочими принадлежностями. Эта вдова, умирая, не имѣвъ кому поручить дочь свою, Тетясю, просила маменьку принять сироту подъ свое покровительство. Маменька, какъ были очень сердобольны ко всѣмъ несчастнымъ, согласилась на просьбу пріятельки своей и, похоронивъ ее, привезли Тетясю въ домъ къ себѣ. Это случилось передъ пріѣздомъ нашимъ изъ училища.

Пріѣхавъ къ святкамъ домой, я увидѣлъ Тетясю и меньше обратилъ на ее вниманія, нежели на маменькинъ самоваръ. Не знаю, наружность ли Тетяси была такъ обыкновенна, или судьба моя не пришла, только я видѣлъ ее и не видѣлъ, смотрѣлъ на нее и не смотрѣлъ. Она была съ моими сестрами, съ которыми я, по причинѣ различныхъ занятій, рѣдко видался, исключая Софійки, которую я обучалъ играть на гусляхъ и пѣть кантики.

Въ самомъ дѣлѣ, чему было обратить мое вниманіе? Тетяся была лѣтъ пятнадцати дѣвочка, ростъ ей выгнано, худа, но послѣ я замѣтилъ, что она складывается... лицомъ ни черна, ни бѣла, середка на половинѣ, щечки полныя, румяныя, но изрѣдка рабоватыя; глаза сѣрые, вначалѣ будто и ничего, но послѣ... канальскіе глазки! ручка полная, съ длинными пальчиками... и, право, ничего больше, что бы значительно бросилось въ глаза!—Внуки мои, описывая красоту женщины (о дѣвицахъ, по неприличію, они и не думаютъ и не обращаютъ на нихъ вниманія; замужнихъ только удостоиваютъ замѣтить и искать ихъ благосклонностей),

всегда начинаютъ съ ножекъ, ими плѣняются, ими любятъся, ими восхищаются, а прочее все—прибавленіе. У насъ бывало такъ, что прежде разсматриваемъ головку, а тогда уже смотримъ на всю.

Вотъ эта Тетяся и была для меня ничто, какъ равно и я для нея. Мы бывали и вмѣстѣ съ нею, да какъ ничего, такъ ничего и не было.

Отошли святки, надобно было приниматься за работу. У маменьки не дремли никто. Бабы и дѣвки дворовыя само по себѣ, а дѣти само по себѣ. Панночкамъ, уже начинавшимъ именоваться „барышнями“, задана была работа „выбирать пшеницу“. Эта пшеница нужна была для сдѣланія изъ нея муки „на пасху“ къ будущему „великодню“ (Воскресенію Христову). Для такой муки надобно было, чтобы пшеница была зерно въ зерно, и для того барышни садились за столъ и, рассыпавъ по немъ пшеницу, все нечистое изъ нея до послѣдняго выбирали и выкидывали, а потомъ чистую, уже выбранную пшеницу отълаживали особо. Занятіе полезное, пріятное и съносящее къ меланхоліи.

Я, какъ маменькинъ пѣстунчикъ, мѣсяца три ими невидѣнный, не отпускался отъ нихъ къ братьямъ въ панычевскую, а все бѣльшею частью сидѣвшій въ ихъ опочивальнѣ на лежанкѣ и непремѣнно чѣмъ нибудь лакомившійся, не отпущенъ и послѣ святокъ къ братьямъ, а посаженъ вмѣстѣ съ сестрами выбирать пшеницу. Маменька меня тѣмъ урезонили, что надо-де уже мнѣ пріучаться къ хозяйству, а эта часть самая хозяйственная и преполезная. Я не скучалъ подобными занятіями, зная, что маменька не престануть улаждать меня разными заѣдками. Съ нами вмѣстѣ занималась этою хозяйственною и преполезною частью Тетяся; а сестра Вѣрка забавляла насъ разными веселыми сказками и присказками.

Вотъ мы выбираемъ пшеницу день, два и—ничего. На третій день насъ рассадили по разнымъ столамъ: по двѣ сестры сѣли на особыхъ столахъ, а Тетяся сѣла особо; и когда я пришелъ къ нимъ, то очень натурально, что я долженъ былъ сѣсть за однимъ столомъ съ Тетясею. Маменька, какъ уже извѣстно, были довольно, гдѣ нужно, хитренькія. Прошлое дѣло; и въ этомъ случаѣ чуть ли онѣ не схитрили,

нашъ вѣкъ чувствовали. То была истинная любовь, а теперь — тѣфу!

Сестры мои не могли слышать нашихъ любовныхъ изъясненій или замѣтить восторговъ нашихъ; онѣ, переслушавъ Вѣрочкины сказки, за что-то поссорились между собою, послѣ побранились, потомъ дрались, наконецъ помирились и съ шумомъ спѣшили оканчивать выборъ своего урока: каждому изъ насъ дано было по большой мискѣ пшеницы, чтобы перебрать ее.

Мы забыли не только о пшеницѣ, но не помнили, существовала ли вселенная: такъ намъ было хорошо, сдѣливъ наши пальцы, сжимать ихъ одинъ другому и страстно взирать другъ на друга... мы были внѣ міра, насъ окружающаго!....

— Пойдемъ въ снѣжки играть! — закричала сестра Люба. — А вы кончили ли свой урокъ? — спросили насъ сестры.

Куда! мы начали-было прилежно, но прелестный Амуръ помѣшалъ намъ своими сладостными занятіями. Тетяся сказала, что уже немного остается, что мы скоро доберемъ и выйдемъ къ нимъ играть, а онѣ, чтобы, насъ не ожидая, шли бы себѣ играть. Сестры шарахнули изъ комнаты.

Тутъ намъ, оставшимся вдвоемъ съ глазку на глазокъ, была своя воля. Лишь только затворилась за сестрами дверь, я, полный любовнаго пламени, забывъ всякій порядокъ и не наблюдая постепенности, вмѣсто того, чтобы прежде разцѣловать ручки моей богини, я притащилъ ее чрезъ столъ къ себѣ... началъ дѣйствовать прямо на-бѣло... протянулъ къ ней свою пламенную головку... и уста наши слились на добрую четверть часа!... Невыразимое блаженство!... Отдохнемъ, переведемъ духъ; я скажу: „серденько!“ она промолвитъ: „душечко!“ — и сольются наши счастливыя уста!... Потомъ она скажетъ: „серденько!“ а я уже отвѣчаю: „душечко“ и опять цѣлуемся... Тутъ-то я нашель, что моя Тетяся несравненная красавица и что ей подобной въ мірѣ быть не можетъ. Все въ ней казалось мнѣ восхитительно, и я предпочелъ бы ее въ тотъ часъ всѣмъ красавицамъ на свѣтѣ.

Пожалуйте же, что изъ этого выйдетъ. Вотъ, какъ мы себѣ такъ утопаемъ въ блаженствѣ отъ взаимныхъ поцѣлуевъ и забываемъ всю вселенную, я въ какомъ ни былъ восторгѣ, а замѣтилъ, что дверь, противъ меня находящаяся, все по-

немногу отворяется, и видно, что кто-то подсматриваетъ за нами; я сдѣлался осторожнѣе и уже не притягиваю къ себѣ Тетяси, но невольно наклоняюсь къ ней, когда она меня къ себѣ тащитъ. Она замѣтила мою уклончивость, начала осматриваться и также увидѣла подсматривающаго насъ. Смутилась немного, отняла у меня свою ручку: мы утерлись и принялись прилежно заниматься пшеницею.

Видя наше спокойствіе, подсматривавшая особа, не надѣясь болѣе что замѣтитъ, отворила дверь и вошла... Судите о нашемъ замѣшательствѣ! Это вопли маменька! это онѣ и подсматривали за нашими дѣянiями. Мало сказать, что мы покраснѣли какъ вареные раки! нѣтъ, мы стали гораздо краснѣе; и свѣта не взвидѣли, не только пшеницы!

Ну-те. Онѣ вопли—и ничего. Походили по комнатѣ, и вдругъ подошли къ намъ и спросили, отчего мы до сихъ поръ не выбрали пшеницы? — Мы молчали: что намъ было отвѣчать?—Какъ добрѣйшая изъ маменекъ, помолчавъ, сказали со всею ласкою:

— Видно вамъ некогда было, занимались другимъ? а?

Мы, отъ смущенiя, продолжали молчать. Маменька подошли къ намъ, поцѣловали Тетясю и меня въ голову и сказали съ прежнею все ласкою:

— Полно же вамъ заниматься; у васъ не пшеница на умѣ. Оставьте все и идите ко мнѣ.

Мы съ радостью оставили пшеницу и пошли за маменькой въ ихъ опочивальню. Онѣ насъ усадили на лежанкѣ, поставили разныхъ лакомствъ и сказали:

— Ъшьте же, дѣточки, пока-то до чего еще дойдетъ.

Мы ѣли, а маменька мотали нитки; потомъ спросили меня:

— Что, Трушко, какъ я вижу, такъ тебѣ хочется жениться?

— Хочется, маменька, нестерпимо!—отвѣчалъ я, обсаывая пальцы, запачкавшіеся въ медовомъ вареньѣ.

— И мое желаніе такое есть, и мнѣ лучшей невѣсточ-ки не надо, какъ моя Тетяся,—сказали маменька и поцѣловали ее въ голову.—Такъ что же будешь дѣлать съ Мирномъ Осиповичемъ? Вбилъ себѣ въ голову, чтобы сдѣлать

изъ тебя умнаго; объ одномъ только и думаетъ; а о здоровьѣ твоемъ и о моемъ счастьѣ ему и нуждушки мало. Нечего дѣлать, Трушко, поѣзжай съ Галушкою еще въ городъ, да не учишь тамъ, а такъ только побудь; я Галушкѣ подарю еще холста, такъ онъ будетъ тебя нѣжить; а я тутъ притворюсь больною, пошлютъ за вами, и я уже до тѣхъ поръ не встану, пока не вымучу у Мирона Осиповича, чтобы тебя женилъ. Чего намъ дожидать? Развѣ чтобъ распалился, какъ Петрусь, чтобы и тебя такъ же окалѣчили, какъ Павлуса? Скорѣе сама въ гробъ пойду. Нечего же плавать, Трушко, (при маменькиныхъ словахъ я плакалъ навзрыдъ, не отъ восторга, что скоро женюсь на Тетяси, предметъ моего сердца, но что долженъ еще ѣхать въ городъ и продолжать это проклятое ученье); потерпи немножко, за то послѣ навсегда свободенъ будешь. Женатаго уже не нужно учить.

— Нельзя ли, маменька, меня теперь же поскорѣе женить, чтобы не ѣхать?—сказалъ я, продолжая хныкать.

— По мнѣ, сказали маменька,—я бы тебя сего же дня оженила, ужасъ какъ хочется видѣть сыновъ сына моего—такъ что же будешь дѣлать съ упрямымъ батенькою твоимъ?

— Такъ лучше я притворюсь больнымъ,—сказалъ я, утирая слезы,—я умѣю такъ притвориться, что и сами батенька повѣрятъ.

Маменькѣ очень понравилась моя выдумка, и онѣ, обрадовавшись, расцѣловали меня; обѣщали поддерживать хитрость мою и дали слово, когда я останусь и какъ похоронять Павлуса—уже не надѣялись, чтобы онъ выздоровѣлъ—то и приступить тотчасъ къ батенькѣ и поставить на своемъ. Въ заключеніе приказали мнѣ съ Тетасею при нихъ же поцѣловаться, какъ жениху съ невѣстою.

Восторгу нашему не было границъ.

Теперь я только понялъ маменькины хитрости, что имъ очень хотѣлось, чтобы я женился именно на Тетасѣ, какъ на невѣстѣ довольно богатой; и для этого, чтобы дать намъ поводъ влюбиться другъ въ друга, засадили насъ за одинъ столъ выбирать пшеницу, а сами подсматривали, какъ мы станемъ влюбляться. Какъ же имъ было не любить меня паче всѣхъ дѣтей, когда я не только исполнялъ все по волѣ ихъ, но предугадывалъ самыя желанія ихъ!

Кончивши съ Тетясею любовные наши восторги, я приступил притворяться больнымъ. Батенька слѣпо дались въ обманъ. При нихъ я, лежа подъ шубами, стоналъ и охалъ; а чуть они уйдутъ, такъ я и вскочилъ, и ѣмъ, и пью, что мнѣ вздумается; съ Тетясею амурюсь, маменька отъ радости хохочутъ, сестры — онѣ уже знали о планѣ нашемъ — припѣваютъ намъ свадебныя пѣсни. Одни только батенька не видѣли ничего и, приходя провѣдывать меня, только что сопѣли отъ гнѣва, видя, что имъ не удастся притѣснить меня.

Блаженное было время, какъ вспомню! А вспоминаю часто, особливо достигши старости. Первая любовь — рассказывалъ мнѣ Миронушка, одинъ изъ сыновей моихъ — есть истинная любовь и остается у человѣка на всю жизнь его. Правда истинная! Насъ судьба не соединила съ Тетясею, но я всегда и въ супружествѣ вспоминалъ о ней. Быть можетъ и потому, что ни одна изъ любимыхъ мною, даже и Анисья Ивановна, моя законная супруга, такъ не любила меня, какъ незабвенная Тетяся, и изъ всѣхъ любимыхъ мною, коихъ могу насчитать до тридцати, я ни съ одною такъ пріятно не амурился, какъ съ Тетясею, оттого и незабвенною.

Хорошо. Вотъ, какъ я такъ восхитительно болѣю, а батенька отправили Петруся, а тутъ и Павлуса похоронили, я приступилъ къ маменькѣ, чтобъ женили меня.

Въ одинъ день маменька, собравшись съ духомъ, пошли къ батенькѣ, чтобъ переговорить о моемъ благополучіи... Куда! я думаю, и десяти словъ не успѣли сказать, какъ бѣгутъ со всѣхъ ногъ назадъ и еще простоволосыя!.. Батенька, по своей горячности, турнули ихъ и сбили платокъ съ головы... Маменька, прибѣжавъ безъ памяти, чѣмъ попадая, покрыли поскорѣе голову и принялись жестоко плакать. Потомъ приказали мнѣ играть на гусляхъ и пѣть кантикъ: „Ужъ я мученіе злое терплю“, а сами все плакали. Тутъ я догадался, что батенька заупрямились и не соглашаются меня женить, а оттого и самъ плакалъ.

Маменька — изъ всѣхъ маменекъ добрѣйшая — забывъ, что онѣ сами претерпѣли, принялись утѣшать меня и уговаривали слѣдующими словами.

— Не тужи, Трушко. Будь я канальская дочь, когда не преупрямлю его. А не то, поѣду въ Корнаухово (другая

наша деревня), да тамъ васъ и свѣнчаю. Пусть послѣ того разведетъ васъ.

Но планъ маменькинъ не состоялся по слѣдующимъ причинамъ.

Батенька, какъ разошлись на маменьку, то сильно вскипѣла у нихъ кровь и произошла жажда. Вдругъ на встрѣчу имъ несутъ кувшинъ терноваго квасу, рѣзкаго холоднаго. Они, не разсуждая долго, схватили кувшинъ и тутъ же, не сходя съ мѣста, выдули его почти половину. Выпивши и заохали... охъ, да охъ! недолго ходивши, слегли въ постель.

Лѣчили батеньку и знахари, и даже лѣкаръ изъ города— все ничего. Послали за Петрусею и взяли его съ доминѣ Галушгинскимъ изъ училища. Батенька, умирая, приказывали мнѣ и не думать о женитьбѣ до тридцати лѣтъ, а прежде служить. Петрусъ опредѣлится, по окончаніи ученія, въ русскіе полки, что около насъ квартировали—и туда же взять и меня. Меньшіе же братья очень недавно отвезены были въ кадетскій корпусъ, даже въ самый Петербургъ, то про нихъ батенька ничего и не говорили. Маменькѣ поручили наблюдать за хозяйствомъ и потомъ раздѣлить насъ, и дочерей выдать замужъ, награждая вещами и платьями, коняхъ, NB, у маменьки было до пропасти, еще отъ ихъ бабушекъ оставшихся. Потомъ крѣпко-на-крѣпко приказывали маменькѣ, устройте все это, постричься въ монахини, чтобъ сохранить вѣрность къ нимъ, и въ гробѣ лежащимъ.

Распорядивъ все это, батенька, прекрасно, тихо и спокойно умерли. Маменька, приказавъ все, что нужно устроить къ погребенію и пославъ оповѣстить сосѣдей о такомъ случаѣ въ нашемъ домѣ, пошли въ амбаръ что-то выдавать, а тутъ пріѣхали сосѣди нѣкоторые навѣстить маменьку въ горѣ. Маменька пошли къ нимъ, и какъ пришли къ тѣлу батенькиному, тутъ были и гости, охнули громко, сомлѣли и покаталися на полъ. Такъ нѣжно любили онѣ батеньку! Мы не знали, что дѣлать съ ними; хотѣли пощекотать въ носу, какъ дѣлывали батенька въ такомъ случаѣ, но одна изъ сосѣдокъ, видя бѣду, бросилась и закричала „воды, воды!“ Женщина наша, тутъ же стоявшая, какъ брызнетъ на маменьку... Маменька какъ вскочить, какъ дастъ ей туза, да такого, что та и сама уже хотѣла сомлѣть.

— Экая дура! — такъ закричали на нее маменька: — брызнула какъ будто изъ ведра, да еще холодною водою! Такъ ты меня на смерть простудишь.

Послѣ того исправили этотъ беспорядокъ: приготовили тепленькой водицы, и какъ только маменька сомлѣють — а онѣ сомлѣвали при всякихъ вновь прїѣзжающихъ гостяхъ — то на нихъ этою водою брызнуть чуть-чуть, а онѣ лупнуть глазами и очувствуются. Ужасъ, какъ онѣ убивалися по батенькѣ!

А какъ только жалко маменька приговаривали, плачучи надъ батенькою, такъ это прелесть! Хоть сейчасъ на бумагу пиши. Я думаю ни одинъ сочинитель не напишетъ такъ жалко, какъ маменька приговаривали; а онѣ же были неграмотныя. Если бы онѣ жили въ нашъ вѣкъ, когда нѣтъ стыда женщинамъ знать грамоту, то, я думаю, изъ нихъ былъ-бы такой сочинитель, что ну! Кромѣ жалкихъ словъ всякаго разбора, онѣ еще при всѣхъ торжественно говорили, что „какая бы ни была моя жизнь за нимъ и сколько я отъ него, моего соволика, претерпѣла, а не нарушала моей супружеской вѣрности ни однажды. Въ помыслахъ-де человекъ не властенъ, но дѣломъ я не провинилася“. Всѣ предстоящіе плакали, слушая ея жалобные стоны и приговаривали: „Откуда у нихъ слова брались!“

Когда все было готово къ выносу, домине Галушкинскій, усердствуя чести нашего дома, просилъ позволенія произнести надгробное слово, имъ самимъ сочиненное. Всѣ присутствующіе обрадовались услышать что ни есть умненькое, просили его проговорить, и реверендиссимо, взлѣзши на стулъ, началъ по тетрадкѣ:

— Въ мірѣ существуетъ много дѣйствій; а каждому дѣйствию есть своя причина. Собравшееся многое множество сюда вельможныхъ, благородныхъ и подлыхъ *) особъ есть дѣйствіе, а причина сему дѣйствию не что другое, какъ распростертый предъ нами — ихъ вельможность, Лубенскаго казачьяго полку подпрапорный Миронъ Осиповичъ, знаменитый панъ Халаявскій! Что ихъ вельможность лежатъ распростерты, очи ихъ смежены, уста слипнуты, руки окостенѣли — сіе есть дѣйствіе; но дѣйствию сему какая причина? Ихъ вельможность умерли. Ихъ вельможность, пани подпрапорная съ чады и домочадцы плачутъ и рыдаютъ, и сіе есть

*) Подlime — чернь, простонародіе.

дѣйствию, а дѣйствию сему причина та, что знаменитый панъ подпрапорный, ихъ вельможность, умерли. Когда же пани подпрапорная такъ плачутъ и убиваются, то неужели такъ дѣйствуютъ по-пустому? Нѣтъ, слушатели! тутъ есть причина: ихъ вельможность, панъ подпрапорный, были человѣкъ доброй души и благодѣтельныхъ чувствъ. Когда же пани подпрапорная плачутъ, то намъ ли молчать какъ каменіямъ безгласнымъ? Ничуть! И такъ — плачьте велико-вельможные, плачьте вельможные, плачьте благородные, плачьте подлые, плачьте старшина, плачьте казаки, плачь гетьманщина, плачь Россія, плачь вселенная! Ихъ вельможность, знаменитый панъ подпрапорный, Миронъ Осиповичъ Халаявскій, гробу предается! Плачу и я и — умолкаю!

И подлинно всѣ слушавшіе это краснорѣчивое надгробное слово, всѣ плакали навзрыдъ. И камень бы заплакалъ, еслибы могъ слушать! Маменька же то-и-дѣло что брякали на полъ, но, бывъ вспырнуты водою, паки вставали на новыя слезы.

Чтобы не разжалобивать читателей, скажу коротко, что батеньку похоронили прекрасно, какъ долгъ требоваль. А какіе были поминальные обѣды, такъ чудо! Всего много и изобильно. Притомъ же гости, чтобъ не давать маменькѣ горевать, жили безвыѣздно съ семействами. Сосѣдки, имѣющія дочерей, совѣтовали маменькѣ поскорѣе женить Петруся, чтобъ хозяинъ былъ въ домѣ; но маменька были себѣ на умѣ; онѣ соглашались женить, да не Петруся а меня, и ожидали только, чтобъ поминальные дни отошли, чего и я ждалъ съ нетерпѣніемъ. Петрусь настаиваль, чтобъ его прежде женить, какъ старшаго, но маменька ссылались на послѣднюю волю батенькину, что ему должно служить. Тутъ и Петрусь напоминаль, что батенька приказывали мнѣ не жениться до тридцати лѣтъ; такъ добрая маменька увѣряли и божились, что батенька это говорили въ жару и безъ разсудка. Неизвѣстно, чѣмъ бы это все окончилось, какъ новое несчастье постигло наше семейство,

У батеньки былъ большой пріятель, армейскій — не панъ, а господинъ полковникъ, по сосѣдству квартировавшій у насъ полкомъ. У! да и бойкая голова была! Онъ такъ возобладаль батенькою, что даже заставилъ ввести за столomъ

стеклянные стаканы и рюмки, а также ножи и вилки. Уговорилъ меньшихъ братьевъ отправить въ кадетскій корпусъ и самъ письма писалъ о пріемѣ ихъ. Что бы онъ еще надѣлалъ съ нами, еслибы батенька не померли такъ скоро. Однако же этотъ злой человѣкъ не унялся, а принялся горемъ убить маменьку. Вотъ послушайте, что произошло.

Въ одинъ день пишетъ въ маменькѣ, что будетъ къ намъ завтра и привезетъ къ Софійкѣ жениха, какого-то поручика. Маменька и ничего; еще обрадовались, что-де невѣстку беремъ, т. е. Тетясю за меня, такъ надо съ хлѣбовъ одну дочку долой. Ожидаютъ господина полковника съ женихомъ... да встали сказать, что этотъ господинъ полковникъ, не то что панъ полковникъ: нѣтъ той важности, нѣтъ амбиціи, гонору; ѣздитъ одинъ душою на парѣ лошадей безъ конвою, безъ сурмъ и бубенъ; не только сиди, хоть ложись при немъ, онъ слова не скажетъ и даже терпѣливо сноситъ, когда противорѣчатъ ему. Маменька справедливо про него говорили:

— Онъ такой полковникъ противъ нашего ясневельможнаго пана полковника, какъ дворовый индюкъ противъ выкормленнаго.

Хорошо. Вотъ и ожидаютъ ихъ пріѣзда. Софійка, какъ завидѣла, что уже ѣдутъ, спряталась прямо на чердакъ. Въ самомъ дѣлѣ ея положеніе ужасное! Какъ ей показаться, когда пріѣхали смотрѣть ее? Но, прятаясь, поручила сестрамъ и дѣвкамъ высмотрѣть, каковъ ея женихъ.

Пріѣхалъ, наконецъ, полковникъ и женихъ; маменька усадили ихъ противъ дверей, идущихъ въ ихъ спальню. Дверь эта отворялась изъ спальни сюда и состояла изъ двухъ половинокъ и запиралась крючкомъ. Вверху этихъ дверей была щелочка. Это описаніе нужно.

Вотъ, какъ усѣлись и разговариваютъ объ урожаѣ, о смерти батенькиной, о скотскомъ падежѣ, и тутъ полковникъ началъ закидывать насчетъ Софійки и жениха и принялся рассказывать о достоинствахъ жениха... какъ вдругъ дверь, описанная мною, съ шумомъ разорвавшая державшій ее крючокъ, съ трескомъ отворяется къ гостямъ, и изъ нея, какъ изъ мѣшка огурцы, кучами выпадаютъ сестры мои, дѣвки, бабы, дѣвчонки и всѣ замарашки, какія могли быть въ дворѣ.

Это онѣ любопытствовали рассмотреть жениха въ дверную щель. Какъ же щель была вверху дверей, такъ онѣ наставили столовъ, скамеекъ и на нихъ взмостились, налегая одна на другую. Тяжести отъ нихъ дверь не могла выдержать, обломилась, растворилась... и всѣ зрительницы полетѣли, кубыркась одна чрезъ другую... Весьма естественно, что падавшія послѣ, упираясь на лежащихъ уже, должны были перекувыркнуться вверхъ ногами и ими задѣвать гостей... Любопытная сцена была! не только такой, я и подобной въ Петербургѣ не видалъ въ театрѣ; хоть и тамъ много смѣшного, но все не то, — куда!

Насмотрѣлся и нахотался полковникъ съ женихомъ! И маменька съ трудомъ удерживались, чтобъ не хохотать, но имъ неприлично было смѣяться, а слѣдовало сердиться за такой безпорядокъ, онѣ такъ и сдѣлали: давай колотить, по чемъ попало, лежащихъ и уходящихъ отъ нея. А полковникъ хохочетъ, и замѣтивъ, что между павшими жертвами было нѣсколько лицъ опрятнѣе одѣтыхъ (то были мои сестры и моя богиня Тетяся), подумалъ, что между ними должна быть и Софійка, хотѣлъ удержать Надю, но та отбила ему всѣ руки и таки вырвалась и ушла. Маменька объяснили ему, что это еще не старшая, и примолвили:

— Та совсѣмъ запряталась, и куда же бы вы думали? на чердакъ. Вѣдь то-то дѣтскій умъ: теперь прячется отъ жениха, а послѣ замужемъ сама будетъ за нимъ бѣгать.

Послали однако же за Софійкою.

Куда! она всѣхъ посыльныхъ переколотила, и еслибы не обманомъ, не свели бы ее оттуда въ цѣлый день. А то какъ сманили съ чердака и ввели въ особую комнату, да туда и жениха впустили. Софійка (такъ была научена маменькою) отъ него и руками и ногами, знай кричить:

— Не хочу, не пойду!

Но женихъ, рассмотрѣвши ее внимательно, сказалъ маменькѣ:

— Моя; беру. Благословите только.

Какъ бы и не понравиться кому такой дѣвкѣ? Крупная, полная, румяная, черноволосая и какъ будто усики высыпали около большихъ толстыхъ красныхъ губъ ея.

Маменька очень обрадовались, что дочь ихъ понравилась такому достойному человѣку, и потомъ съ полковникомъ располагали, какъ сдѣлать свадьбу и проч. и тутъ уже, встати, начали спрашивать: кто женихъ, какъ зовутъ, откуда, что имѣтъ, не имѣтъ ли дурныхъ качествъ, т. е. не пьяница ли онъ, не игрокъ ли, не буянъ ли? и прочее такое. Въ нашъ вѣкъ прямо обо всемъ такомъ старались узнавать всегда до свадьбы, чтобъ послѣ не тужить.

Это еще не былъ сговоръ, и не то, чтобы, по теперешнему, слово дано: совсѣмъ нѣтъ. Часто случалось, что такъ обнадеженный женихъ, возвращаясь съ восхищеніемъ, находилъ у себя въ экипажѣ тыкву; послѣ чего, какъ яснаго отказа, не смѣлъ болѣе въ домъ показаться. А потому и маменька, хотя и ласково обходились съ женихомъ и будто бы и таво... да были себѣ на умѣ: онѣ хотѣли прежде все обстоятельно узнать касающееся до жениха и достатка его, тогда уже рѣшить по обстоятельствамъ. Это въ нашъ вѣкъ была уловка: имѣтъ жениха на готовѣ. Часто три, пять жениховъ вмѣстѣ, всѣмъ дано слово, обо всѣхъ собираютъ свидѣнія и потомъ одному отдають дочь, а прочимъ подносятъ тыквы. Само по себѣ разумѣется, что невѣста ничего не знаетъ и не имѣтъ права выбирать, а получаетъ и любить того, кого ей подведутъ. И прекрасно было! никто не бралъ на себя труда разбирать сходства характеровъ, доискиваться сочувствій, наблюдать симпатію душъ—ничего не бывало. Живутъ да живутъ. Только развѣ при похоронахъ одного изъ нихъ услышишь, что другое лицо хвалится или счастливою жизнью, съ нимъ проведенною, или высчитываетъ бѣдствія, отъ него перенесенныя! При жизни же ихъ никто ничего за ними не замѣчалъ: шли за добрыми людьми. Теперь же, батюшки мои!.. на другой день свадьбы знаешь, счастливы ли супруги другъ другомъ, или какъ кошка съ собакою?

Обратимся же къ своей матеріи. Только какого же промаха дали маменька при этомъ разговорѣ съ полковникомъ, такъ я не наудивляюсь, а особенно зная ихъ тонкій умъ и природную хитрость, посредствомъ которой онѣ иногда даже и батенькою управляли. Говоривши о сватовствѣ сестры, онѣ сказали, что желали бы поспѣшить выдать Софійку скорѣе затѣмъ, что имъ нужно сына женить...

— Какого сына?—спросилъ съ удивленіемъ полковникъ.
— Неужели Петра?

— И, вѣтъ,—отвѣчали маменька:—этотъ болванъ, пожалуй, только о томъ и думаетъ, но вотъ ему! (при семъ маменька въ ту сторону, гдѣ былъ Петрусь показывали большой шишъ). Я своего сына-любимчика, Трушка, хочу женить.

— Помилуйте, сударыня! (полковникъ съ матушкой былъ политиченъ и всегда величалъ ее сударынею, какъ будто какую особу). — Помилуйте, какъ его женить? Онъ еще мальчишъ, дитя.

— Ого!—возразили маменька:—да у него уже не дѣтское на умѣ. Раньше женить, такъ онъ и понятія не будетъ имѣть о разгульной жизни, и поневолѣ будетъ постояннымъ мужемъ. При томъ же онъ уже влюбленъ въ ту барышню, на которой я располагала женить его.

— Вы погубите его и ту несчастную дѣвушку, на которой жените его, сказалъ полковникъ съ жаромъ:—лучше опредѣлите его въ училище, пусть онъ продолжаетъ ученье.

— И, мой батюшка! (такъ маменька выражались противъ уважаемаго ими лица. Было за что уважать врага нашего семейства! Вотъ послушайте далѣе). — Какъ ему продолжать, когда онъ не начиналъ еще учиться?

Тутъ онѣ рассказали полковнику всѣ штучки: какъ подкупали домине Галушкинскаго, чтобы меня не отягощаль ученіемъ, и какъ я ловко притворялся больнымъ, чтобы не ходить въ училище.

— И къ чему, мой батюшка, ученье?—промолвили маменька:—голова не желудокъ. То желудокъ чѣмъ хочешь отягощай, все пройдетъ, можно счистить; какъ же голову отяготишь грамматиками и архиметиками (маменька, по безграмотству, не могли правильно называть наукъ), и онѣ тамъ заколобродятъ себѣ, такъ уже александрійскій листъ не поможетъ.—NB. Нужно было очень маменькѣ входить въ такія разсужденія. Онѣ себя этимъ убили. Вотъ послушайте.

Полковникъ призадумался, и какъ человекъ, бывавшій въ Петербургѣ, слѣдовательно, занявшій тамъ всѣ хитрости, замолчалъ, будто и согласился. Потомъ, при отъѣздѣ, началъ просить, чтобъ маменька отпустила завтра любезныхъ сын-

ковъ своихъ къ нему обѣдать. Бѣдныя маменька, ничего не подозрѣвая и не предчувствуя несчастья, согласились и дали слово.

На завтрашній день Петруся и меня прибрали и убрали отлично! Батенькины лучшіе пояса, ножи съ золотыми цѣпями за поясами, сабли турецкія въ богатыхъ оправкахъ... фа! такіе молодцы мы были, что изъ-подъ ручки посмотрѣть! маменька и Тетяся очень мною любовались. Повезли же насъ въ берлинѣ, данномъ за маменькою въ приданое, запряженномъ въ шесть коней, въ шорахъ; одинъ машталеръ управлялъ ими и поминутно хлопалъ бичемъ. Мы выѣхали изъ дому очень покойно, и я съ маменькою, и даже съ Тетясею, попроцался кое-какъ.

Дорогою мы разсуждали съ братомъ, какою у господина полковника долженъ быть знатный банкетъ и какъ, при многихъ у него гостяхъ, будутъ намъ отдавать отличную честь, какъ прилично и слѣдуетъ знаменитымъ Халявскимъ. Петрусь разсуждалъ, какъ онъ послѣ обѣда будетъ съ панночками играть въ короли, въ жмурки, какія загадки будетъ загадывать; а я разсчитывалъ, какъ я знатно наѣмся на этомъ банкетѣ и буду примѣчать, такъ ли хорошо выкармливается птица у него, какъ у маменьки? Въ этихъ пріятныхъ мечтахъ подѣхали мы къ квартирѣ полковника. Однимъ-однимъ часовой ходилъ у какой-то зеленой таратайки — и больше ничего.

Мы вошли въ домъ. Солдаты сказали, чтобы мы въ первой комнатѣ, пустой, ожидали его высокоблагородіе. Что прикажете дѣлать? Мы, Халявскіе, должны были ожидать; ужъ не безъ обѣда же уѣхать, когда онъ насъ звалъ; еще обидѣлся бы. Вотъ мы себѣ ходимъ, либо стоимъ, а все одни. Какъ въ другой комнатѣ слышимъ полковника, разговаривающаго съ гостями, и повременамъ слышимъ вспоминаемую нашу фамилію и большой хохотъ.

Ждемъ мы часъ, два, никто и не подумаетъ намъ подать чтò закусить. Поглядывая другъ на друга, воображаемъ, что маменька въ это время давно уже отгушали и выпочивались, а мы еще и не завтракали, и никто о насъ и не заботится.

Гораздо послѣ полудни, вышелъ полковникъ къ намъ, и вообразите! въ бѣломъ халатѣ и колпакѣ. Увѣрю васъ!

*

мало того— не снялъ передъ нами колпака и даже голову не кивнулъ, когда братъ и я, именно я, отвѣщивалъ ему съ отклоненіемъ рукъ, точно такой поклонъ, какъ, по наставленію незабвеннаго домине Галушкинскаго, слѣдовало воздать главному начальнику. При томъ, какъ бы къ большому неуваженію, курилъ еще и трубку и, не вынимая ее изо рта, спросилъ: „умѣете вы писать?“ Это вѣжливость? это приличіе? Ужъ бы, по крайней мѣрѣ, спросилъ о здоровьѣ маменьки, когда не позаботился спросить о нашемъ! Но это еще цвѣточки; погодите, что дальше будетъ!

На такой странный вопросъ, конечно, мы отвѣчали утвердительно, потому что Петрусь писалъ бѣгло, четко и чисто,—онъ былъ гений во всемъ; я тоже, какъ ни писалъ, но все же писалъ и могъ мною написанное читать.

— Ну, когда умѣете, такъ подпишите же эти бумаги,—сказалъ господинъ полковникъ и кивнулъ:—Тумаковъ! скажи имъ, гдѣ и какъ подписать.

Подошелъ къ намъ — я думалъ, что онъ домине Тумаковъ и долженъ насъ учить какимъ-нибудь наукамъ—однако же это былъ просто Тумаковъ, и показалъ прежде Петрусѣ что писать, потомъ приступилъ ко мнѣ.

— Пишите, сказалъ онъ:—къ сему прошенію...

Я написалъ это убійственное, треклятое, погубившее меня тогда и во всю жизнь мою причинявшее мнѣ бѣды, я написалъ и кончилъ все по методу Тумакова. Онъ собралъ наши бумаги, и когда господинъ полковникъ сказалъ ему: заготовь же приказы, да скорѣе,—онъ пошелъ отъ насъ.

Все это хорошо, что мы немного написали, подумалъ я: но что же изъ того? Гдѣ же обѣдъ, на который мы были приглашены и пріѣхали такъ торжественно? Какъ вотъ господинъ полковникъ, походивши по комнатамъ и покуривши трубки, крикнулъ:

— Давайте же обѣдать, уже второй часъ.

— О, злосчастная фортуна! что ты дѣлаешь съ нами, смертными!—воскликнулъ я самъ себѣ (любимый возгласъ нашего реверендиссима, когда онъ встрѣчалъ какія неудачи). Второй часъ, у насъ дома уже полдничаютъ, а мы еще и не обѣдали!

Но, благодаря проворству слугъ господина полковника, я не успѣлъ еще хорошенько потужить, какъ уже столъ былъ готовъ... но какой это столъ?... все не попржнему! Каждому особый приборъ со всѣми теперешними принадлежностями: рюмки, стаканы, карафины... съ чѣмъ же бы вы полагали!.. Съ водою, ей-Богу, съ водою! Какъ хотите, а правда.

Смотрю, столъ накрыли на двѣнадцать приборовъ, а гостей насъ всего человѣкъ пять съ хозяиномъ. Наконецъ поставили давно ожидаемый обѣдъ. Я чуть не расхохотался, увидѣвъ, что всего-на-всего на столъ поставили чашу, соусникъ и жареную курицу на блюдѣ. Правду сказать, смѣшно мнѣ было, вспомнивъ о нашемъ обыкновенномъ обѣдѣ, и взглянуть на этотъ мизерный обѣдникъ. Но, подумалъ я, это можетъ, первая переменъ? Увидимъ.

Полковникъ вышелъ уже въ сюртукъ и гости за нимъ тоже,—повѣрите ли? въ сюртукахъ... но какое намъ дѣло, мы будто и не примѣчаемъ. Какъ вотъ послушайте. Господинъ полковникъ сказалъ: „зовите же гг. офицеровъ“... и тутъ вошло изъ другой комнаты человѣкъ семь офицеровъ и, не поклонясь никому, даже и намъ, пріѣзжимъ, сѣли прямо за столъ. Можно сказать, учтиво съ нами обращались! можетъ быть, они съ господиномъ полковникомъ видѣлись прежде; но мы же званые... но хорошо; усѣлися.

Начали подавать: во-первыхъ, супъ такой жиденькій, что еслибы маменькѣ такой подать, такъ онѣ бы сказали, что въ немъ небо ясно отсвѣчивается, а другую рѣчь проговоря, вылили бы его на голову поваркѣ. Каковъ бы ни былъ супъ, но я его скоро очистилъ, и чувствуя, что онъ у меня не дошелъ до желудка, попросилъ другую тарелку. Полковникъ и лучшіе гости захохотали, а худшіе посмотрѣли на меня съ удивленіемъ, а мнѣ-таки супу не повторили. Послѣ супу подносили говядину съ хрѣномъ, я взялъ довольно и тѣмъ утѣшился. Потомъ подали по два яичка въ сметку, какой-то соусъ, котораго только досталось полизать, не больше; да въ заключеніе жареная курица. Честью моею васъ увѣраю, что больше ничего не было на званномъ, для насъ, обѣдѣ.

Въ продолженіе стола, передъ кѣмъ стояло въ бутылѣ вино, тѣ свободно наливали и пили; передъ кѣмъ же его не

было, тотъ пилъ одну воду. Петрусь, какъ необыкновеннаго ума былъ человѣкъ и шагавшій быстро впередъ, видя, что передъ нами нѣтъ вина, протянулъ руку черезъ столъ, чтобъ взять къ себѣ бутылку, какъ же вскрикнетъ на него полковникъ, чтобъ онъ не смѣлъ такъ вольничать и что ему о винѣ стыдно и думать. Посмотрѣли бы вы, господинъ полковникъ, подумалъ я самъ себѣ, какъ мы и водочку дуемъ, и сколько лѣтъ уже!

Я, не могши пить воды и не видя на столѣ ничего изъ питья, спросилъ у человѣка, чтобы подаль мнѣ хоть пива... Полковникъ снова расхохотался и гости за нимъ. Съ тѣмъ и встали отъ стола...

Такъ вотъ вамъ и банкетъ! вотъ вамъ и званннй обѣдъ! Мы располагали сейчасъ ѣхать домой, чтобы утолить голодъ, мучащій насъ. Могли ли мы, можно сказать, купавшіеся до сего въ маслѣ, молокоѣ и сметанѣ, быть сыты такими флеровыми кушаньями. Вотъ съ того-то времени началъ портиться свѣтъ. Всѣ начали подражать господину полковнику въ угощеніи, и пошло вездѣ все хуже и хуже...

Пожалуйте же, еще не все. Какъ мы собираемся уѣхать, а тутъ полковникъ подписалъ какую-то бумажку и, отдавъ ее Тумакову, сказалъ намъ:

— Ну, молодцы! поздравляю васъ царскими солдатами! Я зналъ, что ваша мать ни за что не согласится отпустить васъ въ службу, такъ я обманомъ васъ залучилъ къ себѣ. Вашъ отецъ... (отецъ! что бы сказать батенька? да онъ и маменьку нашу величалъ просто — матерью) вашъ отецъ былъ мнѣ другъ, и я, умирающему ему, далъ слово спасти васъ отъ празднои и развратной жизни, въ которую вы уже вдались и отъ которой погибли бы. Ступайте теперь служить. Ты, Петруша, если постараясь, будешь человѣкомъ; такъ мнѣ кажется. Учись скорѣе службѣ и будь въ ней исправенъ. А ты, брюханъ (сказалъ онъ мнѣ: правда, что у меня, по маменькиному попеченію, пузко было порядочное, всегда ихъ утѣшавшее), матушкинъ сынокъ! съ тобою много хлопотъ будетъ; но я тебя написалъ къ такому капитану въ роту, что тебя вышколитъ. Вотъ приказъ. Тумаковъ! отправь ихъ сего же дня по ротамъ, обмундировавши какъ должно.

Не знаю, если бы это вмѣсто меня да были маменька, и если бы это ихъ опредѣлили въ службу, онѣ бы непремѣнно сомѣли. Я самъ, бывши мужского пола, услышавши такое страшное назначеніе, чуть-чуть не свалился съ ногъ. Въ первое мгновеніе я не придумалъ, что мнѣ должно дѣлать: отпрашиваться ли у полковника, чтобы онъ пересталъ гнѣваться на меня и не отдавалъ бы меня въ службу, или заупрямиться и отбиваться руками и ногами и кричать изо всѣхъ силъ, что не хочу. Прежде нежели я приступилъ къ этимъ средствамъ, прежде нежели рѣшился на что-нибудь, прежде нежели опомнился, какъ Тумаковъ схватилъ меня за плечо, да такъ больно! вдругъ поворотилъ къ дверямъ и почти потащилъ меня за собою, потому что ноги мои, отъ разстройства головы, совсѣмъ не могли двигаться.

Когда я вышелъ изъ квартиры, воздухъ меня нѣсколько освѣжилъ и я собрался съ мыслями, что мнѣ должно было дѣлать въ такой крайности. Я началъ плакать, реветъ, призывать на помощь маменьку... бабушку... и всѣхъ, кого, только могъ изъ домашнихъ вспомнить... какъ жестокой мой... „руководитель“ (онъ чувствительно велъ меня за руку, смѣясь надъ моимъ страданіемъ) до того забылся и такъ сдѣлался дерзокъ, противъ кого-же? противъ урожденнаго, благородной крови Халявскаго, что началъ меня толкать подъ бока, чтобы я шелъ скорѣе. Каково мнѣ было все это терпѣть, ужъ вѣрно не отъ благороднаго, а отъ простого, подлаго роду Тумакова и одѣтаго по-солдатски! Увы! скажу и я, какъ говаривалъ англійскій милордъ Георгъ въ прекраснописанной имъ исторіи своей...

Что я перечувствовалъ и какъ жестоко перестрадалъ, пока саженой черезъ двадцать перетащили меня и ввели въ какую-то избу, гдѣ все были солдаты. Я полагалъ навѣрное, что тутъ меня зарѣжутъ, застрѣлятъ, потому что видѣлъ тутъ много стоящихъ въ углу ружей, шпагъ или сабель—не знаю чего, а только все страшное, но вмѣсто того, когда Тумаковъ проговорилъ что-то по-своему, по-солдатски, вдругъ меня схватили, посадили и, когда я еще не собрался съ духомъ, какъ отпрашиваться, они меня остригли, взѣрошили лавержеть—да и больно мнѣ было, если правду связать!... потомъ тотъ за руки, другой за ноги, и такимъ образомъ

вдвинули меня въ полный солдатскій мундиръ. Тумаковъ далъ двумъ солдатамъ какую-то бумагу и сказалъ: „съ Богомъ, сей же часъ“! эти страшные усачи схватили меня подъ руки и такимъ побытомъ повели меня съ собою.

Куда же повели меня? Прямо въ походъ за пятнадцать верстъ отъ того селенія, гдѣ квартировалъ господинъ полковникъ! меня, пана подпрапоренка Халявскаго, записаннаго въ солдаты, одѣтаго какъ настоящій солдатъ, обѣдавшего весьма за скуднымъ столомъ, не полдничававшего... и повели пѣшкомъ пятнадцать верстъ!!!...

Привели въ роту, подъ команду какому-то капитану, и начали меня учить службѣ... буду же помнить я эту службу... Скажу вкратцѣ: чтобъ быть исправнымъ солдатомъ, надобно стоять, ходить, поворачиваться, смотрѣть не какъ хочешь, а какъ велѣтъ! охъ, Боже мой! и о прошедшемъ вспомнить страшно; каково же было терпѣть?...

Какъ служилъ и что перенесъ братъ Петрусь, я вовсе не знаю; меня съ нимъ разлучили съ самаго дома его высокоблагородія, т. е. господина полковника; иначе назвать и теперь боюсь, какъ будто господинъ капралъ подслушиваетъ. А эти мнѣ господа капралы, сержанты, фельдфебеля, ефрейторы... вотъ бѣды мнѣ было съ ними. Я хотѣлъ противъ нихъ соблюсти всю вѣжливость, и помня золотыя наставленія нашего реверендissime, гласившаго при удареніи указательнымъ пальцемъ правой руки по ладони лѣвой:

— Когда пожелаете оказать кому благопристойный респектъ, никогда не именуйте никого просто, по прозвищу или рангу, но всегда употребляйте почтительное прилагательное: „домине“.

Вотъ я и высунулся въ своему ближайшему начальству быть вѣжливымъ, и вслѣдствіе того, при первомъ случаѣ, отодралъ: „домине капралъ!“ Буду же я помнить этого домине!... Засмѣяли меня, злодѣи, на весь полкъ! Да что! въ десяти толстыхъ томахъ не опишешь, что я переносилъ отъ этой службы; а эти господа капралы съ товарищами, когда сойдутся, такъ то-и-дѣло жалуются, что я ихъ замучилъ. Не знаю, кто кого?...

Пожалуйте же. Вотъ тутъ и случись со мною самое жалкое происшествіе. Когда возвратился нашъ берлинъ до-

мой, пустой, безъ панычей, то маменька пришли въ безотрадное положеніе! Каково было ихъ материнскому сердцу увидѣть—какъ доmine Галушкинскій называлъ—сосудъ пустой, а тамъ сидѣвшихъ сыновей не находить. Имъ подали письмо отъ господина полковника, но какъ некому было прочесть, послали за дьячкомъ-старичкомъ, поступившимъ на мѣсто умершаго пана Кнышевскаго; тотъ пришелъ, но безъ очковъ; побѣжалъ за ними, а маменькино сердце все страждетъ отъ неизвѣстности. Наконецъ пришелъ панъ-дьякъ и, прочтя письмо, объявилъ маменькѣ, что мы, ея любезные сынки, взяты въ солдаты... Не знаю, какъ при этомъ маменька не сомлѣла навѣкъ?!... Но первое ихъ дѣло было послать приказчика къ господину полковнику умаливать, упрашивать его, чтобъ не губилъ прежде времени изнѣженныхъ, совсѣмъ не для службы рожденныхъ ею дѣтей; далъ бы имъ на свѣтъ пожить и не обрекалъ бы ихъ чрезъ службу на видимую смерть.

Господинъ полковникъ — а еще назывался другомъ батенькинымъ!—слышать ничего не захотѣлъ; еще разсмѣялся и съ тѣмъ отпустилъ посланнаго.

Тутъ маменька увидѣли, что уже это не шутка; поскорѣ снарядили бабуся съ большимъ запасомъ всякой провизіи и отправили ко мнѣ, чтобы кормила меня, берегла, какъ зѣницу глаза, и вездѣ по походамъ не отставала отъ меня. Такъ куда! командирство и слышать не захотѣли. Его благородіе, господинъ капитанъ, приказалъ бабуся со всѣмъ добромъ изъ селенія выгнать; а о томъ и не подумалъ, что я даже исчахъ безъ привычной домашней пищи. Но это еще не то большое несчастіе, о которомъ хочу рассказать.

Хорошо. Бабуся возвратилась и рассказала все, не утаивъ, что видѣла меня и что я все плачу отъ службы и изсохъ, какъ щепка... Маменька вскрикнули, велѣли какъ можно скорѣе запретъ таратаечку легкую — NB въ берлинъ онѣ не могли влѣзть, по причинѣ узкихъ дверецъ. Сѣли въ нее и помчались какъ стрѣла, все приговаривая: „посмотрю я, какъ этотъ дворовый индюкъ меня не пуститъ къ моей утробѣ?“ NB. Это индюкомъ онѣ въ критику называли его высокблагородіе господина полковника. Имъ это можно было: онѣ не были въ службѣ. Вотъ, какъ маменька ѣдутъ и

поспѣшаютъ, не успѣли проѣхать и пяти верстъ, ихъ и подхвати колика, да кабая? Кричатъ не своимъ голосомъ! Это все отъ непривычки ѣздить. Насилу довели домой, и тутъ охъ да охъ!... ужъ ни набрались же онѣ его высокоблагородія господина полковника! да посреди такихъ занятій, въ десятый день, преблагополучно и скончались... Охъ, Боже мой!...

Я совсѣмъ не зналъ объ этомъ случаѣ. Все тужу объ одной службѣ, а того и не знаю, что мнѣ еще надобно горше тужить, что я остался круглымъ сиротою, безъ батеньки и маменьки, да еще и въ службѣ! Некому было меня ни обласкать, ни оплакать... Послѣ уже узналъ я, что когда маменька скончалась, то сестеръ забрала къ себѣ наша одна тетюшка, и Тетясю также, да тамъ отдала сестру Софіюку замужъ, и Тетясю также... а та, измѣнщица, забывъ меня, охотно пошла замужъ за другого. Правда, что и я не имѣлъ времени хорошенько подумать о ней: то ружье учился чистить, то ремни бѣлить, то маршировать, и все—вотъ мученіе было! начинать съ лѣвой ноги...

Только теперь признаюсь, что я во многомъ лукавилъ, будто не могу выучиться. Его высокоблагородіе сколько разъ общевалъ пожаловать меня полнымъ капраломъ, если я буду исправенъ и перейму все. Кто же бы мнѣ велѣлъ сдѣлать такую глупость, чтобы добиваться высшаго чина? Когда солдату такъ трудно, а капралу и не приведи Господи! Самъ знай все и учи другихъ. Нѣтъ, не на таковского напали. Однажды—смѣялся я очень своей штукой!—для поощренія меня произвели въ господины капралы. Хорошо. Я—что дѣлать? взялъ да и началъ, будто ничего не понимаю, все дѣлать наизворотъ; какъ гляжу, отдають въ приказъ, что „капралъ Халявскій, за лѣность, непонятливость, нерадѣніе къ службѣ и вообще за неразсудливость, разжалованъ въ рядовые“. Вотъ такъ ихъ учи, какъ я!

Наконецъ пришелъ указъ о вольности дворянства, по еому можно было оставить мнѣ, какъ природному дворянину, службу. Я не зналъ, съ какого конца приступить, чтобы вырваться поскорѣе на свободу; мнѣ и посовѣтовали добрые люди отнестися къ ротному писарю. Вотъ голова была! я не знаю, въ какихъ училищахъ онъ учился, только въ десять

разъ былъ умнѣ доmine Галушкискаго, который, бывало, пяти словъ не напишетъ, не исчернивши пол-листа бумаги; писарь же, напротивъ, разомъ и сочинялъ и переписывалъ набло, такъ что, повѣрите ли? двухъ разъ не понюхалъ табаку, а уже готова бумага, и подаетъ мнѣ подписать.

— Что писать? спрашиваю я:— растолкуйте мнѣ, г. писарь!...

— Пишите вотъ на этомъ мѣстѣ: къ сему прошенію...

— Батюшки-голубчики! — вскричалъ я, уронивъ перо изъ рукъ: — ни за что въ свѣтѣ не напишу этого ужаснаго слова! По этому слову меня приняли въ службу...

— А теперь по этому слову васъ отпустить, — такъ уговаривалъ меня г. писарь и сказалъ:— оно хоть и одинаково слово, да умѣй только нашъ братъ, писака, встать его включить, такъ и покажетъ за другое. Не въ словѣ сила, а въ умнѣнѣ къ мѣсту вклеить его; а это наше дѣло, мы на томъ стоимъ. — Не бойся же, братъ, ничего и подписывай смѣло. Такими умными и учеными доказательствами убѣдилъ онъ меня наконецъ, и я, недолго думая, подмахнулъ и руку приложилъ.

Къ моему особенному счастью, его высокоблагородія господина полковника въ то время, за отъѣздомъ въ Кіевъ, при полку не находилось, а попала моя бумага по какому-то случаю господину преміеръ-маіору. Онъ призвалъ меня къ себѣ и долго уговаривалъ, чтобы я служилъ, прилежалъ бы къ службѣ, и коль скоро успѣлъ бы въ томъ, то и былъ бы произведенъ въ „фендрики“ (теперь прапорщики), а тамъ бы, дескать, и далѣе пошелъ.

„Благодаренъ за благой совѣтъ! подумалъ я; хорошо въ службѣ вашей, а дома мнѣ будетъ лучше“. И такъ, не внимая никакимъ его совѣтамъ, какъ неправившимся мнѣ, я настоятельно просилъ о чистой отставкѣ, которую и получилъ съ награжденіемъ чиномъ, за службу болѣе двухъ лѣтъ, отставного капрала.

Никакими словами не могу выразить радости моей, когда узналъ, что я свободенъ во всякое время правою ногою наступать, ходить сторбясь, разваломъ и какъ мнѣ вздумается, и что могу выѣхать изъ своей роты! Тотъ же часъ поспѣ-

шилъ нанять лошадку и, не оглядываясь, покатишь домой. Къ утѣшенію моему это недалеко было.

Что же я засталъ дома, такъ это ужасъ! Вся дворня наша, нѣкогда при батенькѣ и маменькѣ многолюдная, вся распушена; хлѣвы и сараи, гдѣ кормились птицы и другія животныя, все разорено, запущено! Я собралъ всѣхъ людей, помѣстилъ и опредѣлилъ къ должностямъ, птицъ и прочихъ тварей приказалъ запереть для корма, какъ было при маменькѣ. Любя обычаи предковъ, я установилъ завтраки, обѣды, полдни и весь порядокъ, какъ было при незабвенныхъ родителяхъ моихъ. Я не очень смотрѣлъ на нововведенія, заимствованныя сосѣдами у бывшаго моего его высокоблагородія, господина полковника, и, не подражая ему, жилъ по своей волѣ. Да и отдыхалъ же и отъѣдался я послѣ службы преусердно, и мѣсяца черезъ два имѣлъ удовольствіе замѣтить, что я отъѣлся, и въ сложеніи и вообще по комплекціи моей сталъ на порядкахъ.

Привода себѣ на память все случившееся со мною въ жизни, невольно рождается во мнѣ—не знаю какое, философическое или пѣтическое разсужденіе (пусть господа ученые разберутъ): сравнить теперешнихъ молодыхъ людей съ нами, прошедшаго вѣка панычами; какая разница! Мы думали о жизни, искали случаевъ насладиться ею, не упуская къ тому ничего, и блаженствовали на своей волѣ. Хотя сильные и утѣснять насъ, какъ меня господинъ полковникъ, опредѣляютъ въ службу, заставляютъ испытывать всѣ тягости ея, замучать ученьемъ, изнурять походами, какъ меня каждые два мѣсяца въ походъ изъ роты въ штабъ и обратно, а это вѣдь, какъ я сказалъ: пятнадцать верстъ въ одинъ конецъ; но все же найдутся сострадательныя сердца, у кого маменька, у кого тетенька, а гдѣ и г. писарь, какъ мнѣ, помогутъ, да и вырвутъ изъ службы, гулай себѣ на всѣ четыре стороны. Теперь-же... охъ, Боже мой!.. чуть только на ноги схватился, уже думаетъ, какъ бы опредѣлиться въ службу? Ну, попалъ наконецъ; что же? изъ конюшни не выходитъ, все занимается какъ бы лучше вычистить лошадей; съ солдатами не разстается, ружья изъ рукъ не выпускаетъ, все чтобы усовершенствоваться ему въ военномъ ремеслѣ. Отвазывается отъ отдыха, ни съѣсть ни сопить чего со вкусомъ. При томъ же одно у него желаніе, чтобы скорѣе была война,

идти въ походъ, рубить, колоть непріятеля... смотри, самого убили! А мы, подобно мнѣ мыслящіе, живемъ да поживаемъ, толстѣемъ и богатѣемъ, да дѣтками окружаемся. Кто больше выигрываетъ?... Вотъ вамъ и новый порядокъ на свѣтѣ. Такъ же идетъ и во всемъ.

Приведа себя и домашнее хозяйство въ устройство, я началъ жить покойно. Вставши, ходилъ по комнатѣ, а потомъ отдыхалъ; иногда выходилъ въ садъ, чтобы поѣсть плодовъ, и потомъ отдыхалъ; разумѣется, что время для ѣды у меня не пропадало даромъ. Окончивъ же всѣ такія занятія, ложился въ постель и, придумывая, какія блюда приказать готовить завтра, сладко засыпалъ.

Въ такомъ пріятномъ провозженіи времени, я, какъ-то прохаживаясь по комнатѣ, началъ противъ зеркала себя разсматривать и нашель, что я противъ прежняго крѣпко похорошѣлъ; сдѣлался лицомъ бѣлымъ, румянецъ во всю щеку, въ комплекціи полотень, однимъ словомъ... я себѣ очень понравился.

— Зачѣмъ же пропадать такъ моей молодости? Мнѣ девятнадцать лѣтъ, хорошъ собою, въ службѣ отслужилъ два года слишкомъ, болѣе не обязанъ мучиться. Служилъ не даромъ, при отставкѣ награжденъ чиномъ отъ регулярной арміи отставнымъ капраломъ. Другіе, по сосѣдству мнѣ извѣстные, долѣ моего служили, а когда маменьки ихъ выпрашивали въ отставку, такъ вышли просто солдатами, безъ награжденія чина. Какъ же такъ сидѣть сложа руки? Дай пушусь по сосѣдамъ, буду влюбляться въ панночекъ, высматривать невѣсты, а тамъ и женюсь.

Сказано и сдѣлано. Снарядившись, я пустился въ путь. Прежде всего, на моей двухколесной таратайкѣ, на которой маменька ѣзжали и на которой ихъ растрясло на-смерть, когда онѣ ѣхали ко мнѣ въ полеъ, отправился я къ теткѣ, гдѣ жили мои сестры. Тетушка, кромѣ Софійки, успѣли выдать замужъ и сестру Вѣру, обѣихъ за ближнихъ сосѣдей, людей достойнѣйшихъ: у каждаго были свои хутора и много скота. Онѣ, а потомъ и прочія двѣ сестры, вышедшія за людей съ такими же достоинствами, жили и поживали себѣ благополучно, окруженныя дѣточками въ количествѣ по-

рядочномъ, судя по краткому времени ихъ замужества. Тутъ же узналъ я, что Тетяся, моя Тетяся, мною вѣкогда страстно любимая Тетяся, самопроизвольно, безъ всякаго принужденія и съ полною охотою вышла замужъ за какого-то пѣхотной арміи офицера и также имѣетъ болѣе двухъ дѣтей... о невѣрная!... вся кровь взволновалась у меня при этомъ извѣстїи. Нынѣшніе молодые люди! Если случится вамъ гдѣ въ обществѣ или наединѣ съ молодбою дѣвушкою выбирать пшеницу и ваши пальцы по какому нибудь случаю спѣются вмѣстѣ, то какъ бы та дѣвушка ни была прелестна, не допускайте плутишку Амура поразить ваше сердце и не поддавайтесь его власти; пренебрегите столкновеніемъ вашихъ суставовъ и не допустите разгорѣться любовному пламени, иначе постигнетъ и васъ участь, подобная моей: она выйдетъ за другого, а вамъ останется одно воспоминаніе,.... правда воспоминаніе прїятное, восхитительное о блаженныхъ часахъ, но... какъ доmine Галупкинскій говаривалъ: „самое драгоценнѣйшее воспоминаніе ничтожнѣе самаго слабаго исполненія въ настоящемъ“. Болѣе ни слова о невѣрной; всѣ чувства къ ней затаены въ моемъ сердцѣ.

Слегка только спросилъ я у тетюшки совѣту, на комъ бы мнѣ жениться? и она насакала мнѣ десятковъ нѣскольکو невѣстъ съ различными достоинствами. Были одиночки, т. е. однѣ наслѣдницы значительнымъ имѣніемъ, были самитретьи, сами-семи, одна была сама-одиннадцата: свобода выбирать любую, а приданое все въ одинакой степени. Когда я говорю: невѣста съ достоинствами, то не воображайте, что я говорю, примѣняясь къ теперешнимъ понятіямъ, т. е. что дѣвица воспитана отлично, образована превосходно, обучена всѣмъ языкамъ, пляскамъ, музыкамъ разнымъ и проч., нѣтъ, мы понимали дѣла въ настоящемъ смыслѣ и вещи называли какъ должно: воспитана — означало у насъ: вскормлена, вспоена не жалѣя кошту, и отъ того дѣвка полная, крупная, ядреная, кровь какъ не брызнетъ изъ щекъ; образована — объясняло, что она имѣла во что нарядиться и дать себѣ образъ или видъ замѣчательный; въ прочихъ же достоинствахъ разумѣлось недвижимое и движимое имущество, пуды серебра (тогда серебро не считалось на деньги, а на вѣсъ), сундуки съ платьями, да платьями все глазетовыми, парчевыми, все это не теряющее никогда цѣны — такъ вотъ до-

стоинства, украшающія дѣвushку! А умна ли, или добра сама и какую душу и сердце имѣть, объ этомъ никто не заботился. Умъ въ супружествѣ для жены не нуженъ: это аксіома. Если и случилось бы женѣ имѣть частичку его, она должна его гасить и нигдѣ не показывать; иначе къ чему ей мужъ, когда она можетъ разсуждать? Добра ли или бѣшена, все равно; мужъ, на то мужъ, чтобы во всемъ вѣл ее по своей волѣ. А изъ-за всего этого, скажите, пожалуйста, нужно ли образовывать женщинъ? Къ чему имъ тогда мужа? Въ наше время справедливѣе на эту вещь смотрѣли, и прекрасно все шло. Только и заботились о полнотѣ комплекціи невѣсты, и если все было полно, то женихи и вились около такихъ.

Для-чего поступилъ и я по симъ благоразумнымъ правиламъ, и потому составилъ списокъ извѣстнымъ невѣстамъ по количеству и качеству ихъ достоинствъ. Сначала поставилъ я, правду сказать, одиночекъ; потому что, признаюсь въ моей слабости, не люблю дѣлиться; хоть и немного достанется по смерти ея родителей, но все это мое, неотъемлемое. Честью увѣряю васъ, что этого правила мнѣ ни маменька, ни батенька, ни доминѣ Галушкинскій, ни въ училищахъ, ни тѣмъ господа капралы, что учили меня выступать съ лѣвой ноги, ни одно ихъ благородіе и даже высокоблагородіе, никто мнѣ не внушалъ; а видно благодѣтельная натура вперила мнѣ эти правила, которыя, право, недурны и не убыточны.

Вотъ я и явился въ первый по списку домъ. Отецъ былъ бунчуковый товарищъ, Гаврила Омеляновичъ Перикрута; имѣлъ „знатныя маетности и домашняго добра до пропасти“, такъ значило въ запискѣ и добавлено: „и единочадная дочь Гликерія Гавриловна, лѣтъ взрослыхъ, собою на взглядъ опрятненькая, хотя смотритъ сурово, но это отъ притворства, чтобы всѣ боялись ея и повиновались“. Приступая къ сватовству, я самъ сочинилъ себѣ рекомендацію и вытвердилъ ее наизусть. Пріѣхавъ къ пану бунчуковому товарищу, я началъ говорить предъ нимъ свой „діалогъ“. Панъ Перикрута терпѣливо слушалъ, и гдѣ я переводилъ духъ, онъ возглашалъ попеременно: „чи бачите!—чи видите!“ Когда же я кончилъ все и заключилъ словами:

— Таковыя мои достоинства ожидаютъ вознагражденія согласіемъ вашимъ на законное вступленіе въ бракъ мой съ единоутробною доченькою вашею

Такъ онъ сказалъ: „та-й только?“ вышелъ и оставилъ меня въ восхитительномъ ожиданіи увидѣть предъ собою невѣсту; какъ вдругъ... хлопецъ отворяетъ дверь и подаетъ мнѣ большую тыеву, говоря: „се вамъ, панычу, прислала панночка!“

Осмѣянный, я побѣжалъ изъ дому, разумѣется не принявъ тыквы, и поспѣшилъ выѣхать изъ такого негостепріимнаго дома. Обстоятельства требовали поспѣшить въ другой домъ, гдѣ еще не могли услышать о сдѣланномъ мнѣ отказѣ, и я приказалъ, не оглядываясь, гнать къ другому отцу, у котораго, по спискамъ, значилась однородная дочь Евфимія.

Пріѣзжаю; меня принимаютъ ласково; я поспѣшаю объяснить причину моего пріѣзда, говорю свой діалогъ; хозяинъ выставилъ на меня глаза свои и сказалъ:

— Богъ съ вами, панычу! Не одурѣли-ли вы немного? У меня только и есть что единоутробный сынъ Ефимъ, а дочерью не благословенъ и по сей день ни за что не имѣю. Какъ же за мужской полъ выдать такой же мужской полъ? Образумьтесь!

Я уже и не дослушалъ послѣднихъ словъ, а стыда ради выбѣжалъ, цѣпляясь за двери и пороги, стремя голову, на крыльцо да въ таратайку и покатилъ въ третій домъ по списку.

Да что долго рассказывать! Такимъ побытомъ я объѣздилъ всѣ дома въ окружности верстъ на пятьдесятъ; гдѣ только прослышивалъ, что есть панночки или барышни, вездѣ являлся, вездѣ проговаривалъ свой діалогъ... и если-бы изъ всѣхъ, полученныхъ мною, тыквъ вымостить дорогу, то стало бы отъ нашего города Хорола до самаго Кіева. Конечно, это риторическая фигура, но все я пропасть получилъ тыквъ до того, что меня въ околоткѣ прозвали „арбузный панычъ“. Извѣстно, что у насъ тыква зовется арбузомъ.

За такимъ глупымъ сватаньемъ я проѣздилъ мѣсяца три. Иной день, божусь вамъ, былъ безъ обѣда. Выѣдешь пораньше, чтобы скорѣе достигнуть цѣли, а, получивъ отказъ, поспѣшишь къ другой; да такъ отъ отказа до отказа и про-

ѣздишь день, никто и обѣдать не оставитъ. Конечно, иногда, какъ возьметъ горе, бросишь все, пріѣдешь домой и лежишь съ досады недѣли двѣ; слѣдовательно, не всѣ три мѣсяца я просватался, но были и отдыхи, а все измучился крѣпко; потомъ, какъ расписать желаніе, опять пускался и все съ тою же удачею.

Что мнѣ было дѣлать? Бросить мысль о женитьбѣ не могу: ни засплю, ни заѣмъ, а никто нейдетъ за меня. Въ семь дѣлѣ критическое было мое положеніе! Въ недоумѣніи бросился къ той же тетускѣ за совѣтомъ.

— Не знаю, душка, что и дѣлать тебѣ. Сватаешься ты, какъ долгъ велитъ; такъ и всѣ наши паньчи сватаются; такъ имъ есть удача, а тебѣ, можетъ быть, заколдовано, но этому можно пособить. Сдѣлай еще такъ: поѣзжай на всѣ именины, свадьбы, похороны, гдѣ всегда бываетъ много панночекъ, да и влюби въ себя которую изъ нихъ; вотъ она какъ сойдетъ по тебѣ съ ума, такъ и скажетъ родителямъ: „утоплюся или удавлюся, когда не отдадите за Халявскаго!“ то хоть и неохотно, а отдадутъ. У насъ такъ не одна выскочила за такого, кого любила, хоть и вовсе негодный, да любовь не разбираетъ. Такъ и ты можешь напасть на судьбу свою. Ступай же, душка, не трать времени по-пустому.

Тутъ призвала свою женщину, которая искусна была всѣ бѣды отъ человѣка отводить: та пошептала надо мною, умыла меня, „слизала съ лица остуду“, напоила наговорною водою, обошла трижды мою таратайку—и я поѣхалъ.

Первый мой выѣздъ былъ на похороны одного богатаго сосѣда. Тамъ съѣздъ былъ ужасный. Кому должно было, тѣ плакали и тужили, а мы, паньчи и панночки, какъ не наше горе было, такъ мы занимались своимъ. Насъ, обоего пола молодыхъ, было до пятидесяти, и должны были прожить въ печальномъ домѣ дней пять, пока родственники нѣсколько утѣшатъ плачущихъ; потомъ пріѣдутъ другія семейства и такъ смѣняются до шестинедѣльныхъ поминокъ. Я, какъ былъ себѣ одинокъ, то и могъ прожить все это время, не уѣзжая. И какой благопріятный случай мнѣ былъ, чтобы влюбиться и въ себя влюбить кого. Обыкновенно всѣ степенные люди были неотлучны отъ сѣтующихъ, а молодымъ, которые привезены родителями затѣмъ, что не на кого было

ихъ дома оставить, отвѣдутъ подалѣе особую комнату и просятъ заниматься чѣмъ угодно, чтобъ только не скучали. Вотъ тутъ мы и занимаемся. Тутъ у насъ жмурки, сижу-посижу, короли, — и все, что только придумать можно. Ахъ, какъ весело было на похоронахъ или на поминкахъ!

Не думавши долго, я пустился отличатся... Но что это за народъ панночки или барышни? неизъяснимыя! Вотъ, подмѣтишь одну и въ игрѣ ударишь ли ее больнѣе передъ другими, или ущипнешь незамѣтно ото всѣхъ, она и ничего: отобьетъ или отщипнетъ еще больнѣе. Думаешь: дѣло идетъ на ладъ. Гдѣ нибудь въ уголку станешь ее цѣловать, она и ничего, сама цѣлуетъ и заманиваетъ въ другой уголокъ, гдѣ еще меньше есть примѣчающихъ, и тамъ цѣлуемся. Ну, думаешь себѣ, это ужъ моя. Прищепь удобное мѣстечко, подсядешь и шепнешь на ушко: „я васъ хочу взять за себя. Поидете ли? — Цуръ вамъ! почти вскрикнетъ: не видала я такого нехорошаго? Я пойду, сама знаю за кого. — Сказала — и ничего, и опять цѣлуй сколько душѣ угодно, а идти, такъ нейдетъ. Поди ты съ ними!

Вѣрьте или не вѣрьте, какъ хотите; но я и на этихъ и на другихъ похоронахъ, на свадьбахъ, крестинахъ и другихъ сѣздахъ (а признаться, на похоронахъ всегда было веселѣе и удобнѣе влюбляться) сколько влюблялся, сколько сватался — ни одна не согласилась идти за меня. Бѣда да и полно!

Уже года полтора я такъ влюблялъ въ себя барышень и все вотще, какъ вотъ одна, не очень уже и завидная, въ которой я присталъ отъ крайности, чтобы шла за меня, такъ она мнѣ глаза открыла, на предложеніе мое, спросивъ:

— А что же у васъ, паньчу, есть? (разумѣя о достаткѣ).

„Э, голубочка! подумалъ я; обрадовавшись нечаянному открытію, какъ поразскажу все, такъ прикусишь язычекъ“. И началъ исчислять всѣ наши имѣнія въ селахъ, хуторахъ, числѣ душъ, земли, скота, овецъ, серебра и всего. Она слушала безъ всякаго вниманія и потомъ равнодушно сказала:

-- А сколько же васъ братьевъ! Сему-тому отдѣлить, что вамъ остается?

— И на мою долю останется много, — сказала я тогдашней своей любезной.

— Пожалуй, много, да неизвѣстно сколько. Отдѣлитесь отъ братьевъ, такъ и будетъ видно, что ваше. Безъ того ни одна, хоть и дура будетъ, не пойдетъ за васъ.

— Вотъ гдѣ истинное благоразуміе! — подумалъ я, ударивъ себя въ лобъ. — А мнѣ этого и въ голову не приходило. Я все считалъ: мы богаты, но что я имѣю, вотъ что нужно для счастья.

Обращаюсь къ теперешнимъ молодымъ людямъ и спрашиваю у нихъ: не удачнѣе ли ихъ сватовства идутъ, когда они могутъ сказать, что именно они имѣютъ? Когда мы ищемъ въ невѣстѣ нужныхъ намъ качествъ и беремъ въ соображеніе количество, то почему же и онѣ не могутъ имѣть права на томъ же основывать свое счастье? Съ этой стороны, кажется, свѣтъ не измѣнился вовсе, и хорошо сдѣлается, если и не оставитъ такого похвального обычая. Конечно, могутъ быть исключенія, но ихъ нельзя принять въ основаніе. Хорошъ жареный гусь подъ капустою, но, подчасъ и при обстоятельствахъ, ѣшь того же гуся и безъ того.

Получивъ такой урокъ, и хотя данъ былъ незавидною дѣвушкою, я рѣшился имъ воспользоваться: авось устрою судьбу. Но... почему знаешь, чего не знаешь! мудрое изреченіе нашего времени.

Братъ Петрусь пристрастился къ военной службѣ и все служилъ. Уже онъ былъ подпоручикомъ и ходилъ по походамъ изъ угла въ уголъ по всей Россіи. А изъ меньшихъ братьевъ одни были въ полкахъ, другіе доучивались въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. Я писалъ къ нимъ ко всѣмъ, чтобы, для моего благополучія, поспѣшили пріѣхать въ домъ и раздѣлиться имѣніемъ. Долго отыскивался Петрусь, а я все бѣдствовалъ въ холостой жизни! Барышни то-и-дѣло что выскакивали замужъ. Какую намѣчу, даже переговорю, упрошу, чтобы ожидала меня — хватъ! и полетѣла за другого. Сколько я перелюбилъ этихъ невѣрныхъ!

Наконецъ, пріѣхалъ Петрусь въ отпускъ. И то-то какъ человекъ, имѣющій умъ необыкновенный! — Я, живши дома, когда имѣлъ надобность въ деньгахъ, посылалъ къ приказ-

чику и бралъ сколько мнѣ нужно было, на примѣръ пятьдесятъ рублей; удовлетворя изъ нихъ свои надобности, остальное возвращаю приказчику. Петрусь же поступилъ совсѣмъ иначе: онъ потребовалъ отъ приказчика всѣхъ денегъ, какія у него только за всѣ эти годы собраны, сосчиталъ его (арифметику онъ зналъ отлично), насчиталъ много, обобралъ, прогналъ его и началъ управлять всѣмъ имѣніемъ самъ. Какъ же по дальновидности своей рассчиталъ, что отъ имѣнія больше можетъ получить пользы, нежели отъ военной службы, то и подалъ въ отставку.

Въ ожиданіи ея въ одинъ день предложилъ мнѣ раздѣлиться серебромъ и прочими родительскими вещами. Долженъ вамъ сказать, что маменька, когда еще живы были, а я уже задумывалъ жениться, то онѣ, бывало, заведутъ меня въ большую кладовую, отопрутъ сундуки съ серебряными вещами и прикажутъ мнѣ выбирать все лучшее, что мнѣ понравится и сколько пожелаю взять. Я выбиралъ, хотя и не фигурное, но что было потяжелѣ, такъ влекла меня моя натура. Маменька, было, все это отобравши, скажутъ:

— Такъ какъ ты, Трушко, разумомъ плоховать, то тебя братья обидятъ. Такъ вотъ тебѣ особо отъ нихъ.

И тутъ же отобранное все своими руками уложить, увяжутъ — и какъ были неграмотныя, — то прикажутъ мнѣ подписать:

— Пиши, Трушко, какъ я говорю: — это тебѣ безъ раздѣлу.

Я изъ словъ маменькиныхъ надписывалъ на этихъ кучахъ четко и ясно, со всею точностью, какъ привязывали маменька: „это тебѣ безъ раздѣлу“. Эти кучи лежали тамъ же въ кладовой, и когда маменька померли, то все тамъ же оставались. Возвратясь изъ походовъ, я, не имѣя въ нихъ надобности, оставлялъ ихъ лежащими на мѣстѣ.

Вошли мы съ братомъ въ кладовую. Уже раздѣлились кое-какими вещами, оставляя по нѣскольку и на часть братьямъ, разумѣется всего, какъ отсутствующимъ, и меньше сче томъ и полегче вѣсомъ. Вдругъ братъ Петрусь увидѣлъ мои связки, повертѣлъ ихъ и спросилъ: что это за серебро? Я связалъ о волѣ маменькиной.

— Что же это на нихъ написано? Прочти-ка мнѣ, — спросилъ Петрусь.

Я читаю громко и ясно: — „Это тебѣ безъ раздѣлу“.

— А! благодарю покорно, когда это мнѣ! — вскрикнулъ Петрусь и отложилъ къ себѣ всѣ свертки. — Давай же остальнымъ дѣлиться.

— Вотъ что значитъ необыкновенный умъ! — подумалъ я. — Кто бы могъ такъ обработать? Вещи мои, а онъ ихъ такъ искусно подтибрилъ, и будто и правильно. Но сколько я ни отдавалъ справедливости уму его, а все жаль мнѣ было серебра, очень! По крайней мѣрѣ пуда два 'досталось ему отъ меня по моей оплошности. Зачѣмъ было мнѣ читать! Онъ бы и самъ могъ прочесть.

Остальнымъ — мѣдною и оловянною посуду, равно и другими мелочами, подѣлились мы безспорно. Чтобы скорѣе достигнуть пламеннаго желанія въ брачномъ соединеніи уже съ какою-нибудь барышнею, я просилъ брата Петруся скорѣе раздѣлиться и маестностями, но онъ всегда мнѣ отвѣчалъ, что еще будетъ время.

Батюшки, какъ онъ жилъ! Дослужась даже до отъ арміи поручика, какой чинъ получилъ при отставкѣ, онъ никого не почиталъ себѣ равнымъ. Даже воляску вѣнскую заказалъ сдѣлать себѣ въ Москвѣ. И пошло — лошади не лошади, упряжь не упряжь, завель собакъ, музыкантовъ, лакеевъ, выписныхъ поваровъ; да какіе обѣды задавалъ! Ужь не прежнимъ банкетамъ нашимъ чета! Конечно, кушаньевъ немного бывало, все пошли супы да соусы; даже и я, полухозяинъ, имѣвшій свободу и досугъ ѣсть больше противъ прочихъ, такъ и я голоденъ вставалъ отъ стола. За то вино лилось рѣкою, и кромѣ судацкихъ, воложскихъ, появились заморскія. Послѣ обѣда разливался пуншъ... и никто не вспоминалъ, что это брата Павлуса изобрѣтенія напитки. *Sic transit gloria mundi!* Подавался и нелюбимый маменькою напитокъ — кофе. Правду сказать, было около чего пачкаться! Тьфу! встаети здѣсь употребить маменькино изреченіе. И не опишешь всего, какая у насъ во всемъ послѣдовала перемѣна! Но уже не видно было прежней важности и меланхолии въ обществѣ. Никто никому не отдавалъ преимущества. Петрусь, хотя бы самый мизерный гость былъ у

него, онъ и его усаживалъ и заботился, чтобы тоже столько ѣлъ и пилъ, какъ и самый почетный гость. У него со всѣми обхожденіе было ординарное. Такъ-то въ короткое время, свѣтъ и обычаи его измѣнились!

Что-же далѣе? Насмотрѣлся онъ всего по походамъ въ Россіи: ему не понравился домъ, гдѣ батенька жили и померли. Давай строить новый; да какой? въ два этажа, съ ужасно-великими окнами, съ огромными дверями. И гдѣ-же? совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ нашъ дворъ, а вышелъ изъ деревни и говоритъ: тутъ видъ лучше. Тыфу ты пропасть! да развѣ мы для видовъ должны жить? Было бы тепло да уютно; а на виды я могу любоваться въ картинахъ. На всѣ его затѣи я молчалъ: не мое дѣло; но видѣлъ, что и великіе умы могутъ впадать въ слабость!

Хорошо же ему: онъ такъ себѣ живетъ, веселится; меньшіе же братья пріѣдутъ, навѣдаются—онъ имъ дастъ денегъ и отправитъ, а мнѣ части изъ имѣнія ни за что не выдѣляетъ. Ужъ мнѣ наскучило; ужъ я не напоминаю, а онъ все не выдѣляетъ. Годы проходятъ, а я и не женатъ.

Наконецъ, подъ веселый часъ, я заговорилъ ему о выдѣлѣ имѣнія. Какъ же онъ фыркнетъ на меня и прикрикнулъ:

— Живи, когда живешь, а я тебѣ не дамъ ничего!

Вотъ тебѣ и разъ! Какъ-таки не дать мнѣ ничего изъ родительскаго? Это меня смутило, и я началъ совѣтоваться съ добрыми людьми. Кто скажетъ, что мнѣ слѣдуетъ имѣніе, что нужно хлопотать; другой скажетъ: пока я выхлопочу, такъ и имѣнія мнѣ не нужно будетъ. Не зналъ я, на что рѣшиться? Какъ вотъ и явился ко мнѣ чиновникъ, какой-то губернской секретарь, онъ не объяснялъ какой, а просто писался губернской секретарь; а звали его—Иванъ Аванасьевичъ Горбъ-Маявецкій. Онъ былъ изъ нашихъ, но ужасно бойкая голова! Вѣрители: какъ начнетъ говорить и доказывать мое право, такъ годы у него сыплются точно какъ орѣхи изъ мѣшка. Ничего не поймешь, а только и слышишь: тысяча такой-то, тысяча такой-то, и чисто докажетъ, что право мое неоспоримо.

Убѣдилъ онъ меня, и я рѣшился начать тажбу. Для этого нужны были деньги, у меня ихъ не было; но—вотъ

что значить умный человѣкъ! — онъ взялъ у меня всѣ мои серебряныя и другія вещи и договорился на свой коштъ вести тяжбу. Я долженъ былъ выѣхать отъ брата и жить у Горбъ-Маявецкаго. Домикъ у него хотя и небольшой, но намъ не было тѣсно: онъ съ женою, да маленькая дочка у нихъ, лѣтъ семи, Анисинька. Пожалуйте же что послѣ изъ этого будетъ?

Я переселился къ нимъ — и потомокъ знаменитыхъ Халевскихъ, наслѣдникъ по крайности двухъ-сотъ пятидесяти дворовъ — что все равно, тысячи душъ — долженъ быть и жить на иждивеніи секретаря Горбъ-Маявецкаго. Къ чему нужда не приведетъ!

Расположивши все, мы приступили начинать тяжбу. Господи Боже мой! должно было начать неважнымъ для меня словомъ: „къ сему прошенію“. Я отъ него и руками и ногами, такъ никакъ не можно безъ него обойтись. Прошу замѣнить другимъ — говорить: невозможно. Я, вспомнилъ учениѣйшаго нашего наставника, доmine Галушвинскаго: у него безпереводно были пряники въ карманѣ; пряники и подобно-значущія слова — когда ни спроси — у него всегда были. Онъ бы, конечно, помогъ мнѣ въ бѣдѣ, но Горбъ-Маявецкій побоялся, что съ другимъ словомъ бумага не будетъ сильна.

Нечего дѣлать. Опять я подписалъ это ужасное, треклятое, распроклятое слово! Да съ того часа, какъ началъ его писать, такъ вѣрите ли? восемь лѣтъ писалъ его безъ умолку, не покладая рукъ все писалъ. Иногда въ день разовъ пять подмахнешь: то въ нижній, то въ верхній, то въ уѣздный, то въ губернской судъ. Всѣ суды завидали бумагами и вездѣ слышали самыя пріятныя обѣщанія. Только я и замѣтилъ, что когда Горбъ-Маявецкій найдетъ, гдѣ завять мнѣ денегъ за ужасные проценты, на счетъ будущихъ благъ, то наше дѣло очень быстро начнетъ восходить все выше и выше и уже дойдетъ до самаго высокаго въ губерніи. Тутъ же только что надо рѣшить, на чью изъ насъ пользу, а хватятся, у насъ денегъ нѣтъ, тутъ, по какимъ-то причинамъ, дѣло — бултыхъ! паки въ нижніе суды. Принимаюсь опять писать: къ сему прошенію (зачѣмъ умѣлъ я его писать! О маменька! вы правду говорили, что науки доведутъ меня до бѣды!), Горбъ-Маявецкій примется промышлять денегъ, и все

пойдетъ по прежнему узору. И такъ было и шло восемь лѣтъ съ половиною.

Въ это время я, не имѣя ничего, терпѣлъ крайность, а Горбъ-Маявецкій разживался порядочно. Купилъ новый домъ, и лучшій прежняго; жена стала наряднѣе, и даже коляска завелась; умножилось и дѣтей; Ависиньку отдали въ дѣвичье училище. (О маменька! что еслибы вы встали изъ гроба и узнали, что барышень учатъ въ училищахъ — какъ бы вы громко произнесли: тѣфу! и, посмотрѣвши, что такое зло дѣлается во всѣхъ четырехъ концахъ вселенной, слѣдовательно, не знаяши, куда бы преимущественно плюнуть, вы бы снова померли!).

Наконецъ, въ концѣ девятого года продолженія моей тяжбы, Горбъ-Маявецкій объявилъ мнѣ, что мое дѣло поступило въ Санктъ-Петербургъ (пожалуйте же, помните, что онъ именно сказалъ: въ Санктъ-Петербургъ), и что мнѣ съ нимъ необходимо ѣхать туда же. Онъ — будетъ хлопотать по дѣлу, а я — для того, чтобы подписывать: къ сему прошенію. Признаюсь, каторжная работа — писать это ужасное слово.

Хорошо. Ѣхать въ Санктъ-Петербургъ. Что же это за Санктъ-Петербургъ? я не зналъ, что онъ такъ длинно выговаривается. Слышалъ, что есть Петербургъ, не больше; но далѣе не разыскивалъ. Теперь впервые услышалъ, что есть еще и Санктъ-Петербургъ. Отъ любопытства посмотрѣлъ въ календарь; тамъ стоитъ: Санктъ-Петербургъ, столица. Нѣтъ никакого „или“, слѣдовательно, Санктъ-Петербургъ само по себѣ, а Петербургъ само по себѣ.

Что же? — подумалъ я, — ѣхать, такъ ѣхать. Увижу свѣта, побываю въ столицѣ. У насъ, въять на сто верстъ кругомъ, едва ли кто былъ въ столицѣ? А я буду, поживу, и какъ вѣрно тамъ не безъ барышень, а власть Амура такъ же властвуетъ, какъ и въ нашихъ городахъ, то еще которая влюбитъ въ меня и, не бывъ такъ образована, какъ наши деревенскія, не рассчитывая вдаль, выйдетъ за меня, хотя и неполучившаго еще имѣнія. Утѣшенный такими отрадными мыслями, я, безъ дальняго страха, собирался ѣхать въ чужіе люди. Надѣлалъ себѣ разнаго платья побольше; оправилъ маменькинъ приданный берлинъ, укрѣпилъ его во всѣхъ частяхъ и обѣвипировалъ своего вѣрнаго Кузьму, парня,

взятаго маменькою изъ деревни ко мнѣ для прислуги. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти, уменъ, опытенъ, разсудливъ; часто, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, подавалъ мнѣ полезныя совѣты. Я безъ него—что называется—не могъ съѣсть куска хлѣба.

— Кузьма, мой любезный!—сказалъ я ему:—мнѣ надобно ѣхать въ Санктъ-Петербургъ. Какъ хочешь, а я безъ тебя не поѣду.

— А что же, панычу, и поѣдемъ—сказалъ онъ, не думая долго. Привыкли же меня съ дѣтства звать панычемъ, онъ и въ теперешнемъ моемъ возрастѣ такъ же называлъ меня.—Ѣздить люди, поѣдемъ и мы.

— Далекое, Кузьма?

— Теперѣ далеко, а какъ мы станемъ тамъ, такъ будетъ близко. А вотъ что вы мнѣ, панычу, скажите: какъ мы тамъ между нѣмцами будемъ пробывать? Вы таки-знаете что-то по латинскому, а я только и перенялъ отъ одного солдата: „мушти молдаванешти“, но не знаю, что оно значитъ, а въ чужой сторонѣ добудемъ ли безъ языка хлѣба?

Да тамъ сторона русская.

— Ну, когда такъ, такъ и ничего. И лишь бы не моремъ ѣхать.

Этимъ замѣчаніемъ онъ смутилъ и меня. Я боялся крѣпко моря и мы тутъ на совѣтѣ положили: если и трафится море на дорогѣ, объѣхать его. Хоть и далѣе, за то безопаснѣе.

И такъ Кузьма, изъ усердія ко мнѣ, оставлялъ жену и пятерыхъ дѣтей, пускался, по нашему расчету, на край свѣта. Въ отраду себѣ, просилъ заказать ему платья, какія онъ самъ знаетъ, чтобъ не стыдно было пѣказаться среди чужихъ людей. Я ему далъ полную волю.

Мой Горбъ-Маявецкій, кромѣ моего дѣла, имѣлъ еще нѣсколько и другихъ, по которымъ взялся хлопотать въ Санктъ-Петербургѣ, и потому онъ, имѣя надобность заѣзжать въ другіе города, поѣхалъ особю, а для меня пріискалъ извозчика и подрядилъ его довести меня до Санктъ-Петербурга за условленную плату, Я запасся въ дорогу большимъ количествомъ хлѣбовъ, мясной и всякой провизіи, даже воды на-

бралъ побольше. Сторона далекая, мнѣ неизвѣстная, такъ чтобы не бѣдствовать въ дорогѣ. Горбъ-Маявецкій далъ мнѣ на все то время, пока пріѣдетъ ко мнѣ, достаточное число денегъ; но совѣтовалъ жить осмотрительно и общался, не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли послѣ моего пріѣзда, отыскать меня, и далъ записку, у кого я долженъ стать на квартирѣ; то былъ пріятель его.

Выѣхалъ я, наконецъ, въ путь съ Кузьмою и началъ вояжъ благополучно. Скоро увидѣлъ, что не нужно было обременять себя такимъ множествомъ съѣстного. Вездѣ по дорогѣ были села и города, слѣдовательно, всего можно было купить; но Кузьма успокоилъ меня поговоркою: запасъ бѣды не чинить; не на дорогѣ, такъ на мѣстѣ пригодится“. Однако же, отъ лѣтняго времени, хлѣбъ пересохъ, а прочее все испортилось, и мы должны были все кинуть. Находили, однако же, все нужное по дорогѣ, и Кузьма всегда приговаривалъ: „а бы гроши—все будетъ“.

Много важныхъ и большихъ городовъ я проѣхалъ, не выдавъ ихъ. Благодарственный берлинъ много мнѣ сокращалъ пути. Онъ висѣлъ на пассажи — рессоръ тогда не было — и качался точно люлька. Только лишь я въ него, тронулись съ мѣста, я и засыпаю до ночлега. Мы откатывали въ день версть до пятидесяти.

Не знаю навѣрное, въ которой губерніи — я много ихъ проѣзжалъ — а помню, что въ городѣ Тулѣ, когда извозчикъ поспѣшалъ довести насъ до своего знакомаго постоялаго двора, при проѣздѣ черезъ одну улицу, изъ двора выбѣгаетъ человекъ и начинаетъ просить насъ заѣхать къ нимъ во дворъ. Я призадумался было и разсуждалъ, почему онъ меня знаетъ и на что я ему? Но человекъ просить убѣдительно сдѣлать милость, не отказать: будете-де послѣ благодарить.

— Кузьма! Заѣдемъ? — во всемъ я всегда совѣтовался съ вѣрнымъ слугою.

— А чтожь? Заѣдемъ, такъ заѣдемъ, — отвѣчалъ Кузьма.

Заѣхали. Насъ ввели въ большой каменный домъ и провели въ особе три покоя. Да какіе? съ зеркалами, со стульями и кроватями.

— Кузьма! смотри: каково? сказалъ я, мигая ему на убранство комнатъ.

— Не-што!—отвѣчалъ Кузьма, съ удивленіемъ разсматривая себя въ зеркалѣ.

Явился самъ хозяинъ, должно думать купецъ. Засыпалъ меня ласками и предложеніями всего, чего душѣ угодно.

Сперва представилъ мнѣ чаю. Я съ жажды выпилъ чашекъ шесть, но ласковый хозяинъ убѣждалъ кушать еще, на девятой я долженъ былъ забастовать.

Что же? Послѣ меня онъ къ Кузьмѣ и давай упрашивать его, чтобы также выкушалъ чайку.

Мнѣ стало совѣстно: я просилъ ласковаго хозяина не беспокоиться, не тратиться для слуги, что онъ и холодной воды сопеть; такъ куда? упрасивалъ, убѣждалъ и поднесъ таки чашку чаю. Кузьма, послѣ первой, хотѣлъ было поцеремониться, отказывался; такъ хозяинъ же убѣждать, нанесъ калачей и ну—заливать Кузьму щедрою рукою. Не выпилъ, а точно съѣлъ Кузьма двѣнадцать чашекъ чаю съ калачами и, наконецъ, началъ отпрашиваться.

Гостепріимный хозяинъ, оставя его, принялся снова за меня. Предложилъ мнѣ роскошный обѣдъ; чего только тамъ не было! И все это приправлено такими ласками, такими убѣжденіями! Поминутно спрашиваетъ, не прикажу ли того, другого? Я то-и-дѣло, что соглашаюсь, совѣщусь, чтобъ отказомъ не огорчить его усердія. Не только меня и Кузьму угощалъ на распашку, но и объ извозчикѣ позаботился. Лошадей поставилъ на конюшню, задалъ имъ сѣна и овса, а самъ поминутно ко мнѣ: извозчикъ-де спрашиваетъ того и того; прикажете ли отпустить? Я все благодарю и соглашаюсь.

Извиняясь передъ хозяиномъ, я просилъ его сказать: чѣмъ могу быть полезенъ?

— Ничѣмъ, батюшка!—отвѣчалъ онъ:—только и одолжите въ обратный путь заѣхать ко мнѣ и позволить васъ также угостить.

Я благодарилъ его и просилъ, чтобъ онъ шелъ къ другимъ гостямъ своимъ, коихъ шумъ слышенъ былъ черезъ стѣну.

— И, помилуйте!—отвѣчалъ онъ:— что мнѣ тѣ гости? Они идутъ своимъ чередомъ; вотъ съ вами-то мнѣ надо

хлопотать... и вдругъ спросилъ, не хочу ли я въ баню сходить?

Я бы и не пошелъ, но Кузьма мой и губы развѣсилъ, началъ соглашать меня, и хозяинъ самъ бросился хлопотать о банѣ.

Когда онъ ушелъ, Кузьма отъ удивленія поднялъ плечи и сказалъ:

— Полно: москаль ли онъ? А ужъ наврядъ! Нашъ только будетъ такой добрый.

— Вѣрно онъ слышалъ, что я ѣду—сказалъ я—такъ и перенялъ насъ на дорогѣ, чтобъ угостить, Добрый, добрый человекъ!

— Онъ точно думаетъ, что мы какія-нибудь персоны, сказалъ чванно Кузьма.—Какая нужда? А можетъ москали и въ самомъ дѣлѣ добрый народъ? Вотъ такъ намъ и вездѣ будетъ. Не пропадемъ на чужой сторонѣ! заключилъ Кузьма, смѣясь отъ чистаго сердца.

Были мы въ банѣ, парились со всѣми прихотями, а особливо Кузьма; чего уже не затѣвалъ! Послѣ бани сколько чаю выпито нами! Потомъ огромный ужинъ. Мы не знали, какъ управиться со всѣмъ этимъ.

Я хотѣлъ выѣзжать пораньше, такъ куда! Хозяинъ предложилъ, не лучше ли уже намъ и отобѣдать у него? Совѣстно было огорчить отказомъ, и я остался. Завтракъ и обѣдъ кончился; я приказалъ запрягать. Хозяинъ пришелъ проститься; я благодарилъ его въ отборныхъ выраженіяхъ; наконецъ обнялъ его, разцѣловалъ и снова благодарилъ. Только лишь хотѣлъ выйти изъ комнаты, какъ хозяинъ остановилъ меня, сказалъ:

— Что же, батюшка! а по счету?—съ этимъ словомъ подалъ мнѣ предлинную бумагу, кругомъ исписанную.

Не понимая, въ чемъ дѣло, я взялъ и думалъ, что онъ поднесъ какіе-нибудь похвальные стихи, составленные въ честь мнѣ, потому что бумага исписана была стихотворною манерою, т. е. неполными строками; какъ, присматриваясь, читаю: за квартиру... за самоваръ... за калачи... и пошло все за... за.. за... я думаю, сотни полторы было этихъ „за“...

— Что это такое, мой любезный хозяинъ? спросилъ я, свертывая бумагу, все еще почитая ее вздорною.

— Ничего батюшка!—отвѣчалъ онъ, потряхивая головою, чтобы урвать свои кудри, спадающіе ему на лобъ.— Ничего-съ. Это махенькій счетецъ, въ силу коего получить съ милости вашей...

— Что получить? спросилъ я, все еще меланхолично.

— Семьдесятъ шесть рублей и шестьдесятъ двѣ копейки—сказалъ также меланхолично гостепріимный хозяинъ, поглаживая уже бороду свою.

— Какъ? за что? уже вскрикнулъ я.

— А вотъ, что забрато милостью вашею и что въ счетѣ аккуратно вписано.

Дрожащими руками я развернулъ этотъ счетъ и—о, канальство!—увидѣлъ, что все то, чѣмъ подчивалъ меня и Кузьму гостепріимный хозяинъ, все это поставлено въ счетъ, и не только что на насъ употреблено, но что и для извозчика и лошадей: не забыта ни одна коврига хлѣба, ни малѣйшій клочекъ сѣна, ни одна чашка чаю, ни одинъ прутикъ изъ вѣника, коимъ меня съ Кузьмою парили въ банѣ. Это ужасъ!

Признаюсь, отъ такого пассажа вся моя меланхолія—или какъ батюшка-покойникъ называли эту душевную страсть, меллдія—прошла и въ ея мѣсто вступилъ въ меня азартъ, и такой горячій, что я принялся кричать на него, выговаривая, что я и не думалъ захватить къ нему, не хотѣлъ бы и знать его, а онъ меня убѣдительно упросилъ; я, если-бы зналъ, ни съѣлъ бы у него ни сухаря, когда у него все такъ дорого продается; что не я, а онъ самъ мнѣ предлагалъ все: и баню, о которой мнѣ бы и на мысль не пришло, а въ счетѣ она поставлена въ двадцать пять рублей съ копейками. Много, много говорилъ я ему, и говорилъ сильно, сверхъ ожиданія, умно и доказательно...

Онъ мнѣ въ отвѣтъ, знай, поглаживая свою рыжую бороду, при переводѣ мною духа, все твердить:

— Станетса-съ... сбудетса-съ. Оно, конечно, такъ-съ. а денежки пожалуйста... слѣдуетъ заплатить.

— Не дамъ, не дамъ и не дамъ! — кричалъ я, топая ногами. — Такъ ли, Кузьма?

Кузьма стоялъ, одеревенѣвъ отъ изумленія и въ разинутомъ ртѣ держалъ кусокъ пряника, не успѣвъ его проглотить. Надобно знать, что пряникъ хозяинъ ему поднесъ, а въ счетъ таки-поставилъ. Насилу Кузьма разслушалъ, въ чемъ дѣло, и что требуется его мнѣнія. Проглотивъ скорѣе кусокъ пряника, онъ также началъ утверждать, что платить не надо, и что мы были у него гости.

— Къ чему мнѣ было васъ угощать? говорилъ тѣмъ же голосомъ лукавый хозяинъ, — на что вы мнѣ надобны? А коли денегъ не платите, такъ я воротъ не отопру и пошлю къ господину городничему.

Услышавъ такое его рѣшеніе, я опустилъ руки и замолчалъ, а Кузьма поблѣднѣлъ и, переводя духъ, сказалъ:

— Заплатите уже ему, панычъ; цуръ ему! Ну, угостилъ насъ москаль! Будемъ помнить!

Нечего дѣлать: отсчиталъ я всѣ деньги сполна и сунулъ хозяину. Онъ какъ будто переродился: бросился помогать выносить чемоданъ, предлагалъ чего покушать, испить на дорогу... но я уже все сердился, молчалъ и спѣшилъ выѣхать изъ такого мошенническаго гнѣзда. Кузьма же отлилъ ему славную штуку. Сѣвъ на свое мѣсто, онъ сказалъ ему:

— Слушай ты, москаль, рыжая борода! У насъ такъ не дѣлаютъ. Вы хоть и говорите, что мы хохлы, и еще безмозглые, да только мы проѣзжаго не обижаемъ и не грабимъ, какъ ты, заманивъ насъ обманомъ. Мы еще рады заѣзжаго угостить, чѣмъ Богъ послалъ, а хлѣба святаго не продаемъ. Оставайся-себѣ. Слава Богу, что я не твоей москальской вѣры.

Хозяинъ же и ничего; все кланяется, да проситъ:

— И напередки просимъ такихъ дорогихъ гостей!...

Тьфу! — подлинно, что дорогіе гости для него.

Качаніе берлина скоро успокоило кровь мою, и я скоро отсердился, хотя и жаль мнѣ было такой пропасти денегъ, на которыя не только до Санктъ-Петербурга доѣхать, но и половину свѣта объѣздить могъ бы; но дѣлать нечего было, и я не только что отсердился, но, глядя на Кузьму, смѣял-

ся, видя, что онъ все сердится и ворчитъ что-то про себя: конечно, бранилъ нашего усерднаго хозяина. Когда же замѣчалъ я, что онъ успокоивался, то я поддразнивалъ его, крича ему въ окошко берлина:

— А что, Кузьма! угостили насъ? или: а каковъ тулякъ? а? Кузьма?

И Кузьма начнетъ его перебранивать снова, а я хохочу.

Когда проѣзжаемъ-было черезъ какой городъ, то я и начну трунить надъ Кузьмою и кричу ему:

— Смотри, Кузьма, не зовутъ ли насъ куда въ гости, такъ заворачивай.

— А чтобъ они не дождали! — отвѣчалъ всегда съ сердцемъ Кузьма. — Здѣсь, какъ видно, все москаль на-голо. Съ ними звайся. а камень за пазухой держи. Берегитесь вы ихъ, а меня уже не проведутъ.

Такимъ побытомъ мы докатили до Москвы. Вотъ городъ, такъ-такъ! Три нашихъ города Хорола слѣпить вмѣстѣ, такъ еще не поровняется. А сколько тамъ любопытнаго, замѣчательнаго! Вообразите, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ лежатъ на скамьяхъ, столахъ и проч. хлѣбы, калачи, пироги и всякой всячины съѣстной, и все это въ одинъ день раскупится, съѣстся — это на удивленіе! Занимаясь такими мыслями, я проѣхалъ Москву, не замѣтивъ болѣе ничего. Впрочемъ городъ безпорядочный! Улицъ пропасть, и куда которая ведетъ, ничего не понимаешь! Богъ съ нею! я бы соскучилъ въ такомъ городѣ.

Чѣмъ далѣе мы съ Кузьмою отъѣзжали отъ Москвы и, слѣдовательно, ближе подъѣзжали къ Санктъ-Петербургу, тѣмъ чаще спрашивали проѣзжіе про меня у Кузьмы: кто я, откуда ѣду, не везу ли свою карету на продажу и все т. п. Но Кузьма отдѣлывалъ ихъ ловко, по-своему:

— А кишъ, москали! знаемъ мы уже васъ. Ступайте-себѣ далѣе.

Если же случалось, что путешественники разспрашивали обо мнѣ у самого меня, тогда я говорилъ имъ все о себѣ, и многіе любопытствовали знать о малѣйшихъ подробностяхъ, до меня относящихся; карета моя также обращала ихъ вниманіе, и они совѣтовали мнѣ — въ Санктъ-Петербургѣ, вывеза

ее на площадь, предложить желающимъ купить. И я отъ того былъ не прочь, лишь бы цѣна выгодная за этотъ прочный, покойный и уютный берлинъ.

При одномъ случаѣ отдыха вмѣстѣ съ другими путешественниками, среди разговора, я узналъ, что мы въ Петербургской губерніи. Стало-быть, мы недалеко уже и отъ Санктъ-Петербурга, подумалъ я, обрадовавшись, что скоро не буду обязанъ сидѣть цѣлый день на одномъ мѣстѣ, что уже мнѣ крѣпко было чувствительно. И съль-себѣ въ берлинъ, заснулъ, какъ скоро съ мѣста тронулись.

Долго ли мы ѣхали, не знаю, какъ Кузьма будить меня и кричить:

— Пріѣхали—городъ!

— Что городъ, это я вижу,—сказалъ я, зѣвая и вытягиваясь,—а пріѣхали ли мы, объ этомъ узнаю, распросивши прежде, что это за городъ.

Должно полагать, что Горбъ-Маявецкій, повѣренный мой, предварилъ, сюда писавши, что я ѣду, потому что всѣхъ въѣзжающихъ спрашивали: кто и откуда ѣдетъ, и когда дошла очередь до меня, то замѣтно, что чиновникъ, остановившій всѣхъ при въѣздѣ въ городъ, обрадовался, узнавъ мое имя. Усмѣхнувшись, когда я объяснилъ, что я подпрапоренко регулярной арміи, отставной господинъ капралъ, Трофимъ Мироновъ сынъ Халявскій — онъ записывалъ, а я, между тѣмъ, дабы показать ему, что я бывалъ между людьми и знаю политику, началъ ему рекомендоваться и просилъ его принять меня въ свою аттенцію и, по дружбѣ, сказать чисто и откровенно: въ какой городъ меня привезли?

— Кажется и спрашивать нечего,—сказалъ чиновникъ, смотря на меня во всѣ глаза: — васъ привезли въ Петербургъ.

— Видите!—вскричалъ я въ изумленіи и горестно, смотря на Кузьму,—а мнѣ надобно быть въ Санктъ-Петербургѣ.

И, полноте, все равно,—сказалъ чиновникъ торопливо, спѣша къ другимъ.

— А побожитесь, что все равно: Петербургъ и Санктъ-Петербургъ?

— Гдѣ вы остановитесь?—спросилъ чиновникъ съ досадою и вовсе не думая разсѣять мое сомнѣніе.

— У Ивана Ивановича,—отвѣчалъ я спокойно, дабы онъ замѣтилъ, что и я на грубость могу отвѣчать грубостью.

— Въ какой части, въ чьемъ домѣ?—уже прикривнулъ чиновникъ.

— У него же въ дмѣ и остановимся. Онъ знакомый моему Ивану Афанасьевичу...

— Гдѣ домъ его? мнѣ это нужно знать.

— Такъ бы вы и сказали—отвѣчалъ я. Вотъ записка... вотъ... гдѣ она?... Кузьма! а гдѣ записка объ домѣ... Не у тебя ли она?...

— А вы, видно, потеряли?—отвѣчалъ взыскательно Кузьма.

— Не потерялъ, а изорвалъ вмѣстѣ съ счетомъ тулака... помнишь?..

— Эге! ищите же вчерашняго дня!

— Надоѣли вы мнѣ здѣсь съ своимъ... что это слуга вашъ, что ли? спросилъ чиновникъ...

— Нѣтъ, это мой лакей, Кузьма, сказалъ я.

— Ну ступайте же себѣ въ городъ скорѣе. Такихъ молодцовъ скоро всѣ узнаютъ.

— То таки узнаютъ,—сказалъ я; сѣлъ въ берлинъ и вѣхалъ въ городъ...

И такъ это городъ Санктъ-Петербургъ, что въ календарѣ означенъ подъ именемъ „столица“. Я вѣзжаю въ него, какъ мои сверстники, товарищи, пріятель и сосѣды не знаютъ даже, гдѣ и находится этотъ городъ, а я не только знаю, вижу его и вѣзжаю въ него. „Каковъ городъ?“ будутъ у меня спрашивать, когда я возвращусь изъ вояжа. И я принялся осматривать городъ, чтобъ сдѣлать свое замѣчаніе.

Невидавъ никого важнѣе и умнѣе, какъ доmine Галушкинскій, я почиталъ, что онъ всѣхъ людей важнѣе и ученѣе; но, увидѣвъ реверендиссима начальника училища, я увидѣлъ, что онъ цаца, а доmine Галушкинскій противъ него—тьфу! Такъ и Петербургъ противъ прочихъ городовъ. Искренно скажу, я подобнаго отъ самаго Хорла и не видалъ. Вотъ мое мнѣніе о Петербургѣ, такъ и мною уже называемомъ, когда я узналъ, что это все одно.

— Гдѣ же вы остановитесь, баринъ?—спросилъ извозчикъ, остановясь среди улицы.

— У Ивана Ивановича—сказалъ я спокойно, разглядывая въ окно берлина чудесные дома по улицѣ.

— Да у кого именно? Здѣсь ихъ не одна тысяча.

— Ну, когда не знаешь, разпроси: гдѣ домъ Ивана Ивановича, пріятеля моего, Ивана Аванасьевича?

— Нѣтъ, баринъ!—сказалъ извозчикъ: ужъ я распрашивать не пойду отъ лошадей, а пусть вашъ хохоль ходитъ по дворамъ, да узнаетъ. Мнѣ не хочется, чтобы меня дуракомъ сочли, да еще гдѣ?—въ Питерѣ.

Пошелъ Кузьма, спрашивалъ всѣхъ встрѣчающихся, навѣдывался по дворамъ—нѣтъ Ивана Ивановича. Вся бѣда отъ того произошла, что я забылъ мѣсто, гдѣ его домъ, и какъ его фамилія, а записку въ сердцахъ изорвалъ. Обходилъ Кузьма нѣсколько улицъ; есть дома, и не одного Ивана Ивановича, такъ все такіе Иваны Ивановичи, что не знаютъ ни одного Ивана Аванасьевича. Что тутъ дѣлать? а уже ночь на дворѣ.

Извозчикъ, увидѣвъ, что не отыщемъ скоро, кого намъ надобно, сказалъ, что онъ насъ свезетъ, куда самъ знаетъ.

— Куда же это?—спросилъ Кузьма. Можетъ, къ какому туляку?—Въ понятіи Кузьмы тулякъ и плутъ было все одно. Такъ поразилъ его случай въ Тулѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ извозчикъ,—свезу васъ въ Лондонъ.

— Куда намъ въ такую даль?—вскричалъ я, видя, что уже стемнѣло, и зная, по перочиннымъ ножичкамъ, что подписанный на нихъ Лондонъ—городъ чужой и не въ нашемъ государствѣ; такъ можно ли пускаться въ него къ ночи?

— Да нѣтъ, баринъ. Тамъ трактиръ преотмѣнный, тамъ всѣ господа въѣзжаютъ—сказалъ извозчикъ и, не слушая моихъ разпросовъ, поѣхалъ куда хотѣлъ.

Во весь переѣздъ я все разсуждалъ: „этихъ людей не поймешь: у нихъ Савкъ-Петербургъ и Петербургъ все равно; трактиръ и городъ Лондонъ все едино. Не тамъ ли, можетъ, ножички дѣлаютъ?..“

А Кузьма, идучи пѣшкомъ возлѣ берлина, заглядывая въ окно, все твердилъ мнѣ:

— Берегитесь, панычу, пуще всего, чтобъ въ этомъ городѣ не попасть въ руки туляка.

— Не бойся, Кузьма! не на таковскихъ напали.

Наконецъ дотащились мы и до Лондона. Что же? домъ, какъ и всякій другой-прочій. Дали намъ комнату; объявили, сколько за нее въ сутки, почемъ обѣдъ, ужинъ, вино и все, и все, даже вода была поставлена въ цѣнѣ. „Хитрый городъ! любить деньги!“ — сказала я Кузьмѣ: а онъ мнѣ отвѣчалъ: — нешто!

— Напередъ объявляютъ, что ничего даромъ не даютъ, а все за деньги, — сказалъ я. Хитрый-хитрый городъ: любить деньги!

За то же и обѣдъ намъ подали — объеденье! Довольно вамъ сказать, что я и Кузьма не могли всего съѣсть. По-неволѣ лишнее платишь, что много всего.

Отдохнувши хорошенько, я, нарядившись поприличнѣе, приказалъ нанять лошадей въ мой берлинъ и поѣхалъ осматривать городъ. Я разсудилъ, чтобы прежде насмотрѣться всего, а потомъ уже отыскать моего Горбъ-Маявецкаго, приняться за дѣла. Я приказалъ найти такого извозчика, который бы зналъ всѣ улицы и вывозилъ бы меня по нимъ. Кузьма сталъ сзади берлина, въ новой курткѣ синяго фабричнаго сукна съ большими бѣлыми пуговицами; шаровары бѣлые, изъ фландрскаго полотна, широкіе, и краснымъ кушакомъ подпоясанъ. На головѣ шапка высокая, сѣрая, баранья съ краснымъ верхомъ; усы длинные, толстые; на головѣ волосы подстрижены въ кружокъ. Кузьма видѣлъ такъ одѣтыхъ лакеевъ у одного помѣщика близъ Переяслава, и ему очень понравилось, почему и себя заказалъ все такое же. Теперь онъ въ этомъ нарядѣ трясся за берлиномъ, гдѣ сидѣлъ я также разряженный. Я забылъ вамъ сказать, что въ то время, въ нашихъ мѣстахъ, всѣ уже изъ казацкаго перерядились въ нѣмецкое, а потому и на мнѣ былъ нѣмецкій, кирпичнаго цвѣта, кафтанъ, съ 24-мя пуговицами; въ каждой изъ нихъ была нарисована красавица, каждая особо прелестна и каждая — чудо красоты. О я таки-сообразилъ, что ѣду въ столицу. Разрядясь такъ щегольски, я поѣхалъ,

развалясь въ моемъ берлинѣ. Берлинъ же мой былъ отличный и дѣланъ, по случаю маменькинаго замужества, въ Батуринѣ, по фасону стариннаго берлина его ясневельможности пана гетмана; и отдѣлка была чудесная, съ золочеными вездѣ шишечками, коронками и проч., правда, уже постертыми, но видно было, что была вещь. Да вотъ какъ; я вамъ безъ обиняковъ скажу: во все время бытности моей въ Петербургѣ я и подобнаго моему берлину ничего не видалъ. Не знаю, послѣ моего отъѣзда, можетъ, и показались, спорить не хочу. Немудрено подражать.

Не могу умолчать, какъ мгновенно весь городъ узналъ о моемъ пріѣздѣ. Или чиновникъ, записавшій пріѣздъ мой, оповѣстилъ жителей, или видѣвшіе меня въѣзжающаго узнали о моемъ пребываніи—только весь городъ подвинулся ко мнѣ. Явились парикмахеры стричь, чесать меня; предлагали модные парики съ буклями, вержетами, прививными косами; цырюльники предлагали свое искусство брить; портные шить платья; сапожники принесли сапоги, нанесли продажныхъ продуктовъ: ваксы, мыль разныхъ, духовъ всякихъ, шубъ, плащей, часовъ, книгъ, карандашей, нотъ и... вотъ смѣхъ!.. вставныхъ зубовъ, увѣряя меня, что эти зубы очень легко вставить и никто не отличить отъ настоящихъ, что здѣсь, въ Санктъ-Петербургѣ, рѣдко у кого собственные зубы, а все ложные, подобно какъ и волосы на головахъ... Чудный городъ!—подумалъ я—какъ его внимательно разсмотрю, такъ, можетъ, и много ложнаго найду... Нечего скрывать: всѣ мастерства, какія были въ городѣ, всѣ явились услужить мнѣ, слыша—такъ говорили всѣ пришедшіе—о моемъ вкусѣ, что я знатокъ въ прекрасномъ и люблю щегольски наряжаться. Откуда они это узнали?

Даже тайныя, домашнія дѣла мои были въ Санктъ-Петербургѣ болѣе извѣстны, нежели въ нашемъ Хоролѣ. Дома еще мнѣ случалось иногда подать бѣдному какую-нибудь бездѣлицу. Что-же? и это не скрылось въ Санктъ-Петербургѣ. Не успѣлъ я, пріѣхавши, расположиться, какъ явилась вдова пребѣднѣйшая, съ пятью дѣточками, малъ-мала меньше. Въ поданномъ ею письмѣ она пишетъ: „Высокородный господинъ! (Вотъ какъ должно насъ величать!) Узнавъ о вездѣ-прославляемыхъ добродѣтеляхъ вашихъ (удивительно, какъ вездѣ меня знаютъ), я послѣшила прибѣгнуть къ вашему со-

страдательному сердцу и объяснить свои бѣды "... Тутъ и объяснила „всякія несчастія“, постигшія ее, бѣдную, съ сироточками... но я, не дочитавъ, облегчилъ ея бѣдствія; плакавъ самъ, утеръ слезы ея... и малютки пошли мною довольны...

За нею явилась дѣвушка. Въ письмѣ своемъ ко мнѣ (конечно, она давно ожидала меня, потому что письмо было все истерто и довольно засалено) она описывала, что въ ней течетъ кровь высокоблагородная; что одинъ злодѣй лишилъ ея всего; что она имѣетъ теперь челоуѣка, который, не смотря ни на что, хочетъ взять ее, но она не имѣетъ ничего; проситъ меня, какъ особу, извѣстную своими благотвореніями во всѣхъ концахъ вселенной (каково? вселенная знаетъ обо мнѣ!), пособить ей, снабдивъ приданымъ... и она не рассказала, что прибѣгнула ко мнѣ...

Сдѣлавъ подобныхъ нѣсколько благодѣяній прибѣгавшимъ ко мнѣ, я не хотѣлъ огорчить усердствующихъ мнѣ мастеровыхъ и другихъ, принесшихъ свои продукты; я, хотя и вовсе ненужныхъ мнѣ вещей, накупилъ нѣсколько, кромѣ парика и зубовъ, въ чемъ, за имѣніемъ собственныхъ, не нуждался. Они всѣ предлагали мнѣ еще изъ своихъ мебели, но я не могъ ихъ удовлетворить, потому что мнѣ оставалось денегъ очень немного! Надобно было отыскивать Ивана Ивановича и домъ его: городъ я уже осмотрѣлъ; теперь пойду пѣшкомъ и, спрашивая отъ дома до дома, вонечно, найду. И такъ я взялъ да и пошелъ, въ препровожденіи Кузмы своего.

Я замѣтилъ, что жители Петербурга очень любопытный народъ. Въ первый день, когда я объѣзжалъ въ своемъ берлинѣ городъ, замѣтилъ ясно, что ихъ занималъ мой экипажъ. Всѣ останавливались, смотрѣли; указывали пальцами на берлинъ и Кузму и что-то съ жаромъ говорили. Я утѣшался ихъ недоумѣніемъ и съ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ я поразилъ ихъ моимъ сосудомъ, говоря словами доmine Галушкинскаго. Теперь же, хотя и пѣшкомъ пошелъ, но удивленіе встрѣчающихся было не менѣе вчерашняго. Всѣ останавливались противъ меня, осматривали меня съ ногъ до головы, старались познакомиться со мною, спрашивали: какой портной шьетъ на меня?... другіе желали знать: не въ кунсткамеру ли я иду и слугу веду для показу? Я всѣмъ имъ скромно отвѣчалъ, что зналъ, и всѣхъ оставлялъ довольны-

ми... Такъ идучи, вдругъ увидѣлъ рѣку, да какую? чудесную! Отъ изумленія остановился и съ восторгомъ глядѣлъ на нее.

Черезъ полчаса времени, прійдя нѣсколько въ себя, былъ у меня съ Кузьмою, также пораженнымъ удивленіемъ и стоящимъ разинувъ ротъ, слѣдующій разговоръ:

— Кузьма! сказалъ я: видишь?

— А тожь, — отвѣчалъ онъ, не смотря на меня и не сводя глазъ съ рѣки.

— Вотъ рѣка, такъ-такъ!

— Нешто.

— Можетъ быть, будетъ противъ нашей Ворсклы? сказалъ я аллегорическимъ тономъ.

— Куда ей!

— Вотъ бы на ней плотину сдѣлать, да мельницу поставить. Дала бы хлѣба.

— Пожалуй! А какая это рѣчка? Какъ ее зовутъ?

— А кто ее знаетъ! не знаю, голубчикъ! Пойди разспроси.

И Кузьма пошелъ; а я даже сѣлъ, продолжая разсматривать чудесную рѣку.

Кузьма возвратился скоро и сказалъ, что рѣку зовутъ „Нева“. — Ну, такъ и есть — подумалъ я: — какъ мнѣ было не догадаться, что ее такъ зовутъ. Вотъ Невскій монастырь, а тутъ Невскій проспектъ (такъ называется одна улица); стало-быть, рѣка, что подлѣ нихъ течеть, отъ нихъ должна зваться — Нева.

— Пойди, Кузьма, — сказалъ я ему, послѣ часу времени: — пойди разспроси домъ Ивана Ивановича; а я сегодня никуда не пойду, буду разсматривать Неву; у насъ такой рѣчки нѣтъ.

Кузьма пошелъ, и часа черезъ четыре — чего только я въ это время не передумалъ! — возвратился и рассказываетъ, что не отыскалъ дома. Какъ я глянь на него... и расхохотался поневолѣ!... Вообразите же! вмѣсто прекрасной казачьей шапки, бывшей у него на головѣ, вижу предрявную, безверхую, оборванную шляпенку!... Нахохотавшись, началъ

его осматривать, гляжу... у него на спинѣ написано мѣломъ: „это Кузьма, хохоль!“

— Кто тебя такъ отдѣлалъ? — спросилъ я у него нахотавшись.

— Не кто, какъ пріатели, — такъ рассказывалъ онъ: — только что вошелъ я вонъ въ ту улицу, какъ нѣсколько человекъ и пристали ко мнѣ: — здравствуй, землякъ; здравствуй, Иванъ! — говоритъ одинъ. „Можетъ, Кузьма, а не Иванъ“, сказалъ я отъ досады, что онъ меня не такъ зоветъ. — Такъ и есть! — закричалъ онъ же; — я, давно не видавшись съ тобою, ужъ и позабылъ. — А чортъ его знаетъ, когда я съ нимъ и видѣлся. А другой сказалъ: — да! какой спѣсивый сталъ, и не кланяется. — Да тутъ же и приподнялъ мою шапку... Эге! фить-фитъ! посвисталъ Кузьма и продолжалъ: — вотъ въ то же время, видно, какъ онъ мою шапку приподнялъ, а другой, схвативши ее, надѣлъ на меня эту гадость... а я и не спохватился. Ну, тутъ они начали меня обнимать одинъ передъ другимъ; послѣ пустили и просили къ себѣ въ гости. Чортъ ихъ знаетъ только, гдѣ они живутъ; я пошелъ бы къ нимъ за моею шапкою... При сихъ словахъ Кузьма поблѣднѣлъ какъ полотно!... Онъ хватился: пріатели вытащили у него рожокъ съ табакомъ, платокъ и въ немъ двадцать копѣекъ, что я далъ ему на харчи...

Бѣдный Кузьма не находилъ словъ, какъ бы разбавить своихъ пріателей такъ его обобрававшихъ! Попросилъ бы онъ брата Петруся. Вотъ уже хотя я съ нимъ и въ ссорѣ, а скажу правду, мастеръ былъ на это! Кузьма ругалъ ихъ нещадно, вертѣлъ въ ту сторону, куда они пошли, пребольшіе шиши, и все не могъ утѣшиться... и отъ горя пошелъ домой, проклиная своихъ пріателей.

„Хитрый городъ!“ подумалъ я и продолжалъ любоваться рѣкою. Гляжу, подлѣ меня какой-то мужчина, пристойно одѣтый. Слово за слово, мы познакомились, подружались, говорили о томъ, о семь; я рассказалъ ему: кто я, зачѣмъ здѣсь, какъ отыскиваю домъ Ивана Ивановича, не знаю какого, и про все ему рассказалъ. Онъ, спрашивая меня, все что-то записывалъ, а я и не подозрѣвалъ ничего. Поговоривши очень долго, онъ совѣтовалъ мнѣ посмотреть въ городъ то и се, чего я и не разслушивалъ порядочно, и что

все тамъ найду любопытнѣе, чѣмъ самая рѣка. „Врядъ-ли!“ думалъ я, но соглашался съ нимъ изъ дружбы. Послѣ совѣтовалъ мнѣ сходить въ театръ, что я тамъ много найду любопытнаго для себя, и просилъ меня приходить сюда въ такіе-то дни и часы, куда и онъ будетъ приходить и будетъ меня спрашивать, что я замѣчу. Съ тѣмъ и ушелъ, весьма довольный мною. Я же и не подозрѣвалъ его ни въ чемъ.

— Въ театры! подумалъ я.—Въ театрахъ показываютъ различныя комедіи и даютъ дули (шипи).

А вотъ съ какого побыту я такъ разсуждалъ!

Въ юность моею, или чуть ли еще не въ отрочествѣ, слышалъ я отъ батеньки справедливую повѣсть, которая была самая истинная. Думаю, что и теперь есть люди, помнящіе рассказы стариковъ; такъ они не дадутъ мнѣ солгать, что это было настояще такъ. Вотъ какъ батенька рассказывали *). Не стало Глуховскаго пана полковника. Надобно было избрать новаго. Кромѣ другихъ прочихъ, желали получить полковничество Глуховское два магната изъ первыхъ фамилій по знатности и по богатству. Забылъ ихъ фамиліи: для различія назову одного Азенко, другого Букенко. Оба хлопотали, оба подбирали себѣ голоса; а какъ пришло къ выбору, такъ и выбрали Азенка, а Букенко остался ни въ сехъ, ни въ тѣхъ. Нечего дѣлать; подавился полковничествомъ и замолчалъ... будто бы. Былъ веселъ; на праздникахъ, по случаю элекціи пана полковника, участвовалъ, и никто бы на него ничто не подумалъ. Такъ и ничего, все прошло. Пожалуйте же, что тутъ выйдетъ?

Черезъ полгода времени, въ Глуховѣ ярмарка. Купечества съѣхалось много и старшины прибыло довольно, даже изъ другихъ полковъ. Открылось послѣ, что панъ Букенко крѣпко хлопоталъ о большомъ сѣздѣ, всѣхъ приглашалъ, а нѣкоторымъ далъ способы пріѣхать. Въ началѣ ярмарки объявились пріѣзжіе комедіанты, по-нынѣшнему, а тогда ихъ называли „комедички“ и, явись у его ясневельможности пана глуховскаго Азенка, испросили дозволеніе „пустить комедію, не однажды или дважды, но и многожды“. Панъ полковникъ народнаго ради смѣха, дозволилъ и отвелъ имъ для игрища

*) Истинное происшествіе, въ то время бывшее.

большой сарай. Вотъ комедчики и начали тамъ чинно все устраивать; сдѣлали все, что должно; намостили, гдѣ имъ комедіи пускать и гдѣ сидѣть желающимъ на эти дивовины смотрѣть. Потомъ заперлися, никого изъ любопытствующихъ болѣе не впускали въ комедный домъ или сарай, а слышно было, что тамъ стучали, работали подь политикою, т. е. секретно.

Народу и нужды нѣтъ. Полагая, что они готовятъ тамъ что ни-на-есть „комедное“, оставляли ихъ въ покоѣ, дабы не мѣшать и скорѣе насладиться зрѣлищнымъ удовольствіемъ. Въ городѣ Глуховѣ все умирало, т. е. такъ только говорится, а надобно разумѣть — мучилось отъ нетерпѣнія увидѣть скорѣе представительную потѣху.

Какъ вотъ и настала игрательный день. На сарай влѣзъ человекъ съ необыкновеннымъ горломъ и прокричалъ во всеуслышаніе, что въ тотъ день будетъ знатная комедія; просилъ приходить къ вечеру и деньги за входъ приносить, кажется, по пятаку... по тогдашнему времени это была сумма порядочная. Въ городѣ закипѣла новость, а къ вечеру у комеднаго дома подвинуться не можно было: такое множество собралось народа. Большая часть, или, почитай, и всѣ не видали вовсе комедій и, какъ ихъ пускаютъ, понятія не имѣли; такъ и простительно было ихъ любопытство.

Батенька—онѣ въ тѣ поры находились въ Глуховѣ—не были охотники вечеромъ сидѣть, и рано ложились опочивать; но тутъ любопытства ради, поохотились пойти; пошли и насилу влѣзли, за тѣсною, въ дверь; заплатили своего пятака и усѣлись на скамейкѣ.

Передъ сидящими развѣшено было большое полотнище, изъ чистыхъ простынь сшитое (такъ рассказывали батенька), и впереди того горѣло свѣчей съ десятокъ. Въ вырытой нарочно передъ полотнищемъ ямѣ сидѣли жида-музыканты: кто на скрипкѣ, кто на басу, кто на цымбалахъ и кто съ бубномъ. Когда собралось много, музыка грянула маршъ на взятіе Дербента, тогда еще довольно свѣжій. Потомъ играли казачка, свадебныя пѣсни, а болѣе строились. Собравшіеся, наслушавшись музыки, желали скорѣе потѣшиться комеднымъ зрѣлищемъ.

Какъ вотъ полотнище... да прехитро!—такъ рассказы-вали батюшка—не упало, не спустилось, а поднялось вверху, а какъ и отчего? никто не могъ догадаться... Но хорошо поднялось себѣ.

Взору представились деревья съ листьями, воткнутыя въ землю по обѣимъ сторонамъ, а посрединѣ чисто, гладко и ничего нѣтъ. Вотъ всѣ и смотрять-себѣ.

Какъ вотъ и вышелъ челоуѣкъ, совсѣмъ не покамедному одѣтый, а такъ, просто, якобы казакъ. Не поклоняся никому, началъ во всѣ стороны разсматривать, присматриваться, глаза щурить, рукою отъ свѣта закрывается и все разглядываетъ...

— Чего ты такъ смотришь?—спросилъ одинъ изъ кучи сидящихъ.

— Смотрю, всѣ ли собрались?—отвѣчалъ тотъ, подчмыхая.

— Да всѣ, всѣ, давно всѣ собрались. Пускай свои комедіи!—закричало нѣсколько голосовъ,—ноги помлѣли отъ сидѣнья.

— И панъ Азенко тутъ?—спросилъ казакъ, все приглядываясь.

— Да тутъ, тутъ, давно тутъ... кричали голоса.

— А гдѣ же вы, ваша ясневельможность? я что-то васъ не рассмотрю--говорилъ казакъ, заслоня свѣтъ рукою.

— Да вотъ я! вотъ!—изволили отозваться сами панъ полковникъ, указывая на себя пальцемъ.

— Такъ и есть. Это вы, панъ полковникъ!—сказалъ казакъ и, поднявъ руку, сказалъ прегромко:—на-те же вамъ, пане Азенко, дулю! и съ этимъ словомъ протянулъ къ нему руку съ сложеннымъ шишомъ... Переднее полотнище, какъ нѣкою нечистою силою, рассказывали батенька, опустилось и скрыло казака съ шишомъ и все прочее зрѣлище.

Трудно и описать, что въ сей моментъ произошло въ комедномъ домѣ. Это былъ неслыхавный пассажъ! Смѣхъ, хохотъ, крики заглушали гнѣвные слова пана Азенка! Всѣ бывшіе тутъ (какъ ихъ въ Петербургѣ называютъ: зрители) встали съ своихъ мѣстъ и съ шумомъ толпились у выхода. Его ясневельможность панъ Азенко чуть не лопнетъ отъ

гнѣва и, въ бѣшенствѣ, приказываетъ своимъ „сердюкамъ“, заведеннымъ и у него, на подобіе какъ и у наяснѣйшаго пана гетмана, схватить, поймать полковникохульца, дерзнувшаго, при всей старшинѣ и посполитствѣ, тыкнуть, почитай къ самому его ясневельможности носу, преогромнѣйшую дулю. Сердюки бросились, но ни того казака и ни одного комедчика даже слѣда никакого не осталось. Искали, искали, весь городъ обыскали, всю ярмарку перешарили—нѣтъ-какъ-нѣтъ, и по сей день нѣтъ. Какъ въ воду все кануло.

Батенька-покойникъ, рассказывая, бывало валяются отъ смѣху, что панъ Азенко привсенародно скушалъ такую большую дулю, а панъ Букенко, все это придумавшій и распорядившій, потѣшался крѣпко своимъ методомъ къ отмщенію за помѣшательство въ выборѣ его въ Глуховскіе полковники.

Повѣрьте, что все это была истинная правда.

Пожалуйте, къ чему же это я началъ рассказывать? Да, это по случаю заключенной мною пріязни съ неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ, предлагавшимъ мнѣ сходить въ театры.

„Хорошо, подумалъ я: увижу, что здѣсь въ комедномъ дѣйствиі дѣлается? Пойду“. И пошелъ прямо, по разспросу, къ театру; а комеднаго дома, сколько ни спрашивалъ, никто не указалъ; здѣсь такъ не называется. Это я и въ записной книжкѣ отмѣтилъ у себя.

Хорошо. Вотъ я и пришелъ къ театру, чтобы узнать, будутъ ли въ тотъ день пускать комедію? Я думалъ, что и здѣсь крикунъ взлѣзетъ на крышу, да и станеть кричать. Куда! Петербургъ городъ хитрый! Разсчитали—гдѣ взять такого горлана, который бы кричалъ на весь Петербургъ, который, должно знать, несравненно пространнѣе Глухова. Вотъ и умудрились: напечатаютъ листочковъ, что будетъ, дескать, комедія, и рассылаютъ по городу. Вотъ народъ и знаетъ, и валить на комедію. Такимъ побытомъ пришелъ и я. Вижу, люди покупаютъ билетки... я въ разспросъ. Изволите видѣть: въ театрѣ есть ложи, кресла, мѣста за креслами и еще кое-что.

Вотъ, будь я бестія, если лгу! Я подумалъ: ложа! это ложе; какъ мнѣ, пріѣзжему, никому неизвѣстному, придти въ театръ съ тѣмъ, чтобы лежать на ложѣ? Не хочу. Я знаю

политику. Кресла? я и не помню, сидѣлъ ли я въ жизни на креслѣ? И какъ мнѣ сидѣть въ креслѣ, когда люди важнѣе меня берутъ билетки за креслами. Я и заключилъ, что это мнѣ приличнѣе. Была-не-была, взялъ билетикъ и заплатилъ полтора рубля. Справился съ другими покупателями, точно: не обманули въ цѣнѣ, взяли, какъ и съ другихъ, и сдачу вѣрно дали. Любопытствующихъ около меня пропасть! Всѣ разсматриваютъ, разспрашиваютъ. Любопытный народъ! Я тутъ же свелъ много знакомствъ съ неизвѣстными мнѣ людьми, и былъ ими очень ласкаемъ. Разказы мои ихъ много веселили, и пріатели мои не отпускали меня отъ себя.

Сязь-такъ, только я и въ театрѣ. Тѣфу ты пропасть, вѣжливость какая! Лакей встрѣчаетъ и провожаетъ, мѣсто указываетъ: надобно же вамъ знать, что я не одинъ гость тамъ былъ. Слуга всѣмъ успѣвалъ услужить. Усѣлся я. Тѣфу ты пропасть! Знати, знати! И все общество было отличное! Ужь насмотрѣлся я. А тутъ музыка деретъ, да какая? и флейты, и скрипки! Да такъ жарятъ, что съ сосѣдомъ и не думай говорить! Услажденіе чувствъ, да и полно. Зрѣніе пресыщается: одно то, что свѣтло, пересвѣтло; всѣхъ въ лицо ясно видишь; а другое—сколько тутъ особъ! О людяхъ и говорить нечего, я ихъ пропускалъ и не обращалъ вниманія, но все смотрѣлъ на почтенныхъ особъ. Столько вдругъ не увидишь ихъ въ нашемъ Хоролѣ. И то правда, городъ городу рознь: Хоролъ и Петербургъ. Болѣе же всего меня прельщало и плѣняло прекрасный полъ, котораго тутъ были кучи, какъ стадо какое. И всѣ прекрасны, безъ исключенія, и всѣ прелесть, до того, что меня, при взглядѣ на нихъ, морозъ подиралъ по кожѣ. Конечно, были на разные вкусы, смотря по комплекціямъ любующихся ими. „Были корпораціи дебелой, были и утонченной“, какъ выражался нѣкогда доmine Галушкинскій; слѣдственно, для всѣхъ было пріятно любоваться ими. Я ужъ такъ любовался, что вполнѣ насладился! Не жаль мнѣ было уже и полтора рублей. Да чего? Сважи онъ мнѣ про этакое наслажденіе и запроси два рубля? Далъ бы; кавалья, еслибы не далъ!

Наслушавшись къ тому еще и музыки, когда—скажу словами батеньки-покойника—какъ нѣкою нечистою силою поднялась кверху бывшая передъ нами отличная картина, и

взору нашему представилась отдѣльная комната; когда степенные люди, въ ней бывшіе, начали между собою разговаривать: я, одно то, что ноги отсидѣлъ, а другое, хотѣлъ пользоваться благопріятнымъ случаемъ осмотрѣть и тѣхъ, кто сзади меня, и полюбоваться заднимъ женскимъ поломъ, я всталъ и началъ любопытно все разсматривать.

Вдругъ отъ заднихъ и боковыхъ моихъ сосѣдей услышалъ вѣжливыя приглашенія:

— Не угодно ли вамъ сѣсть?.. Садитесь, пожалуйста!

Я, имъ откланиваясь, все говорю:

— Покорнѣйше благодарю! Я и здѣсь насидѣлся и сюда не пѣшкомъ пришелъ... Покорно благодарю, усталъ сидя, разломило всего.

Куда! Они не отстаютъ; все упрашиваютъ садиться, а я знай откланиваюсь и благодарю за честь, а чтобъ они яснѣе слышали о моей учтивости, я во весь голосъ отказываюсь. Всѣ бывшіе тутъ обратили вниманіе на мою вѣжливость. Какъ вотъ пробирается чиновникъ, подумалъ я, важный, въ мундирѣ, и прямо ко мнѣ, и онъ съ предложеніемъ, чтобы я садился.

Что за вѣжливый городъ! подумалъ я:—какъ ласкаютъ заѣзжаго! всѣ принимаютъ участіе. Но не на таковского напали! Я имъ покажу, что и въ Хоролѣ политика извѣстна не меньше Петербурга. И, по такому побыту, еще больше началъ благодарить и сказалъ наотрѣвъ:

— Ей-Богу, не сяду, а еще больше—при васъ...

— Такъ садись же! или а тебя вонъ выведу!—почти закричалъ вѣжливый чиновникъ и съ этимъ словомъ почти бросилъ меня на стулъ.—Когда пришелъ сюда, долженъ какъ зритель, наблюдать порядокъ и дѣлать все то, что и прочіе „зрители“ дѣлаютъ.—И тутъ уже ушелъ отъ меня.

— Ага! такъ это я теперь зритель?—подумалъ я:—понимаю теперь. Я долженъ „зрѣть“ на нихъ и за ними все дѣлать. Хорошо же, это не мудрено. И усѣлся себѣ преспокойно. Гляжу на всѣхъ, что они дѣлаютъ? Анъ они „зрятъ“ на особо разговаривающихъ. Давай и я „зрѣть“: вѣдь я зритель.

Вперивъ свое зрѣніе на разговаривающихъ, я невольно сталъ вслушиваться въ ихъ разговоры, и только лишь появлялъ сюжетъ ихъ матеріи и ждалъ, далѣе что будутъ объяснять, какъ вдругъ... канальская картина нѣкоею нечистою силою опустилась и скрыла все...

Фить-фить! — невольно просвисталъ я отъ изумленія... но, видя, что всѣ около меня сидѣвшіе зрители встали, всталъ и я. Они вышли, вышелъ и я. Они вошли въ комнаты съ разными напитками, вошелъ и я. Они начали пить напитки, пилъ и я... и тотчасъ узналъ, что это вещество изобрѣтенія брата Павлуса — пуншъ, котораго я терпѣть не могъ и въ ротъ, что называется, не бралъ; а тутъ, какъ зритель, долженъ, наблюдая общій порядокъ, пить съ прочими... зрителями, какъ назвалъ ихъ вѣжливый чиновникъ; но я разсудилъ, что по логическимъ правиламъ знаменитаго домине Галушквинскаго, должно уже почитать ихъ не зрителями, понеже они не зрятъ, а питателями или какъ-нибудь складнѣе, понеже они пьютъ...

Но дѣлать нечего; они выпили — и я выпилъ; они заплатили, заплатилъ я; ни въ чемъ не отставалъ отъ порядка. Посмотрите же, что это за хитрый городъ Петербургъ? Выпивши, они собираются идти, собираюсь и я, и спросилъ ихъ:

— Куда же вамъ теперь должно идти?

— Разумѣется въ театръ, скоро начнутъ, — сказалъ одинъ, и поспѣшилъ.

— Начнутъ! — подумалъ я. — Что начнутъ? — спросилъ я самъ себя. Конечно начнутъ пускать комедію? То было совѣщаніе у нихъ между собою, а теперь примутся за дѣло. Идти же въ театръ. Подумалъ такъ, да и пошелъ; взялъ снова билетъ, заплатилъ снова полтора рубля; вошелъ и сѣлъ уже на другое мѣсто, указанное мнѣ услужливымъ лакеемъ. Поднялась опять картина.

Скука смертельная! Сидятъ старики и рассказываютъ молодому человѣку — чортъ знаетъ о чемъ! — о добродѣтели, самоотверженіи и подобномъ тому вздорѣ. Молодой человѣкъ, такъ и видно, что горячится; того и гляди, что дастъ имъ пишъ и — баста! картина невидимою силою упадетъ и насъ распустятъ по домамъ. Ничего не бывало! Говорятъ себѣ, да сердятся, но все съ вѣжливостью; а мы скучаемъ.

Не занимаясь пустыми разговорами, я задумался о своемъ: о Хоролѣ, о маменькѣ-покойницѣ, о кормленной ими птицѣ, и тому подобныхъ миновавшихъ радостяхъ, какъ вдругъ ногу мою что-то оттолкнуло... Глядь я!... подлѣ меня сидитъ прекрасный полъ... то есть: одна, должно быть особа, а не простая, потому что была корпораціи дебелой и съ обнаженными привлекательностями, не такъ, чтобы совсѣмъ, а прикрито нѣсколько флеровою косыночкою. Вотъ какъ она оттолкнула меня, да и говорить, впрочемъ, довольно меланхолично:

— Вы истолковали мнѣ всѣ колѣнки! Чего вы это толкаете?

Тутъ я только замѣтилъ, что, предавшись сладкимъ мечтамъ, не замѣтилъ женской природы, подлѣ меня сидѣвшей; свободно соединилъ мое колѣно съ ея и преаккуратно поталкивалъ, самъ не зная, какой ради причины. Увидя слѣдствіе моей задумчивости, я настоятельно началъ извиняться и утвердительно доказывалъ, что я толкалъ ее безъ всякаго худого намѣренія.

— Еще бы я позволила вамъ имѣть какія-либо намѣренія!...

Дальнѣйшее наше знакомство тутъ и прекратилось, потому что картина упала передъ нами. Всѣ встали, всталъ и я; всѣ пошли, пошелъ и я въ прежнее мѣсто. Но мои сосѣды по зрительству были люди другой комплекціи, нежели прежніе: они не пили пуншу; ѣли яблоки, кои и я ѣлъ; обтирались, вышедши изъ душевой залы, обтирался и я. „Въ театрѣ, въ театрѣ!“ закричали они, и побѣжали. Пошелъ и я медленно, разсуждая: „ну ужъ этотъ театр! буду его помнить!“ Купилъ снова билетъ и снова заплатилъ полтора рубля.

Вошедши въ залу, сѣлъ; смотрю... у меня по сосѣдству нѣтъ прекраснаго пола, все мужской: не опасно, хоть и толкну кого.

Опять разговоры; только уже не комедички, а жены и сестры ихъ. „Бабыяго болтанья нечего слушать“, подумалъ я: „тутъ жди сплетней и ссоры. Буду свое думать“... и началъ.

Удивительное я тутъ замѣтилъ. Въ бумажкахъ, коими приглашались гости въ театрѣ, запрещалось стучать ногами

и палками. Такъ они что выдумали? давай хлопать руками въ ладоши; да какъ пріударять дружно, такъ что ваша музыка! Я такъ и хохочу отъ удовольствія, а они какъ нарочно дразнять комедчиковъ, да хлопаютъ, и конечно отъ досады, что нельзя стучать ногами и палками: даже плачутъ, да знай плещутъ. Это меня въ комедіи только и потѣшало.

Уже въ четвертый разъ бралъ я билетъ — что дѣлалъ всегда, какъ выходилъ изъ театра — четвертый разъ платилъ полтора рубля, что мнѣ очень досадно было, и я не вытерпѣлъ, спросилъ у купчика, продающаго билеты:

— Скоро ли вы насъ распустите? долго ли вамъ мучить насъ?

— Это въ вашей волѣ, — сказалъ онъ, — отчего же, сударь, вамъ театръ такъ скученъ?

НВ. Онъ счелъ меня конечно за особу, что все величалъ „сударь“.

Я ему объяснилъ, что мнѣ всѣ три театра, данные въ этотъ вечеръ, понравились очень, а наибольше музыка и зрѣлище прекраснаго поля; но ежели еще это все продолжится хоть однимъ театромъ, то я не буду имѣть возможности чѣмъ платить. Съ этого слова разговорясь покороче, мы стали пріятелями, и онъ мнѣ сказалъ, что я напрасно бралъ новые билеты на каждое „дѣйствіе“. НВ. Тутъ онъ мнѣ рассказалъ, какъ что должно называть и какъ поступать въ театрѣ.

Хитрый, хитрый городъ! подумалъ я тихонько.

Слово-за-слово, мы разговорились и очень. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ изъ нашей Малороссійской подсолнечной и родомъ изъ Переяслава, учился въ тѣхъ же школахъ, гдѣ и я, и знаетъ очень домине Галушкѣинскаго. Слыхалъ о нашей фамиліи и сказалъ, что счастье мое, что я попался ему въ руки, какъ земляку, а то другіе погрѣли бы около меня руки.

Когда мы такъ дружески разговаривали, то тамъ въ театрѣ, музыка гремѣла ужасно, и прочіе, т. е. зрители, слушающая актерщиковъ, коихъ я прежде по незнанію называлъ „комедчиками“, хлопали въ ладоши безъ памяти...

„Хитрый городъ! нечего сказать“, — думалъ я. „Нѣтъ того, чтобъ пріѣзжему все рассказать и объяснить, а тѣмъ и удержать его отъ роскоши — платить за билетикъ на каж-

дый театръ. Будь этакой театръ у насъ въ Хоролѣ и пріѣхали бы къ намъ изъ петербургскихъ мѣстъ гости, я все бы объяснилъ и не далъ бы имъ излишне тратиться. Хитрый городъ! но впередъ не одурачите“.

Въ заключеніе бесѣды нашей, пріятель мой, Марко... вотъ по отчеству забылъ, а чуть ли не Петровичъ? ну, Богъ съ нимъ! какъ былъ, такъ и былъ; можетъ и теперь есть—такъ онъ-то совѣтовалъ мнѣ ежедневно приходите въ театры: тутъ-де, кромѣ что всего насмотришься, да можно многое перенять. При чемъ далъ мнѣ билетикъ на завтра, сказавъ, что будетъ преотличная штука: царица Дидона и опера. Я обѣщался; съ тѣмъ и пошелъ.

Когда, пришедши домой, рассказалъ все случившееся со мною Кузьмѣ, такъ онъ выходилъ изъ себя отъ-сердцовъ — и всѣхъ актерщиковъ, и всѣхъ зрителей, кромѣ меня, бранилъ наповаль: туляками, братьями, дядьями и даже отцами того хозяина, что насъ угощалъ въ Тулѣ.

Я, однако же, долго не могъ уснуть. Все мнѣ мерещился прекрасный полъ, бывший со мною въ театрахъ. Фу! да и красавицы же! откуда ихъ столько навезено сюда?...

Утро провелъ я, любуясь рѣкою, и до обѣда не сходилъ съ мѣста. Любуюсь и не налюбуюсь! Меня занимала мысль все одна: что, еслибы эта рѣка да у насъ въ Хоролѣ? Сколько бы добра изъ нея можно сдѣлать? Мельницы чудесныя, винокурни преотмѣнныя! а здѣсь она впустила течетъ.

Признаюсь, театры меня занимали, и я пошелъ туда пораньше. Я уже все зналъ: вошелъ бодро и смѣло; поклонился превѣжливо на всѣ стороны, къ верхнимъ и нижнимъ дамамъ, зная, что все это были особы. Что же? повѣрите ли? а я буду гунтствовать, если лгу! хоть бы кто-нибудь кивнулъ мало головою, шаркнулъ ногою! А чтобы сказать: „здравствуйте-де, милости-дескать просимъ!“ объ этомъ никто и не подумалъ. Такъ вотъ городъ! вотъ та столица! вотъ гдѣ вся политика должна заключаться! О!... посмотрѣли бы они, ужъ я не говорю о Хоролѣ, ступайте даже въ Кобеляки... такъ подумаете — ничего? на сухихъ васъ примутъ? Нѣтъ, батюшка, тамъ замучатъ васъ ласками и надоѣдятъ вамъ привѣтствіями, знаютъ ли васъ или не знаютъ. Но вѣдь разница: Петербургъ и Кобеляки.

Оставя все, я сѣлъ негляже ни на что и по совѣту вчерашняго пріятеля, совѣтовавшаго мнѣ ничѣмъ не заниматься и ничего не слушать, кромѣ актерщиковъ, я такъ и сдѣлалъ. Какъ ни ревѣла музыка, какъ ни наяривалъ на преужасномъ басѣ какой-то проказникъ, я и не смотрѣлъ на нихъ; и хоть смѣшно было, мочи нѣтъ, глядѣть на этого урода-баса и какъ проказникъ въ рукавицѣ подзадоривалъ его ревѣть, но я отворотился отъ него въ другую сторону и сохранилъ свою пассію.

Начался однако же театръ. Вотъ театръ, такъ театръ! я вамъ скажу. Въ этотъ разъ я не былъ олухомъ, какъ вчера; я, по совѣту моего пріятеля, смотрѣлъ и занимался только тѣмъ, за что деньги заплатилъ, т. е. театромъ; и правду сказать, было чѣмъ заняться и захохотаться.

Это былъ не просто театръ, а исторія; не умѣю вамъ сказать, выдуманная ли, или настоящая. Только и выйди къ намъ на глаза сама Дидона... фу! баба отличная, ражая! Да убранство на ней прелесть! Эта баба и Расскажи всѣмъ, при всѣхъ, что она любитъ — какъ говорится до положенія ризъ — какого-то Энея; онъ конечно былъ и молодець, но не больше какъ прудіусъ, такъ, живчикъ; и я подмѣтилъ, что онъ... такъ, а не то, чтобы жениться. А напрасно. И я, и всякій посовѣтовалъ бы ему: одно то, что на ней убранство и богателей столько, что было бы чѣмъ вѣкъ прожить. Такъ нѣтъ же! Надобно-де ему куда-то уѣхать. Можетъ была другая сударка, ну, такъ и извинительно. Надобно же на-бѣду, что въ эту бабу, Дидону, не знаю далѣе, какъ звали ее, да влюбись... ну, уродъ! мурза! арапъ! Да какъ влюбился! такъ на ножъ и лѣзетъ! Какъ онъ станетъ расписывать свои лютыя страсти, тутъ при всѣхъ при насъ... я такъ и ложусь отъ смѣха!... Не вытерпѣть никто, такъ смѣшно вдавали, т. е. комедію пускали, или, какъ должно говорить, „представляли“.

Видите ли? я сперва думалъ, что это идетъ по натурѣ, т. е. настоящее, да такъ и принималъ, и потужилъ немного, какъ Дидона въ огонь бросилась. Ну, думаю: пропала душа, чорту баранъ! Анъ не тутъ-то было! Какъ кончился пятый театръ, тутъ и закричали: Дидону, Дидону! чтобъ-дескать вышла на показъ, цѣла ли, не обгорѣла ли? Она и выйди, какъ ни въ чемъ не бывало, и уборка не измята.

Тутъ я и отлялъ штучку, которая много всѣхъ позабавила. Видите ли? вчерашній пріятель сказалъ, что будетъ театръ: Дидона и опера. Вотъ я вижу и слышу, что эту бабу зовутъ Дидоною; а тутъ другая при ней, кое-что прошебечетъ, какъ канареечка, да и спрячется домой. Я и заключи, что это „Опера“. А дѣвчоночка, цѣлое канальство! Бѣла, румяна... ну, однимъ словомъ, приглянулась мнѣ. Какъ она выйдетъ къ намъ, я самъ не свой. Грѣшное дѣло и прошлое дѣло, признаюсь: мнѣ показалось, что она взглянула на меня, да такъ—бестія—нравственно, что я никакъ не выдержалъ, подмигнулъ ей, не очень, а такъ деликатно, съ маленькимъ приклонцемъ. Не знаю, примѣтила ли она, поняла ли, догадалась ли, но только уже не выходила. Почувствовавъ позывъ и стремительное желаніе хотъ взглянуть на нее, я, когда отпотчивали Дидону сдѣланіемъ ей чести, отшлепавъ триумфально въ ладоши, я тутъ, узнавъ способъ выкликать и свой предметъ, закричалъ какъ обваренный!

— Опера! Опера! Выйди-жь, Опера, хотъ на часочикъ!

Я вѣдь думалъ, что имя ей „Опера“, по словамъ пріятеля моего.

Смѣхъ, крикъ, хохотъ не дали мнѣ усилить еще крику. Всѣ обратились ко мнѣ, оступили, разспрашиваютъ, кто я, какъ я, чего кричалъ, и обо всемъ хотѣли знать. Натурально, мнѣ таитья не въ чемъ было, а особливо, что они такъ интересно хотятъ все знать. Я и распустился передъ ними и открылъ имъ все, что было на душѣ и за душою. Безъ лести скажу: всѣ были въ восторгѣ и не наслушались меня; усадили меня нѣкоторые между собою и искренно подружались со мною. Растолковали мнѣ, что опера не женщина и не дѣвушка, а такъ, показаніе одно, видъ; не знаю, какъ яснѣе сказать, и что вотъ будутъ сейчасъ передъ нами пускать и оперу.

Ну, да и въ самомъ дѣлѣ! Какъ выпустили оперу съ мужчинами, съ дѣвушками, да какими красотками; да съ пѣснями отличными, при всей гармоніи, такъ я и не зналъ, гдѣ я и что я. А особливо одна!... Посмотришь, снасть все мужская, а она дѣвка, да еще какая? И вдавала всесвѣтнаго тирана, раздавателя мукъ и радостей, каналью Амура, да какъ живо! да какъ хитро! Кто посмотритъ на нее, поду-

*

маеть—она натуральна, анъ нѣтъ: одѣта вся, а это такъ, обманно поддѣлано подъ натуру... ну, не умѣю разсказать и изъяснить; скажу только, что я заливался отъ хохоту, и что чувствовалъ, выразить не умѣю.

Новые мои пріатели восхищались моимъ восторгомъ и не натѣшились надо мною; разспросили, гдѣ я живу, и проч.; я все имъ дружески открывалъ. Съ тѣмъ и разстались, что они обѣщали за мною заѣхать.

— Туляки!—знай твердилъ мой Кузьма, когда я разсказывалъ ему, что я видѣлъ въ тотъ вечеръ и что со мною происходило.—Доходитесь по этимъ комедіямъ до того, что и ѣсть нечего будетъ. Скоро ли пріѣдетъ Иванъ Аванасьевичъ и гдѣ-то мы его отыщемъ? Я какъ разсмотрѣлся, такъ этотъ городъ не Хороль, а лѣсъ, нѣтъ ни входу, ни выходу. И людей много, а не можемъ отыскать дома Ивана Ивановича... Такъ пока найдемъ, а вы знай будете ходить по комедіямъ, да по полтора рубля имъ носить, надолго ли станеть? Уже всего у насъ денегъ дня на три; а какъ сходите завтра, такъ послѣзавтра и сядемъ голодомъ. Такъ высчитывалъ мнѣ Кузьма, а я ему, наоборотъ, рассчитывалъ, сколько я уже имѣю знакомыхъ; не доведутъ до нужды и помогутъ отыскать домъ Ивана Ивановича, гдѣ квартируетъ Иванъ Аванасьевичъ.

Кузьма же на все только и говорилъ:

— Глядите, такъ ли кончится?

Однако же онъ нагналъ мнѣ было раздумья, и я чуть-чуть не рѣшился отложить проходокъ въ театры; но какъ вспомнилъ оперу, т. е. уже настоящую вообразилъ дѣвку, что была Амуромъ; привелъ на память, какъ она поетъ, разныя штучки и на высіе тоны, какъ взлѣзеть, какъ задробенчить, такъ что твои колокола, въ которые звонилъ, бывало, братъ Павлусь-покойникъ!

Все это живо вообразивши, я махнулъ рукою и сказалъ громко: „хоть голодомъ сидѣть буду, а театрами буду потѣшаться“. Съ сими мыслями и уснулъ сладко.

Что же? такъ и вышло. Не успѣлъ проснуться, какъ вчерашніе мои театральные знакомые и прибѣжали за мною, и едва я успѣлъ прифрантиться по-своему, какъ и схватили

меня, да къ себѣ. Пошли ласки, угощенія; всѣ были мною очень довольны, не отходили отъ меня, разспрашивали объ моихъ сокровенностяхъ, т. е. житейскихъ, и я имъ все, отъ самаго дѣтства, рассказывалъ дружески, т. е. прямо.

Я и обѣдалъ съ ними, если можно назвать петербургскіе обѣды обѣдами. Это не обѣдъ, а просто такъ, ничто, — тѣфу! какъ маменька покойница говаривали и при этомъ дѣйствовали. Вообразите: борщу не спрашивай, потому что никто и понятія не имѣеть, какъ составить его. Подадутъ тебѣ на тарелкѣ одну разливную ложку супу, ѣшь и не проси болѣе, не такъ какъ бывало въ наше время: передъ тобою миска, ѣшь себѣ молча, сколько душѣ угодно. Между прочимъ зломъ, вошедшимъ въ составъ жизни нашей и называемымъ французскимъ, выпустили они, плуты, еще свой соусъ. Что же это за соусъ? кушанье, что ли? Совсѣмъ напротивъ: по нынѣшнему называется „блюдо“. И въ самомъ дѣлѣ блюдо-то есть, одно блюдо, да на блюдѣ почитай ничего нѣтъ. Пахнетъ, правда, задорно; но начни получать порцію, такъ прямо по блюду скребешь и ничего не захватишь. Такими-то обѣдами петербуржцы подчиваютъ заѣзжихъ гостей! Такими обѣдами лакомили и меня. Что же? едва существовалъ, а жить и не говори. По моему заключенію, тотъ человѣкъ живетъ и наслаждается жизнью, кто услаждаетъ свой вкусъ и желудокъ. Еще въ юнѣствѣ, а чуть ли не отрочествѣ я сочинилъ такое разсужденіе, и тогда доmine Галушкинскій, выслушавъ, сказалъ: „bene, domine Трушко!“ Слѣдственно, мысль моя неоспорима.

Вотъ на такихъ-то обѣдахъ, посидѣвши голоднымъ, я совсѣмъ было исчахъ и рѣшилъ поддержать силы и здоровье своимъ произведеніемъ. Заказалъ въ этомъ чудномъ Лондонѣ, гдѣ я, по необходимости, квартировалъ, свои собственныя блюда: борщъ съ молодою индейкою, поросенокъ въ хрѣну, сладкое, утку съ рыжиками, гуся жаренаго съ капустою и вареники. Только вообразите же! глупый кухаръ отказался готовить, что у него такихъ продуктовъ нѣтъ, а о вареникахъ онъ и понятія не имѣлъ.

— Кузьма! а что? — послѣ долгаго осматриванія кухаря, стоявшаго передо мною, спросилъ я своего Кузьму.

— Тула, туляки!—сказалъ меланхолично Кузьма, стряхивая посредствомъ щелканья съ пальцевъ табакъ, понюханый имъ.

— Да такъ!— отвѣчалъ я ему послѣ долгаго думанья.

Кухарь ушелъ, а Кузьма, конечно сжался надъ моимъ патриотизмомъ, вызвался навормить меня варениками, сказавъ:

— Не велика штука! я и самъ ихъ налѣплю, былъ бы достатокъ.

— За достаткомъ дѣло не станетъ—сказалъ я, и пошелъ покупать чего нужно, а Кузьма принялся доставать муки.

Ну, хитрый же городъ этотъ Петербургъ! Пошелъ я по лавкамъ вдоль. Такъ что же? выбѣгаютъ, бестѣи, и почти за полы хватаютъ, тащатъ къ себѣ въ лавку и кричатъ: „пожалуйте, господинъ пріѣзжій!“ НВ. Надобно знать, что я извѣстенъ былъ всему городу Петербургу и, гдѣ бы ни явился, тотчасъ меня спрашивали, давно ли я изъ Малороссіи. Такъ вотъ даже и купчики знали; съ полною охотою предлагали свои услуги и, почитая меня богатымъ, рекомендовали свои товары: тотъ бархатъ, атласъ, парчи, штофы, матеріи; другой ситцы, полотна; оттуда кричатъ: вотъ сапоги, шляпы! и то и се и все прочее, такъ что, еслибы я былъ богатъ, какъ царь Фараонъ, такъ тогда бы только могъ искупить все предлагаемое мнѣ этимъ пространнымъ купечествомъ. Но что же? и тутъ не безъ хитростей. Уговорять, убѣждать, упросить зайти непременно въ лавку, увѣряя, что все у нихъ найду; зайдешь, спросишь, чего мнѣ надо... а мнѣ нужно было сыру на вареники... спросишь, такъ и надуются и „никакъ нѣту-съ, мы этимъ не торгуемъ!“ скажетъ, отворотился и пошелъ другихъ зазывать.

Ну, ужъ народецъ! послушайте далѣе.

Выморившись порядочно отъ ходьбы по лавкамъ, насилу имѣлъ удовольствіе услышать: „у насъ-де продается сыръ; сколько вамъ его угодно?“

— Я и самъ не знаю сколько мнѣ угодно, а отвѣсь, голубчикъ, сколько нужно на двѣ персоны для варениковъ!—сказалъ я, желая полакомить нашу земельскою пищею вѣрнаго моего Кузьму.

Купецъ былъ такъ вѣжливъ, что предоставлялъ мнѣ на волю взять, сколько хочу, и я приказалъ подать... Что же... и теперь смѣхъ беретъ, какъ вспомню! Вообразите, что въ этомъ хитромъ городѣ сыръ совсѣмъ не то, что у насъ. Это кусокъ — просто — мыла! будь я бестія, если лгу! мыло, голое мыло — и по зрѣнію, и по вкусу, и по обонянію, и по всѣмъ чувствамъ. Пересмѣявшись во внутренности своей, рѣшилса взять кусокъ, чтобъ дать и Кузьмѣ понятіе о петербургскомъ сырѣ. Принесъ къ нему, показываю и говорю:

— Кузьма! а что это?...

Онъ, не думавши, тотчасъ и рѣшилъ:

— Мыло. А на что оно намъ?

— На вареники, говорю я аллегорично.

Онъ стоялъ долго, выпуча на меня глаза, потомъ сказалъ:

— А давно мы стали собаками, чтобъ намъ ѣсть мыло?

— Отвѣдай! говорю я.

Онъ отвѣдалъ.

— А что? говорю я.

— Чортъ знаетъ что: ни мыло, ни сало! — сказалъ онъ рѣшительно. Долго мы, совѣтовавшись, не придумали, какъ съ этимъ сыромъ дѣлать вареники. Послѣ того уже узнали мы, что въ Петербургѣ, гдѣ все идетъ деликатно и манерно, нашъ настоящій сыръ называется „творогъ“. Но уже насъ съ Кузьмою не поддѣли, и мы рѣшились оставаться безъ варениковъ. То-то чужая сторона!

Пожалуйте же! я, кажется, совсѣмъ отбилса отъ матери; обращаюсь къ своей цѣли. Съ этими пріятелями и другими подружившимися со мною, я проводилъ время препріятно. Каждый разъ они водили меня съ собою въ театры, и тамъ я такъ привыкъ, какъ будто дома. Не боялся новсе чертей, въ адскомъ пламени горѣвшихъ; не любовался и не прельщался актерщицами; я зналъ, что это не натура, а такъ, вдаютъ только. Черти такіе же люди, какъ и я, пламя ихъ не жгуще; красота актерщицъ не истинная, а такъ, красками подведено для нравственности мужчинамъ. Все это узнавши, я до того въ театрахъ бывалъ бодръ и смѣлъ, что, заложивъ руки въ боковые карманы моего необходимаго платья, прохаживалса себѣ бодро и негляже ни на кого.

Объявили, что будетъ театръ „Коза“ и какая-то „Рара“ *). Дай посмотрѣть и этого дива! Пріятели меня привели. Правда, козы не было, но за то и штука была преотмѣнная! Вѣрите ли? какъ запоютъ актерщицы, такъ даже въ ухахъ звенить. Прелестъ! А тутъ выскочить въ нимъ актерщикъ, да и станеть подлаживать подъ ихъ; да какъ ставаются онъ и поидеть басовымъ голосомъ, а тутъ музыка рѣжетъ свое; такъ я вамъ скажу: такая гармонія на душѣ и по всѣмъ чувствамъ разольется, что невольно станеть клонить ко сну. Невольно чмокаешь и губы утираешь. Да мало ли чудесъ видѣлъ я въ этомъ подлинно комедномъ домѣ, что должно называть „театръ“! Вдругъ садъ; не успѣешь налюбоваться, глазомъ мигнуть; уже и домъ, а тамъ городъ, пустыня, море... какъ это дѣлается—и теперь, хоть сейчасъ убейте меня, не объясню вамъ, потому что не понимаю ничего!... А балеты? вотъ высокая прелестъ! Это, изволите видѣть, танцующа дѣйствуютъ, а дѣйствуя танцуютъ... Но и танцы ничего; а вотъ плясуньи, танцорки, такъ это, будь я бестія! сойти съ ума. Молодо, ужасно красиво, да какъ высоко одѣто, да какъ живо, вертляво!... а какъ скакнетъ, закружится, подниметь ножку... высокая, самая высокая прелестъ!... каналы, да и полно! Черезъ силу оставишь театръ, придеши домой—плясуньи въ глазахъ; ляжешь—плясуньи тутъ, и продумаешь всю ночь о высокихъ прелестяхъ неподобныхъ плясуньевъ, которыхъ у насъ, въ Хоролѣ, и не говори когда-либо увидѣть! куда!

Въ одинъ театръ, только что мои милыя со всѣмъ усердіемъ расплясались въ лѣсу, я слушаю, восхищаюсь, и былъ готовъ вздремнуть; вездѣ все тихо, будто и все уснуло; вдругъ, сзади насъ, раздается громкій, рѣзкій голосъ: „Панычу, говъ!“ Все засуетилось, всполошилось; многіе вскочили, актерщицы замолчали, музыка смѣшалась... слышенъ шумъ; кого-то тискаютъ, удерживаютъ, а онъ барахтается и кричить: „та гетьте, пустите, я за панычемъ!“ Всѣ смотрятъ туда, и я за ними... глядь! анъ это бѣдный мой Кузьма попался въ истязаніе!...

Жалость меня взяла; я бросился на выручку моего вѣрнаго Кузьмы, а его уже подхватили подъ руки и ведутъ, не

*) Соза гага, гремѣвшая въ то время опера.

слушая моихъ увѣреній, что это мой Кузьма... Куда! такъ и исчезъ въ глазахъ моихъ!

Ужъ мнѣ было не до театровъ и не до актерщицъ; пропадай все, жаль одного Кузьмы. Мы съ нимъ двое заѣзжіе были, теперь я одинъ остался, а его, можетъ, запроторятъ на край свѣта. Въ такихъ чувствительныхъ мысляхъ отправился я домой... глядь! въ квартирѣ сидитъ у меня Иванъ Аванасьевичъ, мой повѣренный Горбъ-Маявецкій.

Вотъ какъ это случилось, что онъ меня неумышленно нашель.

Пріѣхавши въ этотъ Петербургъ, онъ прямо къ Ивану Ивановичу... меня нѣтъ и не было. Принялись они разыскивать; стояло въ запискѣ, что я вѣхалъ, но гдѣ остановился, никто изъ начальствующихъ не заботился. Меня и безъ того всѣ знали. Горбъ-Маявецкій подумалъ-было, что я и совсѣмъ пропалъ, и недоумѣвалъ, какъ безъ меня начать дѣло, потому что некому было отхватывать: „къ сему прошенію“... Какъ вдругъ попадается ему книжечка, да не такая, чтобъ книжечка настоящая, а такъ, чепуха. Изволите видѣть: Петербургъ хитрый городъ, и люди въ немъ живутъ на всѣ руки. Нѣкоторые и примутся за особый промыселъ. Дѣло не дѣло, правда не правда, слышалъ или выдумалъ, да все это въ строку; напишетъ, отпечатаетъ въ книжечку, да и разсылаетъ по городу и по всему свѣту. Состряпавши одну принимается за другую, и такъ черезъ весь годъ; а за все это денежки лупятъ. Какъ же надобно, чтобъ застоя не было, такъ онъ въ своихъ книжечкахъ дуетъ, что зря. Тамъ и любовь всѣхъ сортовъ, и всякая механика, и про пирожное, и про актерщицъ, и про сапоги... однимъ словомъ, про все, что этому проказнику на мысль придетъ. Какъ же не всегда у человѣка мысли бываютъ, такъ онъ и пустится по улицамъ, что подмѣтитъ, а что, ходя, выдумаетъ, да тотчасъ и въ списокъ, что при себѣ такъ и носить.

Хитрый городъ!

Въ одинъ день этотъ публичный балагуръ и пріѣди къ рѣкѣ; увидя меня, и познакомься со мною; вотъ какъ я рассказывалъ, да всѣ мои рѣчи, что я тогда, сидя надъ рѣкою Невою, ему по дружбѣ говорилъ, умныя и, такъ, расхожія, всѣ въ списокъ за назуху, да и домой; а тамъ въ свою ени-

жечку, да въ печать, хвативши, правду сказать, многое и на душу ради смѣха, да и ославь меня по всей подсолнечной. Пошли читать всѣ.

Эта книжечка, какова ни есть, попадись въ руки моему Горбь-Маявецкому. Прочиталь, и узналь меня живьемъ. Принялся отыскивать; отыскаль Петербургскій Лондонъ, а меня нѣтъ, я люблюсь актерщицами. Онъ Кузьму за мною: призови, дескать, его ко мнѣ. Кузьма отыскаль театръ, да и вошелъ въ него. Какъ же уже послѣдній театръ былъ, и на исходѣ, то никто его и не остановилъ. Войдя, увидѣль кучу народу, а въ лѣсу барышни гуляютъ; онъ и подумаль, что и я тамъ гдѣ съ ними загулялся. Вотъ и сталъ по-своему вызывать.

Не дешево достался ему этотъ вызовъ! Его потащили и заперли въ преисподнюю, пока до завтра, а тогда въ разспросъ. Пошелъ Кузьма городить околесную! Онъ говорилъ дѣло, да его не понимали. Онъ правильно отвѣчалъ, что прѣхалъ изъ Хорола съ панычемъ съ Трофимомъ съ Миновичемъ съ Халявскимъ; что я ему нуженъ былъ, и потому онъ и звалъ меня. Ему дали памятное наставленіе, чтобы онъ впередъ иначе отыскивалъ своего господина, а Кузьма, этимъ не удовольствовавшись, началъ спорить и доказывать, что когда панычъ ему нуженъ, такъ онъ вездѣ пойдетъ и будетъ кричать, отыскивая его. Чтобы убѣдить его, что онъ ошибается, ему поручили чистить улицы, и вечеромъ, не накормивши, прислали его ко мнѣ. Но досталось же и притѣснителямъ его. Куда! Кузьма цѣлый вечеръ ругательски ихъ ругаль и, лежа въ своей конурѣ, все вертѣль шиши и посылалъ въ ту сторону, гдѣ его такъ поучили. И подѣломъ имъ! Такъ напасть на безвиннаго человѣка и обругать его!

Радость ваша при свиданіи съ Иваномъ Аванасьевичемъ была неописанна. Онъ радовался тому, что отыскаль меня; а я радовался, что нашель его. Онъ боялся за меня, что меня, неопытнаго, незнающаго свѣта, одного въ чужихъ людяхъ оберутъ, обманутъ (NB. Не на таковскаго напали! Только и обобрали въ Тулѣ, да въ театрѣ за лишніе билетники, да за сапоги, что я купилъ себѣ щегольскіе, смазные, и подошвы были не пришиты, а приклеены; обобрали еще меня разные парьемыхеры, цырюльники и проч.; издержаль мно-

гонько денегъ для вспоможенія бѣднымъ; но это въ счетъ нейдетъ. Вотъ только и лишняго расхода. Куда меня обмануть кому-либо!); я же обрадовался, нашедши Ивана Аѳанасьевича потому, что у меня не оставалось вовсе денегъ; и на-завтра не только обѣдать, но и въ театры идти не съ чѣмъ было.

Спасибо ему: онъ рассчитался за меня съ хозяиномъ Лондона, и хотя много шумѣлъ, что лишняго много было на меня приписано, чего я и не употреблялъ вовсе, но долженъ былъ заплатить, и вывезъ меня въ домъ къ Ивану Ивановичу, пріятелю своему.

Прошу же поворно отыскать домъ Ивана Ивановича, когда онъ былъ очень далеко и въ такомъ глухомъ мѣстѣ, что и достигнуть къ нему не можно было! Но домикъ очень порядочный, комнатъ шесть, и въ нашемъ Хоролѣ онъ былъ бы изъ первыхъ.

Ивану Аѳанасьевичу ничто не нравилось въ моемъ одѣянн и во всей наружности: вслѣдствіе чего обшить я былъ съ головы до ногъ снова. Фу, ты канальство! что за франтъ вышелъ изъ меня! Сапоги со скрипомъ, фалды у кафтана такъ и болтаются; въ карманѣ платокъ бѣлый, чистенькій на каждый день, съ красными краюшками. Все было мило и щегольски. Я не могъ налюбоваться собою. Давалъ мнѣ деньги и на радости жизни, наприм. въ театры, на апельсины и др. лакомства. Самъ же онъ занялся по моему дѣлу, а я обязанъ былъ разъ пять въ день подписывать ненавистное мнѣ „къ сему прошенію“. Одинъ разъ повезъ меня къ судьямъ, у коихъ было мое дѣло; безъ надобности, а такъ, для блезиру, напоказъ. Каждый изъ судей заговаривалъ со мною меланхолично, и при мнѣ говорили, что я жалкій молодой человекъ, безъ образованія. Не знаю, что они разумѣли; но я былъ очень хорошо образованъ: платье все по послѣдней модѣ, волосы на головѣ завиты, взъерошены, распудрены... Какого же образованія? Больше я къ нимъ не пожелалъ ѣздить, и Иванъ Аѳанасьевичъ не находилъ въ томъ надобности.

Получивши отличное, щегольское образованіе и не имѣвши чѣмъ заняться, я не хотѣлъ по пусту сидѣть дома. Притомъ же возгорѣлась во мнѣ прежняя мыслишка, чтобы женить себя. Гдѣ удобнѣе это сдѣлать, какъ не въ Петер-

бургѣ? Женскаго пола тѣма-тѣмущая, и каждая—красавица, и каждая имѣеть все необходимое показаться въ свѣтѣ, потому что вѣчно увидишь ихъ вучи на улицахъ, или гуляющихъ, или по дѣламъ своимъ идущихъ. Выбирай только люблю. Но я располагалъ иначе. Выбрать на улицѣ изъ встрѣчающихся—это никуда не годится, и мнѣ ли, пану Халявскому, такъ жениться? Хотя, безпристрастно сказать, страстишка велика была: какъ бы ни жениться, да жениться; но я помнилъ все, чѣмъ обязанъ былъ роду своему. Я хотѣлъ, чтобы моя жена имѣла тонъ въ обществѣ, т. е. голосъ звонкій, заглушающій всѣхъ такъ, чтобы изъ-за нея никто не говорилъ; имѣла бы столько разсудка, чтобы могла говорить безпрестанно, хоть цѣлый день (по сему масштабу—говаривалъ доминѣ Галушкинскій—можно измѣрять количество разума въ человѣкѣ: глухой человѣкъ не можетъ-де много говорить), имѣла бы вкусъ во всемъ, какъ въ вареньѣ, такъ и въ соленіи, и звала бы тонкость въ обращеніи съ кормленою птицею; была бы тщательно воспитана, и потому была бы величественна какъ въ объемѣ, такъ и въ округлостяхъ корпораціи. Худыхъ не только женъ, но и вообще людей худыхъ не люблю, по неоспоримому—все же доминѣ Галушкинскимъ изобрѣтенному—силлогизму: что худо, то и не хорошо.

Положивши на мѣрѣ, какой комплекціи мнѣ нужна жена, я полагалъ: пусть лучше въ меня нѣсколько изъ нихъ влюбится, и тогда изъ десятка можно будетъ избрать для меня симметрическую. На таковъ конецъ, разодрѣвшись самымъ щегольскимъ штилемъ, я ходилъ изъ улицы въ улицу... Скажу безъ лести, многія на меня посматривали, и тутъ я долженъ былъ проходить нѣсколько разъ мимо тѣхъ же оконъ, но предметъ страсти моей скрывался, а на ея мѣсто выходилъ слуга и, безъ всякой политики, говорилъ, чтобы я пересталъ глазѣть на окна, а шелъ бы своею дорогою, иначе... ну, чего скрывать петербургскую грубость?.. иначе, говорить, васъ прогоняютъ палкою. Подумаешь—и это Петербургъ? У насъ въ Хоролѣ не такъ!

Бывалъ и въ такихъ улицахъ, гдѣ не только на меня смотрѣли,—кланялись, приглашали къ себѣ. Но... какихъ только людей въ Петербургѣ нѣтъ! Во всѣхъ частяхъ хитрый городъ.

Я все ходилъ, но къ женитьбѣ не подвинулся ни мало; а Иванъ Аѳанасьевичъ покончилъ всѣ свои дѣла и выигралъ мою тяжбу. Присуждено было принадлежащую мнѣ часть возвратить всю сполна, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, и уплатить за всѣ годы слѣдующую мнѣ часть дохода. А что, Петрусь? что взять? Я теперь, какъ выражаются у насъ, цѣлою губою панъ. Роду знатнаго: предокъ мой, при какомъ-то польскомъ королѣ бывши истопникомъ, мышъ, безпокоившую наяснѣйшаго пана круля, ударилъ халявою, т. е. голенищемъ, и убилъ ее до смерти, за что тутъ же пожалованъ шляхетствомъ, наименованъ вас-паномъ Халявскимъ, и въ гербовникъ внесень его гербъ, представляющій разбитую мышъ и сверхъ нея халяву—голенище—орудіе, погубившее ее по неустрашимости моего предка. И такъ прямая, чистая, благородная кровь обращалась въ жилахъ моихъ; самъ собою былъ я очень недурень, даже хорошъ; обороты мои и всѣ ухватки щегольскія; кланялся значительно, ходилъ важно и все-таки хорошо. Что небольшого чина, это ничего: хоть малъ чинъ, но заслуженный. А достатокъ? тѣфу ты, канальство! достатокъ такой, что на, да поди! Сколько душъ, земли, домашней богатели!.. Будь я гунствать, что еслибы не выѣхалъ такъ скоро изъ Петербурга, то вѣрно такую бы сударку подхватилъ, что изъ-подъ ручки посмотрѣтъ.

Но надобно было оставить Петербургъ. А что я въ немъ видѣлъ и какимъ его замѣтилъ? опишу свое мнѣніе.

Санктъ-Петербургъ городъ большой, обширный, пространный, многолюдный. Пышный, огромный, великолѣпный, красивый—все правда; но хитрости въ немъ на каждомъ шагу; такъ тамъ люди заучены. Будто и знакомится, будто и дружится съ вами, а это съ тѣмъ, чтобъ отъ васъ воспользоваться. Я самъ дѣлалъ такъ. Пока отыскалъ своего Горбъ-Маявецкаго и былъ безъ денегъ, то нарочно старался отыскивать побольше пріятелей, чтобы они меня звали съ собою обѣдать и въ театры водили. Обѣдъ, совсѣмъ не обѣдъ, а лишь бы деньги содрать. На театрахъ нѣтъ натуры, а все выманка денегъ: черти не черти, а наряженные люди; будетъ королева, а смотри—она жена актерщика. Всѣ актрисицы вовсе не красавицы, а такъ, подправлены. Въ театръ приглашаютъ, прося сдѣлать честь своимъ посѣщеніемъ, а

денежки берутъ. На нихъ глядя, и многіе хозяева домовъ просятъ знакомыхъ пожаловать откушать; вотъ и накормилъ, да потомъ какъ завинтить ихъ въ карточки, и обѣдъ съ лихою возвратится. Прекрасный полъ точно прекрасенъ, даже бываетъ и очень красенъ, отъ неумѣренности въ придачу себѣ красоты или краски. Вовсе не любовнаго сложенія; на мужской полъ никогда не глядятъ съ любовью, это я на себѣ испыталъ. Такихъ балагуровъ, какъ меня въ книжечкѣ описалъ, не мало: будто для потѣхи другихъ сбываютъ свои книжечки—пустое! они за нихъ деньги пріобрѣтаютъ: иначе, что бы ему за охота ночь и день мучить себя выдумываемъ, да писаньемъ. И все такъ, все такъ, до послѣдняго. Такъ вотъ этотъ Санетъ-Петербургъ! Правда, таковъ былъ при мнѣ, а я въ немъ былъ давно; можетъ, теперь и перемѣнился, какъ и все на свѣтѣ измѣняется.

Но каковъ бы онъ ни былъ, а я въ немъ находился—что формально и доказалъ Лаврентію Степановичу, нашему-таки сосѣду. Онъ-было вздумалъ отвергать, что я-де не былъ въ столицѣ, а это, дескать, я, наслышавшись отъ другихъ про Неву, про театры, про слона и другія драгоценности, выдаю за видѣнное самимъ. Какъ же я припустилъ на него! И началъ ему доказывать—и все петербургскимъ штилемъ, какимъ у насъ не могутъ говорить—что я именно видѣлъ, что за деньги, а что и безъ денегъ: мосты, дома, крѣпости, корабли и все, и все. Такъ онъ и языкъ прикусилъ. То то же!

Надобно сказать правду, какъ мнѣ трудно было, пріѣхавши изъ Хорола, переучивать свой языкъ на петербургскій штиль и говорить все высокопарными словами, коими я описывалъ выше жизнь мою въ столицѣ: такъ тяжело мнѣ было переучиваться на низкій штиль, возвратясь въ Хороль. Вотъ съ этой точки Петербургъ неизъяснимо хорошъ. Сколько въ немъ людей, говорящихъ по часу безъ умолку, да такъ отборно, да такъ высоко, что не поймешь предмета, о чемъ онъ говоритъ и что хочетъ сказать! Завидно! А какъ этакая голова, да испишетъ свои мысли на бумагу, да собьетъ съ того книжечку? Ахъ ты, Боже мой! не разстался бы съ нею, не выпустилъ бы изъ рукъ. Мастерство необыкновенное! именно чудно! Буквы и слова русскія, да прощу толку доискаться? И не говори! глубина премудрости, да и только.

Полюбивши этотъ методъ, я позанялся имъ и довольно-таки успѣлъ. Гдѣ надобно, при окази, блеснуть, я и распущу свою философію... слушаютъ голубчики-провинціалы, развѣся уши, и удивляются моему уму; а мнѣ это и не стоитъ ничего: напоролъ дичи петербургскимъ штилемъ и -- знай нашихъ!

Пустились мы съ Иваномъ Аѳанасьевичемъ въ обратный путь; Кузьма сидѣлъ со мною и тутъ-то онъ мнѣ поразказалъ, каковъ ему показался Петербургъ! Это чудеса! Я умиралъ со смѣху. Онъ обо всемъ судилъ превратно и иначе, нежели я. Когда проѣзжали чрезъ Тулу, я не забылъ его подразнить услужливымъ хозяиномъ; а Кузьма сердился и ругалъ его всячески.

Безъ всякихъ приключеній совершили мы путь, потому что Иванъ Аѳанасьевичъ всемъ распоряжалъ, и благополучно прибыли въ свой Хоролъ. Мой знаменитый родительскій берлинъ безжалостный Горбъ-Маявецкій промѣнялъ на веревочныя постромки, необходимыя въ дорогѣ. Лишась покойнаго экипажа, я всю дорогу трясся въ проклятой кибиткѣ и долженъ былъ пролежать цѣлую недѣлю, пока исправилось все растрясшееся существо мое и поджило избитое во многихъ мѣстахъ.

Горбъ-Маявецкій не отпустилъ меня изъ своего дома, пока-де не окончу дѣла и не приму слѣдуемаго вамъ имѣнія. Пожалуй. Мнѣ очень недурно было жить у него. Его дочь, прежде бывшая Анисинька, а нынѣ ставшая Анисья Ивановна, потому что была дѣвушка уже со всеми формами и въ полной комплекціи, требуемой для невѣсты. Она мнѣ, послѣ дороги, очень приглянулась, и я старался увиваться около нея на петербургскій фасонъ. Анисья Ивановна, замѣтно было, отъ того не прочь: но, какъ дѣвица воспитанная въ пансіонѣ, такъ все дѣйствовала съ маленькою меланхоличностью и ужимками. Напримѣръ, когда мы оставались вдвоемъ, и со всею страстью я смотрѣлъ ей въ глаза, то и она дѣлала мнѣ симметрію и улыбалась такъ же мнѣ, какъ и я ей; но я вздохну, а она молчитъ; я хочу взять ея руку, а она спрячетъ ее подъ фартукъ. Занимаясь съ нею долго сидѣнемъ вдвоемъ и молча, я, ради скуки, предложу ей идти въ проходку, она наморщится и скажетъ: „это неприлично“. Странныя сужденія были у нея: предпочитала

битыхъ два часа сидѣть со мною и молчать, а на прогулку не рѣшалась. Можетъ быть, она находила первое великимъ для себя удовольствіемъ? Я же напротивъ: я не влюблялся въ нее и не былъ въ тому расположенъ, а такъ, дѣйствовалъ по натурѣ и искалъ нравственности. Но что значить судьба, и кто можетъ идти противъ предѣла ея? Вотъ увидите, что тутъ выйдетъ.

Горбъ-Маявецкій, возвращаясь отъ своихъ по судамъ занятій домой, всегда, бывало, подшутить надо мною и скажетъ: „а нашъ молодецъ все около барышни?“—то жена его и промолвить:—это что-то не даромъ. Ужъ нѣтъ ли чего?—Я же, чтобъ показать вѣжливость и что бывалъ на свѣтѣ, шаркну по петербургски и отпущу словцо прямо, просто, по дружески: „Помилуйте, это просто безъ причины, пуръ паса летанъ“. Они на такое петербургское привѣтствіе, не понявъ его, и замолкнутъ.

Хорошо. Въ одинъ день Иванъ Аонасьевичъ, возвращаясь изъ судовъ, началъ мнѣ объяснять довольно аллегорически, что и здѣсь всѣ дѣла мои кончены и велѣно мнѣ принять отъ брата имѣніе.

— Такъ видите ли, заключилъ онъ, какою вы мнѣ благодарностью обязаны? Я, одинъ я, все вамъ это обработалъ.

Тутъ я началъ со всею искренностью и довольно меланхолически благодарить его и показывать ему свою готовность отблагодарить ему, чего онъ пожелаетъ.

— Мнѣ, персонально, ничего не нужно, перервалъ онъ:—но я отецъ; мнѣ дорого счастье моей дочери. Она, я вижу, страдаетъ; я боюсь... и долженъ вамъ открыть... Тутъ онъ нюхалъ табакъ и не находилъ, что сказать.

Я очень ясно понялъ, въ чемъ дѣло и, полагая, что не его, а дочь долженъ отдарить за труды, имъ понесенные, разсудилъ подарить Анисѣ Ивановнѣ золотой перстень, который маменька, очень любя, носила во всю жизнь до самой кончины, и на немъ былъ искусно изображенъ поющій пѣтухъ. Полагая, что такой подарокъ будетъ приличенъ, сказалъ, право, безъ всякаго дурнаго намѣренія: „мое главное желаніе устроить ея счастье (разумѣя перстнемъ), и если мое счастье такое...

— Право!—воскликнулъ Горбъ-Маявецкій:— такъ обними же меня, любезнѣйшій зять!— и съ симъ словомъ обнялъ меня крѣпко, произведя даже икоту — и, не допуская меня ничего сказать, закричалъ относительно: Анисинька! иди, обними своего жениха.

Судьба видно такъ устроила, что ихъ Анисинька стояла въ это время за дверью, потому что, при первомъ словѣ нѣжнаго родителя, она уже и тутъ и—скокъ!—прямо мвѣ на шею и обвила своими руками, и вскрикнула: „твоя на вѣки!...“

Никому бы не повѣрилъ, еслибы не испыталъ самъ, что значить сила любви и сила судьбы? Я говорилъ, что не былъ влюбленъ въ эту Анисиньку и скажу безъ меланхоліи, прямо: есть ли она, нѣтъ ли—для меня было все равно, и если и подпускалъ ей куры, такъ чтобы не быть для нея скучнымъ. При чемъ, какъ въ дѣлѣ прошломъ, фундаментально сознаю, что когда обнялъ меня Иванъ Аванасьевичъ и назвалъ зятемъ, я хотѣлъ объяснить ему все дѣло, и что я, вмѣсто своего сердца, подношу перстень съ пѣтухомъ, и сказалъ бы, точно сказалъ бы; но тутъ встаетъ привести слова стихотворца:

„Знать судьбы такъ желали!“

И я не сказалъ ни пол-слова. А тутъ Анисинька какъ прищепила меня своимъ сердцемъ къ своему сердцу, сдѣлалось столкновение нашихъ сердець, а тутъ, конечно, явился и незванный раздаватель любовнаго пламени, самъ Купидонъ или Амуръ, и поразилъ своею пламенною стрѣлою мое сердце, которое такъ и запылало!... Не думано, не гадало, я очутился страстно влюбленнымъ въ Анисиньку и, будь я бестія! если не отъ одного только ея прикосновения!... Вся кровь моя взволновалась, въ глазахъ зарыбило, ничего ясно не вижу, а кого-то цѣлую, и не пойму, кто и меня цѣлуетъ... Для меня это была восхитительная минута...

И слова ея, въ существѣ своемъ, такъ, флегматическія, но какъ произнесены были ею со всею силою любви, то и отозвались во всѣхъ пружинахъ души моей до того, что и я невольно провозглашалъ:

— Твой на вѣки! какъ я счастливъ!...

— Нѣтъ, я счастлива, что вы избрали меня въ подруги моей жизни, — такъ сказала она, приклонясь къ моему

плечу... О! она была многому обучена, какъ окажется послѣ; знала всю иностранную мѳологію, оттого и отвѣчала съ такою остротою.

Чтобъ показать себя, что я не даромъ жилъ въ большомъ свѣтѣ, я началъ шаркать и хотѣлъ было отпустить какое-нибудь петербургское „банмо“, которыхъ у меня запасено было порядочное количество... но тутъ открылась новая, трогательная картина...

Когда мы упражнялись въ открытіи родившейся въ насъ любви и сообщали другъ другу сладостныя, первоначальныя объятія, тутъ явились родители моей Анисиньки, отнынѣ ставшіе уже моими; начали насъ благословлять и называть сладкими именами: „сынъ... дочь... дѣти... любите другъ друга, будьте счастливы!...“ Я не могъ утерпѣть и пролилъ нѣсколько радостныхъ скорбныхъ слезъ! Отъ сильнаго чувства, я отошелъ въ сторону и предался размышленіямъ: „Кто бы повѣрилъ, чтобы я такъ былъ счастливъ? Насилу нашлась же дѣвушка, которая полюбила меня до того, что безъ принужденія выходитъ за меня. Да еще какая дѣвушка? „Тутъ я началъ смотрѣть на нее глазами страстнаго любовника и нашелъ въ ней все совсѣмъ противное отъ первыхъ моихъ на нее возрѣній. Все то, что было въ ней нехорошо, и даже не нравилось мнѣ, совершенно исчезло, и на то мѣсто все явилось прелестно. На что ни погляди, какъ ни осматривай, все восхитительно! Вотъ какова сила судьбы и сила любви! Кто Трофимъ Мионовичъ Халявскій и кто Анисья Ивановна Горбъ-Маявская? Востокъ и западъ. Гдѣ былъ я и гдѣ она? На сѣверѣ и югѣ. А теперь судьба, все это судьба свела и соединила воедино. Судьба, судьба! Кто противъ тебя?!

Послѣ первыхъ восторговъ и поздравленій новые родители мои начали устраивать благополучіе наше; назначеніемъ для соединенія судьбинъ нашихъ въ одну имъ хотѣлось очень поспѣшить, но Иванъ Аванасьевичъ сказалъ, что ближе не можно, какъ пока утвердится раздѣлъ мой съ братьями. Нечего было дѣлать, отложили.

Во все это время я былъ неотступенъ отъ Анисиньки. И сколько я открылъ въ ней достоинствъ? Тыфу ты, мои батюшки! Во-первыхъ; она бѣгло читала всякую російскую

книгу; скоропись — середка на половинѣ, но, протвердивши, уже не записалась. Играла на клавирѣ вѣскольکو штучекъ и подчасъ на вариациі поднималась. Чуть было только выйду къ ней, она за музыку и примется; не отвѣчаетъ мнѣ ничего, а все улаживаетъ меня пѣсенками. Въ такой степени была любовь ея ко мнѣ! Но когда, съ громомъ музыки, начнетъ пѣть, то... о природа! я ничего разительнѣе не слыхалъ! До того чувства мои оледенятъ, что я нечувствительно усну и сплю крѣпко близъ нея; вселенную забуду! Разбужаютъ уже къ обѣду; а по обѣдѣ опять тѣ же занятія наши. Подумаешь, какъ сильна любовь въ человѣческихъ сердцахъ.

Странное, однакожъ, дѣло. Когда я сижу близъ своей Анисиньки, точно какъ Амуръ близъ Венеры, тутъ я чувствую всю силу любви, страстный пламень жжетъ меня, и я сѣтую на медленность въ совершеніи нашего брака. Готовъ былъ бы въ тотъ же день все покончить. Эти чувства владѣли мною при ней. Но лишь спускалъ ее съ глазъ, чувствовалъ въ себѣ довольно равнодушія. Даже и не влекло меня къ ней никакое внутреннее стремленіе. Что же! Я забывалъ даже, что я сговоренъ и обладаю такою прелестною невѣстою; но лишь выйду къ утру изъ вѣжливости, глядь на нее, и какъ порохъ вспыхну... къ ней — и не отхожу отъ нея вплоть до вечера. Это, конечно, было во мнѣ бореніе природы съ любовью. Когда я оставлялъ любовь при Анисинькѣ и уходилъ отъ нея, тогда природа торжествовала; когда же я встрѣчался съ Анисинькою, тогда любовь, неотлучная спутница ея прелестей, нападала на меня и прогоняла, или усыпляла природу. Другой дефиниціи, по методу Галушкинскаго, я не могъ вывести.

Скажу признательно, т. е. по совѣсти: бракъ этотъ казался мнѣ унизительнымъ для текущей во мнѣ знаменитой крови древняго благородствомъ дома Халявскихъ. Изволите видѣть: Иванъ Аванасьевичъ былъ прежде Иванька, и, по проворству въ своихъ оборотахъ, отданъ былъ помѣщикомъ своимъ Горбуновскимъ (древняго рода) въ наученіе одному ходаку по дѣламъ, сирѣчь повѣренному, для приученія къ хожденію по тяжбынымъ дѣламъ, конхъ у пана Горбуновскаго по разнымъ судамъ была бездна, для хожденія по коимъ хотѣлось ему имѣть своего собственнаго повѣреннаго, на коемъ

*

онъ могъ бы взыскать, въ случаѣ проигрыша какой тяжбы; поелику наемные повѣренные часто предавались противникамъ пана Горбуновскаго и разоряли его нещадно разнородными требованіями. Иванька Маяченко скоро набилъ руку въ дѣлахъ до того, что товарищи его по ремеслу боялись состязаться съ нимъ. Тяжбы своего пана Горбуновскаго размножилъ онъ до невѣроятности. Изъ каждаго процесса, кон десятками считались, онъ развилъ по шести, по семи. Столѣтія нужны для окончанія всѣхъ ихъ.

При подписаніи сотенъ прошеній, Иванька Маяченко подсулъ пану Горбуновскому отпускную себѣ въ роды родовъ и на вѣчныя времена; а тотъ, не читавъ, да и подмахни. Хорошо. Вотъ Иванька и опредѣлился въ какую-то канцелярію и выслужилъ чинъ, и сталъ уже Иванъ Маявецкій. Панъ Горбуновскій, за своими процессами, этого и не знаетъ, знай подписываетъ, да вмѣстѣ и подпиши, что Иванъ Маявецкій происходитъ отъ одного съ нимъ рода благородной крови, въ древности именовавшагося Горбъ, по коему онъ и пишется Горбуновскій; а другая отрасль, отъ одного Горба происходящая, пишется Горбъ-Маявецкій, отъ коихъ истинно и безспорно произошелъ сей Иванъ Аѳанасьевичъ Горбъ-Маявецкій“ и есть ближайшій ему родственникъ. Съ такою бумагою Иванъ Аѳанасьевичъ пролѣзъ и въ дипломные дворяне и бросилъ всѣ тяжбы своего господина.

Панъ Горбуновскій, узнавъ все дѣло досконально, схитрилъ, зазвалъ къ себѣ бывшаго повѣреннаго, принялъ его чинно, полубоопытствовалъ видѣть дипломы, положилъ ихъ на скамью и на нихъ расположилъ своего повѣреннаго... да какъ отчистилъ!... что тотъ на-силу всталъ. Панъ Горбуновскій прочиталъ тогда всѣ бумаги, призналъ и подтвердилъ правильность ихъ, назвалъ его своимъ родственникомъ и чинно отпустилъ во-свояси. Вотъ ходъ дѣла, по коему Иванька Маяченко сдѣлался изъ крестьянъ пана Горбуновскаго самъ Иваномъ Аѳанасьевичемъ Горбъ-Маявецкимъ и новымъ своимъ родителемъ.

Такое происхожденіе меня крѣпко щекотало, и что бы сказали батенька, еслибы отъ нихъ зависѣло согласіе на мой бракъ? Ни за что бы не согласились смѣшать кровь свою съ холопскою. А еслибы и маменька вздумали дожить до

сего времени? Тѣ бы уже и руками и ногами забрыкали, не соглашаясь, чтобы ихъ невѣстка „была письменная“. О маменька, маменька, встаньте хоть на часокъ изъ гроба и рассмотрите дѣло! Вы увидите, что уже необходимо женскому полу имѣть умъ. Безъ того нельзя. Необходимо знать и науки. Нынче онѣ уже не занимаются вашими благодатными предметами, предоставили это своимъ служанкамъ-экономкамъ, а сами... Но что говорить! ихъ не переучишь на старый ладъ.

А такимъ-то побытомъ, на Анисинькѣ ли бы я женился или на другой какой, все жена была бы умная и ученая. Въ наше время неизбѣжно зло—имѣть такую жену.

Все это я соображавши въ умѣ своемъ, когда былъ безъ Анисиньки, слѣдовательно, внѣ любви моей, крѣпко морщился отъ неравенства брака, и иногда, подчасъ, приходили разныя мыслишки: то написать письмо и изложить всѣ препятствія и причины къ моему нехотѣнію; или уѣхать, не сказавши куда и зачѣмъ; заѣхать подальше и жить тамъ, пока судьбина съ Анисинькою не устроитъ иначе. Первое средство было для меня тяжело и неудобно-исполнимо: я не могъ терпѣть никакого писанья. Послѣдняго же не могъ исполнить, потому что не имѣлъ ни копѣйки денегъ на дорогу, а безъ того нельзя. Такія мысли колебали меня въ моемъ одиночествѣ; но когда я выходилъ въ нашу компанію, Анисинька взглядывала на меня своими черными, блестящими глазами, я цѣловалъ ей на добрый день ручку, вспоминалъ, что скоро всѣми этими драгоценностями буду обладать безспорно, вся моя мехлюдія и пройдетъ, и я запылаю прежнимъ пламенемъ. Подумаешь, какъ любовь сильна и всемогуща! Она не смотритъ на неравенство рода, на низость крови; все равняетъ, заставляетъ презрѣть все и искать однихъ наслажденій своихъ.

Не всегда мы занимались музыкою въ нашемъ полюбѣнномъ обращеніи. Когда наскучить Анисинькѣ бренчать на клавирѣ, она и пристанетъ ко мнѣ: „полноте дремать; поговоримте, какъ мы будемъ жить?“

Тутъ я ободрюсь и пущусь въ разсужденія. По всѣмъ предметамъ у насъ будетъ идти ладно, но въ одномъ мы не соглашались тогда, и даже въ супружеской жизни,—это дѣти. Анисинька увѣряла, что очень хорошо и должно имѣть дѣ-

тей побольше, разныхъ половъ, потому-де, что сыновья переженятся, дочери выйдутъ замужъ, семейство будетъ большое; съѣдутся, будетъ весело—игры, пляски и разныя потѣхи. НВ. Анисинька была веселой комплекціи, любила танцовать и хорошо плясывала. Ужъ какъ отожжетъ „казачекъ“ и всѣ двѣнадцать фигуръ какъ орѣшекъ раскусить... О! она въ пансіонѣ воспитывалась. Такъ вотъ пожалуйста же, обратимся къ нашей матеріи. Я же, напротивъ, желалъ небольшого количества дѣтей: двѣ-три штуки—и баста! Знаю по себѣ, сколько насъ было у батеньки: шумъ, пискъ, визгъ! Куда за всѣми присмотрѣть, приодѣть ихъ? А выростутъ? Шалости, проказы, своевольства... Не хочу большого числа дѣтей.

Анисинька было и разсердился, а я тутъ и поддамся; начну аллегорически соглашаться, а тутъ свое думаю. Поддался ей и помирился. Въ одинъ день, среди такихъ нѣжностей, она спросила у меня: если такъ страстно люблю ее, то чѣмъ это докажу? Я доказательство любви моей общалъ выразить на бумагѣ и завтра представить ей. Она обрадовалась несказанно, даже поцѣловала меня, и съ гримасою, на петербургскій штиль, сказала мнѣ:

— Такъ папенька и маменька говорятъ, что нужно меня обезпечить на счетъ моего вдовства...

Я, занятый моимъ проспектомъ, спѣшилъ удалиться отъ нея и не очень взялъ въ толкъ слова ея, почитая ихъ за вліяніе нѣжностей, пошелъ себѣ и расположился думать... въ чемъ по времени и успѣлъ. А вотъ что: всѣ увѣренія, всѣ клятвы, всѣ нѣжности къ живой женѣ, все можно принять за лесть, за алегорію, за критику. Нѣтъ, голубушка! умри! вотъ тутъ-то я истощусь въ горести, распотѣшу тебя моимъ отчаяніемъ! Но какъ ты будешь уже мертва, слѣдовательно, не увидишь и не узнаешь мѣры моей горести, такъ лучше я опишу теперь же, какъ буду по тебѣ сходить съ ума, сколько волосъ оборву и какъ лютому отчаянью предамся. Читай и плачь о будущей моей горести. Такъ положивши, я приступилъ къ дѣлу: по методу доmine Галушкинскаго составилъ мѣрку на стихи, схватилъ бумагу, перо и пошелъ писать!... У, какъ я писалъ! И что ни стихъ, то все мужской, а тамъ женскій; и такъ все въ перемежку, и

ни одинъ стихъ не перешелъ чрезъ мѣрку; все въ обрѣзъ. Рифмы же были самыя богатѣйшія: дешевле полтины и не спрашивай. А вотъ и сюжетъ.

Начинаю просьбою, чтобы она умерла и скорѣе, дабы я могъ доказать любовь свою горестью такою, такою скорбію, отчаяніемъ такимъ и такимъ, и пошелъ, пошелъ, все чѣмъ далѣе, тѣмъ все выше тономъ, все выше тономъ, и наконецъ дописался до того, что пишу— „умеръ и самъ“.

На другое утро торжественно отнесъ ей свою—какъ бы назвать по ученому?—не пѣснь... ну, эпиграмму. Она прочла, и при первыхъ строчкахъ измѣнилась въ лицѣ, бумагу изодрала—а у меня и копѣи не осталось—побѣжала къ новой моей родительницѣ; но та, спасибо ей! была женщина умная и съ разсудкомъ: она, не захотѣвши знать, за что мы поссорились, приказала намъ помириться и такъ уладила все дѣло.

Ставши опять на любовной точкѣ, мы сдружились снова, и тутъ моя Анисинька сказала, что она ожидала другого доказательства любви моей, а именно: какъ я-де богатъ, а она бѣдная дѣвушка, а въ случаѣ моей смерти, братья мои оберутъ все, а ее, прогнавши, заставятъ по-міру таскаться: такъ, въ предупрежденіе того, не худо бы мнѣ укрѣпить ей часть имѣнія...

Я съ радостью тотчасъ согласился, но все же аллегорически, какъ и о количествѣ дѣтей, а думалъ свое, чѣмъ и успѣлъ совершенно обратить ее ко мнѣ и поставить на прочномъ основаніи.

Новый родитель мой, желая поспѣшить устроеніемъ счастья моего, предварительно оканчивалъ раздѣлъ нашъ. На таковъ конецъ просилъ предводителя миротворствомъ кончить между нами. Предводитель созвалъ насъ всѣхъ братьевъ, бывшихъ на ту пору дома, и началъ намъ говорить все умное и дѣльное. Какая добрая душа была у него, такъ и сохрани Богъ! Самыхъ честнѣйшихъ правилъ человѣкъ! Началъ съ того, что намъ, роднымъ, не должно ссориться, а раздѣлиться по согласію; а затѣмъ и приступилъ къ росписанью жеребьевъ и предложилъ намъ взять ихъ. Мы вынули жеребьи, и всякій изъ насъ остался доволенъ своею частью.

Слѣдовало брату Петрусю удовлетворить насъ каждого доходами на часть всякаго брата, потому что онъ одинъ пользовался всѣмъ, а намъ давалъ иному мало, а иному, какъ и мнѣ, вовсе ничего. Батюшки! какая пошла тутъ рѣзня! меньшіе братья, еслибы не при предводителѣ, на кулаки готовы были выдти! Посмотрите же, что можетъ одинъ благо-разумный человѣкъ сдѣлать съ разгорячившимися. Часа черезъ два, насилу онъ уломалъ и Петруся и насъ всѣхъ подписать бумагу, сколько кому слѣдуетъ получить. На мою долю приходило значительное количество тысячъ рублей.

Надобно еще обратиться за нѣсколько времени впередъ. Одинъ изъ ближайшихъ сродниковъ батенькиныхъ былъ человѣкъ отличнаго отъ нашего времени ума, много путешествовалъ по всѣмъ предѣламъ Россійскаго государства, и что подмѣтитъ любопытненькое, то и купить. Такимъ побытомъ, онъ приобрѣлъ довольное количество трубокъ и табакерокъ различныхъ сортовъ, сѣдель, ошейниковъ собачьихъ, перочинныхъ ножичковъ, шляпъ курьезныхъ, пуговицъ всякихъ комплекцій и другихъ подобныхъ тому курьезныхъ вещей. На что и для чего? кромѣ его никто не скажетъ; но надобно отдать справедливость: всѣ эти вещи были отличной доброты и фасона. Кромѣ того онъ, по комплекціи своей, очень любилъ книги. И какихъ книгъ не собиралъ онъ?! Это прелесть! Теперь такихъ книгъ и у разнощиковъ не отыщешь. Какъ теперь нѣсколько помню, тамъ были: Походженія Клевеланда, побочнаго сына Кромвеля; Приключенія Маркиза Г.; Любовный Вертоградъ Камбера и Арисены; Бокъ и Зюльба; Экономическій Магазинъ; Полиціона, Храбраго Царевича и Херсона, сына его, и разн. мног. другія отличныхъ титуловъ. Да все книги томныя, не по одной, а нѣсколько подъ однимъ званіемъ; одной какого-то государства исторіи, да какого-то аббата, книгъ по 10-ти. Да въ какомъ все переплетѣ? заглядѣнье! все въ кожаномъ, и листы отъ краски такъ слѣпившіеся, что съ трудомъ и раздерешь.

Вотъ этотъ родственникъ, всѣ эти вещи и книги тщательно хранилъ, и уложенныхъ въ короба никогда не разворачивалъ, боясь подвергнуть все это изъязну, и въ такомъ положеніи умеръ. Какъ же былъ бездѣтень, то, по мѣрѣ любви своей, отказалъ сродственникамъ, по назначенію, вещи.

По особенной аттенціи своей къ моему батенькѣ, отказалъ имъ свое книгохранилище. Когда все это привезено было къ батенькѣ, то они сначала разозлились—было очень за такой, по ихъ размышленію, вздоръ; а походявъ долго по двору и разсудивъ со всѣхъ сторонъ, рѣшили принять, сказавъ:

— Можетъ, мои хлопцы—т. е. мы, сыновья его—будутъ глупѣ меня, не придумаютъ, чѣмъ полезнѣйшимъ заняться, какъ только книгами. Спрятать ихъ бережненько.

Вотъ это книгохранилище и запрятали въ погребъ, гдѣ стояли бочки съ наливками. Такъ оно и пребыло до тепершняго момента раздѣла.

Раздѣлившись всякою рухлядью, у насъ дошло и до книгъ. Какъ ими дѣлиться, вопросъ былъ нерѣшимый. Петрусь какъ геній ума, тотчасъ меланхолично предложилъ: выбрать ему слѣдующее количество книгъ, по числу всей массы; за нимъ выбираю я столько же, и такъ далѣе, до послѣдняго брата, коему доставается остатокъ. Меньшіе братья мои, бывъ натуральны, за книгами не гонялись и, чтобъ показать нравственность старшему брату, тотчасъ и согласились; но я, я, санктпетербургскій жилецъ, слѣдовательно, почерпнувшій и тамошнія хитрости, я предложилъ новый методъ дѣлиться книгами, едва ли гдѣ до насъ бывавшій и весьма полезный по своей естественности и который должны принять за образецъ всѣ братья, раздѣляющіе отцовское книгохранилище. Вотъ мой методъ: „Братъ Петрусь! вы у насъ старшій, вы берите 1-й томъ; я, по старшинству за вами, возьму второй, за мною беретъ Сидорунка третій, Офремунка четвертый и Егорушка пятый. Это книги томныя. А одиночки и оставшія изъ томныхъ, за недостающимъ числомъ братьевъ, поставитъ по порядку и братъ каждому по книгѣ, начиная съ старшаго брата“. Методъ мой очень понравился предводителю; онъ, отъ удовольствія, такъ и прыснулъ и залился смѣхомъ, и очень похвалилъ мою выдумку. Такъ Петрусь же на стѣну полѣзъ! Кричитъ, споритъ и требуетъ, чтобъ интересная книга не была раздѣляема. „Покорный слуга! Такъ это и отдай всего Клевеланда, а самому <тютю>? Нѣтъ, любезнѣйшій братецъ! книга рѣдкая, интересная, и я хоть частичку ея желаю имѣть. Что за нужда: вторая, четвертая ли; безъ начала ли повѣсть, безъ развязки ли Клевеландъ—мое

мнѣ по праву наслѣдства принадлежащее... Не уступлю ни за какія предложенія“. Такъ я рѣзалъ брату Петрусь. И хотя онъ геній, но я петербур... не знаю, какъ дописать?—гецъ или жецъ?—онъ съ умомъ, а я съ хитростью, я и переспорилъ его; а меньшіе братья шли по вѣтру; кто громче кричалъ, они съ тѣмъ и соглашались. Настоящая маменькина комплекція была у нихъ; а особливо въ предметъ, не интересующемъ ихъ; начни же обсчитывать ихъ въ рублѣ, тутъ вспыхнетъ батенькина природа, и рѣзаться готовы.

Такимъ побытомъ удержавъ свое право, я изъ всѣхъ отличныхъ книгъ получилъ вторые и седьмые томы. Братъ Петрусь, пересмотрѣвъ свои, какъ взабѣгается, что у него неполныя сочиненія. Меньшихъ братьевъ тотчасъ и одурилъ: предложилъ имъ первые томы отличнаго Пѣсенника, сочиненнаго Михайломъ Чулковымъ и Россійскаго Театра, сочиненія Веревкина; тѣ, по глупости, и обмѣнялись на какія-то хозяйственныя. Захотѣлъ-было и меня „надуть“, какъ говаривалъ доминѣ Галушкинскій. Крѣпко ему хотѣлось отжилить доставшіяся мнѣ вторыя части Экономическаго Магазина, не помню, чьего сочиненія, и Мирамонда, сочиненія знаменитаго и навсегда безсмертнаго О. Эмина. Предлагалъ мнѣ какую-то архитектуру съ рисунками. А на чорта мнѣ она? Я не плотникъ; а хорошенькое, ради скуки, люблю и самъ прочитывать. Сколько братъ ни бился, сколько ни просилъ, но я твердо помнилъ правило, постановленное у насъ на случай раздѣлокъ чего: брату хочется, — не уступай ни за какія предложенія, ни за какія просьбы; благо имѣешь случай причинить досаду тому, кто беретъ у тебя слѣдующее тебѣ. Не будь его на свѣтѣ, тебѣ не нужно бы и дѣлиться. И я удержалъ книгу за собою, къ немалому увеселенію нашего почтеннаго предводителя, который во все время похвалялъ какъ выдумку, такъ и твердость мою и довольно хохоталъ.

Оставался еще одинъ спорный пунктъ. Былъ одинъ особнячекъ, десятивъ двадцать, и на немъ лѣсу строевого двѣнадцатъ десятивъ, и въ немъ садъ изъ отличныхъ прищепъ различныхъ сортовъ. Батенька покойникъ съ большимъ тщавіемъ доставали изъ Опошни прививокъ плодовыхъ и сами своими руками щепили и окулировали. Однимъ словомъ, садъ былъ чудесный! въ саду пасѣвка, ульевъ до двухсотъ;

при немъ прудъ съ рыбою и мельница, дававшая доходъ. Мѣстечко это нравилось всѣмъ намъ, и ни одинъ изъ братьевъ не соглашался уступить другому ни пол-ступня. Крику и упрекамъ не было конца.

Бѣдный предводитель, уговаривая насъ, выбился изъ силъ. За меня стоялъ новый родитель мой, Иванъ Аванасьевичъ, и какими-то словами такъ спуталъ братьевъ всѣхъ, что тѣ... пикъ-пикъ!... замялись, и это мѣсто вотъ-вотъ досталось бы мнѣ, какъ братъ Петрусь, бывъ, какъ я всегда говорилъ о немъ, человѣкъ необыкновеннаго ума и, въ случаѣ неудачи, бросающій одну цѣль и нападающій на другую, чтобъ смѣшать все, вдругъ опрокидывается на моего новаго родителя, упрекаетъ его, что онъ овладѣлъ моимъ разсудкомъ, обобралъ меня и принуждаетъ меня, слабого, неразсудливаго жениться на своей дочери, забывъ то, что онъ, Иванъ Аванасьевичъ, изъ подлаго происхожденія и бывший подданный пана Горбуновскаго...

Господи! Какъ же взбѣсился мой новый родитель! Тотчасъ запротестовался въ началѣ Петруси произнести личную ему обиду, а тутъ и началъ упреками, укорами, доказами въ такихъ дѣлахъ, что это прелесть! Съ грязью его смѣшалъ! И пошло, пошло! Кстати тутъ сказать, что и я вступился за свою обиду. Какъ такъ публично назвать меня неразсудливымъ, а будущую жену мою—подлаго рода? Мы съ нимъ имѣли процессъ и выиграли его. Стоило намъ каждому до пяти сотъ, а присудили Петруся заплатить новому родителю моему безчестья два рубля пятьдесятъ копѣекъ, а противъ меня быть впередъ скромнѣе. А что Петрусь? что взялъ? Побѣда была на нашей сторонѣ. Но это дѣло особъ-сторона: рассказана пятилѣтняя тяжба для близиру. Обратимся къ нашему предмету.

Какъ ни мучился предводитель съ нами, но ничего не успѣлъ; а мы, досадуя одинъ на другого и не желая, чтобъ кто изъ насъ получилъ выгоду отъ того хуторка, рѣшили: лѣсъ и садъ изрубить, пчель перебить и медомъ раздѣлиться, плотину уничтожить. Каждый изъ насъ торжествовалъ и въ глаза шикалъ другъ другу: „А что взялъ? Воспользовался садочкомъ, медкомъ отъ пчель? Вотъ возьмешь!“ Предводитель насилу насъ разнялъ и, кончивъ дѣло, почти прогналъ

отъ себя. На этомъ мирѣ мы больше перессорились, нежели до того были, и уже никогда не были въ ладу, исключая встрѣчающейся надобности одного въ другомъ. Тогда нуждающійся и пріѣдетъ, примирится аллегорически; да какъ успѣетъ въ своемъ желаніи, снова зассорится, насмѣхается, что тотъ повѣрилъ ему—и пошло попрежнему.

Я очень удивился, когда Петрусь, при предложеніи удовлетворить меня въ неимѣннн дома, предложилъ мнѣ жить въ своемъ домѣ. А каковъ этотъ домъ, такъ это картина! Каменный, въ два этажа, подъ желѣзомъ, не бойся ничего. Въ каждомъ этажѣ по двѣнадцати комнатъ. Чудо! Это такой домъ сварганилъ братъ Петрусь. Необыкновенный умъ! Вотъ онъ, съ перваго слова, даетъ мнѣ цѣлый этажъ, да еще верхній, парадный, отлично изукрашенный, и даетъ съ тѣмъ, что каждый изъ насъ есть полный хозяинъ своего этажа, (Петрусь оставилъ за собою нижній, а мнѣ, какъ будущему женому, парадный) и имѣетъ полное право, по своему вкусу, передѣлывать, ломать и перемѣнять, не спрашивая одинъ у другого ни совѣта, ни согласія. Хорошо. На томъ кончили, подписали бумаги и потомъ всѣ статьи, вмѣсто примиренія, кончили, какъ я описалъ. Предводитель даже перекрестился, проводивъ насъ, и потомъ вездѣ описывалъ насъ весьма невыгодно. Ему извинительно. Онъ пришелъ къ намъ изъ другой губерніи, и это первое встрѣтилось ему казусное дѣло наше. Потомъ онъ прикусилъ языкъ. Гдѣ дѣлежъ, тамъ и ссора. Богатые ссорятся, что есть чѣмъ дѣлиться; а бѣдные ссорятся, что нечѣмъ дѣлиться. Это не нами выдуманно.

Еще вотъ въ чемъ чуденъ мнѣ предводитель. Слышалъ я, что онъ, по сторонамъ рассказывая о нашемъ дѣлежѣ, винилъ моихъ батеньку и маменьку, что не заботились о нашемъ воспитаніи и не поселили въ насъ благородныхъ правилъ. Наше воспитаніе было всѣмъ видимо; своими же дѣтьми не могъ похвалиться: сухія и тощія, точно щепки. А правила намъ преподавали и панъ Кнышевскій, и доминѣ Галушкинскій по всѣмъ предметамъ. Какія же другія правила были бы у насъ, кромѣ благородныхъ, когда мы самые благороднѣйшіе и въ насъ течетъ древняя дворянская кровь? Не нравилось предводителю то, что мы за свое рѣзались и, при лишнемъ рублѣ, забывали, что дѣло имѣемъ съ родными

братьями. Такъ это, по его правиламъ, что брату только по-правилось, такъ и уступай ему, а самъ довольствуйся его нѣжными обниманьями? Нѣтъ, прошу погодить! Это они вводятъ такой методъ, а будетъ ли онъ полезенъ частно, еще увидимъ. По моему разсужденію, братъ ли онъ мнѣ, свать ли, а своего, на ножъ готовъ, не уступлю. Много можно бы объ этомъ наговорить, но нынѣшніе люди не поймутъ насъ. Замолчимъ и обратимся къ пріятнѣйшему сюжету.

Съ окончаніемъ раздѣла, пресѣклись всѣ препятствія къ судьбѣ моей. Новый родитель мой вывелъ счетъ, что стоила поѣздка въ С.-Петербургъ, жизнь тамъ и здѣсь у него въ домѣ, всѣ расходы по дѣлу, и на все это требовалъ отъ меня заемнаго письма—это ргіто. Потомъ, находя необходимымъ, чтобы моя жена принесла мнѣ отличное приданое, заказалъ все доставить изъ Полтавы и изъ Роменской ярмарки; все же на мой счетъ. А въ заключеніе тестюшка мой расчислилъ, сколько придется на часть женѣ моей, если я умру, изъ движимаго и недвижимаго, и на все это поднесъ мнѣ для подписанія бумагу, укрѣпляющую ей все это заживо при мнѣ. Но нѣтъ, новый мой батенька! Я вамъ не Горбъ, прежній вашъ помѣщикъ, съ которымъ вы, что хотѣли, то и дѣлали; я вамъ не поддамся.

Посмотрѣвъ бумаги и разочтя, я увидѣлъ, что Анисинька будетъ для меня очень недешева. За всю сумму, платимую за нее, можно бы купить порядочную деревню, а тутъ я беру одну только штуку. Сообразивши все это, я началъ не соглашаться и деликатно объяснять, что не хочу такъ дорого платить за жену, которая, если пришлось уже правду сказать, не очень мнѣ-то и нравится (Анисиньки въ тѣ поры не было здѣсь, и потому я былъ внѣ любви), и если я соглашался жениться на ней, такъ это изъ вѣжливости, за его участіе въ дѣлахъ моихъ; чувствуя же, послѣ поѣздки въ Санктъ-Петербургъ (тутъ, для важности, я выговаривалъ всякое слово особо и выразно), въ себѣ необыкновенныя способности, я могу найти жену лучше его дочери — и все такое я объяснялъ ему.

Новый или, лучше сказать, сомнительный батенька мой сконфузился крѣпко отъ моихъ объясненій чистосердечныхъ, вспотѣлъ, утирался и, собравшись съ духомъ, началъ грозить:—

да какъ! — и грозилъ судомъ, исканіемъ безчестья, вѣчнымъ процессомъ; но я, какъ гора, былъ твердъ и уже начиналъ было разгорячаться, а избави Богъ мнѣ разгорячиться! Тутъ я никого и ничѣмъ не уважаю; не слушая ничего, наговорю такого, что и въ душу не полѣзеть; но въ отвращеніе всего этого, вдругъ гдѣ ни возьмись — Анисинька! Кажется, отецъ мигнулъ, чтобъ за нею сходили. Она, въ легкомъ уборствѣ, какъ-то располагающемъ въ любви, вдругъ выскочила и, сломя голову, прямо мнѣ на шею... плутовка! знала силу своихъ прелестей!.. и ну меня обнимать, прижимать, ласкать, цѣловать и разными невинными именами называть. „Онъ подпишетъ“, то-и-дѣло кричить: „онъ подпишетъ; онъ умница, онъ душенька, онъ красавчикъ“... и се и то, все отъ чистаго сердца мнѣ твердитъ: „онъ подпишетъ!..“

Бухъ!.. осыпаямъ ея ласками, вѣжностями, не возражая ничего, я освободилъ изъ ея рукъ свою и подписалъ все, что мнѣ ни подложили. И кто бы не подписалъ даже смертнаго на себя приговора, если-бы побуждала его къ тому молоденькая дѣвушка, въ утреннемъ платьѣ, полузакрывающемъ все завѣтное, охватившая своими ручками, цѣлующая васъ... не она, такъ канальскія прелести ея убѣдятъ, какъ и меня. Я ни о чемъ не думалъ, ничего не расчислялъ, а только глядѣлъ... нѣтъ! скажу прямо; велика сила любви надъ нами смертными!..

Какъ скоро я подписалъ все, такъ все приняло другой видъ. Анисинька ушла къ себѣ, а родители принялись распорядять всѣмъ къ свадьбѣ. Со мною были ласковы и обращали все, и даже мой слова, въ шутку, что и я, спокойствія ради, подтверждалъ. Не на стѣну же мнѣ лѣзть, когда дѣло такъ далеко зашло: я видѣлъ, что уже невозможно было разрушить. Почмыхивалъ иногда самъ съ собою, но меня прельщали будущія наслажденія!

Не замедлило все устроиться. Приданое все привезли — и что за отличное было! — сшили, уладили все, уложили назначили день свадьбы и пригласили ровно сорокъ человѣкъ гостей.

Надобно вамъ сказать, что новая моя родительница была изъ настоящей дворянской фамиліи, но бѣдной и очень многочисленной. Новый родитель мой женился на ней для под-

держанія своей амбиціи, что у меня-де жена дворянка и много родныхъ, все благородныя. Тетушекъ и дядюшекъ было несмѣтное множество, а о братьяхъ и сестрахъ съ племянничествомъ въ разныхъ степеяхъ и говорить нечего. Оттого-то столько набралось званныхъ по необходимости.

Какъ ни заботился новый мой батенька, чтобы ни передъ кѣмъ изъ званныхъ не упустить ничего изъ вѣжливости, дабы не навлечь себѣ непріятностей, но не остерегся. Пославши ко всѣмъ письма, отъ одного числа, къ одной двоюродной племянницѣ писалъ уже на завтрашній день. Та, узнавъ о такой ошибкѣ, прислала къ намъ съ большимъ упрекомъ, что Иванъ Аванасевичъ и все его глупое семейство уважаетъ троюродныхъ больше нежели двоюродныхъ, что прислалъ къ ней приглашеніе послѣ всѣхъ; что послѣ этого, будь она проклятая дочь, если не только на свадьбу, но и никогда къ намъ не будетъ, знать насъ не хочетъ и презирать будетъ вѣчно.

Одной тетужвой у меня стало меньше—что дѣлать!

Насталъ день свадьбы. Съ вечера еще съѣхались всѣ гости и гуляли на дѣвичникѣ безъ всякихъ счетовъ. Анисивьяка моя была весела, чѣмъ и возбуждала любовь мою, отчего и я былъ въ куражѣ и старался знакомиться съ новыми родными; но, отъ множества ихъ, путался въ именахъ и называлъ одного вмѣсто другого. Угощеніе было всѣмъ ровное и отличное.

Въ день же, назначенный для перемѣны судьбы моей, я разрядился, какъ только можно лучше, по самой послѣдней модѣ, въ Санктъ-Петербургѣ мнѣ сшитой и притомъ добавилъ, чѣмъ только могъ, чтобъ казаться совершенно санктъ-петербургскимъ франтомъ. Отъ восхищенія собою и оттого, что я, наконецъ, женюсь, я земли не слышалъ подъ собою; не оставлялъ ни одного зеркала, чтобы не полюбоваться собою; безпрестанно оборачивалъ голову, любуясь мотающимся у меня назади пучкомъ, связаннымъ изъ толстой моей косы. Прическа волосъ была на мнѣ отлично устроена парикмахеромъ городничаго, въ малолѣтствѣ учившимся также въ Санктъ-Петербургѣ. Я также любовался стальными пуговицами на кафтанѣ и безпрестанно наводилъ ихъ на солнце, чтобы отсвѣчивали на стѣну. Камзолъ у меня былъ вышитъ

разными шелками, да какъ искусно! Пряжки на ногахъ и далѣе, блестящія... однимъ словомъ, совершенный петиметръ!

Когда собрались всѣ гости и усѣлись чинно, тогда вывели—не Анисиньку уже—а Анисью Ивановну. Тьфу, ты бабушки! Что за деликатесь! Какъ пава выплыла.

Убранство на ней было все преизрядное и драгоценное!

— Брильянтъ! воскликнулъ я самъ себѣ, глядя на нее.

Въ самомъ дѣлѣ, было на что посмотрѣть! Не умѣю описать, какъ она была убрана, а знаю, что блеску много было. Я утопалъ въ восхищеніи, зная, что это все мое и для нея купленное.

Насъ благословили и обвѣнчали, какъ водится. Одинъ изъ родныхъ былъ одѣтъ маршаломъ, украшенъ цвѣтными перевязями и съ пребольшимъ жезломъ, также изукрашеннымъ развѣвающимися разноцвѣтными лентами. Шесть шаферовъ, съ алыми бантами на рукавѣ, исполняли всѣ его препорученія. Эти чиновники предшествовали намъ къ вѣнцу и отъ вѣнца.

Должно полагать, что я былъ очень хорошъ, когда стоялъ подъ вѣнцомъ. Всѣ тутъ присутствовавшія дѣвушки смотрѣли на меня съ удовольствіемъ и тихо перешептывались между собою. Нельзя же иначе. Во мнѣ была тѣмъ пріятностей.

По совершеніи моего счастья, когда мы возвратились въ домъ родителей нашихъ, они встрѣтили насъ съ хлѣбомъ и солью. Хоръ музыкантовъ, изъ шести человекъ, гремѣлъ на всю улицу. Насъ посадили за столъ, и всѣ гости сѣли на указанныя имъ мѣста по расчету маршала.

Не успѣли порядочно усѣсться, какъ одна изъ гостей—она была не кровная родственница, а крестная мать моей Анисьи Ивановны; какъ теперь помню ея имя, Аѳимья Борисовна—во весь голосъ спрашиваетъ мою новую маменьку:

— Алена Ѳомишишна! когда я крестила у васъ Анисью Ивановну, въ какой парѣ я стояла?

— Въ первой, какъ же? въ первой,—отвѣчала моя теща.

— А вотъ эта сударыня? сказала Аѳимья Борисовна, указывая на даму, сидящую выше ея.

— Во второй.

— Отчего же это, когда дѣло дошло до почета, такъ я ступай на запятки, Богъ знаетъ, къ кому? Зачѣмъ она у васъ выше почтена?..

— Кромѣ того, что она и кума, хотя и во второй парѣ, — отвѣчала теща: — но она жена моего троюроднаго брата, такъ потому....

— Такъ потому? ни за что въ свѣтѣ не вытерплю такой обиды! закричала Аеимья Борисовна. Глаза ея расплылись, она вскочила со стула, бросила салфетку на столъ и продолжала кричать: — это-то женился, Богъ знаетъ, на комъ и для чего, можетъ, нужно было поспѣшить, а я терпи поруганіе? Ни за что въ свѣтѣ не останусь... Нога моя у васъ не будетъ... и хотѣла выходить.

Какъ та сударыня, которая сидѣла выше Аеимья Борисовны, вдругъ вскочила, да за руку ее, и ну кричать:

— Пойдите! почему я — сударыня? почему я Богъ знаетъ кто? почему я спѣшила замужествомъ? Докажите! Гости любезные! прошу прислушать. Я на нее подамъ прошеніе. Батюшка Иванъ Аеанасьевичъ, защитите обиженную у васъ въ домѣ. Вы на то хозяинъ...

Та-та, та-та... и пошла схватыва! Обѣ барыни сдѣпились между собою и кричали обѣ вмѣстѣ. Сколько ихъ хозяинъ и маршалъ ни унимали, сколько ни уговаривали, но не могли ничего сдѣлать. Онѣ обѣ уѣхали отъ обѣда, повлывшись не быть никогда у насъ.

Еще двумя тетушками съ костей долой.

По уходѣ ихъ все успокоилось и пошло чинно. Вмѣстѣ съ раздачею горячаго, начались питься здоровья. Начали съ насъ новобрачныхъ. Весело, канальство! когда маршалъ стукнетъ со всей мочи жезломъ о-поль и провричить:

— Здоровье новобрачныхъ, Трофима Мироновича и Анисьи Ивановны Халявскихъ!

Я вамъ говорю, восхитительная минута! Еслибы молодые люди постигали сладость ея, для этого одного спѣшили бы жениться.

Послѣ нашихъ здоровьевъ, или здоровья родителей, родныхъ, посаженныхъ; потомъ дядюшекъ и тетушекъ родныхъ,

двоюродныхъ и далѣе, за ними шла честь братцамъ и сестрицамъ по тому же размѣру... какъ въ этомъ отдѣленіи, когда маршалъ провозгласилъ:

— Здоровье троюроднаго брата новобрачной, Тимоѳея Сергѣевича и супруги его Дарьи Михайловны Гвѣдинскихъ! и стукнулъ жезломъ, вдругъ, въ срединѣ стола встаетъ одна особа, именно: Марко Марковичъ Тютюнъ-Ягелонскій и, обращаясь къ хозяйевамъ, говорить:

— Любезнѣйшій дядюшка, Иванъ Аванасъевичъ и любезнѣйшая тетенька Алена Ѳоминишна! Благодарю васъ всепокорнѣйше за хлѣбъ-соль и угощеніе, а особенно за почетъ вашего двоюроднаго племянника. А отъ дальнѣйшаго угощенія прошу великодушно увольнить!

— Какъ? почему? — спросили новый мой батенька: — Развѣ?...

— Честь моя требуетъ выйти отъ стола, гдѣ данъ преферансъ предо мною троюродному вашему племяннику; а я, кажется, двоюродный...

— Такъ что-жь, что двоюродный? — съ прикрикомъ сказали батенька. — Но ты холостой человѣкъ, а Тимоѳей Сергѣевичъ женатый; ты еще безъ чива, а онъ маіоръ. Посиди, будемъ пить и твое здоровье.

— Въ свиной голосъ? сказалъ азѣртно Тютюнъ-Ягелонскій: — благодарю за честь! Неужели я долженъ быть, когда во мнѣ вашей супруги кровь, и униженъ за то, что у Тимоѳея Сергѣевича пузо въ позолотѣ?

Тимоѳей Сергѣевичъ, какъ маіоръ, имѣлъ на себѣ камзолъ съ позументами и былъ пузастъ.

Маіоръ такъ и вскипѣлъ-было за честь свою, но вдругъ одумался и сказалъ:

— Но я не баба, чтобы изъ пустяковъ портить аппетитъ. Дообѣдаю и поговорю съ тобою.

— Не безпокойтесь ожидать, — сказалъ Тютюнъ-Ягелонскій: — я отказываюсь не только отъ обѣда, но и отъ родства. Нога моя не будетъ у васъ, и не признаю васъ дядею, за оскорбленіе моей чести.

Съ этимъ словомъ ушелъ и онъ.

Вотъ и братецъ одинъ со счета вонъ.

Полагаю, еслибы обѣдъ еще продолжался и пили бы вновь здоровья, то всѣ бы родные нашли причины почитать себя униженными, разсердились и оставили бы насъ однихъ оканчивать свадебный пиръ.

Но остальная часть обѣда кончена благополучно, и всѣ здоровы, по росписанію, допиты покойно. Послѣ обѣда пошли пляски. Надобно было видѣть меня въ польскомъ, какъ я манерно выступалъ съ своею новобрачною! Послѣ нея, я сдѣлалъ честь всѣмъ дамамъ и барышнямъ, проплясалъ я съ ними польскій, и потомъ открылись веселые танцы. Тутъ уже отличалась моя Анисья Ивановна, и какими фигурами она выводила каждую пляску, такъ это на удивленіе! Я могъ бы и самъ пуститься выплясывать: хотя и не учился вовсе, ступить не умѣлъ; но мнѣ, бывшему въ Санктъ-Петербургѣ, все сошло бы съ рукъ: еслибы фальшь какая и замѣчена была, не почли бы за фальшь; подумали бы, что такъ должно выкидывать ногами по-санктпетербургски. И такъ я все сидѣлъ съ скромными старичками и занимался разговорами. Я имъ рассказывалъ о Санктъ-Петербургѣ, о тамошнихъ обычаяхъ, что слышно было тамъ во время моего пребыванія. Слушающіе смотрѣли на меня съ отличнымъ уваженіемъ. Да, у насъ не просто смотрять на того, кто побывалъ въ столичномъ городѣ Санктъ-Петербургѣ. За то же и говори — не бойся, наври, чего хочешь, всему повѣрять. Они почитаютъ, что тамъ-то все необыкновенное. Издали — такъ; а побывай, вотъ какъ и я побывалъ, осмотри все съ такимъ примѣчаніемъ, какъ и я, такъ, право... ну, лучше замолчу.

Какую же отлилъ со всѣми нами штуку братъ Петрусь, такъ на удивленіе! Бывъ ума необыкновеннаго и духа предпріимчиваго, вздумалъ такъ всѣхъ насъ обидѣть, что никому бы подобное и на мысль не пришло.

Среди развалу нашего веселья, когда молодые танцуютъ, а степенные люди сидятъ и угощаются жидкостями, вдругъ подають письмо моему новому батенькѣ. Они, полагая, что есть нѣчто важное, при всѣхъ распечатываютъ; прочтя нѣсколько блѣднѣютъ, комкаютъ письмо, бросаются схватить посланнаго, но его и духу нѣтъ, словно исчезъ. Оправив-

*

пись не скоро отъ своего смущенія, потомъ показали мнѣ это ужасное письмо... и что же? Какой-то Терешка Маяченко, якобы дядя Ивана Аванасьевича, моего новаго родителя, пишетъ въ нему и пеняетъ, что не позвалъ его, какъ ближайшаго своего родственника, на свадьбу своей дочечки Ониськи и проч. такое.

Ни этого дяди нѣтъ на свѣтѣ, никто и письма не писалъ; а это братъ Петрусь отлилъ такую штуку, чтобы узвить моего батеньку и меня. Ему, конечно, досадно было, что я, и моложе его, но уже наслаждаюсь брачною жизнію, а онъ сидитъ въ холостыхъ. Вотъ онъ и за насмѣшки. Почеркъ его я тотчасъ узналъ и сказалъ новому батенькѣ. Они было взбѣсались сначала куда какъ! Письмо приобщить къ дѣлу, подать новое на Петруся прошеніе, просить о безчестіи!... но потомъ и присѣли, затихли и замолчали, а письмо уничтожили; видно, боялись, что по слѣдствію открылось бы, что Терешка въ самомъ дѣлѣ ближайшій намъ родственникъ.

Затѣйливый духъ Петруся этимъ не удовольствовался: онъ еще придумалъ новое намъ огорченіе. Утромъ очень рано, на другой день свадьбы, когда я еще въ „храмѣ любви“, т. е. въ парадной спальнѣ, покоился на роскошной постели и погруженъ былъ въ сладкій сонъ, вдругъ услышалъ я страшный стукъ въ дверь, запертую отъ насъ. Испуганный, бросился я къ дверямъ и, не отпирая, спрашивалъ: кто стучитъ и зачѣмъ?

— Трофимъ Мионовичъ! сказалъ громко грубый голосъ: скажите подданной пана Горбуновскаго, Аниськѣ, что теперь у васъ, чтобы скорѣе поспѣшила къ своему барину на кухню мыть посуду...

Поспѣшно схватилъ я верхнее платье, отперъ дверь, бросился за дерзкимъ, кликнулъ людей; но нигдѣ не могли его найти, а сказывали, что у воротъ останавливалась тройка и въ повозкѣ сидѣлъ братъ Петрусь. Его великаго ума была эта новая мнѣ обида, о которой я не сказалъ ни батенькѣ, ни даже моей Анисьѣ Ивановнѣ. Она была въ глубокомъ снѣ и ничего не слышала.

Утромъ, послѣ обыкновенныхъ поклоненій родителямъ, поднесенія имъ отъ меня подарковъ, ими же для себя купленныхъ, и принявъ отъ нихъ кучи желаній здоровья, благо-

получія, многочадія и всего, всего, со всею щедростью желаемого, мы приступили обдаривать новых моих родственниковъ. Но какъ ни заботились, чтобы каждому было приличное и соразмѣрно степени родства, но не предусмотрѣли всего и навлекли непріятности.

Маіору подарили серебрянаго газету на камзолъ. Онъ, разсмотрѣвъ, швырнулъ его въ глаза Анисѣ Ивановнѣ, сказавъ:

— Нейдетъ, голубушка, серебра дарить мнѣ на камзолъ, когда я выслужилъ золотой...

Онъ былъ пѣхотный маіоръ и носилъ красный камзолъ съ золотыми галунами.

Особливо отъ женскаго пола было много упрековъ: одна сердилась, что подаренная ей матерія вовсе будетъ не къ лицу, и она будетъ казаться старѣе, нежели есть; другая швыряла свой подарокъ съ презрѣніемъ затѣмъ, что дальней родственницѣ поднесли лучше, нежели ей, ближайшей. Были расчеты и въ томъ, кому прежде и кому послѣ поднесли подарокъ. Пожилая дѣвушка, обидясь, что ей дарили темнаго цвѣта матерію, а не свѣтлаго, швырнула мнѣ, новому родственнику, и сказала:

— Возмите назадъ себѣ: какъ умереть ваша жена, такъ покройте ее этою дрянью.

Вотъ такова-то отъ всѣхъ была благодарность, если не за усердіе, такъ за долгъ нашъ, исполненный нами весьма неохотно, а въ особенности мною, потому что все это накуплено было на мой счетъ. Споръ, упреки, обидныя слова слышными были отъ нихъ во все утро, и всѣ эти обиженные родные послѣ обѣда (а обѣдать остались-таки) тотчасъ и разѣхались.

Мы не были этимъ огорчены, постигая, что они такъ поступили отъ аллегоріи; притворно обижались, чтобы не соблюсти политики и не отдавать насъ взаимно! Мы ожидали такого пассажа отъ нихъ.

Отдохнувъ немного послѣ свадебнаго шума, новые мои родители начали предлагать мнѣ, чтобы я переѣхалъ съ женою въ свою деревню, потому что имъ-де наглядно цѣлую насъ семью содержать на своемъ иждивеніи. Я поспѣшилъ

отправиться, чтобъ устроить все къ нашей жизни — и, признаться, сильное имѣлъ желаніе дать свадебный балъ для всѣхъ сосѣдей и для тѣхъ гордыхъ нѣкогда дѣвушекъ, кои за меня не хотѣли первоначально выдти. Каково имъ будетъ глядѣть на меня, что я и безъ нихъ женился! Пусть мучатся!

Фу, какой знатный домъ братъ-Петрусь взбудоражилъ, такъ это на удивленіе! И верхній этажъ мой!... Да какія комнаты, какое убранство!... Туда пойдешь, тамъ зеркало и кресла, сюда посмотришь, тутъ софы и столы... да чего? все и вездѣ было аккуратно, и я, какъ бывшій въ столицѣ, тотчасъ замѣтилъ, что все по санктпетербургскому методу. Чрезвычайно меня восхитилъ дворецкій, сказавъ, что хотя всѣ эти вещи и убранство барина его, Петра Мироновича; но какъ ихъ некуда снести, то они останутся въ моемъ распоряженіи до времени, съ тѣмъ однакожь, чтобы все было въ цѣлости сдано и безспорно! Я охотно согласился и секретно благодарилъ брата за такое снисхожденіе. Гдѣ бы я могъ достать столько отличныхъ вещей и въ такое короткое время?

Осмотрѣвъ все въ домѣ, я озаботился рассмотреть и расчислить, буду ли имѣть возможность дать желаемый балъ? Къ утѣшенію моему, все было въ порядкѣ и ни въ чемъ не было недостатка. Птицы и прочей живности, по методу маменьки покойницы выкормленной, равно и прочаго всего было въ изобиліи; оставалось накутить винъ и всего нужнаго, и я былъ въ состояніи все это сдѣлать; денегъ хотя издержалъ много, но братъ Петрусь долженъ мнѣ былъ болѣе того, и векселекъ отъ него лежитъ у меня за пазухою. Я рѣшился блеснуть. Новый мой батенька зазывалъ сорокъ персонъ, а я катнулъ на восемьдесятъ. Знай нашихъ Халявскихъ! Цѣлый вечеръ, и даже за полночь, я, все отъ скуки безъ жены, писалъ зазывныя письма, и только къ свѣту уснулъ.

Что же? въ самое то время, когда я находился въ пріятнѣйшемъ положеніи и, говоря по-пѣнитически, божокъ Мороей осыпалъ меня маковыми цвѣтами, т. е. когда я, со всею нѣжностью, спалъ сладкимъ сномъ, вдругъ разбуженъ былъ страшнымъ ревомъ и гуломъ!... Отъ сна мнѣ показалось, что это новая моя родительница шумитъ со служанками, что я, живши у нихъ, слышалъ каждое утро; но нѣтъ, прислушавшись, нашелъ, что все еще грубѣе и сильнѣе. Посылаю чело-

вѣка узнать, что это такое? и мнѣ говорятъ, что это братъ Петрусь забавляется, приказавъ своимъ псарямъ трубить во всѣ рога изо всей мочи. Мало того: туда же приведены были собаки, кои подняли ужасный вой.

Я разсердился ужасно и послалъ Петрусѣ сказать, чтобъ онъ унялся съ своею чертовою музыкою и не мѣшалъ бы мнѣ спать.

„Онъ въ своей половинѣ дома можетъ дѣлать, что хочетъ, а я въ своей поступаю по своей волѣ“, — былъ отвѣтъ Петруси — и гулъ роговъ усилился, собаки снова завыли и прибавилось еще порсканье псарей.

Что прикажете дѣлать? Петрусь имѣлъ право поступать у себя, какъ хочетъ, и я не могъ ему запретить. Подумывалъ пойти къ нему и по-братски поискать съ нимъ примиренія, но амбиція запрещала мнѣ унижаться и кланяться передъ нимъ. Пусть, думаю, торжествуетъ; будетъ время, отомщу и я ему.

Я съ нимъ не встрѣчался; но когда, распорядивши все, собирался ѣхать къ своимъ, то — нечего дѣлать! — послалъ къ нему сказать мой поклонъ, что я дня черезъ три буду съ моею женою, а въ слѣдующее воскресенье будетъ у меня здѣсь свадебный балъ, и что гости уже званы, такъ чтобы сдѣлалъ мнѣ братское одолженіе, не трубилъ бы по утрамъ и ничѣмъ бы не беспокоилъ насъ по ночамъ и во время бала, за что останусь ему вѣчно благодарнымъ.

Къ удивленію моему, онъ поручилъ мнѣ отвѣчать деликатно, что во все время, пока проживетъ здѣсь любезнѣйшая его невѣстушка, онъ ни ее, ни гостей моихъ не обезпокоитъ ничѣмъ.

Я поѣхалъ покойнѣе, и хотя сомнѣвался, чтобы онъ сдержалъ слово, но нечѣмъ было перемѣнить: гости всѣ званы были въ эту деревню, и у меня въ виду не было другого мѣста для бала. Положась на честь брата Петруся, я удалялъ безпокойныя мысли.

Въ домѣ новыхъ моихъ родителей мы скоро уложили свое приданое и отправили въ деревню — повѣрите-ли? — на сорока подводкахъ! Конечно размѣщено на каждую было всего понемногу, но все же сорокъ! Всѣ видѣвшіе этотъ обозъ,

съ любопытствомъ разспрашивали, что везуть? и, увнавъ, восклицали:

Вотъ Горбъ-Маявецкій какой богатый, что столько за одною дочерью дастъ! Да, видно, и панъ Халявскій (до женитьбы моей, меня, какъ обыкновенно, называли только панычомъ, а съ того времени цѣлымъ „паномъ“ величать начали) себѣ на умѣ, что такую подхватилъ!

А того и не знали, что приданое было на мой счетъ сдѣлано, но сужденія ихъ тѣшили мой гоноръ и амбицію.

Прибывъ въ деревню, я располагалъ всѣмъ устройствомъ до послѣдняго: назначилъ квартиры для ожидаемыхъ гостей, снабжалъ всѣмъ необходимымъ, въ домѣ также до послѣдняго хлопоталъ: а моя миленькая Анисья Ивановна, что называется, и пальцемъ ни до чего не дотронулась. Лежала себѣ со всею нѣжностью на роскошной постели, а передъ нею дѣвки шили ей новое платье для балу. Досадно мнѣ было на такое ея равнодушіе; но, по нѣжности чувствъ моихъ, еще вѣсколько къ ней питаемыхъ, извинялъ ее.

Скажу вамъ о нашей перемѣнѣ. Съ самаго дня свадьбы Анисья Ивановна перестала быть ко мнѣ ласкова и не оказывала вовсе нѣжностей, коихъ я ожидалъ и какъ бы слѣдовало отъ новобрачной жены. А оттого, какъ я рассказывалъ вамъ про свою комплекцію, что безъ ея ласкъ не чувствовалъ къ ней любовнаго влеченія, то теперь, по совершеніи брака, я замѣтилъ, что, при ея холодности ко мнѣ, и я дѣлался холоднѣе. Видно реверендиссима Галушкинскій, какъ во всемъ, такъ и въ этомъ, говорилъ правду. Онъ риторически доказывалъ, что божокъ Амуръ есть великій шалунъ и большой мучитель человѣческаго рода, тѣшащійся страданіями насъ, влюбленныхъ. Возжетъ обоюдное пламя и, содѣлавъ нѣжно любящихся счастливыми чрезъ любовь, въ мигъ улетаетъ, исторгнувъ и самыя стрѣлы изъ пронзенныхъ сердець, и тогда на этихъ любовниковъ съ ихъ любовью—хоть наплевать. Видно и мы стали такими. Посмотримъ на послѣдствія.

Ночи мы проводили покойно, т. е. со стороны брата Петруся не было ни трубленія въ рога и никакого шума, какъ онъ и общалъ; но все же не пришелъ познакомиться

съ своею любезнѣйшею невѣсткою, какъ долгъ отъ него требоваль, по решкету къ прекрасному полу. Правда, вѣдь онъ не былъ въ Санктъ-Петербургѣ, какъ, на примѣръ, хотъ бы и я.

Все къ балу уже было устроено. Не было уже у насъ городского „кухара“, какъ въ оное время, при жизни покойниковъ, моихъ истинныхъ родителей; повара ученаго я у себя не имѣлъ и за собою жена въ приданое не привела... Охъ, мнѣ это приданое! Придало оно мнѣ много долгу и потомъ безпокойствъ — выплачивать его!... но не о томъ рѣчь. И такъ какъ простыя куховарки, готовившія намъ кушанья, не могли скомплектовать намъ „званнаго обѣда“ или, какъ называлось это во дни батеѣкыни, „банкета“; то я и долженъ былъ отыскать извѣстнаго своимъ талантомъ повара. Таковой былъ у нашего предводителя. Онъ учился у отличныхъ по этой части вѣмцевъ--и, во время открытій намѣстничества въ нашемъ краѣ, былъ при кухнѣ намѣстника. Славился знающимъ свое дѣло и разумѣющимъ кондитерское. Онъ былъ приглашенъ мною; спросилъ на сколько персонъ готовить; договорился въ цѣнѣ и потребоваль дать ему во всемъ волю. При договорѣ я спросилъ у него, на сколько перемѣнъ онъ располагаетъ столъ? Но онъ посмѣялся надъ бывшимъ временемъ, покритиковаль прошедшее, похвалилъ теперешнее и началъ требовать продуктовъ цѣлыя горы.

Вотъ уже и пятница. Къ вечеру пріѣхали наши дражайшіе родители. Мы ихъ встрѣтили со всею политивною и чванно. Они были нами довольны. Хвалили все. Новый мой батенька поощряли меня прилежнѣе наблюдать за хозяйствомъ и извлекать побольше доходовъ; а новая моя маменька настаивали, чтобы я не копилъ денегъ и, не жалѣя ихъ, доставлялъ бы удовольствія, какихъ пожелаетъ жена моя, „яко въ цѣломъ мірѣ единственный другъ мой“. Въ такихъ полезныхъ намъ и приятныхъ, въ особенности для жены моей, а ихъ дочери, совѣтахъ и разговорахъ проведши весь вечеръ, легли покойно спать.

Въ субботу мнѣ понадобилось встать поранѣе и сойти внизъ. Я поспѣшаю на парадную лѣстницу... и вообразите мое удивленіе! не нахожу лѣстницы: она исчезла... сломана отъ самаго низу до верху, и признака не осталось, что

она существовала!.. Не имѣя времени размышлять, отчего и какъ это случилось, я побѣжалъ на домашнюю лѣстницу... и, о ужасъ! и тамъ тоже. Ни малѣйшаго признака лѣстничнаго!.. Я пришелъ въ неизъяснимый восторгъ! Какъ? Я, жена и новые мои родители остались одни въ пустомъ домѣ, какъ въ необитаемомъ островѣ. Мы одни, т. е. одни наши персоны были здѣсь, а все, безъ изыятія все, въ чемъ и до чего мы могли имѣть нужду, все осталось въ кладовыхъ и вообще внизу. Какъ пройти туда? Какъ сойти внизъ? Какъ добраться, куда надобно? Къ вечеру же начнутъ пріѣзжать гости; какъ мы ихъ введемъ, безъ лѣстницъ, къ себѣ? Не на веревкахъ же ихъ поднимать вверхъ и опускать внизъ.

Послѣ такихъ запутанныхъ идей и жестокаго безпокойства мнѣ пришло на мысль: отчего же это лѣстницъ нѣтъ? Не сломалъ ли кто ихъ? и кто бы это такъ наштуровалъ? Стѣсняемый и мыслями и всѣмъ, я началъ сперва ворчать, потомъ говорить, а далѣе уже кричать, стуча отъ гнѣва сильно ногою.

Не увидѣлъ, откуда явился внизу братъ Петрусь и отозвался ко мнѣ, будто и чистосердечно, съ пріѣтствіемъ:

— А здравствуй, любезный Трушко! (прилично ли женатаго человѣка называть полуименемъ? Подите же съ нимъ!) здравствуй? Здорова ли моя вселюбезнѣйшая невѣстухка? Не угодно ли вамъ, по родственному, пожаловать ко мнѣ, чаю напиться?

Я, по собственной моей комплекціи, не подозрѣвая, что онъ говоритъ аллегорикою, съ признаніемъ отвѣчалъ ему, что охотно бы пожаловалъ я и жена моя, но у насъ лѣстницы ни одной не стало...

— Ничего, братецъ! сказалъ онъ, — можно спрыгнуть. Оно не такъ высоко, какъ кажется.

— Хорошо туда; а оттуда какъ? Ты мнѣ, братецъ, скажи, гдѣ дѣвались наши лѣстницы?

— Лѣстницы?... сказалъ меланхолично, какъ будто бы спрашивалъ себѣ стаканъ воды испить — я приказалъ ихъ сломать обѣ.

— На что? — вскрикнулъ я, уже начиная приходить въ азартъ.

— Онѣ были мнѣ вовсе не нужны, такъ я и прива-
заль ихъ сломать.—Сіи слова онъ произносилъ съ великимъ
смѣхомъ, что меня еще болѣе оконфузивало.

— Какъ же вы смѣли ихъ сломать? Какъ же мнѣ быть
безъ лѣстницы? Какъ мнѣ сойти внизъ?

— А мнѣ что до того за дѣло? Нижній этажъ и въ немъ
что ни есть все мое собственное; я властенъ распоряжать.

Какъ сказалъ онъ эти слова, у меня духъ замеръ. Точ-
но такъ. По раздѣлу, при предводителѣ сдѣланному, такъ
точно было постановлено. Теперь я все семейно пропалъ въ
этомъ ужасномъ домѣ, откуда ни намъ сойти, ни къ намъ
никому придти не можно. А темпераментъ Петрусинъ мнѣ
совершенно былъ извѣстенъ: онъ ни за что не скалится надъ
нами, что бы тутъ съ нами ни случилось.

Но, оставляя въ сторонѣ всю мою ссору съ братомъ
Петрусей и все, что вытерпывалъ я отъ теперешней его
шутки, скажу аккуратно, что этакой пассажъ могла произ-
вести только его голова. Разберите въ тонкость, сколько
тутъ необыкновеннаго ума! Увѣряю васъ, что онъ и ногою
не былъ въ Санктъ-Петербургѣ, а какова его хитрость, а?
Приватно увѣряю васъ, что жилецъ санктпетербургскій,
родившійся и выросшій въ этомъ хитромъ городѣ, едва ли
бы выдумалъ такую интермедію! Это прелесть сколько ума!
Конечно, дѣйствіе злое, но очень хитрое, и при всемъ томъ
онъ имѣлъ законное право такъ поступить. Низъ, т. е. ниж-
ній этажъ, есть его собственность.

Мою досаду смѣнила справедливость, а потомъ, какъ
будто въ чужомъ дѣлѣ, взялъ меня смѣхъ, видя, въ какомъ
жалкомъ положеніи мы остаемся.

Братъ Петрусь продолжалъ издѣваться надъ моимъ по-
ложениемъ и преспокойно предлагалъ мнѣ спрыгнуть сверху.
Но, оставивъ его шутки, я начиналъ опасаться, если не
придумаю ничего къ нашему исходу, что послѣдуетъ съ на-
ми? Какъ вотъ явились мой новый батенька, безъ всякаго
убранства, и надъ мѣстомъ, гдѣ была лѣстница, стали, опу-
стя руки и свѣся голову внизъ, всею готовностію посвистать
отъ такого необыкновеннаго казуса.

Вскорѣ явился и нашъ женскій полъ, осужденный вмѣ-
стѣ съ нами на бѣдствія. Это были жена моя и маменька

ея. Онѣ не могли выговорить ни слова, но плакали тихо, а охали громко!...

Новый мой батенька, кажется, стояли просто, но изобрѣли рѣшимость. Они съ большою запальчивостью начали кричать на брата Петруся, все внизу стоявшаго и утѣшавшагося нашимъ неописаннымъ мученіемъ.

— Ты извергъ... ты убійца... ты умышляешь на жизнь нашу... ты разстроишь здоровье наше!... во множествѣ собравшаяся отъ бѣшенства во рту ихъ пѣна, не позволила имъ объяснить дѣло въ подробности.

А Петрусь префлегматично стоялъ себѣ внизу, хохоталъ, и только зналъ, что на всѣ наши требованія и оханья прекраснаго пола отвѣчалъ:

— А мнѣ что за дѣло?... мнѣ все равно... мнѣ нужды нѣтъ!...

Наконецъ новому моему батенькѣ, по сродному имъ благоразумію, котораго у нихъ, правду сказать, была куча—пришла, изъ сожалѣнія къ намъ и собственно къ себѣ, счастливая мысль: подобриться къ брату и поддѣть его разными хитростями, чтобы далъ способъ свободно сходить сверху.

Сколько ни подпущалъ Иванъ Аванасьевичъ разныхъ ему лестей, сколько ни упрашивалъ, какъ ни сильно доказывалъ, что онъ это дѣлаетъ нехорошо, глупо, подло и безчестно, но Петруся ничѣмъ не урезонилъ; наконецъ сказалъ ему: „ну, возьми съ насъ хотя деньги, только устрой сообщеніе“.

Братъ Петрусь обрадовался этому — и начался торгъ. Какъ, впрочемъ, ни шумѣли, какъ ни настаивали новый мой батенька, чтобы Петрусь что-либо уступилъ, но не успѣлъ ничего, и Петрусь не отступилъ отъ своего требованія! уничтожить бумагу, по которой онъ долженъ мнѣ уплатить нѣсколько тысячъ за доходы, имъ полученныя. Дорого, правда, обходилась намъ свобода; но я, еслибы Петрусь потребовалъ, я бы и одинъ изъ хуторовъ отдалъ ему за свободу.

Что дѣлать? Мы находились въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Долго споря и ссорясь, рѣшились мы съ батенькою разорвать вексель Петрусинъ; но для этого надобно было сдѣлать условія, обеспечивающія насъ во всѣхъ предметахъ. Полдень приближался, гости скоро начнутъ при-

ѣзжать, а у насъ вичего не распоряжено, и мы не только не завтракали, но и горячаго не пили. Для уничтоженія этихъ неприятностей, мы, бывшіе въ осадѣ, объявили осадившему насъ Петрусю, что сдаемся на условія, имъ предложенныя, но для приведенія всего въ ясность, нужно Ивану Аванасьевичу слѣзть внизъ и кончить все дѣло.

Приставили лѣстницу, и по ней, какъ условлено было, спустили одного Ивана Аванасьевича. Братъ Петрусь далъ обязательство немедленно уставить лѣстницу, какъ и была она, и во все время бала и даже никогда не снимать ее и, однимъ словомъ, не причинять намъ и гостямъ нашимъ никакого безпокойства. Тогда уничтоженъ былъ и его вексель.

Лѣстницы, которыя не были разорены, а только разобраны, мигомъ поставили и уладили, и мы скоро имѣли удовольствіе воспользоваться свободою; но чего намъ это стоило? Безпокойство замучило меня, если все не устроится къ приѣзду гостей! Принявшись однако же со всѣмъ усердіемъ за распоряженія, я уладилъ все прежде, нежели начали съѣзжаться гости.

Никто не отказался отъ приглашеній, и экипажи поминутно въѣзжали и разводимы были по квартирамъ, прежде для каждаго семейства назначеннымъ. Тамъ они, вырядившись, вечеромъ собрались къ намъ, и время проводили въ пріятныхъ разговорахъ.

Какъ хозяинъ, я обязанъ былъ заводить разговоры, чтобы не скучали гости. Любимѣйшею и твердою матеріею было у меня — вояжъ мой въ Санктъ-Петербургъ, и я немедленно начиналъ описывать его отъ самаго дому, чрезъ каждую станцію, до самой столицы. О тульскомъ и нѣкоторыхъ другихъ пассажахъ, постигшихъ меня даже въ Санктъ-Петербургѣ, я умалчивалъ; за то уже санктпетербургскую жизнь, и въ особенности театры, объяснялъ гостямъ со всѣмъ моимъ краснорѣчіемъ, и все петербургскимъ штилемъ, примѣшивая часто модныя слова. Признаюсь, весело было моему честолюбію рассыпаться въ разсказахъ того, чего никто изъ моихъ гостей не слышалъ и о чемъ понятія не имѣлъ. Всѣ они слушали меня, разинувъ рты, а нѣкоторые и дремали.

Такъ удовольственно проведя вечеръ и поужинавъ не парадно, разстались до утра. Надобно сказать, что всѣ гости

сдѣлали мнѣ честь, пожаловавъ со всѣми дѣточками малѣйшими и даже грудными. Кромѣ гостей, должно было угостить и всѣхъ кормилицъ, мамушекъ и нянюшекъ привезенныхъ дѣтей, прислужницъ разныхъ и всякаго народа. А сколько было гостинныхъ лошадей? иные забрали всѣ свои конюшни, привезли даже и заводскихъ жеребцовъ, подъ предлогомъ похвастать ими на такомъ сѣздѣ.

Будетъ памятно мнѣ мое тщеславіе! Эти три дня угощенія, конечно, равнялись съ трехъ-годовою жизнію обыкновеннаго помѣщика. Но нечего было дѣлать: обычаевъ намъ перемѣнять не должно. А сколько собственно мнѣ было хлопотъ! Моя возлюбленная супруга не вмѣшивалась ни во что; все занималась своими нарядами и мало сидѣла съ гостями: посидитъ, посидитъ, да и уйдетъ понѣжиться, какъ говорила она, полежать. Она уже начинала чувствовать себя нездоровою. Вездѣ я одинъ хлопоталъ.

Послѣ разсылки по квартирамъ каждому семейству транспортъ, чаевъ и кофеевъ, гости, разряженные въ-пухъ, во все не по-санктпетербургски, а каждая по своему вкусу, собрались на балъ.

Не успѣлъ окончиться огромнѣйшій завтракъ, какъ поѣлъ и обѣдъ. Убилъ меня, собачій сынъ, этотъ выписной поваръ, своимъ обѣдомъ! Кромѣ чрезвычайныхъ издержекъ, послушайте, сколько было мнѣ конфузу.

Когда отворили дверь въ столовую, то подлинно пышность и нарядство стола изумили всѣхъ. Что правда, то правда. Что хорошо, не потаю и не похую. Я на правду — чортъ! представьте себѣ длинный столъ, покрытый чистыми скатертами, уставленный восемьюдесятью приборами, украшенный карафинами съ разноцвѣтными винами, и все въ пестроту. Картина чудесная! Но посреди стола... вотъ штука! была сдѣлана зеленая гора, изукрашенная разными цвѣточками, а наверху этой горы чашечка, а изъ этой чашечки бьетъ красное вино струею вверхъ на пол-аршина. Это удивленіе, да и полно! Пожалуйте же, это еще не все.

У подножія этой горы посажены были двѣ куколки, мужчина и женщина; онъ на нее возлагаетъ вѣнокъ, а она на него возлагаетъ такой же, и обѣ эти куколки смотрятъ другъ на друга въ глаза и улыбаются. У ногъ мужчины

былъ вензель Т. Х., а у ногъ женщины А. Х. Мужчина изображалъ меня, Трофима Халывскаго, а женщина представляла жену мою, Анисью Халывскую. Сверхъ же насъ, т. е. кукловокъ, представляющихъ насъ, чортъ его знаетъ, какъ онъ умудрилъ, невидимо за что, укрѣпить и повѣсить божка Амура, держащаго надъ нами два пылающія сердца. А сказать правду, этотъ плутъ, растравивши наши сердца, давно улетѣлъ отъ насъ. Но все-таки мысль была богатая и чудесно устроена.

Этого мало. По концамъ стола стояли двѣ стеклянныя банки, завязанныя золотою бумагою. Но что въ банкахъ было? Прелесть. Вода, правда и простая, но въ этой водѣ плавало нѣсколько живыхъ разныхъ рыбокъ. Премило было смотрѣть на это украшеніе.

Затѣмъ столъ былъ уставленъ двумя чашами горячаго, шестью блюдами съ разными холодными, двѣнадцатью соусниками, шестью разными жаркими и къ нимъ солеными овощами, а въ заключеніе красовалось четыре пирожныхъ. Все это, установленное систематически, дѣлало видъ превосходный, возбуждающій къ ѣдѣ.

Когда вошли въ залу, я просилъ дорогихъ гостей, какъ всѣхъ равно для меня милыхъ и почтенныхъ, усаживаться за столъ по старшинству лѣтъ. Пусть—думалъ я—считаются между собою сколько угодно, а мое дѣло сторона. Не окажу преферансу ни свату, ни брату: и претензій не будетъ на меня. Пошли старички и старушки между собою пересаживаться, а холостые, приношенные мужчины, имѣющіе еще грѣховныя помышленія, склоняющія ихъ къ браку, тѣ сѣлись такъ, середка на половинѣ, къ старикамъ не доходили и отъ молодыхъ не отставали, Дѣвушки же, такъ тѣ, безъ зазрѣнія совѣсти, бѣжали на самый конецъ и старались захватить послѣднія мѣста.

— И выкинулъ же штучку хозяинъ!—говорилъ одинъ гость другому, не видя меня, идущаго за ними.—Ужъ какъ ловко распорядилъ.

— Видно, что былъ въ Петербургѣ—отвѣчалъ ему товарищъ его.

— То-то и есть. И самъ бы что выдумалъ, такъ ничто и въ голову нейдетъ.

Сказавъ это, они пошли къ своимъ мѣстамъ; а я, потирая руки отъ восхищенія, чувствовалъ неизъяснимое наслажденіе, видя съ такимъ блескомъ все устроенное у меня.

Когда же всѣ усѣлись и музыка, коей было шесть человекъ, грянула что-то въ родѣ марша, тутъ я невольно вздохнулъ и почти громко сказалъ:

— О, любезнѣйшіе мои настоящіе батенька и маменька! Встаньте изъ гробовъ своихъ! Придите, посмотрите, какъ вашъ сынъ, Трушко, вашъ, маменька, пѣстунчикъ, какіе пирры задаетъ! Могутъ ли ваши банкеты сравниться съ его багомъ? У васъ была простота, а здѣсь какое великолѣпіе, пышность... канальство! У васъ пищали сурмы и стучали бубны, а у меня гремитъ хоръ музыки неумолкаемо; двѣ скрипки, басъ, флейта, димбалы и бубень. Катай! У васъ только и знали подавать меды, пива, да наливки; а у меня разливною рѣкою льются вина такихъ наименованій, что я и выговорить не умѣю! Знай нашихъ!... Но тутъ же и пресѣклись мои восклицанія, и я впалъ въ жесточайшее уныніе отъ постигшаго меня позора.

Тысячу разъ благодарю натуру, что она не исполняетъ человѣческихъ желаній. Что бы съ меня было, еслибы мои настоящіе родители, сирѣчь, покойники батенька и маменька, серьезно встали изъ гробовъ и пришли на нашъ пиръ? Что бы случилось съ ними, еслибы они увидѣли, что за такимъ пышно убраннымъ столомъ, усѣяннымъ, по виду, отличными явствами, гостямъ нечего было кушать? О! еслибы они только встали и, отъ непривычки ходить по нашимъ лѣстницамъ, кое-какъ взобрались бы въ залу, я бы, божусь вамъ! тутъ же ихъ за ручки и повелъ бы обратно, да и самъ съ ними легъ бы въ могилу на вѣчное время!... Будь я бестія, еслибы не сдѣлалъ такой штуки! Такъ-то подоброхотало мнѣ все, и этотъ зазывной кухмистра, и эти заморскіе напитки, и все, таки, все.

Вообразите, что происходило! Открыли горячія—о, fortuna! тонко, жидко и, по словамъ маменьки-покойницы, „небо видно“. Разнесли; нѣкоторымъ недостало; кто же и получилъ, не кушаютъ, холодное какъ вчера съ очага. Холодныхъ—ни се, ни то: все на горчицѣ, на укусуѣ, а существеннаго, мяса, не спрашивай! Соусы—нѣчто въ родѣ мазей; ложкою нечего

захватить и въ нихъ обжаренныя косточки, кое-откуда собранныя. Жаркія—надъ-сыръ, и то все застылое. Пирожныя бы и порядочныя, но какъ верхнія гости брали побольше, то низшимъ и недостало. Я горѣлъ отъ стыда!

Къ довершенію огорченія, штучка, забавлявшая гостей, испортилась. Винная струя изсякла и дѣлаемое ею увеселеніе прекратилось. Какъ же текущее вино струилось по горѣ и подтекло подъ куколку, представляющую Анисью Ивановну, отчего приклейка подмокла и куколка, шатаясь, вдругъ... чубурахъ! повалилась со всѣхъ ногъ и упала неблаговидно!... За нею вскорѣ послѣдовалъ и прелестный божокъ, по той же причинѣ, и изъ всѣхъ прелестей остался одинъ я, или куколка моего имени, съ улыбкой на лицѣ и съ вѣнкомъ въ рукѣ. Гости, видя сіе, производили веселый смѣхъ...

Въ дополненіе конфуза, по винной части оказались большія злоупотребленія. Хорольскій винопродавецъ не могъ доставить требуемаго мною числа бутылокъ винъ; для-чего рѣшился наполнить ихъ всякою бурдою, засмолилъ и привѣсилъ ярлыки съ разными надписями: Французское, Рейнское, Лондонское, Петепште—и прочихъ нелѣпыхъ наименованій нагородилъ. Я, не зная въ винахъ толку, знай подношу гостямъ и упрашиваю выкупать по полной. Никто въ ротъ не беретъ. Наконецъ, уже одинъ изъ гостей, по-дружески, шепнулъ мнѣ, что всѣ вина мои—просто галиматья, и ихъ употреблять не можетъ никакая натура.

Я думаю, отъ самаго сотворенія міра ни одинъ хозяинъ при подчиваніи гостей не испыталъ подобнаго пораженія! Я оцѣпенѣлъ, какъ окаменѣлый мраморъ!.. Вдругъ подбѣгаетъ лакей и спрашиваетъ меня, пора ли разрѣзывать жаркія? Я позволяю; но зная, что это разрѣзваніе долго будетъ продолжаться, приказываю додавать соусы. Мнѣ говорятъ, что уже всѣ подносили. Я принялся ревизовать соусники, которые, послѣ подноса, должны были опять поставиться, какъ и прочія блюда, на столъ, чтобъ не портить симпатіи; осматривая, дохожу до одного, отрываю... и что же?.. въ немъ сыръ или по-петербургски, творогъ, и недоѣденные ломти хлѣба?.. видѣвшіе это гости захохотали, и я чисто по фамильной комплекціи, слѣдуя маменькиной натурѣ, готовъ былъ сомлѣть, но удержался, имѣя въ первой горячности мысль

точно бѣжать на могилу, вмѣщающую въ себѣ прахъ нѣжнѣйшихъ моихъ родителей, и тѣнямъ ихъ жаловаться на нововведенія, осрамившія меня съ ногъ до головы. Я и побѣжалъ-было... но въ передней попался мнѣ злодѣй, выписной кухмистра, надѣлавшій мнѣ столько конфузныхъ ударовъ. Я въ пылу гнѣва, чуть не прибилъ его, но уже бранилъ громко.

Что же мошенникъ? Вѣдь оправдался. Мода требуетъ выставлять всѣ блюда до одного на столъ; пока установятъ, первыя простынуть. У нихъ, у отличныхъ кухмистеровъ, есть замѣчаніе, что изъ десяти персонъ одинъ отказывается отъ блюда, и такъ, готовя на восемьдесятъ, онъ не добавлялъ на восемь персонъ. Еще есть у нихъ правило: готовить большое количество блюдъ, но какъ не выдумаешь полного комплекта соусовъ, то должно въ соусники наложить чего попало, лишь бы стоялъ и не разстроивалъ порядка.

— Теперь, прибавилъ онъ: ваша глупая старина, чтобы только обкормить гостей, прошла; теперь требуется только для глазъ.

Вотъ тебѣ и нововведенія! думалъ я, возвращаясь къ столу и почесывая свою фигурную прическу до того, что пудра сыпалась съ меня, какъ съ мельника мука.

Сякъ-такъ, съ грѣхомъ пополамъ, гости пообѣдали и, вставъ, благодарили меня за отличное угощеніе; но я, зная, что это они дѣлаютъ аллегорически, для одной оригинальности, я, такими же учтивствами, благодарилъ ихъ за сдѣланную мнѣ честь. Не оставилъ, впрочемъ, чтобы не открытъ нѣкоторымъ, что всѣ эти погрѣшности были не отъ конфуза, но что того требуетъ мода. Многіе, разобравъ хорошенько и подробно, нашли, что эта мода и правила новыхъ кухмистеровъ чрезвычайно выгодны. Не нужно-де заботиться объ изящности стола, а наготовить чего-нибудь попроще и подешевле; все равно—гости не будутъ ничего кушать. Многіе изъ хозяевъ рѣшились ввести у себя такое положеніе; и точно: скоро всѣ переняли „эту моду, и человѣку съ порядочнымъ аппетитомъ, вотъ хоть бы и мнѣ, негдѣ было пообѣдать порядочно. Теперь уже, въ это время, этотъ методъ брошенъ и съ удовольствіемъ вижу, люди вспомнили, что они созданы и живутъ для того, чтобы ѣсть и пить, и, помня краткость

бытія человѣческаго, спѣшать насладиться симъ благомъ. Хвала имъ за исправленіе безпорядка, введеннаго нашимъ среднимъ вѣкомъ!

Пожалуйте, обратимся къ своему предмету. Моя Анисья Ивановна не участвовала со мною ни въ угощеніи, ни раздѣляла моихъ огорченій отъ конфуза: она очень часто, чувствуя различныя дурности, выходила изъ-за стола, прося двухъ молодыхъ людей поддерживать ее. Впрочемъ, я замѣчалъ, что этотъ методъ ея былъ хитростный; она возвращалась безъ всякаго поврежденія въ лицѣ, но все больше и больше „разгардеробливалась“ и, подъ конецъ стола, была совершенно полуодѣта. Только и занималась этими молодыми людьми, а съ прочими вела себѣ не гляже ни на кого.

Послѣ обѣда музыка заревѣла, и начались пляски и танцы. Молодыхъ людей, за выбылью ихъ по полкамъ, было мало, а кто и былъ, такъ тѣ не умѣли танцовать, а особливо кондратанцовъ, кои затѣяли барышни, обучавшіяся въ пансіонахъ и потому могшія производить ихъ безошибочно. Какъ же сказалъ я, что въ танцорахъ былъ недостатокъ, то барышни танцовали между собою. Тутъ опять вышелъ неловкій пассажъ: умѣющихъ прыгать кондратанцы было немного, то прочія и сидѣли безо всего, и только, по обычаю, повертывали пальчиками. Когда же танцующія переплясали все, умѣемое ими, то, нечего дѣлать, принялись за „горлицы, метелицы, санжаровки“ и другіе веселые, живые танцы, на которые, смотрѣвши только душа прыгала и духъ вертѣлся вмѣстѣ съ танцующими. До того плясъ всѣхъ восхитилъ, что многіе, сперва засидѣвшіеся холостяки, потомъ женатые степенные, а далѣе и самыя барышни бросились туда же, въ кружокъ, вертѣться, прыгать, скакать, что называется, до упаду.

Нарушилось было наше веселье умными изобрѣтеніями брата Петруся. Вдругъ, среди скоковъ, раздался громкій звукъ отъ роговъ, въ которые братъ приказалъ трубить внизу. Но нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ гостей, пріятелей его, пошли къ нему и убѣдили его усовестить — что онъ и сдѣлалъ, къ немалому удовольствію общему. Хорошо, что унятіе роговъ на сей разъ не стоило мнѣ ничего. Еслибы не пріятели его, то я бы долженъ былъ идти къ нему и купить у него тишину.

*

Веселье наше продолжалось до времени ужина, и когда стали накрывать столъ, то всѣ усѣлись играть „въ фанты“. Это тоже—родъ королей, какъ бывало и на прежнихъ банкетахъ, но уже съ варіаціями. Охъ, болитъ! сердце—и проч! такія двусмысленности занимали насъ очень. Молодежь не унывала, цѣловалась между собою преисправно, все шло по прежнему обычаю, какъ вдругъ гаркнула вѣстовая пушка—и всѣ бросились къ окнамъ. То было приготовленіе къ „фейварку“. Какъ быть балу безъ такой потѣхи? Загорѣлись ракетки и полетѣли вверхъ. Шипѣніе ихъ, тресканье, хлопанье, а въ комнатахъ крикъ, визгъ пугливыхъ изъ прекраснаго пола, хохотъ, рассказы мужчинъ, дѣлали превосходную гармонію. Однѣхъ ракетъ было пущено съ пятьдесятъ; потомъ колеса, шутихи, бураки и прочаго такого потѣшнаго штукъ до двадцати. Потомъ вдругъ запылалъ огонь и явился „шлейфъ“ мой и Анисы Ивановны, искусно сплетенный и ярко пылающій!.. Всѣ отъ восторга захопали въ ладоши, что мнѣ напоминало санктпетербургскій театръ и миленькихъ тамошнихъ актерщицъ... музыка грянула „многи лѣта“, а пушки бухали салютъ, и насъ всѣ поздравляли. Вслѣдъ за симъ прошены всѣ были къ ужину.

Лучше бы этотъ ужинъ исчезъ прежде своего изготовленія! Вообразите, вмѣсто горячаго, подносятъ гостямъ чайныя чашки... Я думалъ чай, кофе, пуншъ или что подобное, а потому взялъ меня большой конфузъ!... Но открылось, что это, по новой модѣ, тотъ же супъ подавали въ чайныхъ чашкахъ!... Я далъ кухмистеру полную волю дурачиться по модѣ и, не вмѣшиваясь, смотрѣлъ, какъ вмѣсто должныхъ блюдъ, подносили какіе-то винегреты, сдѣланные изъ того и сего, а больше изъ пустяковъ; пирожки, жаркое — и чортъ знаетъ, на что все это было похоже! Я только сжималъ руки, сидя въ сторонѣ, и потихоньку приговаривалъ: „маменька!... о, маменька!...“

На другой день — терпѣнія моего не стало! выписного кухмистра взашей, приказалъ куховаркамъ своимъ изготовить обѣдъ по старинѣ, и гости покушали у меня все преисправно и развѣхались, благодаря совсѣмъ чистосердечіемъ, безъ малѣйшей аллегоріи.

Когда мы остались съ моею Анисею Ивановною, вотъ возобладала нами скука! Представьте, двое насъ только; какъ

говорить не о чемъ, то мы сидимъ по угламъ и молчимъ, а еще и мѣсяцъ не прошелъ послѣ нашего соединенія! Она уже въ разговорахъ съ знакомыми перестала меня называть по приличію, а придавала мнѣ одно мѣстоименіе: „онъ“. Какъ ково! Но я, чтобы заставить ее образумиться и удержаться отъ употребленія, даже въ глазахъ, „ты“, я, изъ политики, всегда называлъ ее деликатно „вы“. Но ничто не помогло. Она не отвѣчала даже на мои вопросы.

Не знаю, чтобы изъ такой сладостной жизни нашей произошло, еслибы не послѣдовала переменна. Уже мы доживали медовый мѣсяцъ нашего счастливаго супружества, и я, бывъ то въ полѣ, то на гумнѣ, возвращался домой съ такимъ расположеніемъ духа, какъ, во дни оны, подходилъ съ невыученнымъ стихомъ къ пану Тимоетею Кышевскому, какъ вдругъ посѣтили насъ, одинъ за другимъ, тѣ молодые люди, на коихъ облакачивалась Анисья Ивановна во время дѣлавшейся ей дурности на нашемъ свадебномъ балѣ. Что же? Какъ рукой сняло. Анисья Ивановна стала веселенькая, губки сладываетъ на улыбочку, часто уходитъ къ себѣ для переменны шейныхъ или грудныхъ платочковъ и все у зеркала фигурируется. Даже со мною сдѣлалась ласкова; не употребляла грубаго мѣстоименія: „ты“ или „онъ“, но всегда, съ прикраскою нѣжности и вдобавокъ междометія, на примѣръ: „ахъ, другъ мой!... охъ, онъ мнѣ милѣе всего на свѣтѣ!...“ Признаюсь въ слабости моего темперамента! Я, выслушивая все это, таялъ отъ восторга и почиталъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ. Скажите, пожалуйста, много ли челоуѣку надобно? Упоенный ожившимъ счастьемъ, я не выходилъ изъ гостинной, увивался около жены и, почитая, что бывшая мрачность происходила въ ней отъ ея положенія... радовался, что по вкусу пришли къ ней гости, и она вошла въ обыкновенныя чувства; а потому, питая къ нимъ благодарность за прїѣздъ ихъ, я безпрестанно занималъ ихъ, то любопытнымъ разговоромъ о жизни моей въ столицѣ Санктъ-Петербургѣ, объ актерщикахъ и танцовщицахъ, то водилъ ихъ на гумно или чѣмъ-нибудь подобнымъ веселилъ ихъ. Какъ вдругъ жена моя, не оставляя мѣстоименій и междометій, прїѣгла къ предлогамъ:

— Ахъ, другъ мой! ты сегодня не былъ въ полѣ! Охъ смотри, купидончикъ, не разстрой здоровья своего! Поѣзжай,

проѣздись часочка три... Охъ, вы не знаете (это она говорила во множественномъ числѣ къ гостямъ) вы не знаете, какъ онъ мнѣ дорогъ! Его здоровье только меня и живить. Поѣзжай же, мой тютинька! (это уже ко мнѣ относилось. А почему я былъ тютинька, по сей часъ не знаю! Не сокращенное ли, Трофимъ? Быть можетъ).

Слыша такія нѣжности, я не только ѣхать, но согласенъ бы летѣть, какъ сизоврылый голубокъ, въ угодность своей бѣлогрудой голубкѣ; но для политики обратился къ пристойности и сказалъ:

— Какъ же, душечка (нѣжнѣ этого нарицательнаго я не придумалъ?)... а гости же какъ?...

— О! мой другъ! гости ничего.

— Мы у васъ безъ церемоніи,—сказали оба, опережая одинъ другого словами.

— Когда такъ, такъ такъ,—сказалъ я, благодаря мысленно, что фортуна послала гостей, отложившихъ всѣ церемоніи. Послѣ чего сѣлъ себѣ въ таратайку и поѣхалъ осматривать поля и наблюдать, какъ спѣетъ хлѣбъ.

Я, сохраняя и съ своей стороны здоровье, проѣздивъ болѣе назначеннаго времени и, при возвращеніи, встрѣченъ былъ женою, со всѣми искренними ласками, и обоими гостями. Они, спасибо имъ, прожили у насъ нѣсколько дней, въ кои я поддерживалъ свое здоровье прогулкою по полямъ и, возвращаясь, имѣлъ удовольствіе находить жену всегда веселую, пріятную и ласковую ко мнѣ, а не менѣе также и гостей моихъ.

Пожили гости, пожили, да и уѣхали, и хотя обѣщали часто бывать, но все безъ нихъ скучно намъ было. Жена моя испускала только междометія, а уже мѣстоименій съ нѣжными прилагательными не употребляла. Какъ вотъ моя новая родительница, присылая къ намъ каждый день то за тѣмъ, то за другимъ, въ одинъ день пишетъ къ намъ за новость, что къ нимъ, въ Хороль, пришелъ-дескать квартировать Елецкій полкъ, и у нихъ стало превесело...

Тѣфу ты пропасть! Что за житье мнѣ пошло! Ужъ не только самыя сладкія нарицательныя и восхитительныя междометія полились рѣкою, но моя милая Анисья Ивановна не

выпустила моей шеи изъ своихъ объятій, пока я не согласился переѣхать въ городъ на мѣсяць... „Только на одинъ мѣсяць“! такъ упрашивала она меня. Прошу же прислушать и помнить.

Самъ не знаю, какъ мы скоро уложились и собрались? Не успѣлъ я опомниться, какъ уже обозъ отправленъ былъ, какъ уже наша вѣнская коляска у крыльца, моя милая Анисья Ивановна сидитъ въ ней и торопитъ меня скорѣе садиться, да все съ ласками, съ приголубиваніемъ.

Въ городѣ мы наняли квартиру, пристойную фамиліи и состоянію нашему. Жена моя не отходила отъ окошекъ и все любовалась военными. Какъ ими и не любоваться! Кромѣ того, что много въ полку было отлично-красивыхъ молодцовъ, разумѣется изъ ихъ благородій,—наши братья-сержанты, капралы и прочіе господа въ порядочный счетъ не идутъ—но главное, что всѣ они защитники наши и отечества; какъ же прекрасному полу не имѣть къ нимъ аттенціи? Какъ не отдавать имъ преферансу? Какъ не завлекать ихъ въ знакомство, дабы они въ обществѣ съ прекраснымъ поломъ забили всѣ трудности и неприятности походной жизни?

Такъ разсуждала жена моя, и я съ нею отъ души былъ согласенъ. По ея руководству, бывая въ другихъ домахъ, знакомился съ военными и приглашалъ ихъ къ себѣ.

Сначала пришелъ одинъ; жена моя приобула ножки въ новенькіе башмачки. Этотъ одинъ, впоследствии, привелъ другого: жена моя стянула платице. Пришли еще три, жена вздѣла платочки изъ приданныхъ, еще не надѣванные. За этимъ и пошло... пошло... каждый день мы съ женою доставляли удовольствія защитникамъ нашимъ бесѣдою, въ коей я, правда, рѣдко участвовалъ, бывъ посылаемъ женою къ сосѣдкамъ за разными потребностями; но все же гостямъ нашимъ, конечно, было пріятно у насъ, потому что они не оставляли нашего дома.

Скоро очень моя милая Анисья Ивановна съ ласками замѣтила мнѣ, что, и среди удовольствій, не нужно оставлять хозяйства безъ присмотра, почему и просила меня поѣхать въ имѣніе, осмотрѣть всѣ части хозяйства, дождаться доходовъ и привезти побольше денегъ, потому что въ горо-

дѣ онѣ очень-де нужны... да какъ при этомъ поцѣловала!.. банальство!..

Со всѣмъ усердіемъ я поѣхалъ въ деревню, погрязъ весь въ хозяйство, и то-и-дѣло, что высылалъ моей Анисѣ Ивановнѣ деньги. Только лишь извѣщу, что скоро обрадую ее скорымъ возвращеніемъ, анъ гляды! она шлетъ новыя мнѣ порученности: то къ сосѣдкѣ верстъ за двадцать съѣздить, то дожждаться, когда выбѣлится ея заказной холстъ, или что-нибудь такое, то я и не ѣду, а все хозяйничаю. Наконецъ, когда уже срокъ нашей мѣсячной квартирѣ началъ сближаться, я отправилъ подводы, чтобы забрать изъ города мой и ея фуражъ и прочее все домашнее, и самъ отправился, чтобы привезти въ деревню мою милую жену и быть съ нею неразлучно. Но лишь объявилъ ей о томъ, какъ она и слѣшать не захотѣла, и объявила мнѣ, что я, какъ хочу, а она не переѣдетъ, договорила-де квартиру на годъ и иначе жить не можетъ, какъ въ городѣ.

Удивился я крѣпко, но долженъ былъ замолчать и согласиться съ нею. Однако же, изъ любопытства, началъ примѣчать, что бы ее такъ веселило въ городѣ? Примѣчать, примѣчать, какъ вотъ и не скрылось: у насъ отъ ранняго утра до поздняго вечера набито офицеровъ, и она, моя сударня, между ними и кружится, и вертится и юлитъ, и франтить, и смѣется, и хохочетъ...

Ага-а-а-а!..

Офицеры же какъ подобраны! молодець въ молодца, и молоды, и красивы, и проворны, и веселы... и все на-гало поручики!..

Я не знаю, зачѣмъ эти поручики въ арміи существуютъ? Всѣхъ бы ихъ либо произвестъ, либо чины снять, лишь бы истребить этотъ ненавистный для меня сортъ людей. Я не скажу ничего больше, но я ихъ терпѣть не могу!..

Еще того мало. Возвратясь одинъ разъ изъ деревни, куда я уже и безъ посылокъ жены часто ѣздилъ и проживалъ, жена моя, какъ-то неумышленно оставшись со мною одна, вдругъ сказала мнѣ:

— А я безъ тебя обновку получила.

— Какую?—спросилъ я, романически вздохнувъ.

— Истерику.

— Поздравляю, сказалъ я, обрадовавшись чистосердечно, и отъ удовольствія хотѣлъ поцѣловать ея руку.

— Ахъ, какъ ты глупъ!—вскрикнула она, покосясь на меня. Поздравлять съ болѣзнью! Неужели и до сихъ поръ не зналъ, что такъ называется одна изъ болѣзней?

— Не зналъ, душечка; будь я бестія, если зналъ. Да и отъ кого же мнѣ знать французскія названія болѣзнямъ?— Тутъ принялся я расспрашивать, какого свойства и комплекціи эта болѣзнь.

— Вотъ увидишь!—сказала она меланхолично.

И подлинно увидѣлъ!

Скоро начали собираться поручики и окружили ее. Она была весела, игрива и что-то встать одному изъ нихъ сказала пресмѣшное „банно“. Всѣ захохотали, и я, полный удовольствія отъ ея остроумія, захохоталъ, а подошедши къ ней близехонько, по праву мужа, хотѣлъ поцѣловать ея ручку... Батеньки мои! вдругъ она: ги-ги-ги-ги!.. ну, словно кликуша, и пошла на разныхъ голосахъ... да чибурахъ! на руки одному поручику. Тотъ не сдержалъ, да и спустил ея на диванъ, а она и глазки закрыла, да кликала, кликала, а тамъ и замоледа! Поручики же всѣ сбѣжались, кричатъ: воды, воды, уксусу... перья... и разбѣжались всѣ. Я преспокойно вынулъ изъ кармана бумажку, свернулъ ее трубочкою и остренькимъ кончикомъ къ носу ей—и вознамѣрился пощекотать въ носу... Она вскочила, какъ встрепанная и, обозрѣвъ, видитъ, что поручиковъ-голубчиковъ нѣтъ около нея ни одного, напустилась на меня и даже вскрикнула:

— Убирайся съ своими глупостями! не смѣй мнѣ никогда этого дѣлать.

— Но какъ же, душечка?—началъ я говорить романически,—это у насъ наслѣдственный припадокъ отъ моей маменьки-покойницы. Онъ, бывало, часто хотятъ сомлѣвать, да и ничего; а какъ не удержатся, сомлѣють наповаль, настояще—такъ батенька-покойникъ имъ бумажкою въ носу пощекочуть—и какъ рукой снимуть...

„Ги-ги-ги-га-га-га“! и пошли изъ грамматики всѣ междометія и ахти, и охти, и у! и о! и все такое кричала она,

пока поручики, какъ по барабану на тревогу, явились и ну ей помогать... а она, голубушка, и глазокъ не можетъ открыть, только все рукой машетъ на меня и со стономъ говоритъ:

— Прочь... прочь его отъ меня... онъ говоритъ про покойниковъ... Скорѣе, скорѣе удалите его отъ меня...

Мигомъ два поручика схватили меня подъ руки и увели въ кабинетъ, и начали, впрочемъ очень вѣжливо, убѣждать, чтобы я цѣлый день не показывался на глаза дрожайшей моей супругѣ, иначе произведу въ ней опять истерику...

Нечего было дѣлать, просидѣлъ преспокойно и безвыходно въ одной комнатѣ цѣлый день. Хотя скоро имѣлъ удовольствіе услышать, что она и поручики съ нею громко хохочутъ, но боялся показаться къ ней, чтобъ не сбить ее съ ногъ еще. Притомъ не безъ причины полагалъ, что, можетъ, и поручики заистеричились отъ нея...

Что вамъ далѣе рассказывать? Отъ появленія у насъ въ домѣ этой проклятой истерики, которую я называлъ и „химерикую“, потому что она ни съ чего, такъ, всегда почти при моемъ приближеніи, нападала на Анисью Ивановну; называлъ ее и „поруческою болѣзнью“, потому что Анисья Ивановна будетъ здорова одна и даже со мною, и говоритъ и спрашиваетъ что, но лишь нагрянули поручики, моя жена и зачикаетъ и бацъ! на полъ или куда попало! такъ вотъ, съ появленія-то этой модной болѣзни жизнь моя измѣнилась совершенно. Для своей супруги я сдѣлался совершенно чужимъ и даже ненавистнымъ!.. Лишь поручики въ домъ — я изъ дому, и скитаюсь одинъ. Въ деревню поѣду — скука и хозяйство надоѣло, въ городѣ же — купивши домъ, мы, по волѣ жены, поселились навсегда — сижу безвыходно въ своей комнатѣ, чтобъ не причинять истерики женѣ.

А тутъ, ни отсюда, ни оттуда, дѣти кругомъ осыпали. Самъ не знаю, откуда они уже брались! На свободѣ какъ-то сосчиталъ наличныхъ, такъ ужасъ! Миронушка, Егорушка, Омушка, Трофимушка, Пазинька, Настенька, Мареушка и Оенюшка — ну, прошу покорно! Вѣдь поставила же на своемъ Анисья Ивановна! Исполняла намѣреніе, положенное еще до замужества ея, и я не переспорилъ ее.

Ну, и нужды бы нѣтъ. Дѣти и дѣти, не на улицу же ихъ выкидывать. Я было хотѣлъ, чтобы они всѣ дома росли; куда! какъ это можно? Когда этияе болваны будутъ около меня вертѣться, такъ меня будутъ почитать сорокалѣтнею старухою... Не хочу ихъ видѣть! А не то... ахъ, ахъ, ги-ги-ги! и заистеричала! Надобно знать, что и поручики давно ушли въ походъ, а эта химерика все осталась при ней. Весела, печальна, заговорили, замолчали... и она, бацъ! и сомлѣла. Такъ, безъ ничего сомлѣвала и—охъ! и теперь у нея такой темпераментъ. Даже въ старости истеричничаетъ.

Нечего дѣлать! Надобно было уважать желаніе больной жены; не дать же истерикѣ задушить ее. Развезъ сыновей по разнымъ училищамъ. А сколько было хлопотъ при опредѣленіи ихъ! Подай свидѣтельства о законномъ ихъ рожденіи, о званіи, и все, все это долженъ былъ достать—и такъ опредѣлилъ.

Думаете же вы, что я наслаждался радостями семейной жизни? Ничего не бывало. Мои повѣсы, всѣ до одного, не знаю только, по комъ пошли, всѣ вдались въ глубь наукъ. Домой неохотно ѣздили, все надъ книгами; за то, какъ испытые.

И науки кончивши, не образумились. „Пустите насъ отличать на полѣ чести или умереть за отечество“. Тьфу вы, головорѣзы. По нѣскольку часовъ бился съ каждымъ и объяснялъ имъ мораль, что человѣкъ долженъ любить жизнь и сберегать ее, и се и то имъ говорилъ. Въ подробности рассказывалъ имъ, что я претерпѣвалъ въ военной службѣ, по походамъ изъ роты къ полковнику... ничто не помогло! Пошли. Правда, нахватили чиновъ, всѣ ихъ уважаютъ; но это суета суетъ.

А что женились? такъ ужъ такъ! Совершенныя иностранки жены ихъ! Слова не скажутъ безъ форбье. И дѣтей такъ ведутъ. Дитя, дескать, не должно слышать русскаго слова. Ахъ вы, мамзели, мамзели! отнять бы у васъ дѣтей; вы ихъ имѣть-то недостойны. Увидимъ впоследствии.

Повѣрите ли? Отца, мать, Богомъ данныхъ имъ родителей и Богомъ повелѣнныхъ чтить и уважать, они вмѣсто нѣжнаго нарицательнаго: „батенька, маменька“, иначе не вличутъ, какъ „папаша, мамаша!“ И точно вличутъ—какъ собакъ вличутъ. Кто ихъ пойметъ? Въ критику имъ, я сво-

его стараго пуделя прозвалъ „папаша“; что же? эти щенята, т. е. внуки мои, не совѣстятся горланить: „папаша, папаша!“ Отець-дуракъ — между нами будь сказано — и откликается: „чего,— дескать, Тиня (и это, возьмите въ резонъ, это христіанское имя Тимошей, а по-ихнему, чортъ знаетъ по-какому Тиня!)?“ А молокососъ и заливается отъ смѣха: „я-де не тебя, а пуделя!“ И папа-отець хохочетъ вслѣдъ за дуракомъ!... И мамашѣ та же честь бываетъ; въ глаза смѣются! По-моему, когда уже допустить мое рожденіе говорить мнѣ въ глаза „ты“, такъ очень легко услышать отъ него: „ты, папаша, дуракъ, ты, мамаша, глупа!“ И не сердитесь, нѣжнѣйшіе папаша и мамаша! Настаивалъ я правда, по власти моей родоначальника, чтобы эта мелюзга съ малыхъ ногтей приучалась уважать родителей; такъ куда? „Фи! это по-русски: тошно“. Надобно же знать, что это и ихъ „фи!“ есть подобно значительно маменьки моей: „тьфу“ Подите же съ ними: все измѣнили!

При ребятишкахъ инспекторовъ, подобно какъ при насъ былъ домине Галушкинскій, нѣтъ, а есть „губернеры“. Оно одно и то же; только тѣ бывали въ халатахъ и киреяхъ, а эти во фракахъ; тѣ назначали жалованье себѣ въ годъ единицами рублей, а эти тысячами; тѣ боялись своихъ хозяевъ, робѣли предъ ними и за несчастье почитали прогнѣвать ихъ, а эти властвуютъ въ домахъ, гдѣ живутъ, и требуютъ исполненія своихъ прихотей. Польза же отъ нихъ одна и та же: Галушкинскіе ничему не учили, не зная сами ничего, а преподавали одинъ бурсацкій языкъ; и губернеры не учатъ ничему, за незнаніемъ ничего, а преподаютъ одинъ французскій языкъ. Одно, одно и то же: все иностранный діалектъ и польза отъ обоихъ одна и та же.

Анисья Ивановна моя—не смотря ни на что, все-таки „моя“—такъ она-то хитро поступила, не смотря на то, что и въ Санктъ-Петербургѣ не была. Ей очень прискорбно было видѣть сыновей нашихъ женившихся; а какъ пошли у нихъ дѣти, такъ тутъ истерика чуть и не задушила ее. „Какъ, дескать, я позволю, чтобы у меня были внуки?.. неужели я допущу, чтобы меня считали старухой? Я умру отъ истерики, когда услышу, что меня станутъ величать бабушкой!“

— Не безпокойтесь, маманнъ!—сказала старшая невѣстка—мои дѣти будутъ отлично воспитаны: они слова не

будутъ знать по-русски, и васъ не иначе будутъ кликать, какъ „гранъ-маманнъ“...

— Вздоръ!—закричала хитрая Анисья Ивановна:—я не позволю себя уронить; я сама придумаю приличное себѣ именованье.

И въ самомъ дѣлѣ придумала. Да какъ хитро! совершенно по-санктпетербургски: „бушечка!“ Каково? Оно и не грубое „бабушка“, а еще нѣжнѣ самой бабушечки, бабушки и проч. „Бушечка!“ подите вы съ нею; совершенно въ новомъ вкусѣ и сходно съ теперешнею атмосферою, т. е. съ понятіемъ обо всемъ. Одинъ я остался не перекрещенный. Дѣдушка—и полно. А кто иначе назоветъ, или осмѣлится мнѣ тыкнуть, тому я заранѣе объявилъ мое провлятіе, исключеніе изъ роду Халявскихъ и лишеніе наслѣдства.

— Послѣднее только и опасно, сказалъ съ критикою „Гого“ или Гриша, двѣнадцатилѣтній внукъ мой, щеновъ, явный фармазонъ! Вотъ нынѣшнія дѣти! каковы будутъ люди?..

Изъ числа гувернеровъ есть одинъ: ну, такъ собаку съѣлъ. Я рассказывалъ уже, кто онъ и какъ полезенъ для второй невѣстки. Но его надобно послушать, когда онъ, при чаѣ, за пуншемъ (онъ иначе не пьетъ чаю, какъ съ прибавленіемъ), начнетъ говорить, такъ есть чего послушать! И резонно, и наставительно, и для всѣхъ нравственно. Напримѣръ:

— Къ чему,—онъ говорилъ, и говорилъ отборнымъ, высокимъ штилемъ, а я буду передавать по-своему:—къ чему молодыхъ людей, дѣтей, птенцовъ, изнурять ученьемъ? къ чему время, данное имъ благодѣтельною природою для узнанія жизни, и чтобы воспользоваться всѣми наслажденіями ея, обращать въ скуку, въ стѣсненіе, въ досаду? Воспитавъ столько юношей, я на опытъ знаю, что всѣ науки для нихъ, во время ученія, непонятны, а въ жизни бесполезны, отъ непонятія ихъ въ молодости. Оставьте юношу поступать по волѣ его, слѣдовать всѣмъ его желаніямъ, и не удерживайте его отъ исполненія хотѣній его. Познавъ ихъ всѣ въ подробности, онъ пресытится ими, возненавидитъ ихъ и будетъ удаляться, словно отъ пресыщенія ботвиньи, составляемой у русскихъ изъ ихъ глупаго квасу. Умъ человѣческій есть полновластный господинъ. Онъ не любитъ стѣсненій, при-

нужденій; онъ имѣеть нѣкоторые капризы: начните наполнять его познаніями, онъ будто принимаетъ ихъ и сохраняетъ, но разомъ выкинетъ все, переданное ему, такъ, что и со свѣчою и лоскутковъ не найдешь. Дайте ему волю; пусть покоится, нѣжится, бездѣйствуетъ; но какъ онъ есть „умъ“, то, въ случаѣ надобности, онъ просыпается, принимается дѣйствовать и производить то, чего учившійся всему не въ состояніи произвестъ и въ десять лѣтъ.

— Правда твоя, мусье!—восклицалъ я тогда внутренно, слушая его, и теперь говорю:—правда. Ну, что изъ того, что мой умъ съ самага дѣтства всѣми науками наполняли и панъ Кнышевскій, и доминe Галушкинскій? Пожалуй, мой умъ и притворился, что все постигнулъ: и быстрый разборъ словотитль, и латинскія вокабулы, и синтаксисъ, Пифагорову таблицу умноженія; но какъ только я возмужалъ, такъ мой умъ, раскапризившись, все и выкинулъ изъ себя. Подите же теперь? Лишь только понадобится что нужненькое къ моему уму, онъ тутъ и проснулся и дѣйствуетъ. Сколько было періодовъ въ моей жизни, гдѣ, еслибы умъ во мнѣ не дѣйствовалъ, такъ чего бы я не набѣдокурить самъ по себѣ? И теперь спасибо уму моему: вотъ и описалъ жизнь мою все по его милости. Куда бы мнѣ самому отдѣлать двѣсти страницъ? Нуженъ мнѣ расчетъ экономическій; что мнѣ въ ариметикѣ, которой мой умъ и знать не захотѣлъ? Мы съ нимъ запремся вдвоемъ, нарѣжемъ бумажекъ, раскладываемъ, считываемъ, и такъ вѣрно все приведемъ, что люли!

Нѣтъ, гувернеръ резонно говорилъ. Его методъ очень нравится нынѣшнимъ молодымъ людямъ.

Другое онъ говорилъ:

— Къ чему служить въ какой бы то ни было службѣ? Мало ли въ Россіи этихъ барановъ, мужиковъ? Ну, пусть несутъ свои головы на смерть, пусть роются въ бумагахъ и обливаются чернилами. Но наследникамъ богатыхъ имѣній это предосудительно! Какъ ставить себя на одной доскѣ съ простолудиномъ, съ ничтожнымъ отъ бѣдности дворяниномъ? Ему предстоятъ высшіе чины, значительныя должности. Несвѣдущъ будетъ въ дѣлахъ? возьми бѣднаго, знающаго все, плати ему деньги, а самъ получай награды безъ всякаго покояства.

— Правда, правда, тысячу разъ правда твоя, господинъ мусье! Ну, что было бы изъ меня, еслибы я продолжалъ военную службу? Мучился бы, изнемогалъ, а все бы не дошелъ выше господина капрала. Теперь же—даже губернаторомъ могу быть. Состояніе у меня отличное, могу найти двухъ-трехъ съ большими познаніями людей, буду имъ платить щедро, и служилъ бы отлично. Подите же вы съ теперешнею молодежью! И слышать не хотятъ. Все бы имъ самимъ служить, не какъ предки наши... Портится свѣтъ!

Еще мусье говорить:

— Уваженіе къ заслугамъ, чинамъ, достоинствамъ, а въ особенности къ старости — вздоръ, ни съ чѣмъ несообразно, не должно быть терпимо даже. Каждый долженъ себя цѣнить выше всего и смотрѣть на всѣхъ какъ на нѣчто, могущее быть только терпимо. Старики же? фи! они не должны требовать никакого къ себѣ вниманія. Вѣдь они старики: а что старо, то негодно къ употребленію. Глупое правило у русскихъ: уважать родителей, есть также вздоръ. И что это родители? Тѣ же старики!...

Тутъ я приходилъ въ запальчивость; я не могъ переносить такихъ кривыхъ толковъ; но какъ я не могъ остановить мусье гувернера, потому что все мое поколѣніе, съ жадностью слушавшее его, возстало бы противъ меня: такъ я, молча, вскакивалъ, звалъ своего папашу-пуделя и уходилъ съ нимъ въ свою комнату размышлять, тужить и повторять восклицаніе, коимъ и началъ описаніе моей жизни.

„Тьфу ты пропасть! не наудивляешься, право, какъ свѣтъ измѣняется!...

ШЕЛЬМЕНКО,
ВОЛОСТНОЙ ПИСАРЬ.

Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГУБЕРНАТОРЪ.

ПОРОШКОВСКІЙ, членъ врачебной управы.

СЕКРЕТАРЬ рекрутскаго присутствія.

ЧАРЮДУЕВЪ, повѣтчикъ.

1 - Й ПИСЕЦЪ.

2 - Й ПИСЕЦЪ.

ТРОФИМЪЧЪ, волостной голова.

ШЕЛЬМЕНКО, волостной писарь.

НИКИТА МИХАЙЛОВЪ, крестьянинъ.

СТЕПАНИДА, мать его.

СОФРОНЪ, крестьянинъ.

БУТЫЛОЧКИНЪ, трактирщикъ.

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ, просители крестьяне и крестьянки,
солдаты и слуги трактира.

Дѣйствіе въ губернскомъ городѣ.

ШЕЛЬМЕНКО.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Простая изба. Разсвѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НИКИТА въ цѣпяхъ сидитъ у стола, на которомъ ломоть хлѣба, кружка и догорающая свѣча. У дверей **Софронъ** и **Брестьяне** спятъ прислонясь къ стѣнѣ; въ рукахъ дубины.

НИКИТА. (*Вздыхаетъ и помолчавъ*). Вотъ ужъ и разсвѣтаетъ, а я и глазъ не смыкалъ! Чтó то со мною будетъ? Тоска нестерпимая! Говорятъ люди, что только и житья, что богатымъ, что имъ всё удается, что всё ихъ уважаютъ... (*Схватываетъ цѣпь*). Вотъ какъ уважаютъ! За что на меня такая напасть? Не придумаю. Что я кому сдѣлалъ?.. Эхъ! кабы я былъ одинокъ! Послужилъ бы Богу и государю вѣрой и правдою, со всѣмъ усердіемъ и охотою; все свое имущество раздалъ бы бѣднымъ, роднымъ и чужимъ... Но матушка!.. На кого мнѣ ее повинуть? (*Плачетъ*). Въ бѣдѣ найдутся и враги и обиралы: доведутъ ее, мое сердечушко, до нищенской сумы... А постигнетъ болѣзнь въ старости... Кто ее присмотритъ? (*Больше плачетъ*). Кто ее успокоитъ! Кто (*горько зарыдалъ*), кто закроетъ ея глаза? О матушка моя! Одну ты имѣла на свѣтѣ радость, и той тебя лишили, и не дали несчастному сыну твоему принять послѣдняго благословенія...

*) Комедія „Шельменко волостной писарь“ первый разъ была напечатана въ Москвѣ 1831 года.

Софронъ. *(Между тѣмъ проснувшійся)*. А! Ну, што ты, Микита? Знай всё плачешь? Слезами ничего не поможешь. Терпи!

Ник. Хорошо бы и терпѣть, да и на все идти, кабы я одинъ былъ; но какъ вспомню про родную, да подумаю: на какую горькую жизнь она остается, такъ вѣришь ли? Господи прости! самъ бы на себя руки поднялъ! Ты, Софронъ, чай, былъ на сходкѣ; скажи мнѣ, Мионовичъ, на милость: за что меня присудили въ отдачу? Недоимка за мной не числится, общественная работа не стоитъ; я одинъ отъ отца, дядья сами по себѣ, и служба за ними есть уже. За что меня приговорили?

Софр. А кто тебя звать! На сходкѣ я не былъ; а знашь за чѣмъ? за тѣмъ, што на тебя и сходки-та не было. Тебя отдають такъ на чисто: пришла бамага — вотъ и всё тутъ. Кто тебя звать, я не знаю.

Ник. Бумага? Стало же, отъ начальства? А я родясь, кромѣ капитанъ-исправника, другого начальства и въ глаза не видалъ, и въ городѣ не бывалъ; дурныхъ дѣлъ и по слуху не знаю, не то чтобы самому бездѣльничать. Покойный отецъ мой не на то меня грамотѣ научалъ, чтобы я сталъ недобрымъ и негоднымъ, а старался наставить меня на добрый путь.

Софр. Ну, вотъ лишъ ли: какой тебѣ путь лучилъ, такъ и терпи. А объ матушкѣ не кручинься; ино дѣло кабы бѣдность, а то не бось: проживеть вѣкъ, да и не охнеть вспоминаячи тебя.

Ник. *(Вздыхаетъ и молчитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣже и Шельменко въ тулупъ и шапкѣ; на плечахъ большой войлокъ. Софронъ торопливо разбуждаетъ крестьянъ, кои, вскочивъ, становятся у дверей съ дубинами.

Шельменко. *(Снимая съ себя войлокъ и протирая глаза)*. О, та й змерзъ же я цѣцко! Алé ничого й не бачу. Та й дрыжкавивъ найився. Агбв! Калавѣрни! чы все у васъ справно?

Софронъ. Да што? Кажись, всѣ цѣлы и мы — и не-
крутъ. Вотъ всѣ на глазахъ.

Шельм. *(Отдавая ему войлокъ)*. Визьмы жъ опанчѹ та
заховай, та й гляды якъ ока, ато мижъ москалямы й не-
счѹесся, якъ стягнуть. А голова бувъ?

Софр. Нѣтъ, не бываль ещо.

Шельм. Дѣ винъ тамъ у гаспыда блувае! Ще шобъ
не втявъ чога на пакысть. Видъ москаля усѣго стаетця.
(Пододеть къ задумавшемуся Никитѣ, садится подлѣ его).
Здоровъ, Мыкыто! Чога бо ты журысса? Оцѣ ще! Гай, гай!
не-знать-щоб ты, голубчику, робышь! Чога такы плакаты?

Ник. Какъ мнѣ не плакать, Ковдратъ Терентичъ?

Шельм. Та такы далеби-що нічого. Не ты одинъ бѹ-
дешъ у слѹжи. Слава тоби, Гбсподы! е салдативъ по всѣму
свиту тысячи чотыри, колы й не бильшь; не дадутъ зажу-
рытысь. Гбди жъ, гбди, гляды веселѣнько. *(Надѣваетъ на него
свою шапку)*. Дывысь! якый, бѹдучы, съ чѣрта гарный москаль
бѹде! Э! кывъ лыхомъ обѣ землю! Я жъ кажѹ: тилькы й страш-
но трѣхы, пѣкы прымиряють та оглядають; а дали якъ крык-
нуть: лобъ! такъ де тая й хвабристь визметця! Э, Мыкыто,
Мыкыто! Ты еси дурень, не знаешъ своего щастя.

Ник. Какое, дядюшка, счастье?

Шельм. Якъ, якѣ? Якъ надинуть на тебе, бѹдучы,
мундѣръ та позаципають усюды гаплыкамы, та, тѣе-то, и сюды
кытыци и туды кытыци, а тутъ, бѹдучы сказаť, гѹдзыки; такъ
такый, стало быть, бѹдешъ страшный, що до тебе ни прысту-
пу. Та ще, бѹдучы, мѣже въ насъ на сели, тѣе-то, й на
кватѣри стоятымешъ; та якъ пидешъ по юлыци: шапѣа на
тоби возацьба, кытыци телипаютця, а тѣе-то, шаблѹка у
обѹку тилькы: брязъ, брязъ, брязъ! Абѹ якъ выйдешъ на ве-
черныци, та якъ утнешъ на шпѹрахъ гоцака, такъ, бѹдучы,
дивчата уси за тобою, та знай крычатумуть: москалю! госпо-
да служывый! А ты, бѹдучы сказать, на ныхъ и не дывысса,
тилько, тѣе-то, покрыкуешъ: аштѣ, та на штѣ, та пайдѣ геть
собѣ! А якъ, бѹдучы, прыйдешъ на кватѣру, заразъ и кры-
чы: хазыйба! давай, тавѹ, вечерять паскарѣича! А нова й
пытаѣтця: а чога зволыте, господѹ москалю? а ты й прыказуй,
бѹдучы сказать: кѹрѹу звары, дрѹгу спечы, яѣшню спряжы, та

моло́шну кашу до пёрцю, та подава́й гарѣлки-ста. Отта́къ-то, Мыкыто, й ты, б́дучы сказа́ть, и ты будешь. А що́? пра́вда моя́?

Ник. (*Не слуша́я его*). Б́дная моя матушка! На кого она останется?

Шельм. Та объ паньма́тци не тужи. Вже, стало бытъ, якъ намъ ии покинута? А, б́дучы, знаешь що́, Мыкыто? Я тебе завсегда́, тее-то, любывъ, мовъ брата ридвесе́нького, то якъ, б́дучы сказа́ть, забрыють тоби лобъ, то я одна́ково у васъ захожий, сыро́та, ни ба́тька, ни ма́тери; то я, тее-то, визьму́ ии замисць ма́тери, и, б́дучы, вже въ не́и й жытыму и глядитыму ии; а якъ, б́дучы, помре́ть, то похова́ю, ста́ло бытъ, вына́че мища́нку: де́вять обидивъ спра́влю и, тее-то, усихъ старцивъ нагод́ю. Ко́лы й ты ве́рнесся, то б́демо жыты, гмъ! якъ браты; а ко́лы, б́дучы, не ве́рнесся, що, неха́й Богъ боро́ныть, тебе вб́ють, то я й тебе видпомына́ю и, тее-то, и у гра́матку запышу *убіе́нного Мыкыту*. Не журыся жъ, бра́тику. Бачъ, вже я съ тобою, б́дучы сказа́ть, и побра́тався. Не журыся; тво́й ма́тери б́де до́бре.

Ник. Все такъ, дя́дюшка; да ты не будешь ей сыномъ!

Шельм. Та да́леби-що б́ду! Отъ ей! вельке слово! Бачъ, ажъ, б́дучы, забожывся. И жъ тоби, ста́ло бытъ, каж́у: що якъ ви́ддамó тебе та верну́ся до до́му, то такъ, б́дучы, у твою ха́ту мерщи́й и перейду́, та й б́ду доглядаты худобы и, б́дучы, и ма́тери тво́еи. Будь же, тее-то, веселёнькый. Та якъ, б́дучы сказа́ть, приве́дутъ тебе́ у прыво́дъ, то не дывысь сторчъ, якъ тепе́рь дывысса; а такъ, тее-то, веселёнько, мовъ дивча́та съ тобою жарту́ють. Та ще, сл́хай, ось що: якъ ста́нутъ тебе́ у прыво́ди судя́щи пыта́ты, якъ тебе́, будучы, зову́ть, абó-що; то ты имъ кажы по пысьме́нному. Чы знаешь, якъ-то по пысьме́нному?

Ник. Я тепе́рь и ниче́го не знаю.

Шельм. Ось бачъ: тебе́ зову́ть Мыкытою, а ты по пысьме́нному кажы, будучы, Мывхво́рь. Прозыва́есся ты, коза́че, тее-то, Миха́йловъ, а по пысьме́нному тре́ба-на́да, ста́ло бытъ, Мыва́йловъ.

Ник. Да я, дя́дюшка, пишуся Миха́йловъ.

Шельм. Эгэ! та щó бѹдешъ робыты, колы по справци таѡ оказалося! Чы ты чытаѡв, бѹдучы тее-то—ревызькны свазки?

Ник. Нѣтъ, дяюшка, я только церковное читаю.

Шельм. А гражданське?

Ник. Только и читалъ, что „путь ко спасенію“.

Шельм. А скоропысне утвѣшь?

Ник. Нѣтъ, не дошелъ до такой премудрости.

Шельм. Такъ такыи-то ты, бачу, пысьмѣнный! (*Смѣется*). Ге, ге, ге, ге! а бодай васъ вчылась! Дывыся жъ, голубчику: такъ щó жъ то мыни зъ невчѣнымъ и толкуваты! Ты менѣ, бѹдучы, и не второбаешъ, щó я тоби казатыму. Слухай же, якъ вонó е. (*Разводитъ пальцами по столу*). Осъбъдечка Мыхэйловъ, а оттѹтечка Мынэйловъ; такъ оцѣ, бѹдучы, узявшы видъ Мыхэйлова и-хиръ-азъ-ха-ха-йй, та й прытулыты, тее-то, до Мынэйлова; а видъ ёго вырваты и-нашъ-азъ-на-на-йй, та й залататы дирку, бѹдучы, у Мыхэйлова. Чы розѹмно тоби? Осъ такъ усѣ учѣни рóбляты: де имъ не дошмыгы, то й вырвуть, а де кинциѡв не зведѹтъ, такъ тамъ чимъ пóпада латаѹтъ. Такъ се вже слидователно, бѹдучы свазаты, хотъ до якого хочъ дякы пиды, то ты, тее-то, Мыкыхвóръ Мынэйловъ; такъ и видкыкайся, атó якъ панамъ та не по пысьмѣнному, стало бытъ, скажешъ, тó-то розсѣрдятця! та ще гляды, щобъ и не налаялы. Эгэ, зъ панамы такъ: я вже ихъ дѹже знаяю. Та й гóдивъ тоби кажы, бѹдучы сказаты, двадцаты чотыри.

Ник. Не будетъ, дядя; мнѣ только двадцаты.

Шельм. Ни, не такъ. Я жъ самъ, бѹдучы, у мѣстрыци чытаѡв, щó тоби, тее-то, двадцаты чотыри гóды. Та на отъ и самъ подывыся, лѹче всѣго (*подаетъ пустую бумажку*).

Ник. Не знаю цифыры.

Шельм. Чогóжъ и спóришъ, колы ничóго не тымышъ! Се вже, бѹдучы, справди неѡче на велыкыхъ шкóлахъ вчѣнный, про все спóрытъ, а вонó, тее-то, якъ по справци оказѹетця, и гражданського не вкѹсытъ. (*Смѣется*). О, бодай тебѣ! (*Встаетъ*). Ну, тенѣръ, бѹдучы, зовсимъ. Говъ! сторóжа! А кѣте-лишѣнь чогó поснидаты!

Софр. Да гдѣ я тебѣ возьму? Ничего нѣту-тѣ.

Шельм. (*Осердясъ, дразнитъ его*). Табѣ, табѣ! А ты, будучы, не вмѣешь звычайнише назвѣты? Се ты не зъ своимъ братомъ мужыкомъ, будучы, варнякаешъ, а бачъ, тѣе-то, съ павомъ писаремъ;—такъ бы извелычавъ, якъ тамъ, будучы, кажутъ, дядюшкою, абѣ, тѣе-то, павне писарю Терѣнтовычъ. Атѣ зъ дѣру, якъ съ пѣчи. Эка мужыкъ! Унесы жъ сюды, будучы, я привизъ мѣрзлой тарави, то кѣте сюды, та поснидайте и орестанта нагодуйте.

Ник. Благодарствую, дядя; мнѣ ѣда и на умъ не идетъ. Вотъ и вчерашній ужинъ, я къ нему и не дотрогивался. Я вотъ все о чемъ думаю: за что на меня такая напасть? По какому резонту меня отдають?

Шельм. (*Важно*). А по такѣму резонту, що, будучы сыричъ обѣче и поелыку, гмъ, гмъ! тѣе-то... та щѣ тутъ базикаты: якбы ты вмивъ скорописне, то ты бѣ самъ прочытавъ, щѣ тѣточка напысано (*вынимаетъ ту же бумажку*). Слѣхай, я тоби, будучы, прочытаю: Ме—ме—ме—дѣндеже будучы—ме—ме—ме—можѣху—ме—ме скоропостыжно, предстѣавыть, ось бачъ! предстѣавыть, эгѣ! пом-слово-тытла-пом, оцѣто насъ и заплѣтало! а, ось-ѣзде: виддѣтъ у рѣкруты; бачъ! у рѣкруты, эгѣ! охъ, голѣвоньѣо наша бидная! аву, щѣ дальше: бачъ, хочъ самъ чытай: нашъ-и-ны, Ны, како-и-ки ки, Ники, хвертъ-онъ-хво, хво, Никихвѣ, ерци-азъ-ра, а по верхамъ, Никихвѣра Миняйлова; слидовѣтельно, тутъ справѣа чыстая: тебѣ виддѣтъ у рѣкруты. Гмъ! такъ щѣ ты пислѣ сѣго будешъ робыты? се, голѣбчику, предпысаные видъ начальства; а писаные глаголѣть: скачы, враже, якъ панъ каже.

Ник. Да не можно ли, дядюшка, Кондратъ Терѣнтычъ, какъ нибудь, знаешь? Поклонился бы твоей милости сотенкою.

Шельм. Та щѣ се ты мени говбрышь? Мени душѣ ще й самѣму згодытца, а не тѣ щѣ за мою брехнѣю чортѣяки мѣимъ языкомъ, тѣе-то, мѣовъ ополѣныкомъ, кыпѣячу смѣлу мѣшѣлы, а мѣевѣ бѣ, будучы, потроцылы на лыпыну для пѣдпѣлки. Ей, не мѣжду ни узѣты, ни тебѣ вызвольты. Мени тебѣ жалѣо; такъ отъ самъ бѣачышь, будучы, предпысаные (*встаетъ и надѣваетъ шубу, съ стороны*). Утикты мерщѣй, атѣ дѣже жалѣбно прѣсытца, щѣбъ я йводи не спитѣвѣвѣся; щѣбъ за сотнѣмы, та не процѣвѣндывъ ѣго тысячи. Хлѣпци!

я пиду́ головы́ съка́ти, а колы, будучы, винъ́ бѹде тѹтечка-здѣсечка, такъ нехай, тее-то, менѣ дождя́ тѹта-здѣся. Гляды жь, будучы, Мыкыто, не забувай, щѹ я тебе вчывь. (*Отходя*). Навчывь ёго на все дѹбре; бѹде дякуваты.

Ник. (*По уходѣ ея*). Все-таки я не узналъ, за что именно меня отдають; за что, какъ скотину на убой ведутъ на явную погибель? Почему я изъ Никиты Михайлова долженъ стать Никифоромъ Мѣнайловымъ? Отчего судьи разсердятся, коли я не такъ назовуся? судьи должны знать святую правду. О! кабы я возымѣлъ смѣлость, да рассказалъ бы имъ всю истину! Не надѣюсь... проймутъ слѣзы и погибь несчастной Никита! Нѣтъ у меня ни пріятели, ни добраго человѣка, кто бы далъ мнѣ благой совѣтъ. Словно сумасшедшій! словно во снѣ все вижу... О! кабы я заснулъ на вѣки сию же минуту...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣже и Степанида входитъ постынно.

Степ. (*Бросаясь къ сыну*). Вотъ мое ясное солнышко! Вотъ мой Микитушка! голубчикъ мой! (*Обнимаетъ его*).

Ник. (*Въ большой радости*). Матушка родная моя! Ты мнѣ какъ ангель съ небеси явилась!

Степ. Еще меня Богъ помиловаль! еще далъ мнѣ тебя увидѣть-та. Да штожь ты это, мой родимой, закованъ? Ужь не наказаль ли тебя Богъ?..

Ник. Нѣтъ, родная! Я всё твой честный сынъ; все еще молитвами твоими сохраненъ отъ всякаго зла. Ты развѣ ничего не слыхала обо мнѣ въ нашей деревнѣ?

Степ. Ничего, мой соловушка! Вотъ какъ позвали тебя къ головѣ и ты пашоль, да тебя и нѣту-тѣ. Я ждать-пождать, да и горюю! охъ моя головушка! а тамъ ужь и плачу и тебя, мое утѣшеніе, разыскую. Нихто мнѣ ничего не говорить; я къ головѣ; онъ, знашь, мужикъ гордой, велѣлъ меня въ зашей вытолкать. (*Голосомъ юловы*). „Почему я знаю, гдѣ твой бурлака гуляетъ“! Господи милостивый! заплакала я: ужь какой-то мой Микитушка бурлака? Онъ словно красная дѣвица! Ну! и плачу, и пошла къ нашему писарю, къ

хахлу-та; а онъ началъ меня на смѣхъ подымать да матушкой называть, да што-та по своему индюшечьему разговору квакаль-квакаль, я и не разобрала; да иду, плачучи, къ батюшкѣ священнику посовѣтоватца-та: а кума, знаешь, Василиса мнѣ на встрѣчу, да и сказала, што тебя, моево сыночка, моего Микитушку, повезли за калауромъ въ губернію. Вотъ я поскорѣй къ тебѣ и пріѣхала.

Ник. Какъ же ты, родная, добралася сюда?

Степ. Племянниковъ Мироха, спасиба ему, звамши мою бѣду и видачи, што я плачу, што вотъ какъ рѣка лѣтца и убиваюсь словно рыба на пескѣ, взявши, сторжился со мной довести сюды-та. Вотъ, какъ вѣхали въ городъ, гляжу: большой! домовъ много! а въ какомъ ты? неизвѣстно! Кого спросать и гдѣ искать? Горе меня одолѣло! Мироха и говоритъ, што онъ знаетъ дворъ, гдѣ наше начальство вѣзжаеть. Ну, вези же, голубчикъ, когда знаешь! Вотъ и доѣзжаемъ: какъ я — глядь! Шельменко-то, писарь нашъ, шмыгъ сюда во дворъ; я такъ и закричала: тутъ мой Микитушка, тутъ мой ясной мѣсяцъ!

Ник. Онъ же не слыхалъ тебя?

Степ. Нѣтъ, я еще по-одалъ отъ нево была, да и подумала: незымъ какъ онъ выйдеть, тогда ужъ я пойду отыскивать своего Микитушку. Ушь на все пойду, смерть себѣ отъ враговъ найду, да ушь хоть бы мнѣ взглянуть-та на нево.

Ник. О матушка моя, Степанида Гавриловна! самъ Богъ тебя послалъ! Теперь мнѣ веселѣе и горе свое встрѣчать, что я вижу тебя, получу родительское благословеніе.

Степ. Да што же ты, мое красное солнышко, скованъ? Што ты имъ сдѣлалъ?

Ник. Ничего я, матушка, никогда худого не сдѣлалъ и въ вѣкъ не сдѣлаю, а заковали меня за тѣмъ, что... родная моя! перенеси горе, не убивай себя! Меня... велѣно отдать... въ рекруты!

Степ. *(Вскрикиваетъ)*. Кто повелѣлъ?

Ник. Начальство прислало указъ.

Степ. *(Поражена, удерживается, чтобы не зарыдать и едва можетъ говорить)*. Указъ? Воля Божья и государева! Больно мнѣ... охъ! тяжко... Што жъ, Микитушка! не моги

спорить противъ начальства, Богъ тебѣ поможетъ и меня горькую, мать безчадную, не оставитъ! Да за штой-тѣ тебя повелѣвають отдать? Што ты кому сдѣлалъ, и почему начальство тебя знаетъ?

Ник. Ничего не понимаю. Не плутни ли это головы съ плутомъ писаремъ?

Степ. Да ты же говоришь, што бамага объ тебѣ пришла?

Ник. Читаль мнѣ ее писарь; да кто знаетъ, правда ли еще? Мы люди тѣмные, чтó можемъ сдѣлать противъ ихъ хитростей?

Степ. Да погоди же. За што эдакая на насъ напасть? Какъ таки можно у человѣка послѣдній глазъ вынимать? Какъ отнять у матери послѣдняго сына и кормилца, и оберегателя? Вѣстимо, што это враги наши убиваютъ насъ. Хто насъ теперва защититъ? Пусть возьмутъ всё богатетство, ничего не пожалѣемъ, а штобъ только насъ не разлучали, не уводили бы тебя, моё сокровище, въ конецъ свѣта, дали бы мнѣ бѣдной горькой сиротиночкѣ нарадоваться тобою, женить тебя, налюбоватца тобою въ парочкѣ, навеселитца твоими птенчиками...

Ник. Прошли наши радости, родная! Благослови меня теперь на новую жизнь! даютъ мнѣ въ жену саблю острую, приданое беру пули свинцовыя...

Степ. Да колижъ это голова. съ писаремъ мудрать, такъ по какой же это правдѣ?

Ник. Скажи мнѣ, матушка, какъ мы пишемся: Михайловы или Мѣняловы?

Степ. Вотъ! Мы Михайловы, кормилецъ, отъ дѣда да и еще повыше; а Мѣняловы особо, въ нашей таки деревнѣ, да вымерли, безродные. Одинъ остался, да и тотъ съ семьей бѣжалъ на вольныя земли.

Ник. Что жъ это, родная: Шельменко наказывалъ мнѣ много, чтобы я назывался Мѣняловымъ? Такъ бумагу читаль. Не плутни ли это его съ головой?

Степ. Да таки взаправду, што плутни. Съ чего бы тебѣ одного въ семьѣ, да и брать? Ужъ не пожалѣтца ли мнѣ на такую обиду? Да только—кому? Чай тутъ въ губерніи

есть какой голова, да можетъ еще старшей надъ нашимъ? Побѣгу-тка я къ нему, да стану просить за тебя, чтобы не брали тебя-та.

Ник. Иди, моя матушка, моя отрада! Проси за меня; а здѣсь не голова, здѣсь губернаторъ — надъ барами баринъ, надъ господами господинъ.

Степ. Охъ, Микитушка! Да колижъ онъ надъ господами господинъ, такъ онъ въ наши мужицкія дѣла и не помѣшаетца-та.

Ник. Нѣтъ, матушка, не такъ. Мы всѣ дѣти у нашего батюшки-государя. Ему всѣ равны: что баря, что мужики, что богатые, что бѣдные. Онъ всякаго изъ насъ жалѣетъ, и дай Богъ ему многія лѣта! желаетъ, чтобы никто не обижалъ другъ друга. Но какъ царство его обширное, дѣтушекъ много, а до Бога высоко, до царя далеко, такъ онъ и поставляетъ губернаторовъ изъ выбранныхъ выбраннаго и изъ усердныхъ усерднаго; вотъ и поручаетъ насъ ему и крѣпко приказываетъ, чтобы никто не былъ обиженъ, и чтобы всюду была правда и порядокъ. Иди, матушка! Богъ тебѣ мысль послалъ. Проси губернатора; и коли я по правдѣ отдаюся, такъ благослови меня, и не вздохнемъ: поручу тебя милосердію Божію и съ радостію пойду на врага, хоть на нѣмца, хоть на француза, и не убоюся басурмана турка. Исполню волю царскую; за то Богъ меня не оставитъ и возвратитъ къ тебѣ здрава и нерушима. Коли же нѣтъ обо мнѣ правды, то губернаторъ все узнаетъ, меня отпуститъ и тебя обрадуетъ.

Степ. Головушка ваша бѣдная! Какъ до него доступить? Когда до нашего головы не поступишь, а ушь тутъ въ губерніи начальникъ, чай — гордѣй нашего сельскаго.

Ник. Нѣтъ, моя родная! Кто изъ мужиковъ дослужится хоть до маленькаго начальства, тотъ всегда и на всякомъ мѣстѣ останется мужикомъ: все гордится и недоступенъ, все требуетъ, чтобы его уважали; анъ напротивъ: за его гордость всѣ презираютъ и почтенія ему душевно нѣту. А кто изъ барина баринъ, такъ его чѣмъ ни поставь, куда ни опредѣли, онъ все одинаковъ: все ласковъ, всѣхъ допускаетъ, выслушиваетъ и любитъ правду, паче злата и топазія и бисера многоцѣннаго.

Степ. Микитушка! соловушка мой! Штожь я ему поднесу? Нѣтъ у меня тутъ ни курочки, ни хлѣбушка, да и деньжонокъ мало схватила.

Ник. Избави Господь! Не носи ничего.

Степ. Какъ же? Когда приказано въ головѣ безъ приносу не ходить, а тутъ побольше его...

Ник. Вотъ то-то и есть, моя родная! У мужика и обычай все мужицкіе, все подлое да гнусное; онъ для злата не боится прогнѣвать Бога, отвѣчать предъ царемъ, и стыда не страшится. А господинъ ни самой маленькой не пойдетъ на такое беззаконіе: онъ знаетъ судъ Божій и царскій, и стыдъ отъ людей. Иди, матушка, не медли!

Степ. (*Постынно собирается*). Иду, Микитушка! Сей часъ бѣгу, ясное мое солнушко! и привесу тебѣ радощну вѣсточку. Чуетъ мое сердце, што губернаторъ насъ пожалуетъ. (*Собравшись, останавливается*). Да куда жъ я пойду-та? Гдѣ его искать?

Ник. Спроси, матушка, рекрутской приводъ; тамъ и губернаторъ; проси всѣхъ, доступи къ нему и Расскажи всю правду. Поспѣши, моя родная! Уже утро; скоро меня въ приводъ поведутъ, тогда ничѣмъ не воротить. Богъ тебѣ поможетъ; о себѣ стараешься.

Степ. (*Поцѣловавъ его въ голову*). Иду, мой сыночекъ! Всѣ Расскажу ему, всё... (*Скоро уходитъ*).

Ник. Ахъ! кабы она не опоздала, кабы достигла! (*Бросается на свою скамью*). Грусть меня замучить, пока узнаю свою судьбу. Меня такъ скоро схватили, что не успѣлъ взять своей псалтыри, отцовскаго благословенія. Теперь въ горѣ читалъ бы и пользовался, и получалъ бы утѣшеніе. Утѣшеніе!.. (*Вздыхаетъ и приорюнивается*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣже, Трофимычъ и за нимъ Чаркодуевъ.

Трофимычъ. Што? всё ли у васъ исправно-та?

Софронъ. (*Кланяясь*). Всѣ хорошо.

Троф. А панъ Шельменко былъ ли здѣсь-та?

Соф. Былъ и онъ. Спрошалъ вашей милости, да и пошолъ себѣ.

Троф. (*Чаркодусву*). Ну, Савастьянъ Ахрѣмичъ! смотри, годитца-ли? Вѣдь мы знаемъ, што въ тебѣ вся сила.

ЧАРКОДУЕВЪ. (*Войдя, осматриваетъ все и, увидя на столѣ кружку, съ радостію бросается на нее; отвѣдалъ и съ неудовольствіемъ оставилъ*). Смотрѣлъ, вселюбезнѣйшій! и даже отвѣдалъ. Тьфу! охти мнѣ! Прѣсная вода, которая мнѣ очень вредна и которой я, благодаря моей комплекціи, лѣтъ десятокъ не употребляю.

Троф. Да не то; осмотри-тка-парня-то.

ЧАРК. Охъ, вселюбезнѣйшій, не могу. Глупая привычка отъ малыхъ ногтей и отцовская, на смертномъ одрѣ данная заповѣдь—гмъ! прежде дѣла—испить малу толику.

Троф. Охъ, Савастьянъ Ахрѣмичъ, да гдѣ взять-та? здѣсь не кабакъ, да кому жъ и некогда. Огляди-тка парня-то, да и пойдѣмъ куда желаетъ.

ЧАРК. Основательно, обдуманно. Но хотя кваску же, уста смочить (*Трофимичъ приказываетъ*). Со вечера до полуночи и такъ далѣе у одного отдатчика трудились, ей! до положенія ризъ. Едва-едва голову, едва на плечахъ (*подаютъ ему пить; пьетъ*). Э! хорошо, да все не то.

Троф. Будетъ и то, будетъ и всё: принимайсь-ка за дѣло-та.

ЧАРК. Сей же часъ.—Хмъ, хмъ! (*Никитъ въ полголоса съ важностію*). Какъ тебя зовутъ?

НИК. (*Твердо*). Никита Михайловъ.

ЧАРК. (*Головъ*). Не глухъ,—статья первая. (*Никитъ*). Сколько у тебя пальцевъ на рукахъ?

НИК. (*Съ неудовольствіемъ*). Сколько и у тебя: десять.

ЧАРК. Не глухъ,—статья вторая (*Никитъ*). Когда прійдешъ въ кабакъ и спросишь вина на десять алтынъ и дашь гривенникъ, сколько сдачи надобно получить?

НИК. Въ кабакъ никогда не былъ, вина родяся не пилъ, а сдачу всегда умѣю рассчитать.

ЧАРК. Онъ дерзокъ, сирѣчь, храбръ. Статья третья и послѣдняя (*Никитъ*). Встань. (*Онъ всталъ*). Во мнѣ во дни

оны было четыре вершка, а онъ выше и меня. Голова! слушай резолюцію. Приказали: онаго вышеписаннаго рекрута вели вести въ приемъ. Гмъ!

Троф. Бумаги не готовы.

Чарк. А я у васъ на что? Пойдемъ и мы, по обѣщанію зайдемъ кое-куда и напишемъ, гмъ! что знаемъ.

Троф. Ну, и то ладно. Ведите же его.

Чарк. Но, вселюбезнѣйшій, прикажи здѣсь цѣпи снятъ. Сія статья не позволительная.

Троф. Снимите же цѣпи и ведите, да въ большихъ сѣняхъ ожидайте насъ; дорогою глядите, шtbody не ушолъ.

Нив. (*Посмотрѣвъ на него*). Не знаешь меня, такъ и думаешь обо мнѣ худо. (*Вставъ*). Господи, помоги! Прощай, голова! Вспомнишь меня при часѣ смертномъ. (*Уходя*). О, матушка моя родная! Гдѣ ты теперь? (*Уходитъ, за нимъ вст крестьяне съ дубинами*).

Чарк. Многогрѣчивъ крѣпко, но смыслу въ словахъ не имѣется, точной нашъ частной приставъ. Что, рекрутъ этотъ доимочной, или за отличіе въ зачетъ?

Троф. Охъ, Савастьянъ Ахрѣмичъ! съ нимъ нада умудриться-то. Пустились мы съ паномъ Шельменкомъ на промыслы...

Чарк. А гдѣ мой вселюбезнѣйшій Шельменко? Вотъ дружище! Ужъ мы съ нимъ одинаковы: попировать ли, дѣльцемъ ли поворотить, одинъ передъ другимъ. Да что онъ не является? Не пойти ли намъ къ нему? Я чувствую, что онъ избралъ мѣсто покомплектнѣе нашего, хотя то классомъ и выше его.

Троф. Запропастился онъ гдѣ-та. Сказалъ прошать тебя сюды и самъ хотѣлъ здѣсь быть, да и вѣту-тѣ. А безъ него я не знаю, какъ и дѣло начать-то. Онъ самъ надумалъ, самъ будетъ и рѣшать.

Чарк. Коли самъ надумалъ, то не безъ ума и хитрости. О! голова. Истину говорю: губернская голова! не для волости онъ созданъ. У насъ въ губерніи такіе люди переводятся уже. Ну, уповательно, въ семь дѣлъ перепадаетъ и мнѣ что-либо, охъ! за грѣхи мои. И такъ хотя уже и семь

часовъ, и хотя уже нашъ секретарь, уповаю, сидитъ на своемъ классномъ мѣстѣ и поглядывая гордымъ окомъ и нечистымъ сердцемъ, вся ли наша братія собралась; но подожду Шельменка, что онъ мнѣ препоручитъ? Въ нынѣшнее треклятое нами время, таковыя комиссіи сущій кладъ и ихъ упускать не должно.

Троф. А пока я тебѣ расскажу. Вишь ты: времена тяжки, нада и о предбудущемъ думать. Новой-та исправникъ у! гроза! онъ-то зналъ за нами прежніе грѣшки-та, такъ вотъ теперъ и добираетца-то; да за всё, про всё требуетъ отчота. Панъ Шельменко всё ему списаль; такъ въ судѣ сказали, што не гладко и што будетъ намъ бѣда-та; а штобы мы куда не скрылись, такъ намъ смѣны не будетъ до послѣдняго часу-та, и штобы съ должности, да прямо насъ и подъ судъ-та. Такъ вотъ мы на всякой случай запасаемся-то; извѣстно, што нужно, бымыши подъ судомъ. Одинъ рекрутъ по нашей волости въ недоборѣ; такъ мы съ очередными уладивъ, нашли-та сироту. Одинъ сынъ у матери, на што онъ пригоденъ? А мать, таво вава, дюже богата! Отъ мужа осталась ей сумá немалая! Вотъ двѣ сотни и я долженъ ей третій годъ. Тамъ мы сына-то отдадимъ, а ее Шельменко принимаетъ вмѣсто матери родной съ избой, съ землѣй и всею движимостью. Куды старухѣ съ ними хлопотать-та? Мой долгъ прощаетъ, да когда случитца взысканія изъ насъ по должности, такъ мы изъ сего же благопріобрѣтеннаго и пополнимъ, да и передъ судомъ отвѣты дадимъ; такъ и намъ останетца, и добрымъ людямъ за труды удѣлить можно.

Чарк. (*Въ продолженіе разказа юловы*). Хорошо! обдуманно! (*Потомъ*). Но, вселюбезнѣйшій! времена и люди неблагопріятны! Охъ!.. Первоклассныя въ губерніи особы въ такія мелочи входятъ, что я, повытчикъ, въ прежнее время гнушался, а предоставлялъ сіе писцу. Повѣришь ли, что предъ его превосходительствомъ господиномъ гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ лежатъ очередныя и метрическія книги, и онъ самъ изволитъ производить справки, не вѣря даже и мнѣ! И теперъ нашъ братъ, ходитъ только по канцеляріи, да съ сокрушеннымъ сердцемъ повюхиваетъ табачокъ, вспоминая прежнее златое время! Ох-ох-охъ!.. По симъ-то обстоятельствамъ, ежели паче чаянія его превосходитель-

ство усмотрѣть изволить, что у оной вдовы состоитъ вышеупомянутый единственный рожденный сынъ, тогда что? А? Гмъ! вотъ закуска!

Троф. Всѣ придумано. Его зовутъ Никита Михайловъ, а есть по ревизіи Матвѣй Мѣняловъ съ четырьмя сынами, да показанъ въ бѣгахъ. Вотъ тутъ-та Шельменко какую-та рихтму хочеть приставить. Говорить, што онъ и губернатора улестить и наговорить труса на колесахъ. Вѣстимо, онъ на то хахоль.

Чарк. Да, человекъ этотъ съ дарованьицемъ! Вотъ же и лежокъ на поминъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣже и Шельменко.

Шельм. Ось и я тѣточка-здѣсечка! А! здорѣвъ, здорѣвъ, благопріятелю любезнѣйшій (*обнимается съ Чаркодуе-вымъ три раза*), Севастьянъ Охримовычъ! Чы ще живѣньки, здоровѣньки хочъ трѣхы? жиночка, диточкы?

Чарк. Вашими молитвами всѣ благоденствуемъ. Ты, вселюбезнѣйшій, нѣчто запаль. Ни слуху, ни послушанія о тебѣ не имѣется чрезъ продолжительное время. Да и теперь, сколько времени въ городѣ, а старыхъ благопріятелей и не вспомнишь. Гдѣ теперь былъ?

Шельм. Де бувъ? За походѣнькою ходывъ. Пысаные бо глаблеть: захотилося гыри протывъ ночи виснычка. Такъ и я хотивъ, будучы свазать, дѣ-що, гуляючы, сконпонуватъ зъ земськымы, тѣе-то, благопріятелями по прыдмѣту, сыричъ, взысканія. Бигавъ-бигавъ, шукавъ-шукавъ, бодай вони выдыхалы! хочъ бы тоби, тѣе-то, дурного кого знайшовъ! Уси видкомандырованыся, будучы, на вводъ въ иминіе якогось-то, тѣе-то, багатого пана; такъ тутъ звисно, не тилько що уси пысьци, та й сторожа, та й ихъ пѣцкы бижать за побздомъ. Атѣ булѣ, будучы сказать, пыльно трѣба ихъ нада.

Чарк. Ага! видно, новой начальникъ васъ прижалъ, подобно какъ и у насъ послѣдовала реформа?

Шельм. Знаешь, голубчыку? пысаные глаблеть: що булѣ, то бачылы, а що бѣде, то побачымо. Выдали мы, буду-

чы сказать, выдальчивъ. Прыжучывъ бувъ винъ менé дбре, та й я ёму, тее-то, задавъ пыхвы: нехай чх!

ЧАРК. А какъ это, вселюбезнйшй?

ШЕЛЬМ. Та, бачте, винъ на мене злыи вже, будучы, давнб, ще якъ ихавъ на справныкы; а я ёму—хто ёго пакъ знавъ, що винъ бде—та дё чого, стало быть, багачько розсказувавъ; а винъ, будучы, на мене описля й напавъ мбкрымъ ряднбмъ. Зминиты не зминывъ, а, будучы, прочувшы, що я такы соби замбжненькый—гмъ! та й ставъ, тее-то, трббувать одчбтивъ, а я ёму ихъ и представывъ. Та вжежъ и накрутивъ! такы що-лыстбкъ, то, будучы, и хвалшъ; та таеъ, тее-то, наплутавъ, що я жъ кажу: и самъ, будучы, чортъ шыломъ не пидтбче. Нехай, якъ-то будучы сказать, сыричь тее-то, розжубе.

ЧАРК. А вселюбезнйшй развф не знаетъ существующей формы? Отчеты оффициально въ переднйя двери, а до-полненйя и—гмъ! поясненйя секретно, черезъ корридоръ.

ТРОФ. Не таковской. Ужъ была проба.

ШЕЛЬМ. (Смътется). Ге, ге, ге. Завыдуе дядюшкы Трохымовыча, будучы, борода та спына, якъ до ёго съ подарункамы ходыть.

ЧАРК. Эхъ, вселюбезнйшйе мои, развф же онъ не женать? А всф жены, и наши, и выспихъ классовъ, сугъ дщери вашей праматери, первой въ мрфъ взявшей приносъ отъ лукаваго искусствителя.

ШЕЛЬМ. Врагова ихъ маты зна, що за народъ такый! Уси, будучы, вбвкомъ дывлятця. Теща бъ то ёго и, тее-то, и дббра жинца и, будучы сказать, вчена по сйей чисти, такъ нема йй голубоцци, тее-то, воли. Та цуръ имъ! Принймаймось лышенъ за дило. А що, дядюшка Трохымовычь, чы вы, будучы, благопрятелю Охримовычу усё росказалы?

ЧАРК. Все знаю, вселюбезнйшй! Основанйе вашего дбльца превосходно и замысловато; но что по справкф окажется, думалъ ли ты? удастся ли тебф?

ШЕЛЬМ. Та вжежъ побачымо. Писаные глабблетъ: и дурень кашу зварыть, абыбъ пшонб та сало; а тутъ, будучы, усёго довбльно ё. Будучы сказать, и не такы дила робылы. Чы въ памъятку вамъ, якъ, тее-то, нашъ сусида панъ Гу-

ляховський, та посередствомъ, будучы, моимъ, та попався изъ вѣлнои губернии зъ барыломъ у корчемства? Отъ же щѣ я зробывъ: якъ набигъ засидатель, а вже, будучы, смеркало, та по моєму совиту видложылы, тѣе-то, освидѣтельствваные, стало бытъ, до завтра, та й прынялыся, тѣе-то будучы, вапы варыты, та тутъ такы билья арештованной кѣхвы то въ джу-та, то въ дѣрни грѣты, та про видѣмъ росказуваты; а тамъ, будучы, по моєму научѣнню хлѣпци зѣаду, тѣе-то, и выпидылы кривъ обручи усю кѣхву, видѣрокъ у двадцѣть. Ну, тѣе-то будучы сказать, прочнувшыся и, стало бытъ, гарнѣнько поснидавшы, анѣмо, хлѣпци, свидѣтельствуваты. Тутъ же бувъ и, будучы, повиреный и самъ панъ Гуляховський. Видпечаталы—гулькѣ! ажъ гудѣ, мовъ у голови нашого повытчыка! смиху, смиху! панъ Гуляховський по моєму, будучы, совиту подавъ прошѣные на повирѣнного; а я такы зъ повирѣнного, будучы, злупывъ щѣ трѣба, та й помырывъ ихъ; а свѣха, звисно, зосталась, тѣе-то, въ мѣне. Та ще дѣчого, будучы, вамъ и бильшь бы росказавъ, та никола.

ЧАРК. Такъ, вселюбезнѣйшій! Многое челоувѣку удасться, но на бездѣлицѣ спотынется. Начальникъ нашъ челоувѣкъ прозорливый и на бѣду нашу охотнѣе рытаться въ документахъ, чтобы вездѣ открывать разтреклятую нами истину.

ШЕЛЬМ. Эгѣ! объ тимъ-то я й сумѣю. Писаные глаблеть: шертъ-вертъ, въ черепѣчку смерть; и пакы другѣе писаные: шыты, билыты,—завтра великдень. Трѣба, будучы, диломъ поспышаты, а дило трѣба зробыты, тѣе-то будучы, скѣсненъко. Бѣдучы, у ревызѣи Матвій Мыняйловъ показанъ бижавшымъ зъ сынами, у чысли кѣихъ имѣтця, будучы сказать, и Мыкхвѣрѣ, кѣому ныни восполняѣтця, тѣе-то, двадцѣть четвѣртый годъ. Та... тривѣйте лышѣнь, цуръ ни чычыркъ! писаные бо глаблеть: хѣта—пѣкрышка; то, тѣе-то, тогѣ рады бѣдте лѣсковы, Охримовычъ, тамъ щѣ видмичено: бижалъ у такимъ-то гѣди, то, будучы, выскромадьте скѣсненъко, та, тѣе-то, и ладанцѣмъ натрите. То вышепомѣянутый Мыкыта Мыхѣйловъ прыѣметця, будучы, яко-би ссутъ Мыкхвѣрѣ Мыняйловъ.

ЧАРК. (Смотритъ на него съ удивленѣемъ). Панъ Шельмѣнько! Да эта штука, вселюбезнѣйшій, не похоже, чтобы изъ головы волостного писаря вышла; отъ нее не отказался бы

*

кто и повыше, гмъ! классомъ и мѣстомъ. Но, вселюбезнѣйшій! ежели Никита скажетъ, что онъ Никита?

ШЕЛЬМ. Та тамъ такé хлопья плохé, що, будучы, и пары зъ усть не пúстытъ. Мы вже на нѣго давнó, тée-то, нацилылы, та усé не звалы, якъ збутъ; та отъ тепérъ, стало быть, насылу. (*Оглядываясь*). А дé винъ?

Троф. Я приказалъ вести въ пріёмъ.

ШЕЛЬМ. Оцé гарáздъ зробылы. Нехáй сердéка не сумé, а тамъ такы оглядытця, будучы, съ товариствомъ.

ЧАРК. Охти мнѣ, вселюбезнѣйшій! Съ горя не рассказалъ бы онъ кому?

ШЕЛЬМ. Та ни! Хлопья зовсимъ дурнé! Та винъ такы, будучы, й не зна, якымъ се пóбытомъ, стало быть рóбытця. (*Смѣется*). Ге, ге, ге, ге! Та я ёму, будучы, и бумагу чытáвъ, ось у чому булá, тée-то, кабáва, та й кажú, що се предпысаные; а винъ, будучы, вытрищывъ на мéне банькы та й вирытъ и усé, тée-то, плáче; а я такъ кышкы порвáвъ зó смиху. Отъ якбы ёгó, будучы, паньмáтка, такъ та вже дóбра пащикувáты. О! якъ сорóка: та-та-та-та. Та лыха мáтери зна, куды хлопья, будучы, запротóрылы. Схаменётця голубочка, та бá!

ЧАРК. (*Все думавшій*). А ежели его превосходительство соизволить обратить вниманіе на подчистку?

ШЕЛЬМ. (*Оторопѣвъ, смотритъ на него*). Не соизвóльтъ! нехáй бо не соизвóльтъ! Не лякайте менé, бúдте лáскови. Менé видъ вáшыхъ ричей, будучы, цыгáнскый пить пронявъ. Та вже жъ! колы й соизвóльтъ, то я тутъ ёму, будучы, стáну базикаты то такъ, то сякъ, та стало быть и видбрешúся. Лыха мáтери до прáвды доберётця!

ЧАРК. Основательно. И такъ, во исполненіе желанія вашего, гдѣ слѣдуетъ я подчищу, чему мнѣ не учиться. Служа въ магистратѣ, подчищалъ такъ искусно на вексельгахъ, что не одно дѣло отправлено въ архивъ; я въ ревизіи такъ смастерю, что и стоглазый аргусъ не увидитъ; только что...

Троф. Што положите? Панъ Шельменко отвѣчаетъ.

ШЕЛЬМ. Та тутъ ужé торговáтця, тée-то,ничого. Скáзано, зробытъ; вы насъ знáете; сёгóдни й росплáтка.

ЧАРК. Да оно такъ! гмъ! надобно, вселюбезнѣйшій, хорошивъкаго ножичка...

ШЕЛЬМ. (*Даетъ ему денегъ*). Нате жъ, будучы, и на бѣжычокъ.

ЧАРК. (*Посмотрѣвъ, что онъ далъ, прячетъ*). Аглицкаго.

ШЕЛЬМ. (*Еще даетъ*). Та нате жъ и на аглицкый.

ЧАРК. (*Посмотрѣвъ также*). Необходимо двойной; паче чаянїя одинъ притупится.

ШЕЛЬМ. (*Даетъ еще*). Та нате жъ, нате жъ, будучы, и на двойной, та бѣдте ласкови, принимайтесь, тее-то, швыдче.

ЧАРК. (*Кашляетъ*). Гмъ, гмъ, гмъ! Нѣчто погода сыровата; а рано вышель.

ШЕЛЬМ. Та явѣго чѣрта тутъ узаты? ходимо лишены та, будучы, по дорѣзи зайдемо у трахтырь, що въ рыбнимъ рядѣ, будучы, до Бутылочкина. Що за добрыи тамъ, сыричь, напытки!

ЧАРК. Нѣтъ, вселюбезнѣйшій, это не мой обычай. Я не люблю дѣлать скорохватомъ. Время идти въ канцелярію, а въ подобныхъ назначенному совѣщанїяхъ я люблю, присѣвши, не вставать. Такъ вотъ что сотворимъ: я пойду и учиню все по желанїю вашему, да и прибѣгу къ Бутылочкину и отрепортую о успѣхѣ. Тогда что и сколько угодно по усердію вашему поднести, я на все буду готовъ. Понеже секретарь будетъ видѣть меня утромъ въ трезвенномъ состоянїи и будетъ доволенъ, а возвратясь съ экспедиціи, хотя и измѣнюсь, такъ онъ оставитъ безъ вниманїя, ибо сіе со мною встрѣчается ежедневно. Того для я иду.

ШЕЛЬМ. Ходимъ же й мы, дядюшка Трохимовычъ, прямо, будучы, у трахтырь, та тамъ рады скѣки чого-нѣбудь поспїдаемо. Атѣ мыни щось, тее-то, млѣсно.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ трактирѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бутылочникъ и слуги.

Бутылоч. (*Приказывая по одиночкѣ слугамъ*). Съ этимъ щотомъ сходи къ Мотыгину, да требуй настоятельно, хоть бы что-нибудь уплатилъ; скажи, товаръ пришелъ, нужно расплачиваться. Послѣ отца много денегъ осталось, неужели въ три мѣсяца всѣ спустил? Скажи, не будетъ кредиту, пока щота не очиститъ.—А ты лучше иди къ разлилкѣ шампанскаго: да забери у меня въ конторѣ старья пробки влибó; купоръ и засмоливай аккуратнѣе, чтобы не замѣтно было.—Ты сходи въ трактиръ къ Ферткину и купи портвейну бутылку; его хвалятъ лучше моего; я сей часъ узнаю, чѣмъ онъ подправляетъ.—Уберите комнаты: утро; пока до выхода изъ присутствія, можетъ быть кто нибудь и зайдетъ. (*Уходитъ. Слуги расходятся прибиратъ; одинъ остается*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Трофимычъ и Шельменко.

Шельм. Ось бачите, якъ тутъ гáрно. Я вже тутъ бувáвъ.

Троф. Да и я бывалъ, да только при прежнемъ хозяинѣ.

Шельм. (*Приказывая*). Анúте, хлопци! Давáйте мёрщій водкы та свидаты. Подáйте, будучы, оселédця, кавъяру, та прысыпте, тée-то, крышеною цыбулею. А зъ напыткывъ, будучы свазать, чоґобъ-то? Кéте-лышенъ спёрву пыва та меду, а якъ прыйде Охримовычъ, такъ будучы, опислá свáжемо,

чо́го на поту́ху. (*Приносять водку и закуску. Шельменко садится съ Трофимычемъ и подчивае́тъ его*). Се солб́дка; цурь и́й! неха́й ии паны пьють; оцэ наша ганьсько́ва, ликарствэ́нна. (*Пьютъ водку*). Ану́те, дядюшко; та тямлить, шо по пёршій, будучы, не заву́шуютъ. Ось такъ; тепе́рь кэте-лышень ручко́вои. (*Пьютъ е́ще водку и завтракаю́тъ*). Ку́шайте жъ тепе́рь, дядюшка Трохымовичъ; ось оселеде́ць. Гай, гай! Не тепе́рь спомы́нны: якбы, будучы, ковбаса́ зъ часныко́мъ! Хто́то ии жывы́й дижде! шчо́-то вже я ии люблю! А шчо́, дядюшка, якбы, будучы, ковбаси та крыла, то вжебъ лу́ччои птыци и на свити бъ не було́?

Троф. Самъ ты умной человекъ, знашь-та; ты и писанія читалъ по больши мавб. Слова твоя умныя! (*Продолжаютъ завтракать*). Ну, панъ Шельменко! теперь у тебя расходъ. Кромѣ всего прочаго, што Ахрѣвичъ будетъ стоять?

Шельм. Та й не журюсь. Чы вы знаете, що писаные глаголетъ! не посіявши, не пожнешъ? Та ще за усю, будучы, пра́цю видвичатыме Мыкытова худоба; та хочъ бы й не тее, то ще Киндрата, будучы, Шельменка стәне стилко. (*Пьютъ*).

Троф. (*Продолжая завтракать*). Да скажи ты мнѣ, панъ Шельменко: отчего ты богатѣй меня-та? Вотъ и я четьре срока головой, и своё дѣло знаю порядкомъ, а всё што-то не тае. Ты же третій годъ што пришолъ къ намъ изъ Пирятина, а ужъ такъ нажился, что и мѣры нѣту-тѣ.

Шельм. Вонб, бачыте, дядюшка Трохымовичъ, будучы сказать, усюды такъ вдытця, видъ губерського та й до волосно́го правленія, що, стало-быть, у секретари, абб у писари въ ранзи секретаря, уся сыла. Пбкы судящи соби радютця, зъ якбо кинця, будучы, узятця, а нашъ брачыкъ, не разбираючы, тее-то, та все до себе и загарба, а имъ, будучы, зостаютця сами вышваркы. Я жъ ищэ, будучы сказать, и такъ роблю, що колы мало трахвлѣтця пбжывы, то такъ сконпону́ю, шчо́бъ абб, будучы, полаялысь, абб побылысь, абы йшли до насъ позыватця. То пбкы вы соби, будучы, тамъ роспысуете, а я соби, тее-то обаче, и втявъ та й мовчу. (*Пьетъ*).

Троф. А што, панъ Шельменко, кабы тебя да въ судъ-та посадить? ты бы и тамъ не испортилъ бы.

Шельм. Эгэ! будучы, усихъ бы засидателивъ превзойшовъ би! Эхъ! любезный друже! будучы тее-то сказать, планета менэ пидцюкала! якбы мыни не тее-то, я бь давно вже стилько нагарбаъ бы, що, будучы, и въ дворяны шморгнувъ бы, якъ такы й багацько дэ-хто сыричь, зъ нашихъ брачыевъ позапысувалысь. Потому щб (сз чванствомъ и на растъзъ), тее-те, государю мий любезный, треба вамъ знать, я такы, будучы, на дворанство трбшки закандзюбывся: алэ моѳи ридной бабўси сестра у трѳтихъ та, будучы, булѳа за швагеромъ пѳана сѳтныва Лубѳенського; ѳтъ-що! Такъ бѳачыте, будучы сказать, я трѳхы не дворанынъ. ѳтъ тоди бь то мыни свить, тее-то, видкрывся! пысаные бо гласыть: трудно стѳты пѳаномъ, — усѳе пидѳе дѳаромъ. (Пьетъ). О горе мыни! кушѳайте, Трохымовчу! (Наливаетъ ему и себѳ стаканы).

Троф. Эхъ! да што ты сдѳлалъ-та? — Въ мѳдъ да пива налилъ. Эка ты какой!

Шельм. Ничѳго, Трохымовичъ, ничѳго. Се бѳде пывомѳе, преодминное питѳѳе и для гортѳани дѳуже мудрое: цмакўючы выпьете. Щѳбъ? пысаные глаголетъ: щѳбъ не сыдѳячѳго татары вхопылы; чѳгѳ мы бѳдемо такъ сыдѳиты? базѳюкатъ ничѳго. Пѳоы Охримовичъ прыбѳижыть, загрѳймо, дядюшка, у дѳамы.

Троф. Да я много тебѳ опять проиграю, какъ и давича.

Шельм. Та мы не на грѳши, а, будучы, такъ. А щѳбъ не задримѳаты, то бѳдемо, тее-то, навскўбкы. А гѳвъ хлѳпци! а подѳайте кѳете-лышѳенъ скуды дѳамкы! Гѳвъ! Чы вамъ тамъ позакладѳало, чы щѳ? Дѳамкы! (Приносятъ доску сз шашками). А въ якў бѳдемо? чы въ прѳсту, чы, будучы, въ ѳглыцьку?

Троф. Въ простую, въ простую; въ силу у тебя же выучилъ и въ ету. Ну ходи. (Играютъ). Скажи мѳѳ милость: ты, чай, не только при волости служилъ, а можеть ещо гдѳ и повыше-та?

Шельм. Бувѳлы мы, государь мой любезной, у бувѳальцахъ. Будучы сказать, бувъ я и въ земськѳму и трѳхы-трѳхы у казначейство не вскѳчывъ. Во врѳмѳя ѳное бувъ у сѳди секретарѳмъ Прѳкипъ Мыкытовичъ Грошолўпъ. ѳтъ голова булѳа! нехѳй ѳму легѳенько гивнѳтца! Якъ вывчывся я у нашѳго дякѳа и чытѳаты й пысѳаты, то повѳйный ѳтець, узѳвшы ме-

не изъ школы, виддавъ ёму у науку. Будучы, я бувъ у ёго п'ять годъ за хлопця, и тамъ-то и свить побачывъ, а дали и въ судъ попавъ. Чогó-то мы не робылы! Гай, гай! Якъ, будучы сказать, видкомандырѣмо себѣ на следствые объ пожѣжи, абó, тѣе-то, о постыжно вмёршому, то, будучы, навеземó усяого продѣкту, ей! вельке слово, возамы; будучы: курей, що усякои птыци, бброшна, паляныць; а, сыричь, грбшей, ти дурныци! нагарбаемо елыко можэху! Винъ-то сердека, будучы, выдѣ мой дарованыя, здилавъ довлдчыномъ, за тымъ що я вже знаю, якъ, будучы, дило доложыты: чы догоры пиднявши, чы унызь спустыть.

Троф. А што же это означаетъ до горы, али внизъ?

Шельм. Отъ бачыте, пане Трохымовычь: будучы, колы несешъ дило у прысуствые, пиднявши догоры, то тѣе-то, знача, що е тутъ, будучы, коло чогó рѣкы погрты; то вже судящи й облызуютця, мовъ коты на смитану, и вже, будучы сказать, особое попечѣные о пидсудымышъ, сыричь, гмт! возпрыймутъ. Колы жъ несешъ, держачы, будучы, унызь, ось такъ, то ще дила не чытають, а заразъ и затюкають: въ острогъ пидсудымышъ, въ острогъ! Се вже така, будучы, усюды заведѣнця. А сю знаѣте, що якъ, будучы, посылаетця дило на ревызю и, тѣе-то, секретарь скрипляючы пидпыше, та й загне карлючку, то и у повитовимъ и, будучы, въ генералному, та вонó й у васъ такъ въ уизному и у палати,— секретарь, стало быть, дывытця на тую карлючку, якъ, будучы, на маякъ: колы, тѣе-то, карлючка заведѣна унызь, стало быть сыричь, усѣ що можна узято, билшъ ничого зидратъ; то такѣе дило и швырнѣть ажъ геть далѣко на росмотрѣные, будучы, мышамъ, а дали и въ архыву запакують. Колы жъ карлючка догоры, то се, будучы сказать, знача сыричь: узято, та й вамъ восталось. По такóму дилу, будучы, заразъ шлють за прыкосновѣнными и свидетелямы. Такѣе дило и самъ секретарь довгѣнько, будучы, чытае и судящи частѣнько, стало быть, прыкосновѣнныхъ въ соби, сыричь, прызывають, и прбчѣе, и прбчѣе, якъ водытця... Эгѣ! цуръ палыччя! оцѣ я й програвъ?

Троф. Вѣстимо, проигралъ. Давай-тка чупъ, давай.

Шельм. Дерить, Трохымовычь, щб робыть! Пысаные глаболеть: зъ писни слово не выкыдаетця; и пѣкы другѣе пы-

саные: нанявсь — продавсь! нате, скубить. (*Протягиваетъ ему голову, Трофимычъ черезъ столъ деретъ его за волосы во всю руку, а Шельменко считаетъ*). Разъ, два, ой-ой-ой! три. Бѹде жъ, бѹде, пожалуста гѹди! А, то здорово чубъ намнѣлы, ажъ слѣзы течѹтъ. Запыймо, абѹщо (*нютъ*). Нѹте, заграймо ще. Щѹ за враѹгова мѣты! хибѣ жъ я не выиграю? (*Играютъ*).

Троф. Ужъ не сердись же, панъ Шельменко; ва то игра; проиграю, дери меня. Расскажи-тка ты мнѣ, какъ ты съ такой головой, да не остался при судѣ-та?

Шельм. Э-эхъ, государь мой любезной! Будучы сказавъ, окаянный супостатъ менѣ пиддюкнѹвъ, тѣе-то, пидпысуватця пидъ усѣкыи рѹки, а черезъ тѣе, стало быть, выдавать рѹзнымъ людѣмъ пачепѹртыкы. И явъ бачыте, пысаные глабѹлетъ: не вѣйтця пыло у мишкѹ, то явъ почалы злѣпувать то ворѣжовъ, то бродѣжовъ, то, будучы, и звайшпы, що се мое, сыричъ, рукодилые. Отѹ я, злякѣвшысь, щѹбъ моѣи окаянной главы, будучы, не забрылы, сыричъ пидъ хрыстолубывое вѹинство, взявъ та й помандрѹвавъ съ пачепортыкомъ, стало быть своѣи робѹты, та й зайшѹвъ ажъ, будучы, сюды. Спасыби, у васъ звайшѹвъ соби мылостывого и отцѣ и, будучы, родытеля. Не погубить менѣ и не занастить у прѣжное врѣмѣя. Та держитесь та слѹхайтесь, будучы, менѣ, то я жъ кажѹ: выкрутымось видъ биды, що справныкъ нападаѣтця, та ще, тѣе-то, будете й самы зъ хлибцемъ, та й мыни дѣ-що, сыричъ, на онѹчи перепадѣ.

Троф. По мнѣ! я ни гугу, ты самъ знашь. Вотъ только и страшно капитанъ-исправника, што онъ, лѹзавой, ко всему прикапываетца.

Шельм. Сказано, щѣ видбрѣшемось. Надѹсь на себѣ, що... Та щѹ бо вы дѣмкою шыгѣете? (*Схвативъ его руку съ шапкою*). Тривѣй-лышѣнъ; се не аглыцька.

Троф. Ой, виновать, виновать! заслушался тебя, да и ошибся-та; не буду. Такъ што хотѣлъ говорить?

Шельм. Отѣ, бачыте, що надѹсь на себѣ: то скѹкомъ, то бѹкомъ, а такы выскочу. Дарованые у менѣ, будучы, имѣтця. Явъ прыймѹсь, то не виддыхѣючи такъ и вчыщѹ: спрѹбовать перѹ и чорныла, чы добре бѹдѣ пысѣты. А лепѹрты, то такъ не лынѣячы видъ рѹкы такъ и черкѣю.

Чытаты? граждáнське, колы не дрибнѣ, то по верхáхъ не спишачы мѵжемо. Тилько що скорѵпыси не втну; хибá те, щѵб, будучы, самъ напышѵ. На речáхъ я, будучы, бѵйкый; зъ прѵстымъ мужыбѵмъ, зъ дѵрнемъ я, тѣе-то, и говорыть не вмѵю; ищѣ такы зъ твоимъ, Трохымовычъ, здорѵвъямъ и сюды й туды; а якъ, будучы, допадѵсь зъ начальныкáмы, та, сыричъ, зъ вышшымы господамы якъ уступлю у речъ, такъ, будучы сказать, самъ соби не надывѵюся, видкиля у мѣне такыи премудрыи словеса берѵтця? А вже якъ попадѵ москаля, та, будучы, почнѵ надъ нимъ глзувáты? Стоить сердека, ни пáры зъ усть, тилькы банькы повытрищá, та й дывытця мовъ барáнь, и не тямыть ничѵго, що ёмѵ докладáю. Вже на дѵкладкы я лыхый! А колы де трѣба, то будучы, и по руськѵму говоряемо: „ню, штѣ разляпушка! штѣ табѵ на-да-трѣба? Да ня, найды; цуръ тавѵ табѵ“. Эгѣ, а щѵб? Писѣнь московськыхъ дѣ-що тямемо; отъ якбы й сю: *(Запъ-ваеъ)*. *Чымъ я тебе огурчыла, ты скажы, моя эъ дарагая?* абѵ хочъ и сю: *Гывушка, гывушка зелѣная моя, а щѵ же ты, гывушка..?* *(Закашлялся)*. Эхъ лыхо ёгѵ мáтери! щѵсь глáсу немá.

Троф. Да ты никакъ въ большихъ школахъ училса, што часто изъ писаня говорышь?

Шельм. Та се... *(смѣется)* ге, ге, ге, ге! се я манѵ пускаю. *(Вздыхаетъ)*. Бувъ у мѣне, будучы, прыятель; дѣ-то, тѣе-то будучы сказать, обритаѣтця? Дѵже зъ великымъ рѵзумомъ! Щѵб вѵнѵ такѣ и видкиля, я такы, тѣе-то, й не зваю. Чѵгѵ-то вѵнѵ не знало! Будучы, булѵ якъ заговѵрыть, а дáли якъ забелькѵче, що й врагѵва ёгѵ мáты зна, щѵб вѵнъ кáа-говѵрыть, ничѵго й не вторѵпаешъ, нынáче, сыричъ, помолдавáнськѵму. А чытаты? такъ тамъ ёгѵ нечыстый умѵдрывъ! Будучы, якъ визьме граждáнське, такъ такъ и глытá, такъ и глытá, мовъ вашъ, нехáй здорѵвъ бѵде, мурлѵ галущкы. Такъ вѵнъ-то, будучы сказать, узáвши, учывъ менѣ на щѣтахъ та й кáа-говѵрыть: ты, Киндрáте, ось такъ рѵбы, якъ и мы вчѣни рѵбymo: щѵб знáешъ, чѵгѵ не знáешъ—про все брешы, бѵцимъ знáешъ, та й здáйся на пысаные, та й прыбрешы якѵ хочъ нисенитныцю, бѵцимъ то-пысаные глагѵлетъ; то, кáа-говѵрыть, ты дѵрни, що бѵдуть тебе, будучы, слѵхаты (не до васъ, Трохымовычъ, мѵва), та й бѵдуть дѵматы, що ты, кáа-говѵрыть, зъ великымъ умомъ и бѵцимъ-

то справди зъ писанья глаголешъ. Ось якъ вонó е! Ну, тее-то обáче, та щó се такé?

Троф. (*Смѣется*). А ну-тка, ходи, ходи!

Шельм. Ио! та щó се за недóбра мáты? Се вы менé, будучы, прыпéрлы! Оттакá ловысь! Опъять програвъ! що жъ: скубить, Трохымовычъ; та не дúже, бúдте лáскowi, не дúже.

Троф. Ну, панъ Шельменко, держи чубъ-та! (*Деретъ его за волосы*).

Шельм. Анúте: разъ, ой! два—ой—ой! три! (*вырывается*). Ой, ой, ой! и въ шкóли такъ не мъялы чúба. Цуръ ёмú! (*Швыряетъ отъ себя шашешницу*). Не хóчу вже грать. Нúте, абó жъ выпыймо чогó, абóщо для рáды свúкы.

Троф. Будетъ, панъ Шельменко. Одно то, што вёкогда, да и сумы твоей жалъ.

Шельм. Поздорóвъ Бóже, будучы, побыйныка Мыгытового бáтька! набзирáвъ чы трóхы; бúде, тее-то, чымъ помъянúты и ёгó, и нёню, и Мыгыту, якъ убъютъ на вйни. А тутъ ще не багáцько пропылы. (*Считаетъ бутылки*). Два золотыхъ, оцé двáдцать девъять, двáдцать десять—трыдцать ихъ; оцé тры кóпы, та оцé сорокъ алтынъ, отъ и симъ кипъ. Та ще й пáры карбóванцивъ не продúлы. Тее-то будучы сказать, а выпъемо, обáче, лышёнъ рёнського, сыричъ, на потúху, пóкы Охримовычъ прыйде. Вонó дúже гарáздъ бúде.

Троф. Какъ хотишь; развё ужъ что по послéдней.

Шельм. (*Кричитъ*). А гóвъ, хлóпци! А подайте кéте рёнського!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тъже и Вутылочкинъ приноситъ бутылку вина.

Шельм. А щó то? Рёнськé? а кéте лышёнъ сюды.

Бутыл. (*Отдаетъ*). Преотмённое; только смотрите, не дорого ли покажется? два рубля бутылка.

Шельм. (*Чванясь и стараясь говорить по руски*). Та штё ты насъ лябáть ставъ, чы штё? падавай, братъ, яё сюды; атвичаю грашáми. Та штё ты пра насъ думаешь-тя? мы и донськéе тягвúли-стя. Забúвъ есы, якъ, будучы, у прошéd-

шимъ набѣри зъ пѣномъ совитныкомъ очередныи списки, тѣе-то стало быть, повирѣлы, такъ тоди я тоби не одынъ десятокъ рубливъ заплатывъ?

Бутыл. Э! помню, помню. Кажись ты... Канальинъ, что ли?

Шельм. Мѵже, панъ Шельменко. Забувъ еси, мосьпане.

Бутыл. Такъ, такъ, Шельменко. Чрезъ столько времени какъ и не забыть! А помню только, что твоя фамилія ругательная.

Шельм. (*Все сердится*). Вона, будучи сказать, не ругателна ни трѵкы; а такъ идѣ видъ оцѣя. (*Чтобъ не слушать Бутылочкина, подбиваетъ виномъ Трофимыча*). Пожалуйста, Трохимовычъ, се не вода. (*Пьетъ и самъ. Бутылочкину*). Идите жъ тепѣрь до своего дила, а намъ не мишѣйте, атѵ щѵбъ, будучи, я вамъ не прыложывъ прыклады гирше вѣшои. (*Трофимычу тихо*). По писанью: видъ москаля полы врижъ, та втикѣй.

Бутыл. Ну полно же, панъ Шельменко, не сердись. Я съ тобою пошугиль. Хочешъ ли, выпьемъ по стаканчику пуншику? Я ужъ васъ поподчюю, только не сердись.

Шельм. Ну, колы такъ, то я вже, будучи, и не сѣржусь. Та мыни, брѣтику, колы лѣска, тѵ нехѣй подадѣтъ, тѣе-то, съ вызлѣркою, я хрянцѵзькою не пѣю.

Бутыл. Вотѣ еще съ какими причудами. (*Уходитъ*).

Троф. Не много ли будетъ-та? Какъ явимся въ пріемъ?

Шельм. Таы ничогисинько: явимось та й явимось. А для куражѵ трѣба, щѵбъ не орябить.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣже и Чаркодуевъ.

ЧАРК. (*Выглядывая въ дверь*). Вы здѣсь, вселюбезнѣйшіе?

Троф. Здѣсь, здѣсь, Ахрѣвичъ. Просимъ милости.

Шельм. Прѵсымо до бесѣды. А щѵбъ явѣ?

ЧАРК. (*Посматривая на завтракъ, вздрагиваетъ*). О! да и холодно же!

ШЕЛЬМ. (*Потчиваетъ его*). Нате жъ пьйте. (*Подвигаетъ ему стулъ*). Отъ вамъ дзыглыкъ, сидайте, щобъ никто вамъ не мишавъ кўшаты.

ЧАРК. (*Съ жадностію пьтъ, запивая часто водкою*). Вотъ это хорошо, кто до сего времени постилъ. Десятой часъ...

ТРОФ. Такъ вотъ ушъ намъ пора и въ пріёмъ.

ЧАРК. (*Продолжая*). Нѣтъ, еще можно (*пьтъ*), можно провести время, мало приве...дено рекрутъ, и губернаторъ прислалъ, что когда въ одиннадцать часовъ не будетъ, то и безъ него принимать. Вотъ это для васъ и очень хорошо.

ТРОФ. А што же тогда хорошаго?

ЧАРК. Тогда, совѣтникъ будетъ принимать. Что ни подай, подпишетъ; кого ни представъ, не разбирая кричитъ: лобъ!

ШЕЛЬМ. Оцѣ бъ то намъ, будучы, на руку ковинька. Чы все жъ зробылы?

ЧАРК. (*Отодвигая тарѣлки*). Все, всё отдѣлано.

ШЕЛЬМ. А почистка, будучы?

ЧАРК. Всё чисто. Теперь только остается...

ШЕЛЬМ. А нўте, нўте, що тамъ застаѣтца?

ЧАРК. Выпить.

ШЕЛЬМ. (*Поднося вино*). Та бдже, будучы, й выпыть. А дило?

ЧАРК. (*Показавъ пустой стаканъ*). Видишь, какъ не бывало.

ШЕЛЬМ. А дило?

ЧАРК. За тѣмъ дѣло, что надо выпить.

ШЕЛЬМ. (*Еще налиываетъ*). Та натежъ, ще пьйте. Та кажите, будучы, про дило; що вы тамъ, чы все, тее-то, до сѣнцю зробылы?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣже и **Бутылочкинъ** приноситъ два стакана.

ЧАРК. (*Выпивъ стаканъ съ виномъ, беретъ у Бутылочкина пунитъ*). А что это? (*Отвѣдая*). Вотъ вещь! Это честно и обдуманно.

Бутыл. Чтожъ? подать видно третій? А?

Шельм. Подайте. Бачыте, трэба-нада, будучы, гóсця по-
пóштувать. Се вже, тée-то, на мій щотъ.

Чарк. Да я и еще попрошу. Вашъ домъ, вселюбезнѣй-
шій, вѣдь о четырехъ углахъ.

Бутыл. Вотъ люблю пріятеля! Придерживается стари-
ны; всё съ поговорками.

Чарк. Куда старина годится! Нынѣшній нашъ просвѣ-
щенный вѣкъ всё усовершенствовалъ. Въ старину и сочи-
тели писали: „братя! рюмки наливайте“. А нынѣшніе образо-
ванные всё уже твердятъ и пишуть о чашѣ, а о скучной
рюмкѣ и помину нѣтъ. Теперъ мы и пьемъ аккуратнѣе и
смѣемся надъ стариною.

Шельм. Хибá жъ у васъ, у москаливъ? а у насъ, бу-
дучы, дóбре булó въ старовыну; чо́го мы не затáмлемо, а
батькы, тée-то, роскáзуюгъ. Кáжуть, що якъ булó, будучы,
зійдутця, та зáразъ и стáнуть пыты: напéредъ по чáрци, та
зáразъ и по пáрци; а дáли опъять, та не виддыхáючы усимъ
по симъ, та тóтъже и на зáкуску по óдній. Охъ! Булó такé
добрó, та давнó!

Чарк. (*Вздохнувъ*). Блаженное было время! Охъ, горе
мнѣ грѣшному!

Троф. А што я вамъ скажу. Когда пить, такъ пейте,
а когда дѣла дѣлать, такъ пойдѣмте. Ушъ время. Можемъ и
послѣ притти.

Шельм. Опя ричъ до дила. Ходимъ мерщій. Нáтежъ
вамъ, Омеляновичъ. А скилько, будучы, вамъ?

Бутыл. Для пріятеля щотъ не великъ—шесть рублей.

Шельм. Опé зидрáлы! Нынáче зъ панивъ. Нáтежъ
вамъ. Та кажите бо, будучы, Охримовичъ, щó наше дило?
щóбъ намъ не сóромъ булó.

Чарк. Охъ, вселюбезнѣйшій! все кончилъ. Да такъ
умудрился, что еще ни одна почистка такъ гладко не была
сдѣлана. Примѣта добрая!

Шельм. Такъ покóрно жъ вамъ благодарствуемъ, спа-
сыби, дáбуемъ.

Чарк. Не ужели только?

Шельм. Та якъ се мѡжна? Прихѡдите, будучы, до насъ обидаты, та тутъ и расплатка.

Троф. А обѣдать будемъ въ харчевнѣ.

Шельм. Якъ се вамъ, дядюшка, будучы, не стыдно, сыричь, у харчѣвни обидаты зъ мужыкѡмы? Чогѡ тутъ базикавать! Будучы, сюды жъ и прыйдемо; тутъ обидъ дѡбрый и, будучы, напыточкы мѡдри. Ходимъ.

Троф. Пойдѣмъ, пойдѣмъ: пора! (*Уходятъ вѣсь*).

Бутыл. (*Одинъ*). Вотъ нынче каковы времена! Волостной писарь, мужикъ, имѣя деньги, стыдится быть вмѣстѣ съ своими братьями и тратить деньги на вкусный столъ и дорогія вина. Правда! возьмемъ и выше его: никто не придерживается своего круга; бѣдный старается поровняться съ посредственнымъ, посредственный съ богатымъ, богатый съ богатѣйшимъ, всѣ желаютъ быть выше и болѣе, нежели они есть. И говорить, что „мы де стремимся къ просвѣщенію“. Часъ вамъ доброй!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Секретарская рекрутскаго присутствія. По сторонамъ письменные столы; въ углу рекрутская мѣра.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Секретарь и писцы у столовъ пишутъ; въ углу отдатчики и изъ просителей крестьяне и крестьянки. У боковыхъ дверей входа въ присутствіе унтеръ-офицеръ. Солдаты иногда приходятъ въ секретарскую и говорятъ съ отдатчиками.

СЕКРЕТ. (*Пишетъ и потомъ говоритъ къ писцамъ*). Какія заготовлены квитанціи вчерашняго приѣма, подайте членамъ къ подписанію. (*Пишетъ*). Отношенія къ исправникамъ о скорѣйшей высылкѣ недоставленныхъ рекрутъ гдѣ? положите ко мнѣ. (*Пишетъ*). Чаркодуевъ опять вышелъ. Займитесь вмѣсто его повѣркою лѣтъ по ревизіи, только со всею точностію. (*Все исполняется. Пишетъ и потомъ вставъ, ходитъ по комнатѣ*). Этотъ Чаркодуевъ вѣчно уходитъ отъ дѣла, а все жалуется, что служба тяжела и жалованья мало. (*Смотритъ на часы*). Одинадцатой часъ; ежели будетъ губернаторъ, такъ уже скоро и придетъ. Пожалуста, поспѣшите съ журналомъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣже и Степанида.

СТЕП. (*Входитъ скоро, осматривается и смѣло подходитъ къ секретарю*). Скажи мнѣ, мой родимой, нѣшто ты губернаторъ-та?

СЕКР. Нѣтъ, старушка! А на что тебѣ губернаторъ?

Степ. Да ушь я въ десяти мѣстахъ искала его. Спасибо, одинъ доброй человекъ направилъ сюда-та. Скажи, голубчикъ, по правдѣ: когда ты онъ, такъ я тебѣ въ ножку поблвюсь-та.

Секр. Не кланяйся, старушка, не кланяйся; да и самому губернатору не кланяйся, онъ осердится. Ты вѣрно съ просьбою? Вѣрно, хочешь просить о чемъ нибудь?

Степ. Такъ, кормилецъ, просить объ Микитушкѣ объ моёмъ.

Секр. Иди же сюда, старушка. (*Подводитъ ее къ 1-му писцу*). Расскажи свое дѣло, а тутъ напишутъ. Есть у тебя деньги на бумагу?

Степ. (*Достаетъ деньги*). Есть, кормилецъ; вотъ пятиалтынной-та.

Секр. Нѣтъ, этого мало; ну, да ужь послѣ.

Степ. Да коли надо-тѣ, такъ я сбѣгаю къ санямъ.

Секр. Ненужно еще пока. Расскажи все дѣло и все, что знаешь. (*Писцу*). Пишите же, какъ приказано, точными ея словами; а послѣ, когда его превосходительство найдетъ просьбу правильною, тогда перепишется по формѣ на гербовой. Не упускайте только изъ словъ ея ничего. (*Идетъ къ своему столу*). Прекрасное средство узнать истину и избавлять бѣдныхъ отъ излишнихъ расходовъ. (*Садится и пишетъ*).

1-й писецъ. (*Очинивъ перо и изотворяя писать*). Ну, старушка, говори, чтó писать.

Степ. Пиши такъ (*печальнымъ голосомъ и на распѣвъ*): Одинъ у меня сыночекъ! Одна у меня радость! Голубчикъ мой Микитушка!.. А ну, какъ ты написалъ?

Пис. (*Читаетъ скоро и своимъ голосомъ*). „Одинъ у меня сыночекъ, одна у меня радость“.

Степ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Богъ съ тобой! развѣ я такъ тебѣ говорила? я говорила вотъ какъ (*опять тѣмъ же голосомъ*): Одинъ у меня сыночекъ! Одна у меня радость! Голубчикъ...

Пис. Да слушай же, я такъ и написалъ (*читаетъ*): „Одинъ у меня сыночекъ, одна моя радость“...

Степ. Нѣтъ, голубчикъ мой, совсѣмъ не такъ. Губернаторъ еще подумаетъ, што я на него сержусь-та: а ты

вишь, я пишу съ горячими слезами, таъ ты таъ и пиши. „Одинъ у меня сыночекъ“!

Пис. Ахъ, какая ты глупая! Я таъ и писалъ. Или говори, или прочь поди; мнѣ некогда съ тобой толковаться.

Степ. Ахти моя бѣда! Онъ не умѣетъ-та. Охъ, головушка моя!

Свѣр. (*Слушавтій все, подходитъ*). Не тужи, старушка; вотъ этотъ умѣетъ, ему и расскажи. (*Подводитъ къ 2-му писцу*). Принаравливайтесь къ ея печальному голосу. Надобно въ бѣднымъ просителямъ снисходить.

2-й пис. Ну, старушка, говори; можетъ быть я умѣю.

Степ. Ану-тка ну, попробуй, умѣешь ли? Пиши-тка вотъ такъ (*печально*): „Одинъ у меня сыночекъ! Одна у меня радость! Голубчикъ мой Микитушка“! Ану-тка, прочитай.

Пис. (*Повторяетъ все, ея печальнымъ голосомъ*).

Степ. Вотъ такъ точнѣхонько; вотъ таки слово въ слово. (*Цѣлуетъ его въ голову*). Ну, пиши еще. „И того хотятъ отдать въ некруты. За што такая бѣда? Четыредушные не всѣ поставили, а у меня одного взяли. Ето всё голова да писарь, хохлацкой чупъ, што насъ обдираетъ. Спрошай ихъ, спрошай; да штобы они тебѣ всю правду сказали“. А ну-тка прочитай, такъ ли ты написалъ? (*Писецъ читаетъ все, что она говорила, ея печальнымъ тономъ; а она въ удовольствіи повторяетъ*): Такъ, такъ, такъ-таки. Вотъ только при концѣ припиши еще по грознѣй, вотъ такъ (*бьетъ кулакомъ себя по руцѣ*): „Спрошай ихъ, спрошай“... (*Продолжаютъ тихо*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣже и Порошковскій.

Порошк. (*Подходитъ къ секретарю*). Губернатора вѣтъ еще?

Свѣр. Можетъ и не будетъ; въ такомъ случаѣ приказалъ безъ себя принимать.

Порошк. Такъ надобно здѣсь подождать.

Свѣр. Развѣ вы уже будете при приѣмѣ, а не инспекторъ?

*

Порошк. Мы всякой день выдаемъ жеребій, кому отряжаться для приѣма рекрутъ. Сегодня вышло мнѣ и уѣздному медику.

Секр. Такъ у васъ и въ управѣ жеребій, какъ и здѣсь при свидѣтельствovanіи? Это очень хорошо. Но вамъ, кажется, рѣдко выходилъ жеребій; а сегодня въ первые только васъ вижу.

Порошк. Это правда; а сегодня въ первый разъ. Много ли на сей день поступило?

Секр. Только семьнадцать.

Порошк. Что же такъ мало? Видно, не высылаютъ изъ уѣздовъ?

Секр. Напротивъ, высылаютъ очень исправно. Въ недоборѣ уже немного; но понужденія все-таки посылаемъ.

Порошк. Къ новому году, стало, кончите?

Секр. Нѣтъ, надѣюсь къ празднику еще кончимъ. *(Продолжаетъ писать. Порошковскій отошелъ, смотритъ на часы, разговариваетъ съ другими тихо и проч.)*

Степ. *(Все у стола съ писцомъ)*. Ну вотъ, таперва такъ. Ужъ буды я, голубчикъ, тебѣ благодарна, што ты вотъ слово въ слово написалъ; да такъ-та жалобно, што инда и губернаторъ заплачетъ, вотъ какъ и я. Подай же ему, кормилецъ, бумагу-та, какъ прійдетъ, и скажи, што отъ меня, отъ Степаниды Гавриловны; а я пойду, провѣдаю Микитишку-та.

Пис. Нѣтъ, мнѣ нельзя подавать; ты сама должна.

Степ. Охти мнѣ! Да я нѣшто боюсь: какъ онъ на меня гримнетъ-та, такъ я и испугаюсь.

Пис. Не бось, старушка; онъ ни на кого не гримаетъ, а еще разспроситъ у тебя обо всемъ ласково и милостиво; и когда правду написала, такъ тотчасъ сына твоего отпустить. Онъ на то губернаторъ, чтобъ не давать никого въ обиду.

Степ. Подержи его Господь на свѣтѣ для насъ беззащитныхъ! Скажи же мнѣ, мой кормилецъ, вотъ я тебя спрашаю: што онъ, въ золотѣ ходитъ, али въ серебрѣ?

Пис. Нѣтъ, старушка; онъ одѣтъ просто, вотъ какъ и всѣ господа.

Степ. Ой, ой, ой! Да онъ же старшій надъ всѣми, такъ какъ же онъ наравнѣ съ другими ходить? боюсь же, што я его не разпознавши, да и пропущу.

Пис. Не бось, не пропустишь. У него звѣзда вотъ тутъ на груди.

Степ. Ну, такъ вотъ вишь же, есть замѣтка; а безъ неѣ гдѣ бы мнѣ узнать ево?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣже, Трофимычъ, Шельменко съ бумагою, а за ними прокрадывается къ столу Чаркодуевъ.

Шельм. (*Трофимычу тихо*). Щось у мѣне, дядюшка, будучы, жыжки трѣсятца.

Троф. (*Также*). Небось; али тебѣ въ первое-та?

Шельм. Та вонó-то, будучы, и не первына́, та такъ щось. (*Подходитъ съ робостію къ секретарю и подаетъ бумагу*). Осмыльваемося вашему благородію ныжайше...

Секр. (*Не беретъ*). Что это такое?

Шельм. Прошеные, совокупно, будучы, съ представленнемъ рекрута видъ на́шой вóлосты...

Секр. Чтожь такъ поздно? Въ сегодняшній приѣмъ не успѣють: надобно сдѣлать справку съ ревизскими и очередными.

Шельм. Та вже, тѣе-то, усé е тѣточка; тилько, будучы, прыкажите освидѣтельствовать та забрыть, по предмету, сыричь, щобъ не прожыватысь.

Секр. Не ужели не знаешь порядка? подай въ присутствіе совѣтнику.

Шельм. (*Покашливая, приохорашивается и идетъ въ присутствіе; унтеръ-офицеръ отворяетъ ему дверь*).

Секр. А тотчасъ съ крючкотворствомъ: чтобъ не прожываться! (*Увидя сидящаго у стола Чаркодуева*). А вы, г. Чаркодуевъ, все бѣгаете отъ должности? все возитесь съ

отдатчиками? послѣдній разъ вамъ говорю: ежели не исправитесь, представлю начальству.

ЧАРК. (*Въ сторону*). Вѣчныя нападки! Всегдашнее гоненіе! (*Вдыхаетъ*).

ШЕЛЬМ. (*Выходитъ изъ присутствія*).

ТРОФ. (*Ему тихо*). Ну што?

ШЕЛЬМ. Подавъ та й просывъ, щобъ заразы прыняли, такъ каа-говорыть, якъ секретарь скаже.

ТРОФ. Такъ таковой-та судья, што секретаря спрашиваетъ? Не хуже, какъ и нашъ засѣдатель. Ну проси же секретаря.

ШЕЛЬМ. Та бачыте, що все, будучы, сѣрдыця.

ТРОФ. Поднеси ему што.

ШЕЛЬМ. Цуръ ёму! Дывысь, янымъ паномъ дывыця. (*Увидя Степаниду*). А ты, врагова баба, чога, будучы, сюды забралася? Видиля ты взылась? Ходы сюды.

СТЕП. Нѣтъ, Терентычъ, и вы, голова Трофимычъ, не пойду я къ вамъ. Здѣсь вамъ не волость; тамъ вы насъ давите да обижаєте, а здѣсь и постарше есть. Вотъ што.

ШЕЛЬМ. Та якá тутъ абѣда? Чога ты сюды, скрычъ, примандрувала? Чы тутъ тоби дило? Геть, будучы, видсиля, я тоби важу!

СТЕП. Нѣтъ-та, ушь не геть и не вѣдсиля; не боюсь васъ!

ТРОФ. Ты ещо и ослушаеесся? (*Беретъ ее за руку*).

ШЕЛЬМ. (*Схвативъ за друую*). Я тебѣ видсиля въ потылицю.

СТЕП. (*Погромче*). Помилуйте, батюшки!

СЕКР. (*Подойдя къ нимъ*). Что за шумъ подняли? Не троньте ее. Какъ вы смѣли здѣсь своевольничать?

ТРОФ. Да она зачѣмъ здѣсь? она бѣглая...

ШЕЛЬМ. Вона́, будучы связать, мандрѣха! Мы вже и давно шукáемо.

СЕКР. (*Степанидѣ*). За чѣмъ ты здѣсь?

СТЕП. (*Съ поклонами*). Защити меня, батюшка, кормилецъ мой! Защити меня, бѣдную вдову! Я вотъ-та губернатору съ бамагой.

СЕКР. Не смѣй никто ее тронуть и шумѣть здѣсь. Когда вамъ нѣтъ другого дѣла, такъ ступайте вонъ.

ШЕЛЬМ. Та я, будучы, оддѣтчыгъ...

СЕКР. Такъ стой же тихо съ просителями вмѣстѣ и ожидай, когда тебя спросятъ. А ты, старушка, стань также здѣсь и не бойся никого.

ШЕЛЬМ. *(Тихо Трофимычу)*. Отгѣкъ ускбчъ, ягъ мнѣ! Та якбго вы, дядюшка, чбрта, будучы, дрималы, та не виддали ии пидь калавуръ?

ТРОФ. Кто же еѣ зналъ! гляди: у ней и челомбитная въ рукахъ; никакъ хочеть жалѣтца-та?

ШЕЛЬМ. Та нехай и жалитця. Видбрѣшемось. Абб тривайте лышенъ; я ии, будучы, обдурю. Стѣхо! панымѣтко! а ходы-ке сюды! Ібсыцовна, чы ягъ тебѣ? На часыну! Титко!

СТЕП. *(Не сходя съ мѣста и не смотря)*. Ну, што?

ШЕЛЬМ. *(Все тихо переговаривается)*. Якый тоби дурень напысавъ прошены? Мбже тамъ, будучы, незнатъ-що надряпано? Ке-лышенъ; я, тѣе-то, прочитаю. Гмъ! кѣ бо.

ТРОФ. Да посовѣтуемся, какъ бы лучше къ дѣлу-та.

СТЕП. *(Также не смотря)*. Не нужно.

ШЕЛЬМ. Та тилькы покажы, я й виддамъ тоби, будучы, опъятъ. Ныначе й мыни, тѣе-то, не жаль твоего Мыкыты? Адже й я за нымъ, сыричъ, розпадаюсь.

СТЕП. Говори!

ШЕЛЬМ. *(Вз досаду чешетъ голову)*. А бодѣй бисову бабу орда узяла! Колыбъ вона намъ, будучы, якбго бѣшкету не зрбыла! Напечемб рѣквивъ! не знаю!

СОЛДАТЪ. *(Отворяя среднія двери)*. Губернаторъ идетъ. *(Секретарь и всѣ писцы встаютъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣже и Губернаторъ.

ПРОСИТЕЛИ. *(Бросились къ нему съ просьбами)*.

ГУБЕРН. *(Не принимая)*. Погодите, друзья мои! Мнѣ нельзя вдругъ всѣ прочесть. Подавайте по одиначѣѣ. *(Взвѣзъ)*

у одного и прочтя). Хорошо. Просьба твоя правильна. (*Секретарю*). Прикажете ему написать по формѣ прошеніе и когда онъ бѣденъ, употребите бумагу на мой счетъ. (*Взявъ у женщины просьбу*). А эта уже и готова. (*Прочтя*). Напрасно ты убытилась на гербовую бумагу; я приказываю подавать мнѣ прежде записки, и когда дѣло справедливо, тогда уже прошеніе. Нельзя уважить твоей просьбѣ: три года, сама пишешь, какъ сынъ твой принять, а ты теперь просишь переимѣнить его меньшимъ. И кто тебѣ это сочинялъ? (*Посмотрѣвъ въ бумагу*). А! извѣстный ябедникъ! (*Секретарю*). Передайте ее въ мою канцелярію для присоединенія къ прочимъ его ябедамъ; я отдаю сочинителя подъ судъ за ябедничество. (*Взявъ у Степаниды бумагу и прочитавъ*). Какъ? что? (*Перечитавъ*). Гдѣ отдачикъ?

ШЕЛЬМ. (*Боязливо выступая*). Осъ мы. Гмъ!

ГУБЕРН. Подойдите сюда. Гдѣ же другой? Съ кѣмъ ты?

ШЕЛЬМ. (*Поклонясь*). Та мы, будучы, тильбы я одынь, ваше превосходительство.

ГУБЕРН. А! хахоль? какъ сюда зашелъ?

ТРОФ. (*Пододшедъ, кланяется*). Онъ нашъ волостной писарь, ваше происходительство.

ГУБЕРН. Откуда и какъ сюда зашелъ?

ШЕЛЬМ. (*Въ страхъ*). Э-э-э, будучы, изъ Пыратына, ваше превосходительство; по пачепѣрту, тѣе-то, на заробиткы.

ГУБЕРН. Какъ тебя зовутъ?

ШЕЛЬМ. Будучы, Киндратъ Шельменко.

ГУБЕРН. (*Смотритъ ему въ глаза*). По глазамъ, такъ ты цѣлая шельма. Долженъ быть большой плуть. (*Читаетъ бумагу Степаниды*).

ШЕЛЬМ. (*Протирая глаза, въ сторону*). Чѣртови бчи! такъ и зминылы.

ГУБЕРН. (*Ему*). Какъ же ты это отдаешь одного вмѣсто другого? (*Степанидѣ*). Да правду ли ты написала, старушка?

СТЕП. Правда, святая правда, мой кормилецъ, ваше благо, перево... Ну, наше бабѣ дѣло, не выговорю, какъ

тебя возвеличать-та. А коли не правда, такъ штобы я сама передъ твоею милостью прахомъ пала!

ШЕЛЬМ. То она́, будучы сказать, вашее превосходительство, она́ бреше. Она́ у насъ на все село. Она́, тее-то, и на звѣды, и на переводы, и на пащыкування. Она́ й язычокъ пидняты и собяшныцы заварыты, ось така-то она́. Она́, будучы, безъ соромá казка: она́ видьма!

СТЕП. Нѣтъ, Терентьичъ; никто на меня...

ГУБЕРН. Перестаньте вздорить, отвѣчайте, о чемъ буду спрашивать. (*Степанидѣ*). Какъ звали твоего мужа?

СТЕП. Матвѣй Михайловъ.

ГУБЕРН. Такъ ли онъ пишется, голова?

ТРОФ. (*Труся*). Я темень на письмо, ваше происхождение!

ГУБЕРН. Писарь гдѣ?

ШЕЛЬМ. (*Вяло выступая, кланяется*). А чо́гъ зво́льте, ваше превосходительство?

ГУБЕРН. Развѣ ты глухъ? Я спрашиваю, какъ она пишется по ревизіи?

ШЕЛЬМ. (*Вяло*). Она́, тее-то будучы, вашее превосходительство, будучы сказать, по простонаречѣнью, стало быть, мечтае, тее-то, по незнанью, будучы, письменного порадка, сыричь, не знае, поелыку вѣвся, будучы тее-то, не грамотна.

ГУБЕРН. Чтѣ ты мнѣ пугаешь? говори прямо: какъ она пишется?

ШЕЛЬМ. Она́, будучы, вашее превосходительство? Чы, тее-то, мужъ оной жоны, будучы?..

ГУБЕРН. Да не будучы, а отвѣчай, чего я спрашиваю.

ШЕЛЬМ. (*Кланяясь*). А чо́гъ зво́льте, вашее превосходительство? Я... щось, будучы, орябивъ; зрѣду въ-перше сподбывся статы, тее-то, передъ великымъ паномъ, та зъ переляку соби на биду и не вторбаю ничѣго.

ГУБЕРН. Говорю тебѣ послѣдній разъ: какъ пишется мужъ ея?

ШЕЛЬМ. Мужъ? гмъ! она́ каже Матвѣй Михайловъ такъ она́, будучы, бреше. Винъ пышетця Матвѣй Миняйловъ.

Степ. Ой не гаёви, Терентьичъ, Бога; не ломай души.

Шельм. (*Ободрясь*). Алé! то по вѣличному, а то по писанью. Адже́ ты не пысьмённа, то й мовчы й не спорь зъ учёнымы.

Губерн. Да гдѣ ревизскія сказки? Гдѣ списокъ отдатчивка?

Шельм. Отó—то—то! Оцё, будучы, лѣчче усёго, явъ по ревизии освидительствовáть! Бо й писаные глаголетъ, осмылываюся, ваше превосходительство, выжайше донесты: пысьмó бчи кóле.

Губерн. Такъ, точно такъ. Да ты видно грамотѣй?

Шельм. По трóху дё-чого, сыричь, вчылыся, та дондеже дё-що й звáемо. (*Ревизию и списокъ приносятъ*).

Губерн. Ну, вотъ ревизія. Чтó?

Севр. (*Свѣряетъ ревизию противъ списка, поданнаго Шельменкомъ*). Вотъ онъ, Матвѣй Мѣняловъ.

Шельм. А щó? Ось бачыте? А чія, будучы, правда? (*Въ сторону*). Отгáвъ ихъ обдурь! дáромъ, що москали. (*Тихо смѣется*).

Губерн. (*Разсматривая*). Четыре сына...

Степ. Одинъ, мой кормилецъ, одинъ; одноутробной, какъ мѣсяць на небѣ...

Губерн. Такъ это не ея семейство, Тебя какъ зовутъ?

Степ. Штожь, мой кормилецъ, Степанида Гавриловна. Такъ отъ родителя названа.

Губерн. А здѣсь Ирина; такъ это не она.

Степ. Не я, мой милостивой, не я. Я тебѣ говорю: я Михайлова, такъ и свѣкоръ звался и дѣдушка нашъ, вѣчной имъ упокой!

Губерн. Гдѣ представленный рекрутъ? Приведите сюда. Какъ онъ показанъ въ спискѣ отдатчика?

Севр. (*Читаетъ*). Никифоръ Матвѣевъ сынъ Мѣняловъ, 24 года. Такъ точно и по ревизии.

Шельм. Эгé! А щó? Бачъ?

Степ. Нѣтъ, мой—Микитушка.

Шельм. Та вонó, будучы, усé равню.

Губерн. Какъ равно? Никита и Никифоръ? Это по чему?

Шельм. Осмыливаюсь выжайше, будучы, доложить, що пышетца Георгій, а усé ривно, будучы, Егоръ, абó ще и Юрьб, усé на одно имъя; такъ и, тée-то, Ныкыхворъ, а по москбвському Мывытушка.

Губерн. Мастеръ толковать, но я, кажется, скоро тебѣ всё растолкую. (*Пришедшему Никитѣ*). Какъ тебя зовутъ?

Ник. (*Въ большомъ страхѣ*). Я? Меня? Какъ, матушка?

Губерн. (*Взявъ его за руку*). Чего же ты боишься? Славной малой, и трусить. Небось меня и скажи.

Ник. Правду прикажите говорить?

Губерн. Говори правду, правду. Предо мной должно правду говорить.

Ник. Никита Матвѣевъ сынъ Михайловъ.

Шельм. (*Въ сторону, схвативъ себя за голову*). Отъ и втявь! А, бодѣй тебѣ!

Губерн. Сколько у тебя братьевъ?

Ник. Одинъ я только былъ у родителей моихъ.

Губерн. Грамотенъ?

Ник. Церковное читаю.

Губерн. Сыщите его сказку. Ежели они правду говорятъ, такъ очередь Михайловыхъ должна быть особо. (*Трофимычу*). Гдѣ же прочіе Мѣняловы изъ этой очереди?

Троф. Про то, ваше происхождение, писарь знаетъ.

Губерн. Ахъ, да вы плуты! Писарь!

Шельм. Чогб звблыте, ваше превосходительство?

Губерн. Долго ли тебѣ меня безповоить? Гдѣ прочіе Мѣняловы?

Шельм. (*Все болѣе труситъ*). Уси здѣсечка — бздѣчка; билшъ немѣ.

Степ. Да и гдѣ ихъ взять? Они въ бѣгахъ.

Губерн. Какъ въ бѣгахъ? Давно ли?

Степ. Сказала бы я тебѣ, мой кормилецъ, да не знаю. Нѣшто первбй годъ, какъ я замужъ вышла.

ГУБЕРН. Почему же въ ревизіи не отмѣчено? Голова! Троф. (*Труся*). Про то писарь знаетъ; я человѣкъ тѣмной.

ШЕЛЬМ. Оттѣкъ! на писара! нынѣче я ревизію писавъ?

СЕКР. Вотъ сказка Михайлова: одинъ сынъ Никита, мать Степанида.

СТЕП. Онъ, онъ, мой батюшка.

СЕКР. А вотъ, ваше превосходительство, у Мѣняловыхъ почистка, что былъ въ бѣгахъ.

ГУБЕРН. Такъ точно; и весьма неискусно вычищено; даже годъ замѣтенъ.

ШЕЛЬМ. (*Въ сторону*). Пропавъ я на выки! удруживъ Охримовычъ!

СЕКР. (*Вслушавшись*). Какъ? Ефремичъ? такъ это Чаркoduева работа?

ЧАРК. (*Пьяный едва стоитъ*). Какъ ррыба без—безгласенъ!

ГУБЕРН. Отведите его на гобвахту. (*Чаркoduева солдаты уводятъ*). Писарь! это твои плутни?

ШЕЛЬМ. Щобъ я, тѣе-то? та щбъ вы кѣете-говбрыте?

ГУБЕРН. Довольно. Старуха! возьми своего сына и ступай домой. Небось, его уже болѣе отъ тебя никогда не возьмутъ. Жени его и живите благополучно.

СТЕП. и Ник. (*Бросаются къ ногамъ его*). Ахъ мой кормилецъ! благодѣтель нашъ!

ГУБЕРН. Полно, полно, встаньте. Это не милость, а должное. Скажите всѣмъ: ежели кто будетъ обижаемъ начальствомъ своимъ, чтобы прямо шли ко мнѣ. Отъ меня получать защиту. Я на то губернаторъ.

ШЕЛЬМ. (*Чешетъ голову и кланяется*). Благодаримъ и мы, ваше превосходительство, що, будучы, бидную удову пожалувалы. Мы теперь поидемо.

ГУБЕРН. О, нѣтъ; погодите. Голова, есть у тебя сынъ?

ТРОФ. Согрѣшилъ предъ Богомъ! пять дѣвокъ, а ни одного сына.

ГУБЕРН. (*Секретарю*). Посмотрите, такъ ли? этимъ путамъ вѣрить нельзя.

СЕКР. Такъ точно; пять дочерей.

ГУБЕРН. Жаль: я бы тебя проучилъ. Снимите съ него показаніе, что его понудило сдѣлать такое мошенничество? потомъ отдайте его на гобвахту; я его суду предамъ.

ШЕЛЬМ. А я пойду, та рекрута славнаго представлю.

ГУБЕРН. Не нужно; ты у меня рекрутъ. Возьмите его. (*Солдаты схватываютъ Шельменка*).

ШЕЛЬМ. Помылуйте, ваше превосходительство! Ой, помылуйте! за що такá напастъ?

ГУБЕРН. За твои плутни и теперешнее мошенничество.

ШЕЛЬМ. (*Вырвавшись отъ солдатъ, кланяется въ ноги и лежитъ*). Помылуйте! ей велике слово, не буду до сѣду, до вику, не буду плутуваты; буду добрѣ робыты. Помылуйте! (*Ставъ на колѣна*). Не буду, земли ззимъ, що не буду; и дитямъ и увѣчатамъ закажѣ! помылуйте!

ГУБЕРН. А ты жевать?

ШЕЛЬМ. (*Все на колѣнахъ*). Та й дѣсе ни. И дѣсе на лыхо соби все парубкѣю. Ось колы ласка ваша, та видпѣстыте менѣ, то я соби гѣрненько бѣ оженивсь та якбы давѣ Богѣ диточѣбѣ, то тоди визьмить хочѣ двоухъ хлѣпцивѣ. Не хѣй слѣжыть Богу й государю; я не жалкѣю. Тилько пусти-те менѣ.

ГУБЕРН. Нѣтъ, нѣтъ; возьмите его. (*Солдаты схватываютъ Шельменка*). Господинъ Порошковскій! Извольте первоначально его разспросить и повѣрить, чтобъ по пустому не трудиться.

ШЕЛЬМ. (*Все вырываясь*). Та помылуйте, та здѣлайте мылость, добрѣдію! пѣночку, голѣбчыкѣ! та будте ласкови! Та я соби на лыхо глухый; не чѣю ничѣго и мѣштры не почѣю. (*Кричитъ*). Га! щѣ вы говорыте?

ГУБЕРН. (*Тихо*). Такѣ отпустите же его.

ШЕЛЬМ. (*Вырвавшись*). Покорно спасыби, дѣкѣю. (*Хочетъ бѣжыть*).

ГУБЕРН. Нѣтъ, нѣтъ; держите его. Видишь, какѣ онѣ глухъ! Нѣтъ ли еще чѣго?

ПОРОШК. У него вѣрно сотня болѣзней откроется. Не болить ли у тебя что?

Шельм. (*Стонетъ*). Охъ! дѣ-то вже не болыть! Та у мене усѣ, будучы, болыть; я соби такыи немощный: и тутъ, и тѣточка, и голова, и усюды болыть. Та такы у мене троха не халѣра.

Порошк. О бѣдной! И вѣрно ѣсть и спать хочется?

Шельм. Та такы частисинько. Охъ! усѣ бѣ я ивъ; та часомъ и спаты... (*Принужденно зѣваетъ*). Усѣ исты та спаты хѣчетця! Якый ужѣ зѣ мене салдаты? Охъ!

Порошк. Вѣрно и кашель есть?

Шельм. Дѣ-то вже нема? Ось бачъ якый здоровый! (*Силится кашлять*). У мене, знаете, нехай Богъ боронить, чехѣтка. Мыни, будучы, дано, такъ и знѣхурка казала. Яѣ булѣ, тѣе-то, у Гапѣныхы весилля, а вона зо мною колысь, будучы, позывѣалась; ну, та й даѣ мыни чѣрку горилкы; а тамъ, бѣтечку! усѣ плѣвають мовъ шпылькы та голкы; а я соби зѣ дѣру не розгѣдивъ та видъ тѣго часу й кашляю; та все сохну соби. Охъ! (*Кашляетъ*).

Порошк. Хорошо, хорошо. Всѣ ли зубы?

Шельм. Та колыбъ тоби хочъ одынь. Такы нема ни одногисинько. (*Кладетъ въ ротъ проворно серебряный рубль*).

Порошк. (*Инструментомъ вынимаетъ деньги и показываетъ*). Зубы также не здоровы, не могли раскусить рубля. (*Бросаетъ деньги*).

Шельм. Вжежъ колы такъ, то усю правду вамъ скажу. Ничого грихѣ таить. Пысаные глаголетъ: не вѣтайця шило въ мишкѣ. Слѣхайтежъ, панѣве! Однимъ ѣкомъ зовсимъ не бѣчу, а на дрѣгимъ кѣряча слипотѣ. Такъ мыни почынено.

Порошк. А которымъ глазомъ вовсе не видишь?

Шельм. (*Указывая на правой глазъ*). Оцымъ; хочъ бы вонѣ тоби и вылизло, то мыни дармѣ.

Порошк. А вотъ посмотримъ. (*Закрываетъ ему рукою лѣвой глазъ, а передъ правымъ долго мигаетъ пальцемъ*).

Шельм. (*Доло смотрѣвъ, потомъ съ бодростью*: Эгѣ! Та скилькы хочъ кывѣй, а я тоби кажѣ, цѣо ничогисинько не бѣчу.

ГУБЕРН. Бѣдной слѣпой! теперь для пробы узнать мѣру.

ШЕЛЬМ. Та якá у мене мира? Бачыте, явый я соби опецькуватый.

ГУБЕРН. (*Солдатамъ*). Ведите въ станокъ, попробуйте.

ШЕЛЬМЕНКА *тащатъ насильно; онъ все кричитъ*: Ой лыщечко! пропавъ я нá святи! (*Становятъ въ станокъ, онъ упрямится; солдаты его толкаютъ, — — — онъ кричитъ, а солдаты смѣются*).

ШЕЛЬМ. (*Вытянутый въ станокъ*). Та чо́гъ бо вы регочетесь? зовсимъ беда, чоловикъ пропадá. Та не регочитесь бо!

ГУБЕРН. Ну, что? Какъ мѣра?

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ. (*Кричитъ*). Пять, семь осьмыхъ.

ГУБЕРН. Хорошо; выйдегъ. Теперь, не подъ судомъ ли онъ? Какъ бы справиться?

ШЕЛЬМ. А трохá чы не пидъ сѣдомъ? Ей Богу, пидъ сѣдомъ; та ще трохá чы не за душогубство. Предышите, ваше превосходительство, учыныты справку по Полтавськый губернии, а мене бъ до того чáсу, будучы, аббъ бъ на порѹкы нашому голови, абб-що.

СЕКР. Это тотъ плуть, о которомъ исправникъ представилъ вашему превосходительству и прочыхъ злоупотребленяхъ.

ГУБЕРН. А, такъ это онъ? ты не ушелъ отъ заслуженнаго! Напишите исправнику, чтобы немедленно арестовано было всё его имущество, для удовлетвореня обиженныхъ; составьте также опредѣленіе съ прописаніемъ причинъ, почему я его взялъ въ солдаты, и сообщите куда слѣдуетъ. Ведите же его теперь въ присутствіе.

ШЕЛЬМ. (*Горько плачетъ*). Теперъ бачу вже не перѣлывкы. Який менѣ нечыстый понисъ мижъ москаля? Изъ своимы такы не зъ рáзу пропáвъ бы. (*Бросается на колѣна*). Помылуйте! ще такы помылуйте!

ГУБЕРН. Полно, нѣтъ пощады. Пойдемъ въ присутствіе. (*Уходитъ въ боковую комнату; Порошкозскый и секретарь идутъ за нимъ; солдаты тащатъ туда же на колѣнахъ стоящаго Шельменка, который кричитъ*). Ой ратуйте! хто въ Бога вируе, ратуйте! Гвалтъ! Калавѹръ! (*Уводятъ его*).

С т е п. (*Обнимая Никиту*). Слава тѣ, Христорь! Остался ты, мой Микитушка, со мной!

Н и в. Поблагодаримъ Бога и за себя, и за всю волость, что избавились отъ мошенника.

С т е п. Продли Богъ вѣкъ нашему губернатору за его правду и пошли ему, Господь, чего его душенька желаетъ! (*Бросая на котла*). А нашему батюшкѣ православному Царю, пошли Господи многая лѣта, што приказываетъ насъ бѣдныхъ не давать въ обиду и такихъ добрыхъ губернаторовъ намъ посылаетъ!

За кулисами слышенъ голосъ губернатора: Лобъ!

Голоса солдатъ по одиночкѣ громко кричащихъ: Лобъ—лобъ—лобъ!

Г о л о с ъ (*воющего Шельменка*). О, пропавъ же я теперъ на святи! Ой лышечко, лышечко!

Занавѣсъ опускается.

ШЕЛЬМЕНКО
ДЕНЩИКЪ.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Кирило Петровичъ Шпакъ, помѣщикъ.

Фенна Степановна, жена его.

Присинька, дочь ихъ.

Тимофѣй Кондратьевичъ Лопуцьковскій, женихъ ея.

Осипъ Прокоповичъ Опецковскій, прїѣзжій помѣщикъ.

Аграфена Семеновна, жена его.

Эвжени, дочь ихъ.

Иванъ Семеновичъ Скворцовъ, капитанъ, квартирующій съ командою въ деревнѣ Шпака.

Шельменко, денщикъ его.

Мотря, горничная Фенны Степановны.

Блючница, лакеи, вучера и другіе слуги и служанки Шпака.

Гости, мужчины, женщины, дѣти съ кормилицами, няньками и т. п.

Дѣйствіе въ Малороссіи, въ деревнѣ Шпака.

ШЕЛЬМЕНКО ДЕНЩИКЪ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Простой, безъ всякихъ украшеній садъ: кое-гдѣ большія, вѣтвистыя деревья; подъ ними деревянныя, некрашенныя скамейки. Изъ-за деревьевъ виденъ господскій домъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Скворцовъ. (*Сидитъ подъ деревьями и читаетъ книгу, потомъ говоритъ*). Посланный мой нейдетъ... какое нетерпѣніе!.. (*Читаетъ*). Видно по всему, что доступъ труденъ, когда уже и Шельменко не можетъ пробраться. (*Читаетъ и потомъ, бросивъ книгу, встаетъ*). Какъ бы огорчился дядя, еслибы узналъ, что генеральскому племяннику отказали!.. и гдѣ же? въ Малороссіи!.. Онъ вѣрить не хочетъ, чтобы могли быть здѣсь порядочные люди!.. Однакожъ отказали!.. Увезти бы, и конецъ дѣлу. Посердятся, да и простятъ, а я буду съ состояніемъ. Присивька, право, очень мила; имѣетъ странности, но я, женясь, съ моими кузинами ее перевоспитаю... Она добра, любитъ меня, капризовъ не имѣетъ, и пойдетъ дѣло ладно...

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Скворцовъ и Шельменко.

Шельм. (*Выбѣгаетъ отъ дому, торопливо оглядываясь*). Тю! тю! на твоего бѣтька!.. (*Увидя Скворцова, становится въ позытуру съ неловкостью*).

*) Комедія эта переделана изъ повѣсти того же автора: „Украинскіе дипломаты“. Въ печати появилась первый разъ въ 1840 году.

Сквор. Что? есть ли какой успѣхъ?

Шельм. Лепортую вашему благородыю, усѣ обстоить благополучно. Будучы, нѣту-тѣ ныкакого успеху.

Сквор. Какъ? Стало, ты не исполнилъ моего приказанія?

Шельм. Я усѣ справылъ, ваше благородые, тѣе-то, справно.

Сквор. И барышню видѣлъ?

Шельм. Ныкакъ нѣтъ, ваше благородые!

Сквор. Стало и письма не отдалъ?

Шельм. Ныкакъ нѣтъ, ваше благородые!

Сквор. Зачѣмъ же ты не отдалъ?

Шельм. Не могу знать, ваше благородые!

Сквор. Какъ не можешь знать? Вѣдь же ты въ домъ былъ?

Шельм. Ныкакъ нѣтъ, ваше благородые!

Сквор. Почему же нѣтъ, когда я тебѣ приказалъ?

Шельм. Эге!.. пожалуй... ваше бѣ благородые и приказалы, а я булѣ, будучы, и пишовъ, такъ щѣбъ? Собака, ваше благородые, та такъ здѣрово за хѣтою загѣвкала, такъ я, тѣе-то, и на втикачѣ...

Сквор. Ахъ ты трусь!..

Шельм. Видѣюща смерть страшнѣ, ваше благородые.

Сквор. Я тебя еще не такъ напугаю. Прикажу отпустить обѣщанныхъ за неисправность тебѣ сто палокъ.

Шельм. Рады старѣ... чы то пакъ: безъ выны выновать, ваше благородые!.. Ваше благородые! не положить гниву! Подозвольте мыни, будучы, безъ артыкулу, а такъ, словѣсно, побожытыся передъ вами, що колы, будучы, мы не видштурмѣемо пѣнночки, такъ щѣбъ я передъ вашимъ благороднымъ оттутечка, тѣе-то, прахомъ розпався. Отъ що!

Сквор. Съ твоей ли головой это и сдѣлать?

Шельм. Та вже жъ!.. О—охъ, ваше благородые! не знаете вы сіѣи головы! Робылы мы, будучы, производствомъ и не таковыи дилѣ, якъ бувѣло видекомандырѣмося на след-

стве зъ покойнымъ секретаремъ Грошолупомъ. Нехай надъ нымъ земля перомъ. (*Вдыхаетъ*).

Сквор. Ты всё хвалишься, а самъ и начала не сдѣлалъ.

Шельм. Дѣ-то вже не здилавъ? я, ваше благородые, безъ соромá кáзка, пидмóвивъ одну чернобрывку, щобъ, тѣе-то знáете, выбигла генъ до тьи розсóховатой яблуні; такъ мы тамъ, тамъ, тѣе-то, порáдымося. Знáете, ваше благородые, якъ Шельменко та зъ хытрою дивкою тѣе-то, такъ, будучы, и сáмого чѣрта зануздають. Идить же, ваше благородые, на кватырю, тягнить люльку, а тутъ, будучы, усé гарáздъ бúde.

Сквор. Смотри, Шельменко, не проводи меня!.. Ахъ, какое мученіе терплю!.. Бывалъ ли ты влюблѣнъ?

Шельм. Щобъ-то, будучы. якъ, ваше благородые?

Сквор. Ну, любилъ ли ты кого нибудь?

Шельм. Охъ, ваше благородые! Будучы, нигде грихадиты: любывъ, та ще й теперъ кришко люблю!

Сквор. Вотъ это для меня новость. Кого же это?

Шельм. Грóши, ваше благородые! любывъ, люблю и любытиму ажъ пóкы, будучы, здóхну. Що то я ихъ люблю! И батька, и мáтирь, и жинку, и дитей и увесъ ридъ свій за ныхъ видавъ-бы! Та колы по правди, будучы, сказаты, такъ нема и у свити ничóго и никóго луччого, якъ, будучы сказаты, грóши.

Сквор. Скотъ—и больше ничего!

Шельм. Та ей! истыне слово, скотъ, ваше благородые! и я тѣжъ кажú. Идить же, будучы, соби видсилъ; та будьте, тѣе-то, близѣнько, щобъ якъ гукну́, такъ щобъ вы тутъ и вродылыся. Мóже й панючка, тѣе-то, на шпáцирь выйде, а вы тутъ, стало быть, и ё.

Сквор. Смотри, Шельменко, работай проворно; а тебя награжу; а не то, палки по обѣщанію. (*Уходитъ*).

Шельм. (*Одинъ въ размышленіи*). Пáлки, пáлки!.. Чы думавъ ты, панъ Шельменко, объ палкахъ, якъ бувъ пры волосты пысаремъ?.. Гай, гай! Не теперъ зпóмыныкы. Тоди не тилькы усá волость трепетомъ менé трепетала, не тилькы

голова прыйдите поклонимся, та й самъ засидатель не знавъ, на яку ступыты передъ Шельменкомъ! А теперь не можна Шельменку и пары зъ усть пустыты, та усé по артыкулу: и ходы, и говоры, и дывыся усé по артыкулу... Ой Мыкыто, Мыкыто! а пуще ёго старá мáты: зайлы вы мою голову! чымъ бы я досе, будучы, бувъ? (*Задумывается*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Шельменко и Мотря.

Мотря. Чего вы меня, господá служивый, звали?

Шельм. Отже спасыби вамъ, що вы, будучы, выйшлы. Ось ходите жъ сюды, пидъ сёю грушу, я вамъ щось такé, будучы, скажу, такé гáрне.

Мотря. Говорите же скорѣй, мнѣ некогда.

Шельм. Знаете, будучы, щб? Яки вы повновыди, мовъ мисяць... та... тée-то... яки чорнѣви... Я васъ, душко, крипко, будучы, полюбывъ.

Мотря. А мнѣ какое до того дѣло? вотъ еще!

Шельм. Якъ, якé дило? Я васъ такъ крипко, будучы, полюбывъ, що у день не сплю, а у ночи не имъ, такъ, будучы, на стину деруся, та васъ, тée-то, бажаю.

Мотря. Деритесь себѣ куда хотите, а мнѣ нужды мало.

Шельм. Якъ-то, нужды мало? Полюбить бо, кришечко, и вы менé.

Мотря. Пожалуй, полюбить не долго, да какой изъ того толкъ будетъ?

Шельм. А такой товкъ, що мы соби, тée-то, поберёмся.

Мотря. Чтобъ я не дождала за солдата выдти!

Шельм. Оттакъ! якый я солдатъ? Бувъ волысь салдатомъ, якъ и усякъ нашъ брачыкъ военный, та знаете, якъ я у службу пишббъ, будучы, охотою, такъ такой хвабрый бувъ, що тилькы де забачу Турка, то такъ ёго, будучы, и зарубаю, такъ за се менé и пожалувалы чыномъ, и вже я,

стало быть, зъ прѣстныхъ выйшовъ, а ставъ, будучы, копытанскый денщикъ. Отъ що!

Мотря. Такъ вы уже и благородные?

Шельм. Эгѣ!

Мотря. А не брѣшете жъ вы? Или можетъ вы такой благородный, какъ за денежку пистолеть?

Шельм. Стану я, будучы, у такимъ важнымъ дили брехаты!

Мотря. Отчего же, когда вы благородный, а служите капитану?

Шельм. Се вже у насъ, будучы, у вѣнныхъ така поведѣнця, щобъ старшѣму прыслужуваты. Артыкулъ такъ велеть. Осъ якъ ще послужу та стану, будучы, генеральскымъ денщикомъ, такъ тоди вже, тѣе-то, и охвыцеры до мене прыйдите повлонимося.

Мотря. Когда выйду за васъ, то буду ли я благородная?

Шельм. Та такы точнисинько, якъ и я.

Мотря. Такъ присылайте же сегодня старостовъ, меня сватать; я уже васъ крѣпко полюбила.

Шельм. Оттакъ бы, будучы, й давно. Знаете щѣ? Часомъ паны ваши за мене васъ не видадуть, такъ мы осъ щѣ зробымъ: нехай мій, будучы, копытанъ та на вашій панночци, тѣе-то, ожѣнытця.

Мотря. Такъ мои господѣ не отдають ее за него и уже барышня приказано, чтобъ она объ немъ и не думала.

Шельм. Такъ мы зробимо такъ, щобъ вони побралися, хочъ стари и не хочуть. Коны жъ побѣчьте, щѣ вамъ не перѣльвы, такъ вы зъ нами, тѣе-то, утечить. Нѣте жъ лышѣнь опѣ, будучы, пысьмечко до панночки; тутъ усѣ написано: у яку пору вамъ и куды выйты; тилькы вы намъ дайте, тѣе-то, звистку. Нѣте жъ, нѣте, та виддайте, будучы, бережнѣнько.

Мотря. Этого никогда не будетъ. Что за находка идти за вашего капитана? Кругомъ бѣдный и ничего нѣтъ. А вотъ къ обѣду будетъ женихъ, панъ Лопуцьковскый, такъ-такъ, богатый и перебогатый! Человѣкъ его рассказывалъ, что при

сватаньн всѣмъ дворовымъ людямъ будетъ дарить шелковые платки. Такъ вотъ что! А вашъ капитанъ что? Тьфу!

Шельм. Та нехай же копытанъ, будучы, и тьфу, такъ я цѣца. Будете, будучы, благородни и чыновни по мыни.

Мотря. Я лучше соглашусь выдти за богатаго, чѣмъ за чиновнаго. Повѣсьте свои чины себѣ на шею; плевать я на васъ хочу.

Шельм. Ось послухайте, дѣшко, щѣ я вамъ, будучы, сважу...

Мотря. Чтобъ вы не дождали, чтобъ я барышню согласилася отдать за капитана; съ тѣмъ меня и отпустите: Мнѣ некогда; у насъ такіе приборы идутъ въ домѣ, что не то-что!

Шельм. (*Въ сторону*). Та й брыелыва жъ! Алѣ не лаетца у ладъ. Ну, ще попробую. (*Въ слухъ*). Та я вже не про пѣвничку; яеъ вы соби зъ нею, будучы, знаете; а я вже про себѣ казѣтымъ. Колы бъ вы знали, якый я, стало быть, богатый! свилкы въ мѣне худобы!.. Ось послухайте... (*Говоритъ ей тихо, и между тѣмъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣже и Шпакъ въ халатъ, колпакъ и туфляхъ, неся большую книгу Московскихъ газетъ.

Шпакъ. Ужъ мнѣ эти приборы! И въ кабинетѣ не дали покою. Недавно мыли полы, а тутъ, для приѣма жениха, опять поднялась возня. Выйди, да выйди! Только было принялся читать славную рѣчь, говоренную кѣмъ-то въ Англійскомъ парламентѣ на счетъ Ирландіи, такъ не дали, да и не дали! Авось либо здѣсь не помѣшаютъ. (*Садится на скамейку и перебираетъ листы*). Гдѣ жъ я остановился? Да, точно, № двѣнадцатый, февраля второе надесѣть число... что?.. такъ, такъ. Боюсь, чтобы прочитаннаго не начать съизнова читать, а начавши, долженъ буду и оканчивать, такъ двойная бы работа была...

Мотря. (*Испанная*). Бѣда моя! что теперъ баринъ подумаетъ? Какъ уйти?

Шельм. Попáвся, жу́чку, пáнови у ручку! Отъ халепа б́уде.

Шпакъ. Кто это тамъ? (*Подходитъ и увидѣтъ ихъ*). Чего вы тутъ забрались? Что это значить? И капитанъ и денщикъ привялись за любовные куры, а?

Шельм. Та такъ такы, такъ. Знаете, наша рябѣнька курочка та десь, будучы, забигла; катъ ии матиръ зна! такъ я оцѣ пыта́вся, чы не забигла, тѣе-то, до ныхъ...

Шпакъ. Я тебѣ дамъ курочку! Живаго тебя не выпущу. Это капитанскія штучки? Зачѣмъ ты, Мотря?

Шельм. Та вонá зо мною... тѣе-то, ваше благородые...

Шпакъ. Я не тебя спрашиваю; съ тобою раздѣляюсь послѣ. Говори ты, Мотря! скажешь правду—половина вины прощена.

Мотря. За мною, сударь, и никакой вины нѣтъ, хоть сейчасъ умирать. Они вызвали меня да уговаривали, чтобы я помогала барышнѣ выдти за капитана и отдавали мнѣ письмо, чтобы я барышнѣ...

Шпакъ. А! бездѣльникъ! Что теперь скажешь?

Шельм. (*Въ сторону*). Не щб, видбрешусь. (*Вслухъ, съ притворною робостію*). Хто, я, ваше благородые?.. Та я вамъ, будучы, зъ переляку усю правду истинную розкажу.

Шпакъ. Не смѣй меня величать—ваше благородіе; я не ровня твоему капитану. Хоть я и не служилъ нигдѣ, такъ отецъ мой былъ бунчуковый товарищъ, а этотъ чинъ равняется коллежскому ассесору, а тотъ—съ майоромъ. Такъ видишь-ли, какъ я далекъ отъ всѣхъ благородныхъ.

Шельм. Я, глядячы на васъ, такъ и думавъ, а теперь и зовсимъ, будучы, бачу—ваше высокоблагородые.

Шпакъ. Тото-же. Сей часъ открой мнѣ всю правду: зачѣмъ ты здѣсь и что это за письмо?

Шельм. Заразъ, ваше благор... чы то пакъ: ваше высокоблагородые, усѣ вамъ до чыста розкажу. Мій копытанъ, та задумавъ вашу дочку, тѣе-то, узяты...

Шпакъ. Далеко кулику до Петрова дня.

Шельм. Такъ такы, ваше высокоблагородые, я ёму, будучы, оттаѣтъ точчисинько й казавъ: чы вы жъ имъ, кáжу,

ривья? То панъ Шпаекъ, на усю губу панъ: а вы хто? Винъ бунчуковѣно, а вы хто? Панъ Шпакъ богатый, а въ васъ що? мундѣръ та рейтұзы. Такъ такы затѣвсь, та й затѣвсь. Отъ же, будучы, и полизъ свѣтатысь, та спасыби, вы ему и пиднеслы, будучы сказать, печѣного гарбуза. Пысаные глаголетъ: котұзи по заслұзи.

Шпакъ. Такъ и ты противъ своего капитана?

Шельм. (*Въ сторону*). А ну, Шельменко, брешы на уси заставки! (*Вслухъ*). Та й я протывъ нѣго, ваше высокоблагородые; бо не люблю неправды опущъ хрину; прѣвдою жыву на свити и, будучы, усимъ ии у вичи такъ и сыплю, мовъ пискомъ.

Шпакъ. Такъ ты, видно, человекъ не безъ разсудка?

Шельм. (*Въ сторону*). Нашъ! (*Вслухъ*). Такъ потрѣбу, будучы, маемо про себѣ, для усякои нұжды, ось якъ и тепѣрычкы.

Шпакъ. Всѣ это хорошо, но зачѣмъ же ты здѣсь?

Шельм. Ось бѣчите зачѣмъ: мій копытанъ и писля гарбуза, будучы, не прочувѣвъ. Що ёму гарбузъ? фить-фить! якбы бувѣ, ваше высокоблагородые, вы ёго, будучы, дѣ застұкалы та одспивалы бъ ёму дѣбре, щобъ, стѣло быть, не сякався за неривню.

Шпакъ. Правда твоя, я было такъ и думалъ, да отсѣтовала жена.

Шельм. Отъ бѣчите! а винъ тутъ й розвередуѣвсь. Давай, кѣже, мы у пана Шпакѣ дочкѣ, тѣе-то, украдемо...

Шпакъ. Ахъ онъ бездѣльникъ!

Шельм. Та такый бездилникъ, ваше высокоблагородые, що, будучы, скільки я по свиту ны ходывъ, такъ такого не бѣчывъ.

Мотря. А вы же, служивый, намъ его расхваливали и что уже лучше его и вѣтъ.

Шельм. Потурѣйте, Мотрѣсю, — не знаю, якъ васъ по бѣтұсыци, — що мы служыви, вамъ, будучы, говорымо! Тилькы розпустить ўха, то забѣжымося, що й на верби ё груши. То я васъ тилькы выпытувавъ.

Шпакъ. Это правда, умный человекъ всѣ мѣры употребляетъ.

Шельм. Истинне ваше слово, ваше высокоблагородие! Тымъ-то и я, будучы, усѣкыи миры потребляю.

Шпакъ. Очень похвально; но зачѣмъ же ты сюда пришелъ и о чемъ съ Мотрею говорилъ?

Шельм. Та то мы, будучы, соби... зійшлыся такъ, тѣе-то, знаете, ваше высокоблагородие...

Мотря. Что вы брѣшете? Вы вызвали меня, уговаривали, чтобъ я за васъ замужъ вышла, рассказывали про свое богатство, и письмоцо къ барышнѣ передавали...

Шельм. Те-те-те-тѣ! И я жъ тежъ кажѹ, и вонѹ усѣ такъ, та тилькы тришкы, будучы, не такъ. Охъ, жалко мыни, що не мѹжна усѣго разскѹзуваты!

Шпакъ. Иди, Мотря, домой и ничего не говори барышнѣ; я скоро самъ приду.

Мотря. Боюсь, чтобъ онъ вамъ не наговорилъ чего лишняго...

Шпакъ. Не бойся, не бойся, не твое дѣло. (*Мотря уходитъ*). Ну, теперъ расскажи мнѣ все, по самой чистой правдѣ.

Шельм. Моя правда, будучы, чыстие усѣкои правды и якъ я е самый чѣсный чоловікъ. Отъ бѣчыте, ваше благородор... чы то пакъ, гмѣ! ваше высокоблагородие! якъ давъ мыни копытанъ письмечкѹ до пѣвнѹчки, а тутъ напысано, колы й якъ утекты, такъ я, будучы, ажъ заплакавъ соби ныщечкомъ, отъ ей! правда!—бодѣй я передъ вашимъ здорѹвьямъ никѹлы не плакавъ, колы се брешѹ. Жалко стало, що мы, будучы, васъ, надъ панѣмы пѣна, надъ шпакѣмы шпакѣ, у вичи обдѹрюемо, а вы намъ вирите, мовъ добрымъ.

Шпакъ. Благодарю тебя, мой другъ, за усердіе ко мнѣ. Что же далѣе? Ты взялъ письмо?

Шельм. Охъ, узѣвъ, щѹбъ часомъ вняъ черезъ дрѹгого когѹ не передавъ. Узѣвъ та, будучы сказать, та й думѹю соби: якъ бы вамъ переслѣаты? Ажъ ось дивчына тутъ выслычкы збырѣ: отъ я до неѣ та, знаете, щѹбъ вона добриша булѣ, такъ я, будучы, тѣе-то... звисно... молодѣцьке дило...

Шпакъ. Понимаю, понимаю. Я и самъ былъ молодъ.

Шельм. А, бачу вы й догадалися? Ну, ну, не знаю, щобъ васъ обманути можна було! Що за догадливи! Ось, якъ я бачу, що вона до васъ, тее-то, усёрдна, отъ я й кажу: виддай, душко, пысьмечко панныочи. Бо певно знавъ, що она ёго вамъ виддасть; то отъ я й передъ копытаномъ не бувъ бы выноватый, и вамъ бы, будучы, услужывъ. Тилькы що се кажу, а тутъ вы и выйшлы, нехай здорови будете та по-викъ бы менё слухалы. (*Въ сторону*). Отъ збрехавъ, ажъ пальцы знать!

Шпакъ. Ахъ, да ты мастерски схитрилъ. Я замѣчаю въ тебѣ много ума, а честности и еще больше.

Шельм. Не пидемо купуваты, або позычаты; буде зъ мене. Ще менё, будучы, якъ розкуптуете, то ще й не те скажете. А щобъ вы мыни зовсимъ повирылы, то найте вамъ, будучы, и пысьмечко та й прочытайте соби. Пысанные глаголетъ: пысьмо очи колетъ.

Шпакъ. (*Прочитавъ пысьмо*). Ахъ, онъ бездѣльникъ! ахъ, мошенникъ! Я это пысьмо представлю въ судъ и буду на немъ безчестья искать.

Шельм. Та ни, ваше высокоблагородые! щбъ вамъ безчестя? По пысаную, якъ объ стину горохомъ. А пидете по судахъ, то хибá, будучы, не знаете, якъ почнутъ справкы та сообщеныя пысаты, а копытанъ тымъ часомъ паннычку, тее-то, вкраде и зрбыть по свбему, тоди ничымъ и не залатаете.

Шпакъ. Правда твоя, другъ мой, правда. Что же мнѣ дѣлать, ума не приберу. Не придумаешь ли, какъ бы насолить капитану?

Шельм. Де вже мой головы за вашимъ рбзумомъ! Тутъ бы отъ щб: прочытаты бъ оцѣ пысьмечко панныочи; мбже она сердѣшна, будучы, ничого сего й не зна, а винъ до неи вьяжетця, такъ, по пысаную: мокрымъ рядномъ нападаетця.

Шпакъ. И то можетъ быть; твой совѣтъ хорошъ. При дочери прочитаю женѣ, что-то она скажетъ.

Шельм. (*Въ сторону*). Колыбъ менё туды допустылы, я бъ васъ оббхъ одурывъ и дочку бъ выкравъ. (*Вслухъ*). Робить же, ваше высокоблагородые, тутечка-здесь якъ знаете, а я пиду до копытана, будучы, зъ лепортомъ.

Шпакъ. Ты ему скажи, что письмо отдалъ въ руки Присиньки.

Шельм. Ничого робить, трѣба такъ казаты, хочъ и неправда. А що вже я не люблю брехаты, такъ точнисянько, якъ гирку редьку исты. (*Вытянувшись*). Прощення просымо, ваше высокоблагородые!

Шпакъ. Прощай, мой любезный! Когда что новое узнаешь, приходи прямо и расскажи. Я тебѣ особенно благодарить буду.

Шельм. Рады старатця, ваше высокоблагородые! (*Подойдя къ Шпаку*). А колы знаете, щѣ? Я тутъ, будучы, буду сноваты и у двори и у садкѣ, чы не запримичу чогѣ, та хочъ бы й самогѣ копытана, то й дамъ вамъ зѣразъ звистку: кахыкну ось такъ (*кашляетъ*), то вы до мене яко мѣга й поспитайте. Щаслыво оставатця. (*Вытягивается, дѣлаетъ на тѣло и маршрууетъ, все неловко*).

Шпакъ. (*Однимъ*). Какое счастье, что я привлѣкъ на свою сторону этого честнаго малаго. Теперъ капитанъ у меня въ рукахъ. Захоучу, и черезъ Шельменка попадется въ новой лабеть. О! да пристыжу же его крѣпко! Забудетъ смаивать невѣсть. Фенночка моя въ хлопотахъ по хозяйству, а какъ управится, сойдемся, тогда, по совѣту Шельменки, прочту это письмо дочери и по обстоятельствамъ начну дѣйствовать. Золотой Шельменко! Ну, что-то мои Христиносы съ Карлистами? (*Садится и читаетъ газеты*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Шпакъ и Фенна Степановна.

Фен. Степ. (*Съ пузырькомъ въ рукахъ*). Вотъ гдѣ они забралися! Я васъ, душечка, по всему дому искала.

Шпакъ. (*Приставивъ палецъ къ газетамъ*). Потеря Карлистовъ... Гдѣ жъ мнѣ въ домѣ усидѣть, когда всѣ полы моютъ? А что вамъ, маточка, нада?

Фен. Степ. Дѣло есть поговорить.

Шпакъ. (*Также оставляя читать*). При переправѣ... дайте жъ мнѣ, Фенночка, вотъ немного дочитать описанія

преинтереснаго сраженія; я и самъ имѣю очень нужное къ вамъ. Такъ вотъ сраженіе завязалось...

Фен. Степ. Полно уже съ своими сраженіями. Какъ примутся сражаться, такъ ни до чего уже и дѣла нѣтъ. Нуте бо, Кіричка, займитесь еще и со мною.

Шпакъ. Разнесся слухъ... да что тамъ такое?.. при побѣгѣ взято...

Фен. Степ. (*Показывая пузырьки*). А вотъ, душечка, не хотите ли принять лѣкарства?

Шпакъ. Помилуйте меня, маточка! Я совсѣмъ здоровъ, и на что мнѣ лекарство? да и какое еще?

Фен. Степ. Такъ чтожъ, что здоровы? еще здоровѣе будете. Это отъ колики; вате выкушайте.

Шпакъ. Да меня нигдѣ не колетъ. Помилуйте меня; Фенна Степановна, разореніе съ вами! Что вамъ это вздумалось здороваго человѣка лечить?

Фен. Степ. Лишнее здоровье, душечка, никогда не мѣшаетъ. Вотъ видите: прибираясь къ гостямъ, я перебирала у себя въ шкафѣ, смотрю, бавочка съ лекарствомъ. Помните ли, прошлаго года зимою я поѣла на ночь буженины съ чеснокомъ и меня схватила колика, такъ Иванъ Фомичъ тогда прописалъ мнѣ это лекарство.

Шпакъ. Такъ тѣ у васъ колика была, а не у меня. Вы же, маточка, тогда буженины на ночь накушались, а я вчера почитай и не ужиналъ. Оно же прошлогоднее; никакого дѣйствія не произведетъ. Возьмите, да вылейте его.

Фен. Степ. Помилуйте меня, Кирило Петровичъ! Я вамъ не наудивляюсь: человѣкъ вы умной, а всегда такъ чудно разсуждаете: вылить! легко сказать, вылить, когда вещь стоить рубль двадцать копѣекъ.

Шпакъ. Помилуйте же и вы меня, Фенна Степановна! Я тутъ и въ толкъ ничего не возьму: у человѣка все благополучно и нигдѣ не колетъ, такъ пей прошлогоднее лекарство, чтобъ деньги не пропали! И съ чѣмъ его принимать: съ чаемъ или съ виномъ?

Фен. Степ. И сама не знаю, что-то забыла. И внутри ли принимать, или снаружи мазать—ей-же-то-Богу моему не помню, хоть сей часъ убейте меня, не помню. (*Ласкаясь*

къ нему). Да нужды нѣтъ, тутъ его немного, всего на одинъ пріемъ; и не чувствуетесь, какъ выкупаєте. Нѣте бо.

Шпакъ. Умилосердитесь надо мною, Фенна Степановна! Что вамъ за капризъ пришелъ,—мною какъ пашкою играть? Я, кажется, вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, чтобъ мною управяли, и люблю жить своимъ умомъ. Ну хорошо, я его прійму, а оно наружное да еще можетъ быть со шпанскими мухами, такъ что тогда будемъ дѣлать? Мнѣ горло оборветъ и куса не прогложу. Ну, когда вамъ жаль денегъ, отдайте Мотрѣ выпить.

Фен. Степ. Ея ли холопскому горлу глотать по рублю двадцати копѣекъ? Гдѣ вашъ рассудокъ?

Шпакъ. Ну, такъ идите же себѣ, ради Бога! сказалъ, такъ такъ тому и быть. Не мѣшайте мнѣ: тутъ продолжается важное сраженіе. (*Читаетъ*).

Фен. Степ. (*Отойдя отъ него*). Всѣ съ своими газетами, а нѣтъ того, чтобы и женѣ угодное сдѣлать! Что за чудный нравъ у нихъ дѣлается? Чѣмъ больше старѣются, тѣмъ больше въ нимъ ни приступу, и тотчасъ за все сердятся. Я думаю, что и въ десяти губерніяхъ около нѣтъ человѣка съ такимъ умомъ, какъ ови, а ничего умнаго во весь вѣкъ не сдѣлали. (*Мужу*). Ужъ какъ по этакой суммѣ будемъ выливать, такъ и концовъ не сведѣмъ. Одни процессы съ Тпрунькѣвичемъ чего стоятъ...

Шпакъ. (*Бросивъ газеты, съ досадою*). Не вспоминайте мнѣ про этого изверга! Ужъ я же его доведу! Эти гуси ему такъ не пройдутъ: всего лишуся, имѣніе потеряю, а взыщу съ него за побитые гуси. Я его доведу!

Фен. Степ. Какъ бы хотъ теперъ поменьше издержекъ на эти тяжбы: намъ нужно Присиньку выдавать; вотъ женихъ...

Шпакъ. Да, да, правду сказать, надобно спѣшить ее выдать. Вотъ какъ кончу сраженіе, такъ я вамъ расскажу... (*Читаетъ*).

Фен. Степ. Благодарю Бога, что женихи къ Присинькѣ показались... Я и не такъ богата была у батюшки, какъ она у насъ, а за мною жениховъ было что собакъ. А отъ чего? Покойный батюшка на хитрости поднялся; закупилъ всѣхъ

смотрителей на сосѣднихъ станціяхъ, чтобы всѣмъ проѣзжимъ рассказывали, что такая-то барышня и богатая, и красивая и разумная. Такъ вѣрите ли? ежедневно отъ жениховъ не было отбою.

Шпакъ. Однакожь, маточка, я ни отъ кого не слышалъ объ васъ и не зналъ, есть ли вы на свѣтѣ; а судьба, какъ судьба! Мимоѣдомъ заѣхалъ, да разомъ и влюбился въ васъ по уши. Смотрю: дѣвка кровь съ молокомъ, да подступить не смѣю. Для смѣлости, натянулся съ вашимъ батюшкою наливки; онъ принялся за гусли, да какъ дерветъ горлицы, я и разносился...

Фен. Степ. (*Глядя его по лицу*). Эта-то горлица меня и доѣхала! Вы носитесь въ присядеу, а я такъ и таю... (*Цѣлуетъ его въ лобъ*).

Шпакъ. (*Также цѣлуетъ ее*). Да въ тотъ же вечеръ и по рукамъ ударили.

Фен. Степ. Хорошо бы и Присю такъ, чтобы не долго водить.

Шпакъ. И непременно такъ должно, а то чтобы нашъ постоялецъ не надѣлалъ штуку.

Фен. Степ. Капитанъ? Развѣ и послѣ отказа не обдумился?

Шпакъ. Куда!.. сманиваетъ ее, чтобы ушла съ нимъ. Вотъ я переловилъ письмо. Пойдемъ, я при ней прочту и выпрошу у нее, въ согласіи ли она съ нимъ? Пойдемъ вмѣстѣ. (*Идетъ къ дому*).

Фен. Степ. (*Всплеснувъ руками*). Письмо?.. Какой стыдъ, какой позоръ!.. Въ кого это она? Ко мнѣ никто въ свѣтѣ не писалъ амурныхъ писемъ!.. Замужъ, замужъ сего же дня, сей часъ замужъ, чтобы не любила съ капитаномъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ШЕЛЬМ. (*Одинъ, выходитъ отъ дому и ищетъ между деревьями*). Дежъ тутъ у гаспыда ёго благородые? Немá та й немá. А кришко пыльно булò ёго трéба-нада. Якъ же знайдеться, такъ и заспишыть: роскáзуй ёму швыдче, та не прыговóрью: будучы. Якъ такы нашому брáчьеу безъ прыговóрокъ? Пóкы мямкаючы скажешъ: будучы, та стало быть, та тée-то, а тутъ и выдумаешъ, якъ бы гладёнько збрехáты, або выбрехатыся. Се вже наша пысáрьска натура. А якъ я подывлюся, такъ усюды однаковисинько — и у вóлости, и у суди, и у служби. Салдаты, абò пысарь, та й секлетарь дило зрòбьты, усé до ладú приведе, а началныкъ и хвáста: это мы-ста сдѣлали. Отъ и тутъ такъ: я зовсимъ усé дило на-лáгодывъ, барышню вкράдемо, ёго благородые ожéнытця и худóбу забере, а Шельменци колы скáже спасыби, то ще й гарáздъ; а колы тутъ же провынысса у чимъ, то зáразъ и пáлки... О, докúчылы мыши оттии пáлки! Колы бъ же я ихъ не наклыкавъ, що й дóсе не знайдú копытана. Агóвъ, ваше благородые! Онъ идé; стой, Шельменко, та ривнайся! (*Вытязивается*). О, мýка та й годи!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Шельменко и Скворцовъ.

СКВОР. Что, Шельменко, есть ли что новое?

ШЕЛЬМ. Усёго новóго багáто ё, ваше благородые!

СКВОР. Говори мнѣ скорѣе просто, своими словами, только оставь свое несносное „будучы“.

Шельм. Велычать, ваше благородые, колы не прыкажете, то й не будемо, тилькы безъ будучы не можемо (с^о стороны)., затымъ що безъ брехни не обійдетця.

Сквор. Ну, говори скорѣ: видѣлъ ли ты барышню, знаетъ ли она про письмо, согласна ли уходить?..

Шельм. Сей часъ, заразъ усѣ порядкомъ роскажу. Якъ я пана Шпакá навчывъ, то винъ, мій сердешный, тошнисинько такъ и зробывъ. Письмо пánночци прочытавъ, та й прынялыся удбóхъ, будучы, зъ пánею ии лáяты. Пánночка у слэзы... О, та не хытра жъ и вона! Плаче та васъ коренить, кáже: и цуръ, кáже, ёмú и пекъ, кáже, ёмú; се бъ то вамъ, будучы, ваше благородые, не видъ мéне вы, тée-то, чýете. Тутъ же лáе, а тутъ пысьмечкó—сипъ! та, будучы, й сховáла до сёрця. Отъ ей! не брешú; хочъ бы мыни, будучы, пропáсты ось тútечка-здесь...

Сквор. Перестанъ божитися, я тебѣ вѣрю; оканчивай скорѣ.

Шельм. Отъ дóбре, що вирыте, и вирыте завсегдá. Отъ, будучы, пánночка й видцурáлася видъ васъ, що, кáже, и не хóчу, и не жалáю, и на думци не покладáю, щобъ, будучы, йты за нёго. Отъ стари й повирылы й пишлы видъ нéи. Отъ и зовсимъ.

Сквор. Видѣлъ-ли ты послѣ барышню, и не приказала она мнѣ чего сказать?

Шельм. Дé-то вже не бáчывъ! истынно бáчывъ, и зъ нёю у синцяхъ, на самоти, тée-то, говорывъ, ось якъ тепёръ, будучы, зъ вами, нехай здорови бóдете.

Сквор. Не приказала ли чего мнѣ сказать?

Шельм. Дé-то вже, будучы, не прыказувала! Тамъ такóго наговорила, що зá-ничъ замисць кáзки и не переслúхаєте.

Сквор. Что же такое? Говори, не мучь меня!

Шельм. А ось щó казáла: я ёго, кáже, до смерти люблю, себъ то, будучы, васъ, ваше благородые,—що, кáже; хочъ я й видцурáлась видъ копытана пры бáтюсьци и пры мáтусьци, такъ се, кáже, неправда, брехня по нáшому, а я такы ёго люблю, а на пána Лопúцька и дывытыся не хóчу.

Сквор. Это чтó еще за лопúцёкъ?

Шельм. Женыхъ до пѣночки, кажутъ, богатый та перебагатый. Оцѣ тужь-тужь изъ старостамы бѣде. Тамъ ихъ такъ дожыдають: усю птыцю на птышни, будучы, поризалы; панъ зъ панею, тѣе-то, усѣ свѣрютця: вона дивчатъ товчѣ, а винъ хлѣпчивъ усюды протѣрюе. У вѣчери, кажутъ и свѣтаня запѣють.

Сквор. Еще этой бѣды недоставало, чтобы съ боку явился женихъ! Ахъ, какое мое критическое положеніе!

Шельм. Та щѣ положенья не було ніякого, ваше благородье! ще тилькы свѣтаня; а мы швыдче украдемо пѣночку, то пѣкы тутъ страва поспіе, а мы соби, будучы, звинчаємося и, тѣе-то, вѣрнемося...

Сквор. Ахъ, если бы мнѣ увидѣться съ Присинькой! Спроворь мнѣ это какъ нибудь...

Шельм. Та я вже и зпроворывъ. Тужь-тужь, казала, выбижыть.

Сквор. Что же ты мнѣ о самомъ лучшемъ и не скажешь?

Шельм. Щобъ не такъ, будучы, кортило. Э, цуръ паличка! Онъ вже и бижыть. Поженыхайтеса жъ вы соби трѣшкы, а я постѣю на калавѣри.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣже и Присинька.

Сквор. (*Спѣшитъ къ ней на встрѣчу*). Ахъ, какое ты мнѣ доставляешь удовольствіе! (*Цѣлуетъ ея руку*). Какъ я счастливъ, что еще вижу тебя... увѣряюсь въ любви твоей... и, можетъ быть, вижу тебя въ послѣдній разъ...

Прис. Совсѣмъ же не въ послѣдній разъ; я какъ поклялася вамъ, что буду любить васъ вѣчно и что ни за кого не пойду, кромѣ васъ, то и сдержу слово.

Сквор. А ожидаемый женихъ?

Прис. Я объ немъ и не думаю и ни за что въ свѣтѣ не пойду за него. Моя машермеръ сказала...

*

Сквор. Милая Присинька! Я тебя просилъ не говорить по французски.

Прис. Не буду, право, не буду. Отчего вамъ не хочется, чтобъ я говорила по французски? Я очень хорошо говорю...

Сквор. Оттого-то я и прошу, чтобъ ты не говорила, потому что тебя учили не такъ какъ должно, а отъ того ты и всѣ подружки твои—не говорятъ, а коверкаютъ слова такъ, что знающій по французскій не пойметъ ничего, что вы говорите. Пожалуста же больше не говори. Читала ли ты мое письмо?

Прис. Оно не прямо дошло до меня; батинька его перехватилъ и прочиталъ мнѣ съ большими упреками до того, что я—не разсердитесь—принуждена была сказать, что я вовсе васъ не люблю и отказываюсь отъ васъ; а письмо-то я таки тихонько схватила и оно у меня здѣсь.

Сквор. Стало, ты согласна на мое предложеніе?

Прис. *(Съ смущеніемъ)*. На... на какое?

Сквор. Бѣжать со мною и тайно обвинчаться.

Прис. Бѣжать!.. Какъ это слово раздираетъ мою душу!

Сквор. Отъ чего же, моя милая Присинька? Ты вынуждена къ тому крайностью. Родители твои ни за что не соглашаются выдать тебя за меня; ты любишь меня и желала бы быть моею лучше, чѣмъ выдти за предлагаемаго тебѣ жениха. Не такъ ли?

Прис. Оно такъ, конечно, но...

Фен. Степ. *(Показывается за деревьями и подслушиваетъ)*.

Шельм. *(Подойдя къ нимъ)*. Та здѣлайте мылость мѣнше говорить, а швыдче дило кинчайте. Вонъ ось якъ: мы, будучы, поеднаемо попá, щобъ васъ извинчавъ, смеркомъ пидбижымó до хвиртки, що генъ-генъ била загороды; я, будучы, буду тутечка-здѣся и подамъ вамъ звистку, а вы, пánночко, и чурхнить не оглядаючыся, та швыдче до винця, а тамъ, тее-то, вже звисно...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тъ же и Фенна Степановна.

Фен. Степ. А что это такое?... Чему это ты научаешь?... Что у васъ за умыслы?... увозить мою дочь?... Не стыдно ли вамъ, Иванъ Семеновичъ, за нашу хлѣбъ-соль платить неблагодарностью?

Шельм. *съ сторону.* Отъ й встерегліся видъ злои бабы! трѣба видбрихуватысь.

Сквор. Одна сильная любовь къ вашей дочери извиняетъ меня въ такомъ рѣшительномъ намѣреніи.

Фен. Степ. Сильная любовь! По этому, какое бы вы намъ зло ни сдѣлали, такъ все будете отговариваться сильною любовью?

Шельм. Оттáкъ пакъ! писаные глаголетъ: на вóвва помóвка. Сáмы, будучы, у усимъ выновати, та на любовьъ звертáють. Хибá мы не знáемо?

Фен. Степ. А ты, плуть, зачѣмъ мѣшаешься? Не ты ли тутъ давалъ совѣты, какъ уходить?

Шельм. *смѣется.* Хе, хе, хе, хе! О бодай васъ! Ничого, будучы, не знаютъ та й говорятъ.

Фен. Степ. Какъ ничего не знаю? Не ты ли здѣсь стоялъ?

Шельм. Стоявъ.

Фен. Степ. Не ты ли говорилъ, какъ смеренетъ?..

Шельм. Казáвъ.

Фен. Степ. Не говорилъ ли ты, что коляска подѣдетъ къ калиткѣ?...

Шельм. Говорѣвъ.

Фен. Степ. Не говорилъ ли ты, что когда будетъ все готово, такъ ты дашъ знать Присинькѣ...

Шельм. И стоявъ, и казáвъ, и говорѣвъ. Такъ щожъ?

Фен. Степ. Такъ тó, что тебя прежде всѣхъ надобно проучить.

Шельм. Эгѣ! вонѣ й таѣъ, та трѣшки не таѣъ. Жалко мыни, що, будучы, не мѣжна усѣго при усихъ розказати! Ось ходимъ, пави, удвохъ пидъ онъ ту яблуню, таѣъ я вамъ, тѣе-то, щось розкажу.

Фен. Степ. Еще онъ смѣетъ дурачить и на секреты звать! Вонъ, подлець, изъ моего саду и не смѣй ни здѣсь, ни во дворѣ показываться; велю дубьемъ прогонять. А вамъ, сударь, однажды навсегда сказано, что она вамъ не суженая. Оставьте насъ въ покоѣ и ее больше не смущайте; она уже почти сговорена за другого. И таѣъ, что было между вами, должно совсѣмъ прервать.

Прис. Маминька! я ви за кого не пойду, если не отдадите за Ивана Семеновича!

Сквор. Я умру при глазахъ вашихъ, если отдадите Присиньку другому!

Шельм. Колѣ не видастѣ за насъ, то й я, абб, будучы, втоплюся, абб свить за очѣма пиду.

Фен. Степ. Дураку туда и дорога! А васъ, сударь, еще прошу: оставьте насъ скорѣе; мужъ мой, если увидить васъ здѣсь, то, не прогнѣвайтесь, нанесетъ вамъ большихъ неприятностей. Прися! иди домой; я тебя съ глазъ не спущу.

Сквор. Знай, Присинька, что ежели отвергнешь мое предложеніе, то завтра же узнаешь о моей смерти! (*уходитъ*).

Шельм. Я й одлепортюю.

Прис. О Боже мой! Кто меня наставитъ въ этомъ критическомъ положеніи! (*плача идетъ къ дому*).

Шельм. (*проводя ея тихо*). Слушайте менѣ, то усѣ буде гараздъ (*возвращается*).

Фен. Степ. Ты зачѣмъ здѣсь остаешься? Вонъ и ты.

Шельм. (*Кашляетъ громко*). Кахы!... кахы!...

Фен. Степ. Онъ еще и разкашлялся! Вонъ, говорю я. Тебя не долго, велю и въ дубѣе принять.

Шельм. (*Подойдя къ дому все кашляетъ*). Та кахы бо!.. кахы!.. кахы!... Аговъ!... кахы!...

Фен. Степ. Онъ меня бѣситъ своимъ кашлемъ. Убейте вонъ, или я позову людей....

Шельм. Та кахы!.. кахы!.. кахы!.. ажъ ось на сѣлу!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Шпакъ.

Шпакъ. Что тутъ? А, это ты, Шельменко? Что тебѣ надобно?

Фен. Степ. Ему то надобно, что онъ здѣсь славныя дѣла завѣлъ. Вызвавъ Присиньку, да и свѣлъ еѣ съ капитаномъ и научилъ, какъ имъ уйти.

Шпакъ. Шельменко! Чтѣ я слышу?

Шельм. Те чѣте, що пѣни вамъ говорыть.

Шпакъ. Такъ ты уже и съ капитаномъ заодно?

Шельм. Та дѣ вже вамъ, будучы, заодно; то такъ имъ, тѣе-то, почѣлося.

Фен. Степ. Какое—почулося? Я прихожу, душечка, сюда, а они всѣ трое совѣтуются, какъ имъ Присиньку увезти, а онъ тутъ и распятался (*образитъ Шельменка*): „пидбижимѣ, будучы, до хвиртви, та васъ, будучы, укрѣдемо“, — какъ я тутъ и отозвался. Какъ же онъ поблѣднѣлъ, испугался, что его плутни открылись! А, не такъ ли? Что же ты молчишь?

Шельм. Мовчѣ (*Въ сторону*), а опислѣ и видбрешусь.

Шпакъ. Чтѣ Шельменко, не похоже ли это на мошенничество?

Шельм. (*Утвердительно*). Похоже, ваше высокоблагородные!

Шпакъ. Такъ прочь же съ глазъ моихъ, бездѣльникъ! Ты думалъ меня обмануть, взявши будто мою сторону, противъ капитана, но не на того напалъ. Я сей часъ увидѣлъ, что ты какъ литовскій цѣпъ—на обѣ стороны работаешь. Счастье твое, что всѣ люди въ домѣ заняты, ты бы дешево отсюда не вышелъ. Вонъ отсюда и не смѣй мнѣ на глаза показаться!

Шельм. (*Печально*). Прощайте, ваше высокоблагородные... Щасливо оставатьця... (*Вдругъ зарыдалъ притворно и будто горько плачетъ*).

Шпакъ. Чего ты это разрюмался?

Шельм. (*Все будто плача*). Жалко... такого, будучы, отця и родытеля... покидыты! Я думавъ вамъ щиро служыты, та...

Шпакъ. Да спотыкнулся, а?

Шельм. Не спотыкавсья, ваше благор... чы то пакъ: ваше высокоблагородые, а йшовъ, будучы, прямисынько и усё, стало быть, робывъ якъ лѹчче.

Фен. Степ. Хорошо — лучше, когда было совсѣмъ увезли Присыньку, если бы не я. Скажи, не правда ли моя?

Шельм. Та воно, будучы, правда, та трѣшки щербатенька, пани бунчученыхо!

Фен. Степ. Какъ щербатенька? Смѣешь такъ говорить? Вонъ отсюда!

Шпакъ. Пстой, маточка, не горячися; прогнать всегда можно, послушаемъ, что онъ скажетъ въ свое оправданіе.

Фен. Степ. Что его слушать? Онъ наврѣтъ всякаго вздору и ему не должно вѣрить, когда я сама слышала.

Шельм. Та пожалуй, вы чѹлы, щѹ я тѹтечкы казавъ, та не булы, будучы, у мене у души, не знаете моѣи дѹмки.

Фен. Степ. О, я знаю, что ты спишь и видишь, какъ бы своего капитана женить на Присынькѣ. Я все знаю.

Шельм. (*Всторону*). Якъ разъ видгадала!

Шпакъ. Что же было у тебя на умѣ? Рассказывай, да знай же, что ты меня больше не проведешь и я тебѣ ни на волосъ не повѣрю.

Шельм. Чы мыни жъ, такому мызѣрному, та обманѹты такого пана зъ такою головою? Не знаю! Такивсяки й вы! А вже хочъ вирте, хочъ зовсимъ не вирте, а и якъ есть салдаты, присяжный чоловикъ, довжѹвъ усю правду сказаты. Якъ звелилы ваше высокоблагородые мыни поглядаты, чы не вздрю, будучы, де копытана; отъ я й пидглядю... Зиркѣ! а воны и збиглыся, будучы, пидъ сією яблунею, та я почалы, тѣе-то, женихатыся. Менѣ такъ жалъ и узавъ, що такобого мылого та доброго пана, будучы, бунчуковѣнка, що зовсимъ, будучы сказать, на маѣра здаѣтця, та хтожъ обманюе? Тилькы що копытанъ! Гай, гай! Осъ я и пидйшовъ до ныхъ,

та давай имъ, будучы, теревѣни прѣвыты, а самъ, тѣе-то, усѣ сылкуюся кахыкнуты, якъ змовлявса зъ вашимъ высокоблагородьемъ; усѣ сылкуюсь, усѣ сылкуюсь, щобъ кахыкнуты, и вже й самъ не тямлю, що имъ, будучы, брешу и тилькы що налагодывса, щобъ на увѣсь садокъ, тѣе-то, кахы!... а тутъ пѣню и прынесло на тѣ. Отъ вона, будучы, и зчепылася зо мною; пѣкы одвить давъ та впыть почѣвъ кахыкаты, а копытанъ и потягъ до лѣсу. Такъ отъ щѣ, будучы, пѣни варобыла, а на мѣне пѣня упала... О гѣре мени!

Шпакъ. Ахъ, маточка, что же вы это надѣлали? Помѣшали Шельменку выдать капитана руками! Всегда беретеса не за свое дѣло. Оставить было все молча, онъ бы славно все дѣло кончилъ.

Фен. Степ. Помилуйте меня, Кирило Петровичъ! Неужели бы вы хотѣли, чтобы важа жена такая глупая была, чтобы позволила при себѣ сманывать свое рожденіе и слыша, какъ этотъ плуть ее уговариваетъ, чтобы отошла молча?

Шпакъ. Точно было отойти молча. Вы не знаете, Феночка, этого человѣка...

Фен. Степ. Какъ не знать; это плуть преестественный!

Шельм. (*Въ сторону*). Якъ у бѣо улипыла. Мабуть вона видьма!

Шпакъ. Что правда, то правда: плуть; но онъ взялся мнѣ помогать и, надѣюсь, капитана проучить.

Фен. Степ. Охъ, не вѣрьте ему, душечка; онъ даже и васъ проведетъ. Короче всего, прикажите его прогнать и чтобы онъ не смѣлъ и близко подходить къ нашему двору.

Шпакъ. Этого, маточка, нельзя сдѣлать; я съ нимъ веду противъ капитана интригу; слѣдовательно Шельменко мнѣ нуженъ. А васъ, Феночка, прошу, что ни будете слышать или видѣть, не вмѣшивайтесь не въ свое дѣло.

Фен. Степ. Это преудивительные порядки выходятъ! У матери хотять похитить ея утробу, и она не должна мѣшать! Вы, Кирило Петровичъ, хотя и мужъ мой и въ десять разъ умнѣ меня, простой бабы, но я вамъ однажды навсегда скажу, что онъ васъ обманетъ, какъ дважды два—четыре. Не съ вашимъ умомъ этого не видѣть.

Ш пакъ. Не съ вашимъ же умомъ, Фенна Степановна, дѣлать мнѣ наставленія. Я все предвидѣлъ, разсчиталъ, устроилъ и никому не вѣрю больше, какъ Шельменку. Идите, маточка, къ своему дѣлу и своимъ вмѣшиваніемъ не мѣшайте мнѣ...

Фен. Степ. Прекрасно!... Благодарю васъ, Кирило Петровичъ! Заслужила двадцатилѣтнею моею съ вами жизнью, угождая и покоряясь вамъ во всемъ, заслужила, что меня мѣняете на приплеца, бродягу, мошенника, плута... Отъ вашего ума нельзя было ожидать такой мнѣ пощечины.

Шельм. (*Въ сторону*). Кусъ, кусъ, кусъ, кусъ!

Ш пакъ. Охъ, Фенна Степановна, пожалуйста не досаждайте мнѣ своею горячностью. Дайте мнѣ окончить, и тогда или сердитесь сколько вашей душѣ угодно, или будете мнѣ благодарить.

Фен. Степ. Я вамъ уже и такъ благодарна, дали мнѣ цѣну. Когда есть у васъ какіе замыслы, почему мнѣ не скажете, мнѣ, другу вашему по закону и по сердцу?

Ш пакъ. Я дѣйствую осторожно; нужно, чтобы все было въ тайнѣ...

Фен. Степ. Такъ!... я стала у васъ и болтунья, и бессмысленна, и безтолкова... часъ отъ-часу лучше. Благодарю васъ! Оставайтесь же себѣ съ Шельменкомъ... Заслужила честь... благодарю васъ... премного благодарю... (*Уходитъ въ большой досадъ*).

Шельм. Розсѣрдылась, бачу, пани крипко.

Ш пакъ. Ничего, пересердитесь да опять такая же будетъ. Мы разъ десять въ день ссоримся, да скоро миримся.

Шельм. А усѣ черезъ того копытана, бодай винъ счезъ! Я, ваше высокоблагородье, будучы сказать, по простоти ось якъ розсуждаю: чи плѣтца винъ до вѣшой павѣньки? Згынъ ёго голова, виддайте вже ии за нѣго; нехай и вамъ не докуча и соби живѣ, якъ ёму Богъ дастъ. Озьмить ёго у прыймы, та й мене зъ нымъ. Я бъ бувъ у васъ будучы, абѣ управляющимъ надъ вотчинами, абѣ що! Сьажить ёму, нехай вже берѣ...

Ш пакъ. Этого ты мнѣ не говори, никогда сего не будетъ. Во первыхъ, у него вромѣ эплетовъ болѣе ничего нѣтъ, а вѣдь мечтаетъ какъ! Подлинно, на грошъ аммуниціи,

а на рубль амбиціи. А кто онъ? Скворцовъ. Можетъ быть, предокъ его торговалъ скворцами. А я Шпакъ и отъ Шпака происхожу. Когда одинъ ясновельможный гетманъ сидѣлъ у Ляховъ въ темницѣ, то мой родоначалникъ, изъ усердія, приходилъ къ темницѣ и подъ окошкомъ у него пѣлъ шпакѣмъ, въ чемъ онъ очень искусенъ былъ. По освобожденіи своемъ, гетманъ далъ ему большія маетности, шляхетство и гербъ съ изображеніемъ темничнаго окна и шпакá съ разинутымъ ртомъ, то есть поющимъ. Такъ вотъ откуда произошелъ первый Шпакъ, а я отъ него въ прямой линіи, потомокъ.

Шельм. Такъ кудѣ жъ намъ до васъ ривнѣтса! Якъ, небо видѣ земли. Якъ я сѣгѣ, будучы, не знавъ, якѣго вы великого е рѣду, такъ соби здѣру й думаю, що вы шпакъ та й гѣди, ажъ ось вонѣ, будучы, щѣ!

Шпакъ. Ты себя предлагаешъ въ управляющіе; развѣ ты смыслишь что по экономіи?

Шельм. Гмъ! Та чы е такѣ на свити дило, щобъ я ѣгѣ, будучы, не змѣслывъ! Я, та бувъ соби поперѣду волоснѣмъ пысаремъ.

Шпакъ. А! вѣрно напроказилъ, что тебя въ солдаты отдали?

Шельм. О ни, ни, ей же-то Богу ни! У мене булѣ такы порѣдки, що уси, будучы, завывдували. Ажъ ось ышла комáнда; я якъ побáчывъ ихъ мѣштру, та такъ и задрыжавъ, будучы, у службу. Щѣ вже менѣ просѣлы уси панѣ, та й самъ губернаторъ: „не ходы, Шельменко, зоставайся зъ нами!“ Такъ куды! Нихтѣ не вдѣржыть. Звайшлѣ ликаря, будучы, пидмогорѣчылы ѣгѣ; винъ кáже: въ нѣго, тѣе-то, и чахѣтка, и халѣра, зовсимъ немощный! А я такы, будучы, усихъ ризипхáвъ и ускѣчывъ такы у службу.

Шпакъ. Славной малой! Похвально усердіе. Но въ службѣ, я думаю, отвыкъ отъ хозяйства?

Шельм. Та дѣ видвѣкъ! Якѣбы мыни поручылы свою отчыну, гай, гай! чоѣгѣ бъ я, будучы, тутъ не зибрáвъ! Я вже бáчу, якъ васъ прыказчыкѣ обрадáють и усѣ, тѣе-то, занапáщáють. А якѣбы въ мене: усѣ бъ булѣ, будучы, гроши, зо всѣго бравъ бы гроши, и тамъ гроши и скрызъ бы, будучы, грѣши. Якѣбы пакъ прынялѣ копытана у прынѣмы, то

такѣ бѣ намъ було добро! Такъ кажете жѣ, що, будучы, не можна.

Шпакъ. Нѣтъ, объ этомъ уже и не вспоминай. А вотъ чѣмъ мнѣ послужи.

Шельм. А кажить, кажить. Усѣ для васъ зроблю.

Шпакъ. Есть у меня сосѣдъ, панъ Тпрунkevичъ...

Шельм. Ось, що тѣточка не далѣко живѣ? Знаю, знаю.

Шпакъ. А у него одна дочь...

Шельм. Та й хороша жѣ! Нынѣче граблями усѣ тварь подрѣпана. А сердѣта, такъ и миры нема.

Шпакъ. До невѣроятности зла; отецъ не знаетъ, что съ нею и дѣлать. И по дѣломъ ему, онъ мой первѣйшій врагъ. Уговори своего капитана, чтобъ онъ женился на ней: разскажи, что она и богата, добрая и разумная. Онъ тебя послушаетъ; ты вѣдь мѣстеръ баласы точить.

Шельм. Поздоровъ Боже дѣрнивъ, у усимъ мыни будучи, вирють.

Шпакъ. Избавъ же меня отъ капитана черезъ эту женидбу.

Шельм. Се бѣ-то по пысанью: на тоби небоже, що мыни не гоже (*смется*).

Шпакъ. Вотъ ты умный человекъ, тотчасъ понялъ меня. Я съ паномъ Тпрунkevичемъ болѣе двадцати лѣтъ въ ссорѣ и терплю отъ него большія разоренія, такъ бы отомстилъ ему, навязавъ такого сахара, какъ твой капитанъ, и былъ бы спокоенъ на счетъ своей дочери; да и капитану удружилъ бы такимъ уродомъ. По дѣламъ было бы обонимъ. Постарайся-ка!

Шельм. Се такъ; ваша, будучы, ричъ до дила. Нехай не брышкае. Іо не іо! Прыривнявся до пана Шпака! Добра оцѣ жѣ вы здумали; я его, будучы, заразъ одружѣ съ Тпрунkevичвною.

Шпакъ. Ты увидишь, какъ я тебѣ за это поблагодарю. Приди сказать объ успѣхѣ (*уходитъ*).

Шельм. (*Одинъ*). Зроблю, зроблю. Що бѣ то мыни за неволя старатися!...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Шельменко и Скворцовъ.

СКВОР. Ахъ, ты бездѣльникъ!... Такъ-то ты меня выдашь?

ШЕЛЬМ. Що бѣ-то якъ, ваше благородые?

СКВОР. Какъ-же? Я здѣсь за деревьями всё слышалъ, какъ ты меня честилъ и обѣщалъ женить меня на какомъ-то уродѣ.

ШЕЛЬМ. Та се, ваше благородые, була, будучы, сказать, насмишка! Я вже пану Шпакѣ уподобавъ, що мы стали зъ нымъ дѣже великыи приятели. Винъ брѣше, а я, будучы. Й егѣ перебрешу, та такъ и подружымы. Я ему уво всимъ пиддаюсь, та тѣкечкы и зануздавъ его. Тужь-тужь, будучы, виддасть за насъ панночку.

СКВОР. Не очень я надѣюсь на твои увѣренія; однакожь найди случай сказать барышнѣ, чтобы на одну минуту пришла къ пруду, я ее тамъ буду ожидать. Смотри же, сироворь (*уходитъ*).

ШЕЛЬМ. *Одинъ*. Катъ васъ зна, за кымъ руку тягты? Не послухаты копытана, бѣтеме—бѣтеме по военному; а помагаты копытану, то мій прятель, панъ Шпакъ, якъ пійма та якъ заиде у Харькѣвську губерню, (*показывая на правую щоку*), а видтиля та у рожественьскый уыздъ (*показывая на лѣвую щоку*), та вѣнетця (*схвативъ себя за волосы*) у волоснѣ правленые, та (*нагнувшись къ земль*) потягне у выжній земскый судъ, та нагодѣе буханцѣмы (*показываетъ, какъ будутъ бить по бокамъ*), а дѣли на закуску ще товчѣнвами прыпѣштуе, такъ тоди зовсимъ бида бидному Шельменку! Та вжежь: не въ такыхъ бувальцяхъ, будучы, бувавъ, та выкручувався, а тутъ когѣ трѣба—обдурю та, по писанью, свѣжу гѣпкы, якъ вѣскочу.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Опелковскій и **Шпакъ** *сидятъ на скамьѣ.*

Опелк. Нѣтъ, государь мой Кирило Петровичъ, нѣтъ; вы не съ той точки смотрите на Европейскую политику; потому что въ разсужденіи реставраціи, дѣло Карлистовъ есть дѣло самое справедливое; и я давно говорю, зачѣмъ Европа дремлетъ? Всѣ должны вооружиться, всѣ, даже Турки и самъ Али-паша, и идти противъ Христиносовъ.

Шпакъ. Жаль, Осипъ Прѣкоповичъ, очень жаль, даже прискорбно, что вы это предпринимаете противъ бѣдныхъ Христиносовъ, а ихъ дѣла такъ хорошо идутъ. Въ № Московскихъ вѣдомостей прошедшаго года, на которомъ я остановился, Христиносы такъ славно разбили Карлистовъ! И хотя и сказано, что это требуетъ подтвержденія, но славное сраженіе выиграно.

Опелк. Удивляюсь вамъ, Кирило Петровичъ, какъ можно такъ читать газеты? Вы ихъ читаете по прошествіи года, когда уже, въ разсужденіи реставраціи, Европейская политика далеко уйдетъ и настоящее сдѣлается прошедшимъ.

Шпакъ. Читая по прошествіи года всѣ номера вмѣстѣ, я имѣю полное наслажденіе знать, чѣмъ какое обстоятельство окончится. Напримѣръ: кромѣ военныхъ сраженій, я люблю слѣдовать за семейными дѣлами Европы, и вотъ читаю, что такой-то принцъ женился; и пока вы, Осипъ Прѣкоповичъ, мучитесь десять мѣсяцевъ неизвѣстностью, я въ тотъ же вечеръ узнаю, чѣмъ его молодая супруга разрѣшилась и какъ зовутъ новорожденное.

О п е ц к. Я слѣдую только за политическимъ равновѣсіемъ Европы, и сидя за моимъ бюро, ясно вижу, какъ, въ разсужденіи реставраціи, Англійскіе министры дѣйствуютъ совсѣмъ не впопадъ и часто противъ моихъ предположеній; но я ихъ иногда извиняю: они народъ коммерческій и смотрятъ на Европейскую политику совсѣмъ съ другой точки, нежели я. А до женитьбы принцовъ и рожденія ихъ дѣтей я вовсе не касаюсь; женись они на комъ хотятъ, у меня есть дѣло поважнѣе.

Ш п а к ъ. О нѣтъ, это пріятно отгадывать. И я вамъ, Осипъ Прѣкоповичъ, расскажу пресмѣшной анекдотъ: мы были задушевные пріатели съ Демьяномъ Омеляновичемъ Тпрунькевичемъ. Когда возвратились во Францію Бурбоны, я принялся сыскивать невѣсту герцогу Беррійскому и, по политическимъ видамъ, предназначилъ ему принцессу Австрійскую, какъ онъ женись на Неаполитанской! Я, по обычаю, ожидая истеченія года, газетъ не читаю и не знаю ничего: какъ Тпрунькевичъ пріѣзжай ко мнѣ, и долго подшучивая надо мною объявилъ, что принцъ уже женился. Меня такъ и взорвало! Слово за слово, съ Тпрунькевичемъ разсорился, и вотъ съ 15 года въ непримиримой враждѣ. А какъ дѣло сосѣдское, то у насъ и завелись процессы. И вѣрите, Осипъ Прѣкоповичъ, или нѣтъ, а у меня съ нимъ въ одной гражданской палатѣ девять тяжбъ. Нанимаю повѣренныхъ, плачу расходы ужасные! Да вотъ еще новое начинается: побилъ у меня тринадцать гусей, якобы они выбили у него десять десятинъ овса. Слыханное ли это дѣло! И такъ я ищу на немъ за самоуправство, а онъ отыскиваетъ за побой овса. Завтра будетъ большое слѣдствіе, чья возьметъ. Но я нашель чѣмъ дружку насолить; онъ у меня постраждетъ въ семействѣ: скоро-скоро черезъ дочь будетъ плавать.

О п е ц к. Конечно, несогласіе мнѣній, въ разсужденіи реставраціи, дѣло не бездѣльное. Меня въ подобную досаду приводятъ дѣла въ Европейской политикѣ. Я, сидя за своимъ бюро, ясно вижу, что Европа худо раздѣлена, и удивляюсь, что никто этого не видитъ. Я имъ открою глаза; планъ мой готовъ, но нельзя его произвестъ, пока Карлисты не возвратятъ себѣ Мадрита.

Ш п а к ъ. Скажите лучше, Осипъ Прѣкоповичъ, пока Карлисты не отнимутъ Христиносамъ принадлежащаго Мадрита.

О п е ц ъ. А почему онъ имъ принадлежитъ, позвольте спросить у васъ, Кирило Петровичъ?

Ш п а к ъ. Потому, Осипъ Прѣкоповичъ, что Мадритъ столица, да еще и Гишпанская, а Христиносы Гишпанцы.

О п е ц ъ. Но Карлисты больше Гишпанцы, чѣмъ ваши Христиносы.

Ш п а к ъ. (*Вскочивъ, съ досадой*). Кто такъ думаетъ, тотъ дуракъ.

О п е ц ъ. (*Также вскочивъ*). На чей вы это счетъ говорите, Кирило Петровичъ? Позвольте васъ спросить.

Ш п а к ъ. (*Съ большимъ жаромъ*). На счетъ тѣхъ дураковъ, которые говорятъ, что Карлисты болѣе Гишпанцы, нежели Христиносы.

О п е ц ъ. Я, я это говорю и говорю, что ваши Христиносы глупы, какъ мериносы: такъ по вашему я и дуракъ?

Ш п а к ъ. Какъ вамъ угодно принимать, а я говорю, что тѣ дураки, которые мыслятъ подобно вамъ.

О п е ц ъ. Какъ вы можете, какъ смѣете меня ругать въ своемъ домѣ! Я вашъ гость и имѣю право на ваше уваженіе!

Ш п а к ъ. Такъ вы, пріѣхавши въ гости, не заводите беспорядковъ, какихъ я терпѣть не могу. Какъ и вы смѣете поддерживать Карлистовъ, коихъ я ненавижу? Вы знаете, что я люблю правду и ни для чего въ свѣтѣ не сдѣлаю безчестнаго дѣла.

О п е ц ъ. Да развѣ я противъ правды иду? Мое мнѣніе сильное и справедливое... хмъ, хмъ! Счастіе ваше, что я не тѣмъ занятъ, я бы вамъ показалъ себя, пожаловавшись на васъ въ безчестіи; но, въ разсужденіи реставраціи, отложимъ споръ нашъ до другого времени. Теперь, Кирило Петровичъ, успокойтесь, и оиать по-пріятельски поговоримъ о томъ, за чѣмъ я, не имѣвъ, по возвращеніи моемъ изъ Петербурга, отъ васъ посѣщенія, самъ прежде пріѣхалъ къ вамъ и за чѣмъ просилъ васъ выдти въ садъ поговорить.

Шпакъ. Обо всемъ готовъ и могу говорить равнодушно, но не позволю порицать Христиносовъ.

Опецъ. Отлѣжимъ наблюденіе за Европейскою политикою и примемся за семейныя дѣла. Я предварялъ васъ, что привезу родственника моего, Тимофѣя Кондратьевича Лопуцьковскаго, въ женихи къ любезнѣйшей дочери вашей. Вы его видѣли, — что же скажете?

Шпакъ. (*Все съ неудовольствіемъ*). Развѣ можно по наружности судить о достоинствѣ? Я мало что его видѣлъ, но долженъ знать, кто онъ и что имѣетъ?

Опецъ. Ну, полно же горячиться: слушайте меня внимательно. Онъ службою своею не можетъ похвалиться чрезъ начальство, всегда его тѣснившее, но онъ въ отставку губернской секретарь, въ выборы идетъ, 575 душъ въ одномъ селѣ; а каковъ онъ...

Шпакъ. Фамилія его... Лопуцьковскій... что-то.. не изъ новыхъ-ли?

Опецъ. Помилуйте меня, Кирило Петровичъ, какой вамъ лучше фамиліи? Нѣтъ, эта фамилія у насъ изъ первыхъ: моя жена изъ этой фамиліи. А о умѣ и прочихъ его способностяхъ можете судить сами; вотъ онъ, какъ нарочно, къ намъ идетъ!...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Лопуцьковскій.

Шпакъ. Какъ вамъ кажется наше мѣстоположеніе, Тимофѣй Кондратьевичъ?

Лопуцьк. Это прелесть! Когда я въ 32-мъ году въѣзжалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то, проѣзжая вашу деревню, любовался вашею природою и кое-что отмѣтилъ въ своемъ журналѣ.

Шпакъ. Вы ведете свой журналъ?

Лопуцьк. Ежедневно и со всею подробностью. Записываю, гдѣ былъ, что видѣлъ, слышалъ, съ кѣмъ что говорилъ и даже мѣслилъ.

Шпакъ. Это, должно быть, полезно?

Лопуцьк. Прелестъ какъ полезно! Вообразите, что во время моего вояжа въ Воронежъ, на обратномъ пути въ Черниговъ, я, заглянувъ въ мой журналъ, напередъ зналъ, гдѣ буду почевать и что найду къ ужину.

Шпакъ. Вы только къ Воронежу изволили. путешествовать?

Лопуцьк. Нѣтъ; я прежде проѣхалъ не къ Воронежу, а въ самый Воронежъ; на Дворянскую улицу, а потомъ уже выѣхалъ изъ Воронежа обратно въ Черниговъ. Туда я сдѣлалъ 645 верстъ и въ обратный путь столько же точно.

Шпакъ. Не по дѣламъ ли службы былъ вашъ вояжъ?

Лопуцьк. Никакъ нѣтъ-съ; я на лицо никогда не служилъ, а вояжировалъ я—чтобы любоваться природою; я очень люблю природу, а особливо различную.

Шпакъ. Въ деревнѣ занимаетесь хозяйствомъ?

Лопуцьк. Занимаюсь и устроиваю его, по новой методѣ, слышанной мною отъ одного проѣзжаго на пути, когда я вояжировалъ въ Воронежъ. Метода очень хороша, но я ея не понялъ и часто сбиваюсь.

Шпакъ. Какъ великъ доходъ вы получаете?

Опецк. О, Тимофѣй Кондратьевичъ имѣетъ отлично устроенное хозяйство, такъ что, въ разсужденіи реставраціи, примѣняя состояніе вышнее Европейской политики, то я... когда нибудь яснѣ вамъ объясню.

Лопуцьк. Одобренный лестными отзывами почтенныхъ сосѣдей, я хочу упрочить свое состояніе въ собственный свой родъ, и для того хочу послѣдовать великому закону священной природы...

Шпакъ. Какое же ваше намѣреніе, если можно открыть?

Лопуцьк. О, конечно можно и даже должно. Намѣреніе мое есть... то есть... послѣдовать природѣ... которая сама живетъ...

Опецк. Дозвольте мнѣ войти въ довольно затруднительное ваше положеніе и объяснить все дѣло. Когда въ Европейской политикѣ, въ разсужденіи реставраціи, замѣчена

была шаткость, тогда въ англійскомъ парламентѣ не помню какой-то лордъ произнесъ сильную рѣчь, въ которой ясно доказывалось, что... что-то такое... не вспомню предмета рѣчи...

Шпакъ. Скажите только, въ какомъ № эта рѣчь напечатана и на какой страницѣ, то я ее тотчасъ найду и прочту самъ. Я охотнѣе читаю, нежели слушаю.

Лопуцьк. Но кажется вы отстали отъ матеріи, къ невыгодѣ моей.

Опецк. Я совсѣмъ не отсталъ, а только сдѣлалъ маленькій приступъ, какъ и должно въ каждомъ политическомъ предметѣ, потому что, въ разсужденіи реставраціи, не будетъ тогда политическаго равновѣсія.

Лопуцьк. Я васъ прошу обоихъ поспѣшить моимъ дѣломъ: васъ — пересказать, а васъ — выслушать и скорѣе согласиться на мое желаніе.

Опецк. Кажется, я довольно объяснилъ.

Шпакъ. Какъ яснѣе не можно: я все появляю.

Лопуцьк. Слѣдовательно, что же я услышу?

Шпакъ. Съ моей стороны, я не могу ничего рѣшительно сказать. Каждый человѣкъ имѣетъ свое правило; мое такое: всѣ дѣла должно дѣлать въ послѣдующемъ порядкѣ; теперь я читаю газеты за весь прошедшій годъ и ничѣмъ постороннимъ не занимаюсь; окончивъ ихъ я займусь вашимъ предложеніемъ.

Лопуцьк. Мы вояжеры, любимъ во всемъ спѣшить, дабы выиграть время, потому что на опытѣ извѣстно — время всего дороже, и потому я просилъ бы поспѣшить и въ рѣшеніи моей участи...

Шпакъ. Вотъ идетъ жена моя; мнѣ нужно знать ея мнѣніе.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же Фенна Степановна и Аграфена Семеновна.

Шпакъ. Время прекрасное! Вы очень хорошо вздумали, что вышли погулять въ садъ.

Агр. Сем. У насъ въ Петербургѣ въ это время обыкновенно прогуливаются.... но это не Лѣтній садъ!.... Ахъ,

*

какая разница!... (*Отведя мужа, говоритъ ему тихо*). Я замучена, мой другъ! Вообрази, что хозяйка меня и теперь также называетъ, какъ до моей поѣздки въ Петербургъ: Горпинка! Ахъ, какая малороссіянка!

О пецк. Но... обращаясь къ Европейской политикѣ, мы находимъ, что Англичане—впрочемъ народъ коммерческій—въ разсужденіи реставраціи, весьма часто, даже и королей своихъ, зовуть полуименемъ.

Фен. Степ. (*между тѣмъ говоритъ тихо съ своимъ мужемъ*). Помилуйте меня, Кирило Петровичъ! Я вамъ не наудивляюсь! И хотя вы меня сейчасъ убейте, такъ я не возьму въ толкъ: какъ можно человѣку съ вашимъ умомъ не обсудить, что замужествомъ дочери должно спѣшить? Развѣ хотите, чтобы мы вѣкъ плакали? Съ чего вамъ вздумалось откладывать? Это Богъ знаетъ что!

Шпакъ. Но я думалъ, что для приличія...

Фен. Степ. Какія тутъ приличія, Богъ съ вами! Одумайтесь, или лучше никогда ни о чемъ не думайте; а то какъ станете обдумывать, такъ и испортите все дѣло. Это уже не впервые. Слѣдуйте лучше своему благоразумію, да вспомните и себя: съ перваго вашего слова батюшка и по рукамъ ударилъ.

Шпакъ. Такъ хорошо-же: я его сведу съ Присинькою, пусть они объяснятся, какъ, помните, и мы съ вами, маточка?

Фен. Степ. Да, это недурно. Однимъ словомъ дѣйствуйте по вашему разсудку.

Агр. Сем. Кирило Петровичъ! У васъ кромѣ этого сада нѣтъ ничего болѣе для гулянья?

Фен. Степ. Какъ нѣтъ? а помнишь, Горпинка, паську, гдѣ мы съ тобой, еще какъ дѣвками были, въ бочекѣ качались?

Агр. Степ. Черезъ столько лѣтъ, кажется, можно все забыть. У насъ въ Петербургѣ напротивъ: сколько мѣстъ, садовъ, острововъ, гдѣ можно прогуливаться!

Лопуцьк. Когда я въ 32 году вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то на дорогѣ однажды, любуясь природою, нашелъ одно мѣсто для гулянья восхитительное, фениксъ, настоящій земной рай!

А гр. Сем. Но вѣрно все не то, что у насъ въ Петербургѣ Невскій проспектъ! Ахъ, Невскій проспектъ!... Я здѣсь даже подобнаго ничего не вижу.

Опецъ. Петербургъ и тѣмъ хорошъ, что у васъ вся Европейская политика передъ глазами. Когда бывало я, сидя за своимъ бюро, обсужу, въ разсужденіи реставраціи, положеніе Европы и потомъ выйду въ кондитерскую, то напередъ уже знаю, что написано въ газетахъ и журналахъ.

А гр. Сем. Апрапб, Фенна Степановна, вы получаете какіе журналы?

Фен. Степ. Не знаю душечка, Горпинка. Я по экономіи ничего не знаю; гдѣ мнѣ бабѣ въ это вмѣшиваться! всѣмъ завѣдываетъ мужъ.

Ш пакъ. Я получаю только „Московскія Вѣдомости“ и читаю ихъ по прошествіи года, за одинъ годъ. Журналовъ же не могу читать; тамъ вѣчно: продолженіе впредь,—и жди конца цѣлый мѣсяцъ.

А гр. Сем. Ахъ, какъ можно не читать журналовъ! Изъ нихъ бы вы узнали, что уже строжайше запрещено говорить и писать: «сей и оный», и что даже и друзей нельзя называть полуименемъ. (*Тихо мужу*) Каково?

Опецъ. Хотъ бы въ Англійскомъ парламентѣ.

А гр. Сем. Какъ вы объ этомъ думаете, Фенна Степановна?

Фен. Степ. Я думаю, душечка Горпинка, что какъ-то умудряется свѣтъ все больше и больше, такъ что и Господи!

А гр. Сем. (*Въ сторону*). Она и въ Петербургѣ не образовалась бы.

Лопудък. Когда я вояжировалъ въ Воронежъ, то придумалъ, что мы напрасно зовемъ себя по имени и отечеству: ямщики зовутъ другъ-друга полуименемъ и не встрѣчаютъ замѣшательства.

Опецъ. Европа, въ разсужденіи реставраціи, вся зоветъ себя только по фамиліи.

А гр. Сем. Но мы, мой другъ, благодаря Бога, живемъ не въ Европѣ.

О п е ц ь. О, конечно; у насъ вѣжливость совсѣмъ на другой степени. Въ послѣдній разъ бытности моей въ Петербургѣ...

Ш п а к ъ. Развѣ вы не въ первый разъ нынче были въ Санктпетербургѣ?

О п е ц ь. Н...н...нѣтъ. но... когда я теперь, то есть, въ послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ, то похваюсь вамъ на счетъ вѣжливаго со мною всѣхъ обращенія. Даже при знакомствѣ моемъ съ господами министрами...

Ш п а к ъ. Такъ вы познакомились и съ господами министрами? Что, каково ихъ обращеніе съ нами, провинціалами?..

О п е ц ь. О, превѣжливое, преласковое! Бывать я у нихъ, правда, не бывалъ, но встрѣчаясь съ ними, свидѣтельствовалъ имъ свое почтеніе уважительнымъ, со снятіемъ шляпы, поклономъ; то вѣрите ли вы, Кирило Петровичъ, они мнѣ всегда вѣжливо откланивались, даже и не зная вовсе, кто я!

Ф е н. С т е п. (*Мужу*). Знаете, душечка, что? Чѣмъ намъ тутъ стоять и ничѣмъ не заниматься, такъ не приказать ли сюда, для-ради скуеи, подать чего-нибудь закусить? Яшницу, творогу со сметаню, цыплятъ жаренныхъ, грибовъ на сковородѣ, да еще чего нибудь?

А г р. С е м. Ахъ, моя милая Фенна Степановна! Еще часу нѣтъ, какъ мы отобѣдали. Какъ это можно?

Ф е н. С т е п. И, душечка Горпинка, что за счеты! У насъ въ деревнѣ все свое, не купленное. Прикажете? тотчасъ изготовятъ; у меня кухарка проворная, и горяченькое подадутъ. Такъ, перекусить пока до полдника.

А г р. С е м. Фи, какъ это можно? у насъ въ Петербургѣ даже и не ужинаютъ. Вотъ идутъ къ намъ дѣвицы, компанія наша умножится, да и Тимофѣю Кондратьевичу будетъ повеселѣе.

Л о п у ц ь в. Мы, вояжеры, должны привыкать къ одиночеству. Во время моего вояжа въ Воронежъ я и одинъ не скучалъ; правда, я тогда не былъ влюбленъ (*вздыхаетъ*).

А г р. С е м. А теперь?

Л о п у ц ь в. Шшшш!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Присинька и Эвжени.

Эвжени. Вотъ гдѣ наши машермеры! Мы васъ, машермеръ, искали по всему саду.

Пазинька. Ахъ, машермеръ! сколько здѣсь прелестныхъ видовъ! Мы съ машеръ Присинькою нашли одно пре-романическое мѣсто, тре сюпербъ! Въ одномъ романѣ я читала описаніе точнѣхонько этого мѣста.

Агр. Сем. Какія здѣсь могутъ быть романическія мѣста! Посмотрѣла бы ты въ Петербургъ; тамъ у насъ на каждой улицѣ вездѣ встрѣтишь романъ.

Фен. Степ. Надо думать, что ими модное, когда вездѣ встрѣчаются.

Агр. Сем. Ахъ нѣтъ, не то (*съ сторону*). Я съ ней теряю всякое терпѣніе!.. (*Дочери*). У насъ въ Петербургѣ одинъ Невскій проспектъ стѣбитъ лучшаго романа въ четырехъ частяхъ. Здѣсь ты подобнаго никогда не увидишь!

Эвж. Пуркуа же вы меня не взяли съ собою?

Агр. Сем. Ты прошлаго года была еще такъ мала, а туда дѣтей не возятъ.

Шпакъ, (*Поговоривъ тихо съ женою, Опецковскому*). Я нахожу приличнымъ оставить здѣсь молодыхъ людей изъясниться между собою. Предложите вашей супругѣ и дочери идти гулять, а вамъ не угодно ли со мною посмотрѣть мои овчарни?

Опецъ. Потрудитесь, Фенна Степановна, похвастать моей женѣ вашимъ птичьимъ дворомъ, гдѣ кормятся эти жирные гуси, которыми вы насъ за обѣдомъ обкормили. А мы съ Кириломъ Петровичемъ взглянемъ на его Гишпанскихъ овецъ, и я тутъ же, къ рѣчи, докажу ему, что въ разсужденіи реставраціи, дѣйствія Карлистовъ, правильнѣе, чѣмъ Христиносовъ.

Шпакъ. Послѣдствія покажутъ, что Христиносы въ военныхъ дѣйствіяхъ искуснѣе Карлистовъ (*между тѣмъ оба уходятъ*).

А ГР. СЕМ. А вы, молодой человекъ, останьтесь при дѣвцахъ и оберегайте ихъ отъ всѣхъ неприятностей! (*Лопуцьковскому тихо*). Мы васъ нарочно оставляемъ, даемъ вамъ случай объясниться. (*Дочери тихо*). Побудь съ ними немного и оставь ихъ однихъ. (*Фениъ Степановиъ*). Ну, моя милая Феня Степановна, ведите меня куда вамъ угодно.

ФЕН. СТЕП. Я васъ сначала поведу, гдѣ у меня доятъ коровъ, а тамъ—гдѣ запираютъ телятъ; потомъ осмотримъ куръ, гусей, утокъ, насѣдокъ, цыплятъ... (*Уходятъ*).

ЛОПУЦЬК. (*Громко вздыхаетъ*).

ПАЗИНЬКА. О чемъ вы, Тимофѣй Кондратьевичъ, вздыхаете, или о комъ?

ЛОПУЦЬК. Ни о комъ и ни о чемъ; мнѣ ужасъ какъ жарко.

ПРИС. Такъ не угодно ли вамъ идти въ комнату отдохнуть?

ЭВЖ. О нѣтъ, нѣтъ, не уходите. Я знаю, вы земе дю флёръ; я сей часъ нарву вамъ отличныхъ. Ресте юнъ пе иси. (*Присинькѣ*). Экспре.

ПРИС. Пойдемъ, вмѣстѣ нарвѣмъ.

ЭВЖ. Нѣтъ, машеръ Присинька, ты побудь съ моншеромъ кузиномъ; я мигомъ ворочусь (*ей тихо*). Моя машермеръ приказала мнѣ оставить васъ однихъ. (*Шопъвая убѣждаетъ*).

ПРИС. (*Въ сторону*). Чтѣ это такое? не для объясненій ли меня съ нимъ оставили?

ЛОПУЦЬК. (*Въ сторону*). И такъ, мнѣ должно объясняться въ любви... попробуемъ (*кашляетъ*). Позвольте васъ обезпечить... вопросомъ: изволили вы быть въ Воронежѣ?

ПРИС. Нѣтъ-съ.

ЛОПУЦЬК. (*Подходя ближе*). А... изволили ли быть въ Черниговѣ?

ПРИС. Нѣтъ-съ.

ЛОПУЦЬК. А я и тамъ былъ... (*Въ сторону*). Что же мнѣ теперь говорить? Такъ вы стало нигдѣ не изволили быть?

ПРИС. Нигдѣ.

ЛОПУЦЬК. Это прелесть, удивительно!... А... не изволите ли желать проѣздиться... туда... или оттуда?

П р и с. Нѣтъ, не желаю.

Л о п у ц ь к. Такъ... можетъ быть... чего другаго желаете?

П р и с. Ничего не желаю.

Л о п у ц ь к. (*Въ сторону*). Отрѣжу прямо, да и конецъ!
(*Ей*). Позвольте васъ спросить: не изволите ли желать видти замужъ?

П р и с. Также нѣтъ.

Л о п у ц ь к. А... еслибы... за... за меня?

П р и с. Также нѣтъ.

Л о п у ц ь к. А... еслибы я былъ въ васъ... влюбленъ?

П р и с. Все также нѣтъ.

Л о п у ц ь к. Какъ же это?... а родители ваши сказали мнѣ, что вы пойдете!

П р и с. Родители могутъ мнѣ приказывать, но я буду плакать и молить, чтобы не губили меня и не дѣлали несчастною.

Л о п у ц ь к. Да нечто я тиранъ, или не хорошъ собой, что вы за мною должны быть несчастною? Это ужасно слышать!

П р и с. Не найду счастья, а этого уже много!

Л о п у ц ь к. А почему же не найдете? Я вамъ доставлю все: поѣдемъ вояжировать въ Воронежъ...

П р и с. Позвольте мнѣ также прямо отвѣчать, какъ вы меня спрашиваете: Вы мнѣ... не нравитесь.

Л о п у ц ь к. Это кажется, на отрѣзъ.

П р и с. Прошу не сердиться за мою искренность.

Л о п у ц ь к. Какъ не сердиться? Надо треснуть отъ досады. Это отказъ, отказъ! (*Въ сторону*). И уже пятнадцатая невѣста отказала. Это прелесть какъ досадно! Поиду думать, что мнѣ въ такомъ положеніи дѣлать. (*Присинькъ*). Прощай, непреклонная, на вѣки! (*Уходитъ*).

П р и с. (*Одна*). Что-то мнѣ будетъ теперь? Хотя что хотять, а не поиду за него и ни за кого, если не за моего милого Ваню.... Ума не приложу, что мнѣ бѣдной дѣлать?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Присинька и Эвжени.

Эвж. А что, машерь Присинька, гдѣ же твой женихъ?

Прис. Какой женихъ?

Эвж. Мой моншеръ вузинъ. Онъ видно безъ объясненія ушелъ, оробѣлъ?

Прис. Нѣтъ, онъ все проговорилъ.

Эвж. Что же ты ему отвѣчала?

Прис. То, что чувствовала.

Эвж. И вѣрно отказала?

Прис. Кажется.

Эвж. Ахъ, какая же ты, машерь! Пуркуа ты это сдѣлала? Твоя машермеръ будетъ сердиться.

Прис. Она этого ожидаетъ. Извѣстна причина, почему я за него не иду.

Эвж. А, вѣрно ты, машерь, юнъ пе амуре? Комса? Ахъ, открой мнѣ свою тайну!

Прис. Это уже не тайна, многіе знаютъ...

Эвж. Не засѣдатель ли, что къ намъ ѣздитъ? Такъ ты мнѣ риваль.

Прис. Будь покойна, капитанъ Скворцовъ...

Эвж. Вотъ что у васъ стоитъ? А каковъ онъ собою?

Прис. Отличный, примѣрный изъ молодыхъ людей! и какъ онъ любитъ меня, и какъ я...

Эвж. Какъ досадно, что у насъ въ деревнѣ не стоятъ военные! И онъ уже открылся тебѣ?

Прис. И просилъ руки моей, но ему отказали.

Эвж. Почему?

Прис. Потому, что онъ бѣденъ.

Эвж. Что же вы предпринимаете?

Прис. Умереть, но не измѣнить другъ-другу. Конечно, онъ спрашиваетъ меня бѣжать, но я на это никогда не рѣшусь.

Э в ж. Ахъ, машеръ Присинька, почему же не согласиться? Комъ се жолі: выходишь скрытно отъ всѣхъ чрезъ садъ, луна освѣщаетъ твой путь, ты дрожишь, пугаешься всего; онъ выскакиваетъ изъ-за дерева, ты падаешь въ обморокъ и на его руки, онъ тебя безчувственную несетъ, сажаетъ въ коляску, вы свачете, вѣнчаетесь.... Ахъ, какъ это весело! Я тебѣ даю монъ пароль, что если мнѣ кто предложитъ бѣжать, я тотчасъ соглашусь и уйду.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Аграфена Семеновна.

Агр. Сем. Уфъ!... задыхаюся совсѣмъ. Ну, на что это похоже, въ самый жаръ ходить такъ долго! Ничего не осталось, чтобы мы не пересмотрѣли: и куръ, и насѣдокъ, и все это въ ужасномъ одно отъ другого разстояніи! Нѣтъ, у насъ въ Петербургѣ этимъ не занимаются. Теперь пошла еще смотрѣть своихъ утатъ, но я уже не могла идти за нею, хотя говорить, — тамъ большая тѣнь и можно бы отдохнуть.

Прис. Маминька моя большая охотница до всего этого и у нея все въ порядкѣ.

Агр. Сем. И пусть себѣ въ порядкѣ, но зачѣмъ же мучить другихъ, вода такъ далеко и показывая всю эту гадость? Апрабѣ, объяснялся ли съ вами Тимофей Кондратьичъ и какой отвѣтъ получилъ?

Э в ж. Имажине, машермеръ, что моя машеръ Присинька не можетъ выдти за моего кузина; но она имѣетъ къ тому сильную причину.

Агр. Сем. А, это вѣрно особенная любовь? Понимаю. У насъ въ Петербургѣ каждая хорошо воспитанная дѣвица, или замужняя дама, имѣетъ особенную любовь. Въ обществѣ, къ которому я въ Петербургѣ принадлежала, это вообще принято.

Э в ж. Ахъ, моя милая машермеръ! Уговорите ея машермеръ, чтобы она не разлучала двухъ страстно любящихся сердець, и пурвуа бы ихъ не соединить?

Агр. Сем. Но кто же это такой, кого она любить? Не предосудительно ли будетъ? Правда, и это нынче въ употребленіи.

Прис. О нѣтъ, нѣтъ! Я никогда не забуду, чѣмъ я обязана себѣ и родителямъ.

Эвж. Я бѣ вамъ въ короткихъ словахъ все рассказала, но вотъ идутъ наши моншерперы, а при нихъ нельзя.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же, Опецковскій и Шпакъ.

Шпакъ. Воля ваша, Осипъ Прокоровичъ, изъ чего вы это все заключаете? Министры королевы Христины всѣ преумные люди; я изъ прошлогоднихъ газетъ видѣлъ, что они очень наблюдаютъ ея пользы.

Опецк. Изъ прошлогоднихъ газетъ! А вы того не знаете, Кирило Петровичъ, что всѣ эти умные министры суть карикатуры донъ... то есть... креатуры донъ Карлоса, и они запутываютъ королеву; это я, сидя за моимъ бюро, ясно вижу. Я удивляюсь вамъ, какъ можно читать газеты чрезъ годъ; и недѣлю не читавши, тотчасъ, въ разсужденіи реставраціи, упустишь нить Еврпейской политики. Стало быть, вамъ не извѣстно, что король Греческій женился и на комъ?

Шпакъ. Женился ли или нѣтъ, не знаю, но знаю навѣрное, на комъ онъ женится.

Опецк. А на комъ бы, по вашему мнѣнію?

Шпакъ. Скажу и не ошибусь: на дочери Турецкаго султана.

Опецк. Это же отъ чего, Кирило Петровичъ?

Шпакъ. Онъ человѣкъ умный, Осипъ Прокоровичъ; онъ разочтеть, что симъ способомъ соединить двѣ враждующія державы; тутъ же христіанство... и всё таки очень выгодно.

Опецк. Какъ вы всегда смѣшно судите, Кирило Петровичъ!

Шпакъ. Пусть и смѣшно, Осипъ Прокоровичъ, но не глупо, какъ...

Опекъ. Какъ кто, Кирило Петровичъ? Не какъ я ли?

Шпакъ. Сами догадались.

Опекъ. Вотъ вы опять на ссору. Женитьба короля Греческаго, въ разсужденіи реставраціи, дѣло не бездѣльное, и объ ней нельзя судить такъ легко, какъ вы судите. Позвольте мнѣ эту часть разумѣть больше, потому что я, сидя за моимъ бюро, ясно вижу, что торговыя сношенія съ Европою.... то-есть.... въ разсужденіи реставраціи.... какъ бы вамъ сказать... по равновѣсію Европы... нужно знать послѣдствія переговоровъ...

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Тѣ же и Лопуцьковскій.

Лопуцьк. Послѣдствія переговоровъ самыя неприятыя.

Опекъ. Какъ и отъ чего?

Лопуцьк. Потому, что кто никуда не возжировалъ, тотъ смотритъ на насъ...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Фенна Степановна.

Фен. Степ. *(Еще за кулисами кричитъ).* Ой!.. ой!.. помогите!.... ратуйте!.... кто въ Бога вѣруеть! Защитите! *(Выходитъ на сцену блѣдная, испуганная. Мужъ и дочь бросаются къ ней).*

Прис. Маминька, что съ вами?

Шпакъ. Что съ вами, моя Фенночка?

Фен. Степ. Охъ!.. насилу жива!

Агр. Сем. Это истерика. Скорѣе гофманскихъ капель, перья... У насъ въ Петербургѣ этимъ помогаютъ въ истерикѣ...

Фен. Степ. Какая къ чорту истерика! Я ея отъ роду не знала и повятія не имѣю... Пришлось было въ обморокъ падать, да не знала какъ люди падаютъ, хоть убей не знала и не видѣла ни на комъ обморока, такъ я скорѣе сюда побѣжала... Охъ!

Ш п а к ъ. Да отъ чего же вы, маточка, располагали было въ обморокъ упасть?

Ф е н. С т е п. Охъ, душечка, Кирило Петровичъ!... Вы непремѣнно должны вызвать капитана на поединокъ...

Ш п а к ъ. Я?... его на поединокъ?... Что вамъ, маточка, это вздумалось посягать на жизнь мою?

Ф е н. С т е п. Чтобъ отомстить за мою и за вашу честь... Вызовите его, душечка, непремѣнно; а чтобъ онъ васъ не убилъ, такъ вы нарочито спрячьтесь подалѣе, а людей тамъ на мѣстѣ поставьте; онъ только что придетъ, а они чтобъ выскочили и чтобъ порядочно его приколотили.

Ш п а к ъ. Да за что же?... Я все ничего не знаю.

Ф е н. С т е п. Охъ, какіе вы, душечка, непонятные! Онъ обидѣлъ мою и вашу честь...

Ш п а к ъ. Какъ это? расскажите, когда можно.

Ф е н. С т е п. А вотъ какъ, просто, какъ обыкновенно обижаютъ честь. Я пошла посмотрѣть утѣнковъ на прудѣ, а тамъ такая тѣнь отъ густыхъ деревьевъ, что съ трудомъ можно разглядѣть... Вотъ я ничего не видала, хоть сейчасъ убейте меня, никого формально не видѣла, и только что переложила руку черезъ плетень, чтобъ оттуда отпереть калитку, какъ вдругъ капитанъ...

П р и с. Ахъ!

Ш п а к ъ. Ну те, капитанъ... и что онъ?

Ф е н. С т е п. Сидѣлъ за плетнемъ въ кустахъ и черезъ плетень схватилъ...

Ш п а к ъ. Ну те, ну те!

Ф е н. С т е п. Схватилъ меня за руку и началъ страстно цѣловать... потомъ...

Ш п а к ъ. Потомъ... Ну те, маточка, ужъ дорѣзываютъ!...

Ф е н. С т е п. Охъ!... языкъ не повернется договаривать. Вообразите, душечка, изъ-за плетня цѣлуетъ мою руку и потомъ... тѣфу!... началъ говорить мнѣ любовныя рѣчи и такъ сладко улещаль меня, чтобы я съ нимъ бѣжала...

Ш п а к ъ. Вы же, маточка, что на это?

Фен. Степ. Сами можете посудить, каково мнѣ было все это слушать! Благодаря Бога, во весь мой вѣкъ никто не объявлялъ мнѣ любви, и въ двадцать лѣтъ нашей супружеской жизни никто меня не привлекалъ къ невѣрности мужу, а тутъ такой молокососъ вздумалъ!

Эвж. (*Тихо Присинькѣ*). Вѣрно, маперъ, это у тебя съ нимъ назначено было свиданіе?

Прис. Ахъ, такъ точно; онъ меня убѣждалъ придти къ пруду, но я всё не рѣшалась.

Шпакъ. Что же вы, маточка, сдѣлали, какъ выслушали его любовныя рѣчи?

Фен. Степ. У меня такъ и захватило духъ...

Эвж. Это обыкновенно бываетъ, когда слушаешь объявленіе любви.

Фен. Степ. Не могу врычать; онъ держитъ руку, не могу калитки отпереть; наконецъ какъ-то собралась съ силою, руку вырвала, калитку отперла, крикнула и бросилась въ нему съ кулаками. Онъ тутъ какъ увидѣлъ уже меня, какъ закричить. «ахъ, какъ я ошибся!» и бросился...

Агр. Сем. Видно знаетъ свѣтъ. У насъ въ Петербургѣ, въ подобныхъ случаяхъ, всегда такъ изворачиваются.

Шпакъ. На кого же онъ, маточка, потомъ бросился?

Фен. Степ. Бросился бѣжать, да не попалъ по дорожкѣ, а прыгнулъ въ прудъ и какъ разъ по этое время! (*указываетъ по пруду*). Я такъ и обмерла!

Шпакъ. Отъ чего же вы, маточка, обмерли: отъ испугу или отъ жалости?

Фен. Степ. И отъ испугу и отъ жалости-таки.

Шпакъ. И отъ жалости? вотъ что.

Фен. Степ. Ахъ Боже мой, Кирило Петровичъ! Не подумайте чего худаго. Жалость—по человѣчеству и ничего больше, хоть сей часъ убейте, больше ничего. Я ужь его и не видала, начала кричать не своимъ голосомъ и бросилась къ вамъ.

Опецъ. Сравнивая теперешнее происшествіе съ ходомъ Европейской политики, я нахожу, что подобный изворотъ не

новый. Когда англійскій министръ Питтъ вздумалъ, въ разсужденіи реставраціи въ... въ... вотъ не вспомню, въ которомъ это году... Тимофѣй Кондратьевичъ! Вы помните, въ которомъ это году?

Лопуцьк. Это было въ 32 году, что я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ и обратно...

Шпакъ. Я теперь понялъ, какъ это произошло. Тутъ есть ошибка. Капитанъ, условясь въ свиданіи и ожидая его, чуть увидѣлъ изъ-за плетня вашу ручку, Фенпочка, то и схватилъ ее за Присину, съ которою у него, долженъ вамъ открыть, большіе лады.

Агр. Сем. А, а! такъ вотъ что!

Фев. Степ. Образумьтесь, Кирило Петровичъ, что вы? Я не ваудивляюсь, какъ можно съ вашимъ умомъ такъ часто и легко ошибаться? Возможно ли, чтобы капитанъ не различилъ моей руки съ Присиною? Нѣтъ, это его умыселъ на честь мою. Когда ему въ Присѣ отказали, такъ онъ, видно, въ меня влюбился.

Шпакъ. Говорите вы, маточка, что хотите, а оно точно такъ, какъ я говорю. Наконецъ, чтобы пресѣчь все это, я принялъ твердое намѣреніе успокоить насъ, а тебя, Присинька, проучить. Сего же дня сговариваю тебя съ Тимофѣемъ Кондратьевичемъ, а васъ прошу вечеромъ на сговоръ. Сей часъ зазываю всѣхъ сосѣдей. Конецъ дѣлу, и капитанъ останется въ дуракахъ.

Прис. О Боже, что я слышу!

Лопуцьк. Ахъ, какъ я счастливъ буду! Тогда могу вояжировать вдвоемъ еще далѣе Воронежа.

Агр. Сем. Прекрасно вздумано. Ужо ввечеру вы увидите на мнѣ платье самой послѣдней моды, сущій антикъ.

Эвж. (*Присинькѣ*). Не грусти такъ, моя машеръ Присинька! Развѣ это не великое утѣшеніе, что ты будешь замужемъ? Я, на твоемъ мѣстѣ, все бы пѣла и скакала.

Опедк. Въ разсужденіи реставраціи, эта мѣра весьма близка къ той, которую иногда англійскіе министры принимаютъ...

Шпакъ. Вы, маточка, что такъ задумалися? Согласны ли на мой планъ?

Фен. Степ. Выдумка ваша не глупо вздумана, только жаль, что я прежде этого не знала и не распорядилась съ ужиномъ; а гостей таки много будетъ, надо ихъ принять и угостить; такъ я это и думаю объ уживѣ.

Прис. Батинька и маминька! Сдѣлайте милость, не губите меня, не выдавайте за Тимофѣя Кондратьевича! Я не пойду за капитана, когда онъ вамъ не угоденъ, да и ни за кого. Отпустите меня въ монастырь!

Допуцьк. Я не придумую, отъ чего я вамъ такъ противенъ!

Фен. Степ. Съ чего ты это вздумала отказываться, когда я уже всё блюда къ ужину придумала?

Шпакъ. Не бывать этому, вздоръ! Честь моя требуетъ рѣшительной мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, не на дуэль же мнѣ съ этимъ сорви-головою выходить! Отдамъ тебя другому, а капитанъ хоть волкомъ вой. Теперь не угодно ли въ домъ къ чаю, а потомъ, когда прочіе гости подѣдутъ, тогда и сговоръ, и въ саду танцы и гулянье.

Агр. Сем. У насъ въ Петербургѣ всё такіе случаи обыкновенно происходятъ въ саду. Пойти къ туалету. *(Беретъ мужа и уходитъ)*.

Прис. Что я должна дѣлать, несчастная!

Эвж. Чудно! идетъ замужъ и горюетъ! *(Объ идетъ къ дому)*.

Допуцьк. По праву жениха, я долженъ находиться при невѣстѣ неотлучно. *(Идетъ за ними)*.

Шпакъ. Теперь пойду писать зазывныя письма, пошлю за музыкантами и займусь иллюминаціею въ саду. *(Идетъ къ дому)*.

Фен. Степ. Не оставляйте же меня, душечка, одной. Того и смотри, что капитанъ, увидѣвши меня одну, выскочить изъ-за кустовъ съ своею любовью. Долго ли до бѣды? Пропала тогда съ душой и тѣломъ! *(Спѣшитъ за мужемъ)*.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Скворцовъ и Шельменко *выходятъ съ разныхъ сторонъ.*

Сквор. Гдѣ ты это пропадаешь? Я тебя жду больше часа. Успѣлъ ли что провѣдать?

Шельм. Усѣ узнавъ, ваше благородье! усѣ благополучно и усѣ гарáздъ.

Сквор. Что же ты узналъ?

Шельм. Пáнночка плаче, мовъ на лотокáхъ вода бижíтъ.

Сквор. Что же тутъ хорошаго? Чего же она плачетъ?

Шельм. Сѣгодня увѣчери ии просвáтають за тóго погáного панычá.

Сквор. Пропали всѣ мои надежды!... Но бѣдная При-синька плачетъ, видно, чувствуетъ свое несчастье и рѣшительно не хочетъ за него.

Шельм. Ажъ трúсытьца, ваше благородье, та, будучи, рѣшительно жалá.

Сквор. Что слышу!... ожидалъ ли я отъ нея таковой переменны?... Но кто тебѣ сказалъ, что она охотно идетъ за другого, и отчего же она плачетъ?

Шельм. Мыни никто ничóго не казáвъ, затѣмъ що я никóго не бáчывъ.

Сквор. Съ чего же ты взялъ, что она охотно идетъ?

Шельм. Вистѣмо, ваше благородье! якá-бъ то дивка, щобъ зáмижъ не хотила? А волí хóче, такъ, стало быть, бúde плакаты. Нехáй же не заплаче, то мáты зáразъ ий по-

тѣлицю натовчѣ. Такъ отъ я соби, будучы, догадѣвся: якъ чуте, що увѣчери свѣтаня, а дивка, вистѣмо, що хоче, такъ и прыходытца ий плаваты; такъ тѣе-то, и видлепортувавъ, будучы, вашому благородюю.

Сквор. Такъ это только твои глупыя догадки; но что рассказываютъ люди?

Шельм. Ничогисинько не розсказують.

Сквор. Ты, вѣрно, не заводилъ съ ними объ этомъ матеріи?

Шельм. Де то вже не заводывъ, ваше благородые! Казавъ й про матеріи, и про кожухы, булѣ тамъ и про вивци, и про ланночку, загывавъ и про бджѣлы, такъ нихтѣ ни чычѣркѣ! Уси жахаютца видъ насъ.

Сквор. Ты же имѣлъ тамъ какую-то любезную? Она должна бы тебѣ все передавать.

Шельм. А, щобъ та любѣзна сказылася! Знаете щѣ, ваше благородые? Той женыхъ, та, будучы, соби багатый; такъ и хлѣпци ѣгѣ, трясця имъ! мають дѣщо, такъ до моѣи Мѣтри та, тѣе-то, и пидсѣпалы то мѣченыхъ выслычѣкъ, та горихивъ, такъ вона до нихъ и роспадаѣтца, а мыни, якъ вичымъ ии пиддѣбрыты, такъ будучы, плюѣ. Колѣ-бъ ваше благородые, будучы, пожалувалы красну бамѣжку, абѣ-що, такъ, для усякого росходу, то мѣже бъ вона й подобришала.

Сквор. Вздоръ, пустяки; можно и безъ того обойтись.

Шельм. Я ще, ваше благородые, якъ ще, будучы, (*вздыхаетъ*) служывъ у земьскѣму сѣди, такъ чувавъ и видъ самѣго секлетаря, що бѣдимъ-то сухѣ ложка ротъ дерѣ.

Сквор. Перестань объ этомъ, а придумай, что мнѣ дѣлать, пока есть возможность не допустить Лопуцьковскаго владѣть моею Присею.

Шельм. (*Размышляя*). Придуматы? Щѣ бъ-то придуматы... Дѣй его чѣсты!... Э! Знаете щѣ, ваше благородые? Осъ тутъ у садкѣ, у вѣчери, вони зацѣютъ свѣтаня. Тамъ такій бенкѣтъ бѣде, що гай-гай! Птѣцю пѣтрають, лѣвшину крѣшутъ, каганци готѣютъ щѣбъ по садкѣ скрызъ вѣдко булѣ. Такъ вы прыкажить Усачову, будучы, запрягты нашу брѣчку, та й нехай дождѣ била грѣбли, а мы тутъ мижъ вуцѣмы

*

попрысидáемо. Якъ вонѣ розгуляютьця, та ще мѣже пидуть у прохѣдку по садѣ, а мы тутъ пánночку хапѣ! та до брѣчки, та навтикача́ до шлѣбу... и усѣ, тѣе-то, прочее. Нехай соби будучы, обѣ пѣлы рукамы бѣютьця, а зáвтра, ничого робѣты, самы запѣють весилля. Ось зробимъ лышѣнь такъ, то й бѣде гарáздъ.

Сквор. Я рѣшусь и на эту крайность. Останься здѣсь, къ тебѣ Шпакъ имѣеть довѣренность и не будетъ подозрѣвать тебя. Ты же проворь какъ можно; предвари Присиньку, чтобы она ничего не страшилась, и, заговоривъ ее, доведи ее скрытно отъ всѣхъ до той яблони; я васъ буду тамъ ожидать. Ахъ, Шельменко! если ты успѣешь, то я не знаю, чѣмъ тебѣ благодарить! Все для тебя сдѣлаю.

Шельм. Мыни вже, ваше благородые, колѣй вже ка́жете, що отстáвки да́ты не мѣжна, такъ держить менѣ при соби. Я вже видъ васъ никѣды не пидѣ.

Сквор. Ни въ чемъ тебѣ не откажу, если достигну своего благополучія. Смотри же, дѣйствуй умно и осторожно. (*Уходитъ. На сценѣ темнѣетъ*).

Шельм. (*одинъ*). Дивствуй!... проворь!.... добре вамъ прикáзувати! Колѣбъ васъ застáвыты дивствувати, вы бѣ не тѣ сказа́лы! А тутъ вже, звисно, Шельменкови бидá! Колѣй не видсилъ, такъ видтиль... Дывсь! бижáть сюды мои голѣбочкы! Зася́ду, та пѣкы вопытанъ, послухаю, що вонѣ пащыкува́тымуть. (*Прячется въ кусты*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Присинька, Эвжони и спрятавшійся Шельменко.

Эвж. Сдѣлай милость, машеръ Присинька, не заходи далеко. Твоя машермеръ приказала тебѣ одѣваться къ сговору, а ты побѣжала сюда. Какъ она узнаеть, такъ достанется тебѣ.

Прис. Дай мнѣ въ послѣдній разъ взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ я съ нимъ вмѣстѣ гуляла, говорила съ нимъ о нашей любви, слушала клятвы его.... Милая Пазинька! пойдѣмъ къ пруду, не дожидаетъ ли онъ тамъ меня; я хочу съ нимъ проститься, какъ долгъ велить, въ послѣдній разъ.

Эвж. О, въ пруду уже же ву засюръ, что не пущу. Ву конесé, свою машермеръ; она будетъ крѣпко сердиться. Черезъ нѣсколько дней ты будешь замужемъ, свободна, тогда никто тебѣ не запретить съ нимъ видѣться... Ахъ, какъ ты счастлива!

Прис. Могу ли быть счастлива съ тѣмъ, кого не люблю?

Эвж. Ме кескесé, что не любишь? а все таки будешь замужемъ. Лишь бы вырваться за-мужъ, а любовь послѣднее дѣло; есть ли она между супругами, или нѣтъ, сет-эгалъ. И безъ любви можно славно жить.

Прис. Я вивогда не забуду моего Вани!

Эвж. Пуркуа и забывать? Вышедши замужъ, пользуйся свободою, наряжайся, развѣзжай, веселись; а встрѣтилася съ прежнимъ дружкомъ, Ванею, вспомни прежнее и полюбися съ нимъ опять немного. Ахъ какъ бы я умѣла жить!

Шельм. (*Въ сторону*). Отъ добра! Щó, якбѣи воля?

Прис. Какъ ты мнѣ совѣтуешь, милая Пазинька? я хочу еще въ послѣднѣй разъ просить батиньку и маминьку, чтобы не отдавали меня за этого весноснаго Лопуцьковскаго.

Эвж. Пуркуа бо онъ тебѣ не нравится?

Прис. Скажи лучше, что въ немъ можетъ нравиться? Не умѣетъ ни ходить, ни сидѣть, и какъ одѣтъ! Ни о чемъ не можетъ говорить, какъ только, что онъ воажировалъ въ Воронежъ. Съ нимъ стыдно будетъ и въ люди показаться.

Эвж. А какая тебѣ до него нужда? Ты, выйдя замужъ, будешь жить сама для себя. Ахъ, какъ я тебѣ въ этомъ завидую! Чортъ знаетъ, когда я дождусь къ себѣ жениха! Какой первой случится, за того и пойду. Жевуири тебя машеръ, не упрямяся, выходи скорѣе.

Прис. Если просьбы ничего не помогутъ и меня будутъ насильно выдавать, то я и при сговорѣ, и при вѣнцѣ буду кричать, что я не хочу за Лопуцьковскаго. Если не за Сьворцова, то и ни за кого не хочу.

Эвж. За него же тебя не отдаютъ. Ну анфень, уйди съ нимъ.

Шельм. (*Въ сторону*). Оцѣ розумне слóво сказа́ла!

Прис. Ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю этого! Я очень много чувствую, понимаю, но не умѣю выразить, что не хорошо идти противъ воли родителей во всякомъ случаѣ, а особливо въ такомъ важномъ.

Эвж. Ну, такъ я тебя не понимаю: уходить не хочешь, и замужъ идти не хочешь, потому что жаль оставить своего милаго дружка. Брось его, забудь, когда уже нельзя быть за нимъ.

Шельм. (*Въ сторону*). А щобъ ты на симъ слѣви подавилась!

Прис. Жаль мнѣ, что не могу высказать тебѣ всего, какъ я понимаю о всѣхъ твоихъ предложеніяхъ, и почему они нейдутъ ни мнѣ, ни всякой дѣвицѣ. Ты больше моего училась въ пенсіонѣ и больше знаешь; но я, какъ не ученая, можетъ быть и ошибаюсь, но вижу, что ты какъ-то не такъ говоришь, какъ должно.

Шельм. (*Въ сторону, размядывая*). Генъ, генъ и копытанъ. Давай ёго сюды. (*Уходитъ*).

Эвж. Я говорю то, что слышала отъ другихъ и сходно съ моими чувствами, и ву верѣ, что я таки урвусь замужъ, буду жить по своей волѣ и буду счастлива; а ты просидишь цѣлый вѣкъ въ дѣвкахъ, развѣ помрутъ твои родители или образумишься и уйдешь съ своимъ Ванею.

Прис. Не накажи меня Богъ первымъ, а на послѣднее, противъ ихъ воли, я никогда не рѣшусь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, Скворцовъ и Шельменко.

Сквор. (*Бросаясь къ Присинкѣ*). Наконецъ, обожаемая Присинька, имѣю неизъяснимое наслажденіе видѣть тебя, говорить съ тобою, цѣловать твою милую ручку... Но зачѣмъ ее отнимаешь? Это вѣрно другъ твой и ей извѣстна взаимная наша любовь?...

Прис. Я не могу уже быть вашею; слѣдовательно...

Эвж. (*Будто въ сторону, но старается, чтобы ее слышам*). Иле тре боку агреабль, иле бонъ!

П р и с. Оставьте меня, забудьте меня, Иванъ Семеновичъ... будьте счастливы...

С к в о р. Могу ли быть счастливъ безъ тебя? Ты знаешь, какъ я люблю?

Э в ж. Мой совѣтъ: не идти ей противъ воли своихъ моншерпера и машермеры, и согласиться на выборъ, ихъ...

С к в о р. А мнѣ умереть?

Э в ж. Пуркуа же умирать? Вы изберите себѣ подругу, которая бы васъ также любила...

Ш е л ь м. (*Въ сторону*). На догадъ бурякивъ... гмъ!

Э в ж. Имѣла бы достоинства....

Ш е л ь м. (*Въ сторону*). Такъ ты бо не така багата.

С к в о р. Можетъ ли другая замѣнить ее въ моемъ сердцѣ?

Э в ж. Ожурдvi па занкоръ, и демень все уладится.

С к в о р. Не могу ничего понять! Одно средство быть намъ счастливыми, и я умоляю тебя согласиться на него...

Э в ж. Какое же это?

С к в о р. Ъхать со мною въ ближнюю деревню, гдѣ у меня все улажено, и мы черезъ часъ возвратимся супругами... Умоляю тебя, другъ мой, рѣшись!...

П р и с. Ахъ, не напоминай мнѣ объ этомъ!

Э в ж. Да, и это довольно романически. Согласися, моя эмабль Присинька! Это приключеніе надѣлаеть много шуму и на долгое время займетъ всѣхъ...

П р и с. И навлечетъ на меня проклатіе родителей!

Э в ж. Покленуть, покленуть, да какъ нечѣмъ будетъ перемѣнить, такъ и простять поневолѣ; вѣдь ты у нихъ одна.

П р и с. Потому-то и должна ихъ радовать, а не навосить имъ огорченій....

С к в о р. Конечно, въ первомъ гнѣвѣ они будутъ неумолимы; но безпрестанныя исканія наши, просьбы, слезы... притомъ же, когда увидятъ, что мы, страстно любя другъ друга, скорбимъ о ихъ гнѣвѣ, то навѣрное смягчатся и возвратятъ любовь свою...

П р и с. А до того что со мною будетъ? Я умру, видя ихъ гнѣвъ!...

Эвж. Боку пустяковъ и больше ничево, моя мабель Присинька! Ты таки уйди, и ты будешь счастлива съ такимъ жоли офисье. Не смотрите на нее, мосье ле капитантъ; когда у васъ все готово, ведите ее къ коляскѣ; я ее провожу...

Сквор. Въ горестномъ моемъ положеніи, я долженъ рѣшиться на эту крайность. Пойдемъ обожаемая Присинька!..

Прис. Нѣтъ... нѣтъ... ни за что!

Сквор. Чрезъ нѣсколько минутъ мы будемъ на вѣкъ разлучены. Ты будешь невѣстою другого, и услышишь о смерти моей!

Прис. Боже, что мнѣ дѣлать въ таковой крайности! Я умру, если навлеку гнѣвъ родителей... умру, если лишусь тебя... Ахъ, на что мнѣ рѣшиться? Насъ остановятъ... меня возьмутъ... и.. я погибла!

Эвж. Ничего! машеръ, не бойся; никто не увидитъ и не узнаетъ; я запрусь въ твоей комнатѣ и же дирé, что тебя убираю къ сговору... Идите же скорѣе, чтобы вамъ не помѣшали... Ахъ, какъ это интересно, что я участвовала въ этой интригѣ! Вся слава отнесется ко мнѣ. *(Она старается вести Присиньку, которая, ломая руки, плачетъ, противится ей и Скорцову, также ведущему ее. Шельменко суетится около нихъ и, разглядывая вездѣ, знаками убѣждаетъ, чтобы спѣшили. На сценѣ довольно темно).*

Сквор. Я обязанъ буду вѣчною вамъ благодарностью за участіе ваше. Если откроется надобность служить вамъ при вашемъ замужествѣ...

Эвж. Ахъ, когда уже это случится? Ведите же ее, мосье офисье, съ вашимъ слугою, а я побѣгу домой, чтобы не замѣтили нашего отсутствія. Прощай, машеръ Присинька! Желаю тебѣ теперь успѣха, а потомъ благополучія *(цѣлуетъ ее)*. Ахъ, она безъ чувствъ! Моншеръ офисье, закутайте ее во что-нибудь и ведите хотя противъ воли.

Сквор. Шельменко, подай сюда, что тамъ есть.

Шельм. Та щó жъ тутъ ё; тилкы шинеля та фуражка...

Сквор. Подай, подай скорѣе! *(Окутываетъ шинелью безчувственную Присиньку и надѣваетъ на нее фуражку).*

Эвж. Ахъ, какъ она интересна въ этомъ костюмѣ! Точно будто молодой юнкеръ. Ахъ, какъ интересно уходить! Отправляйтесь же, оканчивайте все и спѣшите обратно. Болѣе двухъ часовъ мнѣ нельзя скрываться. О ревоаръ! (*убѣгаетъ къ дому*).

Сквор. (*Присиньку, лежащей у него на рукахъ безъ чувствъ*). Другъ мой!... Умоляю тебя, приди въ себя... Пospѣшимъ, время дорого!..

Шельм. (*Съ другой стороны также поддерживая ее*). Нѣте бо, пѣвночво, прочунѣйте швѣдче, та навтикачѣ.

Прис. Ни за что въ свѣтѣ!.. пустите меня!..

Сквор. Уже не можно оставить, дѣло начато!..

Шельм. Мертвого зъ грѣбу не ворѣчаютъ. Почалѣ такъ, будучы, трѣба дило кипѣаты. Якъ закончѣемо, тѣе-то, зовсимъ, тоди й пѣстымо. Нѣте жъ, ходить. (*Хотѣтъ вести ее противъ воли, вдругъ Шельменко въ испугъ оставляетъ ее*). Отъ и устереглѣсь!.. Отъ тепѣрь бидѣ! (*Мечется во всѣ стороны. На сценѣ совершенно темно*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Скворцовъ въ большомъ замѣшательствѣ, поддерживаетъ слабую **Присиньку**. **Шельменко** въ испугѣ, бросается во всѣ стороны, **Шпакъ** выходитъ въ задумчивости.

Шпакъ. Терпѣнія недостаетъ, слыша безпрестанныя одобренія проклятымъ Карлистамъ!... Что ему сдѣлали Христиносы?... Еслибы не сговоръ дочери, я бы ему на-прямки отпѣлъ и разорвалъ бы знакомство. Чтобы избавиться отъ непрѣятныхъ его толковъ, вышель въ садъ распорядить иллюминацію. Да вотъ, кажется, и рабочіе здѣсь... (*присматриваясь*). Кто здѣсь?... Потапъ, это ты?.. Что не отвѣчаешь?.. Кто здѣсь?... (*идетъ и наткнувшись на Шельменку*). Отвѣчай мнѣ, кто ты? (*держитъ его*).

Шельм. (*Крѣпко испугавшись*). Та се... се не я.

Шпакъ. Да кто ты такой? говори.

Шельм. Се мабутъ... собака... абѣ-шо.

Шпакъ. А! это Шельменко!.. По твоей шуткѣ узналъ тебя.

ШЕЛЬМ. (*Въ сторону*). Хорóши шуты, що й самъ себѣ не тѣмлю та дрижакѣ имъ. (*Скворцову тихо*). Не пускѣйте их; я видбрешусь.

ШПАКЪ. Съ кѣмъ ты здѣсь?

ШЕЛЬМ. Та то такъ; то, будучы, нхтѣ.

ШПАКЪ. Какъ, нхтѣ?... вижу, что человекъ. Не Мотря ли, а?

ШЕЛЬМ. Та такъ... знаете... тутъ мы соби... тѣе-то... соби...

ШПАКЪ. Охъ нѣтъ, это не Мотря, тутъ двое... кажется мушины... Ахъ, не капитанъ ли здѣсь?... Ты что-то смѣшанъ... Такъ точно, что-то военное.

ШЕЛЬМ. (*Все отходя его подальше*). Звѣете, ваше благородь... чи то пакъ: ваше высокоблагородье! то прыйшли до мене, звѣете, пидмовляють мене, будучы, на вечернѣци.

ШПАКЪ. Что же они за люди?

ШЕЛЬМ. Та наші такѣ, салдаты. Отто вѣшчы, будучы, Иванъ Бойчакъ, а то другый, тѣе-то, другый? то Хома Плаксунъ. Звѣете щѣ, ваше высокоблагородье; ось грѣмнитъ на нихъ, щобъ вѣшли зъ вѣшого садка; чогѣ вовѣ тутъ шлѣютця? іѣ не іѣ!

ШПАКЪ. И они, а больше ты мнѣ подозрителевъ съ твоимъ замѣшательствомъ. Я все думаю, что это капитанъ.

ШЕЛЬМ. Та де вамъ коньтанъ! Винъ дѣма и дѣсе хрѣпѣ на уси заставки.

ШПАКЪ. А вотъ я увѣрюся. (*Подходитъ къ Скворцову. Скворцовъ, видя приближающагося Шпака, заслоняетъ дрожащую Присиньку, не выпуская ее изъ рукъ*).

ШЕЛЬМ. замѣтивъ это, бросается между ними и говоря, удаляетъ опять Шпака. Та не рѣште, не рѣште. Ось идить сюды, я вамъ щось скажу.

ПРИС. (*Тихо Скворцову*). Теперь я должна открыться Батинька подозрѣваетъ...

СКВОР. Другъ мой!... еще немного терпѣнія. Онъ скоро уйдетъ...

ШЕЛЬМ. *оставивъ говорить съ Шпакомъ, бросается къ нимъ.* Та будьте ласкови, ни чычъркъ! (Самъ съ собою). Алé не вѣдуюмаю, якъ и видбрехáтыся.

ШПАКЪ. *схвативъ его, трясетъ.* Да что ты все колишь и сюда и туда! Говори мнѣ сейчасъ: капитанъ ли это, или кто? Говори, или удушю тебя бездѣльникъ!

ШЕЛЬМ. (*дрожа*). Та такъ... бездильныкъ... будучы, то копытанъ, тилы пустить...

СКВОР. (*Тихо*). Ахъ, предатель!

ШПАКЪ. (*Продолжая его трясти*). Съ кѣмъ онъ это? Говори!

ШЕЛЬМ. (*Стараясь однакожъ не кричать*). Ой... ой... ой лыщечко!... до суду, до вику не бѣду... Ратуйте! хто въ Бога вируе... Ой... усю жъ правду сважѹ: то винъ... винъ въ панявною...

СКВОР. (*Тихо*). Все кончилось!... о злодѣй! (*Рѣшается подойти къ Шпаку*).

ШПАКЪ. Такъ ѣтакіе дѣла за вами? А? Вотъ поймай мнѣ капитана, ато кликну людей.

ШЕЛЬМ. *все машетъ Скворцову, чтобы былъ покоенъ.* Та не гомонить бо, а ось послѣхайте менé лышёнъ...

ШПАКЪ. Тогда выслушаю, когда схватишь капитана. Лови его! (*Въ сторону*). Я и самъ бы бросился, но вѣрно онъ при шпагѣ; боюсь.

ШЕЛЬМ. Чы знáете жъ вы, зъ лэбою винъ пánночкою?

ШПАКЪ. Какъ не знать? съ моею дочерью.

ШЕЛЬМ. Эгé! такъ, та, будучы, трбшкы не такъ. Ад-жé вы казáлы, щобъ ёго, тée то, оженыты на дочци вáшого сусиды, будучы, пána Тпрунькевича...

ШПАКЪ. Ну, такъ что?

ШЕЛЬМ. Ну, отъ я, будучы, и навивъ дило на ладъ та й пишовъ старостою, такъ дé! ни прыступу! Такъ мы щб робыты; повернувшись, мы оцé, будучы, узáлы, та й верáлы дивку...

ШПАКЪ. Неужели?! Ай да молодцы! сполать! Такъ это она съ капитаномъ?

Шельм. Вона, ваше высокоблагородые! Оцѣ бѣ то, будучы, ихаты та винець прыняты...

Шпакъ. Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

Шельм. Будучы, пручаетця, ваке высокоблагородые! Звисно, первына, дали не тѣ бѣде.

Шпакъ. Отъ чего же она не рѣшается?

Шельм. Бачыте, що, каже, безъ благословення якъ я, каже, у винець уступлю? Ваше высокоблагородые! осмилюсь просить: будучы, бѣдѣте ий якъ отецъ и родытель! Благословить ии на винець зъ копытаномъ.

Шпакъ. Съ большимъ удовольствіемъ! (*Въ сторону*). Какой прекрасный случай отомстить моему врагу! (*Присинькѣ*). Послушай меня, сударыня! (*Шельменко все между ними и старается, чтобы Шпакъ не подходилъ близко къ дочери*). Не бойтесь меня. Я знаю о вашемъ намѣреніи, одобряю его и требую, чтобы вы немедленно ѣхали съ капитаномъ и скорѣе бы обвинялися.

Шельм. Що-то за добродительный чоловікъ ёго высокоблагородые, панъ Шпакъ бунчуковѣнко.

Сквор. (*Тихо Присинькѣ*). Неужели ты еще будешь сомнѣваться? Пойдемъ скорѣе, ты получила родительское благословеніе.

Прис. Но это все обманомъ...

Шельм. Та якѣмъ обманомъ; се спражня правда.

Прис. Испросите же мнѣ поцѣловать руку его.

Шельм. (*Шпаку*). Бачыте, якъ вона васъ шануе! Дайте, каже, рѣчку свою поцилуваты. Нуते жѣ, давайте швыдѣнько. Та здалекѣ, здалекѣ; будучы не злякайте ии. А протягните кѣте до васъ вѣшу мѣлую рѣчку. (*Беретъ руку Шпака и протягиваетъ ее къ Присинькѣ, которую подводитъ Скворцовъ*). Пидѣдите, пѣнвочко, до пѣна Шпакѣ, та и поцилуйте ёго у рѣку, ва благословенные. Що за предобрая душа! Такѣ настоящий бѣтько и отецъ ридный! (*Присинька, бросающъ на колѣни, съ жаромъ цѣлуетъ руку отца*).

Шпакъ. Именемъ отца твоего, благословляю тебя, любезное дитя! Соединись съ нимъ скорѣе и будь счастлива. (*Присинька встаетъ*).

Шельм. Що за премудрыи словеса говорыть панъ Шпакъ!.. и пидъ ризкамы такъ не плакавъ, якъ менé оцé слёзы проныл! (*Въ сторону*). Отъ хыбá у дурни пошылы!

Шпакъ, *все присматриваясь*. Ба! да вы ее по военному приодѣли? Славно, славно! Никто и не узнаеть.

Шельм. Та хочъ бáтько ридный побáчыть, такъ не пизнá ии.

Шпакъ. Чтобы еще болѣе увѣрить васъ въ удовольствіи отъ вашей женитьбы, такъ вотъ что: отъ вѣнца прямо ко мнѣ, сюда же въ садъ, и мы тутъ отпразднуемъ свадьбу; смотрите же, сюда ко мнѣ. Встрѣчу васъ съ распростертыми объятіями и обниму какъ сына...

Сквор. (*Въ восторгъ, обливъ его*). Любите меня какъ сына! Спѣшу къ моему счастью.... (*Уводитъ Присиньку. Шельменко провожаетъ ихъ*).

Шпакъ. (*Одинъ*). Вотъ славная штука! Какъ мнѣ удалось отомстить моимъ злодѣямъ! Вотъ это тебѣ г. Тпрунькевичъ тѣ гуси, что ты у меня побилъ! Вотъ это тебѣ, г. капитанъ, твои курсы съ моею дочерью! Поздравляю невѣсту съ женихомъ сорванцомъ, а жениха съ невѣстою фурию! Тѣшся ими, Тпрунькевичъ!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Шпакъ и Шельменко.

Шельм. *вытянувшись*. Лепортюу вапому высокоблагородыю, у бáтька дочкѣ вкрáлы справно! (*Смѣется*).

Шпакъ. То ужъ лихо смастерили; молодцы! А много таки и я вамъ помогъ.

Шельм. А якже? Безъ васъ бы, будучы, и ладѣ бы не булó.

Шпакъ. Что жъ отецъ! Скоро ли хватился дочери?

Шельм. Та дé вамъ схватѣвся! Дочкѣ вже, тее-то, и помчáлы, а бáтько распустѣвъ уха, та й слѣха мои теревѣни, що я ёму, будучы, розскáзую, отъ якъ и передъ вашимъ здорбвямъ.

Ш п а в ъ. Экой фофанъ! недогадывается! (*Смѣется*).

Ш е л ь м. Тамъ такой хвѣханъ, ваше высокоблагородные, що ничѣго и не замича, та туды жъ сміѣгця. (*Смѣется*). Ажъ менѣ слѣзы узялы видъ смиху!

Ш п а в ъ. Охъ вы военные! Лихой народъ! Признайся: не въ-первое тебѣ такъ проказить?

Ш е л ь м. Та якъ у первое!... Разъ укралы дивку, та й незнаемо, що зъ нею, стало быть, робыты; а бѣтко ин, пырь! намъ у вичи и не пизывавъ дочкы. Мы, будучы, и заходылся коло него, та такъ его одурылы, що сердешный и по-благословывъ дочку, тее-то, уткаты и самъ выпровожавъ. (*Хохочетъ*).

Ш п а в ъ. (*Также хохочетъ*). Охъ! полно, полно!... Бока болятъ отъ смѣху... Экой дуралей!

Ш е л ь м. *продолжая смѣяться*. Та такой, ваше высокоблагородные, дуралей!... що я такого, будучы, зрѣду у перше бачу. (*Смѣется*). О, бодай васъ!

Ш п а в ъ. Пойдемъ же готовить, какъ встрѣчать молодыхъ; а потомъ сдѣлаю сговоръ своей дочери. (*Пошелъ было и воротился хохоча*). Не могу вспомнить про твои рассказы, такъ... и... и... хохочу. (*Уходитъ*).

Ш е л ь м. Отъ хыба Шпавъ, такъ Шпавъ! Чы бачывъ хто такого дурня? (*Смѣется*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Все тотъ же садъ; подъ деревьями въ разныхъ мѣстахъ поставлены треугольники, установленные площадками, а нѣкоторыя деревья увѣшаны цвѣтными фонарями. Все безъ порядка и вкуса.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мужчины и женщины дворни Шпаковой, въ разныхъ одѣжкахъ, разставляютъ и зажигаютъ площадки и фонари. Посль приходитъ ключница.

Лакей. Нуте бо, братцы, проворнѣе. Намъ еще и въ горницахъ много дѣла: столъ готовить.

Кучеръ. Да и задаетъ же нашъ панъ пиръ, на весь міръ. Радъ, что дочку просваталъ.

Женщина. Сегодня паны гуляютъ, а завтра намъ дадутъ погулять, чтобъ знали сватанье паночки.

Кучеръ. О! да и напьюся же я завтра здѣрово!

Ключница (*пришла*). Нуте же, нуте проворнѣе. Вотъ невидно, какъ паны придуть.

Кучеръ. Ужъ и такъ довольно поработали. А что, тетюшка Потаповна, какъ бы, бываетъ, на радости вынесла бы намъ по чаркѣ?

Ключ. Не здывуй: и безъ тебя расходъ не маленькій. Господи! что понавѣждало гостей-гостей, такъ хмара-хмарою! Да когда бъ уже такіе господа, чтобъ гулять на сватаньѣ. ато понавозили самыхъ капелюшечныхъ дѣтей, что и толку не знаютъ; а за ними мамокъ, нянѣкъ; видимо-невидимо!

Лакей. Это жъ у господь всегда такъ ведется.

Ключ. А расходу-то, расходу! У насъ бы и за мѣсяць того бы не сошло. Ужъ достанется послѣ отъ пѣней: куда столько дѣвалось? А теперь сама велить, чтобъ ни въ чемъ не было недостачи.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и Мотря.

Мотря. Тетушка Потаповна! не видали вы моей барышни?

Ключ. А развѣ гдѣ она?

Мотря. Говорятъ, передъ вечеромъ пошла въ садъ; да и нѣтъ ее. Мнѣ сказали, что она въ горницѣ убирается, я хотѣла туда идти, заперто; стучали, никто не откликается; я заглянула въ щелочку, только одна чужая барышня сидитъ да книжку читаетъ, а нашей нѣтъ; такъ я и пришла сюда искать.

Ключ. Тутъ ея нигдѣ нѣтъ; и какъ освѣтили весь садъ, такъ и булавку можно бы увидѣть, не только человека. Вотъ же хорошо, что уравились, павы идутъ. Идите же всѣ отсюда.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Шпакъ съ женою, Опецковскій съ женою, Лопуцьковскій
въ гости съ дѣтьми, за ними нянки. грудные ребенки на
рукахъ кормилицъ. Вся дворня одинъ за другимъ уходитъ,
послѣ всѣхъ ключница.

Шпакъ. Милости просимъ, гости любезные, пожаловать сюда. Покорно прошу располагаться гдѣ кому угодно; садъ у насъ великъ, можемъ и еще столько гостей помѣстить. За тѣмъ прѣдутъ наши молодые, а потомъ и сговоръ дочери.

Фев. Степ. Помилуйте вы меня, Кирило Петрович! Я вамъ не наудивляюсь; какъ вы, человекъ съ такимъ умомъ, а вѣчно дѣлаете ни то, ни сѣ. *(Удерживая за руку ключницу)* Иди же скорѣе въ домъ, да потуши всѣ свѣчи, чтобы

прасно не горѣли. (*Продолжаетъ мужу*). Съ чего вы это взяли, чтобы чужую радость предпочитать своей? Какая намъ нужда до капитана? Хотя бы онъ на Стѣхѣ, моей булочницѣ, женился, то для меня нужды мало.

Шпакъ. О, для меня въ этой свадьбѣ многое заключается. Капитанъ нанесъ намъ тьму смертельныхъ обидъ; надобно было ему отомстить; вотъ я и навязалъ ему жену, злѣйшую во всемъ мірѣ, а чрезъ это онъ, къ нашему спокойствію, оставитъ Присю. Панъ Трунъкевичъ не только поругалъ мою честь, но и разоряетъ меня своими процессами; такъ вотъ ему зять, отъ котораго хоть на висѣлицу. Онъ молодыхъ не пуститъ во весь вѣкъ къ себѣ и на полдвора. Я ихъ встрѣчу будто съ радостью, потомъ осмѣю и выгоню съ безчестьемъ. Пусть мое мщеніе несуть въ потомствѣ до третьяго рода. Мнѣ тутъ много помогъ Шельменко.

Шельм. *на деревъ, вылядывая*. Агбвъ! Я осьдечкы. А чо́ тамъ?

Шпакъ. Вонъ онъ гдѣ! Чего ты туда забрался?

Шельм. Выглядяю молодыхъ.

Шпавъ. Умно выдумалъ. Смотри же, чуть завидишь, такъ и кричи.

Агр. Сем. Какъ эта иллюминація бѣдна въ сравненіи съ тѣми, какія бывають у насъ въ Петергофѣ! Никакого сравненія нѣтъ.

Опецъ. (*Выходя изъ задумчивости*). Обращаясь къ прерванной нами матеріи, я нахожу, что, въ разсужденіи реставраціи, донъ Карлъ сдѣлалъ большую ошибку въ прошломъ мѣсяцѣ отъ того...

Шпакъ. Сдѣлайте милость, Осипъ Прѣкоповичъ, не забѣгайте впередъ. Я вамъ сказывалъ, что еще прошлогднихъ газетъ не читалъ, слѣдовательно не знаю, что въ Европѣ дѣлается. Дайте мнѣ окончить семейныя дѣла, и я займусь политикою и никакъ не допущу, чтобъ Христиносы потерпѣли; а противъ глупаго закона о наслѣдствѣ въ Гиспаніи буду спорить до края.

Фен. Степ. Скажите мнѣ на милость: что это Пришивъка не выходитъ? цѣлую дюжину платьевъ можно бы уже надѣть, а она и съ однимъ не управится. Это странно.

А гр. Сем. Моя Пазинька ее убираетъ. Я дала совѣтъ, какъ у насъ въ Петербургѣ, въ подобномъ случаѣ, дѣвица должна быть убрана. А вы, господинъ женихъ, навѣдывались ли, скоро ли придетъ нареченная невѣста ваша?

Лопуцьк. Я проходилъ мимо оконъ, подслушивалъ у дверей и засматривалъ въ щелочку. Пелагея Осиповна изволятъ прелесть какъ играть и удивительно припѣвають: «взвейся, выше понесися...», а предмета моихъ желаній не видѣлъ и не слышалъ. Это пречудесно! Не понимаю, ей Богу не понимаю, хотя сейчасъ убейте меня, не понимаю, зачѣмъ онѣ къ намъ не выходятъ.

Шельм. *на дерево кричитъ.* Йдутъ, молоди йдутъ! Вже зъ горы зъизжѣють.

Шпакъ, *суетясъ.* Ну, извольте стать въ сторону, а мы съ тобою, маточка, встрѣтимъ ихъ сначала, а потомъ и захохочемъ, въ чемъ (*къ гостямъ*) и васъ прошу намъ подражать. Вотъ тебѣ, панъ Тпрунькевичъ, и гуси! Ну что, Шельменко?

Шельм. Ось вже близько. Музика грай! (*Музыка играетъ маршъ. Шельменко слазитъ съ дерева*). Тепѣрь достанутьца мыни весильни подарункы!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Скворцовъ и Присинька въ военной шинели, войдя, бросаются къ ногамъ отца и матери, стоящихъ отдѣльно отъ всѣхъ напереды.

Сквор. и Прис. Батюшка! матушка! простите насъ, благословите насъ!... (*Съ Присиньки спадываетъ шинель и фуражка*).

Шпакъ, *приготовившійся принять ихъ въ свои объятія, остолбенѣлъ съ распростертыми руками. Едва можетъ говорить*). Чт... чт... что... это такое?

Шельм. Се жъ наша молодá. Хыбá и тепѣрь не пизнáлы?

Фев. Степ. Ахъ мати Божія! Это жъ моя Присинька! (*Оцупентла съ поднятыми руками*).

Лопуцк. *нюхалъ табакъ и держа въ рукъ открытую табакерку, такъ остается надолго.*

Шельм. Та вонá жъ, вонá. Отъ тилькы-що видъ шлюбу.

Фен. Степ. (*Всплеснувъ руками*) Что мнѣ на свѣтѣ дѣлать?

Шельм. Звисно, щó рбблять на весили.

Агр. Сем. У насъ въ Петербургѣ въ такомъ случаѣ падаютъ въ обморокъ. Упадите скорѣе, это будетъ интересно.

Фен. Степ. Да нуте къ черту съ вашими обмороками! Я совсѣмъ одурѣла, голова вкружится, себя не помню, а они мнѣ еще обмороки представляютъ.

Шпакъ. (*Едва можетъ говорить отъ досады*). Какъ это сдѣлалось? Господинъ капитанъ, гдѣ вы взяли мою дочь?

Севор. Отъ насъ принялъ ее, вы насъ благословили, и не только позволили, но и приказали скорѣе обвѣнчаться и пріѣхать сюда.

Фен. Степ. (*мужу*). А что это, душечка?

Шпакъ. А что, маточка?

Фен. Степ. Что вы это сдѣлали съ нашею общеою дочерью?

Шельм. Не щó, зкъ зъ дивкы молодѣцію.

Шпакъ. (*Все еще не можетъ придти въ себя*). Пом... помилуйте меня!... Я, маточка, благословлялъ его на женитьбу съ дочерью пана Трунькевича...

Севор. Еслибы я рѣшался жениться на ней, я бы не просилъ вашего благословенія; но вы точно насъ благословили, назвали меня сыномъ, обѣщали любить меня... (*Бросаясь на колѣна*) Умоляю васъ, простите насъ и не лишите меня вашей любви!

Прис. (*Все на колѣняхъ*). Батинька!... я виновата... но я видѣла согласіе ваше и потому только рѣшилась... Маминька! не гнѣвайтесь на меня, благословите насъ!

Фен. Степ. (*мужу*). А что, душечка! я вамъ не удивляюсь, какъ вы, съ вашимъ умомъ, а сдѣлали такую глупость; я не сдѣлала бы такого дурачества.

Шпакъ. Чего, маточка! это все подвелъ меня этотъ плутъ, мошенникъ, разбойникъ, Шельменко.

*

ШЕЛЬМ. Пысаные глаголетъ: моя хата зъ краю, я ничего не знаю.

ШПАВЪ. Что же намъ дѣлать теперь?

ФЕН. СТЕП. Сами вы, душечка, наварили пива, сами и хлебайте. Только вы съ вашимъ умомъ можете придумать, что намъ дѣлать теперь.

ПРИС. Простите, благословите насъ!

СКВОР. Вспомнитѣ ваше обѣщаніе: что бы ни произошло, не гнѣваться на меня и не удалять отъ любви вашей.

ФЕН. СТЕП. Такъ вы, душечка, имъ и это обѣщали? Прекрасно!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и ЭВЖЕНИ.

ЭВЖ. Я услышала музыку и же девинѣ, что вы исполнили свое желаніе и возвратились съ успѣхомъ. Поздравляю тебя, машеръ Присинька! ты наконецъ замужемъ! *(Обнимаетъ ее)*. И васъ, мосье ле капитанъ, я васъ же ву фелисить.

ШПАКЪ. Развѣ вы знали о ихъ намѣреніи, что ли?

ЭВЖ. Знала, знала и имъ содѣйствовала.

ФЕН. СТЕП. Прекрасно жъ вы поступали, будучи сами незамужняя дѣвица!

АГР. СЕМ. А какъ же бъ иначе? У насъ въ Петербургѣ, въ такомъ случаѣ, безъ посредника никогда не обходится.

ЭВЖ. Простите же вашу ма филь, же ву при! она въ другой разъ этого не сдѣлаетъ. Не будьте неумолимы!

(Нѣкоторые изъ гостей подходятъ къ Шпаку и просятъ его).

ОПЕЦК. Впрочемъ, Кирило Петровичъ, обращая взоръ на ходъ Европейской политики, я нахожу, что въ разсужденіи реставраціи, право моего любезнѣйшаго племянника на вашу любезнѣйшую дочь, есть равносильное съ правомъ довѣ-Карлоса на тронъ Гиш....

Ш П А КЪ. (*Разсердясъ*). Такъ не бывать же ни донъ Карлосу, ни вашему племяннику моимъ зятемъ... Уфъ!... Ей Богу, вы меня такъ разсердили, что я чуть не простилъ капитана, и довели бы до того, что я будучи Шпакъ, отъ дѣда и отца Шпакъ, а долженъ бы равнодушно смотрѣть, что моя дочь вышла за какогонибудь Скворцова.

Ш Е ЛЬ М. Осмильваемоса, ваше высокоблагородие, ныжайше доложить, що у того Шпакá, що спивáвъ пидь викнамы у темныци гетьмáна, та було два сыны: одынъ Шпакъ повивъ ридь Шпакивъ, отъ якъ и вы ё, а другый Шпакъ пишóвъ у москали, и ставъ зватися по москóвському Шкварцовъ; адже усё ривно, що шпакъ, що шкварецъ.

Ш П А КЪ. Повѣрь тебѣ только, такъ ты наговоришь. Я поклялся ни въ чемъ тебѣ не вѣрить.

Ш Е ЛЬ М. Якъ хотите, а я спысáвъ объ симъ бамáгу и завтра вамъ покажу, та й заприсягнуу що сё имѣнно такъ.

Ш П А КЪ. Впрочемъ, это правдоподобно. (*Женъ*). Какъ вы думаете, маточка: прощать или нѣтъ?

Ф Е В. Степ. Какъ же бы вы ихъ, душечка, и не простили, когда уже ужинъ изготовленъ для всѣхъ гостей! не собакамъ же его выкидывать! А откажите теперь, такъ послѣ, когда-нибудь, все таки простите, тогда въ другой разъ придется опять такіе же убытки нести. Ну ихъ совсѣмъ! только когда прощаете, то запретите ему, душечка, чтобъ онъ впередъ не говорилъ мнѣ любовныхъ рѣчей, я ихъ отъ роду не слыхивала.

Ш П А КЪ. Не бойся, маточка, не бойся; теперь ему есть кому говорить любовныя рѣчи. Ну, Присинька, такъ и быть; будь счастлива. (*Обнимаетъ ее и Скворцова*). Будь намъ добрымъ сыномъ! Теперь идите къ матери и пріймите ея благословеніе. Я радъ, что дочь моя не унизила фамиліи Шпака и вышла за его-же потомка.

(*Мать обнимаетъ ихъ и гости поздравляютъ*).

Ш Е ЛЬ М. Поздравляю васъ, пáне Шпакъ, ище съ шпакóмъ, та вже зъ Москóвськымъ.

Ш П А КЪ. Насолилъ ты мнѣ крѣпко, а однако я прощаю тебя для радости.

Ш е л ь м. Ко́лы ла́ска ва́ша, то, будучы, настановить мене́ управляющимъ надъ отчынами. Я й тымъ дово́ленъ бѹду.

Ш п а в ъ. Непремѣнно, непременно. Ты будешь славной управляющій. Ну, всё ли перецѣловались? Пора веселиться. Музыканты, польской! Зять, бери тещу, а я съ дочерью. Покорно прошу всѣхъ.

(Танцуютъ вѣсь польской, потомъ и другіе танцы).

МЕРТВЕЦЪ-ШАЛУНЪ.

Шутка въ двухъ дѣйствіяхъ.

— ❦ —

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ДМИТРІЙ ПАВЛОВИЧЪ ЖИТНИЦКІЙ, помѣщикъ, живущій въ городѣ.

ВАРИНЬКА, дочь его.

СТЕПАНЪ ПЕТРОВИЧЪ РЫБКИНЪ, пріѣзжій помѣщикъ.

ГРУША, дочь его.

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ БЫСТРОВЪ.

ДАНИЛО, слуга его.

ПЛИТОВЪ.

БЕЗМѢНОВЪ, купецъ.

ЩИПКИНЪ, подрядчикъ.

БРОКМАНЪ, медикъ.

ПИРОЖКОВЪ, трактирщикъ.

ПАРАША, дочь его.

ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

ПОЛИЦЕЙСКІЕ СОЛДАТЫ.

Дѣйствіе въ городѣ.

МЕРТВЕЦЪ-ШАЛУНЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ трактирѣ, посрединѣ и направо двери; на столѣ горитъ свѣча. Разсвѣтаетъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Быстровъ. (*Одинъ, въ замѣшательствѣ выбѣгаетъ изъ боковой двери*). Ахъ, какое ужасное приключеніе!... Такъ внезапно... такъ скоро... умереть въ лучшіе лѣта жизни!... Приѣхать съ тѣмъ, чтобы жениться, — и умереть!... Если бы это на меня, я умеръ бы съ досады... Фу! какъ это меня разстроило!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Выстровъ и Данило.

Быстр. Что, Данило? Полно, правда ли?

Данило. (*Печально*). Все кончилось сударь! Извоились скончаться навѣрное...

Быстр. Фай!

Данило. (*Утирая слезы*). Добрый, добрый баринъ! Какой былъ живой, веселенькій! Когда вы, сударь, съѣхались, познакомились и расположились вмѣстѣ ѣхать, такъ у меня душа не нарадовалась. Сколько было между вами шутокъ, проказъ по дорогѣ...

Быстр. Самую глупую проказу сдѣлалъ онъ, скончавшись такъ не встати...

Данило. Ахъ, сударь! Когда мы умираемъ встати?

Быстр. Богатый и бездѣтный дядюшка всегда встаети умираетъ.

Данило. И моя покойница—не тѣмъ будь помянута—промучивъ меня три года, въ ту самую пору, какъ я плѣнился теперешнею моею Аксютою, весьма къ стати умерла.

Быстр. Когда Владиміръ третьяго дня заболѣлъ, то я никакъ не думалъ, чтобъ это такъ кончилось...

Данило. Я и самъ, сударь, ничего не предполагалъ. Приѣхавши, онъ легъ было почивать, но тутъ разболѣлся у него бокъ. Ужъ онъ кричалъ-кричалъ, стоналъ!... Я хотѣлъ бѣжать за докторомъ, куда! Не надо, говорить—пройдесть и безъ того; не люблю, дескать, лечиться. Далѣе, къ свѣту, смотрю, кончается!... И къ хозяину; не могу достучаться. Вотъ ужъ я за вами...

Быстр. Хорошо, что я поспѣшилъ; видѣлъ его послѣднюю улыбку, почувствовалъ пожатіе руки и принялъ послѣдній вздохъ его... Фу, какъ грустно!...

Данило. Не будетъ ли хлопоть, сударь? Что дѣлать въ такомъ случаѣ?

Быстр. *(Вспомнивъ)*. Да, здѣсь живетъ нареченный тесть его. Напишу къ нему, пусть управляется, какъ самъ знаетъ. Подай сюда мою шкатулку. Воображаю, какъ поразитъ его эта нечаянность!... Да чего же лучше?... *(Данило приноситъ шкатулку и Быстровъ, вынувъ все принадлежащее къ письму, садится и пишетъ. Мрачность съ лица исчезла; онъ одушевляется, улыбается)*.

Данило. *(Смотря на него)*. Ужъ и развеселился! Закладъ держу, что готова новая проказа... почти хохоchetъ. Удивительный человекъ! Изъ всего готовъ вывести шутку.

Быстр. *(Окончивъ писать)*. Читай же старикашка, по субботамъ и толкуй себѣ на досугѣ. Данило! Какъ ты здѣсь сказылся?

Данило. Что сказываться? Нѣкогда было и разговариваться съ хозяиномъ.

Быстр. Видѣлъ ли хозяинъ Владиміра?

Данило. Куда! Онъ и вниманія не обратилъ. Приказалъ отвести комнаты и, не распрашивая, кто и откуда, занялся расчетомъ съ выѣзжавшимъ господиномъ.

БЫСТР. Безподобно! Дамъ же я и здѣсь себя знать. Слушай! Поди и объяви хозяину, что баринъ твой, вчера прїѣхавшій сюда, отставной поручикъ Владиміръ Ивановичъ Шумовъ скоропостижно скончался.

Данило. Слушаю, сударь!

БЫСТР. (*Придумывая*). Да, скончался... а обо мнѣ ни слова, какъ будто я и не существую. Понимаешь ли, что здѣсь будетъ?

Данило. Почти понимаю и... охъ, сударь!

БЫСТР. Поди, не твое дѣло. Разбуди хозяина, вломись къ нему, объяви, плачь, рыдай... Нѣтъ, постой!... Скажи просто, что баринъ твой... Владиміръ Ивановичъ зоветъ его къ себѣ, и ни слова больше не говори. (*Данило уходитъ*). Это будетъ очень хорошо и разсѣветъ тоску мою, къ которой я не привыкъ; я не люблю ее, да правда и она меня не любить и никогда не посѣщаетъ. Надобно теперь отвязаться отъ нея... (*Садится писать*). Пора кончить извѣщеніе тестя о кончинѣ моей... Постой! зачѣмъ вдругъ отказывать, не узнавши всѣхъ подробностей? Покойникъ Владиміръ рѣшился же, не выдавъ никогда невѣсты, жениться на ней въ угодность родителямъ; почему же и мнѣ не поступить такъ геройски? Дѣло рѣшено. Чтобы утѣшить страждущую невѣсту—женюсь на ней, бѣдненькой! (*Пишетъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Выстровъ, Пирожковъ и Данило.

Пирожковъ. (*Съ поклонами*). Имѣю честь свидѣтельствовать мое почтеніе. Покойно ли изволили у меня почивать? Кажется... если не ошибаюсь... Владиміръ Ивановичъ?

БЫСТР. (*Продолжая писать*). Такъ точно, я поручикъ Шумовъ. Квартирою очень доволенъ, и хочу за это тебѣ услужить.

Пирожк. Чувствительнѣйше благодаренъ. Конечно, изволите прожить у меня мѣсяцъ и болѣе. Въ такомъ случаѣ много обяжете, и я имѣю честь рекомендовать столъ мой,

равно и вина; они всё отличнаго сорта и гораздо лучше, чѣмъ у моихъ товарищей. Тамъ все подкрашенное... у меня же все будетъ отпускаемо по самой сходной цѣнѣ.

Быстр. (*Вставая*). Благодарю; но дѣло не въ томъ. Я вояжёръ и путешествую для наблюденія. Мнѣ хочется узнать въ подробности нравы и обычаи вашего города, занятія жителей, ихъ вкусы...

Пирожь. Охъ, сударь! Для этого не стоило вамъ беспокоиться заѣзжать къ намъ: народъ здѣсь вовсе не имѣетъ вкуса. Никто изъ нихъ никогда у меня не обѣдаетъ, а напитки большею частью берутъ у противниковъ моихъ.

Быстр. Хорошо же. Такъ я за одинъ разъ сдѣлаю два дѣла: доставлю тебѣ значительный доходъ и испытаю обычаи жителей города. Послушай, мой любезный! Мнѣ пришла охота, сейчасъ, такъ... немножко... умереть.

Пирожь. (*Въ испугъ отскакивая отъ него*). Какъ, сударь? Какъ? Что вы это?...

Быстр. Ничего, любезный! Это будетъ такъ маленькая шутка. Я люблю всякаго рода проказы. Понравится мнѣ городъ, я въ немъ умираю, займу собою жителей; потомъ, когда меня погребутъ, я отправляюсь далѣе съ новыми замѣчаниями.

Пирожь. (*Смотря на него съ боязливымъ удивленіемъ*). Позвольте мнѣ... конечно, вы чувствуете себя не такъ... У васъ есть искусный лекарь... я его пришлю...

Быстр. Хорошо. Но скажи ему, чтобы пришелъ съ инструментами. Меня должно будетъ анатомировать. Я ужъ этотъ порядокъ знаю. Семь разъ умирая, я всегда былъ анатомированъ, и могу знать, что за чѣмъ слѣдуетъ.

Пирожь. (*Все больше отходя*). Позвольте мнѣ поспѣшить... (*Въ сторону*). Вотъ навязался жилецъ! Совсѣмъ съ ума спятилъ. (*Данилъ тихо*). Береги господина отъ самоубійства...

Данило. (*Равнодушно*). Намъ это дѣло знакомое.

Пирожь. (*Въ сторону*). Да это мнѣ владъ! Запрячусь къ себѣ и никому не скажу о сумасшедшемъ... а самъ, знай, къ счету буду приписывать. (*Уходитъ, озираясь на Быстрова*).

Быстр. Начало сдѣлано, пустимся въ даль. Данило, поздравь меня; я сегодня жениюсь.

Данило. А невѣста пріискана?

Быстр. Какъ же, все дѣло слажено. Я женюсь на невѣстѣ покойнаго Владиміра.

Данило. И не выдавъ ея?... Согласится ли она еще?..

Быстр. Почему ей не согласиться выдти за видимаго, когда она рѣшилась идти за невиданнаго. Однакоже, успѣвши убрать покойника; одѣвъ его въ такой же фракъ и прочее, какъ на мнѣ...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Плитовъ. Данило, немного послушавъ, уходитъ въ боковую дверь.

Плитовъ. Мнѣ сказали, что въ этомъ номерѣ оставился вчера пріѣхавшій поручикъ Шумовъ. Не вы ли Владиміръ Ивановичъ?

Быстр. Точно такъ.

Плит. Очень радъ. Кажется, мы въ двухъ словахъ кончимъ дѣло.

Быстр. *(Въ сторону)*. Какое это дѣло? Надо изворачиваться. *(Въ-слухъ)*. Я и самъ желалъ бы того. Но какое дѣло?

Плит. Я служилъ, вы служили, слѣдовательно мы товарищи. И такъ безъ лишнихъ приступовъ. Вы сговорены на Варварѣ Дмитріевнѣ Житницкой?

Быстр. Такъ точно, сударь. Я счастливѣйшій изъ смертныхъ.

Плит. Ни вы ее, ни она васъ не видала, она только исполняетъ волю отца своего.

Быстр. *(Съ чванствомъ)*. И не выдавши меня, исполняетъ; какъ увидитъ, такъ еще и не то скажетъ.

Плит. Чтобы скорѣе приступить къ развязкѣ, объясню прямо. Я люблю ее болѣе жизни и счастливъ взаимною ея любовью. Она клялась мнѣ не принадлежать никому другому.

Быстр. Мы не посмотримъ на ея клятвы.

Плит. (*Съ жаромъ*). Но я не позволю никому безпо-
конить ее своею любовью.

Быстр. Есть люди, которые и не подумаютъ спраши-
вать у васъ позволенья.

Плит. Сожалѣю, что наше дѣло не можетъ иначе кон-
читься; что дѣлать, я не виноватъ. Мы любимъ другъ друга
давно. Необдуманное слово, данное родителемъ ея, удержало
меня сдѣлать ему предложеніе. Вся надежда наша основана
на томъ, что при свиданіи вы другъ другу не понравитесь.

Быстр. Не знаю, какъ она, понравится ли мнѣ; но я,
я навѣрное понравлюсь болѣе, чѣмъ вы.

Плит. (*Въ сторону*). Какое глупое самохвальство! (*Въ
слухъ*). Мы еще имѣли надежду на ваше великодушіе. По-
тому я и приказалъ дать мнѣ немедленно знать о пріѣздѣ
вашемъ, чтобы, переговора съ вами, кончить дружелюбно.
Получивъ изъ полиціи извѣстіе о пріѣздѣ вашемъ, я поспѣ-
шилъ увидѣться съ вами...

Быстр. Ну вотъ мы видѣлись—и довольно.

Плит. На чемъ же мы кончимъ?

Быстр. Я прошу васъ сей же вечеръ пожаловать на
сговоръ ко мнѣ.

Плит. Это рѣшеніе ваше, а я хочу иначе кончить.
Выбирайте, на чемъ и гдѣ.

Быстр. (*Въ сторону*). Чортъ возьми! Стрѣляться вмѣсто
мертваго и за дѣвушку, которой я въ глаза не знаю. (*Въ-слухъ*).
Согласенъ, и вотъ вамъ честное слово Владиміра Шумова,
что если онъ не умретъ, то стрѣляется съ вами.

Плит. Но когда и гдѣ?

Быстр. Позвольте, я люблю все порядкомъ устроить.
Я хочу здѣсь умереть и въ четыре часа приготовлю все къ
великолѣпному выносу моего тѣла. Такъ послѣ четырехъ ча-
совъ прошу пожаловать въ домъ Житницкаго, тамъ мы обстоя-
тельно переговоримъ.

Плит. Шутка ваша вовсе не у мѣста; я...

БЫСТР. Я вовсе не шучу, и какъ сказалъ, такъ тому и быть. Вы скоро услышите о смерти несчастнаго Шумова. Извините меня, мнѣ нѣкогда. Я долженъ умереть, такъ, на короткое время, потомъ распорядиться погребальною процесіею, а тамъ уже драться съ вами. До свиданія!

Плит. (*Въ сторону*). Сумасшедшій! Но я буду наблюдать за нимъ. (*Вслухъ*). До свиданія! но если вы думаете увернуться, то напрасно... (*Данило входитъ*).

БЫСТР. О, никакъ! Если бы я не былъ озабоченъ смертию моею и принадлежностями къ тому, то я бы готовъ сейчасъ стрѣляться за такую милую дѣвушку... какъ... какъ бишь ее...

Плит. Видите, вы даже имени ея не знаете.

БЫСТР. Это ничего. Имя въ супружествѣ вещь посторонняя. Прощайте же!

Плит. Не забудьте, что не надолго. (*Въ сторону*). Какъ понять его? Кажется, помѣшанъ; но слуга его покоенъ. (*Уходитъ*).

БЫСТР. Вотъ положеніе! Хочешь, не хочешь, стрѣляйся за чужую невѣсту. Пропадай ваша голова! Я хочу еще пожить, и ни для сотни самыхъ красивыхъ дѣвушекъ не поставлю своего лба.

Данило. Какъ же вы думаете съ нимъ кончить?

БЫСТР. Осмотрю дѣвушку и когда она мнѣ понравится, тогда перемѣнимъ роли: я назовусь живымъ Владиміромъ и женюсь на ней; Владиміра же похороню подъ именемъ моимъ; пусть городъ оплакиваетъ Алексѣя Быстрова.

Данило. Но этотъ господинъ?

БЫСТР. Чортъ съ нимъ! Когда станетъ приставать не на шутку, то я тихонько уѣду. Пусть стрѣляется съ мертвымъ Шумовымъ! Да, неприятное положеніе—невѣста и дуэль! Лучше, еслибъ отъ всего этого избавиться.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Безмѣновъ.

Безмѣн. Осмѣливаюсь свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и при томъ осмѣлюсь спросить, не вы ли, какъ мнѣ сказали, изволите быть Владиміръ Ивановичъ Шумовъ?

Быстр. Такъ точно, это я. (*Въ сторону*). Что еще будетъ?

Безмѣн. Такъ мы очень рады этому случаю. Осмѣлюсь спросить васъ, батюшка... извините, чести вашей не имѣю чести знать... любезный вашъ родитель и батюшка, изволить ли здравствовать?

Быстр. Какъ же, какъ же. Очень здоровъ. Поручилъ свидѣльствовать вамъ свое почтеніе.

Безмѣн. Какъ это?... И только всего?...

Быстр. О, нѣтъ, равно и почтенной супругѣ вашей. Онъ не забылъ и ея.

Безмѣн. Что это вы, батюшка... чести вашей не имѣю чести знать... Батюшка вашъ изволить знать, что я овдовѣлъ и ради такого случая изволилъ писать ко мнѣ слезное письмо.

Быстр. Да, это правда.. но батюшка полагалъ, что вы вступили во второй бракъ.

Безмѣн. Развѣ въ третій, грѣховъ моихъ ради. Пожалуйте же, батюшка... чести вашей не имѣю чести знать... Что же еще батюшка, кромѣ почтенія, изволилъ поручить ко мнѣ?

Быстр. (*Въ сторону*). Тутъ не безъ чегонибудь! Какъ бы ловко отвѣчать... (*Ему*). Много, всего много: увѣреніе въ дружбѣ, расположеніе...

Безмѣн. Хе, хе, хе, хе! За все за это благодарны. Но еще бы что посолдидѣе? Изволить ли помнить о должкѣ?

Быстр. Какъ же, помнить очень, но не беспокоится, зная, что деньги въ такихъ вѣрныхъ рукахъ какъ ваши...

Безмѣн. (*Съ безпокойствомъ*). Что, батюшка?.... Какія деньги у меня въ рукахъ?

БЫСТР. Тѣ, что... вы что ли ему должны?

БЕЗМѢН. (*Съ насмѣшкою*). Полно, такъ ли? Не онъ ли мнѣ изволить быть должнымъ и уже за срокъ? Обѣщали прислать чрезъ... чести вашей не имѣю чести знать...

БЫСТР. (*Въ сторону*). Вотъ еще новая бѣда!... Невѣста, дуэль, долгъ... (*Ему*). Да, такъ точно, теперь вспомнилъ. Батюшка чрезъ меня послалъ долгъ свой...

БЕЗМѢН. Очень рады, батюшка... чести вашей не имѣю чести знать... Всѣ ли сполна?

БЫСТР. Всѣ, всѣ по счету.

БЕЗМѢН. Какое по счету? Не по заемному ли? Вѣдь и вы тамъ поручителемъ.

БЫСТР. Какъ же, помню все.

БЕЗМѢН. Какъ же бы отъ васъ въ сей моментъ получить? Сегодня мы, по условію, должны уплатить Дмитрію Павловичу Житницкому, здѣшнему помѣщику.

БЫСТР. Ахъ, какъ это кстати! Я женюсь на его дочери, такъ вотъ будто я получилъ отъ васъ, а съ тестемъ я сочтусь.

БЕЗМѢН. Нечто не выходитъ, батюшка... чести вашей не имѣю чести знать... Мы должны Житницкому по заемному письму, и какъ мы люди аккуратные, такъ должна рука руку знать и къ сроку очищать наши счета. Такъ вотъ воли готова, мы и покойны.

БЫСТР. (*Въ сторону*). Эко присталъ! Посмотрю еще, есть ли у Владиміра какая сумма для этого...

БЕЗМѢН. Что же, батюшка... чести вашей не имѣю чести знать... нечто призадумались? Надежно ли получить мнѣ сумму?

БЫСТР. Оно очень надежно... но признаюсь вамъ, я такъ что-то разстроены... Вообразите, батюшка деньги сосчиталъ и отдалъ мнѣ; а я съ кошелькомъ забылъ ихъ дома...

БЕЗМѢН. Нечто не выходитъ. Сумма-то такая, что въ кошелекъ невмѣстима. Вѣдь пять тысячъ ассигнаціями...

БЫСТР. (*Въ сторону*). Уфъ! и пять тысячъ! (*Вз-слухъ*). Да... конечно... кошелекъ мой въ шкатулкѣ, гдѣ ваша сумма. Это все я забылъ дома.

Безмѣн. Пошло на извороты, но нечто вамъ это не нравится. Намъ неотложно нужны деньги и пока честию прошу васъ о томъ, батюшка... чести вашей не имѣю чести знать... а не то...

Быстр. Послушайте же меня: что деньги для уплаты я получилъ и забылъ дома, вы о томъ не беспокойтесь. Я сейчасъ побываю дома и черезъ два часа доставлю всю сумму сполна.

Безмѣн. Да кажись домъ-то вашъ двѣсти верстъ отсе-лева?

Быстр. Точно такъ; но я черезъ два часа возвращусь, и живъ ли буду или мертвъ, вы отъ меня получите ихъ сполна.

Безмѣн. Чудеса вы мнѣ говорите и въ большое сомнительство вводите; но быть такъ, два часа не вещь—обождемъ.

Быстр. Черезъ два часа навѣрное. И если я въ тому времени умру, такъ вы приходите, и у меня изъ правой руки выньте пакетъ съ вашими деньгами.

Безмѣн. Избави Богъ смерти! Вы, батюшка... чести вашей не имѣю чести знать. . не накликайте на себя эвдакой бѣды. Подъ какой часъ молвится слово. А лучше, кабы безъ всякой оказіи денежки уплатили, а я сбѣгалъ бы за заемнымъ и ладно бы дѣло порѣшили.

Быстр. Мы и такъ кончимъ ладно. Я сбѣгаю къ батюшкѣ и привесу деньги.

Безмѣн. Не что! Мнѣ все чудесно! Двѣсти верстъ въ часъ переѣхать, умереть... Вамъ шутки, а меня сомнительство беретъ, право слово—такъ. Но два часа—не что. Заявлю въ полицію. Эхъ-эхъ-эхъ! Молодость играетъ! (*Уходитъ*).

Быстр. Эта новая бѣда похуже прежнихъ. Подай-ка Владимірову шкатулку и ключи его. (*Данило уходитъ и приноситъ ключи и шкатулку*). Посмотрю, не отыщу ли тамъ этихъ денегъ? А то бѣда. Плати пять тысячъ, ни дай, ни вывеси, за что. Купецъ не повѣритъ никакимъ изворотамъ. (*Оттираетъ шкатулку и ищетъ*). Прекрасно, вотъ и пакетъ. (*Читаетъ*). Купцу Безмѣнову съ пятью тысячами. Ладно.—Данило! Когда явится купецъ, вложи пакетъ Владиміру въ руки, и пусть его получаетъ. А мнѣ уже пора начинать комедію.... Это еще кто?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тъ же и Параша.

ПАРАША. (*Входя робко*). Батюшка прислалъ спросить пріѣзжаго господина...

БЫСТР. (*Бросаясь къ ней*). Ахъ, какъ встати пожаловала ты сюда, моя красавица!

ПАРАША. (*Останавливая его*). Что вамъ угодно?

БЫСТР. Поцѣловать тебя и просить, чтобы ты меня полюбила.

ПАРАША. Это что за требованія?

БЫСТР. Ну, любви хотя и не надо пока, а только поцѣлуй.

ПАРАША. Да какъ вы это смѣете? Пустите, сударь.

БЫСТР. Поцѣлуй же, жестокая, или я сейчасъ умру!

ПАРАША. Хоть десять разъ себѣ умирайте, я не пожалѣю. Этакой озорникъ! (*Убѣгаетъ*).

БЫСТР. Теперь пора ужъ объявить о моей смерти. А то опасно, чтобы еще не встрѣтилось чего ужаснаго невѣсты, долга и дуэли.

ДАНИЛО. Вы же гдѣ будете находиться?

БЫСТР. Тамъ же, въ альковѣ, за занавѣскою, и буду обдумывать о дальнѣйшемъ ходѣ моей интриги... (*Данило ушелъ*) хотя и терпѣть не могу этого думавья! Нѣтъ ли еще какихъ денежныхъ препорученій? А! вотъ кошелекъ; возьму на случай къ себѣ... Ахъ! ужъ идутъ. (*Запираетъ шкатулку и съ нею убѣгаетъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Пирожковъ, Данило.

ПИРОЖК. Чудныя ты мнѣ диковины рассказываешь! И будто умеръ, настоящимъ образомъ, какъ слѣдуетъ умеръ?

ДАНИЛО. (*Растворивъ боковую дверь*). Какъ видите.

ПИРОЖК. (*Испугавшись, отступаетъ*). Такъ... такъ... лежитъ мертвъ и недвижимъ. Но... воля твоя, это дѣло сом-

*

нительное. Самъ объявилъ, что умереть, и умеръ... а ты, любезный, и слезинки не выронишь, словно и ничего...

Данило. Чего сокрушаться? Всѣ мы смертные: рано ли, поздно ли, всѣ помремъ.

Пирожк. Да вотъ такъ ли заговоришь при допросѣ? Побѣгу въ полицію объявить о необыкновенномъ происшествіи, а тебя прошу не отходить отсюда. Пусть-ка розыщутъ, кто причиною его смерти...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же, Параша вбѣгаетъ въ слезахъ.

Параша. Я... я... причиною его смерти... Батюшка, точно ли онъ умеръ?

Пирожк. (*Указывая на двери*). Вотъ видишь, и въ лицѣ измѣнился.

Параша. (*Рыдая*). Ахъ, это я причиною его смерти... отъ меня онъ умеръ!...

Пирожк. Что ты это говоришь, полоумная!

Параша. Я... я... погубила его!... Совѣсть мучить меня...

Пирожк. Чѣмъ же ты погубила его?

Параша. Какъ же! Онъ просилъ, чтобы я поцѣловала его... я не хотѣла... онъ поклялся, что тутъ же умереть... я убѣждала... а онъ и умеръ... Лучше бы я его десять разъ поцѣловала!...

Пирожк. Хорошо же, что онъ умеръ, не надѣловавшись съ тобою, а то бы... Ну, пора къ дѣлу. Всѣмъ намъ хлопоты...

Параша. А я, батюшка, не попаду ли подъ судъ?

Пирожк. Ты! за что?

Параша. Что не захотѣла его поцѣловать...

Пирожк. Глупая! Волокиты всегда васъ такъ пугаютъ. Войдешь въ лѣта, не то услышишь, Ступай домой. (*Уходитъ*).

Параша. Если бы можно оживить человѣка, какъ уморить! Теперь не буду отказывать никому въ поцѣлуяхъ, чтобы не быть причиною чужьей смерти. (*Уходитъ, плача*).

Быстр. (*Выбѣгаетъ*). Ушла?... Какая жаль! Я хотѣлъ увѣрить ее, что отъ поцѣлуевъ оживѣ. Теперь она въ горѣ и мнѣ жаль, что не могу вывести ее изъ заблужденія.

Данило. Да вамъ-то что за дѣло? Угѣшителей много, растолкуютъ ей все какъ по писанному.... Это кто еще?... Уйдите, сударь, уйдите... хозяинъ ведетъ полицію. Спрячьтесь покуратьѣ. (*Быстровъ убѣгаетъ въ боковую дверь и оставляетъ ее непритворенною*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Данило, Пирожковъ, частный, Брокманъ съ инструментами.

Частный. (*Указывая на Данилу*). Это кто?

Пирожк. Это слуга умершаго. Онъ одинъ при немъ былъ.

Частн. Задержать его! А покойникъ гдѣ?

Данило. (*Указавъ въ дверь*). Вотъ онъ, сударь. Извольте лежать покойно.

Частн. (*Заглянувъ безъ дальнаго вниманія*). Хорошо. Барль Карлычъ, извольте свидѣтельствовать.

Брокм. (*Пирожкову*). Любезный хозяинъ! Пойдемъ со мною, ты мнѣ поможешь.

Пирожк. (*Робня*). Помилуйте... не могу... Здѣсь будутъ отбирать показаніе.

Брокм. Ну, я и одинъ справлюсь.

Частн. Скорѣе оканчивайте.

Брокм. Ну да, да, понимаю. (*Уходитъ въ боковую дверь*).

Частн. (*Къ Данилу, приготовляясь писать*). Ну, любезный! Кто твой господинъ и кто ты самъ такой?

Данило. Баринъ мой, Василій Ивановичъ Шумовъ, отставной поручикъ, холостъ и не женатъ понывѣ; а я слуга его Данила, по крестному отцу, за неимѣніемъ роднаго, Васильевъ, сударь.

Частн. Зачѣмъ твой баринъ пріѣхалъ сюда и отчего здѣсь умеръ?

Д а н и л о. Онъ изволилъ пріѣхать сюда жениться на дочери помѣщика Житницкаго.

Ч а с т н. Знаю его. И что жъ?

Д а н и л о. Изволилъ все съ прежнею охотою одѣваться, да вдругъ и раздумалъ. Хочу, говорить, Данило, и здѣсь немного умереть. Вотъ какъ изволилъ захотѣть умереть, такъ и хозяину объявилъ, что вотъ, дескать, сейчасъ умереть.

П и р о ж к. Такъ точно, объявилъ мнѣ.

Д а н и л о. Вотъ я ему говорю: полноте проказить, сударь! До конхъ поръ выкидывать вамъ эти шутки? А онъ изволитъ говорить: ничего, позабавлюсь самъ и другихъ повеселю. Изволилъ прилечь, понюхалъ табаку, чихнулъ... Я не успѣлъ сказать: „желаю здравія, сударь!“ — гляжу, а онъ изволилъ ужъ скончаться.

Ч а с т н. Хороша басня, но худо сложена. Ты, видно, бывалый гусь! (*Пишетъ*). Ты сказала, что твой баринъ та-вѣя же проказы дѣлалъ и прежде. Что это значить?

Д а н и л о. Это значить, сударь, что онъ рѣдко въ котормъ городѣ не умиралъ. Вотъ мы проѣхали девять городовъ, а онъ... это ужъ въ седьмомъ изволилъ умереть.

Ч а с т н. Что ты вздоръ несешь?

Д а н и л о. Помилуйте, не вздоръ, сударь. Умиралъ и вездѣ былъ мною погребаемъ. Какъ мы его похоронимъ, я по назначенію его и выѣду, а онъ на дорогѣ—нырь опять въ коляску и пошелъ далѣе.

Ч а с т н. Можетъ ли это быть! Что ты путаешь?

Д а н и л о. Почему же, сударь, не быть? Что кому нравится. Иной любить поволочиться за дѣвущами; другой съ собаками гоняться; тотъ въ картишки поиграть. А мой баринъ—этихъ пустяковъ не любить. Ему бы все умереть. Ужъ такая страсть у него!

Ч а с т н. Это невѣроятно!

Б р о к м. (*За кулисами кричитъ*). Ай, ай, ай, ай, ай!..

Ч а с т н. (*Вскакивая*). Что тамъ такое? (*Пирожковъ тоже пучается*).

Д а н и л о. Ничего, сударь, не беспокойтеся. Вѣрно ба-
ришъ мой началъ проказить.

Ч а с т н. Какъ проказить?

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

*Тѣ же, Брокманъ, блѣдный, дрожащій, У него на голову
подушка, въ рукахъ инструменты.*

Брокм. (*Выбывая*). Ой, ой, ой, ой!

Вмѣстѣ { Ч а с т н. Что это вы, докторъ?
Пирожк. Что съ вами?

Брокм. (*Срывая съ головы подушку*). Ой, ой, ой, ой!
Я не могу придти въ себя!... (*Дрожитъ*). Удивительно и
непостижимо! (*Все оглядывается къ дверямъ*). Я пришелъ къ
нему... осмотрѣлъ, удостовѣрился, что онъ точно умеръ... я
былъ покоенъ. Я вскрываю черепъ.... выбираю все изъ го-
ловы, рассматриваю, какъ вдругъ мертвый... заговорилъ...

Вмѣстѣ { Пирожк. (*Дрожа*). Говорить?
Ч а с т н. Можетъ вамъ показалось... слы-
шалось?

Брокм. Какое показалось или слышалось! Онъ ясно
сказалъ: «не трудитесь болѣе свидѣтельствовать, я умеръ по
охотѣ». Именно это сказалъ.

Вмѣстѣ { Ч а с т н. Что же вы?
Пирожк. Умираю отъ страху!

Брокм. Разумѣется, вскрикнулъ... уронилъ все изъ
рукъ.... побѣжалъ за вами.... какъ онъ въ слѣдъ накрылъ
меня подушкою....

Ч а с т н. Это ужасно! невѣроятно!

Пирожк. (*Отъ страха не можетъ говорить*). Ме... ме...
ме... Охъ!

Брокм. Нужно тотчасъ изслѣдовать. Пойдемъ всѣ вмѣстѣ,
осмотримъ, разберемъ причину, доищемся...

Ч а с т н. Помилуйте, не могу!... Казусный случай; я
долженъ немедленно донести начальству... (*Уходитъ поспѣшно,
оставивъ бумаги на столѣ*).

Брокм. Таеъ вы, хозяинъ, со мною?

Пврожк. (*Съ большою трусостью*). Пожалѣйте меня!... При первой оказіи я тотчасъ умру... а у меня жена... пятеро дѣтей... бутылки не розлиты... жаркое въ печи... изъ дому придется бѣжать... (*Убѣгаетъ въ страхъ*).

Брокм. (*Данилъ*). Пойдемъ, любезный, со мною. Видишь, какіе они трусы.

Данило. Я приглядѣлся къ проказамъ моего барина. Семь разъ умиралъ и всегда былъ анатомленъ, и опять оживалъ.

Брокм. (*Дрожжа, спѣшитъ укладывать инструменты*). Это непостижимо! Жаль, что я не сдумѣю написать диссертацию и отправить въ журналы!... Впрочемъ, одному опасно оставаться...

ЯВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Выстровъ, голова у него завязана чернымъ платкомъ.

Быстр. (*Выступаетъ театрално и, подойдя къ Брокману, говоритъ ему гробовымъ голосомъ*). Благодарю васъ, любезный докторъ, что вы меня болѣе не беспокоили. Хотя меня ужъ семь разъ вскрывали, но я къ тому привыкъ... жаль только, что вы уронили мой черепъ и разбили его; но я кое какъ все увязалъ. Вотъ вамъ за визитъ. (*Даетъ ему въ руку кошелекъ, вынутый изъ шкатулки прежде*). Прощайте!

Брокм., *у котораго всѣ мускулы лица и всѣ члены дрожатъ сильно, не помни ничего, беретъ деньги, идетъ, не видя куда. Данило выводитъ его въ среднюю дверь.*

Быстр. Ну, надѣлалъ тревоги. Вложи пакетъ съ деньгами; скоро купецъ придетъ. (*Данило идетъ въ боковую дверь и потомъ возвращается*). Пора уйти отсюда и въ городъ вачать шалости. Пусть вся вина падаетъ на бѣднаго Владиміра. А вотъ и допросы здѣсь. Подпишу для ясности. (*Пишетъ и читаетъ*). Вѣрно, подписалъ умершій Владиміръ Шумовъ. А ты, мой Данило, какъ умѣешь, такъ и выпутывайся. (*Беретъ шляпу и хочетъ идти*). Это кто еще? Все мѣшajúтъ...

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Т ѣ ж е и Щ и п к и н ѣ .

Щипкинъ. Не нужна ли милости вашей моя услуга?

Быстр. (*Съ нетерпѣнїемъ*). Кто ты?

Щипк. Непремѣнный спутникъ доктора. Онъ начинаетъ, я оканчиваю; онъ кормить меня. Однимъ словомъ, я подрядчикъ на похороны. Увидя, что отсюда вышелъ докторъ, я и знаю, что или потребуется или уже нужна моя услуга.

Быстр. Подрядчикъ на похороны? Это новая промышленность. Снарядите же мнѣ похороны, отъ жены какъ бы старому мужу. Можно ли будетъ успѣть въ четыремъ часамъ?

Щипк. Хоть сейчасъ. Укажите покойника; нужно снять мѣрку для гроба. А гробы у меня прелесть какъ отдѣланы! Всегда завидуютъ живые.

Быстр. Чтобы скорѣе, сними съ меня мѣрку. (*Щипкинъ внимаетъ складной аршинъ и начинаетъ мѣрять Быстрова*). Пожалуйста осторожнѣе около головы; меня сейчасъ анатомили, раскрыли весь черепъ; я насилу собралъ и съ трудомъ сложилъ и увязалъ; такъ пожалуйста не разстрой головы. Что же ты отошелъ и смотришь на меня? Я покойникъ, я самъ требую пышныхъ похоронъ. Данило! расположи все по прежнимъ моимъ похоронамъ, а я усталъ и лягу.... (*Идетъ къ боковой двери*).

Данило. (*Беретъ изумленно Щипкина, подводитъ его къ столу и занимаетъ его*). Какъ я разсмотрѣлъ, такъ ваши похороны пустячныя. Мой баринъ семь разъ умиралъ и всегда былъ гораздо пышнѣ погребаемъ. (*Между тѣмъ Быстровъ тихо ушелъ въ среднюю дверь*).

Щипк. (*Видѣвшій Быстрова, отходящаго къ боковой двери, все вниманіе обращалъ на слова Данила, смущается*). Что вы мнѣ съ баринкомъ за нелѣпицу несете? Полно вамъ турусы на колесахъ подпускать. Когда нуженъ, укажите покойника, сниму мѣрку и примусь за дѣло.

Д а н и л о. (*Растворя боковую дверь*). Вотъ онъ уже и улегся. Теперь полежитъ нѣсколько времени спокойно,— поспѣшите снять мѣрку.

Щ и п к. (*Въ большомъ удивленіи*). Что я вижу. Это никакъ онъ?

Д а н и л о. Да ни кто же другой, какъ баринъ мой, вотъ что былъ здѣсь съ вами.

Щ и п к. Мер... мертвый?

Д а н и л о. Конечно. Снимите мѣрку и не опоздайте къ сроку.

Щ и п к. Странное дѣло! Жаль утратить работу, и боюсь приступить. Потрудись, братъ, смѣрить.

Д а н и л о. Что вы? Я толку не знаю въ этомъ. Но не бойтесь, онъ лежа не подвинется; иное дѣло, когда при-
встанетъ...

Щ и п к. (*Въ недоумѣніи*). Эхъ-эхъ-эхъ! Заработокъ знатный! Была не была! Войду и хотя глазомъ издали.... (*Уходитъ въ боковую дверь*).

Д а н и л о. Чѣмъ все это кончится? Не отвѣтить бы мнѣ больше всѣхъ!...

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Т ѣ ж е и П и р о ж к о в ѣ.

П и р о ж к. *еще за кулисами кричитъ и выбѣгаетъ въ среднюю дверь.*

Щ и п к. (*На шумъ Пирожкова выбѣгаетъ изъ боковой двери, крича*) Ай, батюшки!... ай батюшки!

П и р о ж к. (*Испугавшись Щепкина, бѣжитъ отъ него также, крича*). Вотъ онъ!... Вотъ онъ!

Щ и п к. (*Не понимая причины испуга Пирожкова, бѣжитъ къ нему. Тотъ уходитъ отъ него, и оба кричатъ*): Мертвецъ! мертвецъ! Ой, пропали мы! Помогите!...

Щ и п к. (*Прежде осматривается, успокоивается; но едва можетъ говорить*): Но гдѣ же мертвецъ? Его здѣсь нѣтъ. Онъ тамъ гнался за мной.

Пирожк. Ну, не прогнѣвайся; а я счелъ васъ за мертвеца и ревѣлъ изо всей силы. Такъ онъ оттуда точно гвался за вами? Что вы тамъ дѣлали съ нимъ?

Щипк. (*Все оглядываясь*). Здѣсь неслыханныя чудеса! Меня призвали сюда устроить похороны. Самъ баринъ договаривается со мной и говоритъ: «снимай съ меня мѣрку, меня похорони». Я за аршинъ, начинаю мѣрять; а онъ давай проказничать: то выростетъ подъ потолокъ, то съѣжится вотъ въ такого карла. (*Указываетъ почти на землю*). Наконецъ мнѣ надоѣли эти шалости, и я сказалъ: нѣтъ, баринъ, когда хочешь быть похороненнымъ, такъ ложись на столъ, по правиламъ; тутъ и смѣряю тебя.

Пирожк. (*Дрожа и все оглядываясь*). Люблю за порядокъ. Это и я сказалъ бы ему. Что же далѣе?

Щипк. Онъ говоритъ: лечь, такъ лечь, — и пошелъ туда, а я за нимъ.

Пирожк. За нимъ?

Щипк. За нимъ. Что мнѣ мертвые? Я къ нимъ приглядѣлся и со всѣми за панибрата. (*Въ это время Данило, въ началъ сцены уходитъ въ боковую дверь, выходитъ изъ нея; Щипкинъ пугается и кричитъ*). Ай, ай, ай, ай! (*Бѣжитъ въ уголъ; Пирожковъ также пугается и прячется за него, крича*).

Данило. Помилуйте, чего вы боитесь? Онъ лежитъ спокойно.

Пирожк. Да; того и смотри, что новую пакость выкинетъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Частный, четыре полицейскихъ солдата.

Частн. Послѣдовало распоряженіе отъ начальства. Пока изслѣдуется со всею точностью все происшедшее здѣсь, приказано дверь къ покойнику запереть, запечатать и не впускать никого. Хозяинъ! запри дверь и завяжи, вотъ веревка; а я приложу печать.

Пирожк. (*Труся*). Помилуйте, смѣю ли я?...

Ч А С Т Н. Но ты хозяинъ у себя въ домѣ.

Щ и п к. Эхъ, горе богатыри! Видно придется мнѣ, какъ свыкшемуся съ мертвецами, сдѣлать, что надо. Запереть дверь, что ли?

Ч А С Т Н. Да, да, запереть, и вотъ веревка—завязать потужѣ. (*Щипкинъ, засучивая рукава, идетъ къ двери робко*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Безмѣновъ. При входѣ его, Щипкинъ пугается и отскакиваетъ отъ дверей, равно и всѣ пугаются.

Безмѣн. Деньги мои, помилуйте! мои деньги!

Ч А С Т Н. Какія деньги?

Безмѣн. Пять тысячъ рублѣвъ. Самъ покойникъ сказалъ мнѣ: «возьми, дескать, у меня изъ рукъ у мертваго».

В с ъ. (*Съ удивленіемъ*). Покойникъ сказалъ?!

Д а н и л о. Точно такъ. Мой баринъ позабылъ было ихъ дома и сбѣгалъ за ними...

Безмѣн. Сбѣгалъ? Двѣсти верстъ отселева!

Д а н и л о. Это для него бездѣлица. Возвратясь, разсудилъ на часъ умереть и умеръ. А пакетъ съ деньгами, вотъ онъ у него въ рукахъ, извольте получить.

Безмѣн. Ты, братъ, слуга его. Возьми и вынеси.

Д а н и л о. Безъ барскаго приказу не смѣю; развѣ съ половины.

Безмѣн. Э, ни, ни! (*Вздыхнувъ*). Такъ видно самому пускаться въ бѣду? О деньги! чего для васъ человѣкъ не предприметъ? Жена, дѣти! примите мое заглазное прощаніе! (*Входитъ въ боковую дверь. Всѣ съ ужасомъ смотрятъ. Безмѣновъ выходитъ оттуда блѣдный, шатающийся, съ пакетомъ въ рукахъ*).

Ч А С Т Н. Благополучно получилъ? Не случилось ли чего?

Безмѣн. Охъ, охъ! Ничего... только проговорилъ: «спасибо, что повѣрилъ...»

Частн. Слышите? Будьте же свидѣтелями, что мертвый говорилъ. Ну, теперь въ дверямъ. (*Подступаютъ солдаты; Частный, Пирожковъ и другіе пятаются; опять подступаютъ, схватываютъ дверь и притворяютъ ее, запутывая веревками. Занавѣсъ закрывается.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Житницкаго.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Житницкій. (*Одинъ выходитъ съ письмомъ въ рукахъ.* Что это за галиматья? Не возьму никакъ въ толкъ... (*Читаетъ письмо*). „Почтенный будущій тесть! Извините, имени и отчества не имѣю чести знать. — Въ прошедшую ночь, по волѣ моего батюшки и по вашему желанію, я пріѣхалъ сюда, чтобы жениться на любезнѣйшей вашей дечери и, конечно, поспѣшилъ бы явиться къ вамъ для исполненія общаго нашего желанія; но мнѣ встрѣтилась надобность умереть, что я исполнилъ уже, и теперь располагаю моимъ погребеніемъ, которое, къ рѣчи сказать, будетъ великолѣпно. Когда придетъ до васъ вѣсть о плачевной кончинѣ моей, — сдѣлайте милость, не отдавайте ни за кого вашей любезной дочери, не повидавшись со мною. Когда меня погребутъ, я поспѣшу явиться къ вамъ и кончить начатое нами дѣло. Вашъ будущій зять, Владиміръ Шумовъ. Сегодня. Трактиръ Пирожкова“. Все не понимаю ничего: или онъ писалъ въ пьяномъ видѣ, или сумасшедшій какой-то... Гей! коляску скорѣй. Поѣду самъ въ трактиръ. Увижу, что тамъ происходитъ. Не сказавшись ему, постараюсь разобрать, что онъ за человѣкъ. Если что не такъ, такъ я и дома не скажусь, пусть себѣ улепетываетъ во-свояси. Если же это молодой шалуны и проказить, такъ намъ такого подавай. Въ шалостяхъ мы и тебя перемудримъ. Я съ своей стороны замистифирую тебя. Но прежде испытаю...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Житницкій, Варинька и Грушинька.

ВАРИНЬКА. Папенька, вы ѣдете?

ГРУШИНЬКА. Вы получили письмо?

ЖИТН. (*Отвѣчая обнимъ*). Ёду. Получилъ.

ВАРИН. Куда?

ГРУШИН. Отъ кого?

ЖИТН. (*Также*). Не скажу. Не знаю.

ВАРИН. и ГРУШИН. Сдѣлайте милость, скажите....

ЖИТН. Ничего не могу объяснить болѣе, какъ только скажу, что по возвращеніи моемъ, ты, Варинька, перестанешь страдать головою болью... .

ГРУШИН. А! вы ѣдете отказать Брокману. Отгадала?

ЖИТН. (*Улыбаясь*). Почти. Я привезу съ собой такого доктора, который вылечитъ тебя отъ всѣхъ болѣзней...

ВАРИН. Понимаю... (*Дѣлается грустно*).

ГРУШИН. И я догадываюсь. А письмо не отъ моего ли батюшки? Что пишетъ? Скоро ли будетъ или не пріѣхалъ ли уже и вы спѣшите къ нему?

ЖИТН. (*Дочери*). Ничего вѣтъ вѣрнаго еще, и ты не предавайся преждевременно радости. И письмо (*къ Грушинькѣ*) не отъ твоего отца. А что онъ будетъ, такъ это вѣрно, и пріѣдетъ прямо къ намъ.

ГРУШИН. Видите ли, какіе вы недобрые! Отчего не сказать, отъ кого письмо получили и куда вы ѣдете, противъ обыкновенія, безъ насъ?

ЖИТН. (*Взявъ обѣихъ за руки, съ важностью*). Ахъ, друзья мои! Открывъ вамъ то, что я знаю, боюсь навлечь на большое несчастье. .

ВАРИН. и ГРУШИН. (*Съ безпокойствомъ*). Какое несчастье? Что намъ угрожаетъ?

ЖИТН. (*Также*). Если я вамъ объявлю мой секретъ, то вы будете знать больше, чѣмъ до сего часа; а узнавши больше, скоро состарѣетесь, — а это для дѣвушекъ большая бѣда. (*Смѣется*).

Грушин. Вотъ что! не стоило такихъ предувѣдомленій. Эта бѣда поминутно за нами. И уже теперь мы стали старѣе, чѣмъ мы были поутру.

Житн. Потому-то я и уѣзжаю, чтобы хотя дочь мою поскорѣе назвать молодою. Но, Варинька, будь покойна; я и самъ не знаю еще ничего. До свиданія! (*Уходитъ*).

Варин. Бѣда моя! Изъ всего видно, что Шумовъ пріѣхалъ, извѣстилъ папеньку, и онъ поспѣшилъ къ нему.

Грушин. Твой Шумовъ уже не нравится мнѣ. Что за смыслъ показаться прежде отцу? Онъ долженъ былъ прежде всего показаться тебѣ и ждать твоего приговора.

Варин. Ахъ, Грушинька, ты и теперь шутишь. Что мнѣ дѣлать? Роковая минута приближается... Папенька такъ предубѣжденъ въ пользу Шумова и полагаетъ, что никто не можетъ быть интереснѣе его. Даже смущеніе мое онъ приписываетъ радости. Что Шумовъ пріѣхалъ... Мнѣ странно, что Плитовъ не идетъ къ намъ. Онъ обѣщалъ тотчасъ узнать о пріѣздѣ его и объясниться съ нимъ.

Грушин. А не онъ ли это идетъ?—Нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тъ же и Быстровъ входитъ въ шляпъ. Голова его также вся связана платкомъ. Увидѣвъ дѣвицъ, остается въ недоумѣніи. Говоритъ самъ съ собою.

Быстр. Вмѣсто одной—двѣ... и обѣ прехорошенькія? Прошу угадать, къ которой адресоваться? Судьба! случай! помоги мнѣ...

Варин. (*При входѣ его спѣшитъ въ сторону и Грушеньку увлекла*). Ma chère! Кто это?...

Грушин. (*Прячется за нею*). Какой-то чудакъ...

Варин. (*Также прячется за нею*). Спроси его пожалуйста....

Грушин. (*Также*). Ты хозяйка въ домѣ...

Варин. (*Также*). Пожалѣй меня! я едва стою... или уйдемъ...

Грушин. Ни на что не похоже. Такъ и быть. Соберусь съ духомъ... Вы... Что вамъ здѣсь угодно?

Быстр. (*Въ сторону*). А! это хозяйка. (*Грушенинкъ*). Мнѣ здѣсь нужны любовь, счастье и спокойствіе.

Грушин. Но кто вы?

Быстр. Я? Вошелъ сюда бѣдвѣйшимъ; но отъ васъ зависить обогатить меня.

Варин. (*Съ испугомъ, тихо Грушенинкъ*). Ма сѣге, это — Шумовъ!

Грушин. (*Тихо ей*). Такъ что же? видишь ли, какъ онъ хорошъ? (*Быстрову*). Вы, конечно, мосье Шумовъ?

Быстр. Скажите чистосердечно: не убью ли я васъ, подтвердивъ вашу догадку?

Грушин. Отчего же? Напротивъ...

Быстр. О! такъ вы не Варинька! И какъ перемѣнились обстоятельства чрезъ это объясненіе!... Правду сказать, много помогло, что вы такъ интересны. Не будьте вы такъ восхитительны, — здѣсь произошла бы трагедія...

Варин. (*Тихо Грушину*). Ма сѣге, это сумашедшій.

Грушин. (*Ей тихо*). Но онъ любезенъ. Позабавимся имъ. (*Быстрову*). Объясните намъ, что вы хотите сказать?

Быстр. Все устроилось хорошо отъ того, что вы не уступаете въ красотѣ прелестной Варинькѣ, иначе... вы нѣсколькими днями позже вышли бы замужъ. Прелести ваши все уладили.

Грушин. Вы очень вѣжливы!

Быстр. А, это намекъ, что я не отдалъ вамъ должнаго почтенія и не снялъ шляпы. Но вотъ изволите видѣть: я боялся вѣжливостью моею навлечь вамъ непріятность. И сегодня умеръ, и докторъ вашъ такъ не мастерски вскрылъ мнѣ черепъ, что онъ въ дребезги рассыпался, и я съ трудомъ все увязалъ; такъ, боясь растерять мою голову, я хотѣлъ было не снимать шляпы; но при васъ... постараюсь осторожнѣе снять ее. (*Снимаетъ осторожно шляпу*).

Варин. (*Почти вслухъ*). Сумашедшій!

Грушин. Это и видно, что вы страдаете головою.

БЫСТР. Если бы только головою! Но вообразите, что у меня встрепенулось еще и сердце! Ахъ, какъ оно бушуетъ! Я не могу рѣшиться...

ВАРИН. Жалкій молодой человекъ!

БЫСТР. Ахъ, Варинька! Не допускайте въ себѣ другаго чувства ко мнѣ, кромѣ жалости. Иначе явится третій, который будетъ несчастенъ отъ нашего счастья!...

ГРУШИН. А! вы мосье Шумовъ?

БЫСТР. (*Нѣжно*). Вы однѣ можете сдѣлать изъ меня то, чѣмъ теперь Шумовъ. Но пусть я буду для васъ тотъ, кто для Вариньки другой, а не Шумовъ.

ВАРИН. Ахъ, Боже мой!

ГРУШИН. Непостижимо! Но вотъ кстати пріѣхалъ докторъ, онъ васъ осмотритъ.

БЫСТР. Докторъ? Избавьте меня отъ него, онъ уже испортилъ мою голову, испортитъ и все. Я долженъ скрыться. (*Идетъ въ боковую дверь*).

ГРУШИН. Не туда. Это кабинетъ. Вотъ дверь, сюда пожалуйте.

БЫСТР. Напротивъ, мнѣ здѣсь будетъ покойнѣе. Но ни слова обо мнѣ доктору. Онъ самъ все расскажетъ. (*Идетъ къ двери на лѣво*).

ГРУШИН. Что это за чудакъ?

ВАРИН. Никто больше, какъ Шумовъ.

ГРУШИН. И какъ жаль, что такъ помѣшанъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Брокманъ.

БРОКМ. Наконецъ я могу успокоить васъ своимъ пріѣздомъ. Чуть-чуть остался въ живыхъ.

ГРУШИН. Какъ жаль! Конечно, вы принялись сами себя лечить?

БРОКМ. Это-то меня и спасло.

ГРУШИН. Вотъ неслыханное диво!

Брокм. Подлинно неслыханное! Но позвольте: прежде нежели я васъ изумлю своимъ рассказомъ, пожалуйста мнѣ вашъ пульсъ. (*Варинька протягиваетъ руку; онъ съ важностью наблюдаетъ пульсъ*). О! все хорошо. Пульсъ чрезвычайно покоенъ.

Грушин. Она не принимала вашей микстуры, и оттого ей легче. Но странно, когда вы находите пульсъ ея въ порядкѣ, она въ большомъ безпокойствѣ...

Брокм. То ли случается въ физическомъ мірѣ? Я вамъ расскажу сейчасъ самое необыкновенное, только что случившееся со мною событіе.

Грушин. Ужъ не вылечили ли вы кого изъ больныхъ?

Брокм. Нѣтъ, съ этимъ упрямымъ народомъ ничего не сдѣлаешь. Еще чудеснѣе произошло. Умершій, анатомированный, ожилъ и живъ.

Грушин. Ежели вы его анатомировали по той же методѣ, какъ лечите больныхъ, то есть, напротивъ порядка, такъ и удивительнаго ничего нѣтъ.

Брокм. О какія вы! Говорятъ вамъ, что я анатомировалъ, какъ должно, а голову отлично: однимъ словомъ, вычистилъ ее, какъ тыеву, — а послѣ этого мой пациентъ заговорилъ со мною, проводилъ меня и заплатилъ за визитъ.

Грушин. Далѣе, далѣе. Это очень интересно. Разрѣшите наше недоумѣніе.

Варин. Вы рассказываете невѣроятное...

Брокм. Какъ невѣроятное, когда есть доказательства? Вотъ кошелекъ съ деньгами, которыя онъ мнѣ подарилъ. (*Вынимаетъ кошелекъ, данный Быстровымъ*).

Варин. (*Вскрикиваетъ*). Ахъ, что это? Мой кошелекъ!...

Брокм. Вашъ кошелекъ? Какъ же онъ зашелъ въ трактиръ къ пріѣзжему?

Варин. (*Грушинькѣ*). Вообрази, та сhère! Когда папенька далъ за меня слово Шумову, то потребовалъ, чтобы я послала что нибудь нареченному жениху, Я послала своей работы этотъ кошелекъ, и онъ вѣжливо писалъ ко мнѣ и благодарилъ.

*

Грушин. Непостижимо! Скажите намъ, мосье Брокманъ, долго ли вы лечили этого больного и когда онъ пріѣхалъ сюда?

Брокм. Я его не лечилъ вовсе. Онъ пріѣхалъ ночью и остановился въ трактирѣ у Пирожкова. Полагаю, что онъ слышалъ обо мнѣ и изъ-за двѣсти верстъ пріѣхалъ посовѣтоваться со мною на счетъ своей болѣзни; но, не дождавшись разсвѣта, умеръ. Отъ начальства приказано мнѣ свидѣтельствовать, и я...

Грушин. Не знаете ли, кто онъ?

Брокм. Какъ не знать! Я подписалъ листъ, что онъ умеръ отъ неизвѣстной причины. Вотъ у меня записано въ памятной книжкѣ. (*Вынимаетъ записку*). Владиміръ Ивановъ сынъ Шумовъ...

Вмѣстѣ: { Варии. Ахъ, Боже мой!
Грушин. Шумовъ?

Брокм. Онъ самъ.

Грушин. Такъ онъ точно умеръ?

Брокм. Не только умеръ, но и анатомированъ мною по всѣмъ правиламъ...

Грушин. (*Размышляя*). А товарищъ его... гдѣ?

Брокм. Какой товарищъ? И бумаги у него на одно лице. Съ нимъ только слуга, старикъ.

Грушин. (*Также*). Старикъ... непостижимо! Но какъ же онъ послѣ вашего ножа всталъ, говорилъ и былъ такъ простъ, что далъ вамъ денегъ?

Брокм. Это не показываетъ его простоты. А что всталъ и говорилъ, такъ это вѣрно. Но это уже послѣдняя продѣлка его. Я его доанатомилъ такъ...

Варии. Что онъ уже не встанетъ, думаете вы?

Брокм. Я увѣренъ.

Грушин. А еслибъ онъ не побоялся вашей анатоміи и сталъ ходить свободно вездѣ?

Брокм. Нѣтъ, это невозможно... На что же я и мое знаніе?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тъ же и Выстровъ.

БЫСТР. (*Вдругъ выйдя изъ кабинета и ударивъ Брокмана по плечу*). И вы и ваше знаніе безсильны противъ меня. Хотя еще десять разъ зарѣжьте меня, я все буду таковъ же.

БРОКМ. (*Отъ испуга пятится назадъ и не можетъ ничего выговорить болше*). Видите, видите? Это онъ!

ВАРИН. Неужели это тотъ самый, которому...

БЫСТР. Которому онъ отъ неумѣстной трусости разбилъ черепъ въ куски, уронивъ его. Это я.

ВАРИН. (*Грушенькѣ*). Ма снѣге. Я едва дышу отъ страха!... Уйдемъ, прошу тебя...

ГРУШИН. И, что за вздоръ! Мертвецъ-то очень интересенъ, не хочется оставить его. Кто бы это былъ?

ВАРИН. Шумовъ, никто другой, и докторъ тоже говорить. Я съ ума схожу!

ГРУШИН. (*Въ сторону*). И я тоже... только отъ другой причины.

БЫСТР. Что же господинъ докторъ? Придумали ли вы средство совладать со мною, чтобы я умеръ уже навсегда?

ГРУШИН. Тутъ долго думать нечего. У него средство въ его леченіи.

БРОКМ. (*Быстрову*). Если позволите, я тоже осматрю вашу голову и узнаю...

ГРУШИН. Да она пуста. Вы сказали, что она пуста какъ тыква. Притомъ же здѣсь не анатомическій театръ...

БРОКМ. Конечно, конечно, правда. Я подамъ бумагу, что вы, вопреки всѣхъ законовъ медицины, бывъ мертвы, ходите и говорите. До свиданія! (*Уходитъ*).

ГРУШИН. Бѣда вамъ предстоитъ, господинъ мертвецъ! Я совѣтывала бы...

БЫСТР. Лучше прикажите.

ГРУШИН. Не могу повелѣвать мертвыми.

БЫСТР. Не угодно ли я сейчас умру? И въ вашей волѣ будетъ, ожить ли мнѣ, или навсегда остаться мертвымъ.

Грушин. (*Взянувъ въ окно*). Вотъ явился человекъ, который вѣсколько поможетъ намъ разгадать...

БЫСТР. (*Также*). А! это тотъ, съ которымъ я говорилъ уже. Не угодно ли вамъ со мною сюда въ кабинетъ? Оставимъ Вариньку съ нимъ; имъ нужно кое о чемъ переговорить.

Грушин. Благодарю за приглашеніе.... Мнѣ также нужно отъ него узнать кое-что... Куда же вы? Не мѣшало бы вамъ остаться...

БЫСТР. Не могу. Увидѣвшись, я долженъ съ нимъ стрѣлаться... Такъ у насъ положено. (*Уходитъ въ кабинетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Плитовъ.

Грушин. По лицу вашему вижу, что вы скажете намъ что нибудь необыкновенное.

Варин. Говори, Поль, все прямо и не скрывай ничего. Разсѣй нашъ страхъ и недоумѣніе. Ты видѣлся съ нимъ и точно ли это онъ?

Плит. Я видѣлся съ самымъ настоящимъ Шумовымъ, говорилъ съ нимъ. Онъ показался мнѣ помѣшаннымъ: говорилъ много вздору, не соглашался на мое предложеніе, обѣщался умереть и послѣ погребенія быть здѣсь въ четыре часа и кончить со мною.

Грушин. Сдержалъ ли онъ слово, какъ слѣдуетъ честному человеку?

Плит. Удивительное дѣло! Очень скоро послѣ свиданія съ нимъ, слышу—Шумовъ умеръ, безъ всякаго насилія. Бѣгу къ нему, вижу его мертвымъ...

Грушин. И вы точно увѣрены, что онъ въ то время былъ мертвъ?

Плит. Какъ нельзя больше, потому что голова у него была вскрыта и черепъ въ кускахъ лежалъ въ сторонѣ. Это я такъ знаю, какъ то, что я—я.

Варин. Удивительно!

Грушин. Что жъ потомъ?

Плит. Еще необыкновеннѣе! Вдругъ рассказываютъ, что мертвецъ встаетъ по произволу, ходитъ по дому, доктору далъ деньги за вскрытiе его, хозяйскую дочь цѣловалъ и та лежитъ въ горячкѣ, въ чепчикъ хозяйки вылилъ зеленый соусъ, въ бутылки съ виномъ намѣшалъ горчицы—это мнѣ говорилъ самъ хозяинъ,—и когда хотѣли запереть его комнату, онъ вскочилъ со стола, всѣхъ разогналъ, вылетѣлъ въ окно, надѣлалъ по сосѣдству много шалостей въ домахъ и, наконецъ, незамѣтно воротился и улегся по прежнему.

Грушин. Какія недѣпости! Можно ли всему этому вѣрить?

Варин. Какъ не вѣрить, когда...

Грушин. Пожалуста, помолчите пока. Хорошо. Но я желала бы знать: въ то время какъ онъ проказилъ внѣ своего смертнаго одра, дѣйствительно ли это былъ онъ и не оставилъ ли кого на своемъ мѣстѣ?

Плит. Не подвержено никакому сомнѣнiю. Самъ хозяинъ всѣхъ насъ собравшихся увѣрялъ, что онъ въ глазахъ его вставалъ, собиралъ свой черепъ, увязывалъ его и отправлялся на шалости. Одинъ разъ, въ отсутствiе его, хозяинъ совсѣмъ было замкнулъ комнату, съ тѣмъ, чтобъ не пускать его; но онъ мигомъ точно пролетѣлъ, тронулъ замокъ и онъ распался въ дребезги, вошелъ въ комнату и легъ преспокойно. При мнѣ заперли двери, запечатали, онъ лежалъ покойно и кажется, нельзя уже ему выйти отсюда.

Грушин. Смотрите. Хорошо ли его заперли?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и Выстровъ, выходитъ изъ кабинета.

Быстр. Какъ бы ни заперли, а я имѣю возможность вездѣ пройти.

Плит. Это онъ!

Грушин. Скажите, точно ли это онъ?

Плит. Точно онъ, съ которымъ я говорилъ, котораго потомъ нашелъ мертвымъ и по бумагамъ видѣлъ, что это господинъ Шумовъ...

Быстр. Итакъ, прелестная Варинька, когда вы увѣрились, что я Шумовъ, — что вы скажете о моемъ правѣ на васъ?

Грушин. Кажется, смерть разрушаетъ всѣ условія.

Быстр. Прошу подождать. Съ вами объясняться буду послѣ. Варинька васъ прошу — рѣшите насъ съ г. Плитовымъ, или не предоставите ли намъ кончить все между собою?

Грушин. Мертвые великодушнѣе живыхъ.

Быстр. (*Лукаво*). Не дальеъ случай испытать и ваше великодушіе.

Плит. Какое бы вы существо вы были, вы должны сжалиться надъ состояніемъ Варвары Дмитріевны. Видите ли, какъ она страдаетъ?

Грушин. Чего вы хотите отъ него? Это вампиръ. Онъ расположился до капли высосать ея кровь.

Быстр. (*Лукаво*). Увижу еще, сколько и у васъ жадности. Но пора кончить все однимъ словомъ. Я пріѣхалъ въ этотъ городъ жениться. Кто моя невѣста? Молчите? По условію, Варинька моя невѣста; но она такъ жалко поглядываетъ на г. Плитова, онъ на нее, и они оба вмѣстѣ такъ умильно смотрятъ на меня, что я какъ будто долженъ сжалиться! Но, чертъ возьми! мнѣ надо же на комъ нибудь жениться! При этомъ восклицаніи, для большаго эффекта, я долженъ бы ударить себя въ голову, но я остерегаюсь, иначе она въ дребезги разсыплется...

Грушин. Къ чему же испорченное портить!...

Быстр. Ваши рѣчи всѣ впереди. Съ вами послѣ. Я сказалъ, я долженъ жениться, и женюсь. Я въ словѣ твердъ.

Грушин. Вы и доказали. Сказали, что умрете и умерли.

Варин. (*Удерживая Грушеньку*). Охота тебѣ связываться съ этимъ непостижимымъ!

Грушин. О! Я его очень постигаю. (*Быстрову*). Также выйдетъ и съ женитьбою вашею.

Быстр. (*Съ жаромъ*). Наконецъ вы меня раздражили. Сударыня! здѣсь васъ двѣ. Одна, видите, какъ прильнула къ

своему вѣрному; она уже несвободна. Но вы, вы свободны. Вашу руку, сударыня!

Грушин. Помилуйте! Я еще хочу жить на свѣтѣ.

Быстр. (*Нужно*). И неужели не хотите оживить меня вашимъ словомъ?

Плит. (*Подступая къ нему*). Я теряю терпѣніе. Если еще однимъ словомъ вы обезпोकите дѣвицу, то я не посмотрю, что вы мертвецъ...

Быстр. (*Взянувъ въ окно*). Пожалуста погодите. Вотъ еще человѣкъ, который вамъ что нибудь скажетъ. (*Убѣгаетъ въ уголъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Безмѣновъ.

Безмѣн. Дома ли, сударыня, имѣю честь застать Дмитрія Павловича, вашего, сударыня Варвара Дмитріевна, батюшку и родителя?

Варин. Извините, папеньки нѣтъ дома.

Безмѣн. Не за что, сударыня Варвара Дмитріевна, имѣть претензіи. Мы сами бываемъ принуждены оставлять домъ и жилище по надобностямъ. Я могъ бы имѣть честь въ другой разъ пріѣхать, но по нашей аккуратности не могу этого сдѣлать. Слово дано, какъ скоро получу деньги, внести ихъ батюшкѣ вашему и родителю. Сей моментъ, почитай, принялъ ихъ изъ рукъ Шумова... о-охъ!

Грушин. Изъ рукъ Шумова, говорите вы? Вы его видѣли, говорили съ нимъ?

Безмѣн. Говорилъ, сударыня, съ мертвецомъ; говорилъ, условился и денежные счета съ нимъ имѣлъ.

Грушин. Но вамъ лишь бы деньги получить, а живъ ли или мертвъ плательщикъ, для васъ ничего.

Безмѣн. Вѣстимо, сударыня; такова моя комплекція...

Грушин. Да точно ли вы были увѣрены, что онъ мертвъ?

Безмѣн. Я говорилъ съ нимъ на грѣхъ моей душѣ... Онъ при мнѣ исчезъ... Мигомъ явился, говоритъ, былъ дома, — и доставилъ мнѣ должныя деньги... Вдругъ голова у него

свалилась и въ дребезги рассыпалась при мнѣ, какъ хрустальная... Онъ легъ бездыханный на столъ, — я оттуда, а онъ, сударикъ, и пустился пробазничать. По всему городу шалостей надѣлалъ: гдѣ окна разобьетъ, гдѣ крышу сорветъ... И всѣ видятъ его, какъ летаетъ: аки птица небесная, и вотъ...

Быстр. (*Ударяетъ его по плечу*). И вотъ явился здѣсь...

Безмѣн. (*Кричитъ въ страхъ*). Нечистая сила здѣсь! (*Грозно*). Вонъ отсюда!...

Быстр. Нѣтъ уже, братъ, не прогнѣвайся, не изыду. Видишь ли ты эту пару (*Указывая на Грушинку*) прелестныхъ глазокъ? Ну, скажи по совѣсти: можно ли отъ нихъ изойти? Развѣ съ ума сойти? Такъ это дѣло десятое.

Безмѣн. (*Съ большимъ жаромъ*). Оставь свои глумленія, въ прахъ рассыпся. Не рассыпаешься? Вонъ отсюда!

Быстр. А я лихъ — не слушаю, не боюсь и не уйду.

Безмѣн. (*Все горячась*). Ты не уйдешь? не уйдешь? (*Равнодушно*). Ну, такъ я самъ уйду, чтобъ не попасть съ тобою во тьму кромѣшную. Сударыня Варвара Дмитріевна! благоволите имѣть честь принять отъ меня деньги...

Варин. Извините меня, я не могу этого сдѣлать безъ папеньки; я ничего не знаю.

Безмѣн. (*Въ безпокойствѣ*). Бѣда моя, да и полно. Сдѣлайте милость, возьмите! Умоляю васъ, примите... Избавьте меня отъ злаго навожденія... Чувствую, что они жгутъ мнѣ руки адскимъ пламенемъ...

Грушин. Зачѣмъ же насъ хотите имъ сжечь? Да вотъ встали и Дмитрій Павловичъ пріѣхалъ...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Житниціи; когда всѣ бросаются къ нему при входѣ, Выстровъ уходитъ въ кабинетъ.

Варин. Вотъ и папашка.

Варин. Скорѣе объясните намъ все. Мы въ такомъ недоумѣніи...

Безмѣн. Вотъ деньги имѣю честь...

Житн. (*Не обращая вниманія на Безмѣнова*). Стало, вамъ извѣстно все...

Варин. Скажите, кто умеръ?

Житн. Шумовъ твой.

Грушин. Кто же это проказничаетъ?

Житн. Шумовъ.

Безмѣн. (*Заходя съ другой стороны къ Житническому*). Вотъ и деньги.

Варин. Онъ сейчасъ былъ здѣсь.

Плит. Но куда же онъ дѣвался?

Безмѣн. Превратяся въ чернаго врана, мимо меня вылетѣлъ въ окно... Вотъ и деньги...

Грушин. Пустое! Я знаю, гдѣ онъ. (*Подойдя къ дверямъ кабинета*). Господинъ мертвецъ! выходите къ намъ по доброй волѣ, не то... за ухо выведу.

Житн. Грушинька!

Быстр. (*Выходитъ печально*). Я этого боюсь. Неосторожно потянете, и голова моя разсыплется...

Житн. (*Смотритъ на него съ большимъ удивленіемъ*). Возможно ли? Это опять онъ?

Быстр. Позвольте здѣсь всѣмъ вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе. Въ квартирѣ моей я не могъ этого сдѣлать. Тамъ я связанъ этикетомъ, долженъ былъ лежать; но успѣшилъ явиться къ вамъ, рекомендоваться и просить объ исполненіи обѣщанія.

Грушин. Къ чему же такъ успѣшно приступать къ дѣлу? Сперва бы познакомиться...

Житн. (*Съ упрекомъ ей*). Грушинька!

Быстр. Если Грушинькѣ не угодно, то я могу и вовсе оставить все дѣло. Господинъ Плитовъ выкупить меня изъ неустойки, но тогда... Ахъ, извините!... Четыре часа. Я просилъ къ себѣ на выносъ. Надобно явиться на мѣсто. Какъ это скучно!... Но я скоро явлюсь къ вамъ. Я свое дѣло только что начинаю... Не угодно ли и вамъ оказать послѣдній долгъ умершему, пожаловать ко мнѣ на выносъ... а вечеромъ сюда же на сговоръ... Такъ ли, Грушинька?... До пріятнаго свиданія! (*Скоро уходитъ; всѣ стоятъ въ изумленіи*).

Безмѣн. Окаянный! Въ глазахъ исчезъ!

Житн. (*Доло смотрѣвшій на всѣхъ*). Растолкните мнѣ, что это такое?

Безмѣн. (*Все заходившій около Житницкаго*). Должны мною деньги.

Барин. Папинька! Вы видѣли Шумова мертвымъ?

Житн. Видѣлъ, стоялъ близь него, выслушивалъ показанія доктора, хозяина, Щипкина, и почти все это пустяки; поѣхалъ домой, какъ тутъ...

Безмѣн. Должны вамъ деньги...

Барин. Судите же о нашемъ страхѣ, когда онъ явился къ вамъ; а тутъ и Брокманъ подтвердилъ при немъ, что онъ его анатомилъ. Какъ я не умерла?

Житн. Я васъ засталъ полумертвыхъ отъ страха.

Грушин. Кромѣ меня, Дмитрій Павлычъ, кромѣ меня.

Житн. Да. Отчего это? Ужъ не въ интригѣ ли и ты съ нимъ? Онъ же что-то намекалъ о сговорѣ...

Грушин. Я незнакома ни съ однимъ мертвецомъ. А сговоръ почему не можетъ быть? Вѣдь Шумовъ дѣйствительно умеръ же?

Плит. (*Подойдя къ Житницкому*). Если Шумовъ дѣйствительно умеръ, то я осмѣливаюсь...

Безмѣн. (*Заходя съ другой стороны*). Позвольте мнѣ осмѣлиться прежде васъ. Я уже давно...

Житн. Ахъ, любезный Сергѣй Сидорычъ, я и не замѣтилъ тебя въ этой суматохѣ. Ну, чего ты тутъ хочешь?

Безмѣн. Принесъ, батюшка Дмитрій Павловичъ, должокъ свой. Сдѣлайте милость, возьмите съ меня тяжкій грѣхъ. Деньги эти жгутъ меня геенскимъ пламенемъ.

Житн. И подождать бы — я тебѣ вѣрю.

Безмѣн. Не могу, батюшка Дмитрій Павловичъ! Деньги привалъ я изъ рукъ мертвеца...

Житн. Какъ? такъ и ты?...

Безмѣн. И я имъ имѣлъ честь оскверниться, подобно, какъ и вы и всѣ прочіе...

Житн. Но мнѣ какая нужда, отъ кого бы деньги ни пришли, — лишь бы годныя. Всѣ ли сполна?

Безмѣн. Всѣ до единой копѣйки. Хотя съ большимъ содроганіемъ, но успѣлъ счесть. Теперь прошу о роспискѣ и возвратѣ векселя...

Плит. Я просилъ бы васъ благосклонно выслушать меня и рѣшить счастье мое.... Надѣюсь, что вы, Варвара Дмитриевна...

Житн. Повѣрьте, голова кругомъ идетъ отъ всей этой суматохи! Ничего не могу сообразить. Что-то чудное намекнулъ мнѣ и этотъ мертвецъ, привидѣніе.... Кто онъ?.... что онъ?... Дайте мысли привести въ порядокъ. Грушинька! Даже тебѣ забылъ сказать, что батюшка твой пріѣхалъ...

Грушин. Какая радость! Гдѣ же онъ? Скоро ли будетъ къ намъ?...

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же и Рыбкинъ, таща за ухо Быстрова.

Рыбк. Сюда, за мной, повѣса! Ты не уйдешь отъ меня!...

Грушин. (*Бросаясь къ нему*). Батюшка!

Рыбк. (*Обнимая одною рукою дочь, другою держитъ за ухо Быстрова*). Здорово, братъ-Грушинька! Здорово!

Быстр. (*Въ сторону*). О счастье! Она дочь его?

Безмѣн. (*Въ ужасъ*). И лукавый съ нимъ! и не опалаетъ его!

Рыбк. Здорово братъ, Дмитрій Павловичъ, въ своемъ домѣ. Поздравляю тебя съ моимъ пріѣздомъ. (*Обнимается съ нимъ*). Варвара Дмитриевна! Вы все хорошѣете. Пожалуйста мнѣ вашу ручку. Пожалуйста же. (*Она боится подойти*).

Грушин. Она не смѣетъ къ вамъ подойти... въ вашихъ рукахъ мертвецъ...

Рыбк. (*Вырывающемуся Быстрову*). Куда ты рвешься? Сказалъ не пуцу...

Грушин. Батюшка! Не тяните его крѣпко; у него тотчасъ разсыплется голова...

Рыбк. А! Такъ ужъ онъ вамъ знакомъ? Возьми же его, Грушинька, руками.

Грушин. Къ чему мнѣ мертвецъ, и съ пустою головою?

РЫБК. Дурочка! Да это Быстровъ. Али не понравился?

Вмѣстѣ: { В А Р И В. Это Быстровъ?
Ж И Т Н. А! такъ это Быстровъ?
Б Е З М Ъ Н. Оборотень!
Г Р У Ш. (*Убѣгаетъ испугавшись*). Ахъ, Боже мой!

БЫСТР. (*Грушинькѣ*). Скорѣе обрадуйтесь; иначе я сдѣлаюсь Шумовымъ.

РЫБК. А вы еще не знали его? О! это первый шалунъ въ мірѣ, близкій мой сосѣдъ, и не давалъ мнѣ покоя, пока Грушинька гостила у васъ. Онъ меня влюбилъ въ себя, и я называлъ его затемъ, о чемъ, шутя, писалъ и къ вамъ.

Грушин. А я все принимала за шутку.

БЫСТР. И я также шутилъ, пока не зналъ васъ, какъ и вы меня. А теперь...

Грушин. Останемся при этой шуткѣ.

БЫСТР. И прошутимъ цѣлый вѣкъ вмѣстѣ.

РЫБК. Видите ли? Повѣса между тѣмъ приближается къ дѣлу.

БЫСТР. Скорѣе, къ концу.

РЫБК. Конецъ не бываетъ безъ начала. Какъ бы ни было, вы знаете его шалости, какія онъ зятю настроилъ, воспользовавшись смертью Шумова: свель и доктора, и хозяйина, и весь городъ съ ума...

Грушин. И насъ всѣхъ!

БЫСТР. О, какъ я счастливъ!

РЫБК. Въ трактирѣ никто не зналъ его; одинакій фракъ, обезображенное лице умершаго, его повязка на головѣ, потачка слуги, все это дало поводъ вѣрить, что онъ живой мертвецъ. Какъ догадываюсь, онъ былъ и у васъ въ видѣ мертвеца...

БЫСТР. И ожилъ при видѣ Грушиньки.

Грушин. Объ этомъ еще послѣ.

РЫБК. И видно, хотѣлъ ускользнуть отъ васъ; но къ счастью, попался мнѣ въ руки. Встрѣтясь съ нимъ, я тотчасъ догадался, что должно быть это проказы моего шалуна; я и заарестовалъ его, да за ухо, и къ ногамъ Грушиньки. Ну, дочь! когда любовь, исправь его.

Быстр. Къ чему исправлять? Мы будемъ шалить вмѣстѣ до самой смерти и не дадимъ вамъ скучать ни на одинъ часъ. Кстати ударить бы и по рукамъ; но есть дѣло важнѣе, нежели вы съ своею дочерью, Дмитрій Павловичъ! Шумовъ дѣйствительно умеръ; умереть и ваша Варинька, если вы не отдадите ее за г. Плитова, давво ею любимаго; умереть и Грушинька, потому что Плитовъ, не получа Вариньки, застрѣлитъ меня. Умереть и ея отецъ съ горя; умрете и вы съ печали. Пожалѣйте вашего подрядчика на похороны. Онъ еще больше разбогатѣетъ.

Житн. Такъ ли, Варинька? (*Плитову*). Яковъ Васильевичъ?...

Быстр. (*Взявъ за руку Вариньку и Плитова, поворачиваетъ къ Житницкому*). Такъ, такъ, давно такъ. Мѣшалъ только Шумовъ. (*Житницкій соединяетъ ихъ*). Ну, это дѣло кончено. Теперь для довершенія картины, Степанъ Петровичъ, станьте здѣсь, поднимите руки вверхъ. Вы, Грушинька, на колѣна, и я тоже; умоляйте отца, чтобъ устроилъ ваше счастье; а я васъ обниму...

Рывк. Такъ ли, дочь моя?

Быстр. (*Продолжая устанавливать его*). Да, такъ, такъ. Чего ее спрашивать? Пора кончить комедію. Только руки повыше... Такъ, Грушинька, умоляйте же отца о счастья.

Грушин. (*Смѣло*). Батюшка! погубите меня на вѣкъ. Выдайте за этого шалуна!

Быстр. (*Грушинькѣ*). О, я злополучный человѣкъ! (*Кидается въ объятія Грушиньки*).

PG
3948
K87
1887
v. 5

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

SEP 22 1991 - 161

